

Л. С. КАЙБЫШЕВА

ПОСЛЕ
ЧЕРНОБЫЛЯ

ИЗДАТ

Л. С. КАЙБЫШЕВА

ПОСЛЕ

ЧЕРНОБЫЛЯ

ТОМ I

МОСКВА
ИЗДАТ

1995

Кайбышева Л.С. После Чернобыля.— М.: ИздАТ, 1996 г.— 592 с., ил.

Главная тема книги Л. Кайбышевой “После Чернобыля” — история 30-километровой зоны Чернобыльской АЭС, массовый героизм народа — тех, кого сегодня называют ликвидаторами, описанный очевидцем.

Первый том посвящен описанию практически всех основных видов работ на территории зоны менее чем за год, возрождению станции. Участники событий определили его точно: война.

Особенность книги в том, что это — не воспоминания отдельного человека, а изложенная непредвзято панорама событий, развивавшихся в течение нескольких лет. Автор четыре года, начиная со 2 мая 86-го периодически и подолгу работала на территории 30-километровой зоны ЧАЭС, имела возможность получать информацию из первых уст на всех должностных уровнях: рабочего и министра, солдата и генерала, рядового ученого и президента Академии наук.

Книга рассчитана на широкий круг читателей и специалистов.

Фотографии
В.И. Ободзинский и др.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Десять лет назад человечество прошло рубеж двух эпох: до Чернобыля и после Чернобыля. Сегодня научно-технический прогресс достиг такого уровня, когда цена человеческой ошибки может достичь масштаба глобальной катастрофы. Таков Чернобыль. По большому счету это — расплата за легкомыслие на всех уровнях общества.

Человечество ужаснулось. Не случайно значительные техногенные аварии в промышленно развитых странах, даже недостатки культуры часто в обиходе называют Новым Чернобылем. Надо надеяться, что такая своего рода медицинская прививка, полученная современной цивилизацией, предотвратит развитие болезни, не позволит ей достичь масштабов эпидемии. Слишком тяжела расплата. Слишком высокую цену приходится платить. Может случиться, что ни у одного, даже самого богатого народа попросту не хватит материальных и финансовых ресурсов, человеческих жизней, физических и душевных сил на преодоление последствий катастроф, которые порождены людьми.

Люди никогда не перестанут благоустраивать свой быт, не перестанут удовлетворять свое исследовательское любопытство, и это — нормально. Важно лишь помнить, что Природа ничего не отдает бесплатно. Чернобыль — предостережение: “Помни аварию, даже ту, которой не было, тогда она не произойдет”.

Я преклоняю колени перед всеми военными, энергетиками, пожарными, учеными и врачами, которые работали там в самый трудный первый год и прошу меня извинить тех, чьи имена я не смогла назвать.

Л. Кайбышева.

Автор благодарит Министерство топлива и энергетики РФ, Министерство по атомной энергии РФ, концерн “Росэнергоатом”, Министерство по чрезвычайным ситуациям, общественные организации — “Заслон Чернобыля” и Союз “Чернобыль России” за моральную и финансовую поддержку, без которой эта книга не была бы написана и не увидела бы свет.

ВЗРЫВ

Рассказывает водитель управления строительства Чернобыльской АЭС Николай Сидоров. Его рассказ не был запланирован. Такое везение невозможно предвидеть. Николай вез меня из г.Чернобыля в Киев, к поезду. Дорога длинная, и мы разговорились. Оказалось, что он до аварии жил в городе энергетиков Припяти и работал водителем в местном отделении милиции.

— Около часу ночи 26 апреля 1986 г. я со своим начальником отправился на станцию к пруду-охладителю “охотиться” на браконьеров, которые часто ловили там рыбу втайне от рыбного хозяйства. Ехали мы неторопливо: вся ночь впереди.

Вдруг услышали глухой взрыв — и с крыши четвертого энергоблока, как из жерла вулкана, стали вылетать сверкающие сгустки. Они поднимались высоко вверх. Это было похоже на фейерверк и совсем не страшно. И, как во время фейерверка, сгустки рассыпались многоцветными искрами и падали в разных местах. Я остановил машину, открыл окно, и мы долго смотрели на это зрелище. Сначала в голову не приходило, что это разрушился реактор. Поняли только: произошла какая-то авария. Спросить было не у кого. Рация не работала.

Воздух был раскален. Казалось, дышишь жаром от горячего песка или вернее — от раскаленной сковороды. Но уезжать не хотелось. Как замороженные, мы смотрели в окно машины.

Вскоре над энергоблоком поднялось облако, вытянулось по горизонтали в черную тучу и пошло в сторону дороги. Из этой тучи на землю капали мелкие-мелкие капли и уходили в песок. Я хотел проехать по дороге под тучей. Но начальник сказал, что не стоит искушать судьбу, и мы обходной дорогой вернулись в Припять. Там все было спокойно. Но люди с балконов, с тротуаров смотрели в сторону АЭС и удивлялись. Говорили, что произошла авария. Но никто не знал, какая именно.

Мне приказали снова поехать на станцию за нашими дежурными из милиции. Я привез их в Припять. А сам еще несколько раз ездил туда — просто посмотреть, да и не я один.

Одежду приказано было сменить: она была радиоактивной, как принято говорить — “грязной”. Я переоделся в костюм, который взял из дома. Никаких “лепестков” для защиты органов дыхания мы тогда не знали. Ездили в обычной одежде.

С утра 26-го милиция получила приказ перекрыть дороги, никого не впускать в город, не выпускать и не вступать в обсуждения. Я тоже стоял в оцеплении. Люди спрашивали, что произошло, почему не пускают. Мы отвечали, что не знаем. Мы действительно не могли ничего объяснить. О своей ночной поездке я не рассказывал.

Жене посоветовал собрать в сумку вещи и держать детей при себе. Вечером я вывез их в деревню к матери. Позже мы эвакуировались в Ровно, как и многие другие. Жена предлагала воспользоваться служебной машиной и вывезти часть самых необходимых вещей. Но я отказался: нас эвакуировали “на пару дней”, да и не положено брать служебную машину. Мы не взяли ничего. А квартиру опечатали. Я вообще человек исполнительный. Что требуется, то и делаю.

Мы ехали вечером по безлюдному шоссе почти в полной темноте. Конец ноября 1988 г. Время от времени хлопьями шел снег и таял. Дорога была скользкой. Но он вел машину мастерски. И ни разу не возроптал на необходимость работы в такой поздний час. А ведь это из-за моих затянувшихся чернобыльских разговоров мы выехали не в пять, а в восемь часов вечера.

— Говорят, что кое-кто из припятской милиции злоупотреблял служебным положением, говоря просто — мародерствовал. Это правда?

— Припятская милиция берегла город. Мы его очень любили. Но позже приехала бригада из Одессы. О них я ничего не могу сказать, не знаю. Через несколько дней и меня отправили в киевскую больницу. В справке было написано: “42 бэра”. Их вычислили по тем маршрутам, где я был. Другим писали примерно столько же. Когда надо было выписываться, то велели одеться в другую одежду. Но у меня теперь ничего не было. Я написал сестре, и она купила все — ботинки, белье, костюм. В этом я уехал в Ровно к семье. Выходит, из-за аварии я сменил три своих костюма. Работал в Ровно некоторое время, но потянуло домой. Я и попросился в “зону” водителем.

Рассказывают очевидцы — работники станции: Сначала послышался гул — такой бывает при сильном выбросе пара — явление обычное, на него не обратили внимания. Потом грохот, похожий на взрыв, другой, третий — они часто следовали один за другим. Черный огненный шар взвился над крышей второй очереди станции (энергоблоки № 3 и 4).

Валентина Поденок — жительница Припяти: вечером в пятницу зачиталась часов до двух ночи. Взрыв она не слышала. Зазвонил телефон. Сняла трубку и услышала “голос” автомата: “А3-5 на четвертом блоке”. Муж был в отъезде — и она не прореагировала на сигнал. Сын рано ушел в школу. Выглянула на улицу. Машины мыли раствором мостовые и тротуары. На тротуаре стояли двое мужчин.

— Я зашла на почту и дала какую-то семейную телеграмму. Они внимательно на меня посмотрели, тоже вошли на почту и, выйдя, опять стали меня рассматривать. Потом я услышала разговор: “От женщин пошли звонки. Говорят, увидели издали станцию и спрашивают, что им делать. Им отвечают: “Сидите дома и мойте полы...” (В атомных городках и домохозяйки понимают, что предупредительное мытье полов — профилактическая мера или способ избавиться от радиоактивной пыли.) Ну, я вымыла заодно и балкон, постирала белье, да на балконе же и повесила — не знала, чем еще заняться. Из школы вернулся Алешка, принес две таблетки: “Мама, это нам дали, я и для тебя взял”. Радио ничего интересного не сообщало.

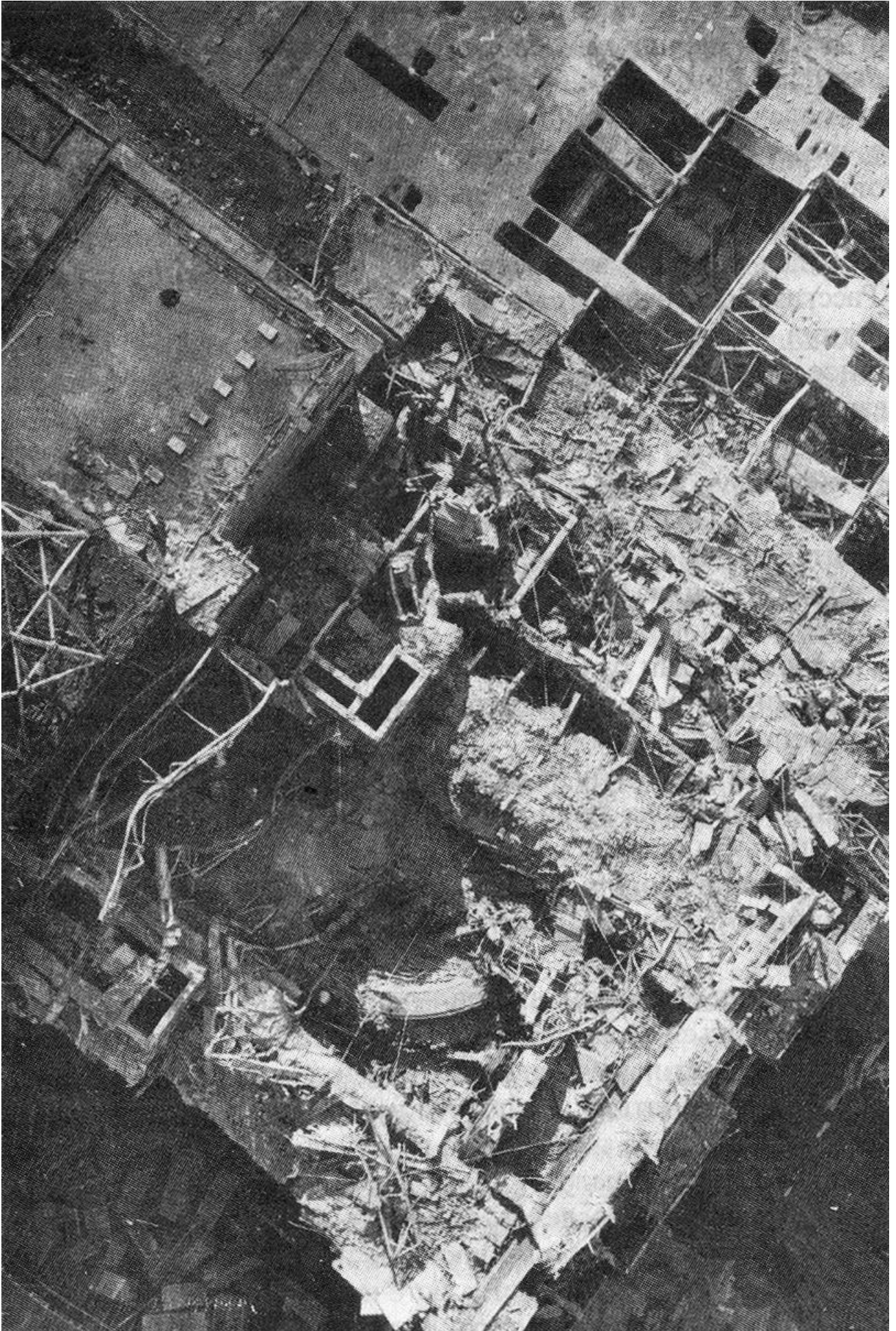
Поразительная непоследовательность: меры предосторожности приняли правильные, а об опасности не предупредили. Ранняя весна. Все в зелени. Молодая листва источает чудный аромат. На днях открылся новый торговый центр. Рядом под открытым небом поставили столики, накрыли скатертями. Привезли огурцы, открыли широкую торговлю прямо на улице. А местное радио молчало.

В некоторых домах женщины организовались сами, мыли подъезды.

В Киеве повышение радиоактивного фона зарегистрировали в Институте ядерных исследований Академии наук Украины до получения официального сообщения об аварии на ЧАЭС. Решили, что неполадки произошли на их собственном небольшом реакторе. Узнав истинную причину, сразу создали группу специалистов по спектральному анализу и стали контролировать альфа-, бета- и гамма-радиоактивность в Киеве и Киевской области. Образцы почв, воды, воздуха, пробы молока с заводов доставляли в институт для экспресс-исследования. Работали круглосуточно. Смены не просил никто, хотя многие специалисты дозиметрической службы института — женщины.

На территории ЧАЭС у самого завала люди перешагивали через высокоактивные обломки, как через кучки мусора. А позже из-за высокого уровня радиоактивности там не могли пройти роботы: “сходили с ума”.

Один из очевидцев рассказывал: “Я пошел вокруг АЭС и вскоре начал задыхаться. Что же должны были испытывать те, кто внутри здания по нескольку часов не просто находился, а исполнял свои служебные обязанности?”

О подвиге пожарных, военных написано много. А мне хотелось бы вначале рассказать об энергетиках: эксплуатационниках, строителях, монтажниках. Многие после аварии работали на самых трудных участках, выполняя самый большой, я бы даже сказала,— основной объем работ. Мне довелось не раз за эти годы побывать в Чернобыле и на АЭС, в первые же месяцы — читать объяснительные записки непосредственных участников “той” ночной вахты 26 апреля, их личные дела в отделе кадров, выуживать по слову у очевидцев, бывать вместе с ними на рабочих местах, присутствовать на совещаниях... Труд этих людей тоже следует вписать в счет, за которому пришлось платить за аварию на Чернобыльской АЭС.

Из объяснительных записок очевидцев — работников ночной смены взорвавшегося блока: “Блочный щит управления четвертого энергоблока сильно тряхнуло. Связь перестала работать. Потолок то поднимался, то опускался”.

Мастер электроцеха А.А. Бордали, услышав удар, побежал к приборным панелям, на которые выведена информация о работе генераторов, и увидел, что там все нормально, только указатели реле “Технологические защиты” отказали в сработавшем состоянии. Хотел выйти в турбинный машзал, но остановился перед сплошной стеной пыли, всполохами огня, висящими на арматуре кусками бетона. Не удалось пройти и на центральный щит управления второй очереди станции. Увидел мастера Сурядного, и они вместе попытались добраться до блочного щита управления четвертого блока... Их вернул дозиметрист. Вернулись в лабораторию, позвонили заместителю начальника цеха Лелеченко — он приказал уходить из зоны.

Инженер Чернобыльской пуско-наладочной организации А.П. Чумаков, почувствовав вибрацию, выглянул в окно, увидел сноп искр и летящие непонятные “куски”. Стал наблюдать, куда они падают и где вызывают пожар. Услышал гул, треск и два глухих удара в районе энергоблока № 3.

Из объяснительной записки А.И. Агулова, старшего оператора главных циркуляционных насосов энергоблока № 2: “В 1 час 15 минут я и СИМ (старший инженер-механик) пошли в помещение № 412. Приблизительно через 10 минут услышали грохот. Посыпался бетон, захлопали двери. Мы выбежали из помещения и увидели, что все в пыли, освещение очень слабое. Но грохота уже не слышали. Дверь в помещение № 402 энергоблока № 4 завалена; в помещение № 208 течет вода. Затем я вернулся на рабочее место в помещение № 523. Операторы уже сделали обход работающего оборудования. В 2 часа 00 минут начальник смены РЦ (реакторного цеха) Валерий Перевозченко, старший инженер-механик Саша Ювченко и я пошли на четвертый энергоблок и пытались попасть в операторскую (помещение № 435). Приблизительно в 4.00 по распоряжению начальника смены блока Ю.Э. Багдасарова мы покинули помещение № 523 и перешли на блочный щит. Приблизительно в 6.30 я ушел в санпропускник для переодевания, затем был направлен в убежище.

— Вот так скупо, словно об обыденном, описал свои действия Агулов,— прокомментировал позже его записку его товарищ по работе Г.И. Рейхтман. — А ведь было страшно, и он работал. Он не просто ушел. Он действовал четко и по инструкции, и по долгу совести. При этом забрал из аварийного блока всю оперативную документацию.

То, что пережил персонал четвертого энергоблока, с трудом поддается описанию... Все видели по телевизору изображение поврежденного здания. Крыши нет. Часть стены разрушена... В реакторном отделении почти сразу погас свет. Телефон отключился. Рушатся перекрытия, стены. Пол дрожит. Помещения заполняются то ли паром, то ли туманом, пылью. Вспыхивают искры короткого замыкания. Всем ясно, что радиационный фон очень высок. Но какой он? Приборы зашкаливают. Повсюду течет

горячая вода — значит, прорван первый контур, и вода радиоактивна... А ведь там работали люди. С завтрашнего дня многим предстоял отпуск.

Естественная реакция живого организма: спастись, бежать куда глаза глядят... Но не бежал никто. Им предстояло не просто выдержать, но еще принимать решения, выполнять необходимые действия.

На станции было около двухсот комплектов дозиметрических приборов с разрешающей способностью до 100 рентген и 3 прибора-индикатора. Еще специальный аварийный запас находился между третьим и четвертым энергоблоками. Но доступ к нему был уже перекрыт. Это — нарушение инструкции. Приборы полагается хранить в бункере, а не на блоке. Интересно, что никто из администраторов отдела труда и техники безопасности наказан не был. Вероятно, они скрыли истинное количество дозиметров.

К утру стало ясно уже всем, что разрушен и сам реактор, а не только окружающие его помещения.

Ни один человек в ночной смене ни на одном из энергоблоков без приказа не покинул здание. Но ведь кто-то эти приказы отдавал... Однако прежде чем дать приказ “отступления”, составили график дежурства на всей станции. А там работа не прекращалась.

Из служебной записки заместителя начальника РЦ-2 (реакторного цеха второй очереди) В.Д. Шкурко: “При выяснении обстоятельств спасения оборудования четвертого энергоблока и спасения персонала смены № 2 РЦ-2 Валерий Иванович Перевозченко, старший инженер-механик Александр Петрович Ювченко, старший инженер по управлению реактором (дублер) Виктор Васильевич Проскуряков, оператор центрального зала и РЗМ Анатолий Харлампиевич Кургуз проявили мужество и героизм. В результате их самоотверженных действий было выяснено состояние основного оборудования блока, и выведен из опасной зоны персонал, не задействованный в ликвидации аварии. Сами они получили большие дозы облучения и находятся в тяжелом состоянии. Их действия подготовили почву к рациональным действиям по ликвидации последствий аварии и позволили сохранить персонал смены пригодным к выполнению производственных задач. За проявленные мужество и героизм В.И. Перевозченко, А.П. Ювченко, В.В. Проскурякова, А.Х. Кургуза считаю необходимым представить к правительственным наградам. Шкурко”.

Свидетели той ночи не любят ее вспоминать. Но кто-то ведь должен рассказать правду людям. Исключения были: охотно и тепло говорили о других — тех, кто принял на себя главный удар. Начиная со 2 мая 1986 г. в течение четырех послеаварийных лет периодически в 30-километровой зоне и вне ее, на самой станции я наблюдала ход работ, разговаривала с людьми всех рангов, знакомилась с документами. Я могла бывать всюду, где считала нужным, как сотрудник Пресс-центра Минэнерго СССР. Постепенно сложилась довольно ясная картина происшедших событий. Появилась и потребность о них рассказать.

Многие герои той ночи сознательно отдали свои жизни за нас, наше здоровье, покой, за будущее планеты. Вырвали из груди свое сердце подобно легендарному Данко. Расскажу лишь о некоторых из них.

ПОВЕСТВОВАНИЕ О ДАНКО

“Мы, пожарные города Скенектади, штат Нью-Йорк, США, восхищены смелостью наших братьев в Чернобыле и скорбим по поводу понесенных ими потерь. Мы верим, что существует особое братство пожарных всего мира, людей, которые отвечают на зов долга с исключительным мужеством и смелостью. Как это показали пожарные Чернобыля”.— Эти слова написаны на мемориальной доске, которую американские пожарные принесли в представительство СССР при ООН. Они просили передать памятную доску пожарным Чернобыля. При этом президент отделения профсоюза пожарных г. Скенектади Арманд Капулло сказал:

— Многие в нашем городе считают, что авария на Чернобыльской АЭС — это беда, и что любой честный человек должен относиться с сочувствием к пострадавшим и с уважением к тем, кто проявил героизм.

О героях-пожарных в мире узнали раньше, чем о героях-эксплуатационниках благодаря публикациям редактора по отделу информации газеты “Известия” А. Иллеша. Те и другие приняли на себя первый удар одновременно... Они сделали все. Все, что могли: в ту ночь спасали многих из нас”. Андрей Владимирович ознакомился с докладными записками пожарных. Вот что они пишут.

“Я, Шаврей Иван Михайлович... Во время аварии совместно с караулом нес службу в расположении части возле диспетчерской на посту дневального... По тревоге выехали. Заняли боевые посты, потом через некоторое время наше отделение перебросили на помощь прибывшей на пожар СВПЧ-6 (специальная военизированная пожарная часть). Они установили свои машины по ряду “Б”. Я и А. Петровский поднялись на крышу машинного зала, на пути встретили ребят из СВПЧ-6, они были в плохом состоянии. Мы помогли им добраться к механической лестнице, а сами отправились к очагу загорания... После выполнения задания опустились вниз, где нас подобрала “скорая помощь”. Мы тоже были в плохом состоянии”...

“Я, Прищепа В.А., находился на дежурстве по охране АЭС... По пожарной лестнице я полез на крышу машинного зала. Когда я влез туда, то увидел, что перекрытия крыши нарушены. Некоторые — попадали, другие — шатались. Возвратился назад и на пожарной лестнице я увидел майора Л.П. Телятникова. Я ему доложил. Он сказал: выставить боевой пост и дежурить на крыше машинного зала. Мы и дежурили там с Л.П. Шавреем до утра. Утром мне стало плохо. Мы помылись, и я пошел в медсанчасть. Больше данными не располагаю”.

На высоте 30 метров жара плавил битум покрытия, и сапоги пожарных с каждой минутой становились все тяжелее из-за налипшей на них расплавленной смолы. Нечем дышать. Силы уходят.

“Рядовой Андрей Николаевич Половинкин. На крышу энергоблока поднимался два раза — передать приказ начальника части, как нам действовать. Лично я хочу с положительной стороны отметить действия лейтенанта Правика, который знал, что получит сильное радиационное поражение, и все равно пошел и разведал все до мелочей. Также могу отметить Шаврея Ивана, Шаврея Леонида, Петровского Александра, Булаву... Кто отличился еще, я не знаю, так как борьба с огнем еще продолжалась, а меня увезли в больницу”... Последние строчки объяснительной служебной записки поползли вниз, видно, написаны очень уставшей рукой.

Медсестра Н.И. Правик успела увидеть, как сына вносили в вертолет перед отправкой в Москву. Он улыбнулся на прощанье... А мать осталась работать.

“...получил сообщение прибыть в часть на своем автомобиле... Там была поставлена задача: пробиться в расположение лейтенанта Хмеля, поставить машину на водоем. С поставленной задачей справился. Водитель АР-2 Булава В.В.”

Из служебной записки сержанта А. Петровского: “...Мне и Шаврею Ивану приказано подняться по наружным лестницам на крышу четвертого энергоблока. Там были минут 15-20. Тушили огонь. Потом спустились вниз: больше там находиться было невозможно. После этого минут через 5-10 нас забрала “скорая”. Вот и все”.

Вот и все?! Так просто?

“Я, как командир отделения, депутат горсовета, хочу отметить, что все, что зависело от нас, мы выполнили честно и добросовестно... Не уронили честь пожарного подразделения... А в конце хочется отметить товарищей, которые честно выполнили свой долг... Командир отделения Бутрименко И.А.”

Что побуждало этих людей буквально стоять насмерть? Андрей Мельников, пожарный смены № 5 караула ЧАЭС сказал просто: “Шли, чтобы предотвратить беду... В какой-то мере первые минуты решали судьбу всей станции”.

Чуть позже лечащий врач московской шестой больницы Л.Н. Петросян говорила корреспонденту “Известий” Г. Алимову: “Они держатся как герои. Помогают нам своей выдержкой, терпением, дисциплинированностью”. О майоре Телятникове: повышение температуры у него незначительное, аппетит нормальный, как, впрочем, и у остальных... Шестерых спасти не удалось. Телятников жив.

* * *

События развивались так.

1 час 26 минут 03 секунды — сработала пожарная сигнализация АЭС.

1 час 28 мин.— к месту аварии прибыли дежурный караул СВПЧ-2 по охране Чернобыльской АЭС в количестве 14 человек во главе с лейтенантом внутренней службы В.П. Правиком...

1 час 35 мин.— на станцию из военизированной пожарной части г.Припяти примчался караул лейтенанта Виктора Кибенка. Он возглавил звено газо-дымозащитной службы и произвел разведку пожара в помещениях реакторного отделения, примыкающих к разрушенной зоне реактора. Здесь был самый опасный участок. Определили, куда подавать водяные стволы. Но огонь набирал силу на крыше реакторного отделения, где пришлось сосредоточить основные силы пожарных. Борьба со стихией шла на высоте от 27 до 71,5 метров над уровнем земли. Добирались по наружным пожарным лестницам, задыхаясь в едком дыму. Одновременно было организовано тушение вновь возникающих очагов горения внутри помещений четвертого энергоблока, это делал дежурный персонал станции.

1 час 40 мин.— к месту аварии прибыл находящийся в то время в очередном отпуске начальник ВГГЧ-2 майор Л.П. Телятников. Он взял на себя общее руководство тушением пожара. Он поднялся на 70-метровую отметку, осмотрелся, вернулся. Четвертый блок разрушен. О том, что реактор раскрыт, пожарные не знали. Телятников пробежал по машинному залу и увидел через разрушенную стену непонятное свечение. В той стороне — только реактор. Сам не пошел. Доложил руководству АЭС. На станции у пожарных не оказалось средств противорадиационной защиты, даже защищающих органы дыхания. Были только костюмы, защищающие от радиоактивной пыли. Но и за ними бежать было некогда.

2 часа 10 мин.— сбит огонь на крыше машзала.

2 часа 30 мин.— удалось подавить очаг пожара на крыше реакторного отделения. Струями воды, подаваемыми с крыши реакторного отделения, удалось ликвидировать и горение в помещениях главных циркуляционных насосов четвертого энергоблока.

3 часа 22 мин.— к месту аварии из Киева прибыла оперативная группа, возглавляемая майором В.П. Мельниковым. Теперь уже он принял на себя общее руководство по борьбе с огнем, объявил тревогу по области, вызвал на место аварии другие пожарные подразделения. Телятников был отправлен в больницу.

4 часа 00 мин.— на месте аварии сосредоточено 15 отделений пожарной охраны со спецтехникой из различных районов Киевской области. Все были задействованы на тушении пожара и охлаждении конструкций в реакторном отделении.

4 часа 15 мин.— в район аварии прибыла оперативная группа Управления пожарной охраны МВД УССР под руководством полковника В.М. Турина. Теперь он возглавил руководство дальнейшими действиями. К этому времени было ясно, что радиационные уровни в зоне реактора очень высокие. Поэтому резерв пожарных сосредоточили в пяти километрах от места действий, а в опасную зону их выводили по графику.

4 часа 50 мин.— огонь в основном локализован.

6 часов 35 мин.— пожар ликвидирован полностью... В работе участвовало 69 работников пожарной охраны, 19 единиц техники... Этот хронометраж опубликовала газета Управления строительства ЧАЭС “Трибуна энергетика” Количество энергетиков не названо.

В высшей пожарной школе Украины созданы музей и Совет участников работ по ликвидации последствий аварии на ЧАЭС для увековечения памяти героев. На Олимпийском проспекте Москвы есть аллея Героев Чернобыля. Пожарные дежурят на Митинском кладбище, выступают в детских организациях. Ежегодно 26 апреля на Митинском кладбище — митинг и панихида.

“Это — наш долг перед погибшими товарищами”. Кибенку и Правикку присвоено звание Героя Советского Союза, посмертно. Сержанту Н.В. Вощуку, старшим сержантам войск внутренней службы В.И. Игнатенко и Н.И. Титенку, сержанту В.И. Тишуре — ордена Красного Знамени.

В Чернобыль вскоре после аварии стали приходить письма пожарных с просьбой отправить их на трудные участки. Один из них — подполковник В.К. Беляцкий. Он первым в своей пожарной части Подмосковья написал такое заявление. Он — депутат городского Совета, имеет орден и медали, десятки поощрений. “Да, он был толковым инженером. Но еще каким-то шестым чувством всегда угадывал, где критическая точка пожара, и, отстранив остальных, шел туда сам”, — рассказывал о нем коллега полковник Бурда в газете “Правда”. Все определения — в прошедшем времени. Полковник Беляцкий погиб в начале 1988 года, за два дня до выхода на пенсию, спасая профтехучилище в Куровском, под Москвой. Он спас здание учебного корпуса и всех, кто в нем находился. Не нарушился даже учебный процесс. Беляцкий окончил то же Черкасское пожарное училище, которое окончили Правик и Кибенок. Погиб и полковник Бурда. Он говорил: “Наше дело — это не профессия в обычном смысле слова. Это профессиональный образ жизни”.

За первые двадцать дней через зону прошли более 400 пожарных: вели профилактический надзор за станцией, обеспечивали водой, занимались дезактивацией, патрулировали опустевшие поселки — и в запертом доме может произойти короткое замыкание, сеть круглосуточно под напряжением.

“Леннаучфильм” создал документальную ленту “Мужество и героизм пожарных Чернобыля”.

“Шапку” над статьей А. Иллеша образуют шесть портретов. Шестерых пожарных спасти не удалось... Шесть красивых лиц, непохожих по своим чертам, однако таких

близких общим выражением прямоты, доброты, твердости и открытости. Шесть молодых парней, которые не пожалели своей жизни ради здоровья, а может, и жизни кого-то из нас. У некоторых из них есть семьи, есть дети. Вот их имена: Н.В. Вашук, В.И. Игнатенко, В.Н. Кибенок, В.П. Правик, Н.И. Титенок, В.И. Тищура.

Говорят, в США по этим портретам отлиты памятные медали. Как жаль, что в то время мир еще не знал о подвиге эксплуатационников. Их лица не менее красивы и молоды. Но шести медалей не хватило бы...

* * *

Какими были эти люди? Чтобы понять, надо было расспросить десятки знавших их, порыться в документах станционного отдела кадров.

...Э.П. Ситникова сидела в кресле белее мела, когда в ее квартиру вошла соседка. “На тебе лица нет!”— “Ты разве не знаешь? Авария. Он уехал на станцию”. Но и Эльвира Петровна не знала, что Анатолию Андреевичу Ситникову оставалось жить менее месяца... Тяжело переживала горе. Говорить о себе не хотела. Даже друзья не решались обращаться к ней ни с вопросами, ни с соболезнованиями. Знали: она и муж — реалисты, и пустые слова никчемны. Советом, если спросят — поможет. А лишние слова — ни к чему.

— Анатолий Андреевич был очень добрым человеком,— рассказывает припятская соседка Н.А. Корякина, старший инспектор по табельному учету ЧАЭС.— Мне кажется, у него и зла не бывало. Очень скромный, немногословный, постороннему он мог показаться нелюдимым. Но это было бы ошибкой. Никогда не отказывал, о чем ни попроси. Случалось, скажу: “Надо бы в лес погулять поехать”.— “Ну что ж, поедем”. Через несколько минут сам стучится в дверь: “Ты готова? Поехали”. А ведь всегда был занят работой. На письменном столе, даже на кровати схемы разложены. В конце концов, и семейные планы могли быть другими. Но Анатолий Андреевич каким-то удивительным образом умел мигом урегулировать все проблемы.

— Он был веселым, озорным, зажигательным человеком,— вспоминали друзья в годовщину со дня гибели, собравшись в квартире его семьи.— Многим открыл дорогу в атомную энергетику, многих принимал на работу. Его знания, тонкое владение

предметом беседы, спокойствие и доброжелательность располагали новичка при первой же встрече. И это впечатление не ослабевало с годами.

...А.А. Ситников за поврежденный реактор не отвечал. Но, обычно спокойный и уравновешенный человек, он бросился на станцию одним из первых — иначе поступить просто не мог. Дело даже не в том, что никто на ЧАЭС не знал лучше его третий и четвертый энергоблоки — он сознавал, что может оценить ситуацию и сделать необходимые распоряжения быстрее других. Этот человек всю жизнь был одержим работой, и в вузе, и на Дальнем Востоке, где он работал, прежде чем приехать на Украину, чувство долга у него вытесняло все остальные. Это было не производственное, а личное качество. Все знавшие Ситникова считали его олицетворением совести.

Вот и на этот раз Анатолий Андреевич сам шел в наиболее опасные места. Обследовал помещения, примыкающие к разрушенному реактору и составил конкретную оперативную картину разрушений. Почувствовал себя плохо, но, никому об этом не сказав, добрал до своего кабинета, чтобы немного отлежаться. Встать уже не мог. Там и нашла его по телефону жена Эльвира Петровна. Но он звонил в медпункт, чтобы узнать о здоровье других.

Из личного дела А.А. Ситникова: родился 20 января 1940 года в селе Воскресенское Спасского района Приморского края. В 1963 году окончил Дальневосточный политехнический институт им. Куйбышева во Владивостоке. Поработав там же, в проектно-институте, в 1975 г. приехал в Чернобыль — начальником смены реакторного цеха. Затем долго работал заместителем начальника смены станции, заместителем начальника, а потом и начальником реакторного цеха № 2. В связи с пуском третьего энергоблока награжден орденом “Знак Почета”.

В начале апреля 1986 г., незадолго до аварии, стал заместителем главного инженера по эксплуатации первой очереди ЧАЭС (энергоблоки № 1 и 2). Быстро сумел наладить очень хороший контакт с людьми и старался вникнуть в любую мелочь по службе. Он вращался в эту работу, не совершив ни одной ошибки: добросовестность и глубина проникновения в дело шли от души. Ничего он не делал плохо. И в обычных условиях, например, во время плановых ремонтов от него не слышали: “Пойди, посмотри”. Сам пойдет, проверит каждую мелочь и поправит, если надо. Он и дома утопал в мыслях о работе и мог не заметить, скажем, новые занавески.

На похороны Ситникова прилетел его друг из Иркутска. Рассказывал, что Анатолий в институте на Дальнем Востоке был бессменным старостой, олицетворением совести и благородства, трудягой из трудяг. “Мы и сегодня свои поступки меряем по его мерке: а как бы поступил он?”

...В Музее гражданской обороны на вечере памяти в 1987 г. выступает Эльвира Петровна Ситникова:

— Эксплуатационники хорошо понимали, какая беда может разразиться, если они покинут свой блок. Когда по телефону ночью на станцию вызвали моего мужа, я спросила его: “Зачем ты едешь? Ведь это не твой блок, ты за него не в ответе”. Он сказал лишь: “Так надо. Не знаю, что произошло”. А потом, в больнице, объяснил: “Если бы взорвался не только четвертый, но и другие блоки, то не было бы Украины. А может, и пол-Европы”.

Я была в Минэнерго СССР, когда туда позвонила Э.П. Ситникова. Мне сказали: “Все, что Вы услышите от Эльвиры Петровны — верно”. “Я буду преклоняться перед ней всю жизнь” — это сказал друг Ситникова по Припяти А.Г. Кедров (после аварии он стал заместителем начальника реакторного цеха по эксплуатации).

Она приехала в Москву, чтобы ухаживать за мужем, и поселилась в гостинице медицинских работников. Эльвира Петровна делала такое, что не всегда под силу медицине: без внешних эмоций, по-домашнему, подбадривала не только своего мужа,

но и остальных. Некоторые были их личными друзьями. Ухаживала за всеми, как сиделка. И при виде ее даже измученные страданием, умирающие люди улыбались.

“Как-то она зашла ко мне,— рассказывал Петр Паламарчук — я спросил ее о здоровье мужа. “Ничего. Ты обязательно поправишься, ведь критические 21 день прошли!” Лишь потом я узнал, что за два дня до этого ее муж умер!”

За день до смерти Анатолий Андреевич попросил ее и “потом” приходиться в больницу. “Ты нужна им, не оставляй”. Но и независимо от его просьбы на следующий день после похорон она снова, снова уговаривала потерпеть, убирала горшки, заставляла мечтать... Так продолжалось еще много дней, пока ее не убедили, что и ей пора отдохнуть, а уж кому невозможно помочь, то... А ведь у нее две дочки, которым тоже необходимо материнское внимание.

Семья Ситниковых получила квартиру в Москве. Но еще два года Эльвира Петровна работала на своем прежнем месте — ездила по вахтам из Москвы в Чернобыль: “Там мой дом”— говорила она. Действительно, потрясенная страшной потерей, эта мужественная женщина более или менее приходила в себя только на родной ЧАЭС. Там она выглядела деятельной, как прежде. Ни слез, ни жалоб... Дочери, студентка Ирина (с мужем Игорем) и семиклассница Катя справлялись с хозяйством сами. На мой вопрос, не нужна ли помощь, Катя ответила: “Все в порядке, мы — спартанцы...” При мне на Митинском кладбище корреспондент СИ-БИ-ЭС спросил ее, правильно ли поступил ее отец, идя на смерть. “Конечно! Он не мог бы поступить иначе”.

Эльвира Петровна стала работать в Союзе “Чернобыль” СССР со времени его организации в 1987 г. В течение семи лет в ее руки приходили тысячи писем от переселенцев, участников работ по ликвидации последствий аварии. Почти всем отвечала и часто практически или советом помогала именно она.

...Письмо, в котором Людмила Проскурякова написала о случившемся с ее мужем Виктором Васильевичем Проскуряковым, пришло в его родную школу № 192 накануне выпускного вечера. Директор Клара Степановна не смогла его сразу прочесть до конца — спазмы сжимали горло. Письмо по очереди пытались прочесть многие. Но слезы прерывали чтение... Здесь 14 лет назад он получил аттестат с отличными оценками. А первая учительница Мария Игнатьевна Копанина, будучи давно на пенсии, до сих пор помнит его шалости. Помнит, как увлекался он книгами, спортом, как окончил музыкальную школу по классу баяна и отлично танцевал в кружке со своей сестрой-близнецом Леной... Теперь при вручении аттестатов зрелости новым выпускникам 192 школы не понадобились громкие напутственные слова. Эти юноши и девушки вдруг показались повзрослевшими, мужественными.

“У нас двое детей — дочь Елена и сын Владислав,— писала Людмила.— Я горжусь своим мужем и постараюсь воспитать своих детей достойными отца, отдавшего свою жизнь в 31 год ради спасения людей. Я от всего сердца благодарю весь Ваш педагогический коллектив за то, что Вы с детских лет привили мужество и стойкость, чувство ответственности перед людьми, перед Родиной...”

Виктор не любил и не умел попусту проводить время. Уже в детстве он нравственно и духовно был готов к подвигу, как его отец, кавалер трех орденов Красной Звезды. Израненный войной, он ушел из жизни вскоре после того, как сын поступил в институт.

Только по глазам и по голосу узнала своего сына в московской больнице мать Надежда Михайловна. А он, глядя на мать и жену, пытался шутить и улыбаться. Все находившиеся с ним в палате и даже медики были потрясены стойкостью этого человека, понимавшего, как мало надежды на выздоровление после такого пекла. Ведь он — специалист. Но в последних словах к родным он снова и снова повторял, что переносить страдания ему помогает сознание выполненного долга.

В.В. Проскуряков был старшим инженером-механиком (СИМом) и готовился на старшего инженера по управлению реактором (СИУРа). Но, случалось, заменял отпускника: дело не в должности, считал, главное — уметь работать. Его называли правильным человеком за то, что любая работа, даже слово у него как бы разложено по полочкам. Увидит, что рядом человек хандрит — напомнит о работе. Он быстро схватывал суть дела и быстро продвигался по службе.

Проскуряков был на блочном щите управления, когда услышал взрыв. Бросился к реактору и делал все, что полагается по инструкции. Работал, сколько было сил.

...Погиб старший инженер-механик Александр Кудрявцев. И он стажировался на СИУРа, хорошо знал расположение всех узлов, задвижек, трубопроводов.

— Александр Кудрявцев очень любил детей, — рассказывал заместитель секретаря комитета комсомола ЧАЭС Игорь Оленич. — У него были две дочки, Вероника и Аня, ученицы второго и третьего классов. Он проводил с ними все свободное время. И еще любил украшать свою квартиру: шкафчики, ванну он расписал рисунками, оформил витражами.

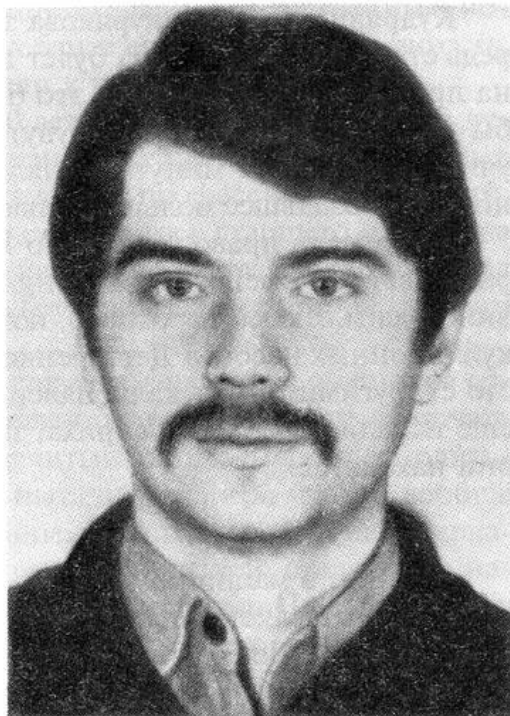
Любил музыку, разную — от классики до рока. Сам еще в школе играл в ансамбле на ударных инструментах. Там, в школе 37 г. Кирова, познакомился и со своей будущей женой Тamarой. Он вообще был очень домашним, мирным человеком.

Кудрявцева и Проскурякова зачислили СИУРа на III очередь станции — когда она будет достроена. А пока они работали на прежней должности. Но это была не их смена. Пришли, чтобы просто посмотреть, как будут останавливать энергоблок, поучиться. В первые минуты поняли, что произошло очень серьезное ЧП, создавшее большую опасность.

Они имели право уехать. Но не уехали. Вели себя, как и все, работавшие в смене. И выполняли все поручения, как персонал этой смены. Людей не хватало, потому что оператора главных циркуляционных насосов Дегтяренко уже унесли на носилках. Вместе с другими они искали Валерия Ходымчука. В первое время еще искали Кургуза и Генриха, так как никто тогда не знал, где они находятся.

...Сейчас в машинном зале на вновь построенной стене, которая теперь отделяет третий энергоблок от четвертого, есть бронзовая табличка: “Не бросили свой пост. Мужественно стояли до конца. Памятник им нужно возвести в каждом сердце. Ходымчук Валерий Ильич. 24.01.1951 — 26.04.1986. Ст. оператор Чернобыльской АЭС. Трагически погиб на своем посту”. Здесь же — траурные ленты “От работников РЦ-2”, “От работников НПО ЧАЭС”. И цветы в вазах. Рядом на стене — бронзовый барельеф, на котором изображен как бы падающий человек, поднявший над собой руки в попытке защититься или — защитить нас. Первоначальная табличка была написана по-русски. Теперь — по-украински.

По расчетам, именно в таком направлении следовало бы идти к его телу... Но этого, по-видимому, никогда не удастся сделать... После взрыва старший оператор главных

А.Кудрявцев.

циркуляционных насосов Валерий Ходымчук решил выяснить, как “чувствуют” себя его машины.

— Перевозченко сказал: “Теперь давай искать Ходымчука — у него не было никаких шансов выбраться”. — И мы пошли искать”, — рассказывает А. Ювченко. Поверить в то, что он не вернется никогда, было просто невозможно.

Красивый он был мужик. На фото выющаяся, густая, русая зачесанная вверх шевелюра, выразительное, устремленное вперед продолговатое, пропорциональное русское лицо, крутой подбородок, четко обрисованы умеренной полноты губы; резковатый с искринкой взгляд над прямым крупноватым, чуть заостренным носом. Улыбается. Вообще, во всем облике его — веселость и лихость, что ли. Женщины, вероятно, были к нему равнодушны.

Валерию Ходымчуку было 30 лет. Его повсюду любили за душевную щедрость, открытость и прямоту, за добросовестность в любом деле, за которое принимался, за профессионализм, за то, что умел быть хорошим товарищем. Портрет старшего оператора ГЦН Ходымчука до аварии был на доске почета: лацкан украшал орден “Знак Почета”. И орден Трудовой Славы второй степени ему вручен до аварии.

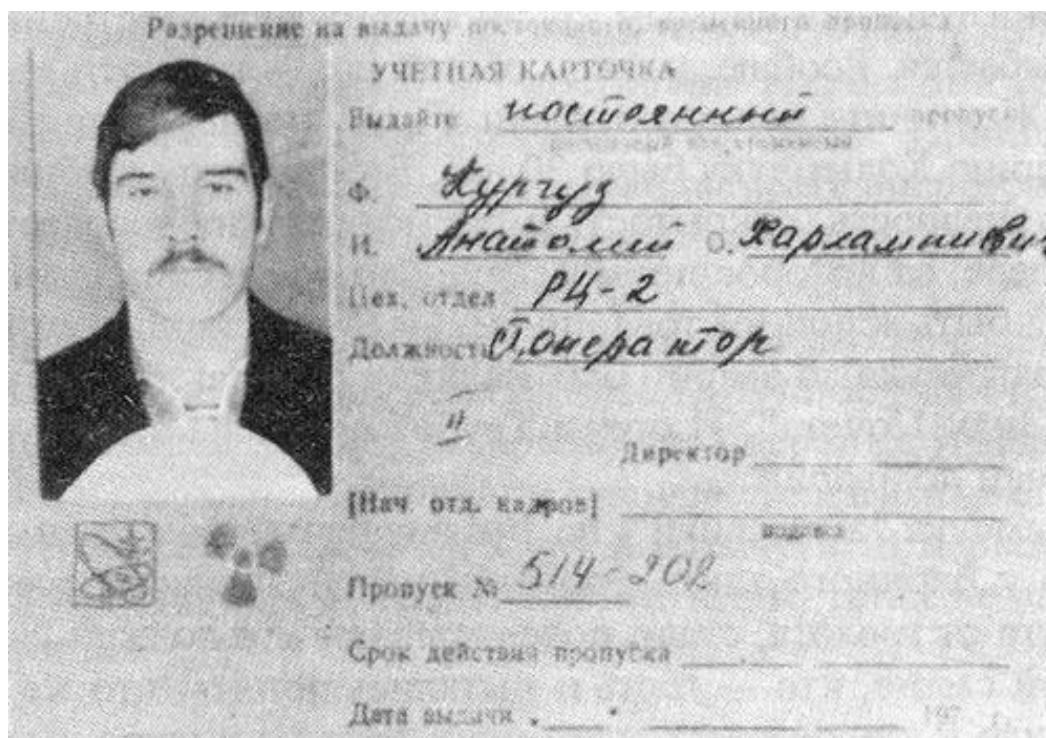
Ходымчука “вычислили”: по сигналу начальника смены все собрались у блочного щита управления и, стараясь перекричать друг друга от грохота, стали подсчитывать, кто должен находиться в этой смене, кто — гость и пытались понять, что же вообще произошло и как овладеть ситуацией. Вспышки света высвечивали приборные панели, пульт управления, людей; стали ясны направления поисков людей, отрезанных завалами. Не возвращался только Ходымчук. И никто не мог сказать, что его искать бесполезно. Его искали В.И. Перевозченко, В.В. Головатюк, В.С. Кириенко, В.В. Диченко, Ю.П. Юдин, В. Шкурко, С.В. Камышный, трижды А. Ювченко. Будь на его месте любой другой человек, искали бы все равно. Но мысль потерять Валерия казалось дикой. И его упорно искали несколько часов подряд в черноте помещений с заваленными входами и выходами, в грохоте обвалов, задыхаясь от дыма и радиоактивной пыли — до тех пор, пока сами не стали терять сознание, пока не были вынуждены подчиниться приказу покинуть станцию с приходом новой смены, то есть после семи утра. Многие вскоре погибли в московской шестой больнице Института биофизики Минздрава СССР. В Москве действует и городская больница № 6. Однако здесь и далее по тексту имеется в виду больница института, или, как ласково ее называют чернобыльцы, — “шестерка”.

Обязательность таких детальных поисков с риском для собственной жизни не обозначена в инструкциях. Лишь в общих чертах там записано, что в случае опасности начальник смены должен помочь пострадавшим, должен организовать спасение персонала.

Масштабы поисков — дело совести”, — говорил мне начальник смены турбинного цеха Г.В. Бусыгин... В 1992 г. он умер от болезни крови.

... Погиб Анатолий Харлампиевич Кургуз, старший оператор центрального зала реакторного отделения четвертого блока. Услышав взрыв, он посмотрел в зал. Людей не было, сплошной туман. Оттуда валил раскаленный радиоактивный пар. Зал сообщался с общей проходной комнатой, за которой была операторская. Пар закручивался зловещими клубами. Ясно, что в центральном зале работать невозможно. Пар неизбежно отрезал бы путь к отходу его подчиненному, оператору Олегу Генриху. Бывший моряк знал: если горит отсек, его надо герметизировать. И он пошел в пар. Закрыв тяжелую гермодверь из центрального зала. Вывел Олега. «Вывел» - это не совсем точно. Они двигались наощупь, почти ползком. За ними валились перекрытия, оглушительно трескались стены. Вместе, как братья, в полном мраке они потом бегом

бежали по лестнице, казавшейся бесконечной – спускаться надо было с большой высоты. Теперь уже худенький Олег тащил плотного Анатолия. Обоих отправили в больницу. Позже Олег скажет: «Я обязан жизнью Толе Кургузу».

А ведь кажется, что это было совсем недавно. В вестибюль станции вошли четыре веселых моряка, среди них – Анатолий Кургуз. Все молодые и холостые. Все четверо отслужили на Камчатке положенное время и теперь прибыли «в распоряжение» ЧАЭС. Смотреть на них было удовольствие... Да, кажется — это было вчера. Но с тех пор они обзавелись семьями и детьми.

Анатолий на флоте был штурманским электриком. Когда “на гражданке” его определили старшим оператором реакторного цеха было видно: и здесь парень на своем месте. Но после двух незначительных ошибок Кургуз сам потребовал перевода его в рядовые операторы.

— Была в характере Анатолия такая черта: быстро сориентироваться в обстановке, быстро принять решение, если надо, самому же его осуществить. Проверять исполнение не было необходимости: как говорится, умрет, а сделает... Как горько, что в приложении к Анатолию это выражение оказалось не фигуральным, а буквальным. “Его все знали. И все любили”, — вспоминает Г.И. Рейхтман, много лет после аварии работавший начальником четвертого, разрушенного блока ЧАЭС (цел или нет, но контроля требует).

— Анатолий был немного старше меня, но гораздо опытнее, — вспоминает О. Генрих. — В Припяти мы жили в одном доме, я часто видел его во дворе — с женой и двумя детишками — для них у Толи всегда находилось время. Даже на общественные субботники приводил сына и дочку — пусть приобщаются. Еще любил рыбалку: втянули ребята из нашей смены. Непоседа, любил всякую работу сделать быстренько, чтобы не оставалось на потом. И другим помогал. Я не раз к нему обращался. Открытая у него была душа. Вот недавно совсем, в апреле собрались мы всей сменой, и Валерий Иванович Перевозченко, и Леша Топтунов — пошли в бильярдную. Толя, как обычно, — заводила... Это была последняя наша встреча всей компанией вне цеха. Создавалось впечатление, что он никогда не грустил. И накануне он шутил, смеялся, сочинял и читал стихи. Он много знал шуток, прибауток, басен, рассказывал про службу

на флоте (на станции есть и другие бывшие моряки, даже день военно-морского флота сообща отмечали).

...И вот Анатолий Кургуз, молодой мужчина среднего роста и крепкого сложения на переходной галерее станции корчился от боли. Его рвало. А он смеялся. Даже пел...

В московской больнице при виде Кургуза содрогнулся Николай Михайлович Елманов, дозиметрист с сорокалетним стажем, выдавший и перевидавший в своей жизни немало. Лицо Анатолия было обожжено так, что его правильнее назвать сплошной открытой раной... Но он улыбался! Я помогал его переодевать и выполнять другие процедуры. Он до такой степени был облучен, что мне потом пришлось выбросить и свою одежду,— рассказывает Елманов.— Кожа с лица свисала клочьями. Сошла кожа и на ногах их тоже забинтовали. В больничной палате рядом лежал Виктор Дегтяренко, коллега. К ним зашли друзья из других палат, чтобы помочь написать письма женам. И Анатолий опять пытался засмеяться и потребовал: “Напиши, что две царапины. Нечего ее беспокоить. И еще напиши, что скоро ходить буду...”

— Выкарабкаемся, Толя,— послышался однажды голос Олега Генриха в открытую дверь палаты.

— Тогда я поеду в свою деревню и стану пастухом,— ответил Кургуз.

Он умер одним из первых. С фотографии улыбается мужественное, красивое молодое лицо.

Неоднозначно была воспринята посторонними личность начальника смены № 5 четвертого энергоблока (НСБ) А.Ф. Акимова. Поначалу кто-то регулярно выбрасывал цветы с его могилы на Митинском кладбище в Москве. И только жена не уставала повторять сыновьям: “Наш папа — хороший человек”. Акимов руководил испытаниями, в результате которых взорвался четвертый энергоблок. По официальной версии первоначально получалось, что к катастрофе привели именно его неверные решения и действия. Однако коллеги с этим не были согласны (позднее об этом — более детально). Вот что написали они для экспозиции Центрального музея Министерства по чрезвычайным ситуациям РФ: “А.Ф. Акимов первым определил масштаб аварии, принял меры для вывода персонала из зоны разрушений. Не считаясь с опасностью для жизни, выяснил состояние механизмов и определил значение параметров непосредственно по месту размещения оборудования. Организовал блокирование помещений вокруг зоны разрушений, чем предотвратил распространение радиационного заражения. Оберегая жизни подчиненных, Акимов прибегал к их помощи только в тех случаях, когда не мог выполнить работу один”...

...На вечере в музее гражданской обороны, посвященном второй годовщине со дня аварии, выступает Александр Петрович Ювченко, старший инженер-механик РЦ-2 (работать ему еще долго врачи запрещали). Индивидуальная доза —

А.Ф.АКИМОВ.

около 400 бэр (4 Грэй). Высокий, красивый, сильный мужчина. Лицо очень хорошее, благородное, открытое. Голос дрожит. Он с трудом справляется с волнением и, наконец, произносит:

— Я, наверное, не смогу рассказать так, как хотел бы. Мы делали все, что могли, чтобы облегчить жизнь остальных людей на планете.— Помолчал. Потом тихо начал — В 1 час 24 минуты — это было начало нашей смены — ничего не предвещало беды. Я находился на отметке блока “В”. Со мной был Перевозченко. Вдруг позвонили с блочного щита, сообщили: взрыв. Он отправился по вызову.

— Мы все были уверены в надежности реактора, так нас учили: серьезная авария невозможна. Связи с четвертым блоком не было. Вокруг все валилось. Вдруг вызвали меня на третий блочный щит. По дороге я увидел носилки: Витя Дегтярев, на себя не похож. Окровавленный. Он рассказал, что у ГЦН (главные циркуляционные насосы) находится Гена Русановский. Рядом со мной оказался начальник смены блока Трегубов, и мы вместе пошли выполнять приказ — открывать задвижки.

Встретили Сашу Кудрявцева. По дороге из транспортного коридора выглянули наружу. И тогда только увидели: полблока нет. Поняли масштаб трагедии и то, чем она угрожает. Все ребята пытались сделать что-то полезное. Дозиметристы говорили, что почти во всех местах прибор зашкаливает (позднее выяснилось, что разрешающая способность тех дозиметров была лишь 1000 мкр/сек). Никто не ушел.

Кругом вода: сработала аварийная система пожаротушения. Пар. Сплошная темнота... Мы старались спасти оборудование, открыть задвижки и подать воду в реактор для его охлаждения. Позже я встретил Ситникова. Вместе с ним я хотел пройти в завал, где должен был находиться Ходемчук. Но оказалось, что это физически невозможно. Точно радиационную обстановку мы не знали. Понимали только, что она угрожает жизни. Но паники не было. Действовали собранно и мыслили трезво. Потом, анализируя все действия персонала на блоке, я поражаюсь, насколько они были правильными. Я остался жив благодаря Перевозченко: я не хотел уходить с блока, говорят, что-то мычал. В пять утра он заставил меня оттуда вывести. Встретились мы только в больнице... Страшно было. Но где возможно, люди делали все, что в их силах... Дальше не хочу говорить.

— Меня потрясло мужество Перевозченко,— рассказывал мне А.Ювченко.— Он был мой сосед, через стенку. Он очень страдал. Но я не слышал ни одного стога даже когда меняли повязки. Его почему-то не навещали родственники, и по этому поводу тоже — ни слова. Только улыбался, когда моя жена и мать приносили ему что-нибудь. У него во рту была трубка — сам глотать не мог... Мы привыкли считать Валерия Ивановича только начальником, и все. Еще он был парторг, уважали. Но в момент аварии и позже он как бы раскрылся с новой стороны, повел себя очень благородно и мужественно. Крепкий был организм у Валерия Ивановича. В больнице он мучился дольше других. Наглядевшись на его ожоги, медсестры просыпались от кошмаров. Перевозченко умер. На его место в эту палату положили Р.И. Давлетбаева, который благодаря усилиям врачей и длительному последующему лечению вернулся к трудовой деятельности.

Вскоре после аварии секретарь парткома ЧАЭС С.К. Парашин по моей просьбе распорядился, можно сказать, мгновенно переснять фотографии героев с их пропусков — других источников не было. В Информэнерго их увеличили. Позднее я передала эти фото в Музей Гражданской обороны СССР — Центральный музей МЧС. Я подарила Александру Ювченко его портрет.

— Жив! — воскликнул он, указывая на мою карандашную пометку.

— Простите ради бога, не заметила. В мае-июне 86-го я еще никого из “шестерки” лично не знала, знакомилась по рассказам.

— Но мне дорога именно эта пометка... Спасибо.

Из “шестерки” выписались две трети лечившихся там героев. Среди них — заместитель начальника РЦ-1 (реакторного цеха энергоблока № 1) Вячеслав Алексеевич Орлов. Ему нечего было делать на четвертом блоке. Он даже получил отпускные деньги, и жена посоветовала: “Не ходи, ты в отпуске”. Но он пошел.

Потом, выполняя команды начальника РЦ-1, он работал в составе аварийной бригады, как и другие руководители цехов.

Вот как характеризовала В.А. Орлова аттестационная комиссия ЧАЭС в 1978 году, вскоре после его приезда из города Комсомольска-на-Амуре, где он работал инженером-механиком: “Учит и воспитывает подчиненный персонал. Качествами организатора обладает. Целеустремленен в любом деле, быстро ориентируется. О деле говорит коротко и ясно”.

— В больнице Орлов писал друзьям инструкции: что теперь конкретно они должны делать в создавшейся обстановке,— рассказывает Э.П. Ситникова — и все меня просил: “Узнай, получили они мое письмо? Есть у них вопросы? А ведь понимал, что на станцию уже не вернется, так как в зоне АЭС работать не сможет.

В ту ночь сказали: “Помоги”. И они шли, как, вероятно, пошел бы каждый, даже понимая бессмысленность этого. Обидно только, что многие походы были действительно бессмысленны. А РЦ-1 остался без головы: и сам начальник В.А. Чугунов, и его заместители в ту ночь набрали по 400 бэр каждый. Всех отправили в больницу. Чугунов еще сопротивлялся. И все они пытались шутить. А Дятлов дразнил: “Чугунов, ты приедешь без кудрей”. На что тот ему ответил: “А у тебя вообще только кудри и есть”.

Владимир Александрович Чугунов еще раньше был начальником цеха централизованного ремонта (ЦЦР), а это значит — знал на ощупь все хозяйство станции. В три часа ночи он позвонил Г.Ф. Заводчикову в Припять, сообщил об аварии на четвертом блоке и приказал, собрав персонал цеха по цепочке, прибыть на станцию — в штаб гражданской обороны. К тому времени Чугунов и Ситников уже побывали на БЩУ-4 (и сейчас туда невозможно войти без специальной защитной одежды). Они были едва ли не в состоянии аффекта и во что бы то ни стало искали способ спасти четвертый блок, еще не зная, что это — невозможно, потому что вошли на БЩУ не с улицы, а по внутренним переходам.

Развал могли увидеть приехавшие в автобусе. Они-то и сказали Ситникову и Чугунову, что их попытки бесполезны, что пожарных увезли в медсанчасть, многих — без сознания. Тогда оба поднялись на крышу третьего энергоблока, чтобы убедиться в ситуации своими глазами. Чугунов взял бинокль. Он хотел еще взобраться на крышу ХОЯТа (хранилище отработавшего ядерного топлива) — оттуда хорошо видно, да не пустил дозиметрист; уже было ясно, что это здание простреливается пучками радиоактивных излучений от разрушенного реактора (очень скоро такие участки так и стали называть — зонами прямого прострела). Но все-таки Чугунов походил по двору вокруг зданий второй очереди АЭС. Увидел валяющийся на земле графит и доложил о нем в бункер директору и главному инженеру ЧАЭС. До него графит на земле видели, но не осознавали, что он — из реактора, поскольку даже не предполагали такую возможность. Не прореагировало на его слова и начальство: этого — “не может быть, потому что не может быть никогда”.

...Часов в 7-8 утра и его отправили в медсанчасть. Он жадно курил, и Нина, жена, сказала: “Хоть сейчас-то не курил бы”. — “Молчи, женщина”, — пошутил он в ответ. В московской “шестерке”, как тепло называют ее возвращенные к жизни, Чугунову грозили инвалидностью и отлучением от атомной станции. Не прошло и года, как он буквально выпросился обратно на свою ЧАЭС.

Несколько раз на станции я видела его озабоченные глаза под черной шевелюрой. А если все же сталкивались лицом к лицу в коридоре, он, поздоровавшись, стремительно исчезал. Не любит разговоры на эту тему, а может быть — интервьюеров.

Начальник отдела кадров ЧАЭС В.П. Комиссарчук в июне 1986 года показал мне личное дело Чугунова. В аттестационном листке задолго до аварии было сказано: “инициативен, энергичен, настойчив, скромн, требователен к себе и коллективу, пользуется заслуженным уважением. Может подобрать коллектив единомышленников. Постоянно участвует в общественной работе. Член партийного бюро цеха. Награжден орденом Красной Звезды. С 1984 года — начальник РЦ-1... Служил матросом в Северном флоте, потом окончил Горьковский политехнический институт. Сейчас Чугунов — заместитель главного инженера станции.

...Мастер электроцеха Василий Иванович Иолз после взрыва убедился, что турбогенератор “разгрузился”. Проверил состояние трансформатора, остального оборудования, которое было в его ведении. Оно оказалось обесточенным. Поднялся на БЩУ-4 и оттуда с мастером Г.В. Лысюком отправился в комнату мастеров, чтобы в случае пожара вынести документацию. А по пути около щита еще разобрали завал: упавшие панели машзала повредили рабочий и резервный трансформаторы, обеспечивавшие энергией третий и четвертый энергоблоки. Четвертый блок лишился электропитания совсем. А третий еще мог работать, но остался без резервного питания.

— Такое положение недопустимо, — поясняет начальник электроцеха А.Т. Зиненко — Электропитание необходимо в полной мере — и старший мастер электроцеха Н.В. Гриценко взялся его восстанавливать. Он тоже знал, что в машзале — “не мед”, что там радиационные уровни достигают трехсот рентген в час и более, что там возможен “прямой прострел” излучений. Над головой сквозь дыры в кровле, просвечивающие столбы пыли — звездное небо. Но эта “идиллическая” картина как раз и означала наибольшую опасность. Знал и то, что остановленные энергоблоки №1, 2 и 3 получают электроэнергию только от резервного питания. Никто не приказывал ему эту работу выполнять. Он, наконец, сам мог послать туда любого работника цеха. Но — пошел. Поднял трос. Включил трансформатор.

Сразу ничего не почувствовал. Лишь часа через два, идя по станционному двору, сказал кому-то рядом: “Почему-то здание АБК (административно-бытовой корпус) то отдаляется, то приближается...” Его отправили в шестую больницу, потом совсем запретили работать в атомной энергетике — и он ушел в вахтовый поселок Зеленый мыс кладовщиком, чтобы не расставаться с ЧАЭС. Но по-прежнему друзья часто звонили к нему в поселок, просили совета, консультировались.

— Он никогда не сможет уйти из отрасли, — сказал Луговой — Ведь мы с ним вместе пускали еще первые в мире энергоблоки ТЭС по 800 мегаватт на Славянской, потом на Угледорской ГРЭС.

Позднее несколько человек работали старшими мастерами в электроцехе, а равного Гриценко не было. Многих рабочих он обучил. Многим людям отдал частицу своей души этот хороший человек. И ни разу он не использовал даже в малой толике служебное положение своего брата Анатолия Васильевича Гриценко, заместителя Министра энергетики и электрификации Украины.

Руководителей станции и начальников цехов, которые в ту ночь были дома, вызывал автомат (помните — “А3-5 на четвертом блоке”) или они сами среди ночи звонили друг другу. Например, начальнику РК-3 Гриценко жена Чугунова сообщила, что мужа в 2.00 вызвали на станцию — и Гриценко поехал тоже, хотя вызова и не получал. Заместителю начальника электроцеха Юхименко в 2.00 сообщили с АТС по телефону специальным сигналом Гражданской обороны “общий сбор”. В 3.15 он прибыл и получил приказ о сборе группы электроцеха. Оповестил своих людей, а сам начал

выяснить состояние электрооборудования и обеспечивать его электроэнергией. Теперь станция стала называться зоной строгого режима.

Заместителя начальника цеха ТАИ (телемеханики, автоматики и измерений) Трахтенгерца почему-то не оповестили. В 6 утра он вышел на балкон своей квартиры, увидел отъезжающие к АЭС автобусы и сам отправился на станцию.

Начальник Чернобыльского участка предприятия “Смоленскатомэнергонадка” И.П. Александров, услышав сигнал “общий сбор”, уже в 2.30 прибыл на станцию, явился в распоряжение начальника гражданской обороны и получил распоряжение отправиться на БЩУ-4, чтобы помочь там начальнику реакторного цеха №2 А.П. Коваленко в разборе ситуации. Выполнив это поручение, получил другую команду — от руководителя работ СГИСа Л.К. Водолажко — перейти на БЩУ-3 Проработал до конца смены и в 15 часов вернулся в город для организации похорон скончавшегося Шашенка. А ведь сам И.П. Александров был здесь в командировке и подчиняться всем этим приказам не обязан.

...Вспоминает начальник смены блока реакторного цеха №1 Кучеренко: “Зашел за указаниями к своему начальнику Ситникову — его не было на месте. Пошел в бомбоубежище. Там оказалась масса народу. Кое-кто в состоянии шока. Отрешенные лица. Остановившийся взгляд. Кое-кто спит. Некоторые ходят, пошатываясь: контузия. Там же, в бункере расположился штаб — увидел директора станции, его заместителей, военных.

Авария дала начало новому летоисчислению на Чернобыльской АЭС: “до” и “после”. Когда в 86-м говорили, что этот человек работает здесь “с первого дня” или “с самого начала”, то, скорее всего имелось в виду — с ночи аварии. Кучеренко работал и “до”, и “с тех пор”... Он не уезжал. Он считает это вполне естественным.

Его непосредственным начальником был А.А. Ситников. Он приказал Кучеренко вывезти семью. “А сам — как хочешь”: не приказал и не уговаривал вернуться на станцию — никто никого там не уговаривал. Кучеренко поторопился детей вывезти к теще в Ново-Воронеж и тут же вернулся. Что им руководило? “Нас так воспитали, мы были внутренне еще до аварии готовы никогда не покидать свою станцию в беде. В мозгу был такой четкий расклад. В инструкции написано, что с нами может произойти и как следует действовать. То есть все оставшиеся знали, на что шли и четко понимали степень риска. Потому не испугались. Мой отец — школьный учитель. Он мне говорил, что, оступившись, человек не всегда способен предвидеть последствия. Но может потерять человеческое лицо. Мы все понимали, что нас ждет “доза”. Одновременно я понимал, что, спрятавшись, буду чувствовать себя идиотом”.

На должность начальника смены блока без отрыва от постоянной работы учатся три года. В конце периода можно около трех месяцев поработать дублером, что и делал Кучеренко. Это как бы послабление сравнительно с обычным трудовым режимом. Кучеренко знает свои блоки “насквозь”. Утром 26-го, подъезжая к станции, он сразу понял, что произошла трагедия. Воспользовавшись правом свободного пропуска, часа четыре ходил по станции — смотрел.

* * *

Именно турбинистов ночной смены второй очереди ЧАЭС следовало бы благодарить за то, что в самом машинном зале, где и установлены турбины, не разгорелся пожар, а следом огонь не перекинулся на остальные три энергоблока станции.

Передо мной объемистая записка Р.И. Давлетбаева, в настоящее время — специалиста первой категории “Росэнергоатома”, а в тот период заместителя начальника турбинного цеха по II очереди — ответы на вопросы какой-то анкеты. По ходу текста Разим Ильгамович обводил траурной рамкой фамилии тех из виденных им

эксплуатационников в ночь на 26 апреля 1986 г., кто вскоре погиб в результате переоблучения. Из турбинистов — В.С. Бражник, К.Г. Перчук, Ю. Вершинин, А. Новик.

Машинный зал был единым для всей ЧАЭС. Это — гигантское помещение длиной 840 м, шириной 151 м и высотой 31 м. В нем размещалось 8 турбогенераторов (ТГ) — по два на энергоблок — и множество другого оборудования. ТГ № 7 и 8 были частью четвертого энергоблока, на котором в тот момент проходили испытания. Сразу по их завершению должен был начаться капитальный ремонт. Испытания как бы вклинились в этот график, хотя и они были запланированы.

В соответствии с правилами технической эксплуатации (ПТЭ) перед каждым капитальным ремонтом проверяется состояние турбин и их систем. Их состояние не вызвало опасений. ТГ-7 следовало остановить. Испытания же касались ТГ-8. Давлетбаев лично контролировал проверку ТГ и за сутки спал всего часа четыре. К утру 25 апреля ТГ-7 был остановлен. Но эксперимент по разным причинам затянулся. В машзале делать было нечего, и Давлетбаев ушел на блочный щит управления (БЩУ-4) заполнять производственный журнал для следующей смены. Поэтому он оказался свидетелем по сути самых острых событий, связанных с этим злосчастным экспериментом. Но описывает в основном то, что имеет отношение к его хозяйству. И начинает рассказ с периода, предшествовавшего взрыву.

Он видел, как начальник смены энергоблока (НСБ) А.Ф. Акимов подошел к каждому оператору и, в частности, приказал старшему инженеру по управлению турбиной (СИУТу) И. Киршенбауму по команде закрыть пар на турбину, что тот и сделал. Выполнили свое и другие операторы, в частности, Л. Топтунов нажал на реакторную кнопку АЗ-5, то есть на “стоп”...

Вот как вспоминает события тех критических секунд А.С. Дятлов: “В 01 час 23 минуты 04 секунды системой контроля зарегистрировано закрытие стопорных клапанов, подающих пар на турбину. Начался эксперимент по выбегу турбогенератора. Со снижением оборотов генератора после прекращения подачи пара на турбину снижается частота электрического тока, обороты и расход циркуляционных насосов, запитанных от выбегающего генератора. Расход другой четверки насосов немного возрастает, но общий расход теплоносителя за 40 секунд снижается на 10-15%. При этом вносится в реактор положительная реактивность, автоматический регулятор стабильно удерживает мощность реактора, компенсируя эту реактивность. До 01 часа 23 минут 40 секунд не отмечается изменение параметров на блоке. Выбег проходит спокойно. На блочном щите управления тихо, никаких разговоров.

Услышав какой-то разговор, я обернулся и увидел, что оператор реактора Л. Топтунов разговаривает с А. Акимовым. Я находился от них метрах в десяти и что сказал Топтунов, не слышал. Саша Акимов приказал глушить реактор и показал пальцем — дави кнопку. Сам снова обернулся к панели безопасности, за которой наблюдал.

В их поведении не было ничего тревожного, спокойный разговор, спокойная команда. Это подтверждают Г.П. Метленко и только что вошедший на блочный щит мастер электроцеха А. Кухарь.

Почему Акимов задержался с командой на глушение реактора, теперь не выяснишь. В первые дни после аварии мы еще общались, пока не разбросали по отдельным палатам, и можно было спросить, но я тогда не придавал этому никакого значения — взрыв бы произошел на 36 секунд ранее, только и разницы.

В 01 час. 23 мин. 40 сек. зарегистрировано нажатие кнопки аварийной защиты реактора для глушения реактора по окончании работы. Эта кнопка используется как в аварийных ситуациях, так и в нормальных. Стержни системы управления и защиты в количестве 187 штук пошли в активную зону и по всем канонам должны были прервать цепную реакцию.

Но в 01 час. 23 мин. 43 сек. зарегистрировано появление аварийных сигналов по превышению мощности реактора и по уменьшению периода разгона реактора (большая скорость увеличения мощности). По этим сигналам стержни аварийной защиты должны идти в активную зону, но они и без того идут от нажатия кнопки АЗ-5.

Появляются другие аварийные признаки и сигналы: рост мощности, рост давления в первом контуре...

В 01 час. 23 мин. 47 сек. взрыв, сотрясший все здание, и через 1-2 секунды, по моему субъективному ощущению, более мощный взрыв. Стержни аварийной защиты остановились, не пройдя и половины пути. Все.

В такой вот деловой будничной обстановке реактор РБМК-1000 четвертого блока Чернобыльской АЭС был взорван кнопкой аварийной защиты. (?!?!). Далее я попытаюсь доказать, что для взрыва того реактора и не надо было никаких особых усилий. Если мне не удастся это, то только из-за неумения доходчиво изложить. Других причин нет, теперь все происшедшее ясно...”

А теперь снова дадим слово Р.И. Давлетбаеву.

Через секунды послышался гул низкого тона, сильно шатнуло пол и стены, с потолка посыпалась пыль и мелкая крошка, потухло люминесцентное освещение, установилась полутьма, затем сразу же раздался глухой удар, сопровождавшийся громopodobными раскатами. Затем освещение снова появилось. Все, находившиеся на БЩУ, были на месте. Операторы, пересиливая шум, окликали друг друга и пытались выяснить, что произошло. Заместитель главного инженера станции А.С. Дятлов громко скомандовал: “Расхолаживаться с аварийной скоростью”.

В этот момент на БЩУ-4 вбежал машинист паровой турбины (МПТ) В.С. Бражник и крикнул: “В машзале пожар, вызывайте пожарную машину”— и без дальнейших объяснений убежал обратно в машзал. За ним побежали Давлетбаев и начальник Чернобыльской бригады “Смоленскатомэнергонадзора” П.Ф. Паламарчук, который участвовал в проверке оборудования турбинного цеха.

С этого момента и почти до пяти часов утра понятие о времени потеряло смысл. Ночь пролетела, как пять минут, хотя помнятся, притом последовательно, даже детали. Все делалось на бегу, в спешке. Для начала огляделись и стали выяснять, все ли на месте.

Больше всего пострадала ячейка турбогенератора №7: над турбиной, по ряду “Б” над питательной системой, над шкафами электрических сборок арматуры ТГ-7, над помещением старшего машиниста кровля была проломлена и частично обрушилась. Часть ферм свисала, одна из них на глазах Давлетбаева упала на цилиндр низкого давления ТГ-7. Из атмосферы доносился шум вырывающегося пара. В проломы кровли не было видно ни пара, ни дыма, ни огня. Лишь яркие звезды в ночном небе.

Внутри машзала на различных отметках возникали завалы из разрушенных металлоконструкций, обрывков кровельного покрытия и железобетона. Из-под завалов шел дым. Из раскрытого от повреждения фланца на всасывающем трубопроводе питательного насоса № 4 ПИ-2 била мощная струя горячей воды и пара. Приблизиться к ней было невозможно, обдавало горячим паром. Забежав обратно на БЩУ-4, Давлетбаев поручил старшему инженеру по управлению турбиной (СИУТу) И. Киршенбауму переносным ключом дистанционно открыть задвижки аварийного слива масла из главного маслблока ТГ-7 в специальную емкость. Убедился в исполнении операции и убежал снова в машзал: масло могло вспыхнуть и вызвать пожар в машзале и кабельном хозяйстве.

На отметке +12,0 Давлетбаев распорядился предупредить персонал о недопустимости нахождения в зоне завалов и в местах возможных падений свисающих конструкций; НСТЦ Г.В. Бусыгину — включить в действие спринклерную систему пожаротушения

маслосистемы ТГ-7; мастеру паровых турбин Ю.В. Корнееву — произвести аварийное вытеснение водорода из генератора №8.

В сущности Бражник вместе с дежурным слесарем Джамулой, как и полагается по инструкции, уже сами изолировали дренажи маслопроводов и слили масло из главного маслобака в аварийную емкость.

Радиационный фон был крайне неравномерным, особенно высоким в местах падения радиоактивных обломков сквозь дыры в кровле и т.д. Но без приборов этого не узнаешь, а ежеминутно измерять было некогда, да и не очень интересно — не до того.

Давлетбаева беспокоило, нужно ли включать систему орошения кровли водой, хотя пламени не видно. Он опасался, что вода попадет на шкафы электрических сборок приводов арматуры и вызовет замыкания. Посоветовался со старшим мастером цеха (СМЦ) К.Г. Перчуком, и тот сомнения развеял: на кровле машзала он уже побывал, очагов возгорания нет. Он вообще многое успел сделать самостоятельно. Увидев растекающееся масло, Перчук позвал машиниста турбин В.В. Бражника, обходчиков А. Новика и Ю. Вершинина, дежурного слесаря А. Тормозина и вместе стали принимать необходимые меры.

...Бражник умер от ожогов в московской “шестерке” одним из первых, вскоре умер и Перчук... Многие детали в действиях каждого чернобыльца выясняли во время обсуждений в этой самой больнице, “подсчитывая раны”.

— Бражник и Перчук пришли к нам в цех слесарями, потом сдали экзамены и стали машинистами-обходчиками турбин (в отечественной электроэнергетике принято любого новичка, пусть и с инженерным дипломом, сначала “прокручивать” на рабочих должностях для накопления опыта), — тихо рассказывал мне в своем кабинете на ЧАЭС заместитель начальника цеха А.А. Кавунец... Вдруг он изменился в лице, голос дрогнул, потянулся за сигаретой. — Да что говорить. Оба они, особенно Перчук, были моими друзьями. Хороший был человек и работник отличный. Не сложилась у него семейная жизнь. А друзей было много. Его очень уважали. Он был своего рода организатором вахты, как бы неофициальным лидером. В ту ночь я приехал на станцию в 3 часа ночи — и Перчука, и Бражника уже отправляли в больницу. Я успел поговорить с Бражником. Он рассказывал, как перекрытия, падая, перебили дренажи маслопроводов, как турбинисты сливали масло. Бражник тоже был холостым тридцатилетним веселым трудолюбивым парнем. В больнице вспомнил про свою лодку, рыбалку. Он копил деньги на новую большую лодку. Мечтал прокатиться по Припяти с мощным двигателем, чтобы можно было за 10-15 минут спуститься в Киевское море или пойти вверх, в Белоруссию — места там уж очень хороши... Да вот, не успел. А Перчук увлекался музыкой, особенно современной, ритмической. Собрал много магнитофонных записей, пластинок. И у него была лодка.

В мирное время трудно было бы даже представить, что обычно спокойный, рассудительный и исключительно трудолюбивый тридцатилетний Костя Перчук способен принимать решения с такой невероятной скоростью, просто молниеносно. Да обоих гренадерами не назовешь, среднего роста, крепкие парни. Разве вот Перчук постройнее и пошустрее, а Бражник — поплотнее, медлительнее. Но в серьезную минуту повели себя одинаково мужественно.

...В машзале дышать было трудно. В воздухе — много пыли, воздух влажный, язык и горло пересыхают, пахнет озоном. В тот момент люди еще не осознавали, что через проломы в кровле сверху падают и куски графита из разрушенного реактора, частицы ядерного топлива. Озон относили на счет электрических разрядов в кабелях. На БЩУ-3 НСБ Ю.Э. Багдасаров сообщил Р.И. Давлетбаеву, что на деаэрационной этажерке и теплофикационной установке сработала сигнализация о повышении радиоактивности, и он дал распоряжение машинистам-обходчицам Бахрушиной и Гора удалиться в сторону

первой очереди станции. Там же Разим Ильгамович увидел сидящего на полу Бражника и взял его с собой.

От Багдасарова к тому времени узнал, что и на БЩУ-3 около 100 мкр/сек, в воздухе радиоактивные аэрозоли, и надо надевать “лепестки” для защиты органов дыхания. Чуть позднее дозиметрист на БЩУ-4 сообщил, что от Давлетбаева зашкаливает прибор, надо сменить одежду. (В больнице стала известна его доза — 400 бэр.) Напомним, приборы были довольно слабые, до 1000 мкр/сек. Но и по ним получалось, что разрешенная аварийная доза в 10 бэр может быть набрана за три часа. А по Правилам радиационной безопасности (ПРБ) право на работу в таких условиях полагается согласовать с директором или главным инженером АЭС. Но на это не было времени, как и некогда было ставить заграждения вокруг особо опасных участков машзала, которые рекомендовала инструкция. Никто не ушел и теперь.

Давлетбаев обошел ТГ-7 с “передка”. В районе ячейки манометров системы регулирования вверх фонтаном било масло из поврежденной трубки. Чтобы остановить насос аварийной кнопкой, побежал вниз. К сожалению, аварийные комплексы с портативными радиостанциями и комплектом изолирующих материалов, предназначенных для подобных случаев, оказались завалены и недоступны.

Пробегая по лестнице, увидел на отметке +5,0, как из разрушенного дренажного трубопровода выливалась широкая струя масла и растекалась на отметке 0,0, затем масло сливалось в подвал. Из-за завалов к аварийной кнопке подойти не удалось, к тому же было скользко, много пыли и дыма, не хватало света. Он раскатал пожарный рукав, бросил на пол и, связавшись из телефонной будки с БЩУ-4, приказал Киришенбауму дистанционно отключить маслонасос. Одновременно сообщил НСБ А.Ф. Акимову, что Ю.В. Корнеев вытеснил водород из генератора ТГ-8. Акимов ответил, что информацию понял и сообщит электрикам — это их хозяйство.

Чуть позднее на БЩУ-4 из здания первой очереди станции позвонил НСТЦ П. Егоров, спросил, не требуется ли помощь. Багдасаров сказал, что нет. Там уже были с первой очереди начальник реакторного цеха В.А. Чугунов, заместитель главного инженера А.А. Ситников, заместитель начальника реакторного цеха Орлов. Они стояли в кружок и активно обсуждали, что делать дальше. Прибыла и небольшая группа турбинистов во главе с С.В. Акулининым. Дело себе они нашли. После этого врачи разрешили Акулинину работать только в общественных организациях станции. Вообще, после аварии все члены профкома, парткома и комитета комсомола ЧАЭС — это “выгоревшие” той ночью специалисты, не захотевшие уезжать.

* * *

Примерно в это время на БЩУ-4 слышали сигнал вызова. Но на запрос, в чем дело, никто не отвечал. Сигнал шел с отметки +24,0 и не прекращался. Тогда “по нему” пошли, будто держась за невидимую нить. По дороге увидели Петра Паламарчука, который тащил на себе умирающего Шашенка. Это был его подчиненный. Паламарчук не знал о сигнале. Он сам догадался, где искать товарища. Уходил в разведку несколько раз, отыскивал проход, и... обнаружил потерявшего сознание человека, лицо которого узнать было невозможно.

Шашенок в удаленном месте контролировал параметры оборудования по программе. Над ним, на отметке +27 обвалились перекрытия, разорвало узел питательной воды — и кипяток хлынул вниз. Предполагают, что он нажал кнопку, желая обозначить разрушенное помещение и свое местонахождение.

Его вынесли во двор станции уже при смерти. То была первая печальная группа, которая вышла с АЭС. В этой группе был Н.Ф. Горбаченко. Вскоре его и Паламарчука

товарищи увидели в московской “шестерке”. (Доза Паламарчука — около 400 бэр. Он после продолжительной болезни работает в Москве.)

К этому времени многие, в том числе и Давлетбаев, испытывали большую слабость, была рвота. Многие были уже госпитализированы, в основном почти принудительно, так как отказывались уходить. Наконец и его уговорили. По дороге заглянул в передвижную лабораторию Харьковского турбинного завода, вызванную до аварии для диагностики дефектного узла, некогда полученного от Ленинградского металлического завода (ленинградцы приехать отказались). Троицким находившимся там сотрудникам он посоветовал двигаться в сторону первой очереди, но они отказались: уже разведали обстановку и считали, что в их автомашине безопаснее. Позднее двое из них умерли, а третий, переболев лучевой болезнью, вернулся на ХТЗ.

С наружной стороны ворот, около административно-бытового корпуса (АБК) увидел человек 20, среди них и работников турбинного цеха. На его вопрос, почему они здесь, обходчица О.В. Гора ответила, что было распоряжение руководства смены здесь собраться. Он посоветовал, что безопаснее для нее было бы находиться в помещении. Прежде, по телефону он уже советовал другой женщине, машинисту береговой насосной оставаться пока в комнате машиниста. Она была взволнована, но не паниковала, и только спросила, что делать.

Во внутреннем дворе, возле АБК-1 увидел большое скопление пожарных машин, кабины были пусты. В медпункте цеховой терапевт Галина Ивановна Навойчик встретила Давлетбаева сочувственно: “И Вы здесь...” Его, Ю. Трегуба и И. Киршенбаума в машине “скорой помощи” отправили в медсанчасть № 126.

* * *

...Из электроцеха погибли пятеро. Многих из дома вызвали по телефону для первоочередных работ. Из семнадцати дома оказались семеро — суббота: рыбалка, дачи.

— Я бы выделил Александра Григорьевича Лелеченко,— это говорили многие.

“Вся короткая, но глубокая по содержанию жизнь этого скромного человека, человека труда была направлена на служение Родине. Мы гордимся своим товарищем. Он удостоен высшей награды Родины — Ордена Ленина. Пусть ваш коллектив с гордостью и достоинством носит имя Александра Григорьевича Лелеченко” — писал директор ЧАЭС М.П. Уманец в село Новоореховка Полтавской области Лубянского района: в ответ на запрос детей из школы, в которой учился Саша Лелеченко, можно ли школе присвоить его имя и установить бюст. Комитет комсомола ЧАЭС сделал для этой школы переходящий вымпел “Лучшему пионерскому отряду”.

Александр Григорьевич к испытаниям имел отношение как заместитель начальника электроцеха второй очереди. Принимал участие и в обсуждении программы испытаний. Поэтому в пятницу не ушел домой, хотя работал с восьми утра. Он считал, что испытание — процесс непрерывный, и заниматься им должны одни и те же люди.

— Лелеченко пришел в нашу службу практически первым. Он создал ее.— Рассказывает начальник смены электроцеха Н.А. Бондарь. Взял на работу и меня, и остальных. А сам работал лучше всех. Любил чертить. Любой чертеж, инструкцию красиво выполнит и обязательно завернет в целлофановую пленочку, чтобы не испачкалась. И дочку свою научил уважению к работе. Она в то время училась в Киевском политехническом. Чувство ответственности у него было феноменальным. Даже попав однажды (до аварии) в хирургическое отделение Киевской больницы, умудрялся звонить оттуда на центральный щит управления и присылал вычерченные им схемы. Мы все его очень любили.

А.Г.Лелеченко.

— Он и погиб из-за своей добросовестности, — считает другой начальник смены электроцеха А.В. Орленко, который в ту ночь работал вместе с Александром Григорьевичем.

Когда начальнику электроцеха приказали полностью отключить все электропитание на четвертом энергоблоке, Лелеченко доложил: “Все связи на блоке уже обесточены”. — Он сам произвел необходимые переключения.

— Оборудование четвертого блока в результате аварии осталось без электропитания. Лелеченко быстро разобрался, что именно пострадало, и принялся необходимое восстанавливать, — рассказывает заместитель главного инженера ЧАЭС по ремонту оборудования В.М. Алексеев (он был на станции с пяти утра, чтобы определить, какие необходимы ремонтные работы и механизмы).

Обломки кровли, части конструкций здания, куски раскаленного графита падали на оборудование и пол машинного зала. Электрики, как и турбинисты, видели графит на полу. Понимали смысл увиденного, но воли чувствам не давали...

На крышах некоторых помещений реакторного отделения, деаэрационной этажерки возникло более тридцати очагов пожара. Крыша машзала, к счастью, не горела, но опасались увидеть огонь и здесь. В машзале размещены турбогенераторы. Их охлаждают водородом, который вырабатывается на электролизных установках в 100 метрах от здания четвертого энергоблока. Вспомним: машзал — общий для всех энергоблоков АЭС, три блока действовали. Огонь мог перекинуться и на них. К счастью, кровля машзала не загорелась. Но водород взрывоопасен. Он может гореть и без видимого пламени — сам источник его надо отсечь.

Лелеченко бросился к электролизным установкам. Уже в 1 час 30 минут — меньше чем через 10 минут после аварии — он отключал одну станцию за другой, предотвращая возникновение горючей смеси.

Ему стало плохо. Взял у врача йодистый калий, чуть отдохнул и пошел снова в это пекло, чтобы принять дополнительные меры: водород в генераторах заменить азотом. Лелеченко взял с собой сотрудников Шаповалова, Баранова и Лопатюка — они вместе выполнили эту операцию. Кстати сказать, официально Баранова все это никак не касалось: он обслуживал энергоблок №3. Имел полное право не согласиться с просьбой Лелеченко. Но... проработал больше двух часов, пока его не отправили в медпункт и оттуда — в больницу.

Лелеченко всегда был требователен к себе, был отлично подготовлен теоретически, любое дело выполнял в срок, и его не нужно было проверять. Того же требовал и от подчиненных. На своей предыдущей должности — начальник смены ЧАЭС — он был лучшим. А вот наказывать подчиненных не любил. Только изредка, если человек его подводил, говорил с горечью: “Ты же так и не сделал”. Его очень уважали.

— Лелеченко вообще был одержим работой. День и ночь пропадал на станции вместе с В.И. Поденком. Вторая очередь — их детище. Они курировали ее строительство и монтаж, потом стали эксплуатировать. Поденок в день аварии был на строительстве Минской АТЭЦ. Теперь он — заместитель главного инженера второй очереди станции.

— Я вспоминаю Лелеченко буквально каждый день, — рассказывал почти через три года после аварии начальник смены электроцеха Н.А. Бондарь. — И не только потому, что к нему в любое время можно было обратиться за советом (окошко его кабинета светилось, бывало, и до 23 часов). Он всегда находил путь к истоку проблемы, будь то личная беда или непонятная схема.

— С ним хотелось говорить о жизни. Для каждого он находил какие-то очень важные, от сердца мысли, — это сказал мастер электроцеха В.Д. Лебедев, — Знаю, что его отец был главным инженером предприятия, и в школе Саша чувствовал к себе особое отношение учителей: его как бы уважали авансом, переноса на него свои симпатии к его родителям. А Саше хотелось любыми путями избавиться от этой привилегии, он даже иногда специально хулиганил, чтобы вызвать учителя на наказание и не быть “выше” других хлопцев. И на станции он выкладывался полностью: пока не решит вопрос до конца, не уйдет с работы. Настоящий энергетик. (Дисциплина у нас, на АЭС, полувоенная. Нас могут затребовать на работу и в выходные, и в праздники. Я, например, должен извещать, где буду находиться, потому что любые неполадки следует ликвидировать немедленно. Нельзя оставить потребителей без электроэнергии.) Между тем, Лелеченко вовсе не был ангелом. Он был обыкновенный человек. Очень любил дочку и жену, много возился со своей машиной. Но, правда, чаще и дома продолжал свой рабочий день.

...Выходит, во время испытаний Лелеченко не спал сутки. У него покраснели лицо, грудь. “Под конвоем” его отправили сослуживцы в санчасть. Однако из санчасти Александр Григорьевич ушел домой. Выспался, а утром вернулся на станцию.

Позже он рассказывал: “Я ждал, ждал. Потом вижу, что там много народу тяжелее меня. Я и ушел”.

А 27 апреля выяснилось, что подземные кабельные каналы затапливает вода, которая поступала из поврежденных систем энергоблока, а также в процессе тушения пожара. Лелеченко сам отправился проверять эти кабельные трассы. Они находятся во дворе на поверхности земли между третьим и четвертым энергоблоками.

В это время А.Сухомлинов полез в кабельный тоннель. Выяснил, что вода идет по кабельным проходкам. “Он и Лелеченко могли бы любой элемент кабельной сети найти с завязанными глазами — ведь принимали его от монтажников еще до пуска блоков”, — рассказывает друг Лелеченко А. Васильев.

Вместе со старшим инженером по противопожарной безопасности А.Р. Бакуном Лелеченко поднимал тяжелые плиты перекрытия кабельных каналов на ВСРО (вспомогательном сооружении реакторного отделения), чтобы узнать, откуда течет вода. (Обычно эти плиты с трудом поднимают несколько человек.)

Конечно, в цехе были подчиненные. Тяжести-то не обязательно поднимать самому. Но, говорят, в тот момент никто бы не мог сказать определенно, что лучше: послать кого-то или идти самому.

Увидев Лелеченко, начальник службы радиационной безопасности приказал на этот раз его увести в бывший пионерлагерь “Сказочный”, где в то время поселились эксплуатационники, а оттуда его 2 мая отправили в Киев. Неподалеку в деревне товарищи нашли его эвакуированную из Припяти жену.

Если бы не в Киев, а в Москву, да не на пятый день, а в первый — может, удалось бы спасти этого человека. Но он сам не хотел смириться с серьезностью своего положения.

Дочка рассказала Васильеву, что когда она в Киеве утром 8 мая вошла к нему в больничную палату, то застала своего отца за мытьем пола! А днем он скончался.

Саша Сухомлинов через день после аварии уехал в отпуск, а вернувшись 24 мая, приехал прямо в “Сказочный” и получил... письмо от своего друга Саши Лелеченко, написанное им до больницы: “Если со мной что-нибудь случится, позаботься о моей семье...” Сухомлинов читал письмо и плакал.

Лелеченко, по его просьбе, похоронен в родной деревне, в Полтавской области, где он родился 28 мая 1938 г. Проблемой было вывезти в Полтаву его тело — Киевэнерго помогло: положили в цинковый гроб, дали автобус и автомобиль РАФ.

Говорят, у Лелеченко и Ситникова характеры были схожи.

* * *

Погиб дежурный электромонтер Виктор Иванович Лопатюк.

Всех из своей производственной группы он отправил по домам: “Идите, я уже старый”. Ему не было и тридцати...

Из рабочей тетради комитета комсомола ЧАЭС (записи сделана в первые недели и месяцы после аварии): “Комсомолец Виктор Лопатюк, уроженец Чернобыльщины. Успешно окончил Политехнический институт и был направлен на работу на ЧАЭС. Здесь он встретил свою будущую жену. Жили сначала на частной квартире, затем в семейном общежитии, в дальнейшем мечтая о капитальном жилье...”

Сразу после взрыва комсомолец В. Лопатюк со своими товарищами выполнял аварийные работы по предупреждению распространения аварии, в частности на электролизной станции. Затем продолжал выполнять работы по спасению оборудования, находясь в особо опасных условиях. Работал до тех пор, пока были физические силы. Потом его подхватили под руки и посадили в подоспевшую машину “скорой помощи”.

— От рабочего места Лопатюка была видна стена четвертого блока,— рассказывает старший дежурный электромонтер Б.Д. Луговой.— От взрыва вылетели окна. Его послали осмотреть трансформатор пристанционного узла и оценить обстановку. Когда он в очередной раз пошел выполнять необходимую операцию, то по пути потерял сознание. Его подняли, привели в чувство — и он стал рваться из рук: “Пустите, я доделаю, я не успел...” Потребовал, чтобы его подвели к щиту, который он не успел отключить. Его не пускали. “Не поведете — я ползком доползу!” Во второй раз его со станции вынесли прямо в “скорую”.

Похоронили Виктора 20 мая в Москве. А 3 июня родилась его дочь Юлечка.

Лопатюк всегда казался спокойным, уравновешенным, даже в спорах оставался человеком воспитанным и очень тактичным. И внешне он казался мягким человеком. Немного выше среднего роста, чуть полноват, светловолос, круглолиц. Даже со стороны было заметно, какая нежная кожа на его щеках.

В действительности он был очень увлекающимся, даже страстным человеком. Станционное оборудование освоил быстро, и в работе оно “загадок” ему и Баранову не задавало. Заинтересовался радиолюбительством, музыкой, мечтал усовершенствовать свой магнитофон. Он был очень открытым человеком и всегда окружен друзьями. Все должны были знать о его радостях и проблемах — в молодом дружеском коллективе это ведь естественно. Переехав в Припять, купил мотоцикл, потом автомашину, он ухаживал за нею, словно за ребенком. Виктор любил докопаться до сути в любом деле. Не стеснялся спрашивать, многим интересовался и вообще старался знать побольше разных научных, технических и житейских премудростей.

Даже на работу по вахтам перешел, чтобы свободнее распоряжаться личным временем (три дня работаешь — два выходных). Он был страстный рыбак и очень любил лес.

Бывало, отправится с друзьями по грибы, так даже идя по их следу, умудрялся увидеть больше. Уже и о покупке новой лодки договорился, да вот, не успел. Была и другая причина для поисков свободного времени: женился Лопатюк не так уж давно. И, конечно же, находилось время для Яны и Вани — детишек, весьма заинтересованных в его внеабочих делах.

Комитет комсомола ЧАЭС предложил навечно зачислить в состав комсомольской организации А. Кудрявцева и В. Лопатюка: “То, что ребята сделали для нас, не забудем никогда”... У нас часто воздают людям должное после их смерти или, в лучшем случае,— в старости.

Действия этих людей не вполне были предусмотрены инструкцией. Регламент работы на атомной станции не посылает людей на смерть. Но ведь и в воинском уставе не сказано, что вражеские боевые доты надо закрывать своим телом.

“Смерть неосознанная — это смерть. Смерть осознанная — бессмертие”. Это сказал армянский писатель и философ V века Ерише.

— Погибшие приняли смерть во имя нашей жизни,— сказал на Вечере Памяти директор ЧАЭС, а сейчас — глава украинской атомной энергетики М.П. Уманец, — В ту ночь, 26-го, они пытались локализовать аварию на четвертом блоке и одновременно спасти первые три. Мы и сегодня вправе считать их работающими — это будет лучшей памятью о них... Но нам этого не достаточно. Наша память — это не только скорбь о погибших и соболезнование близким. Перед этой памятью каждый работающий в любой отрасли сегодня должен определить меру своей ответственности за то, что лично он делает. Не можешь, не уверен — уходи. Чувствуешь, что не хватает знаний и не способен их набрать — тоже уходи. В первую очередь самые высокие требования должны быть к себе самому.

* * *

Примчались на станцию и строители — они сооружали здесь III очередь ЧАЭС, то есть энергоблоки №5 и 6. База Управления строительства (УС) ЧАЭС находилась в непосредственной близости от реакторного отделения четвертого энергоблока. Начальник стройки В.П. Кизима, его заместитель и будущий начальник УС ЧАЭС В.П. Акимов, главный инженер В.В. Земсков, секретарь объединенного парткома стройки Ф.Д. Шевцов и заместитель начальника треста “Южтеплоэнергомонтаж” (ЮТЭМ) Токаренко были по своей инициативе на пятом энергоблоке вскоре после взрыва. С помощью дирекции станции пытались определить масштабы беды, вывели рабочих.

Не смог усидеть дома, прорвался к своим рабочим мастер по сварке А.А. Петренко — на территорию станции уже никого не пускали.

Рассказывает начальник Днепропетровского строительного управления Всесоюзного объединения “Гидроспецстрой” В.Н. Неучев (Управление с 1970 г. работает на ЧАЭС и базируется в Припяти).

— Я приехал на станцию через полтора часа после аварии. В тот день я увидел там на насосных установках трех женщин: Веру Кузьминичну Кочетову, Марию Павловну Осетаеву и Раису Викторовну Складную. Они обслуживали насосы водопонижения грунтовых вод для осушения котлована. Им сказали, что находиться на станции можно не больше (!) шести часов. Их работа не была связана с аварией.

Вторую смену строителей на площадку уже не пустили. Однако в квартире В.Н. Неучева 26 и 27 апреля не смолкал телефон: рабочие спрашивали, что они должны делать (эвакуация еще не была объявлена). Насосное хозяйство несложно, однако и после аварии может понадобиться.

...Ночью 26-го на третьей очереди ЧАЭС работали также 19 человек с участка ПО “Химэнергозащита”. Контора и раздевалка управления располагались примерно в ста метрах от четвертого блока. И, тем не менее, все 19 человек за время переодевания получили острую лучевую болезнь. Дежурный И.Л. Орлов находился там дольше других. Он умер осенью 1988 г.

Пострадали строители, работавшие на комбинате строительных конструкций: оператор бетоносмесительного цеха Людмила Васильевна Зубкова, электросварщик арматурного цеха Василий Илларионович Бельченко. Смена, в которой работал Бельченко, закончилась в 1.30, то есть через 5 минут после аварии, и люди шли по двору под черным облаком.

С 0 до 8.00 оклеивала стены в здании будущего бассейна выдержки отработавшего топлива пятого блока бригада В.И. Запеклого под руководством мастера В.В. Гуцула. До пяти утра работали сварщики. На промплощадке закрывал наряды С.А. Петренко.

Я видела их после больницы в санатории “Голубое” под Москвой.

— Мы теперь даже в дворники не годимся, — произнес один рабочий. — Я удивилась неожиданному выводу. — Жара противопоказана, холод противопоказан... И совершить ничего не успели — находились во дворе, а потом сразу в больнице...

Но именно строители и монтажники ЧАЭС были одними из первых среди тех, кто начал возрождать ее к жизни.

* * *

Констатирует Министр здравоохранения СССР академик Е.И. Чазов: “В течение первых 6 часов было госпитализировано 108 человек с выраженной первичной реакцией облучения, ожогами и травмами. Через 12 часов к работе приступила специализированная бригада медиков, прибывшая из Москвы. В течение 36-48 часов целенаправленно было обследовано 350 человек, 300 из которых было госпитализировано в клиники Москвы и Киева. В последующие несколько дней было госпитализировано еще 200 человек с подозрением на лучевую болезнь. На основании тщательного биохимического, иммунологического, цитогенетического, радиометрического исследования и клинического обследования диагноз острой лучевой болезни был поставлен 237 больным... Лечение больных осуществлялось по схеме, апробированной ранее на немногочисленных больных лучевой болезнью с учетом международного опыта... Накоплен опыт, которого не было в практике мировой медицины”.

Очевидцы, станционная газета “Трудовая вахта” зафиксировали события тех дней. У многих остался в памяти обожженный Володя Шашенок, Он был мужем здешней медсестры. Лицо бледно-каменистое. Иногда к нему возвращалось полусознание и он стонал: “Отойдите от меня, я из реакторного”... В таком состоянии он еще помнил о других. Прибежала медсестра Людмила Шашенок. Еще не зная о состоянии мужа, спрашивала у всех: “Где мой? Не видели? Черный, с бородой!” Поняла по выражению лиц. А потом... включилась в общее кружение — ведь она медсестра, а здесь был... фронт, Отечественная война. Именно так поняли обстановку многие. Умер Володя утром в реанимации. К тому времени там было уже много тяжелых больных.

Припятские женщины несли в санчасть пострадавшим огурцов, молока — продукты, способствующие выведению ядов из организма... “Ты помнишь, Алеша, дороги Смоленщины?.. Как кринки несли нам усталые женщины, прижав, как детей, их к усталой груди...”, — писал Константин Симонов в 1941 году. Вспомнишь эти строки — и жутко становится. Но... все по порядку.

Немало мужества потребовалось от Чернобыльских медиков. Ближе всех к ним оказался персонал медсанчасти (МСЧ) №126. Эти несколько человек принимали пострадавших на станции, оказывали первую помощь и отправляли в Припят. Работы было так много, что, как говорится, вздохнуть некогда.

Информацию об аварии медики получили через 15 минут. Первая медицинская помощь оказывалась в здравпункте станции в АБК-1. Через 30 минут в работу включились бригады скорой медицинской помощи. Пострадавшие быстро выводились из зоны облучения и разрушений, осуществлялась их первичная санитарная обработка, оказывалась неотложная помощь: срывали одежду, давали другую, но мыть почти никого не успевали и отправляли в г. Припят.

“Диспетчерская “Скорой помощи” располагалась по соседству с приемным покоем в здании припятской больницы. Одновременно здесь можно было принять на санитарную обработку до 10 тяжелых больных, но не десятки, как это пришлось на ночь и утро 26 апреля. Кроме того, в приемном покое оказался ограниченный запас чистого белья, действовала всего одна душевая установка. Невеликим был и ночной штат “Скорой помощи”. В тот раз свою вахту несли диспетчер Л.Н. Мосенцова, врач В.П. Белоконь и фельдшер А.И. Скачек, медсестра приемного покоя В.И. Кудрина, санитарка Г.И. Дедовец.

“Вызов в “Скорую помощь” с АЭС поступил вскоре после гремевших там взрывов. Что произошло, толком по телефону объяснили. Но Скачек срочно выехал на атомную. Вернувшись с городского вызова в диспетчерскую в 1 час 35 минут, врач уже не застал своего коллегу и ждал его сообщения. Телефонный звонок от него раздался в 1 час 40-42 мин. Скачек сообщал, что есть обожженные люди и требуется врач.

“Белоконь вместе с водителем А.А. Гумаровым срочно направились к АЭС, в общем-то, так и не зная, что там происходит. Поэтому не захватили с собой даже респираторов — “лепестков”. Впрочем, их в резерве больницы и не было.

“Следом за машиной врача последовали еще две “кареты” без медработников. Вообще, той ночью и утром самоотверженно работали водители “скорых”: А.С. Винокур, М.А. Круковец, В.А. Шалагинов, И.А. Юрченко.

“По установленному порядку, в случае радиационной аварии первая помощь работникам атомной станции оказывается в местном санпропускнике: помывка, переодевание, выдача специальных препаратов и т.д. Но врач Белоконь обнаружил, что дверь здравпункта на АБК-2 закрыта.

“Через некоторое время появились и пациенты. Люди жаловались на головную боль, заложенность в горле, сухость во рту, тошноту, рвоту. Некоторые были возбуждены, иные выглядели как бы пьяными.

“Прием пострадавших пришлось вести в салоне “Скорой помощи”. В основном людям делали уколы успокаивающих лекарств и отправляли в городскую больницу.

Типичную историю рассказал Александр Ювченко: “Саша Агулов довел меня до медпункта. Одежду сорвали, но не помыли, а дали какую-то другую одежду и отправили в Припятскую больницу. Там опять переодели, и тоже не помыв... Я лег, несколько раз рвало, и меня отправили под капельницу. Пришли следователи. Надо рассказывать, но язык — как деревянный, будто черемухи объелся. Через каждые несколько слов надо было пить. Я попросил медсестру жене сказать, что все в порядке. А сестра передала по телефону буквально: “Все в порядке, лежит под капельницей”, — жена и рухнула на пол. Отошла, прибежала к больнице. Я ей сказал: “Выброси продукты, закрой дверь, Кирилл на улицу не выпускай (это его спасло). Скажи все это другим”.

Старшего фельдшера Татьяну Андреевну Марчулайтене ночью на работу вызвала санитарка со “Скорой” — и в 2.40 фельдшер уже принимала в приемном покое больницы пострадавших. Вот что она вспоминает об этом:

“Я увидела диспетчера “скорой” Мосенцову. Она стояла, и слезы буквально катились из ее глаз. В отделении стоял какой-то рев. У привезенных со станции открывалась сильная рвота. Им требовался уход, а медработников не хватало. Но здесь уже находились начальник МСЧ-126 В.А. Леоненко, начмед В.А. Печерица.

Меня удивило еще и то, что многие из поступивших в военной форме. Это были пожарные. У одного — лицо багровое, у другого — наоборот, белое, как стена. Радиацией обожженные лица, руки. Топтунов и Акимов были красные, как раки. Некоторых бил сильный озноб. Зрелище крайне тяжелое. Но приходилось работать.

Я просила, чтобы прибывшие складывали свои вещи на подоконник. Переписывать все сдаваемое оказалось некому. Из терапевтического отделения уже поступила просьба, чтобы в палаты никто ничего с собой не брал, даже часы. Ведь все это, как у нас говорят, “фонило”.

Слышала, как со станции звонил Белоконь. Просил лекарства, йодистые препараты. А у нас свои проблемы. Одно крыло терапевтического отделения находилось на ремонте, а другая часть оказалась полностью заполненной больными. И мы стали отправлять их ночью домой, чтобы освободить места для пострадавших на станции. И уходили люди прямо в больничных пижамах. Ночь, правда, стояла теплая.

В стационаре вся тяжесть первичной врачебной помощи легла поначалу на терапевтов А.П. Ильясова, Г.Н. Шиховцова, заведующую терапевтическим отделением Н.Ф. Мальцеву. Ей, конечно, требовалась помощь. И мы направили по квартирам медработников нашу санитарку Г.И. Дедовец. Но многих не оказалось, ведь была суббота, и люди разъехались по дачам. “Помню, подъехала медсестра Р.И. Кропотухина, которая, кстати, находилась в то время в отпуске. Подошла фельдшер В.Ю. Новик.

В больнице оказалась специальная упаковка на случай оказания первой помощи именно при радиационной аварии. В ней находились и сотни систем одноразового пользования для внутривенных вливаний. Все это быстро пошло в дело. В приемном покое мы израсходовали всю чистую одежду. Остальных больных просто заворачивали в простыни.

Запомнила я в те часы нашего лифтера Л.Д. Ивыгину. Она буквально как маятник успевала туда-сюда. И свое дело делала, и еще за нянечку успевала. Каждого больного поддержит, до места доведет.

В работу по обработке больных включились припятские наши хирурги А.М. Бень, В.В. Мироненко, М.Г. Нурнахмедов, М.И. Беличенко, хирургическая сестра А.М. Бойко и другие. Но под утро все абсолютно вымотались. Тогда врачи больницы обратились к начмеду В.А. Печерице: “Почему больных на станции не обрабатывают?” После этого звонка наступила минут на тридцать передышка, и медсестры с фельдшерами успели кое-какие личные вещи поступивших разобрать. Примерно с 7.30 в больницу уже привозили обработанных больных. В 8.00 пришла смена”.

Некоторые сотрудники “скорой помощи” города Припятть вскоре сами оказались среди тех, кто пострадал от излучения. Семь раз входил в реакторное отделение врач П.Н. Тынянов, выводя оттуда пораженных. Хирург С.П. Гнездилов был в Припяти до того момента, пока из города не эвакуировались последние жители. Но сам не уехал, пришел в центральную больницу Чернобыля: “Буду работать здесь”. Когда эвакуировали село Чистогаловка, фельдшера Л.П. Шабельник пришлось почти силой отправлять в больницу: она получила повышенную дозу радиации. Подлечилась — и снова на работу. В момент взрыва в санчасти АЭС дежурила медсестра Т.Н. Зборовская, дочь участника Великой Отечественной войны. Потом она сама была вынуждена покинуть атомную энергетику.

Пострадавшим станционникам сказали, что самых тяжелых будут отправлять в Москву. Каждый надеялся, что его не выберут, что больше 50-и бэр не получил. Лица

всех суровы. Губы сжаты. Врачи спрашивали, где конкретно был и многих отправляли в Москву. “Товарищ сунул мне деньги, а я попросил передать жене, что отправили на обследование. — Вспоминает А. Ювченко. — В Москву мы летели в десантном самолете, по 12 человек с каждого борта. Внизу лежали двое носилок. Сначала один за другим вставали и шли в хвост: рвало. Потом некоторые стали просто ложиться на пол. Одеты были в больничное, в шлепанцах. У меня пятки на полу — шлепанцев 46-го размера не нашлось. На лица страшно смотреть. Уже в самолете стали чувствовать ожоги, старались лопатками не прислоняться. Вторая партия летела на Ту-154”. Рассказывать А. Ювченко отказывался. Но потом согласился, что это — не праздное любопытство. О московской шестой больнице отзывался так: “Я иду сюда, как в дом, где я родился”.

— Тем, что мы живы, работаем, живем в своих семьях, мы обязаны врачам и выражаем им свою глубокую благодарность за милосердное отношение и квалифицированную помощь, — мнение остальных.

На плечи персонала московской клиники №6 Института биофизики Минздрава СССР пала основная тяжесть лечения пострадавших на ЧАЭС. Чернобыльцы ласково называют ее “шестеркой”.

Заведует отделением Ангелина Константиновна Гуськова (тогда профессор, а теперь — член-корреспондент Академии медицинских наук). Врача Г.Д. Селедовкина в три часа ночи 26-го подняли с постели, отвезли в аэропорт, вылетел в Припять. Это он в медсанчасти № 126 отбирал больных, сразу же ставил ориентировочный диагноз и не ошибся ни разу. А когда в середине мая он вернулся в Москву, дозиметристу пришлось раздеть и его — очень он был “грязный”.

— Пострадавшие из Чернобыля прибыли к нам 27-го апреля двумя партиями (первый автобус — 27 человек — в 6 часов 10 минут утра). Среди них — 131 тяжелый больной, — рассказывал Николай Михайлович Елманов, тогда — дозиметрист шестой больницы, затем пенсионер по возрасту. Елманов умер в 1992 году. — Я не имел ни малейшего понятия, кто и с чем к нам едет. Думаю, что и руководство наше в известность не поставили. Я не мог предположить ни степень загрязненности, ни характер одежды. А ведь она оказалась на многих очень “грязной”. Однако медицинский персонал к встрече был готов. Приехавшие с первым автобусом “загрязнили” вестибюль клиники, и перед приходом второго автобуса пришлось пол закрыть пленкой.

Среди первых были Дегтяренко, Кургуз. Их принесли на носилках. У Кургуза было обожжено 90 процентов кожи, в том числе голова, руки — а он улыбался!

Было бы преувеличением думать, будто персонал больницы обрадовался появлению таких “высокоактивных” пациентов. Пострадавшие, как говорится, “светились”— излучали довольно мощные потоки радиации, хотя и заметные только с помощью приборов. Но природа излучения была вполне ясна и врачам, и тем, кто вез этих людей из Чернобыля в Москву. “Светились” их тела, одежда, а особенно деревянные ящики, в которые эти вещи сложили, носилки. Людей и их вещи надо было брать в руки, перекладывать, переодевать, мыть. Потом снова брать в руки, перекладывать. Не минуты, а много суток подряд. Больных переодевали по несколько раз в день. Находясь в Москве, медики и работники Института атомной энергии имени И.В. Курчатова, которые занимались перевозкой людей и вещами, порой получали не меньшую дозу, чем работающие в Чернобыле. Они прекрасно сознавали опасность, так же как и необходимость своего труда.

Радиационную разведку в Москве надо было производить в транспорте, в котором везли людей из Чернобыля, в больницу. Это делали лично в первый же день заместитель главного инженера ИАЭ А.Е. Борохович, главный инженер отделения этого института И.М. Фомичев, его заместитель В.И. Кабанов, В.Д. Письменный, заместитель директора

отделения В.В. Иванов, М.С. Костяков, Ю.А. Ширяев... Чуть ли не с нуля организовали в шестой больнице “грязную” и “чистую” зоны с санпропускником и техническим обслуживанием — прежде в отделении больше одного общественного умывальника не требовалось.

— Между прочим, во Франции не было серьезных аварий, — говорил А.Е. Борохович. — А походные, специально оборудованные санпропускники в вагонах, специализированные самолеты на всякий случай предусмотрены. Мы же возили пострадавших на обычном, хотя и служебном самолете, в обычных поездах, автобусах и реанимобилях.

Специальной одеждой и одеждой из пластика, бахилами, респираторами уже в пять утра 27-го апреля обеспечили врачей и сестер. Независимо от званий и рангов, в приемном отделении и в лечебном корпусе они сутками не уходили из больницы. Без помощи работников Курчатовского института, которые 10 дней непрерывно дежурили в больнице, им было бы очень трудно работать.

9-го Мая ветеран Великой Отечественной войны водитель Николай Федорович Калинин вдруг задумчиво произнес:

— День Победы. А мы, как на фронте. — И он, и другой водитель ИАЭ Алексей Жамалутдинов имеют право на это замечание — оба участники Великой Отечественной войны.

К этому времени в шестой больнице лежало уже около двухсот чернобыльцев, из них более пятидесяти — тяжелые. Их нательное и постельное белье меняли каждые два часа. Автомашины дезактивировали. Если не поддавались — меняли обивку. Случалось, после такой обработки от машины оставался один корпус.

— Я обязан рассказать, как было, хотя и не велика моя должность, — говорил Елманов. — Бывало, я старался в медсестер, врачей “втолкнуть” хоть чашку кофе — они с недожеванным бутербродом срывались с места и бежали к больным. Наши больные находились и на третьем, и на верхних этажах, а лифты барахлили — так они бегом с этажа на этаж, не замечая усталости. Наши медсестры с перегрузом работали с полгода. От автобуса до здания всего 3-4 метра. Пока, чернобыльцы это расстояние проходили, с них сыпалась невидимая глазу радиоактивная пыль. Я поднялся следом на наш этаж, замерил фон на лестничной площадке — “грязь”: больных-то помыли, а медсестры и врачи разносят ее с пылью на ногах. Я — к А.К. Гуськовой — как быть? Отвечает: “Бери любых людей, дай им приборы и следы, чтобы прекратилось бегание персонала по этажам”. Связались с руководством, чтобы дали пленку, халаты, марлевые повязки, пластикат — защитные средства для борьбы с распространением радиации.

9 утра, воскресенье 27-го апреля. Елманов пошел искать помощников. Во дворе нашел работников санэпидстанции, предложил их руководителю О.Д. Бурову поставить его людей на верхних этажах. Он только отмахнулся и людей не дал. В итоге в первый день загрязнили все переходы и лестничные клетки практически во всей больнице. Потом сотрудники отделения с помощью солдат два месяца все это приводили в норму: снимали линолеум, вычищали щели в паркете.

Еще две партии пострадавших привезли 28-го апреля. Но те были полегче.

С научной и медицинской точек зрения клиника не оказалась застигнутой врасплох. Здесь уже был накоплен некоторый опыт лечения тяжелых радиационных поражений. А.Е. Баранов разработал собственную, очень эффективную систему диагностики и лечения. Первые три дня медикам приходилось выяснять, сколько же получили пострадавшие. Достоверно сказать об этом мог только сам организм, а “прочсть” информацию позволяла система А.Е. Баранова. Некоторым достались очень высокие уровни радиации. Например, А. Кургуз получил дозу, в несколько раз превышавшую

смертельную. Чтобы очистить его тело от радиации, которую теперь выделяла обожженная поверхность, его накрывали простынями. Их через час-два выбрасывали.

Здесь стали свидетелями уникального в мире случая — выжил Андрей Тормозин, получивший 900 бэр. Ему сделали более десяти пересадок кожи.

Материально же клиника была недостаточно подготовлена к одновременному приему такого количества больных. Сразу понадобилось очень много одежды, тапочек и других необходимых вещей. Поэтому, например, первую партию при поступлении мыли мочалками, а вторую — тряпками: в воскресенье трудно было найти так много новых мочалок.

В специализированном отделении сначала всем и места не хватило. Тех, кто казался поздоровее, поместили в гинекологию и взамен уже ставших “грязными” пижам дали женские рубашки. Рослый Василий Кравченко поставил ногу на табурет, и рубаха задралась. Ребята хохочут. А сестричка закрыла лицо руками и боится голову поднять от стыда и этого громогласного мужицкого хохота... Так прошли первые дни.

Сначала многие даже тяжелые больные ходили. Кое-кто интересовался девочками — заглядывались на медсестер. А то и водочки просили. А потом стали ложиться.

Вспоминает Александр Бочаров: “...мы бодренькие... Такая странная болезнь: в первые часы выворачивало наизнанку, на ногах не стояли. Потом вроде как живой водой окропили: ни с того ни с сего здоров! Ходили в курилку, гуляли по коридорам. И вдруг, бах — снова падаешь. Нет сил доползти до кровати. Тошнота, лоб в испарине... И на этот раз мы уже поднялись нескоро. Да и не все поднялись...”

Обычные палаты приспособили под стерильные боксы и поставили в них ширмы. Самых тяжелых развели по одноместным палатам.

— Врач умирает с каждым умирающим пациентом, — рассказывала А. К. Гуськова. Но когда гибнут такие люди, боль особенно велика. Ведь эта болезнь родилась не в человеке, а из-за чьих-то ошибок или просчетов. Она ненормальна. А.Е. Баранов — мужественный, сердечный человек. Он руководил лечением самых тяжелых, но все-таки поддающихся лечению, и применял методы воздействия на кроветворящие органы. Профессор Гейл, приехавший из США, М.В. Кончаловский трансплантировали костный мозг. Замечательные профессиональные качества и беззаветную самоотверженность проявила молодой доктор С.Г. Пушкарева.

Взятие и введение костного мозга, эта отчаянно опасная и, как считается, полезная операция — в этом случае помогла меньше чем ожидалось. Эффективнее оказались отбор и замена отдельных частей крови. Американцы говорили, что советские врачи вдвое превышали дозволенные дозы крови. Да, но ведь это помогало! Большой коллектив врачей трудился практически круглосуточно, без выходных. Всем нуждающимся делали так называемую заместительную терапию клетками крови, антибактериальную и безинтоксикационную терапию. В стерильном блоке можно было увидеть подвешенные мешки — шла массовая заготовка крови, она отстаивалась. Огромное количество доноров, в том числе из самых дальних краев страны, предлагало свою кровь. Давлетбаев, например, помнит двоих из многих, чьи эритроциты и тромбоциты ему вливали: Кравченко и Янкилевича. До этого у многих в строке “лейкоциты” был прочерк. Но не все в руках врачей. Не всех удалось спасти.

Плазмофорез — очень тяжелая процедура. Это когда твою кровь выливают, а другую вливают. У некоторых сердце отказывало. Больным сказали, что волосы будут расти через три месяца — так и было. В реанимации сестры говорили, что в их работе настало “золотое” время — случалось, что было их десять сестер на двоих больных. Гроша ломаного не давали за наши жизни: “Вы — новорожденные, вам все можно”.

В больнице самыми жуткими днями были понедельник, среда и пятница, когда из коридора слышался звон тележек со склянками и банками — ехала перевязка.

Одновременно приезжали юпитеры — киносъёмка. Сестра вводила обезболивающее, потом приходил хирург, и начинались перевязки. Боль была такая, что кричали цензурные и нецензурные слова — это все фиксировались на пленке. На просмотре одного популярного фильма кто-то сказал: “Реклама обгоревших трупов”. Но это были мы — Нина Тормозина узнала своего мужа.

Радиация обжигала, словно пламя, хотя проявлялся ожог часто не сразу. У некоторых ожоговые язвы вроде бы подживали, а потом открывались снова. Геннадию Русановскому руку вшивали в живот, и молодая жена приходила, чтобы помочь ему в любой мелочи, ставшей теперь проблемой. Он с Ювченко в реанимации лежали последние и теперь живут в Москве в одном подъезде. Русановский закончил авиационный институт в Перми, поехал в Припять, да вот после получения новой квартиры там и месяца не проработал.

Постепенно людей заново учили пользоваться конечностями и выполнять другие функции — например, рисовать, плавать в бассейне, работать на велотренажере. Их водили в цветники, на природу.

От больных поступали совсем не специфичные для работы больницы просьбы: найти семьи, подыскать пристанище (в основном для родственников, которые приезжали навещать своих). Их устраивали чаще в больничной же гостинице для врачей, приезжающих обмениваться опытом.

Откликнувшись на просьбу медиков, прежние пациенты “шестерки” с ожогами и другими сходными заболеваниями согласились задержаться с выпиской. Юрий Татар задержался, чтобы помочь Нехаеву возвратиться к жизни. Это было ценной психологической поддержкой.

Жена Нехаева приехала в больницу одной из первых, устроилась работать в аптеке и много помогала сестрам. Само ее присутствие порой заменяло лекарства, и всегда степенный, рассудительный Нехаев поставил цель: выжить. Начал стараться самостоятельно поворачиваться, двигаться... Видеть это было невыносимо — у него было обожжено почти все тело, и со значительной части кожа совсем сошла. Это приносило постоянную жгучую, дикую боль. В палату к Нехаеву перевели Олега Генриха — он занимал его разговорами, отвлекал. А ведь и Олегу врачи потом три года запрещали работать. Подселили еще одного больного. Тот застонал, и Нехаев, сам еле сдерживавший стоны, приговаривал: “Потерпи, потерпи еще, пройдет”. Все они старались поддерживать друг друга. И страдания их были ужасны.

Александр Нехаев через 14 месяцев после аварии был единственным, кто еще не выписался из клиники. Ему ампутировали ногу: десятки пересадок кожи за год, но тщетно, слишком тяжкие ожоги. Над верхней губой — бисеринки пота. Бледный, худой. Каждое движение давалось ему с усилием. Таким увидела его делегация “Комсомольской правды” в октябре 1987 года. Врачи сказали, что Александр точно идет на поправку.

...Он работал в ту ночь в одной связке с Акимовым и Топтуновым. Прямо напротив аварийного реактора. Акимов и Топтунов умерли... Это было самое пекло, и они об этом знали уже тогда. Нехаев сказал: “Кому-то надо было открывать задвижки”. Именно так и сказал: “...кому-то”. Обезличив себя. Лишив всякого права на привилегии. Как будто это был бой, и он был в этом бою солдатом.

— Сколько вы пробыли в том месте?

— Минут сорок-пятьдесят. Многие из тех, кто лежит сегодня на Митинском кладбище, получили свою дозу за считанные минуты, если попадали в особенно грязные места.

— Потом?

— Потом мне стало очень худо, и я пошел домой. Я тогда подумал, что мне конец. Я хотел в последний раз посмотреть на детей. Утром меня забрала “скорая”.

— Где вам вручили орден “Дружбы народов”?

— Прямо здесь, в клинике. Приезжали ко мне из министерства, мои ребята-чернобыльцы навестили... Торжественно было.

— Ваши планы, Александр?

— ЖИТЬ!”

В штабе Минэнерго СССР, расположившегося на территории больницы №6, я познакомилась с инженером Н.И. Фоминой. Она рассказала, что здесь дежурят энергетики, пытаются помочь пострадавшим хотя бы в бытовых мелочах: организуют установку телевизоров в боксы, узнают и выполняют пожелания о чем-нибудь вкусненьком, о предметах туалета, определенном виде сигарет, а согласившихся бросить курить обеспечивают леденцами. С энергетических предприятий приходили посылки с фруктами, соками и прочим. Безотказно помогали из ЦК профсоюза электростанций и электротехнической промышленности.

Вот в штаб вошли две симпатичные молоденькие девушки, санитарки — Нина Ивановна уговаривает их попить соку. Открыла шкаф — а он полон отличными соками всех наименований.

— Безотказные девочки,— сказала она.— По 12 часов работают, на обед надо уговаривать оторваться. Полы моют по несколько раз в день, выносят горшки, не отказываются ни от какой грязной или тяжелой работы. Словом, делают все, что скажут. То пошутят, то приободрят словом, то анекдот расскажут. Больные наши рады им.

— Вы здесь давно работаете?— спросила я одну из девушек, Таню Друбу. — Две недели, я техник нейтронно-физической лаборатории с Кольской АЭС. Десять девушек — техников и инженеров нас из цеха наладки, испытаний и пуска Курской АЭС. А Вы зачем спрашиваете? Ах, вы журналист, извините, мне некогда, работы много! — И убежала. Поразительно, как охотно все энергетики-эксплуатационники, строители, монтажники рассказывают о других и как единодушно прерывают разговор, если он касается их личного участия в этом тяжелом деле. В этом смысле с ними трудно работать.

Время от времени по телефону шли междугородние сигналы — звонили родственники пострадавших, эвакуированные из Припяти в разные города страны. Вопросы родственники задавали самые разные, даже просили штаб посодействовать в их трудоустройстве или в том, чтобы детей определили на отдых там, где это удобно матери. Пожеланиям припятчан шли навстречу, называя их чернобыльцами по имени АЭС.

...В течение месяца в шестой московской клинике института биофизики Минздрава СССР в результате чернобыльской аварии из 131 умерли 28 человек с диагнозом “острая лучевая болезнь”— 19 эксплуатационников ЧАЭС, трое энергостроителей с этой станции, 6 пожарных. Первое время этим списком официально почти исчерпывалось число жертв чернобыльской катастрофы. Окончившие курс лечения проходили медицинскую реабилитацию в санатории “Голубое” под Москвой.

“Хочу видеть чернобыльцев” — этот “пароль” открыл все двери. Так вышло, что в “Голубое” я приехала только вечером. Медсестра очень хотела сделать для чернобыльцев что-нибудь хорошее, пусть даже это просто доброе слово — и собрала всех в одной палате. Разговор затянулся за полночь, но никому не хотелось расходиться.

Врачи каким-то чудом не узнали о таком вопиющем нарушении распорядка. А когда я сама призналась в содеянном — то еще и машину дали, чтобы успела к последней электричке. Предлагали даже остаться до утра в “Голубом”, не ехать в ночь.

— О ребятах погибших напишите, обо мне говорить нечего, — Поставил условие оператор центрального зала четвертого энергоблока О.И. Генрих, о мужестве которого рассказывали его сотрудники еще в “Сказочном”. Узнав, что имя его мне уже известно, взволнованно спросил только: “Добром вспоминают или ругают?” средний возраст работавших на ЧАЭС составлял тогда 26 лет.

ТЫ ЗА ВСЕ В ОТВЕТЕ

О своем друге пилоте Гийоме Антуан де Сент-Экзюпери писал: "Его величие — в сознании ответственности. Он в ответе за самого себя, за почту, за товарищей, которые надеются на его возвращение. Их горе или радость у него в руках. Он в ответе за все новое, что создается там, внизу, у живых, он должен участвовать в созидании. Он в ответе за судьбы человечества — ведь они зависят от его труда.

Он из тех больших людей, что подобны большим оазисам, которые могут многое вместить и укрыть в своей тени. Быть человеком — это значит чувствовать, что ты за все в ответе. Сгорать от стыда за нищету, хоть она как будто существует и не по твоей вине. Гордиться победой, которую одержали товарищи. И знать, что, укладывая камень, помогаешь строить новый мир"...

В экстремальных условиях многие люди способны мобилизовать все свои физические и духовные силы на возвышенные действия. Об этом говорят бесчисленные героические поступки, акты самопожертвования и подвижничества. Л. Фейербах отмечал, что в критических ситуациях, когда человек теряет все или рискует всем, он способен на гуманные героические шаги во имя жизни. Ибо для него "неосуществление подобных действий есть моральное самоуничтожение". Теоретически мы все это осознаем и без запинки ответим, что за достойную идею, за Отечество, за свой народ, наконец, за людей Планеты надо идти даже на плаху. Особенно, если на тебя смотрят со стороны. На миру и смерть красна, тем более - успех

А сели — не смотрят? Если, наоборот, есть надежда, что окружающие не разберутся в сути вашего "липового" успеха, тем более если на первых порах он принесет явную экономию или если ваш начальник, безусловно, грамотный специалист, требует: "Дальше! Дальше!" Интересно, каждый ли подчиненный усомнится в правильности приказа такого начальника?

Кто — каждый из нас? и верны ли наши теперешние привычки? Не мерила — они у всех нас едины и все правильные. Именно привычки, мерки, подходы...

Дисциплину в атомной энергетике определяет не пресловутая формула: "Как просто быть солдатом, ни в чем не виноватым". Здесь без дисциплины и на самом деле невозможно, и в то же время каждый подчиненный должен во всех случаях поступать осознанно, технически и физически грамотно. В отечественной атомной энергетике компетентности операторов придается большое значение, тогда как за рубежом, например, в США особый упор делается на буквальное выполнение Регламента, без больших размышлений. Вопрос спорный, об этом будет разговор. На наших АЭС больше специалистов с высшим образованием.

Начальник пятой смены четвертого энергоблока А.Ф. Акимов по правилам — как бы хозяин реактора. Он осуществляет сам или дает команду подчиненным о выполнении тех действий, которые считает необходимыми. Инженеры, операторы имеют право возразить, высказать свое мнение, даже категорически отказаться от действий, которые противоречат регламенту. Но ведь никто лучше начальника смены не знает в комплексе все системы энергоблока и, в частности, на данную конкретную минуту. Ему доверяют. Поэтому-то после аварии многие люди, непосредственно с работой ночной смены не связанные, во многом винили в ней лично Акимова. За что конкретно, никто толком не знал, просто предполагали, что он оказался или недостаточно грамотен, или недостаточно смел, когда потребовалось защищать свое мнение перед присутствовавшим здесь же весьма властным заместителем главного инженера А.С.

Дятловым. Хорошо знавшие Акимова уважали его за инженерную грамотность, просто человеческую порядочность. И на суде ни один свидетель не бросил в Акимова камень.

Все распоряжения Акимова выполнялись молниеносно. И даже когда казалось, что мир рушится, начальник смены блока был максимально выдержан. Признавали все: великолепно соображал Акимов.

Он быстро рос как руководитель. Этот интеллигентный, во всем аккуратный, спокойный и вообще уравновешенный человек сначала подготовился и сдал экзамены на должность старшего инженера по управлению турбиной, потом стал начальником смены всего энергоблока. Высокая должность. И весьма ответственная. В течение нескольких часов он, по сути, — хозяин комплекса сложнейших и дорогих машин электрической мощностью миллион киловатт.

Взрыв произошел в процессе испытаний по проверке возможности подачи электроэнергии от турбогенераторов в режиме обесточивания АЭС.

Но авария-то произошла на реакторе!

— Акимов был отличный парень, умница, начитанный и грамотный инженер. Но... у него всегда не хватало характера. — Это мнение Н.А. Штейнберга.

В процессе эксперимента наступили минуты, секунды, когда произошли сбои, и начальник смены должен был засомневаться сам, а возможно — своему слишком увлекшемуся начальнику, заместителю главного инженера ЧАЭС С.Д. Дятлову, который курировал испытания от имени руководства станции. Но легко рассуждать так нам, со стороны, в спокойной обстановке. Немного нашлось бы людей, готовых послушаться С.Д. Дятлова. Я не защищаю и не обвиняю Акимова, просто пытаюсь быть объективной.

Поняв трагизм положения, Акимов принимал инженерно верные, но (он не знал этого) уже бесполезные решения. И не пожалел своей жизни, надеясь исправить ошибку. Чью? Он не знал... “Я все делал правильно” — твердил он перед смертью.

Ему непосредственно подчинялся начальник смены реакторного цеха В.И. Перевозченко...

В смене Перевозченко всегда был (и остался в памяти) очень уважаемым человеком, центральной фигурой не только по должности, как начальник и парторг. Ему младшие по чину сдавали экзамены по Правилам технической эксплуатации, Правилам техники безопасности. Знания требовал строго, но никогда никаких конфликтов с ним не возникало, и он всегда умел добиться исполнения команды не обостряя отношений. Отличное качество... в обычной жизни. Но в “ту” ночь, в экстремальной ситуации начальник смены реакторного цеха В.И. Перевозченко, возможно, был обязан вступить в конфликт, как и Акимов, если и не с начальством то с самим собой, с привычным поведением. Впрочем, разговор об этом еще впереди. “Возможно” — не “наверняка”.

Специалисты-ядерщики убедились: урок Чернобыля заставил считаться с тем, что нарушения Регламента могут быть непредсказуемыми, а сам Регламент — недостаточно полным. В тот период существенным пороком чернобыльского реактора и вообще РБМК был так называемый положительный коэффициент реактивности, при котором в некоторых ситуациях реактор мог разогнаться, когда от него ждут, чтобы он заглох. Но в Регламенте об этом его свойстве ничего не было сказано: проектировщики надеялись, что такие опасные ситуации не возникнут. Не могла действовать достаточно быстро и аварийная защита. Остановимся позже и на этом.

Не удивительно, что важнейшей, первоочередной задачей после аварии на Чернобыльской АЭС стали выработка и осуществление таких технических решений, которые позволили устранить на действующих и строящихся АЭС с РБМК их вредные особенности, существенно повлиявшие на развитие аварии. Все это сделано всего за пару лет.

Но почему же только — после аварии? Разве не знали ученые и конструкторы аппарата о его недостатках? Знали, оттого и ужесточили Регламент эксплуатации. Если бы исключили и сами причины, сделав более строгими технические средства, аппарат стал бы более дорогим и менее экономичным. Глава Светского государства Л.И. Брежнев выдвинул лозунг: “Большой эффект с меньшими затратами”. Собственно, такого принципа придерживаются повсюду, все дело в принятых пределах. Лозунг же как бы снял пределы. Серьезной аварии не опасались, проектировщики и сами поддались эйфории абсолютной надежности атомной энергетики, даже при некоторых отклонениях от конструктивных норм. Первый заместитель директора Института атомной энергии (ИАЭ) им. И.В. Курчатова В.И. Легасов собственноручно написал для моей предыдущей книжки (о строительстве АЭС): “Надежны при правильной эксплуатации” (позже обсудим и это). А при “неправильной”?

Реактор, любой, должен быть надежен независимо от этого условия, он должен уметь “без разговоров” самостоятельно заглушаться, если действия операторов неправильны, электроника это способна обеспечить. Иной атомной энергетике просто не должно быть места. Да, кое в чем виноваты и конструкторы, и персонал. Но чернобыльский реактор, по выражению одного из сотрудников ИАЭ, “позволил себя разрушить”.

Все это не помешало конструкторам публично обвинить в трагедии лишь эксплуатационников, “нарушивших Регламент”, и только через три года, на учредительном собрании Ядерного общества СССР, которое торжественно проходило в самом уважаемом общественном здании страны — в Колонном зале Дома Союзов — три крупнейших специалиста заявили:

— Нам было стыдно. Однако пора и необходимо признаться: Чернобыльский аппарат был недоработан с точки зрения безопасности. И слишком засекречен.

Выступали только специалисты высокого ранга. Многие заявляли о необходимой открытости в ядерном производстве и энергетике. И ведущий собрание вице-президент АН СССР Е.П. Велихов, на этом собрании избранный и президентом Ядерного общества, засмеявшись, произнес, как под присягой на Библии:

— Да, будем говорить правду, всю правду и одну только правду!

...Эстонский академик Густав Наан лет 20 назад писал, что подобно тому, как в физике действует второй закон термодинамики, и в человеческом обществе, даже в его маленькой ячейке — семье, как и в любой системе, заложено стремление к разбалансированности, энтропии. Необходима постоянная забота о наладке, регулировании. Иначе могут возникать сбои. Если систему совершенно предоставить самой себе, она, в конце концов, развалится. И любое государственное устройство нуждается в постоянном поддержании порядка. Сталин делал это изуверскими методами. А после него никто, особенно Брежнев всерьез этим не занимался вовсе. Неправда, что в Советском Союзе люди работали только под кнутом, раб не способен на подвижничество. Собственно, провозглашались идеалы, к которым человечество возвращалось тысячелетиями.

Формула “на мою ответственность” стала простым сотрясением воздуха. Вот это моральное бездействие не только правительства, но часто и на нижних ступеньках общества в последние десятилетия перед перестройкой в нашей стране мы и называем противным, вязким словом “застой”. Застой в ядерной энергетике выразился чернобыльской катастрофой. Мгновением. Трагедией одной ночи, помнить которую не только нам, но и всему человечеству предстоит многие годы, может быть всегда. Такая страшная цена за личную безответственность, нередко — личные качества работников.

Сейчас на ЧАЭС нередко услышишь в ответ на оценку “хороший человек”: “Хороший человек — это не должность. Должности такой нет! А вот должность следует исполнять хорошо”.

НЕВЕРОЯТНО?

За рубежом психологическое восприятие безопасности и надежности атомной энергетики мало отличалось от бытовавшего в СССР. Как выразился на международной конференции, посвященной 40-летию Первой АЭС в Обнинске летом 1994 г., известный французский специалист д-р Рене Карл, выступавший от имени Всемирной Ассоциации операторов АЭС (ВАНО), — и там никто, в том числе и проектировщики не могли себе представить, “что “Титаник” может утонуть”. И на Западе ничего не знали о серьезных происшествиях вне “их” станций, пока не грянула авария на “Три Майл Айленд” (Пенсильвания, США). Тогда все, кроме нас спохватились и начали принимать серьезные меры. У нас тот процесс начался после Чернобыля. Пенсильванскую аварию мы проигнорировали. Мир уже учел и наш опыт.

— Вероятность такой аварии в СССР никто не предполагал, поэтому к ней были готовы — это мнение Ю.Э. Багдасарова, который в ту ночь был начальником соседнего, третьего энергоблока ЧАЭС.— Поэтому все действия персонала сразу после того, как аппарат пошел “в разгон”, справедливо однозначно считать героическими. Человечество в целом и каждый человек в отдельности на каждом этапе своего развития способен действовать только согласно этому, доступному ему уровню.

Кто-то официально заявил, будто операторы ЧАЭС самовольно отключили “все защиты”. Этому, как ни странно, публика поверила, даже не задавшись вопросом, возможно ли, чтобы атомной станцией командовали идиоты. В плохое почему-то легче верится.

«Это равносильно тому, как если бы летчик стал экспериментировать с двигателем самолета в воздухе», — так оценивал академик В.А. Легасов факт отключения эксплуатационниками ЧАЭС технологических систем безопасности в процессе эксперимента, официально связанного с режимами работы турбогенератора №8, а фактически — комплексного испытания энергоблока №4 ЧАЭС.

А вот что думает об аварийных ситуациях испытатель, инженер-пилот 1-го класса кандидат технических наук В.Т. Герасимов, который сам успешно полетал на самолетах многих типов от ПО-2 до широкофюзеляжного гиганта ИЛ-86, сам семь раз пережил отказы двигателей и 14 лет посвятил расследованию авиационных происшествий и разработке мероприятий по их предотвращению.

— Что для меня главное в человеческом факторе? Я считаю аксиомой, что человек не хочет аварии, — сказал Герасимов специальному корреспонденту “Правды” А. Тарасову. — Разве хочет совершить ошибку летчик на высоте десять тысяч метров? Разве хочет столкнуть самолеты в воздухе диспетчер? Конечно, нет! Сколько слов мы тратим, обличая расхлябанность, неумение, неточность и т.д. И все же аварии происходят. Они не норма, они страшные, всем нежелательные ЧП. И все же их больше, чем могло, чем должно быть. А могло быть совсем ничего. Значит это не желающий аварий человек становится в такие обстоятельства, которые толкают его на ошибку. У меня ошибка или нарушение правил экипажем, специалистом всегда вызывают чувство не столько негодования, сколько горечи и собственной вины... Значит, все мы, в том числе и я, что-то не доделали, не довели до конца, не были настойчивы в искоренении причин...

Есть производства, в основе которых изначально кроется опасность, некий риск для человека и окружающей Среды. С риском связаны технологические особенности ядерного реактора, химических производств, процессы работы на многих машинах.

Рискованно, например, водить автомобиль. Принципиально возможны и ошибочные действия человека.

...Итак, рассматривалась ли учеными и специалистами возможность аварии, подобной Чернобыльской? Да, если говорить о ее физической сущности (разгон реактора). Вообще, Правила ядерной безопасности допускают отклонение от пределов и условий эксплуатации, не приводящее к ядерной аварии. Нет, если говорить о причинах, именно такое сочетание физических и конструктивных свойств аппарата и действий операторов не считалось возможным.

До Чернобыльской аварии за плечами атомной энергетики мира уже было четыре тысячи реакторо-лет надежной эксплуатации. При проектировании атомных станций всегда учитывают возможность выхода из строя того или иного элемента оборудования, нарушения в функционировании приборов и ошибочные действия оператора — эти исходные события могут привести к нарушению пределов и условий нормальной эксплуатации. Соответственно им возникли понятия проектной и максимальной проектной аварий. Для подавления аварий в проекте предусматривают технические средства и организационные меры, обеспечивающие безопасность при любом из учитываемых (только учитываемых!) проектом исходных событий.

В июле 1982 года были утверждены и действовали во время чернобыльской аварии “Общие положения обеспечения безопасности атомных станций при проектировании, сооружении и эксплуатации” (ОПБ-82). Там записано: “Атомная станция считается безопасной, если техническими средствами или организационными мерами обеспечивается непревышение установленных доз по внутреннему и внешнему облучению ее персонала и населения и нормативов по содержанию радиоактивных продуктов в окружающей среде при нормальной эксплуатации и проектных авариях”.

Однако те же правила все-таки признают возможность “гипотетической аварии”, для которой проектом не предусмотрены технические меры, способные обеспечивать безопасность атомной станции, а также предупреждать максимально возможный выброс радиоактивных веществ при расплавлении тепловыделяющих элементов и разрушении локализирующих систем. Их предупредить должен разработанный и осуществленный на территории данной промышленной площадки и окружающей ее территории особый план мероприятий по защите населения и персонала.

Однако Чернобыльская АЭС не только не вызывала никаких опасений у руководителей отрасли, но даже считалась одной из лучших в стране... И все-таки именно здесь произошла авария. Как это могло случиться?

По мнению отечественных экспертов “дочернобыльского” периода, Чернобыльская АЭС относилась к разряду вполне надежных. Вообще, специалисты в области атомной энергетики утверждали, что серьезная авария на АЭС так же маловероятна, как, например, падение на Землю крупного метеорита. Но серьезная авария на Чернобыльской АЭС произошла в апреле 1986 года, а крупный метеорит упал на территорию ФРГ в начале 1988 года. То и другое — объективная реальность и одинаково маловероятно.

Постепенно, капля за каплей, я набирала информацию из заслуживающих серьезного отношения письменных и устных источников — пыталась понять, что же все-таки произошло и почему именно так, а не иначе. Разумеется, тем же занимались ученые и специалисты. Но я пытаюсь описать историю 30-километровой зоны ЧАЭС как можно полнее, и история возникновения катастрофы здесь — не лишняя.

Из “Акта специального расследования несчастного случая, происшедшего 26.04.86 г. в 1 час 25 минут при аварии на Чернобыльской АЭС”: “По данным администрации Чернобыльской АЭС, работа с персоналом (обучение, проверка знаний, инструктаж по технике безопасности, тренировки и т.п.) проводились на электростанции в полном

соответствии с руководящими указаниями по организации работы с персоналом электростанций и сетей, утвержденным Минэнерго СССР”

Мнение американского специалиста-ядерщика доктора Розена: “Советские специалисты в первую очередь опасались аварии типа поломки труб, и в этом отношении реактор был спроектирован вполне надежно”. Правила эксплуатации должны были (подчеркнуто мною Л.К.) не допустить аварии при работе в неустойчивом цикле при небольшой нагрузке. “У них были четкие инструкции, нарушение которых было просто невозможно представить. То, что случилось, — просто невообразимо”.

На атомных станциях, как и в других областях электроэнергетики и вообще в промышленности, постоянно идет научно-исследовательская работа. На электростанциях ее цель — достижение большей надежности и экономичности оборудования. Без научной, исследовательской и экспериментальной работы невозможен научно-технический прогресс. Тем более, что испытывавшийся на ЧАЭС режим предусматривался проектом. На ЧАЭС проверяли все элементы проекта.

Испытывали турбогенератор №6, как говорят специалисты, в режиме совместного выбега с нагрузкой собственных нужд по специальной программе. Если сказать проще, то в случае отключения автономной системы аварийного электропитания, то есть в критических режимах турбогенератор временно должен самостоятельно и автоматически поддерживать аварийное напряжение в электросети системы собственных нужд станции без подачи энергии извне. Вот и хотели проверить, справится генератор с задачей ролью или нет. В конечном итоге эксперимент призван был повысить надежность и безопасность реактора.

Утвердил программу 21.04.1986 г. главный инженер ЧАЭС Н.М. Фомин. Ответственным за проведение испытания он назначил своего заместителя А.С. Дятлова. Руководителем наладчиков был Г.П. Метленко.

В техническом проекте энергоблока говорится, что испытания такого рода и в таком режиме, какие проводили на ЧАЭС — сложны. Никто прежде в нашей стране ими заниматься не хотел. А в Чернобыле взялись.

Это неверно. Использование выбега турбогенератора как фактора повышения надежности его охлаждения использовалось еще на самых первых атомных станциях. Это требование входит в регламент проверок эксплуатационных режимов. И даже на первом блоке Нововоронежской АЭС, в 64-м году, этот режим был как рядовой обязательный режим внедрен и проверялся. Поэтому и на ЧАЭС этот режим решили внедрить, то есть повторяли идею применительно к этой конструкции.

“...АЗ-5 на четвертом блоке!” — этот автомат-сигнал поднял с постелей руководителей цехов Чернобыльской АЭС. Все происшедшее до включения оператором кнопки “АЗ-5” (аварийной защиты, которая командует специальным комплексом стержней СУЗ — системы управления и защиты реактора) казалось понятным. Об этом рассказывали работавшие в ночную смену. Документы регистрировали поведение всех сколько-нибудь значительных элементов оборудования. Кнопка “АЗ-5” призвана автоматически просто останавливать, заглушать реактор, сбрасывая в него все оставшиеся стержни СУЗ. По сути — это команда “стоп”.

Но именно в момент нажатия кнопки “АЗ-5” начал развиваться аварийный процесс. Как именно он развивался? Надо понять психологическую природу процесса, представить его мысленно, как бы проиграть снова. Это необходимо, чтобы понять причину, найти средства, способные стопроцентно исключить вероятность повторения подобной катастрофы.

Персонал ЧАЭС видел, что эксперимент почти выполнен: тепловая мощность реактора — 7%. Турбина остановлена. Теперь, ориентируясь на запас стержней в

реакторе, и следовало, как “стоп-краном”, реакцию полностью остановить. Все! Энергоблок останавливался на плановый ремонт.

...Никто в этой смене действительно не смог бы понять, что же все-таки произошло с реактором. Для этого нужен длительный анализ, хотя расчетчики могли и обязаны были учесть подобную ситуацию при проектировании.

Теперь имеет смысл остановиться на конструкции и физической основе атомного реактора типа РБМК.

На любой электростанции электрический ток вырабатывается турбогенератором. Разница в том, какой движитель вращает лопасти или лопатки турбины: вода, сила ветра, горячий пар. На тепловых и атомных станциях — это пар, который нагревается теплом от сгорающего органического топлива или в результате ядерной реакции деления. Можно немало рассказать о преимуществах ядерной энергетики. В данный момент нас интересует ее экономичность, в частности, эффективность использования топлива. Атомный реактор в 1 миллион электрических киловатт занимает объем небольшой жилой комнаты. Перегрузка топлива осуществляется раз в год. Для ТЭС равновеликой мощности в год потребовался бы железнодорожный состав угля из десятков вагонов. Столь велик потенциальный запас энергии атомного ядра. Топливом для АЭС на так называемых медленных, или тепловых, нейтронах (к ним относится и черновыльский реактор) служат таблетки оксида слабо обогащенного урана (2-4% уран-235) в оболочке из циркониевого сплава — циркония. Для высвобождения атомной энергии необходимо разбить атомное ядро.

Атом — это наименьшая часть химического элемента, являющаяся носителем его свойств. Атом состоит из ядра (положительно заряженные протоны и нейтроны), окруженного отрицательно заряженными электронами. Число электронов равно числу протонов в ядре. В ядре содержится почти вся масса атома. Осуществление цепной самоподдерживающейся ядерной реакции связано с жизнью нейтронов. Вообще, понятие “ядерная реакция” или “ядерное деление” означает превращение атомных ядер в результате их взаимодействия с элементарными частицами или друг с другом и сопровождающееся изменением массы, заряда или энергетического состояния ядер.

Расщепление ядра тяжелого атома сопровождается высвобождением нейтронов. И вызывается оно взаимодействием с нейтроном или другой элементарной частицей. В результате образуются более легкие ядра, новые нейтроны или другие элементарные частицы и, что для нас является в данном случае главным — выделяется энергия. При каждом делении атомного ядра высвобождается огромное количество — 200 МэВ (миллионов электрон-вольт) энергии.

Поддержать цепную реакцию деления способен только один природный изотоп урана — уран-235. Но для этого масса его должна быть критической. Критичность зависит от многих факторов, например, состава топлива, замедлителя реакции, формы активной зоны реактора и др. В природе такого не случается.

В атомном реакторе топливо заключают в систему, которую окружают материалом, улавливающим свободные нейтроны и возвращающим их обратно в активную зону. Создают и средства управления цепной реакцией с целью ее регулирования.

Для поддержания цепной реакции (своего рода “горения”) требуется только один нейтрон. Избыточные либо поглощаются, либо производят новый делящийся материал, например, уран-236. Если же свободный нейтрон поглощается ураном-238, то образуется новое ядерное топливо — плутоний-239. По мере накопления он тоже начинает участвовать в реакции “горения”, производя около трети энергии в атомном реакторе. По сути, это смесь изотопов с массами 239, 240 и 241. Для изготовления ядерного оружия он не пригоден.

Высвободившиеся из разбитого атомного ядра нейтроны разлетаются с большой скоростью (быстрые нейтроны). Они могут быть искусственно замедлены с помощью замедлителей — воды, графита, и др. Ядра атомов их поглощают, а затем сами делятся, высвобождая 2-3 новых нейтрона и так далее. Это — медленные, или тепловые, нейтроны, поскольку они находятся в тепловом равновесии с веществом замедлителя. Но в процессе деления одного ядра высвобождается 200 МэВ энергии, о которой мы уже говорили. Таблетка двуокиси урана массой не более 15 г выделяет столько же энергии, сколько сгорающие 0,6 куб. м. нефти.

Таблетки топлива размером с наперсток упаковывают в герметичные трубки — тепловыделяющие элементы (ТВЭЛы), способные предотвратить утечку радионуклидов (изотопов). Из ТВЭЛов составляют тепловыделяющие сборки (ТВС), которые загружают в реакторную активную зону и выгружают из нее.

Регулируют цепную реакцию, охлаждают активную зону и осуществляют радиационную защиту с помощью специальных устройств. Все они продублированы, то есть созданы многочисленные параллельные системы, способные в случае необходимости взаимозаменяться.

Система управления и защиты реактора — основная часть этих средств. Как основной элемент она включает поглощающие стержни из бора и кадмия. Опуская их в реактор, цепную реакцию (и тепловыделение) замедляют или даже прекращают, если это необходимо; поднимая — активизируют. Таким образом, работу реактора поддерживают на необходимой мощности. Если возникающих нейтронов больше, чем поглощенных, то реактивность положительна, мощность реактора растет. Если меньше — реактивность отрицательна, мощность падает. Весь процесс описан очень упрощенно. В действительности активная зона реактора “живет” очень сложной жизнью. Операторы должны грамотно оценить не только состояние самого топлива, но также возникающие в разных участках аппарата физические поля, напряжения и т.п. и уметь ими управлять.

Система охлаждения реактора отводит тепло из активной зоны, в том числе и остановленного реактора, который некоторое время остается нагретым. Охлаждающим теплоносителем могут служить вода, углекислый газ, гелий, натрий. Без них содержимое реактора может чрезмерно нагреться, а топливо — расплавиться. До чернобыльской аварии самой тяжелой из возможных у нас считалась потеря теплоносителя из-за разрыва самых крупных трубопроводов. Теплоноситель предназначен для переноса тепла из активной зоны реактора к турбине. Это единственный элемент, который постоянно присутствует как внутри, так и вне активной зоны реактора. Он сам становится радиоактивным, контактируя с активной зоной. Поэтому большинство систем энергетических реакторов имеет два и даже три циркуляционных контура. Тепло при этом передается ступенчато, и пар в турбине нерадиоактивен. Это в основном — наиболее распространенные реакторы типа ВВЭР (водо-водяные энергетические реакторы). РБМК (реактор большой мощности канальный), в том числе и чернобыльский, предусматривает одноконтурную замкнутую систему. Газ или водяной пар возвращается из турбины в реактор. У ВВЭР вода служит одновременно теплоносителем и замедлителем нейтронов. У РБМК вода — теплоноситель, а замедлителем служит размещенный между ТВЭлами графит.

Типов реакторов для АЭС — целая палитра. Каждый имеет свои преимущества и недостатки. В СССР с самого начала работа пошла по многим направлениям, включая и реакторы-размножители (бридеры). Их практический выбор определялся в основном экономическими и чисто техническими возможностями (например, РБМК можно изготавливать на некоторых машиностроительных заводах, а для производства корпусов ВВЭР необходимо специализированное предприятие типа “Атоммаша”, какового у нас

поначалу не было). В 50-е годы в Центре атомных исследований (Харуэлл, Великобритания) было шуточной традицией утром изобрести реактор, а к обеду выдать проект. У нас и за рубежом более десятка типов аппаратов использовалось и используется для самых разных целей: производства электроэнергии и тепла, наработки оружейных ядерных материалов, радиоактивных изотопов разного промышленного и научного назначения, для приведения в действие ледоколов, подводных лодок, космических летающих аппаратов, для опреснения воды и др.

Реактор типа РБМК-1000 (1000 МВт = 1 млн. кВт электрической мощности) размещен в бетонной шахте, покоящейся на железобетонной конструкции. Бетон одновременно служит средством биологической защиты и реакторным пространством, в котором размещается графитовая кладка. Кладка состоит из графитовых блоков с цилиндрическими отверстиями, собранных в колонны. В каждом из 1700 топливных каналов размещена кассета с двумя ТВС, каждая из которых состоит из 18 твэлов.

Основное положительное качество канальных систем — возможность перегрузки топлива во время работы реактора; основной конструктивный материал — графит — относительно доступен. Первоначально среди преимуществ была возможность наработки оружейного плутония, она давно прекращена. Важнейший недостаток — в отсутствии защитной оболочки.

Ядерная энергетика СССР (России) и мира, в том числе США начиналась на канальных реакторах: Первая АЭС мира в Обнинске, затем Ленинградская, Курская, Смоленская, Чернобыльская. На Чукотке подобные аппараты малой мощности (Билибинская АЭС) успешно используются для производства электроэнергии и тепла в регионе с суровым климатом.

Трагическое сочетание конструктивных недостатков и нарушений режима эксплуатации привели к самой крупной в мире радиационной аварии на АЭС — Чернобыльской. Авария выявила ряд проблем, которые частью уже решены, некоторые требуют решения. В последние годы были выработаны и осуществлены технические решения, позволившие устранить на всех действующих энергоблоках недостатки их конструкции, наиболее существенно повлиявшие на возникновение, развитие и масштабы аварии.

Физики не единодушны относительно будущего РБМК. По мнению специалистов, можно создать (и они создаются) водографитовые энергоблоки, обладающие повышенной безопасностью. В истории известны примеры “закрытия” даже целой отрасли из-за неудачного стечения конкретных обстоятельств, по сути никак не отражавших истинное состояние отрасли. Так, в СССР кончило свои дни воздухоплавание из-за катастроф на дирижаблях “Победа” и “Комсомольская правда”. В одном случае, полагаясь на действительную легкость управления, лихач пилот решил перед девушкой полетать в овраге и зацепился днищем о дерево. В другом — на летящем к челюскинцам дирижабле перед самым полетом сменили экипаж ради мерцавших “звездочек”. Недостаточно зная трассу, они врезались в гору.

В работу атомного реактора заложена физическая теория, согласно которой при наборе мощности и разогреве рабочих стержней нейтронный поток должен расходоваться, уменьшаться и на определенном уровне как бы сам себя тормозить. Это называется отрицательным коэффициентом реактивности (при эффективном коэффициенте размножения нейтронов, равном 1 реактор находится в критическом состоянии, то есть его мощность постоянна во времени). При положительной реактивности мощность реактора возрастает (надкритическое состояние), при отрицательной реактивности мощность убывает (подкритическое состояние), в аппаратах типа ВВЭР отчетливо проявляется отрицательный коэффициент

реактивности. У РБМК был возможен положительный коэффициент реактивности. Иными словами, в какой-то ситуации аппарат был способен себя разогнать.

...Высокая температура внутри реактора вызывала горение графита. Над аппаратом образовалась тепловая колонна в основном из водяного пара. В ней содержались такие осколки деления, атомных ядер, то есть выброс был радиоактивным. Считается, что вначале в атмосферу попал, в основном, йод-131 — короткоживущий изотоп, распадающийся через восемь дней. Но был еще йод-132, -133, -135, живущие еще меньше, а также другие “мотыльки”. Следом в значительном количестве появились изотопы цезия, стронция, плутония и др.

— Нет оправдания самой возможности возникновения положительного коэффициента реактивности и, в частности, конкретному факту его появления при введении стержней СУЗ из крайнего верхнего положения.— Это мнение бывшего министра атомной энергетики Н.Ф. Луконина, опытного атомщика, в прошлом СИУРа (старший инженер по управлению реактором), директор Ленинградской и Игналинской АЭС, на которых действуют РБМК. — Ведь известно, что когда увеличивается паросодержание, то оно сопровождается и увеличением реактивности, увеличением мощности аппарата. Когда на ЧАЭС мощность стала нарастать, и оператор нажал кнопку аварийной защиты, чтобы заглушить реактор, люди действительно не знали, что этого делать нельзя. Трудно даже представить, что ЭТО можно повторить!

Луконин мог так рассуждать — ведь он получил “опыт” Ленинградской, где положительный коэффициент реактивности однажды себя проявил, хотя дело и не дошло до катастрофы. Но это не стало достоянием персонала других АЭС. На ЛАЭС, действительно, опытный СИУР при верхнем положении стержней СУЗ не нажал бы кнопку “АЗ-5”, если знал об этом коварном свойстве аппарата. Он стал бы медленно, по 4 стержня, вводить в активную зону и не довел бы дело до мощного всплеска положительной реактивности. Но на ЧАЭС такой ситуации не ожидал никто. “АЗ-5” нажал Леонид Топтунов — молодой СИУР, один из операторов за пультом управления.

— А я считаю, что старший инженер-оператор, нажавший кнопку “АЗ-5”, сработал в этом случае даже лучше, быстрее, чем автоматика. Автоматика независимо от его желаний сама должна была “нажать на эту кнопку”. Во всяком случае, от этого реактор не должен взрываться, — ответил на мой вопрос о качестве работы эксплуатационников в марте 1988 г. Г.А. Шашарин (до мая 1986 г. он был заместителем министра энергетики и электрификации СССР и курировал атомную энергетику. После аварии был смещен с этого поста, возглавлял отдел, а теперь Международное хозяйственное объединение “Интератомэнерго”). — Персонал станции винят за ошибки в проведении испытаний. Но если возможность возникновения аварии будет зависеть от ошибок персонала, то атомной энергетике вообще не должно быть места в человеческой цивилизации. Человек устает, он способен ошибку повторить. И сознание этого факта справедливо вызывает недоверие населения, даже может дискредитировать саму идею атомной энергетики. Физическая природа реактора, конструкция энергоблока в целом, автоматика — не должны допускать аварию.

Прежде в подобных ситуациях, при попытке аналогичных испытаниях на другом энергоблоке ЧАЭС при самопроизвольной остановке энергоблока система защиты не давала возможности их закончить. Блок останавливался, испытания срывались. И это нормально: при любых неправильных действиях или дефекте аппарата он должен в сложной ситуации просто останавливаться, заглушаться. Но четвертый блок не остановился, а операторы хотели до конца выполнить программу. Должны они были этого добиваться? Мнения разделились.

Мнение наладчика А.П. Завального:

— Никакие, даже ошибочные действия персонала, не должны аварийные стержни останавливать, когда реактор сам пошел в разгон. Стержни просто обязаны за 3-4 секунды аварийно самостоятельно опуститься и заглушить ядерную реакцию. Но они сработали. Когда же аппарат за три секунды увеличил свою мощность в тысячу раз, то мини-взрыв неизбежен, тут и дополнительные стержни не помогут. Все аварийные системы энергоблока должны автоматически сработать по команде системы аварийной защиты. Чтобы этого достичь, другие защиты, то есть ограничители, должны быть отключены, иначе нет эксперимента.

Еще аспект. Экспериментаторы обещали диспетчеру энергосистемы Киевэнерго не нарушать режим ее работы, то есть до окончания программы исследований не создавать проблем в энергоснабжении потребителей, остановив четвертый энергоблок ЧАЭС. Дело даже не только в обещании. Операторы просто обязаны были безоговорочно подчиниться диспетчеру энергосистемы в которую они входили составной частью. А он еще и попросил: на Южно-Украинской АЭС ремонтируется энергоблок, резерв мощности Киевэнерго невелик. Действительно, вскоре после аварии, когда были отключены, правда, все блоки ЧАЭС, Киевская область столкнулась с острым кризисом электроснабжения, были задействованы все средства экономии и ограничений. Выручала Единая система энергоснабжения СССР.

— Вообще, некоторые проблемы на самой ЧАЭС не возникли бы, если бы персонал заранее не ознакомился с программой испытаний. Обычно на блочный щит приносят программу работ заблаговременно, за сутки. За это время начальник цеха и начальник смены должны как следует обдумать задание, посоветоваться со своими сотрудниками, если надо — особо подобрать людей, сказал позднее начальник смены реакторного отделения №1 Кучеренко. У руководителя эксперимента заместителя главного инженера станции Дятлова это обязательное правило не сработало. Даже станционный отдел ядерной безопасности он не известил о готовящемся эксперименте.

* * *

После катастрофы у нас и за рубежом появилось немало теоретических версий (особенно много их в США), объясняющих причину и течение событий, которые вызвали чернобыльскую катастрофу.

По одной версии (чрезвычайно упрощенной) в результате быстрого испарения охлаждающей воды образовалось много пара. Затем пар вошел во взаимодействие с цирконием, который содержится в оболочке твэла. Это привело к обильному образованию водорода. Цепная реакция прекратилась. Водород способен самопроизвольно взрываться. А взрыв вызвал пожар.

Но в действительности сегодня едва ли кто-нибудь способен стопроцентно определить причину аварии на Чернобыльской АЭС. В 1995 г. в газетах появились пространные статьи даже с версией о возможном землетрясении на территории ЧАЭС 26 апреля в 1 час 23 минуты 40 секунд. Приводились сейсмограммы, анализ обстоятельств, ссылки на специалистов. Я попросила прокомментировать эту сенсацию крупного специалиста концерна “Росэнергоатом”, а прежде — начальника смены энергоблока ЧАЭС В. Смагина — человека, пользующегося безусловным авторитетом у коллег. Он сменил Акимова, грамотно и самоотверженно работал до тех пор, пока не увезли в больницу.

— Не нужно ничего придумывать, — сказал он. — Авария произошла, в основном, по вине проектировщиков. Но и персонал кое в чем виноват. Об этом много сказано, написано и незачем возвращаться. В “шестерке” мы до тонкостей обсуждали действия каждого, пока... пока были живы ребята с той смены. Они сами хотели разобраться, найти причину.

Так кто же виноват? Видимо, от этого вопроса не уйти, хотя на первых порах я собиралась рассказать только о работах по ликвидации последствий аварии, да и то лишь энергетиков и строителей. Поставим точки над *i*.

По крупному — виноваты мы все, каждый в отдельности, лично. Привыкли рассчитывать на заботу и, следовательно, ответственность государства по малейшему поводу. И мы еще не ушли от такой позиции. В конце 95-го в московском книжном магазине неожиданно для себя я была вовлечена в беседу о сущности христианства. Милый пылкий юноша “со взором горящим” убеждал меня, что христианство — это прямой путь в вечность: мы все, безусловно, грешны и потому спасения, как ни старайся, не обретаем. А вот Он заранее принял на себя грехи наши и ради этого пошел на страдания. Мои возражения, что залогом бессмертия, если оно возможно, послужит лишь праведная жизнь, его не устраивали: все равно как ни старайся, какой-нибудь грех совершишь, а бессмертия хочется. И все это — на полном серьезе... Симпатичный юноша. Неплохо устроился, переложив расплату за свои грехи на дядю”, хоть и сына Божьего. Разумеется, мы здесь не обсуждаем догматы религии, равно как и суть так называемой социалистической системы (настоящего-то социализма у нас не было, возможен ли он?). Можно много рассказывать хорошего о беззаветном, добросовестном труде, вообще о той социалистической жизни, можно рассказывать и о ее ужасных пороках. Но при всем том она взрастила иждивенцев, хотя и особого рода: взрастила безответственность и, главное — осознание безнаказанности у некоторой части населения.

А вот мнение заместителя Генерального директора ВНИИАЭС О.В. Шумянского:

— Мое глубокое убеждение, сам факт происшедшего в Чернобыле и происходящего до сих пор на радиоактивно загрязненных местах — это концентрация недостатков застойных времен, проявление классического командно-административного метода работы. Это касается и генерального проектировщика аппарата: уповали на идеально вышколенный персонал АЭС и блокировали любое чужое мнение. Только донельзя извращенная экономическая система могла заставить проектировщиков и персонал игнорировать требования безопасности: расстановка экономических приоритетов и подобное в разных ипостасях — это проявление марзматического планирования и системы экономического стимулирования.

Безусловно, законом для любого работающего в ядерной энергетике являются Правила ядерной безопасности и тому подобное, Но “по мелочам” их, оказывается, нарушали даже конструкторы, если это диктовалось “интересами страны” (скажем, с экономической точки зрения). Теперь признается, что безопасность атомной энергетики воспринималась на всех уровнях, как безусловная реальность; серьезной беды быть не может “потому что не может быть никогда”. Оттого достижение предельной безопасности никем не воспринималось в качестве приоритетной задачи. Сразу оговоримся, что 100%-ная безопасность АЭС, как и любой иной техники, в принципе невозможна. Но необходимо стремиться к такому ее уровню, при котором были бы исключены крупномасштабные аварии и тем более катастрофы. А это — достижимо и вполне реально даже сегодня, и для этого сделано и делается многое. Во всяком случае, безопасность АЭС как принцип официально на всех уровнях, от возникновения замысла до эксплуатации оборудования провозглашена в качестве приоритетного требования. А за этим многое следует... Но вернемся к 1986 году.

— Не может быть, чтобы персонал ЧАЭС был повинен в этой аварии,— сказала я 27 апреля начальнику Всесоюзного объединения “Союзатомэнерго” Г.А. Веретенникову.

В тот период “Союзатомэнерго”, объединявшее эксплуатационников атомных станций страны, входило в состав Минэнерго СССР, а я работала в пресс-центре отрасли. Версий причин возникновения аварии еще не существовало. Словом, я заподозрила диверсию,

потому что персонал, по моему личному (разумеется, любительскому) убеждению, не мог нарушить правила согласно своему, как теперь бы сказали, менталитету. Между прочим, такую же версию я недавно слышала от физика. Я побывала на многих действующих АЭС, а также на строящихся — в процессе их строительства и монтажа. Во всем, что касалось качества работы действующего оборудования и конструкции АЭС, дисциплина исполнителей была и есть практически полувоенной — это ощущалось без специальных лозунгов и деклараций, на всех этапах жизни станции, с первого колышка на стройплощадке. А уж в исходную конструктивную непорочность наших АЭС верили практически все: ничего плохого с ней случиться не может, как уверяли их создатели, убедив в этом и самих себя.

Энергетики электростанций всех типов в нашей стране вообще относятся к своим обязанностям в массе ответственнее, чем люди иных профессий. “Чувствую себя Прометеем, — признался мне однажды машинист энергоблока ТЭС. — Я несу людям свет, тепло, благодаря моей работе светятся экраны телевизоров...” Они светятся и при нынешнем общем экономическом спаде в стране, в условиях, когда на электростанциях нет денег, чтобы заплатить за профилактику, ремонт, даже за топливо — и порой энергетики платят за топливо из своего фонда заработной платы, низкий им за это поклон!

Изнурительный, полный нервного напряжения труд любого машиниста энергоблока или оператора АЭС в идеале выражается коротким заключением типа: “Нормально, происшествий не было”. Я не встречала пожилых машинистов ТЭС или операторов АЭС. И еще вопрос, какое оборудование сложнее и деликатнее. Люди, как они сами выражаются, “животом чувствуют” свою личную ответственность за работу дорогостоящего и сложного оборудования, которое на всех типах электростанций официально отнесено к категории особо сложных производств; за свет и тепло в наших домах. На АЭС к этому добавляется сознание, что объект — ядерный. Здесь работают грамотные специалисты, нормальные люди.

Диверсанта не обнаружили. Эксплуатационников обвинили в отключении “всех защит”, нарушении Регламента, Правил ядерной безопасности... Что-то тут не сходится.

Вскоре выяснилось, без надобности и в нарушение Регламента, что “защиты” они не отключали, если не считать САОР (подсистема аварийного охлаждения реактора), на которую сигнал все равно не поступил. Вернее, их отключали, как поворачивают ключ, желая открыть дверь. Но тут же включали на другую мощность. О первом обвинители кричали, а о втором умолчали. В Решении научно-технического совета Госкомитета СССР по надзору за безопасным ведением работ в атомной энергетике (Госатомэнергонадзор, ГАЭН) от 15.02.90 г. перечисляются нарушения, допущенные всеми причастными к РБМК на ЧАЭС организациями, в том числе эксплуатационниками. Но о некоторых нарушениях эксплуатации говорится, что они не повлияли на крупномасштабное развитие аварии, о других — как о действиях, в действительности Регламент не нарушавших, поскольку объявленные нормы введены в регламент уже после аварии. В чем-то персонал, в действительности, виноват. Но несравненно более длинный список очень серьезных претензий обращен к конструкторам. Их перечисление и разъяснение заняло бы слишком много места в этой книге, потому — опустим.

Персонал и только персонал, в первую очередь высшее руководство ЧАЭС обвинил суд. Он основывал свои выводы на заключении экспертной комиссии.

МАГАТЭ приняло также тезис исключительно о виновности персонала.

Я работаю с энергетиками более 20 лет и вижу, что они вообще не любят кого бы то ни было обвинять, даже защищаться: работа трудная, сложная, а кухонные дразги не интересны, да на них и не остается времени и душевных сил. Они молчали и тогда,

когда из прежде престижной отрасли, начиная с 70-х годов, их постепенно по уровню зарплаты опустили ниже коммунальщиков: “Мы осознаем первостепенную значимость своей отрасли, остальное приложится. Разберутся”. Иронически улыбались и — работали.

Эксплуатационники ЧАЭС тоже без колебаний и молча, не тратя времени на поиски виноватых, просто не уехали в эвакуацию, а остались спасать родную станцию и — Человечество.

Не могу забыть позицию бывшего заместителя министра Минэнерго СССР по атомной энергетике Г.А. Шашарина. Разжалованный в рядовые инженеры, он имел право хотя бы по-человечески обидеться. Он не подписал как член Правительственной комиссии обвинение в адрес персонала ЧАЭС. Но когда я попросила его посмотреть часть моей рукописи на предмет выявления неточностей отказался: “Не хочу, чтобы люди подумали, будто я навязываю свое мнение. Пишите, как считаете нужным”.

В ИАЭ, под руководством А.П. Александрова, тоже мгновенно собрались 12 мощных групп ученых, большинство из которых вообще не участвовало в создании РБМК, но осознавало вероятную полезность своих знаний. Создали штаб. Он действовал практически круглосуточно, потому что со станции то и дело требовались расчеты, оценки и пр. Курчатовских ученых можно было увидеть на разрушенном энергоблоке — первопроходцы, они выясняли обстановку. Но я не слышала ни одной жалобы, тем более претензий. Сам Анатолий Петрович воспринимал Чернобыль как наибольшую катастрофу своей судьбы и очень страдал.

“Я знаю только один способ быть в ладах со своей совестью. Этот способ — не уклоняться от страданий”. Антуан де-Сент-Экзюпери.

И сегодня в этом институте можно обратиться за разъяснениями к специалисту любого уровня — никто не отказывается поделиться знаниями и воспоминаниями. Даже те, кто к созданию РБМК имел хоть и не самое прямое, но все-таки отношение и даже сам предъявлял претензии к конструкторам относительно качества и безопасности реактора, но ничего не говорит об этих своих претензиях (я узнала об этом от других людей), однако считает себя виноватым: не настоял, не добился... Повинившуюся голову меч не сечет. ИАЭ — научный руководитель РБМК.

Однажды, когда я была в кабинете теперешнего первого заместителя Курчатовского института Н.Н. Пономарева-Степного, неожиданно зазвонил селекторный аппарат — звонили с Ленинградской АЭС. Кто-то начал рассказывать в деталях, что же конкретно происходит на станции, чтобы Николай Николаевич имел возможность разобраться в ситуации. Перед этим по радио с ужасом в голосе сообщили, что на втором энергоблоке произошла авария. Неплохой бы мог получиться материал для журналиста... Я была единственным посетителем в кабинете. Именно для меня он включил приемник на полную громкость: мол, оцените ситуацию и Вы. Быстро выяснилось, что ничего особенного (впоследствии аварию действительно оценили по второй категории). Но ведь он этого еще не знал. Такой вот микроклимат у курчатовцев. Такова моральная основа этих ученых: честность, открытость.

Иное дело — конструкторы, вообще работники Научно-исследовательского и конструкторского института энерготехники (НИКИЭТ). Во всех инстанциях и организациях, от многотиражки до ЦК КПСС с первых дней и вот уже почти в течение почти десяти лет НИКИЭТовцы убеждают всех, кто хочет слушать, что во всем виноваты одни операторы. Президент АН СССР, директор ИАЭ А.П. Александров очень удивился в 1993 г., когда я сказала, что в майском докладе 1986 г. говорится лишь о вине операторов и ничего — о конструктивных недостатках: “Ну как же, я им говорил, чтобы включили...” Правда, в следующем, августовском докладе эта позиция уже

присутствовала. Оба доклада изложены во всеми уважаемом специализированном журнале “Атомная энергия”. Но в памяти практически всех осталось первое сообщение.

НИКИЭТ выполнил львиную долю всех работ по созданию РБМК. Здесь не привыкли слушать чьи бы то ни было предложения. Мнение самого Доллежала считалось безупречным. Еще бы! На заре атомной энергетики он заслуженно прославился; физики в шутку, конечно, “в доллежалах” выражали степень реальности и надежности тех или иных предложений коллег. Но мало пройти огонь и воду. Бывает, что самыми труднопреодолимыми оказываются медные трубы — фанфары.

...Данная рукопись уже была в издательстве, когда мне показали только что вышедшее во ВНИКИЭТе репринтное издание небольшой книги Н.А. Доллежала “Об энергетическом уран-графитовом канальном реакторе и об одной из версий аварии 26 апреля 1986 года на 4-м энергоблоке Чернобыльской атомной электростанции”. И опять — та же песня, но с еще менее убедительными аргументами. Правда, теперь признается, что присутствовали некоторые дефекты конструкции реактора, в том числе создающие принципиальную возможность появления парового эффекта реактивности и др. Но, по мнению автора, они, разумеется, не были причиной аварии и так далее.

Между прочим, на Первой АЭС также установлен канальный реактор.

На мой вопрос, почему СССР не отказался от РБМК в пользу ВВЭР, когда весь мир отдает предпочтение последним, А.П. Александров ответил примерно так: “В США канальные реакторы тоже есть, но меньше. И даже их в начале было больше. Проектный ресурс этих реакторов там был рассчитан на несколько лет, как и наших. Но конструкция наших реакторов оказалась настолько удачнее, что они все работали и работали с не меньшей надежностью. Так зачем же от них отказываться?”

Любой механик знает: не трогай технику — и она тебя не подведет. РБМК ведь работали, и они были необходимы. Но вернемся к “нарушениям”.

Вот что, в частности, написано в монографии “Аварии и инциденты на атомных электростанциях”, учебное пособие по курсам “Атомные станции”, “Надежность и безопасность АЭС” (для студентов специальностей 10.10 и 10.11, а также слушателей спецфакультета и системы повышения квалификации), опубликованной в 1992 г. в г. Обнинске Миннауки России, Обнинским Институтом атомной энергетики, спецфакультетом по переподготовке кадров по новым, перспективным направлениям науки, техники и технологии (разбираются детали всех более или менее серьезных аварий на АЭС России и мира): “...в этой связи представляют интерес данные в статье Дятлова (1991 г.) о том, что Регламент эксплуатации содержал ряд ограничений. Одно из них сводилось к тому, что если ОЗР (оперативный запас реактивности, ред.) опускается ниже пятнадцати стержней, то реактор должен быть немедленно остановлен. Это ограничение, которое было добавлено после аварии на энергоблоке №1 Ленинградской АЭС в 1975 г., оперативный персонал воспринимал как “границу”, при которой оператор может надежно контролировать распределение плотности энерговыделения в активной зоне. Однако в технической документации РБМК не упоминалось, что при малом ОЗР система аварийной защиты (из-за оговоренного эффекта вытеснителей), становилось “противоположным устройством”, которое могло вывести реактор из-под контроля.

Многие исследователи приходят к мысли, что причины аварии носят комплексный характер, а не определены действиями персонала. Обвинение же в адрес персонала не являются обоснованными, поскольку какой-либостораживающей информации, а также опыта работы на малых уровнях мощности, дающего эту информацию о поведении реактора в переходных режимах при малых нагрузках, персонал не имел...

По опубликованным данным и оценке авторов совокупность факторов, приведших к аварии выглядит так: реактор работал на малом уровне мощности, был зашлакован и

отравлен (ксеноном, образующимся обычно в процессе работы, ред.); температура теплоносителя на входе в активную зону была очень близкой к температуре насыщения; имел место большой положительный паровой эффект реактивности; оперативный запас реактивности был очень мал, то есть стержни, в основном, были выведены из активной зоны; имелся значительный эффект вытеснителей стержней. Указанные факторы “сработали” в следующей цепочке причинно-следственных связей... И дальше — не менее интересно: “Локальная критичность привела к разгону реактора на мгновенных нейтронах. Следует отметить, что после аварии в разных странах было проведено расчетное моделирование состояния реактора перед аварией и на этой основе сформулированы возможные причины разгона реактора. Изложенная выше логика вероятного развития и причин аварии опирается на совокупность документальных и расчетных данных. В этой связи интересно то, что по результатам расчета разные специалисты придавали решающее значение разным факторам в качестве главной причины введения положительной реактивности, достаточной для разгона реактора...”

Операторов обвиняют в том, что, когда 25.04.86 г., то есть за несколько часов до аварии реактор сам по себе, по непонятной причине, стал снижать мощность почти до нуля, операторы сумели его “вдохновить” на дальнейшую работу и мощность подняли вместо того, чтобы прекратить испытания. Но они старались довести дело до результата. Ведь нас так воспитывали: не бросай работу на полдороге. Пусть в них бросит камень тот, кто без греха. К тому же, в Регламенте не сказано, что РБМК-1000 не имеет права работать на малой мощности, хотя авария показала, что действительно на малой мощности работать нельзя. Но это же — абсурдное требование для нормального аппарата!

Их обвиняют также: “довели реактор до “такого” состояния”. Но ни одного предупреждающего об опасности сигнала на блочный щит управления не выходило. Ко времени создания РБМК-1000 в мире уже были известны компьютеры, способные предупреждать: “Вы ошибаетесь”, затем: “Повторяю, ошибаетесь!” И, наконец: “Дурак, я же тебе говорил, что ты зарвался...” И — выключение. Ничего подобного конструкторы на ЧАЭС не предусмотрели. Даже тревожный сигнал о нарушении реакторного “здоровья” на блочный щит управления не поступил, не насторожил.

Операторы — не совсем ангелы. Все-таки они ведь отключили САОР, хотя делать это не имели права, пусть и без последствий; хоть и незначительно, но увеличили расходы воды по некоторым ГЦН (главные циркуляционные насосы) и др. “Однако указанные нарушения не являлись первопричиной аварии, не влияли на ход ее развития и масштабы последствий”, — говорится в том же Решении Научно-технического совета ГАЭН от 15.02.90 г. Возможно, здесь оговорка, катастрофа названа аварией. Во всяком случае, нарушения Регламента операторами могли остановить энергоблок, вызвать аварию, но не катастрофу черновыльского масштаба.

Почти десять лет идут исследования на разных уровнях, в разных странах в поисках первопричин катастрофы. На сегодня член-корреспондент Российской академии наук, заместитель министра по атомной энергии В.А. Сидоренко делает такой вывод: черновыльскую катастрофу вызвали, в конечном итоге, в совокупности три главных фактора — паровой эффект реактивности, влияние несовершенства конструкции регулирования, способное давать положительный ход реактивности, и нежелательные действия персонала станции. Отсутствие любого из этих трех факторов исключило бы возможность катастрофы. Между прочим, паровой эффект реактивности оказался в реальности большим, чем можно было предположить по расчетам. В период, когда создавался реактор типа РБМК-1000, его еще не умели достоверно считать.

К этому можно было бы добавить любопытную деталь — свидетельство доктора физико-математических наук И.Ф. Жежеруна (ИАЭ) о том, что “...в проекте РБМК на

основании расчетных исследований, выполненных НИКИЭТ, был заложен отрицательный коэффициент реактивности...” В действительности же обнаружилось, что “расчеты оказались ошибочными, а эксперименты, на которых можно было бы их проверить, не были (НИКИЭТом, Л.К.) поставлены... Программа определяющих паровой коэффициент реактивности (α_f) экспериментов была включена в планы исследований по РБМК еще в 1965г.” Однако эксперименты так и не были проведены... А для мощности ниже 50% и для переходных аварийных режимов отсутствовали как расчетные, так и экспериментальные данные по величине парового коэффициента реактивности... “Оказалось, что тяжесть и масштабы аварии на малых уровнях мощности могут быть существенно больше, чем на больших. Целенаправленный поиск даже маловероятных аварий возможно, натолкнул бы исследователей на особую опасность особых режимов”, — писала газета Атомэнергопроекта “Трудовая вахта” в апреле 1990 г. Я же цитирую по книге “Чернобыльская катастрофа: причины и последствия”, часть 1, Минск, 1993 г. Как видим, самоуверенность и самоуспокоенность никогда, тем более в атомной отрасли, до добра не доводят.

Вот что действительно на ЧАЭС выполнили плохо — так это программу испытаний, не оговорив требования к соблюдению правил безопасности: видимо, посчитали несложной. Оттого ее и не согласовали со станционным отделом по безопасности и тем более с авторами аппарата. И даже исполнителям — операторам программу эту показали перед самым экспериментом, не дав обдумать. Опять самоуверенность.

И все-таки реактор не должен разгоняться и тем более взрываться по собственной воле, да еще при нажатии кнопки “стоп!”, до какого бы “состояния” его ни доводили. Он не должен позволять доводить себя до опасного состояния. Вообще атомная энергетика, позволяющая кому бы то ни было “упражняться” с ее системами, не имеет права на жизнь.

Такого “права” ее действительно быстро лишили. Уже начиная с лета 1986 г. на всех реакторах типа РБМК, а заодно и на ВВЭРах в течение полутора лет была проведена гигантская работа по усовершенствованию различных систем, в первую очередь систем управления и защиты (СУЗ). В частности, изменили конструкцию регулирующих стержней, существенно их удлинив и вообще перестроив. В свое время было известно, что теперешняя конструкция этих стержней способна предотвратить вероятный для РБМК разгон реактора. Проектировщики знали о таком свойстве аппарата. Но — сэкономили, посчитав опасность практически нереальной, так как рассчитывали на догадливость операторов, их осторожность. Теперь создали и систему быстродействующей аварийной защиты (БАЗ), при которой стержни срабатывают существенно быстрее чем прежде, а, следовательно, быстрее глушат реактор и т.д. Но для всех этих мер “понадобилась” чернобыльская катастрофа. Истинно, скупой платит дважды...

А вот мнение академика Российской метрологической Академии Ю.И. Брегадзе, заместителя директора Института физико-технических и радиотехнических измерений: на ЧАЭС испытания с выбегом турбогенератора вообще не должны были проводить станционные операторы, как им это предписывалось проектом. Это должны делать специально для такого дела подготовленные специалисты. И вообще необходимо на оборудовании ставить “пломбы” в тех местах, куда оператору вмешиваться нельзя. Их отсутствие — тоже вина разработчиков, то есть конструкторов Чернобыльского реактора.

Если потенциально имеется хоть малейшая опасность, что возможно нарушение нормального процесса, то в соответствующем месте оборудования должна быть поставлена “пломба”. Но чернобыльские операторы, которые уверяли, что с реактором

не может случиться ничего плохого, вероятно, просто не знали о возможности всех последствий их действий.

Недостатки есть в любом производстве и в любом оборудовании. Но Регламенты эксплуатации должны быть составлены таким образом, чтобы эти недостатки не всплывали на поверхность. Ведь “раскочегарить” и взрывать можно практически любой аппарат.

Современные люди живут в век очень развитых технологий, техники. Многие технологии потенциально опасны. Радиационная безопасность должна восприниматься как нечто постоянное, с чем всегда нужно быть осторожным и зачем необходимо постоянно следить. Под ядерной безопасностью понимается необходимость предотвращения крупных аварий и катастроф. Вообще, потенциально опасных производств очень много: химические производства, плотины и гидроэлектростанции и т.д., то есть практически во всех отраслях промышленной деятельности. Поэтому человечеству необходимо быть осторожным в своей деятельности. Например, технологии должны составляться так, чтобы каждому участнику было абсолютно ясно, что он должен делать, и том каждый должен обязательно соблюдать технологическую его дисциплину. Но для этого каждому должны быть четко записаны его обязанности: от и до. Следовательно, оператор АЭС не обязательно должен знать устройство всего реактора. Но конструктор обязан четко составить все прописи. Невозможно всех обучить всему и притом, чтобы каждый точно знал, что именно происходит “внутри”. Нельзя забывать и об угрозе терроризма.

На Западе оператор не имеет права на самодеятельность, вообще “рассуждать”, в ряде случаев ему не нужно и высшее образование, лишь бы пунктуально выполнял Регламент эксплуатации. У нас принято, чтобы “каждый солдат понимал свой маневр”, хотя при этом также обязан строго следовать Регламенту. Поэтому наши операторы, вообще многие эксплуатационники, имеют вузовские дипломы и еще ежегодно сдают экзамены на профпригодность. Творчество им не возбранялось. Но из этого следует, что они обязаны знать о вверенном им аппарате абсолютно все с точки зрения свойств его характера и вредных привычек. Но этого-то им как раз и не сообщили... Таково же мнение профессионала О.В. Шумяцкого: Инженерам, которые хорошо знают физику реакторов на ЧАЭС, обязательно должны были сказать и о недостатках его физических и конструктивных свойств. Операторы должны знать о нем все! Но Регламент о недостатках умалчивал, а сомнение разработчиков программы испытания не позволило им задуматься об этом. Здесь — корень зла, поэтому нет оправдания ни конструкторам аппарата, ни авторам программы. Убежденные, что знают теорию, те и другие обязаны были знать и конкретную конструкцию, и человеческую психологию.

Какая система целесообразнее, наша или западная — вопрос спорный, есть плюсы и минусы. Например, авария на американской АЭС “Три Майл Айленд” обусловилась техническими причинами: отказом конденсатного насоса, закрытием запорных клапанов на линии вспомогательных питательных насосов и непосадкой на место импульсного предохранительного клапана. А вот дальше она стала определяться длительными последствиями от ошибки операторов... Американцы не постеснялись назвать истинные причины ради предотвращения повторных неприятностей. Наш НИКИЭТ до сих пор настаивает на своей невиновности, якобы, все дело в “маловероятном сочетании ошибок операторов”.

Академик А.П. Александров рассказывал мне с гордостью, как много лет назад он лично спас от крупной аварии энергоблок на Ленинградской АЭС, успев повернуть какой-то нужный ключ на щите управления. Рассказывал в том смысле, что можно любую аварию, связанную с паровым или каким-то иным эффектом, предотвратить умелым управлением. Он тоже придерживался версии о вине персонала ЧАЭС, так что

уж говорить об Н.А. Доллежале? Николай Антонович через три года после аварии, т.е. после офисных публикаций о конструктивных недостатках реактора, пишет в своей монографии “У истоков рукотворного мира”, рассчитанной на широкого читателя: “...повинны в происшедшем (в Чернобыльской аварии, ред.) не какие-то конструктивные или технологические пороки техники, а действия обслуживающего ее персонала...”

Казалось бы, нам-то какая разница, кто виноват? Обвинение, исключительно, персонала в ужасной катастрофе вызвало взрыв общественного возмущения в СССР и за рубежом: атомной энергетике, которой управляют разгильдяи, не может быть места. Под нажимом наших и зарубежных “зеленых” были остановлены не только все атомные стройки СССР, в том числе и на этапе предпусковых работ, но и все остальные энергетические стройки, а также проектные, конструкторские и даже изыскательские работы. В итоге страна лишилась научно-строительного задела общим объемом около 200 млн. квт на электростанциях всех типов, ведь они — объекты Минэнерго, виновника Чернобыльской катастрофы.

Это — более чем серьезно. Общая мощность всех действующих электростанций страны в 1985 г. составляла 314,7 млн. квт. Электроэнергетика — дорогостоящая и инерционная отрасль. Не начатое сегодня, отзовется через 7-10 лет. Строительство же само по себе — не самоцель, поскольку электроэнергию в запас не произведешь, только по потребности. У нас и сейчас нет ни одной новой задельной стройки.

Экономические потери СССР от такой общественной активности поначалу оценивались в 200 млрд. рублей (в ценах 1986 г.), через пару лет их уже стало просто невозможно подсчитать, настолько велики и трудно учитываемы. И все это — из-за невинной уловки: “Не я разбил блюдце, а плюшевый мишка”. Только у взрослых это получается не так невинно.

А теперь чуть отвлечемся от вопроса, “кто виноват?!” и поинтересуемся мнением члена-корреспондента ГАН В.А. Сидоренко, в чем суть проблемы. На Западе объективное понимание вероятности и тех или иных серьезных техногенных и социальных последствий формируется в процессе открытого общения, взаимной перепроверки, контроля и взаимного обогащения знаниями, пониманием ситуации. В такой обстановке может выработаться адекватная система противодействия опасности, которая включает доступность технических решений и их обсуждение. Так негативные последствия минимизируются.

Политическая система СССР отрицательные аспекты замазывала, позволяла пройти мимо. Наша хозяйственная система не предусматривала достаточных мер контроля. Сама структура ответственности хозяйственных субъектов размазывалась; не концентрировалась и возможность реализации этой ответственности. В совокупности эти факторы вели к тому, что могли появиться и недостатки конструкции атомного реактора, и мимо них можно было пройти, как мимо недостатков культуры эксплуатации. В результате, появилась технология с объективно повышенной опасностью. Однако сегодня, она не должна восприниматься как некое запретное направление деятельности. Важно отдавать себе отчет в том, что устранение внешних условий, позволяющих появиться этой опасности, должно быть более важным, чем ликвидация конкретных технических погрешностей или ошибок. В конечном счете, сегодня важно именно это.

Гласность, открытость, хорошая организация, нормальные юридические отношения, преобразование политических структур — вот, что важно и с точки зрения уменьшения опасности ядерной техники.

Сегодня важно при всем осознании трагичности чернобыльской ситуации понимать, что есть и база для оптимизма. В конце концов, не все так плохо, чтобы слепо смириться

перед якобы неизбежной обреченностью. Объективная опасность технологий в условиях научно-технического прогресса проявлялась и будет проявляться всегда. Выход — в нахождении адекватных мер организации использования этих технологий и защиты от их негативных качеств.

* * *

Но вернемся к событиям на Чернобыльской АЭС.

И раньше на ЧАЭС на упреки вышестоящего руководства главный инженер ЧАЭС Н.М. Фомин и его заместитель А.С. Дятлов неизменно отвечали: “Станция план выполняет надежно. Какие могут быть претензии?” Руководившие экспериментом убеждены в его полезности, экономической целесообразности. А исходная надежность реактора ведь считалась гарантированной. Дятлов, опытный ядерщик и грамотный инженер, вообще возражений не любил. Но вот ситуация стала противоестественной — и Дятлов растерялся. Психологи знают, что стрессовая ситуация не просто вызывает к жизни “второе дыхание”. Она создает качественно новое состояние нервной системы. Один начинает мыслить особенно четко. Другой, обладающий в обычных условиях сильной нервной системой, может и растеряться. Тут психологам предстоит еще немало поработать, отыскивая ключи для профессионального отбора, хотя трудностей немало: моделировать стресс недопустимо, а для его прогнозирования в мире еще не разработали методик.

Правда, Дятлов, придя в себя от шока, какое-то время ходил по разрушенному блоку станции, сильно облучился, приказывал подавать воду в реактор, хотя Ювченко ему доложил: он видел своими глазами раскрытый аппарат! Над тем местом, где должна быть крышка, видел яркое голубое свечение! — Дятлов не поверил... Из-за его команд многие получили лучевую болезнь без нужды. Здесь людей приучили возражать не больше одного раза, а потом исполнять приказ. И, повинувшись приказу, тот же Ювченко пошел открывать задвижки...

Не так уж и бессмысленно заливать реактор водой, если не знаешь, что от него ничего не осталось. Обычно чернобыльскую аварию сравнивают с американской, на Три Майл Айленд. Там действительно вода приостановила процесс, и специалисты об этом знали. Но здание реакторного отделения АЭС ТМА — под колпаком, авария же была значительно меньшего масштаба, хотя и сопровождалась расплавлением активной зоны реактора, выходом под оболочку большого количества продуктов деления и некоторым загрязнением открытой территории.

Что же удивляться действиям высшего руководства станции, если один из руководителей отдела труда и техники безопасности АЭС Красножон, прекрасно зная, что дозиметры зашкаливают, тем не менее, уверял персонал, что работать — можно (понимай — без ограничений). Сам же облачился в гидрокостюм с пластиковым шлемом. А ведь его обязанностью была забота о людях. Не имеет значения, что на четвертом энергоблоке в тот момент были дозиметры не очень большой разрешающей способности. Но на то ведь они и служат, чтобы предупредить об опасности.

Я уже говорила о том, что люди утренней смены, зная об аварии и о переполненной медсанчасти, тем не менее, вышли работу, низкий им поклон... И вот тогда заместитель главного инженера станции М.А. Лютов приказал начальнику утренней смены цеха ТАИ (телемеханики, автоматики и измерений) А.И. Бибикову послать ремонтников, чтобы замерили температуру графитовой кладки реактора. Алексей Иванович ответил просто: “Посмотри в окно, графит валяется там...” — и никого не послал. Но и это заявление никого не убедило, по-прежнему станционное начальство считало, что реактор — цел! С момента катастрофы прошли не минуты — часы...

Состояние шока понять можно. Но мне кажется, что у некоторых руководителей сильнее, чем профессиональные качества (а они были достаточно высоки) в этой действительно кошмарной ситуации срабатывало чувство страха не за свою жизнь, а перед неизбежным гневом высшего начальства. Приучили докладывать о достижениях, а признаваться — в “отдельных недостатках”.

Сам по себе высокий уровень радиации — это психогенный фактор, а недостаток информации об уровне радиационных полей в зоне работ может вызвать чувство безотчетного страха.

Способность преодолеть страх — и есть то качество человеческого поведения, которое принято характеризовать как подвиг. Неадекватными примерами поведения в такой опасной ситуации порой были как раз отчаянная смелость некоторых эксплуатационников и желание посмотреть после взрыва на аварийный реактор. А у некоторых руководителей Чернобыльской АЭС, наоборот, — стремление спрятаться в безопасное место и без нужды посылать подчиненных, в том числе и своих заместителей, начальников цехов, начальников смен других энергоблоков в самое пекло. По этой последней причине ЧАЭС оказалась в значительной мере без руководителей, тогда как главный инженер, его заместитель и директор станции в самые опасные часы находились в бункере под АБК-1.

Собственно, руководители станции должны были находиться в бункере — не гоже генералу размахивать шашкой. От него требуется оценивать обстановку на поле боя, направлять подразделения своей армии и беречь солдат и офицеров. Однако, здесь, по сути, оказалось выполненным лишь первое условие. Оперативный персонал станции вынужден был принять на себя во многом и тяжесть организационных забот, так как значительная часть “среднего командного состава”, свершив свой гражданский подвиг, уже на рассвете 26 апреля выбыла из строя.

Раз уж дело коснулось “человеческого фактора”, имеет смысл вернуться к записке заместителя начальника турбинного цеха по II очереди ЧАЭС (энергоблоки №3 и 4) Р.И. Давлетбаева, который знал содержание программы предстоящего эксперимента, выполняемого на ЧАЭС, в части турбинного оборудования. Оно представляло собой разгрузку турбины до примерно 50 МВт и закрытие подачи пара на турбину, то есть нештатные операции. Он по делам неоднократно ходил на блочный щит управления.

— На обратном пути через БЩУ-4 я задержался возле А.Ф. Акимова. Смену он принял в тяжелой обстановке, что бывает нередко при переходных или пусковых режимах; народу на БЩУ было много, режим неустойчивый, операторы перегружены. При этом необходимо уметь изучить оперативный журнал, полностью овладеть ситуацией, прочитать сменные задания и программы. Сразу после приема смены А.С. Дятлов начал требовать предложения о выполнении программы, и когда А.Ф. Акимов присел на стул, чтобы изучить ее, начал упрекать его в медлительности и в том, что он не обращает внимания на сложность ситуации, сложившейся на блоке. Дятлов окриком поднял Акимова с места и стал его торопить. Акимов, держа в руках ворох листов (видимо, это была программа), начал обходить операторов СИУБа и СИУРа и выяснять соответствие состояния оборудования намеченной программе. Поскольку на малой мощности СИУБу работать за пультом тяжело, при выполнении некоторых поручений он помогал работать и Б.В. Столярчуку (некоторые операции выполнялись с неоперативных панелей БЩУ — блочного щита управления).

Во всем происходящем не было ничего необычного, такие методы работы были характерны во взаимоотношениях А.С. Дятлова с подчиненным персоналом.

Однако с выполнением эксперимента произошла задержка, так как снизилась мощность реактора, это было видно по мегаваттметру ТГ-8: СИУТ И. Киршенбаум был вынужден снизить мощность турбины до величины, близкой к холостому ходу (около 3-

5 МВт). Поскольку это происходило в моем присутствии, я ему посоветовал внимательно контролировать два параметра: в случае снижения давления в барабан-сепараторах разгружать ТГ-8, но моторный режим генератора не допускать. Если будет снижение давления в барабанах и одновременно моторный режим — отключить ТГ-8. “Сам я подошел к А.С. Дятлову и сообщил ему, что если снизится мощность реактора до определенного критического уровня, то мы отключим ТГ-8. А.С. Дятлов кивнул мне на скопление людей у пульта СИУРа и сказал, что сейчас мощность реактора поднимут. Я вернулся к пульта СИУТа. Действительно, давление в барабан-сепараторе провалено не было, а мощность ТГ-8 повышена через некоторое время до 50-60 МВт...

Начальник смены энергоблока №4 А.Ф. Акимов подошел к каждому оператору, при мне дал краткий инструктаж СИУТу И. Киршенбауму о том, что по команде о начале эксперимента ему следует закрыть пар на турбину №8. Затем А.Ф. Акимов запросил готовность операторов, после чего руководитель испытания “Донтехэнерго” скомандовал: “Внимание”, “Осциллограф”, “Пуск”. По этой команде СИУТ И. Киршенбаум закрыл стопорные клапаны турбины, я стоял рядом с ним и наблюдал по тахометру за оборотами ТГ-8. Обороты быстро падали за счет торможения генератора...” — Давлетбаев описывает события только по оборудованию турбинного цеха, на котором было сосредоточено его внимание.

Через некоторое время (сколько прошло секунд, он не запомнил) послышался гул низкого тона, сильно трянуло пол и стены, с потолка посыпались пыль и мелкая крошка, потухло люминесцентное освещение, установилась полутьма, затем сразу же раздался глухой улар, сопровождавшийся громopodobными раскатами. Освещение появилось вновь, все, находившиеся на БЩУ, были на месте, операторы, пересиливая шум, окликали друг друга и пытались выяснить, что произошло.

С первых минут аварии А.Ф. Акимов пытался овладеть ситуацией, управлять течением событий. Перед последним уходом Давлетбаева с БЩУ-4 он сказал ему сокрушенно, что воды в барабан-сепараторах нет, реактор не управляется. “Так что, хуже некуда”.

Итак, хозяином положения стал оперативный персонал пятой смены четвертого энергоблока. Но паники не было. Они проявили те самые качества, которые и сегодня позволяют говорить об их хорошей профессиональной подготовке и высоких личностных характеристиках. Вообще, не следует смешивать действия эксплуатационников Чернобыльской АЭС с позицией и поведением руководства станции, заслуженно понесшего наказание по решению суда.

Все знали по инструкциям внешние, осязаемые признаки высокого уровня радиации: ведь они профессионалы. Быстро проявились и признаки острой лучевой болезни. Так что и без приборов опасность для жизни оценивали достаточно верно, пили йодистый калий.

Разумеется, ни один специалист, занимающий высокую административную должность на АЭС, не может быть равно подготовлен и в вопросах ядерной физики, и в электрике. Что-то обязательно превалирует. В таком случае, подбирая кандидатуры, стараются создать плодотворный симбиоз из директора и главного инженера. На ЧАЭС директор был признанно талантливым теплоэнергетиком, а в ядерную физику пришел впервые. Главный инженер был электрик, турбинист. Его заместитель — слава Богу, ядерщик, но... по реакторам других типов. А ведь они трое должны подставлять собой единый интеллект.

...Начальник гражданской обороны Воробьев положил перед Брюхановым в бункере листок с цифрами: 200, 1000 мр/ч, зашкаливает...” Это были данные радиационной

обстановки на территории и внутри станции... Ясно, что посылать в эти места людей не только преступно, просто бессмысленно. Но — посылали и Ситникова, и других начальников — “посмотреть”. В бункере к тому времени были директор, главный инженер и его заместитель. Эти трое крупных руководителей не просто загубили конкретных людей, но и лишили станцию оперативного руководства.

Мнение директора ЧАЭС (с конца 1986 по 1992 год, а теперь — президента Госкоматома Украины) М.П. Уманца, человека с признанно большим опытом практика-ядерщика и руководителя “Если бы со мной случилось то же самое, что случилось с Брюхановым, я, как и он, считал бы, что меня правильно посадили на скамью подсудимых. Но преступником Брюханова я и сегодня не считаю. Ответственным перед обществом за ошибки — да, но преступником — нет. И в этом его мужество, что он эту ответственность взял на себя.

Сегодня техника настолько шагнула вперед, что такие руководители, как директор АЭС, конструкторы реакторов несут громадную ответственность за свои действия и поступки. Но и последствия от этих ошибок бывают разные.

...И прежде аварийные происшествия на АЭС имели место, хотя и не слишком серьезные, но о них немногие знали. Любая техника “имеет право” (до определенных пределов) выходить из строя — в мире узаконена даже соответствующая шкала аварийных ситуаций на атомных объектах по степени их сложности. Тогда виновные оставались, по сути, безнаказанными, а непричастные лишь наблюдали со стороны... “Такая пассивная позиция способна разрушить чувство личной ответственности по всей цепочке, включая и местные административные власти, и руководителей гражданской обороной”, — мнение психолога В. Абрамовой. Даже в г. Припяти в день аварии, которая коснулась населения всего города, можно было услышать: “Этим должны заниматься те, кому положено, не сейте панику!” Позиция верная, панику сеять нехорошо. Но те, “кому положено”, не объявили по радио о необходимых мерах предосторожности, то есть нарушили инструкцию, и не одну. Следует ли в таких случаях окружающим быть лишь пассивными наблюдателями, исполнителями? Разумеется, я — против митингов, анархии, но свою позицию можно выразить вполне достойно.

Только ли директор Брюханов виноват в том, что на станции оказалось слишком мало дозиметров? Только ли местные власти г. Припяти необоснованно задержались с эвакуацией города? Успокоились. Все успокоились и утратили нечто похожее на то подспудное, часто внешне незаметное, но в действительности непрекращающееся волнение за свое дитя, без которого мать утрачивает право называться матерью, без которого руководитель превращается в чиновника, бюрократа.

И не только успокоились... В конце 80-х годов министр атомной энергетики Н.Ф. Луконин уделил мне несколько часов, разъясняя ситуацию на ЧАЭС.

— Я не был до аварии на ЧАЭС и лично не знал ни директора, ни главного инженера и его заместителя, хотя много хорошего о директоре слышал. Авария застала меня в моем министерстве — Средмаше (тогда я был директором Игналинской АЭС, а она подчинялась Средмашу). В 9.20 утра зашел в кабинет к первому заместителю министра среднего машиностроения Александру Григорьевичу Мешкову. “На ЧАЭС крупная авария”, — сказал он и продолжил телефонный разговор.

— Как расхолаживается реактор?

— Реактор расхолаживается нормально, — слышится из трубки явно со станции. Скорее всего, знали уже, что реактор разрушен — об этом подчиненные докладывали не единожды. Да и видел разрушения Брюханов, когда приехал на станцию. Но... он лгал, вероятно, подсознательно оттягивая тяжелый момент... Привычка замазывать проблемы.

На тот период зав. сектором ЦК КПСС, а сегодня — академик Инженерной академии Виктор Васильевич Марьин и сегодня считает свою деятельность в чернобыльской зоне целесообразной и полезной — в соответствии с условиями, сформировавшимися в СССР к 1986 г. Он был как бы комиссаром всей этой эпопеи: “Политикой занимались на верхних этажах ЦК. А мы — работали и убеждены, что на благо своей Родины”. Он действительно неплохо разбирается в физике, наделен организаторскими способностями. Мне кажется, Виктор Васильевич говорил со мной вполне откровенно — в 1993 г. А в 1986-м многие начальники его имя произносили “с придыханием”, это было заметно: в ЦК он заведовал сектором атомной энергетики в составе отдела тяжелой промышленности, которым руководил Иван Петрович Ястребов. Рассказ Марьина имеет смысл привести практически полностью, поскольку он как бы освещает события с необычной стороны.

— По приказу Долгих меня подняли с постели 26-го ночью и привезли на работу. Мы не могли понять ни смысл, ни масштаб происшедшего: Брюханов говорил, что реактор контролируется и охлаждается, можно было понять, что он цел. Связь со станцией по нашему каналу была самой лучшей в стране, даже лучше, чем у Совета Министров. Однако и в “Союзатомэнерго”, то есть в Минэнерго СССР, сидел мой работник Копчинский. С его слов в 3 часа ночи мы узнали, что авария тяжелая, но и он не знал подробностей. Увидев Брюханова уже в Припяти часов в 17, я понял, что он не врал, он был в шоке. Твердил то, что он должен был делать по инструкции, а также боялся создать панику.

Даже в Припятском горкоме партии, где в первые дни все собирались, Брюханов был очень подавлен и по инерции повторял. Но тут “взорвался” начальник Управления строительства ЧАЭС В.Т. Кизима: “Реактор взорвался, поехали со мной”. Он сам и повез меня и референта зам. Председателя Совета Министров Украины Н.Ф. Тимошок. И я увидел развал. Объехали станцию вокруг. Особенно страшно было видеть открытые барабан-сепараторы, трубы: ясно, что от реактора ничего не осталось.

Авария потребовала изменения психологического восприятия по сути, всех аспектов отечественной атомной энергетики. В том числе, понадобился комплекс мероприятий по улучшению качества подготовки персонала и государственного надзора в этой отрасли. На самой Чернобыльской АЭС была проведена полная переексплуатация эксплуатационного персонала, в том числе с обязательной психофизиологической проверкой... В общей сложности в 1988 году специальную подготовку в стране прошли 2000 работников АЭС. Усовершенствованы тренажеры на атомных станциях. Введен обязательный контроль за психофизиологическими характеристиками эксплуатационного персонала. В 1987-1988 учебном году вошли в практику единые для всех вузов страны квалификационные требования к типовым учебным планам по номенклатуре специальностей для атомной энергетики, укрепляется учебно-исследовательская база для этих вузов, на полгода увеличен срок обучения. Больше внимания будет уделяться практической подготовке в учебно-тренировочных центрах и на строящихся АЭС. В целом, в цепи взаимодействия человек-машина повышено внимание к человеческому фактору.

Неужели гибель людей, вся титаническая послеаварийная работа понадобились только для того, чтобы компенсировать “крайне маловероятное и немислимое стечение обстоятельств”, приведших к чернобыльской трагедии, как это было объявлено сразу после катастрофы, да и теперь еще можно услышать? Нет. “Мы все шли к этой катастрофе”, — говорят наиболее компетентные и уважаемые специалисты. МЫ ВСЕ — и в этом суть.

Прямо или косвенно, пусть даже терпимостью к собственной и чужой безответственности.

И ВОТ — СУД

В результате аварии в течение первого месяца погибли 31 человек, нанесен ущерб здоровью многих людей. Разрушение реактора привело к радиоактивному загрязнению территории вокруг станции на площади около 1000 кв. км. Здесь выведены из оборота сельскохозяйственные угодья, остановлена работа предприятий,строек и других организаций. Только прямые потери в связи с аварией в ценах 1986 г. составили около 2 млрд. рублей. Осложнено энергообеспечение населения и производств... Позже эти, первоначально выявленные потери, материальные и денежные затраты в несколько раз возросли.

Кто-то ведь должен ответить за это... Настало время назвать вину единиц — преступлением, а героизм тысяч — подвигом.

Прокуратура СССР возбудила уголовные дела против лиц, виновных в аварии на Чернобыльской АЭС. За крупные ошибки и недостатки в работе, приведшие к аварии с тяжелыми последствиями, сняты с занимаемых должностей крупные специалисты, Руководители на уровне заместителей министров и директоров институтов Средмаша и Минэнерго СССР. Одновременно они были привлечены и к партийной ответственности, а несколько человек — и к уголовной ответственности.

Долгих и страшных 16 заседаний судебного процесса. В г.Чернобыле судили людей, до этого времени считавшихся специалистами своей профессии и патриотами Родины, облеченных немалой властью, а теперь — виновных в гибели людей, страданиях тысяч их земляков и огромных материальных потерях государственного масштаба. Безусловно, они не хотели чужих страданий и явно страдали сами, но объективно эти люди сделали много для реализации страшного кошмара, который едва ли виделся когда-нибудь даже во сне.

Не обошлось без странностей и само судебное заседание. Несколько чернобыльских реакторщиков, проявивших героизм в ставших инвалидами, возили ежедневно из Киева в Чернобыль в обратном направлении в качестве свидетелей в жестком автобусе: 130 километров туда и столько же обратно. Это очень трудно. Ведь они сильно облучены, больны. А.Ювченко, правда, два дня жил в Зеленом мысе, то есть поближе. На четвертый день и его вызвали, он повторил то, что говорил следователю еще в день аварии. А после обеда ему предложили уехать, так как “будут оглашать материал с грифом “секретно”. От кого секрет? “Я сам был в смене, и сам имел бы все основания узнать, что же там было. В зале не было посторонних— все станционники”. Его то и дело вызывали в московскую “шестерку” на дополнительное лечение, даже с этой целью в Москве дали квартиру. Мы разговаривали, а я поглядывала на его лицо и руки. Они покрыты многочисленными, хотя и небольшими розовыми пятнами — последствия радиационных ожогов. Ювченко собирался через некоторое время пойти на расчетную работу в один из московских физических институтов, по сути, по специальности.

Вглядимся в фотографию, сделанную И. Костиным в следующее мгновение после оглашения приговора. Достоинство, как должное, воспринял его директор Брюханов. Он и сам подтвердил во время процесса: “Да, я виноват. Я не участвовал в эксперименте. Но как директор объективно виноват”... Словно все еще не может поверить в реальность происходящего Дятлов и как бы удивляется: “Ну почему же все это произошло?” Сожалеет о своей неудачливой жизни еще недавно так уверенный в себе Фомин.

Из приговора: “Узнав о том, что уровень радиации в некоторых местах значительно превышает допустимый, Брюханов с целью создания видимости благополучия в

сложившейся обстановке умышленно скрыл этот факт. Злоупотребляя своим служебным положением, представил в вышестоящие компетентные организации данные с заведомо заниженными уровнями радиации. Необеспечение широкой правдивой информацией о характере аварии привело к поражению персонала станции, населения, прилегающей к ней местности”.

— Виноват. Виноват... — В том-то и беда, что, подсознательно приукрашивая ситуацию, В.П. Брюханов не был оригинален в своем поведении. Лакировка действительности была привычной формой изложения чуть ли не любых событий. Одна из свидетелей, стрелок охраны, рассказывала, что сразу же после взрыва обратилась к своему начальнику смены Рогожкину с вопросом: что делать? Тот сказал лишь, чтобы не паниковали, а усилили бдительность при несении службы. И стрелки оставались вблизи аварийного блока и получили значительную дозу облучения. “Не паникуйте!” — эта ставшая расхожей и потому бессмысленная фраза слышалась повсюду. Пишет А. Пральников, заведующий отделом газеты “Московские новости”: “Храню шедевр, отпечатанный на бланке одной киевской организацией и подписанный, зарегистрированный исходящим номером по всем правилам. Отвечая редакции, чиновник пишет: “Радиационная обстановка благоприятна”... Населению советовали вести обычный образ жизни. А вскоре последовало решение вывезти школьников из Киева на все лето”...

Брюханов, осознавая свою вину, будучи человеком открытым, теперь старался быть хоть в чем-то полезным: искал для охлаждения подреакторной плиты азот, мотался по зоне. Колеса его машины излучали 3 Р/ч, и на посту ее пришлось бросить. Отношение к нему на станции было неодинаково, но все едины в одном: человек честный, доброжелательный. А знавшие его лучше считали добросовестным и талантливым специалистом, но чересчур мягким человеком, особенно перед начальством. Может быть, ему не следовало принимать директорство атомной электростанцией, он недостаточно знал ее специфику, Хотя тепловые станции по их сложности и искусству управления не уступают, а в чем-то превосходят атомные. В.П. Брюханов стал известен как заместитель главного инженера Славянской ЭС в ее звездный час, когда пускали впервые в мире 800-мегаваттные блоки после 300-мегаваттных. Это не простое увеличение мощности, а, по сути, новый тип энергоблока. И мне он также симпатичен.

Но вот как вспоминает он через годы ту ночь. “...Уже начали появляться руководители цехов и служб. Я прошу: коротко пробежать по станции, собрать информацию и доложить, мне надо звонить в Киев. Все разбежались, через какое-то время собрались, говорят: произошел какой-то взрыв, а какой — неизвестно, ничего нельзя понять. Я тут же позвонил начальнику главка, говорю, что причины не выяснены, персонал пытается дать воду на охлаждение реактора (в то время нам казалось: самое страшное, что может быть с реактором, — это то, что он останется без воды). Поэтому в любом случае нужно было обеспечить охлаждение его активной зоны. Потом позвонил Первому секретарю обкома партии, затем — министру энергетики. Конечно, началось столпотворение. Меня поразило, что не могли найти главного инженера. Он появился только часа в четыре, привычка была такая — отключать телефон. Начальник цеха дозиметрии получил команду произвести замеры. Оказалось 1000 миллирентген в час. Как выяснилось впоследствии, у наших дозиметристов прибор был такой, что шкала до тысячи... Из области приехал около 11 утра Второй секретарь обкома партии, чуть раньше — заведующий промышленным отделом обкома. “Что делать?” — спрашиваю. — “Готовить информацию”. — “Хорошо”. Секретарь парткома (?!, Л.К.) набросал: “1000 мР/ч” — я подписал. И эта бумага впоследствии оказалась криминальной. Суд посчитал, что я, используя служебное положение, специально занизил уровень радиации и тем ввел в заблуждение руководство области. За это я получил 10 лет. Я объяснял, что дело

в приборе. Но меня не слушали...” Он так и не понял свою роль в ту роковую ночь! Сейчас на замечание о работнике, что это — хороший человек, на Чернобыльской АЭС отвечают, что “хороший человек” — не должность. Должности такой нет.

Брюханов-администратор был во многом представителем своего времени — застоя.

Я разговаривала с ним 3-го мая 1986 г. в Чернобыле в здания Правительственной комиссии. Он производил впечатление человека очень страдающего и крайне уставшего. Искренне жалел персонал: “Как же они будут работать на таких “грязных” блоках, готовить их к пуску?” Брюханов был болен. Пятого и шестого мая у него поднялась температура до 40 °С. Но он не сказал об этом начальству и не просил освободить его от работы даже временно, хотя уже был отстранен от должности.

— Вы были ночью на станции?

— Нет, я спал и не слышал. — Он имел ввиду, что не был на станции в момент аварии. Да и зачем? Он ведь не ядерщик. Но его видели на ЧАЭС не позднее трех часов.

— Я с 1952 года работаю в атомной энергетике, — позднее рассказывал мне министр атомной энергетики Н.Ф. Луконин — Будучи директором, всегда знал, когда останавливается блок. Даже проснувшись ночью, звонил на станцию — как дела? А на ЧАЭС у руководства такой системы автоматизма не было. И оно потеряло управление.

Не научили персонал в любое время суток ставить руководство станции в известность и об аварийной ситуации. А приучать к этому должны директор и главный инженер. Они же передоверились заместителю главного инженера, который в этом смысле оказался не воспитателем, а нарушителем дисциплины. Он должен следить за тем, чтобы подчиненные докладывали о малейших нарушениях регламента по инстанциям и записывали о них в журнале. Иначе младшие руководители тоже будут разрешать своим подчиненным скрывать нарушения... Так руководство теряет контроль над станцией. Ошибка должна страховаться на всех уровнях — организационных, морально-психологических, технических... Надо говорить себе: “Помни аварию! Даже ту, которой не было”. Тогда ее не будет.

Говорят, Брюханов еще ночью 26-го, по дороге на станцию, увидев разрушенный энергоблок из окна машины, сказал: “Это — тюрьма”. Он был осужден на 10 лет.

Специальный корреспондент газеты “Социалистическая индустрия” Е. Колесникова уговорила В.П. Брюханова в колонии побеседовать с ней (он отказывался от встреч с журналистами, чтобы не думали, будто он хочет оправдаться).

Осужденный Брюханов “слесарит в котельной, следит за трубами, насосами, дело знает превосходно, пользуется уважением — совет коллектива колонии избрал его своим председателем... Не похож на сломленного, отчаявшегося человека. Третий год учит английский, впрочем, поговорить пока не с кем — друзей в зоне не завел... Читает газеты, журналы, телевизор иногда смотрит. И не было дня, чтобы не вспоминал о Чернобыле”. Мечтает после отбытия срока наказания вернуться в атомную энергетику, если повезет — на ЧАЭС, “хоть сторожем”. Припятя снится — ведь он приехал туда директором строящейся АЭС в то время, когда не было еще ни станции, ни г. Припяти — только лес. Под заявлением коллектива ЧАЭС с просьбой о помиловании — более 500 подписей чернобыльских эксплуатационников. Срок наказания был уменьшен вдвое, причем не одному Брюханову, а всем осужденным с ЧАЭС.

Полная противоположность директору — его главный инженер Н.М. Фомин. Прежде надменно самоуверенный и властный, он чрезвычайно изменился. Потрясен. На суде совершенно подавлен, однако вину свою признавать не намерен.

Фомин заявил суду, что он, электрик, был назначен на должность главного инженера, не будучи достаточно подготовленным по ядерной физике, но у него не было времени, чтобы этот пробел ликвидировать.

...Нервный шок у главного инженера станции Н.М. Фомина был так силен, что его пришлось (по его просьбе) отпустить на неделю отдохнуть. В ночь аварии этот гроза подчиненных и даже для многих непререкаемый авторитет становился неузнаваемым, порой истерично крикливым. Его глаза наполнились ужасом, воля атрофировалась, он был морально парализован. Невропатологи его приводили в порядок перед судом.

О Фомине говорили, что он — человек решительный, умеет быстро принимать решения. Психологическое исследование, хотя и заочное, показывает, что он, действительно, обладал сильной нервной системой и был совершенно здоров. Но экстремальная ситуация его сломала, внутренне уничтожила. Это — мнение психолога В.Н. Абрамовой, которая проводила свое заочное исследование с ведома Минэнерго. Она отмечает, что в стрессовых ситуациях возникает не просто “второе дыхание”, а новое качество психики, и человек может “умереть” от необходимости необычно трудных, неожиданных решений. Но методик для объективных прогнозов таких решений нет ни у нас, ни за границей. Тем не менее, для получения права на работу такого рода люди успешно выдерживают довольно точные измерения разных параметров их здоровья, в том числе и на основе тестов. Напоминают о долгом его лечении после автомобильной катастрофы. Однако, несмотря на серьезные травмы, главный инженер оставался при ясном уме. Это был незаурядный человек. Но, как оказалось, он не был готов к самостоятельным и, тем более, ответственным действиям.

Фомин страшно любил власть, рвался к ней — ведь это так заманчиво быть первым лицом, главным инженером такой мощной и совершенной АЭС. Директор, по его мнению, — только администратор. А вот главный — истинный лидер. Но это лидерство для Фомина значило так много лишь с точки зрения внешнего блеска. По профессии он — электрик, турбинист, то есть хотя и не ядерщик, но представитель одной из основных на электростанции профессий. Сначала он работал начальником электроцеха, потом заместителем главного инженера второй очереди АЭС, то есть третьего и четвертого энергоблоков. При нем прежде не было ни одной аварии, даже в первый год после пуска энергоблоков. Четвертый пустили на три месяца раньше срока, но высокого качества. Во дворе станции не успели убрать строительное и другое оборудование — и Фомин взял это дело в свои руки, закрепил участки за начальниками цехов и не “слез” с них, пока не убрали всю территорию.

Фомин не терпел критики в свой адрес. В ответ каждый раз слышался — и, как не странно, срабатывал единственный, но, как оказалось, всемогущий аргумент: выполняется производственный план. План заморозил директора. Этот показатель был главным во всех инстанциях. Высокий профессиональный уровень подготовки персонала, в общем-то, по справедливости ни у кого не вызывал сомнений. Если угодно, история Чернобыльской АЭС до аварии оказалась идеальным воплощением периода застоя, с его привычной молчаливостью социальных сил. В этой обстановке Фомин подчинял каждого своей воле. Сослуживцы рассказывают: “Бывало, снимет очки и уставится своим тяжелым гипнотизирующим взглядом, будто на кролика. В общении с подчиненными доходил даже до хамства, хотя сам же подобрал грамотных специалистов. А ведь это из-за Фомина в свое время вынужденно ушел Штейнберг на Балаковскую АЭС, Бронников — директором на Запорожскую, Плохий — к нему главным инженером.

— Я был против назначения Фомина главным инженером именно этого предприятия в связи со складывающимся соотношением сил в руководстве, — говорит бывший заместитель министра Минэнерго СССР и отвечавший за атомную энергетику Г.А. Шашарин. — И я был очень настойчив в этом своем мнении. Но не все кадровые вопросы зависят только от заместителя министра. Между предприятием и ним есть промежуточные инстанции, также имеющие право на самостоятельные решения.

На кандидатуре Фомина настаивали украинские власти.

В этой ситуации возможен и абсолютно безынициативный заместитель главного инженера по вопросам ядерной безопасности Лютов, вполне устраивавший Фомина. Партком настоял на выводе Лютова из резерва на должность главного инженера. Но этим и ограничился. Лютов оставался на своей работе.

Вот что пишет в день аварии сам Н.М. Фомин о событиях той ночи в официальной пояснительной записке: “Во время аварии находился дома в Припяти. На первый телефонный звонок (аппарат был в соседней комнате) подошла жена, но ничего мне не сказала. Между 4 ч. 30 мин. и 5 час. позвонил НСС (начальник смены станции) В.В. Рогожин и сообщил об аварии. Я вызвал машину — пришел автобус — и выехал на АЭС. Пришел на БЩУ (блочный щит управления), оценил обстановку, дал необходимые распоряжения по контролю РБ (радиационной безопасности), обеспечению охлаждающей водой, контролю облучения персонала. Аналогичные распоряжения дал по блокам №1, 2, 3; осмотрел блоки №3, и 4 с северной стороны. Остальное время находился на объекте” (Фомин все остальное время находился в защитном бункере). Такое мог написать лишь сторонний наблюдатель, но никак не “хозяин” атомной станции.

— Будучи в его должности, я сам сидел бы на испытаниях и не разрешал без себя их проводить. Он, тем более, знал о замашках Дятлова нарушать инструкции. — Мнение заместителя министра энергетики Украины В.М. Семенюка.

— Я Фомина не знаю как человека, — говорит Н.Ф. Луконин. — Если бы он достаточно хорошо знал физику реактора, то я не уверен, что он бы вообще проводил это испытание.

Во всех исследованиях, связанных с работой реактора, должны присутствовать (помимо формального согласования) главный инженер, его заместитель по эксплуатации и заместитель директора по науке или начальник отдела ядерной безопасности. Здесь же назначен только один Дятлов — физик-ядерщик. Формально нарушения все-таки нет. Но если бы на станции внимательно рассмотрели программу эксперимента и привлекли бы к ней физиков — проектировщиков и ученых,— то они сказали бы, что эту программу при самопроизвольной остановке блока проводить дальше нельзя.

На программе нет подписи заместителя директора АЭС по науке, начальника станционного отдела ядерной безопасности. Нет подписи и представителя генпроектировщика. Желательно было бы потребовать подпись и у представителя главного конструктора реакторной установки.

Утвердил программу 21.04.86 г. главный инженер ЧАЭС Н.М. Фомин. Ответственным за проведение испытания он назначил своего заместителя А.С. Дятлова. Оба осуждены на 10 лет каждый.

Партком ЧАЭС до аварии ставил вопрос и о переводе Дятлова на другую работу — неоправданно самоуверен. С этой рекомендацией не согласился директор, а партком не сумел настоять на своей точке зрения.

Зато Фомин всячески поддерживал своего зама, настойчиво предлагал его кандидатуру в резерв на должность главного инженера — скорее по причинам личного характера. Они оба приехали из Комсомольска-на-Амуре, где Дятлов возглавлял лабораторию контролируемых физиков на Судостроительном заводе имени Ленинского комсомола. Без его визы в море не уходила ни одна подводная лодка с реакторной установкой. Но там — ВВЭРы. У них нет того скрытого дефекта, какой привел к взрыву РБМК.

На Чернобыльской АЭС Дятлов начинал замом начальника по эксплуатации РЦ-1, потом стал ЗГИСом (замом главного инженера станции) по второй очереди. В цехе Дятлов был “ходячей энциклопедией”. Сотрудники боялись его. Он замечал малейший промах, лень. И не прощал. Очень требовательно относился и к себе. И доверял только себе. Но когда стал ЗГИСом, то временами как бы перестал “срабатывать” — ведь он привык все тщательно анализировать, а на это нужно время. На него свалился огромный объем работы, с которым он уже не мог справиться, так как он не сумел или не догадался изменить свои методы. Но ЗГИСу нужно уметь полагаться на подчиненных. Этого Дятлов не умел. До поры сходило.

Но вот наступило 25 апреля. Привычное: “Я сам”. Дятлов в программе испытаний не увидел ничего выдающегося. Программа и в самом деле выглядела довольно-таки рядовой. Он посчитал, что сам все необходимое в подготовке эксперимента уже предусмотрел и — не поручил подчиненным ее заранее обдумать с их позиций. А он обязан был это даже потребовать, чтобы люди могли приступить к работе с полным сознанием личной ответственности. Однако люди не успели с ней даже как следует ознакомиться: Дятлов поздно принес ее на блочный щит управления

Предельно самоуверенный, он все равно не потерпел бы никаких возражений, подавляя людей своей эрудицией и безапелляционностью. Как и Фомин, на замечания “сверху” он отвечал одно: “Станция план по выработке электроэнергии выполняет и перевыполняет, других претензий не хочу слышать”. Робкие выступления “снизу” его раздражали, мог и накричать. Многие из работавших в пятой смене были его учениками. Они привыкли верить своему руководителю, прощать жесткий характер.

Был поздний вечер. Мы с Валентиной Поденок пили чай на кухне в чернобыльском общежитии инспекторов Украинского ГАЭН и никуда не торопились. Я в тот раз приехала в Чернобыль с киевского совещания всего на сутки только ради этой встречи (посоветовали знающие люди) и к энергостроителям. Она тихо рассказывала.

— Он был жесток к людям и даже малые слабости считал недостойными человека. Чужое горе в нем не вызывало сочувствия — он был просто лишен этой способности. Однажды крановщица Центрального зала, получив телеграмму о смерти отца, написала заявление об отпуске за свой счет и передала Дятлову. А сослуживец просьбу выполнил только через день. Крановщицу ждут на работу — а ее нет. Когда вернулась, узнала, что Дятлов требует у начальства се увольнения. Она бросилась в комиссию по трудовым спорам, заместителем председателя которой и была В. Поденок.

Валентина выступила на заседании комиссии обвинителем Дятлова. Но он так ничего и не понял. Заявил лишь: “Ты мне мстишь за старое, за то, что я тебя не взял в лабораторию в Комсомольске-на-Амуре”: не любил брать на работу женщин.

На ЧАЭС многие считали себя учениками Дятлова. Но в последние годы перед аварией от него стали отходить даже друзья. Конечно, он чувствовал, что подчиненные относятся к нему без симпатий — и заменил чувства жесткой требовательностью, приказным тоном. А это подхлестывало собственную самоуверенность.

...Вообще-то было известно, что реактор — не идеал, хотя не в такой степени, как это выяснилось 26-го. А если знаешь, что получил не очень хороший паровоз — не гони. На суде Дятлов произнес пятнадцатиминутную речь, в которой доказывал свою полную невиновность и довольно объективно выявил недостатки реактора.

— Разве Вам не приходило в голову, что реактор способен взорваться? — спросил его судья.

— Нет. Конечно, не приходило! — Это, по-видимому, было правдой, такого никто не мог предположить. И ни один из осужденных работников Чернобыльской АЭС не признал себя виновным в этой катастрофе.

Начальник смены станции Рогожкин вообще не присутствовал при испытании. Как оказалось, он даже с программой эксперимента не был знаком, хотя его фамилия значится в этой программе... Осужден на 5 лет.

— “Позже я с ним беседовал, спросил, почему не пришел, вообще не ознакомился?” — Рассказывал Н.Ф. Луконин. — “Так там же был Дятлов”. — “А кто отвечает за смену с 0 до 8 часов?” — “Я, начальник смены станции. Но персонал приучили, что, раз пришел заместитель главного инженера и начал командовать, то нечего вмешиваться. Да, знаю, что ему это право не дано...” Дятлову по инструкции разрешалось лишь записывать свои приказания в журнал начальника смены станции, если не пришел — вызвать его. И еще до начала эксперимента — пройти с ним по “горячим” следам и убедиться, хорошо ли он и персонал знают свои обязанности. Если предположил, что не знают — не начинать эксперимент. А в итоге на момент аварии Рогожкин мог оказаться в любой части станции. Во всяком случае, на четвертом энергоблоке его не увидели ни тогда, ни позже.

— Преступно многое из того, что предшествовало кнопке “АЗ-5”. — Таково мнение Н.И. Штейнберга, может быть, лучше других знающего и эту станцию, и ее персонал. — В том-то и трагедия, что это сделали грамотные люди, считавшие, что именно им все по силам и все можно и что они вообще святее Папы Римского. Они были уверены в своем превосходстве над аппаратом и, не без основания, уверены в своих интеллектуальных способностях. Между прочим, точно такая же ситуация сложилась и на утонувшем теплоходе “Адмирал Нахимов”, который столкнулся в Черном море с другим кораблем. “Ну, разойдемся, чего там, — наверняка рассуждали оба капитана. — Полкабельтова же есть — пройдем!” У яхтсменов распространена даже такая хулиганская игра — пройти рядом или навстречу кораблю почти в притир и смотреть, как он качается потом на волнах. Игра довольно безобидная, и жертв не бывает. С “Нахимовым” же под воду ушло около четырехсот трупов... А потом мы все совершаем чудеса героизма, чтобы выкарабкаться из беды. И не только мы. Американцы, например, тоже убеждены, что им подвластно все и что сравниться с ними никто не может, и даже весь мир — сфера их национальных интересов.

Суд вынес частное определение в отношении некоторых ответственных работников Минэнерго СССР, обвинив их в отсутствии должного контроля за работой станции; тех, кто не сумел организовать должной защиты людей от радиационного поражения: представителей медицинской службы, службы радиационной безопасности, городских властей. Одновременно суд объявил и о дальнейшем расследовании в связи с ошибками в теории и конструкции реактора четвертого энергоблока Чернобыльской АЭС. Результаты расследования мне не известны.

ЧЕРНОБЫЛЬ И МИР

Сегодня воспоминания о направленной пропаганде против СССР в связи с Чернобылем могут показаться сомнительными: мир подобрел к народам стран бывшего Советского Союза. Но и те факты — тоже реальная история, притом недавнего прошлого. Люди обязаны помнить и о своей былой и необоснованной злобе, чтобы преградить путь возврату к “холодной войне”.

“Атомный кошмар в Чернобыле”, “Электростанция смерти”, “Урок Чернобыля — не верь ни в чем русским”... С такими “высокохудожественными” заголовками профессионалы-дезинформаторы подбрасывали свои произведения в яркий костер пропагандистского шабаша; “радиоголоса” истерически кричали о гибели чуть ли не половины Украины и о страшной опасности, грозящей всей Европе; о якобы массовой панике советского населения.

Страх и паника охватили значительную часть Западной Европы. Не проверив на радиоактивность, во многих странах на всякий случай запретили продажу молока, молочных продуктов. Мобилизовали отряды гражданской обороны, даже в Калифорнии объявили о повышении радиоактивности, хотя и незначительном.

Датские средства массовой информации до такой степени нагнетали атмосферу в обществе, что довели свой народ до чрезвычайного нервного возбуждения.

В ФРГ федеральные власти и деятели ХДС/ХСС разжигали антисоветскую кампанию в связи с аварией в Чернобыле в течение всего мая. А в это время с 4 мая из-за аварии на высокотемпературном реакторе в Хамме-Уэнтропе выходил в атмосферу радиоактивный газ; 21 мая произошел второй выброс: вышел из строя блок управления на установке, загружающей топливо. Но под завесой Чернобыля этого как бы не было видно.

...Вот на экранах телевизоров расплывчатый снимок ЧАЭС сопровождается гипнотизирующей скороговоркой диктора: “Паника в городе. Улицы завалены трупами”. А вот цитата из французской вечерней газеты “Франс суар”: “Группы обреченных на смерть узников тюрем — может быть, даже и политических — под дулами автоматов собирали по полям трупы погибших...”

Ради бизнеса на фальшивой сенсации Томас Гэрэнк 12 мая передал американскому телевидению кинокадры, якобы сделанные югославским туристом, очевидцем пожара на Чернобыльской АЭС. В действительности он сам снял эти кадры на цементном заводе в итальянском городе Триест. Уплатив Гэрэнку 3,5 миллиона лир только за право “посмотреть пленку”, они не могли не удивиться сомнительному пейзажу: горящие здания не похожи на АЭС, а холмы не соответствуют равнинному рельефу Украины. Тем не менее, рассматривали пленку в перчатках: “защищаясь от радиации”, а потом уплатили автору по соглашению еще 22500 долларов за право показывать этот “шедевр” во всем мире, следовательно, и в Триесте. Едва ли Гэрэнк рассчитывал на поток возмущений от земляков. Американцы забрали обратно свои доллары, но на возвращении лир не настаивали и от судебного преследования мошенника отказались — чем больше “дыма”, тем лучше.

Американская газета “Нью-Йорк пост” 2 мая 1986 года: “Как сообщают, 15 тысяч людей захоронены в радиоактивные отходы”. “У туристов обнаружен высокий уровень радиоактивного заражения”.

Приблизительные предположения облекали в форму реальности. Предположительные летальные дозы радиации, притом с тысячекратным завышением, называли ученые

мужи и чиновники военно-промышленного комплекса. И люди верили — у населения не оказалось достаточных знаний о сути фоновой радиации вообще и о ее допустимых пределах. Поэтому в Великобритании возвращение из Киева студентов, а в США — учащихся колледжей кое-кто воспринял как их счастливое и случайное спасение.

Правительства срочно отозвали их домой. В Англии студенты устроили спектакль. Они сменили в Киеве свою одежду на новую, выданную советскими властями. Но на лондонскую землю торжественно ступили босиком, бросив в самолете новую обувь. Им устроили пресс-конференцию, где “пострадавшие” рассказывали об “ужасных минутах многострадального Киева”. Узнав об этом, невозможно было не смеяться: по тротуарам спокойно ходят киевляне. Диктор аэропорта объявляет о вылетах и посадках самолетов Во Владимирском соборе г. Киева готовятся к пасхе. ...Но рассказанное об английских студентах не было анекдотом. Это была абсолютная правда. Как ни печально.

“Информации русских нельзя верить”, — утверждали американские газеты, несмотря на официальное заявление МАГАТЭ о том что информация советских экспертов абсолютно достоверна.

— То, что я увидел в США в эти дни, просто чудовищно. Какие-то сплетни, слухи, ложь! — Говорит политический обозреватель газеты “Известия” А.Е. Бовин. — Произносились и слова сочувствия, но они тонули!.. По американскому телевидению и радио исполняется какой-то чудовищный безнравственный танец, газеты пестрели огромными заголовками: “Украина опустела” и т. п. Через два дня выясняется, что во время взрыва погибло два человека. Об этом сообщили, но как-то с явным недоверием. И даже сожалением и обидой.

“Отношение к случившемуся в Чернобыле оказалось своего рода лакмусовой бумажкой для выявления позиций кругов, задающих тон политике стран Запада”, — писала “Правда”.

Неистовая антисоветская компания и истерия, спекуляция на несчастье была раздута в первую очередь в США и ФРГ. Однако ширмой для злопыхательства избрали фальшивую “заботу о людях”, “тревогу об их здоровье” и “беспокойство о недостатке информации”.

— Давно уже Мир не сталкивался с таким нагромождением лжи, фальсификации, — констатировал популярный в СССР и всемирно известный политический обозреватель Гостелерадио Советского Союза В.С. Зорин. Киевский художник В. Буйновский занялся коллекционированием слухов о Чернобыле и проверял их достоверность у специалистов.

Истоки сенсаций не предскажешь. Весной 1988 года в Чернобыль позвонили из Швеции: “Что там у вас взорвалось?” Оказывается, оператор ЭВМ в Вене по ошибке набрал код атомной тревоги, и все страны Западной Европы получили сигнал об атомном инциденте “где-то в центре” европейского континента. Впрочем, может быть, венский оператор так странно пошутит?

Подготовленный к отправке сухогруз с абсолютно чистым грузом из СССР остался в Новороссийске в связи с отказом одной из западных стран его принять. Ряд не входящих в Общий рынок государств запретил импорт некоторых видов сельскохозяйственной продукции из стран Восточной Европы. “Это не первый случай, когда под надуманными предложениями социалистическим странам и экономическому сотрудничеству Восток-Запад ставятся палки в колеса”, — заявило польское агентство ПАП.

Попытка нагреть руки на чужой беде и поставить подножку конкурентам — вот истинная основа “борьбы с радиоактивными продуктами”. Интересные события начались на мировом сельскохозяйственном рынке. Италия отказывается принимать некоторые французские сельскохозяйственные продукты и одновременно жалуется, что партнеры-соперники не покупают ее вполне безопасное молоко. Пострадал экспорт

продовольственных товаров из Финляндии и других стран. США приняли законодательство о “запрете” импорта продовольственных товаров из Старого Света: они, якобы, повреждены “резко повысившейся там радиацией”. И это — несмотря на заявление Всемирной организации здравоохранения о беспочвенности таких опасений. Французская телепрограмма ТФ-1 прямо заявила: авария на Чернобыльской АЭС стала “удобным предлогом для определенных политических деятелей, чтобы установить эмбарго на сельскохозяйственную продукцию, вывоз которой был намечен по соглашению”.

В действительности, по заявлению председателя Госкомгидромета СССР Ю. Израэля, сделанному им 20.03.89 г., “заметные выпадения радиоактивности с дождями достигали... Австрии, ФРГ, Италии, Норвегии, Польши, Румынии, Швеции, Финляндии. Однако наибольшее загрязнение здесь составляло по цезию-137 около 1 Ки/км², то есть немногим отличалось от природного фона.

Специалисты быстро распознали адрес дирижера этой пропагандистской истерии: США. Все легенды строились явно по одному сценарию: полное уничтожение станции, тысячи трупов, бушующие пожары, безжизненная земля и радиационная угроза не только всей Европе, но и Америке! Таким богатым воображением мог бы похвастаться разве только автор фильма ужасов. Хор не унимался, хотя “аргументы” несложно было проверить.

Когда стало известно, что станция цела вся, кроме четвертого энергоблока, пошли разговоры об ее опустении.

— Могу сообщить вам, что на энергоблоках станции несут дежурство 150 человек. Ведутся работы и в нижней зоне «рушенного блока, — сказал 6 мая на пресс-конференции заместитель председателя Совета Министров СССР и председатель Правительственной комиссии по Чернобылю Б.Е. Щербина.

Мне вспомнились события 1963 года, убийство американского президента Джона Кеннеди. Работая в Агентстве печати “Новости”, я то и дело бегала к телетайпам посмотреть, что пишут. Было страшно. Телеграфные агентства крупнейших стран мира передавали практически одинаковые тексты: к убийству Кеннеди причастны русские, точнее — женившийся на русской, гражданке СССР, Ли Харви Освальд; еще точнее — подонок, человек без чести и совести... Казалось, что “завтра” начнется мировая война... А через 3-4 дня стало выясняться, что Освальд не убивал Джона Кеннеди и вообще русские тут не причем. Кому-то крайне необходимо было любой ценой подогреть ненависть к СССР.

Через месяц после аварии советский писатель Е. Парнов выступил в “Правде” с анализом фактов нагнетания ужаса и чудовищной истерии, которую подняли за рубежом журналисты, метеорологи, “эксперты” всех мастей и военные. Получилось, что радиоактивное облако из Чернобыля одновременно должно пойти во все стороны и оказаться сразу во многих точках планеты. На все лады передавалась байка о “технической отсталости Советов”. Слово не в СССР построена первая АЭС — первый пример мирного использования ядерной энергии; словно не наши корабли оснастили ядерной установкой первый в мире атомоход; словно не с нашего спутника начался космический век Земли; словно не Гагарин был первым человеком в космосе. “Я встречался с американцами, которые явно стыдились подобной дешевки” — пишет Е. Парнов. Тут уместно напомнить, что газета “Правда” была органом Центрального комитета единственной, притом правящей партии — КПСС, главной газетой в стране. Работа в этой газете считалась весьма престижной и для большинства журналистов трудно достигаемой. Достоверности излагаемых фактов придавалось очень большое значение. Какие-то факты могли быть сознательно скрыты. Но за фальсификацию, даже

непреднамеренную серьезную ошибку, легко могли “отлучить от дома”. Во всяком случае, научно-популярные статьи были избавлены от политической нагрузки.

В мировой прессе делалось все, чтобы слово “радиация” ассоциировалось с Советским Союзом. Сознательно умалчивали даже о том, как сотни тысяч людей в мире становились жертвами ядерных испытаний, проводимых странами Запада с одной целью — достичь военного превосходства над СССР... К счастью, времена изменились.

В действительности, генеральный директор МАГАТЭ Х.Бликс был проинформирован о случившемся в первые же дни, вскоре по приглашению прибыл в нашу страну, а затем стал регулярно получать нужную ему информацию.

Москва давно опубликовала все сведения, способные удовлетворить любого любознательного — от специалиста до необразованного жителя маленького населенного пункта. Но, будто не зная об этом, пресса, радио, телевидение разных стран, особенно США, пустили волну изошренного антисоветизма: “русские скрывают правду...” По существу, это была кампания против мирового общественного мнения, склонявшегося к политической разрядке. Она ставила целью подрыв международного доверия к Советскому Союзу и осложнения международного сотрудничества.

В те же дни в штате Невада был произведен ядерный взрыв с целью совершенствования ядерного оружия — двенадцатый после объявления 6-го августа 1985 г. Советским Союзом в одностороннем порядке моратория на все ядерные взрывы. Вскоре выяснилось, что взрывы в штате Невада сопровождаются утечками радиации.

Демагогические заявления тогдашней американской администрации о стремлении к миру вызывали усмешку даже у союзников. Но подрыв авторитета СССР и паника у народов Европы могли бы послужить отвлекающим маневром.

Мексиканская газета “Диа” прямо обратила внимание читателей на попытку прессы изобразить аварию на советской АЭС как некую “атомную угрозу”, стремясь отвлечь внимание народов от истинной опасности вследствие гонки вооружений в США и их планов размещения ядерного оружия в космосе в тот период.

Еще не ясны обстоятельства аварии, однако совещание глав семи ведущих капиталистических государств в Токио поспешило создать специальный документ, утверждавший, будто Советский Союз не проявляет достаточной ответственности за состояние дел в его атомной промышленности. А вот в США, якобы, такого, как в Чернобыле, случиться не может. Не было ли это попыткой отвлечь общественное мнение от сообщений общественной организации “Паблик ситизен” о том, что на атомных станциях в Соединенных Штатах число инцидентов возросло с 2310 в 1979 году до более чем 5000 в 1983, из которых 247 комиссия по ядерному регулированию расценила как “особо значительные”. По сообщению “Нью-Йорк таймс”, в 1986 г., 8 из 20 ядерных реакторов в ведении Министерства энергетики США не обеспечены достаточной системой безопасности на случай аварии. Недостаточно подготовлен и персонал американских АЭС к действиям в кризисной ситуации.

И бюллетень американской общественной организации “Служба информации по ядерным проблемам и ресурсам” в 1986 году сообщил о многочисленных инцидентах на реакторах АЭС, реакторах-размножителях и предприятиях по переработке уранового топлива в США. Некоторые из них сопровождались выбросами радиоактивных веществ в атмосферу. Как сообщает бюллетень, еще полностью не известны масштабы аварии на “Три Майл Айленд”, поскольку по периметру территории АЭС не были установлены датчики радиации. Вообще же выбросы радиоактивных веществ в США происходят регулярно, хотя и разного масштаба. По оценкам “Службы информации по ядерным проблемам и ресурсам”, с 1962 по 1972 год перерабатывающий завод в Фернэлде (штат Огайо) сбросил около 900 килограммов радиоактивных отходов в реку Грейт Майами, а

в атмосферу за 31 год своего существования это предприятие выбросило 172 350 килограммов урановой пыли.

Правящие круги западных стран раздували пропагандистскую шумиху также вокруг “ненадежной системы” защиты на советских АЭС, а также “чрезмерной секретности” вокруг атомной энергетики в СССР. “СССР задерживает информацию о положении в районе Чернобыля”, — заявил английский Министр иностранных дел Дж. Хау, “запамятовав” о последовательной и сознательной политике замалчивания фактов, касающихся английских атомных предприятий. Между тем, лишь за месяц до чернобыльской, 31 марта на АЭС в местечке Дангинесс, графство Кент, британские власти больше месяца скрывали факт аварии, а член парламента П. Эшдаун с трудом добился официального ответа от своего же парламента об утечке радиоактивных веществ на АЭС Хинкли-Пойнт в Южной Англии.

Известный специалист в области защиты окружающей среды Р. Тейлор сказал в передаче лондонского телевидения, что, хотя многие реакторы на британских АЭС не обладают достаточной системой защиты, весьма многочисленное население окрестных мест не имеет ни малейшего представления о том, что именно следует делать, куда и как эвакуироваться, “если такая авария произойдет, а это исключить нельзя”.

Газета “Гардиан” опубликовала редакционную статью “Пожары Уиндскейла продолжают полыхать”. “Ирония заключается в том, — пишет, в частности, газета, — что именно искренность СССР в отношении Чернобыля, вероятно, заставила британское правительство рассекретить эти документы не через 30, 50, 75 или 100 лет. В таком случае спасибо, господин Горбачев...” А ведь британская пресса в мае 1986 г. чуть ли не ежедневно публиковала сводки Министерства сельского хозяйства о том, сколько голов овец “пришлось списать”, в каких реках и озерах Шотландии или Северного Уэльса обнаружена повышенная радиация. Но нигде не рекламировали многолетние сбросы ядерных отходов с предприятий Великобритании в Гольфстрим.

Рассуждая на все лады о якобы неудовлетворительном состоянии “русских” АЭС, руководители ядерной энергетики ФРГ пытались показать западногерманские АЭС как “самые безопасные в мире”. Но прошло не многим более полугода после чернобыльского шока — и в ФРГ разразился новый скандал: фирма “Транснуклеар” через свою дочернюю фирму “Нукем”, которая производит львиную долю исходного сырья для западногерманской атомной энергетики, по формулировке журнала “Шпигель”, “стала синонимом не только коррупции в деловых кругах ядерной энергетики, но и легкомысленного, преступного обращения с опасными для жизни радиоактивными материалами...”

Месяца через 3-4 после чернобыльской трагедии оценки поменялись на 180 градусов: “Выступление делегатов от СССР на заседании МАГАТЭ были откровенными и искренними”, — отметил председатель Центрального электротехнического управления Великобритании лорд Маршалл.

“Действительно, на Западе появились неточные цифры и сведения”, — вынужден был признать и “Голос Америки”. Уже в конце мая на страницах западных газет, правда, как о чем-то второстепенном, стали появляться заявления, что “атомная станция в Чернобыле не уступает по своей конструкции американским реакторам и имеет более совершенную систему защиты, чем утверждалось ранее”.

Летом 1986 года в Киев приехал Р. Гейл с женой и тремя детьми: двух с половиной, семи и девяти лет.

— Еще в первое посещение я увидел, что Киев прекрасен. Любому человеку приятно побывать здесь, — сказал Р. Гейл в интервью газете “Аргументы и факты”. — Во многих странах люди думают, что Киев покинули жители, что в городе нет детей. Но я не поверил этому. Естественно, я интересовался у украинских коллег обстановкой. И

они ответили, что город живет нормальной жизнью. Мы должны доверять друг другу как врачи, как ученые и просто как люди... В этот раз я привез много научных материалов с рекомендациями ученых США, Японии, других стран, которые откликнулись на события в Чернобыле. Но мы понимаем, конечно, что основную работу в этом направлении осуществляют советские врачи.

Уже в июне 1986 г. на сессии Совета управляющих МАГАТЭ советская делегация обратила внимание собравшихся на то, что жизнь настоятельно требует разработать такой международный правопорядок, который бы полностью исключал попытки использовать ядерные аварии в целях нагнетания напряженности и недоверия в отношениях между государствами.

* * *

Имевшаяся на тот момент информация правительствам ряда стран была дана уже 28 апреля 1986 г., то есть через день после аварии. Представитель СССР на пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН рассказал о ходе работ по ликвидации последствий аварии. Сообщения советского правительства публиковались почти ежедневно в советской печати.

В советской прессе события в Чернобыле вызвали шквал выступлений, преимущественно критического характера. Стрелы были направлены в адрес персонала станции, советских и партийных органов, конкретных АЭС и атомной энергетики вообще. Лучшими были статьи об эвакуации и эвакуированных, о помощи других отраслей, военных, о том, как откликнулись на беду советские люди. Авторы статей — люди образованные, многие старались быть объективными. Но они — не специалисты в области энергетики, совсем не похожей на другие отрасли по характеру работы. Поэтому многих авторов не смущали неточности, ошибки, принципиальные передержки и как итоговый результат — дезинформация читателей. Например, кое-кто утверждал, что помимо СССР и Франции, атомная энергетика вообще больше ни в одной стране не развивается. Так им казалось. Но за этим — далеко идущие размышления.

Журналисты были готовы идти в огонь и в воду, пользовались любой возможностью получить информацию. Но поначалу выходило, что газеты писали о первом попадавшемся на глаза, всего лишь несущественные частности. И, наверное, это неизбежно.

“Едва ли кто-нибудь из нас, передававших о том мае репортажи из Чернобыля, отдавал себе отчет в серьезности происшедшего. Мы пытались разобраться в противоречивости информации, учились догадываться, о чем умалчивают специалисты, сколько в их словах от желания успокоить. Мы были ошарашены невиданными ритмами круглосуточной работы.

Зона не была похожа ни на что привычное. Министры, генералы, монтажники, сварщики, академики в одинаковых хлопчатобумажных костюмах и тяжелых рабочих ботинках с утра и до ночи рассчитывали, спорили, обрывали телефоны во всех концах страны из кабинета небольшого двухэтажного здания, ставшего штабом Правительственной комиссии в Чернобыле...” — Автор статьи Андрей Пральников в этом был прав. Он тогда добросовестно пытался разобраться в обстановке. Он даже нелегально ночевал весь май в зале заседаний Правительственной комиссии. Его интересовала человеческая психология. Но... не до журналистов тогда было. К чести А.Пральникова надо сказать, что он от своей темы не отступился.

О титанической работе Минэнерго в 30-километровой зоне даже не упоминали, будто и в самом деле, как бы независимо друг от друга, самые тяжелые и высококвалифицированные работы выполняют лишь милиция, военные, шахтеры,

рабочие УС-605, словом, кто угодно, только не энергетики и энергостроители, на долю которых в действительности пришлось более 80 процентов из всех работ. Больше года ни одна центральная газета страны не печатала ни одного доброго слова в их адрес. На все мои предложения опубликовать хоть маленькую статью о борьбе с последствиями аварии самоотверженных героев из отрасли “Электроэнергетика” следовали молчание, отказ или резкое заявление: “Это они все устроили”. Поэтому первая годовщина трагедии остро пронзила сердца почти только одних энергетиков да пожарных. О пожарных быстро узнали все, их горе восприняли. Об энергетиках не знали почти ничего. Поэтому их боль никого не задевала.

Я была потрясена такой несправедливостью и бросила бы журналистскую профессию, если бы не редактор по отделу информации “Известий” А. Иллеш, который, не зная об этих моих размышлениях, стал публиковать мои репортажи из зоны ЧАЭС. Он, как и многие, считал тогда эту отрасль виновницей многих экологических бед, что было, мягко сказать, преувеличением. Однако, к его чести, считал, что гласность должна быть равной для всех. Свою книгу “Репортаж из Чернобыля” он подарил мне с надписью “Лине, защищающей энергетика от Иллеша”.

В августе 87-го заводделом науки “Правды” В. Губарев опубликовал мою статью о строителях и монтажниках Минэнерго, она заняла целый “подвал”. Чуть позже академический журнал “Энергия. Экономика. Техника. Экология” опубликовал мою большую статью об энергетиках в Чернобыле благодаря объективной позиции его главного редактора академика В.А. Кириллина. Но, как говорится, конкурса на эту тему не получилось.

И хотя уже через несколько дней после аварии возобновила работу редакция многотиражной газеты Управления строительства ЧАЭС “Трибуна энергетика” (она разместилась по соседству с Чернобылем, в Иванкове), но ее читали только на территории 30-километровой зоны.

Вторая годовщина катастрофы прогремела набатным колоколом. Отозвалась общей болью в душах даже на другом краю земли. Слово “Чернобыль” стало символом техногенных катастроф. Вся электроэнергетика, в первую очередь атомная, стихийно стала ассоциироваться со злом.

Понять эмоциональное состояние журналистов можно. Действия их оправдать нельзя. Даже если согласиться, что в аварии виноваты лишь энергетики, то есть несколько вполне конкретных людей, это еще не основание для шельмования всей отрасли с ее славной историей и высококвалифицированными и весьма дисциплинированными кадрами. Тем более всяческого уважения заслуживают работники ЧАЭС, которые своими самоотверженными действиями спасли не только Киев и Украину, но и, вероятно значительную часть Европы.

По существу оказалась дискредитированной вся существующая система строительства и эксплуатации атомных станций в СССР. Критики выступали по зову своего сердца и, по-видимому, считали, что “в борьбе со злом” все средства хороши.

Но недомолвки и дезинформация — тоже зло. Они уведят читателя с верного пути, от правильных выводов и решений. Все человечество не обязано разбираться в тонкостях энергетики, и люди верят написанному, сказанному... А в итоге Советский Союз оказался перед реальной угрозой близкого энергетического кризиса: под напором общественности одна за другой закрывались строительные площадки уже не только АЭС, но и ГЭС, и ТЭС, притом даже в предпусковой период.

Любое заявление специалистов-атомщиков общественность следом за прессой несколько лет встречала в штыки — этот факт констатировали и газеты.

Так кто же дал нам право казнить и миловать по своему усмотрению, какая такая мораль? Разве гласность — это лишь возможность без разбору размахивать шашкой

направо и налево? Разве гласность — это не поиск истины, не борьба за истину, за правду, справедливость? Разве гласность — это не правда о трагедии и героях, добровольно и без сомнения в мирное время принявших на себя лично условия “войны” ради нашего с вами здоровья, благополучия, радости, счастья?

Перестройка, гласность стала огромным положительным явлением, не поддающимся оценке по своим масштабам. Мы, прежде взвешивавшие на весах доступности каждое более или менее резкое слово в адрес властей, теперь говорим открыто все, что думаем. Это — прекрасно. Но гласность породила и эйфорию вседозволенности, сняла с душ тормоза личной ответственности за “мое” Слово и “мое” Дело. А кое-кто на гласности начал даже греть руки, преследуя корыстные или политические цели.

Истинная гласность не так проста и очевидна, как может показаться. Говорить правду непросто и нелегко — часто для этого необходимо осмыслить и переосмыслить массу, казалось бы, всем известных фактов и понятий, осознать их истоки и реальную значимость для истории, для себя, для того круга людей, к которым эти факты и понятия имели отношение. Идеала, вероятно, не добьется никто. Лишь гении приближаются к истине. Мне же, весьма невеликой, в работе над этой книгой не раз приходилось перемогать себя, отказываться от привычных представлений и даже иногда от какого-то подспудного привычного страха написать лишнее, хотя в обычных условиях, в работе я никогда перед любыми высокими чинами не робела. Не раз ловила себя на желании опустить какую-то деталь как несущественную или неприятную, буквально заставляла себя произносить все так, как знаю. Надеюсь, что это удалось. Время — на то и время, чтобы постепенно все расставлять по своим местам.

МЫ ГОТОВЫ ОТДАТЬ СВОЮ КРОВЬ

*“С христианской точки зрения
вложенная Творцом в природу нравст-
венность есть объективная данность”*

Архиепископ Кирилл

Трагедия в Чернобыле всколыхнула народы СССР и душу народную. Бедствие проявило у людей самые добрые, горячие чувства...

“Мы живем, касаясь друг друга плечами”, — написал в “Известиях Ю. Орлик. — Эта первая мысль приходит к тебе, когда читаешь письма, присланные в редакцию в связи с аварией на Чернобыльской АЭС. Не случайно многие из них так и начинаются: “Чернобыль — это рядом с сердцем”, “В нашем доме случилась беда...”

В письмах — слова сочувствия к тем, кого несчастье коснулось непосредственно, слова скорби по погибшим. И гордость за них... Чернобыльская авария открыла в душах людских нерастраченное благородство, выявила в тысячах людей готовность к самопожертвованию.

“У меня относительно редко встречающаяся группа крови: АВ (IV) (резус отрицательный). Возможно, кому-либо из серьезно пострадавших необходима для переливания кровь именно такой группы... Ольга Осколкова, город Днепропетровск”.

“Прекрасно понимая всю сложность лечения больных лучевой болезнью, предлагаю кровь и костный мозг. Я врач, сорока лет. Группа крови — первая... Анатолий Поляк, г. Баку”.

“Нужны ли Чернобылю трактористы?... И. Жук, г. Сафоново, Смоленской области .

“В настоящее время нахожусь в Одессе, в санатории “Куяльник” Я водитель-профессионал. Паспорт, военный билет и водительское удостоверение при мне. Если могу чем-либо помочь Чернобыльскому району, прошу меня вызвать... И. Бондарь...”

В мае 1986 года мне показали весьма характерное для того времени письмо из г.Донецка в Правительственную комиссию Солдатов. Оно кончалось словами: “Очень хочу быть с теми людьми, которые принимают непосредственное участие в ликвидации последствий аварии. Если мое предложение окажется неуместным, прошу не осуждать меня”. Он стеснялся своего порыва! Письмо содержало чертежи и детально проработанные рекомендации по защите территории от излучений. “Они интересны, мы их учтем”, — сказал заместитель министра энергетики и электрификации СССР Ю.Н. Корсун.

Мастер с Курской АЭС Архипов прежде часто отдыхал в Полесском районе Киевской области. Узнав о беде, помчался на своей машине в Припять. Его остановили: на дорогах уже действовали посты. Он бросил машину и пошел на станцию пешком... за тридцать километров.

В мае с Кубы прислал телеграмму В.В. Голубев — просил отозвать на ЧАЭС. Как опытного специалиста Смоленской АЭС в 1985 году его командировали на Кубу. Но теперь — отозвали. Вскоре его видели уже на кровле третьего энергоблока, в самую горячую пору очистки ее от радиоактивных обломков. Выполнена работа — и в феврале 87-го он вернулся на Кубу. Казалось бы, полностью выполнил человек свой гражданский, патриотический долг. Имеет моральное право и на творческую работу, и на хороший заработок. Но меньше чем через год он снова попросится в Чернобыль... Говорит — имеет опыт работы в экстремальных условиях и потому больше нужен в

Чернобыле, а не в тропиках. Верно это. Но мне кажется — еще и чисто эмоционально потянуло его в зону как многих, прошедших там “войну”. Он тут психологически акклиматизировался.

Таких заявлений от командированных за границу советских энергетиков было немало.

А. Покровский в мае 1986 г. почти из номера в номер публиковал в “Правде” обзоры писем, которые тысячами приходили в редакцию. Срочную телеграмму прислал коллектив совхоза “Солнечный” Урус-Мартановского района Чечено-Ингушетии: “Готовы принять на все лето 100 старшеклассников из Чернобыля. Гарантируем хорошие условия жизни, работы и культурного досуга”. Труженики Камгэсэнергостроя на эти же цели выделили 400 мест в своих пионерских лагерях.

Крановщица Н. Борозенец, эвакуированная из Припяти в поселок Ружаны Брестской области, попросила быстрее отправить на отдых ее детей, потому что она сама хочет вернуться на работу в Чернобыль.

Писатель Отар Чиладзе назвал бы это “Любовь возвышенная”, потому что “самый свободный человек тот, кто возложил на себя ярмо любви”.

Вот письмо от Э.А. Мухина, из Ташкента. Возраст — 49 лет: “Я техник-гидролог, практически здоров. Имею права шофера-любителя, сейчас в отпуске. Но считаю своим долгом гражданина и коммуниста оказать посильную помощь в ликвидации последствий аварии. Поэтому прошу направить меня в зону АЭС”. Таких просьб было много, особенно от молодежи.

“Я родилась и всю жизнь провела в Ленинграде. Пережила блокаду, потеряла во время войны отца. Так что горе знаю и потому не могу сейчас быть в стороне. Работаю конструктором. Живу в комнате 14 кв. м. Готова принять у себя на любой срок семью, одинокую женщину с детьми и просто детишек. Э.П. Лавина, г. Ленинград”.

“У нас свой дом, сад, условия хорошие. Очень просим прислать к нам на отдых своих детей. Встретим, как родных. Мать десяти детей Холбу Насриддинова, г. Казалкент, Ташкентской области”.

“В семье беду не прячут по углам, семьей и переживают, тем более в семье народов-братьев нашей страны” — пишут в “Правду” из Душанбе.

Из Львова в Чернобыль выехали специалисты-производственники, бригады “скорой помощи”. В район оттуда же отправлены автобусы, строительная техника, поливальные машины. Многие трудовые коллективы пожелали отработать субботник в фонд Чернобыля. Узнав, что Чернобылю нужны краны, рабочие завода “Ремстроймаш” стали работать в три смены и через двое суток отправили трейлеры с оборудованием.

Через сутки после получения задания на Украину были отправлены с предприятий г.Кургана антибиотики, системы переливания крови. Для этого коллективы многих цехов вышли на работу в выходные дни.

От эстакады свинцового завода в городе Чимкент груз пошел по “зеленой улице” тотчас после аварии на ЧАЭС, хотя срок выполнения заказа в задании не указывался. Достаточно было сказать по телефону: “Это для Чернобыля”. Выполнив заказ, металлурги отказались от предложенного им дополнительного отдыха за переработанное время: на предприятие из Чернобыля поступил новый заказ, по объему втрое превышавший первый. Бригадир Жакуп Толебеков объявил: “У нас уже есть опыт и навыки работы, мы сделаем ее быстрее других”. И бригада его поддержала.

Сотни сборных трехкомнатных домиков для пострадавших от аварии на Украине и в Белоруссии вне очереди изготавливали на деревообрабатывающих предприятиях Архангельской области.

Доски и пиломатериалы проводили по “зеленой улице” железнодорожники от берегов Белого моря.

“В сжатые сроки и с отличным качеством выполнил заказ Чернобыля коллектив Фрунзенского автосборочного завода... Этот, пусть небольшой вклад в общее дело, поможет приблизить срок окончательной ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС”, — пришло сообщение в газету “Советская Киргизия”.

Помогали чем могли и жители районов, прилегающих к 30-километровой зоне. В Иванковском районе, в колхозе имени Ленина секретарь колхозной парторганизации Н. Попова сказала на собрании: “Нам надо сейчас хорошо работать не только за себя, Утроить усилия. Особенно мы надеемся на молодых коммунистов: Их молодость и задор должны взбудоражить всех, умножить энергию всех тружеников!”

А вот телеграмма от энергетиков ТЭЦ Камского автозавода: “Дорогие чернобыльцы! Гордимся вашим героизмом и разделяем вашу беду. Мы приложим все силы для лучшего использования резервов производства, для увеличения рабочей мощности нашей электростанции, чтобы наша страна не чувствовала дефицита электроэнергии. Весь наш коллектив перечисляет в фонд помощи Чернобылю тринадцатую зарплату в сумме 10 тысяч рублей. От имени коллектива ТЭЦ Камского автозавода директор И.Хадеев, секретарь партбюро Л. Кириллов, председатель профкома А. Жаемов, секретарь комитета ВЛКСМ А. Артемьев”.

Банковский счет № 904 — фонд Чернобыля — стал популярным во всех уголках страны.

“Для нас, советских людей, чужой беды не бывает. Коллектив нашей фабрики решил не только участливым словом ободрить людей, попавших в беду, но и помочь им материально”, — пишет мать тринадцати детей, работница кондитерско-макаронной фабрики З. Гушина.

Рассказывают, один житель Армении (жаль, не знаю имени) прежде каждый год приезжал на р. Припять отдыхать вместе с семьей. А в 1986 году все полторы тысячи рублей, отложенные на отпуск, перевел на счет №904. Сам же весь отпуск бесплатно работал в зоне ЧАЭС сварщиком.

На доске объявлений в управлении строительства Чернобыльской АЭС я увидела плакат: “Сердечное спасибо военному строителю Быкову Владимиру Николаевичу, проявившему патриотическую инициативу — заработанные деньги во II вахте с 15 по 30 ноября перечислить на счет 904”. И таких солдат было немало.

В фонд пострадавших от аварии в Чернобыле большую сумму денег внесла церковь. Одними из первых на банковский счет № 904 внесли свою долю прихожане Полесской церкви. Настоятель обратился к своей пастве со словами: “Мы всегда были вместе с нашим народом. И я призываю вас, как и всех православных, пожертвовать в фонд пострадавших в Чернобыле. Это будет взносом и в фонд наших детей. Родина у нас одна”.

На счет Союза Красного Креста и Красного Полумесяца СССР только за первые пять дней после аварии пришло 7 миллионов рублей, а также драгоценности. Каждый даритель в этот фонд, как и на счет № 904 получал от банка именное свидетельство о сумме вклада или стоимости и характере драгоценностей. Поступали взносы в Советский фонд Мира.

В газете “Московские новости” первый заместитель председателя исполкома Союза обществ Красного креста и Красного Полумесяца Юрий Данилов рассказал о том, как используются эти пожертвования: “Представители Красного Креста ездили по деревням, принявшим временно переселенных, вручали им денежные субсидии. Каждая семья получала от государства не менее 200 рублей и в дополнение к этому — компенсацию за утраченное имущество. Сумма компенсации эвакуированным из Припяти, Полесского и Чернобыльского районов составила свыше 103 миллионов рублей. Если в семье было

больше трех детей, сумма возрастала. При необходимости пособия выдавали во второй, в третий раз. Наладили обеспечение вещами.

На собранные средства строили жилье, покупали продукты питания, отправляли детей на юг, в санатории, летние лагеря, оказывали медицинскую помощь и т.п. Это было дополнением к той помощи, которую пострадавшие получили от государства. Правда, позже выяснилось, что средства пожертвований по счету № 904 в большой мере шли на возмещение государственных расходов жителям 30-километровой зоны, да еще 65 млн. рублей со счета Фонда Красного Креста и Красного Полумесяца по распоряжению Совета Министров СССР были перечислены на счет Минатомэнерго для компенсации понесенных этим министерством затрат на четвертом энергоблоке ЧАЭС.

В киевские городские больницы и поликлиники без вызова, как по военной тревоге, но с личным предложением помощи явились многие врачи. Так, из городской Октябрьской больницы, а также 25-й больницы Н. Пуцеву. Л. Дубинскую, Л. Сиротинскую, В. Мельник, фельдшер В. Киселева, А. Новикова и многих других отправили в Припять и на станцию.

В ноябре 1987 года публицист Вадим Бурлак передал Чернобыльской школе-интернату, эвакуированной в Володарский район Киевской области, чек на деньги, которые собрали для детей Чернобыля активисты Большого Бостонского комитета в США. Советские ребята в ответ написали письмо в Бостон — так началась дружба между советскими и американскими школьниками.

Через Внешторгбанк на счет № 904 за 4 месяца пришли взносы в валюте из-за рубежа на сумму 1,356 миллиона долларов. Одним из первых свой взнос сделал находящийся в Москве гражданин Испании, бизнесмен. Частное лицо прислало из Англии 500 долларов; гражданин Японии Юкимото передал золотую монету стоимостью 143 руб. 97 коп.

Писатель Ю. Щербак побывал в операционном блоке Киевской городской станции переливания крови и описал, как донор отдавал свой костный мозг. В грудную кость донора под анестезией ввели иглу Кассирского, и в шприц стала накачиваться розовая масса. Люди когда-то думали, что здесь находится душа. Они были недалеко от истины. В груди — сердцевина кровеносной системы, ее основная производительная сила. Донор молод, смугл и плотен. Он не стонет. Лежит, сжав зубы. За несколько минут до операции Щербак с ним беседовал.

Это кубинец. Зовут его Рауль Родригес, коммунист, студент Киевского института гражданской авиации. Симпатичный улыбающийся парень. Он чем-то напомнил тех, с ЧАЭС — то же спокойное мужество, застенчивость. Рассказал, что 50 молодых кубинцев, обучающихся в Киеве, решили безвозмездно сдать кровь в фонд помощи пострадавшим от аварии. Его отец Альфредо принимал участие в революционном движении Фиделя Кастро. Коммунистка и мать София Марсель, работница табачной фабрики; Куба может гордиться своими сыновьями...

“Мы одной крови, ты и я” — говорил киплингский Маугли пантере и волку, удаву и ворону, и они, не склонные к сантиментам, умеряли свой неробкий характер. Более мудрыми, чем некоторые представители западных администраций, оказались и музыканты, в том числе и американские, приняв приглашение участвовать в VIII конкурсе имени П.И. Чайковского. Так они выразили свое отношение к Советскому Союзу.

Давний друг Советского Союза Арманд Хаммер уже в первых числах мая организовал приезд в СССР группы гематологов — Гейла, Чамплина, Тарасаки и обеспечил им возможность оказывать практическую медицинскую помощь. Он и сам привез и безвозмездно передал Советскому Союзу некоторые медикаменты и диагностическую аппаратуру, на покупку которых затратил, по сообщению средств массовой информации

США, около 500 тысяч долларов. “Мы должны помогать друг другу”, — сказал он, будучи в Чернобыле. А всего через несколько дней, уже вернувшись в Лос-Анджелес, отметил свое 88-летие. А. Хаммер привез в СССР прекрасную коллекцию собранных им произведений искусства. Он экспонировал коллекцию в Москве, Одессе и в Киеве — да, в Киеве, несмотря на предостережения “доброжелателей”.

Предложений о помощи в лечении пострадавших от отдельных ученых, врачей и целых иностранных фирм было много. И хотя советские медики оказались в состоянии самостоятельно решить проблему, трогает сам факт огромного сочувствия их коллег из многих стран — естественный порыв честных людей на Земле.

Профессор Пелерен, директор центра ВОЗ в Париже, прислал телеграмму в Советскую национальную комиссию по радиационной защите — предлагал неформальную помощь лекарствами и приборами для контроля состояния окружающей среды. Минздраву СССР сделал аналогичные предложения один из ведущих специалистов Международной комиссии по радиологической защите директор института радиопатологии профессор Жаме. В СССР прибыли американские ученые, исследователи из других стран. Они тоже предлагали свои знания, свою помощь, восприняв аварию на советской атомной электростанции как общечеловеческое несчастье, беду, которая могла бы произойти в любой стране.

Из Бельгии, Канады, Австралии, Соединенных Штатов (последних особенно много), из других стран пришли многочисленные телеграммы и письма в адрес М.С. Горбачева. Вот письмо от жителя США Герберта Зинтера: “Я хотел выразить самое глубокое, сердечное сочувствие тем, кто мог пострадать или погибнуть в результате аварии на атомной станции. Я искренне прошу Вас передать им эти слова”. Далее от руки печатными буквами, по-русски: “Мне очень жаль”.

“Многие американские граждане, как и я, желают предложить Вам любую возможную помощь. Мы искренне желаем Вам добра и готовы помочь, Келли Лейс из Миди-Айленд (штат Нью-Йорк)”.

“Я глубоко сочувствую Вам и Вашему народу в связи с ядерной аварией и надеюсь, что это никогда больше не случится. Я также молюсь за то, чтобы между нашими странами никогда не было войны, какой бы то ни было войны. Моя любовь — всему народу. Рита Дарлинг, Уоркестер (штат Миннесота)”.

Многие годы плодотворно сотрудничающие с СССР итальянские фирмы “Текно”, “Карпиджани”, “Уголини” и “Чимбали” передали для детей Чернобыля машины для производства мороженого, охлаждения соков, разлива чая и кофе. Такие автоматы можно установить всюду, где дети учатся и отдыхают.

Из Канады пришел чек на 10 тысяч долларов — личные сбережения рабочего компании “Эйр ликвид” К. Лессара. Он вручил их представителям генерального консульства в Монреале с просьбой перечислить в фонд пострадавших в результате аварии на Чернобыльской АЭС. “Я механик, мне 62 года. Во время второй мировой войны трудился на заводе фирмы “Канада кар”, производившем военные самолеты, которые принимали участие в боях с гитлеровцами. Узнав о несчастье в Чернобыле, я был ошеломлен, долго думал, что могу сделать для пострадавших. Хотя я прекрасно знаю, что советское государство делает для них все возможное, хотел бы предложить мой скромный дар как акт рабочей солидарности с советскими людьми”, — сказал Лессар. В представительство СССР с подобными поручениями обращались многие канадские граждане.

Честные люди во всем мире, еще толком не зная, что конкретно произошло, проявили сочувствие к советскому народу, многие предложили свою поддержку. Но, к сожалению, советская администрация, видимо, постеснявшись принимать столь массовую помощь, объявила, что СССР способен справиться с бедой самостоятельно.

Вскоре такую помощь, идущую из глубины души, стали принимать, и она была велика и многообразна.

— В сегодняшней Америке есть немало людей, отвергающих неандертальские взгляды на мир, людей думающих, широких, понимающих реалии нашего века, — сказал в мае 1986 г. в Лос-Анджелесе Роберт Гейл собственному корреспонденту “Правды” Г. Васильеву.

— Мы глубоко благодарны друзьям из социалистических стран, проявившим солидарность с советским народом в трудный момент. Мы признательны политическим и общественным деятелям других государств за искреннее сочувствие и поддержку, — сказал по телевидению М.С. Горбачев, — Мы выражаем добрые чувства зарубежным ученым и специалистам, которые проявили готовность оказать содействие в преодолении последствий аварии. Мы должным образом оцениваем активное отношение к событиям на Чернобыльской атомной электростанции со стороны Международного агентства по атомной энергии (МАГАТЭ) и его генерального директора Ханса Бликса. Иными словами, мы высоко ценим сочувствие всех, кто с открытым сердцем отнесся к нашей беде и к нашим проблемам...”

* * *

Советское правительство делало все возможное для проявления наибольшей степени открытости перед мировой общественностью во всем, связанном с чернобыльской катастрофой.

Как уже говорилось, 28 апреля 1986 г., то есть через день после аварии правительства различных стран получили имевшуюся на тот момент информацию. С того же дня советские газеты, радио и телевидение стали регулярно публиковать сообщения Совета Министров СССР и освещать положение дел на станции. В МАГАТЭ ход аварии был сообщен детально, по секундам.

6 мая в пресс-центре МИД СССР состоялась пресс-конференция для советских и иностранных журналистов. Открыл ее первый заместитель Министра иностранных дел А. Г. Ковалев. Подробно описаны меры по ликвидации последствий аварии. О событиях на станции рассказал председатель Правительственной комиссии заместитель председателя Совета Министров СССР Б.Е. Щербина: “При плановой остановке энергоблока №4 на уровне мощности 200 мегаватт (тепловых) произошла авария с частичным разрушением активной зоны реактора и выходом осколков деления за пределы станции. При этом была утрачена критичность реактора”.

8 мая Киев посетила группа иностранных журналистов. Председатель Совета Министров Украины А.И. Ляшко ответил на интересующие их вопросы. 8 мая станцию посетил генеральный директор МАГАТЭ Х. Бликс. Вскоре посещения ЧАЭС иностранными экспертами и журналистами стали регулярными.

Как правило, гости приезжали с готовым мнением о событиях 26 апреля. Это мнение редко соответствовало действительности. Недоверие и подозрительность сквозили в вопросах. Гости были уверены, что от них станут что-то скрывать. Но постепенно недоброжелательность сменилась удивлением, а затем во многих случаях и восхищением результатами работы в 30-километровой зоне, темпами проведения дезактивационных работ и решения социальных проблем. Особенно поражал масштаб проведенных работ. Свободу передвижения по зоне ограничивали тогда и теперь в тех редких случаях, когда это вступает в противоречие с правилами Техники безопасности. Журналисты обнаруживали, что они вольны брать интервью у любого работника зоны. Последние охотно делились своими мыслями по поводу случившегося.

13 мая Б.Е. Щербина подробно объяснил ситуацию аккредитованным в СССР послам Англии, Испании, Канады, Нидерландов, Норвегии, Финляндии, Швеции, Турции, ФРГ, а также временным поверенным в делах Австрии, Дании, Люксембурга, Франции, представителю посольства США.

14 мая Генеральный секретарь ЦК КПСС М.С. Горбачев выступил по телевидению и проинформировал общественность о проделанной работе.

5 июня в пресс-центре МИД СССР состоялась встреча (уже пятая) с иностранными и советскими журналистами. Заместитель Министра иностранных дел СССР В.П. Петровский сообщил о первоочередных выводах международного плана, которые сделаны в Советском Союзе в свете случившегося: “Во-первых, мы предлагаем широкое сотрудничество в создании надежного режима безопасного развития ядерной энергетики в мире. В рамках такого режима, по нашему мнению, должны быть налажены система оперативного оповещения и представления информации в случае аварии и неполадок на АЭС (в особенности, когда это сопровождается выходом радиоактивности), а также механизм для быстрейшего оказания взаимной помощи при возникновении опасных ситуаций. Во-вторых, мы сочли необходимым умножить усилия с целью полной и повсеместной ликвидации ядерного оружия уже в этом столетии”.

Главу компании “Оксидентал петролеум” Арманда Хаммера и врача Роберта Гейла принял в Кремле М.С. Горбачев.

Английская “Обсервер” писала: “Сообщения советского правительства о причинах аварии на Чернобыльской АЭС поставили в тупик тех, кто сомневался, что советские власти когда-нибудь полно и откровенно проинформируют о подлинных обстоятельствах происшедшего”

Американская “Крисчен сайенс монитор”: “Меры, принятые русскими после аварии, были безупречными. Они сделали все необходимое, чтобы попытаться сдержать распространение радиоактивных веществ. Они немедленно раздали таблетки йода. Осмотр населения осуществлялся спокойно и быстро. 48 тысяч жителей соседнего города Припять, например, были полностью эвакуированы за 2 часа 45 минут, а пожарные работали, не жалея сил, чтобы справиться с пожаром”.

Датское информационное агентство “Ритсаус бюро” сообщило о выступлении американского врача Р. Гейла: “Русские в ходе спасательных работ в связи с аварией на Чернобыльской АЭС действовали гораздо быстрее, чем до сих пор представляет западная пресса. Через несколько часов после аварии была назначена Правительственная комиссия, немедленно начавшая спасательные работы. Пресса критикует русских за то, что они, якобы, не знали, что им делать. Это неверно. Они прекрасно знали, что произошло и действовали соответствующим образом”.

Позже Джеймс Варли, главный редактор международного журнала “Ньюклар Инжиниринг Интернэшнл”, посетивший 30-километровую зону 9 декабря 1987 года, сказал советскому журналу “За рубежом”: “Я думаю, что немногие страны могли бы справиться с трагедией Чернобыля так, как это сделала ваша страна. Результаты вашей работы поразительны, особенно учитывая, что вы решили такие проблемы впервые в мире. Восстановительные работы в Чернобыле широко продемонстрировали одну из особенно сильных сторон советского общества — замечательную способность быстро и эффективно мобилизовать национальные ресурсы для решения чрезвычайно сложных организационных и технических проблем”.

Так как же все происходило?

ЭВАКУАЦИЯ

*Но минет час.
Покинутые нами,
замрут осиротевшие дома.
И окнами, сошедшими с ума,
в который раз
прощаться будут с нами!*

Любовь Сирота,
эвакуированная из г. Припяти.

Подъезжая к Чернобылю 2 мая 1986 года, я видела все больше БТРов, с первого взгляда похожих на танки, разве что без оружейных стволов. Шел пар от походных кухонь. Они расположились по обочинам дороги прямо на траве. Здесь же, на траве и в кустах отдыхали солдаты. В этот момент они и их командиры, вероятно, еще не знали, что в районе Чернобыля самым опасным местом стала именно пыльная трава, а пыль — носитель радионуклидов.

Улицы города Чернобыля были пустынные, как в мертвом городе. Это и был мертвый город.

“Да ведь это действующая армия, передовая линия фронта”, — пульсировала в сознании одна и та же мысль, хотя о факте катастрофы я узнала 27 апреля в Минэнерго, в Москве, а на полпути от Киева в Чернобыль нас останавливал настоящий военный пограничный пост.

Итак, требовалось доложить о нашем приезде, но в Чернобыле шло какое-то особенное совещание, и в здание Правительственной комиссии не пускали. Позже стало известно, что совещание вел Председатель Совета Министров СССР Н.И. Рыжков.

Одновременно со мной приехали кинооператоры и фотографы из Информэнерго — Центра научно-технической информации по энергетике и электрификации Минэнерго СССР. Невелики наши должности. Но доложить-то надо... И я машинально написала в записке, как в рапорте, о нашем приезде: “Прибыли в ваше распоряжение...” Это произошло спонтанно, подсознательно. Вероятно, наивно и даже смешно. Но никто не рассмеялся, приняв записку как должное. Здесь никто не думал о солнечном мае всего в нескольких десятках километров. Здесь действительно шла война. Ее условия все принимали сразу и до глубины души, просто зону бедствия надевали на себя.

Трусливые старались поскорее ретироваться. Таких были единицы, их пропускали мимо сознания, не замечали. Остальные молча выполняли все, что им поручалось.

Фактор войны почему-то не вызвал страха. Только деловая констатация и мгновенное вживание в обстановку, как в рабочую одежду, как переход из одного состояния в другое, из одного жизненного слоя в другой. Вероятно, большое значение имело понимание необходимости. Позже я узнала, что те же мысли и ощущения были у многих, особенно переживших Великую Отечественную войну.

Через несколько часов возникло явно неуместное, идиотское ощущение эйфории... Я еще не понимала, что его вызывала радиация.

Война. Так называли это время все, к нему причастные. И жители Припяти и Чернобыля, и командированные так и говорили: “До войны”, “после войны”, и тоже подсознательно.

Но то была не обычная война. На живой траве нельзя отдыхать, солдатам нельзя устраиваться на обед прямо на земле. Живая, свежая зелень теперь считается неприкасаемой, “грязной”, опасной. Воинам об этом в то время, видимо, еще не сказали. А с работы многие из них приезжали в особых противогазах, которые здесь называли “свиное рыло”...

Заседание кончилось — и из здания горкома партии, а теперь — Правительственной комиссии — стали выходить люди. Кое-кто из “ветеранов” — в защитных хлопчатобумажных костюмах типа спортивных “штормовок”. Такая “униформа” вскоре стала всеобщей. Но большинство командированных в те первые дни были в обычных городских костюмах. И — ни одного респиратора и шапочки даже у членов Правительственной комиссии.

На этом совещании было решено назавтра начать эвакуацию города Чернобыля. Припять уже эвакуировали. Война... Для и других сотрудников Информэнерго места для ночлега в Чернобыле не хватило. Нам дали таблетки йодистого калия и предложили комнату на берегу р. Припять с умыванием речной водой. Мы поехали ночевать в Киев, а утром вернулись в Чернобыль — и так несколько дней.

По дороге в автобус подсели местные жители из окрестной сел. Тихо. Спокойно. Ни слез, ни возмущения. Лишь одна женщина посожалела: “Теперь грибов в лесу не пособираешь”. — “Да уж...” — ответили ей. По глазам видно, что это не безответная подавленность, а... Печаль. Потрясающе. Бойкий мужчина из “всезнающих” стал всех уверять, что ему “точно известно” — на станции погибло 800 человек. Я пыталась возразить, что это нереально: на станции в ночную смену столько народу быть вообще не может. Но он не унимался. Остальные молчали... И это молчание производило более сильное впечатление, чем ропот, который был бы вполне объяснимым в такой ситуации.

А по обе стороны дороги буйно цвели абрикосы и черешни — ведь это их время. На следующее утро я увидела машины с сельскохозяйственными животными на въезде в Чернобыль (отправлялись в эвакуацию племенные колхозные бычки, отличные кони). И еще сильнее застучало в мозгу, прошло уколами по позвоночнику: война, эвакуация!.. Молчали и животные.

Французская “Монд” писала, что западные эксперты одновременно восхищены и озадачены той эффективностью, с которой была осуществлена эвакуация людей и той медицинской помощью, которая была организована в первые же часы после аварии. Их поразили скорость, с которой советским властям удалось (после того как было принято решение об эвакуации) направить 1200 автобусов для вывоза людей из района Припяти и Чернобыля, а также действия медицинских групп, которые за несколько часов сумели оказать первую помощь лицам, получившим облучение, и направить наиболее серьезно пострадавших в больницы Киева и Москвы.

Вот как это происходило.

В 2 часа 15 минут ночи 26 апреля, то есть через 43 минуты после аварии, было проведено совещание руководства Припятского отдела внутренних дел, иначе — милиции. Для обеспечения порядка решили перекрыть въезд в город всему транспорту, который не связан с ликвидацией аварии и оказанием помощи пострадавшим, а также перекрыть все подъезды к АЭС для любых на тот момент машин. В особых условиях оказались сотрудники, которые несли службу на контрольных постах, вблизи места аварии, в двух шагах от горящего здания. Здесь была, естественно, наибольшая опасность. Но одновременно сюда же спешили спецмашины, и поток их нужно регулировать. Сотрудникам ГАИ из Припяти в первый день пришлось нести службу по 10-12 часов. Особенно четко работали младший госавтоинспектор лейтенант милиции В. Вишневецкий, инспекторы дорожно-патрульной службы старшина милиции М. Матюха и старший сержант В. Денисенко. Порядок на дорогах был отличный.

Рано утром 26 апреля 1986 г. клиническая бригада Минздрава СССР от созданной на постоянной основе группы аварийной помощи в экстремальных ситуациях под руководством Селедовкина уже летела спецрейсом в Киев, а оттуда автобусом отправилась в Припять. Специалисты ничего толком об аварии не знали. Им сказали, что произошел взрыв на реакторе, много пострадавших с симптомами острой лучевой болезни. Однако, что именно могло привести к таким симптомам, медики не знали и, естественно, не могли предположить, что разрушен сам реактор.

— Приехав на станцию, мы быстро поняли, что произошло, — рассказывает доктор технических наук, заведующий лабораторией Института биофизики МЗ СССР В.Т. Хрущ. — Руководил группой Селедовкин, с нами был врач-гигиенист Копаев. Я — физик, занимаюсь дозиметрией внутренних органов человека. Но проводить измерения на станции оказалось нечем! В Москве субботним утром бригада в свой институт не пошла, к тому же все были убеждены, что на атомной станции необходимое оборудование, конечно же, имеется. Но авария заблокировала помещение, где хранились основные дозиметры и т. п. Предположить это было невозможно. Однако сам факт такого недоразумения — один из серьезных уроков Чернобыля: не рассчитывай на дядю, даже самого богатого, рассчитывай только на себя.

Опытные специалисты поняли состояние здоровья пострадавших эксплуатационников, как только их увидели. Хрущ высказал свое мнение о вероятных процессах, которые произошли на станции, глядя на своих пациентов: у них острая лучевая болезнь от радиации, а дым и прочие химические воздействия — лишь сопутствующие факторы.

В г. Припяти в это время был штиль, казалось бы, это хорошо. Но штиль предваряет мощные струи ветра в непредсказуемом направлении. И хотя 26-го радиационная обстановка в городе была относительно спокойной, что, в общем-то, не требовало немедленной эвакуации, но в любую минуту облако могло пойти на Припять. Уже было известно, что реактор — в ксеноновой “яме” то есть содержит в большом количестве ксенон-140, следовательно, теоретически возможен еще один взрыв.

Ситуация по оценке индивидуальных доз облучения населения в Припяти и Чернобыле в первые дни после аварии была очень сложной: служба Госкомсанэпиднадзора, которой и предписано этим заниматься, по сути разбежалась: рядовые сотрудники эвакуировались со всеми, ссылаясь на малую зарплату. Остался один начальник, и он самоотверженно делал все, что мог.

На станции, в Припяти и за пределами города измерения выполняла служба дозиметрии АЭС, особенно самоотверженно работал начальник лаборатории внешней дозиметрии В. Л. Коробейников. В мирное время эта служба осуществляет постоянный контроль за обстановкой на местности в связи с работой атомной станции, контролирует выбросы. Но сама лаборатория расположена была в таком месте, что мощное радиоактивное облако вывело из строя ее оборудование. Поэтому люди со своим хозяйством переселились в “Сказочный”. И, тем не менее, Коробейникова, как стрелочника, исключили из партии якобы за несвоевременное информирование горкома КПСС об истинной радиационной обстановке в Припяти.

Коробейников приехал в Припять из Красноярска-26 и профессионально был хорошо подготовлен. На базе его службы и с его помощью Хрущ со своей группой 29 апреля обследовал 100 человек из персонала АЭС на предмет внутреннего облучения щитовидной железы. Дозы составили десятки бэр (считается, что это относительно немного для одного органа, не для всего тела), поскольку эти люди в момент аварии находились в Припяти, а не на станции. Их дозы затем экстраполировали на все население города 26-27 апреля. Получалось, что в пересчете на год, доза на щитовидную железу взрослого человека составляла несколько десятков бэр. У детей она

соответственно возрастала, т.к. при том же уровне облучения у ребенка масса щитовидной железы меньше, у взрослого. Официально допустимой годовой дозой облучения щитовидной железы в этот период считалось 30 бэр, следовательно, население г. Припяти до эвакуации получило не слишком большую дозу облучения — ветер дул не на город.

Медики из Минздрава СССР рискнули не эвакуировать людей вечером, отложили до утра, но фактически эвакуация прошла после обеда. Местные власти докладывали в Москву о полном порядке: играют свадьбы.

Без соответствующих приборов установить точные дозы, конечно, невозможно. Однако с первых минут пребывания на станции Хрущ сумел в узких пределах определить тактику лечения пострадавших на основе достаточно узких пределов доз. Руководствоваться индивидуальными дозиметрами было бессмысленно, поскольку они зашкалили сразу после аварии.

Все эти дни их интересовали два главных фактора: облучение персонала станции и вообще первой группы ликвидаторов и облучение щитовидной железы у массы населения. Эти оперативные спасатели с выводами не торопились, чтобы не впасть в ошибку. Они держали нейтралитет, искали объективные ответы на вопросы, которые появились в большом количестве.

В.Т. Хрущ — профессионал высокого класса, ученый с мировым именем. Он пришел к выводу о большой некомпетентности, проявленной при массовом дозиметрическом обследовании населения, низкой приборной обеспеченности тогдашней Гражданской обороны и даже безграмотности этих служб на всех уровнях, от руководства штаба до рядовых исполнителей. Но именно они решали вопросы радиационной безопасности населения. Лучше всего измерения были организованы на Украине сотрудниками ленинградского Института промышленной и морской медицины, во многих они участвовали сами. Но было немало и противоположных примеров.

Были в Чернобыле и другие весьма компетентные специалисты, например, подразделение быстрого реагирования химвойск под руководством контр-адмирала В.А. Владимирова (в настоящее время заместитель министра министерства по чрезвычайным ситуациям РФ). Его подчиненные в ранге полковников и подполковников не просто грамотные, но и по оценкам, просто грамотные люди.

Более других гражданских служб была организована служба Госкомсанэпиднадзора. Они организовали массовые обследования сотен тысяч людей на присутствие радиоактивного йода в щитовидной железе.

В тот же день в Припять прибыл заместитель министра внутренних дел Украины Г.Бердов. Уже тогда было ясно, что придется всех без исключения припятчан вывезти — большинство в соседние Иванковский и Полесский районы на автобусах, небольшую часть — по железной дороге. Власти, партийные органы этих районов в деталях продумывали все, чтобы экстренно обеспечить эвакуируемых временным жильем, оказать им необходимую медицинскую помощь. А в Припяти организаторы эвакуации оперативно подсчитывали необходимое количество автобусов для людей, автомашины для перевозки скота, продовольствия, медикаментов. Определяли порядок и последовательность эвакуации, маршруты движения, места для пунктов дозиметрического контроля... Всю ночь и половину дня 26 апреля участковые инспекторы милиции Припяти готовили списки жителей, распределяли своих сотрудников в соответствии с количеством домов и подъездов, подсчитывали нужное количество транспорта. От них во многом зависело, насколько быстро и четко пройдет сама эвакуация.

Около 23.00 26 апреля заместитель начальника Гражданской обороны СССР генерал-полковник Б.П. Иванов доложил председателю Правительственной комиссии Б.Е.

Щербине о радиационной обстановке в г. Припять и о готовности населения города к эвакуации. Он настаивал на скорейшей эвакуации. Его мнение разделял и генерал-лейтенант В.И. Кузиков, воинская часть которого была расположена по соседству.

Теперь дело оставалось за тем, чтобы санкционировать ее, определить дату и время ее начала. По существующему Положению в случае серьезной аварии на атомной электростанции решение об эвакуации принимает председатель облисполкома на основании доклада директора АЭС и данных оценки радиационной обстановки. Но санкцию на эвакуацию даст Министерство здравоохранения СССР.

В г.Припяти.

Положение о санкции давно вызывало озабоченность у руководства Гражданской обороной страны. Года за четыре до Чернобыльской аварии военные ставили вопрос перед Советом Министров СССР об отмене этой санкции Минздрава и предлагали предоставить право принимать решение об эвакуации непосредственно председателю облисполкома. Однако тогда вопрос не был решен.

Ситуация сложилась серьезная. Б.П. Иванов предложил Б.Е. Щербине как председателю Правительственной комиссии обойтись и без Минздрава СССР. Но Борис Евдокимович предложил подождать с окончательным решением до утра, усилить наблюдение за радиационной обстановкой и подтянуть предназначенный для эвакуации населения транспорт к окраинам Чернобыля.

Б.П. Иванов вел дневник. В нем записано. “В 00 час. 50 мин. 27 апреля из Киева в направлении г. Припяти вышли 600 автобусов и 230 грузовых автомашин. Еще 350 автобусов двигались из г. Белая Церковь, населенных пунктов Бородянка, Дымер, Иванково, Макарово, Бровары. Около 7 часов утра в кабинет, где мы работали с

начальником химических войск Министерства обороны СССР генерал-полковником В. Пикаловым, прибыл Б. Щербина. Он сказал: “Принял решение на эвакуацию. Как ваше мнение?” Я доложил, что за ночь спада радиации не произошло. Наоборот, в отдельных местах зафиксировано ее повышение. Надо эвакуировать. Такое же мнение высказал и присутствовавший при разговоре генерал-лейтенант Г. Бондарчук. Но генерал-полковник В. Пикалов придерживался иной точки зрения и предложил не спешить с эвакуацией. Однако Б. Щербина все-таки подтвердил свое решение начать ее во второй половине дня. В 10.00 состоялось совещание, на котором он дал местным партийным и советским руководителям указания и объявил порядок эвакуации населения”.

Рассказывает жительница г. Припяти Валентина Поденок: “В 11.00 собрался партийно-хозяйственный актив. Решили вывозить людей по принципу проживания в одном подъезде. В 14.00 началась эвакуация жителей нашего города. Действиями милиции руководил генерал-майор Г. Бердов. И милиция, и гражданские руководители работали четко и оперативно. Автотранспорт подали прямо к подъездам жилых домов. Люди садились в автобусы без спешки и суматохи. Жители выдержаны и внешне спокойны. Брали лишь самое необходимое — документы, деньги, продукты на три дня, как было объявлено, одежду.

В газете “Правда” 6 мая 1986 года свидетельствует журналист В. Губарев: “Отметим сразу: к чести тысяч людей, которые работают на АЭС и живут рядом, паники не было, хотя отдельные паникеры и появились. Однако случившаяся беда настолько сплотила людей, что они сами быстро навели порядок. Как известно, некоторые иностранные агентства и всевозможные “радиоголоса” пытались посеять панику, передавая о повальном облучении чуть ли не всей европейской части страны и соседних стран. Именно здесь эти сообщения принимают, мягко говоря, с удивлением. Что может быть позорнее, чем злорадство по поводу случившейся беды?”

Не было паники в городе Припять, не было паники в городе Чернобыле, не было вообще никаких разрушений вне четвертого энергоблока. Но эти нанятые “информированные” корреспонденты не просто лгали. По-видимому, оценивая ситуацию в Советском Союзе на основе собственных представлений о морали и чести, они действительно не могли предположить способность наших людей “в нужный момент делать нужное дело”, как охарактеризовал в свое время поэт Михаил Светлов суть подвига, героизма.

Впрочем, были и явные несуразицы. По радио следовало бы сообщить нечто вроде: “Внимание, уважаемые жители! Горсовет сообщает, что в связи с аварией в городе складывается неблагоприятная обстановка. Городскими властями и персоналом станции принимаются необходимые меры. Вам следует войти в квартиры, закрыть форточки” и так далее. На этот случай существует на станции даже специальная магнитофонная запись, ничего сочинять не требуется. Однако горсовет с таким объявлением не выступил, и горожане не узнали, что им следует и чего не следует делать.

Генерал-полковник Б.П. Иванов обратил внимание на поведение местных жителей: “Собравшись небольшими группами возле домов, они, судя по всему, что-то горячо обсуждали, доказывали друг другу. Ходили слухи об эвакуации, но ясности никакой не было... Передачи по местной радиотрансляции так и не было. Пришлось мне успокаивать людей, рассказывать о случившемся, о том, как следует вести себя, готовиться к эвакуации...” Он по своей инициативе подготовил необходимый текст и передал в Чернобыльский исполком. Однако и его обращение с рекомендациями по радиационной защите так и не обнародовали. Ответили, что обком партии запретил его передачу по местной радиотрансляции. Признаться, ответ не мог не вызвать удивления и возмущения. Было горячее желание до конца разобраться в этом деле... Осмысленная

теперь события того времени, все больше прихожу к выводу: со своей стороны я должен был проявить больше настойчивости в этом важном вопросе, потребовать и добиться его незамедлительного решения. Я же понадеялся на местное руководство. А потом началась эвакуация из тридцатикилометровой зоны (о ней объявили по радио), таким образом, обращение уже не требовалось...”

— Мы были на улице, когда подошел председатель профкома ЧАЭС Березин и сказал: “Идите по домам, сейчас объявят эвакуацию”, — продолжала Валентина. — Мой сын Алеша взял учебник алгебры, я — демисезонное пальто — и больше ничего. Отключили воду и свет. И ушли. Накануне я спросила соседа В.В. Гриценко (он был начальником РЦ-3, позже ему, как и другим руководителям, предложили остаться, и он остался): “Что нужно делать?” — “Закрой окна, заberi с улицы сына и сиди дома”, — ответил он. — “Нам же в понедельник на работу”. — “Сиди и слушай радио”. — “Может быть, наша помощь понадобится, например, дезактивации?” — “Это же не нам поручат делать”.

... А потом люди, внешне спокойно, тихо переговариваясь, шли в автобусы. Уезжали из Припяти молча, почти без слез. Никто не требовал привилегий, не “качал права”. Только боль и тревога в глазах сохранились на многие месяцы.

В селе Полесском работник отдела кадров ЧАЭС давал всем желающим эвакуированным станционникам открепительные от станции талоны с предоставлением нового жилья и места работы. Многие отказывались и отправлялись в “Сказочный”, бывший пионерлагерь и базу отдыха ЧАЭС, где поселилась теперь часть эксплуатационников. Но были и такие, что уезжали даже без открепления.

В Припяти жили эксплуатационники ЧАЭС, а также строители и монтажники нескольких подразделений Минэнерго. Они возводили станцию и город.

— В соответствии с приказом об эвакуации Припяти из города выехал весь дежурный персонал одной из подстанций Киевэнерго, — рассказывает заместитель начальника управления строительства ЧАЭС по экономике В.И. Бубнов. Но энергетики Чернобыля определили такие действия презрительно: “С перепугу”. Этот отъезд мог обесточить город. Чтобы предотвратить беду, главный энергетик управления строительства ЧАЭС В.И. Чуриков по телефону доложил ситуацию в Минэнерго Украинской ССР, а сам, “завладев” подстанцией, в одиночку взялся ее обслуживать! И он полностью обеспечил работу этого довольно крупного и сложного предприятия в течение нескольких часов, пока министерство не взяло задачу энергоснабжения Припяти на себя. Чуриков же продолжал работать в управлении строительства, а позже, с началом возведения нового города Славутича, стал главным энергетиком треста “Славутичатомэргострой”.

— Страшно было всем припятчанам весь день 26 апреля, и это понять нетрудно, — рассказывал Бубнов. — Но я хотел бы подчеркнуть спокойствие людей, их уравновешенность.

Рассказывает другой бывший заместитель начальника управления строительства ЧАЭС Бацула: “Я сам был одним из руководителей эвакуации населения из нашего города и могу утверждать, не будь такой уравновешенности, такой дисциплины в сознании людей, невозможно было бы всего за три часа эвакуировать 50-тысячный город.

В 14.40 1200 автобусов покинули город, и сотрудники ГАИ устроили этой огромной колонне движение без пробок и заторов... Правда, многих жителей дома не оказалось — они еще с вечера в пятницу 25 апреля или утром в субботу разъехались в места отдыха, не зная об эвакуации. Их эвакуировали практически в понедельник, 29 апреля.

Да, внешне спокойны. А припятские дети после этого еще года два отказывались ходить по траве: радиация. Лишь постепенно страх начал проходить.

Итак, начинался третий день эвакуации. Жителям объявили, что дня на три, но уже было очевидно, что объявленным сроком она не ограничится. А ведь люди уехали практически без вещей, без запасов продуктов, без денег...

Начальник отдела кадров АЭС В.П. Комиссарчук и главный бухгалтер станции взяли в банке 200 тысяч рублей, огромную стопку бумаги для расписок и других документов, если понадобятся, и — печать. Эта печать оказалась единственным “документом” станции. Но банк под нее деньги все-таки выдал. Сели два человека в автобус и отправились по окрестным населенным пунктам — к своим, эксплуатационникам ЧАЭС.

— Люди так радовались, что в Полесском меня подняли вместе со стулом! — вспоминает Комиссарчук.

Уезжая, они оставляли не только домашний скраб. Оставляли прежнюю жизнь. Строители должны были, уезжая, сдать и “казенный” инструмент, и необходимые в любом строительном или монтажном хозяйстве запасные части. Когда стали вновь налаживать производство, уже для ликвидации последствий аварии, понадобились и эти многочисленные, но утраченные “мелочи”.

Много было рассуждений о том, что решение об эвакуации припятчан следовало принять на сутки раньше. Да, мы привыкли сознавать (и, кстати, не смотря ни на что — справедливо), что наше государство о нас позаботится. И нас, опять-таки совершенно справедливо удивляют и возмущают сбои в этом гигантском механизме. Да, существуют четкие инструкции даже для такой, как считалось, невероятной ситуации, которая произошла на Чернобыльской АЭС. Я не хочу оправдывать и, тем более, защищать виновных, вовремя не сориентировавшихся в обстановке. Я только хочу спросить, многие ли из нас смогли бы оперативнее принять решение об эвакуации целого города в мирное время, притом впервые на планете? И еще: говорят, если бы эвакуация началась 26 апреля, то вся колонна оказалась бы под радиационным облаком, ветер гнал ее по маршруту. Правда, о такой “мелочи”, как ветер, власти в тот момент не думали. Они решали гамлетовский вопрос: быть или не быть...

* * *

Что заставило кадровых работников ЧАЭС не убежать, ну пусть не уйти, со станции без специального приказа? Вспомним, А.А. Ситников в больнице на вопрос жены, почему он сделал то, что сделал (ведь не его это оборудование), ответил: “Я не мог иначе. Конечно, не знал, что именно произошло. Но взрыв одного реактора - это гибель региона. А если взорвутся все четыре — не будет Украины, а может, и пол-Европы”. Может быть, Ситников — исключение, фанатик?

— Нет, — ответил один из многих, мастер по ремонту оборудования перегрузочной машины и председатель цехкома РЦ-2 Быстров, — Работники ЧАЭС сами остались на станции, а вынужденные уехать отдали в отдел кадров заявления с просьбой отозвать их в первую очередь, потому что они хорошо знают компоновку оборудования своей станции, его индивидуальный характер. Ведь у машин, как у людей, тоже проявляются “личные” особенности характера. Приехавшим с других, даже аналогичных, станций пришлось бы потратить время на знакомство. Это, конечно, нерационально. То было время оперативных, активных мер. Я, например, после аварии на четвертом блоке устанавливал в третий реактор дополнительные стержни-поглотители, чтобы повысить его надежность.

Такие действия станционники считали нормой и восприняли как моральное уродство поступок коллеги В.И. Фаустова за то, что, не позаботившись о подчиненных, он вывез

свою семью, вернулся, но отсутствовал в течение пяти (!) дней. На парткоме станции его исключили из партии. Однако рассказывали об этом очень неохотно.

Все указания, связанные с эвакуацией, от имени директора давал его заместитель по кадрам И. Царенко. Вскоре он уехал, и ответственным за эвакуацию назначили другого заместителя директора. Никто из персонала АЭС толком не знал, оставаться ему или уезжать... Остались наиболее сознательные.

Руководители АЭС обслуживание станции, по сути, пустили на самотек, объявив всеобщую эвакуацию. АЭС могла остаться совсем без персонала. Между тем, безнадзорная, даже остановленная (а может быть, особенно остановленная) атомная станция опаснее работающей, но с персоналом. Так что, подчиненные оказались разумнее высших руководителей станции, да и отрасли, а их гражданская позиция — безупречной. Вечером 27 апреля и с утра 28-го на ЧАЭС сложилась тяжелая обстановка — не хватало рабочих рук, под угрозой было обеспечение вахты персоналом. Оставшиеся, по сути, не подчинились приказу об отъезде. И это — подвиг. Они осуждали уехавших, но необходимых по службе работников, с позиций наивысшего морального уровня.

Ведь они уже знали ситуацию, когда утром 26 апреля в 8 утра из Припяти автобус, как обычно, привез людей на работу, будто все сразу выдохнули: “А!?” — То был единый вздох ужаса. Военные уже мыли дороги из брандспойтов.

Г.Ф. Заводчиков увидел, что инженерной работы для него нет. Что он может делать? Занялся эвакуацией людей, шедших, как и он, на вторую смену. Первым в галерее между третьим и четвертым энергоблоками заметил женщину-оператора химцеха Паюсову. “Куда вы идете?” — “На свое рабочее место”. Заводчиков отправил ее назад: женщинам в этой обстановке вообще находиться не следует. Затем остановил других. Поставил пост. Дал задание пришедшим начальникам смен цехов, чтобы отбирали для работы только тех, кто действительно необходим, а сам отправился к себе, на энергоблоки первой очереди. В начале девятого пришел А. Нехаев, доложил о том, что удалось сделать. Орлов и Усков прогнали его отдыхать, так как он плохо себя чувствовал. Затем вернулся Орлов. Лицо серое — Заводчиков ужаснулся, прежде никогда Вячеслава таким не видал. Обоих отправил в санпропускник. Оттуда их увезли в больницу. Оба получили радиационные ожоги: задвижки, которые они пытались открыть, завалило обломками.

10 утра. Заводчиков отправил персонал домой и сам ушел в штаб гражданской обороны. В больнице, еле живой, чудь придя в себя, Орлов стал писать Заводчикову письма с советами, какие технические мероприятия следует выполнять на станции. А ведь он обслуживал энергоблоки первой очереди, имел право вообще не заниматься проблемами четвертого блока и даже туда не ходить... Орлов работает в украинском Госатомнадзоре, Заводчиков после аварии стал заместителем начальника реакторного цеха

— Что Вам запомнилось больше всего? — вопрос к старшему оператору главных циркуляционных насосов четвертого энергоблока ЧАЭС М.А. Рыбочкину, в аварию непосредственно не попавшему. Его смена начиналась в 16.00 26 апреля, когда положение в какой-то мере стало ясным, хотя бы внешне, и неожиданностей, вроде бы, не предвещало.

— Я был уверен, что в 24.00 26 апреля нас не сменят, а если и сменят, то это будут люди из других смен станции — ведь наши работали всего сутки назад, в ту (!) ночь. Но ровно в полночь пришли старший оператор четвертого блока Евдольченко, старший оператор третьего энергоблока Саша Огулов, Москаленко, Миронов. Они рассказывали, что когда Вячеслав Орлов, Смагин, Огулов услышали взрыв, то стали звонить по телефону, хотели узнать, что случилось, что с ребятами. Но ответа не было — и они

сами создали бригаду по выяснению обстановки. Прошло менее суток — и они снова на станции.

Семьи энергостроителей также уехали в эвакуацию. А руководителям подразделений — начальникам цехов, управлений, главным инженерам — было предложено остаться, и они остались в Припяти, в своих квартирах до 29-го, пока все не перебрались поближе к Чернобылю, в основном, в пос. Залесье.

Например, начальник Днепропетровского управления Всесоюзного объединения “Гидроспецстрой” В.Н. Неучев 26 апреля и сам еще не очень-то представлял будущие обязанности своего управления (оно базировалось в г. Припяти). Но на всякий случай обошел четырех рабочих, советуясь, кто из них может остаться независимо от эвакуации. Согласились копровщик В.И. Зайцев и машинист насосов В.К. Зайцева. Многие другие остались без просьб, по своей инициативе, правда, двое мужчин, которым эта честь была предложена, решительно отказались и уехали. Но, когда через полтора месяца они сами вернулись с просьбой дать какую-нибудь работу, то должны были вытерпеть нелюбезный разговор в своем коллективе, всё поняли и стали работать нормально. Вскоре стали “самостийно” возвращаться из эвакуации многие рядовые рабочие и инженеры — спасать!

Подготовить к эвакуации жителей Чернобыльского района, в очередь из 10-километровой зоны, 28 апреля предложили начальник штаба Гражданской обороны (ГО) Украины генерал-лейтенант Н. Бондарчук и заместитель ГО СССР полковник В.Долгопалов (он же начальник ГО Киевской области). Н. Плющ отдал необходимые распоряжения, и на следующий день все необходимое было наготове. Об этом он доложил Б.Е. Щербине и попросил разрешить эвакуацию. Но такого разрешения не последовало.

28 и 29 апреля весь район предполагаемого радиоактивного заражения был пропорционально разделен на зоны. 30-километровую зону сначала просто обвели циркулем. Когда уточнили карты радиационного загрязнения, то очертили площади с уровнями загрязнения 15 Ки/кв.км по цезию-137; 3 Ки/кв.км по стронцию-90 и 0,1 Ки/кв.км по плутонию — оказалось 1856 квадратных километров. Из них 41% занимают леса, 28% — водоемы, болота и неудобья и 4% — населенные пункты. На них выпало в общей сложности 30 миллионов Кюри радионуклидов.

На состоявшемся 1 мая заседании Правительственной комиссии вопрос об эвакуации людей и сельскохозяйственных животных, прежде всего из девяти населенных пунктов 10-километровой зоны, а также выборочно из 30-километровой зоны поднял генерал-полковник Б. Иванов. На этом настаивали также первый секретарь Чернобыльского райкома КП Украины А. Амелькин и председатель райисполкома А. Щекин. В ответ Б.Щербина предложил 2 мая собрать компетентных специалистов и обсудить необходимость эвакуации из 10-километровой зоны. Такое совещание состоялось. Участвовавшие в нем заместитель министра Здравоохранения СССР Е. Воробьев и директор ВНИИАЭС Минэнерго СССР А. Абагян, изучив положение дел, высказались за то, чтобы эвакуацию разрешить.

Перед этим группу Абагына можно было видеть чуть ли не одновременно в Припяти, Чернобыле, селах, на территории станции — параллельно со специализированными подразделениями дозиметристов они выясняли радиационную обстановку “для себя”. Они единодушно пришли к выводу: необходимо срочно эвакуировать население за пределы всей 30-километровой зоны.

Радиус зоны определили условно, по уровню радиационного загрязнения. В действительности, и за пределами зоны кое-где пятнами обнаруживали “грязь”, а внутри этого круга были участки абсолютно чистой территории: все зависело от направления и

силы ветра. Куда занесло пыль от реактора, там и возникало опасное пятно. Однако круг на расстоянии в 30-километрах от станции в общих чертах все-таки достаточно верно очерчивал край загрязненной зоны.

Бориса Евдокимовича утром 2 мая на совещании не было, он вылетел из Чернобыля (вероятно, встречать Н.И. Рыжкова). Решение об эвакуации из 10-километровой зоны принял Герой Советского Союза генерал-полковник Б.П. Иванов и дал секретарю райкома партии и председателю исполкома соответствующую бумагу.

А в 14.00 в райкоме партии состоялось то самое совещание, которым руководил Председатель Совета Министров СССР Н.И. Рыжков. Он также сказал, что не следует тянуть с эвакуацией жителей.

Решили начать эвакуацию из Чернобыля, а также из всей 10-километровой зоны 3 мая в 10.00 и завершить 4-го, а из 30-километровой зоны — в 14.00 4 мая, завершив к исходу 5 мая. В общем-то, работа шла в соответствии с программой. Но иногда возникали трудности, неразбериха, нервозность: то в деревнях не хватало рабочей силы для погрузки и сопровождения скота, то некоторые руководители районной области не знали обстановки на местах. Гражданская оборона по существу руководила этими работами. Неожиданно заместитель председателя облисполкома Н. Степаненко вызвал начальника штаба ГО области полковника Ю. Корнюшина и устроил ему разнос, пытаясь убедить присутствующих, что дело работников облисполкома лишь обеспечивать производство хлеба, мяса, молока, а заниматься эвакуацией и решением связанных с ней вопросов в случае необходимости должны только штабы ГО: там, дескать, люди за это деньги получают. Видимо, запямятовал, что председатель исполкома как раз официально является начальником Гражданской обороны, а начальниками служб ГО в области, и в районе — соответствующие руководители его управлений и отделов. Штаб ГО — это лишь орган управления начальника Гражданской обороны, то есть предателя исполкома.

Директор предприятия по статусу должен руководить Гражданской обороной в своих владениях... Но и об этом многие забыли, даже на ЧАЭС.

Не власти, а сами жители г. Чернобыля, расположенного в восемнадцати километрах от атомной электростанции, не допустили ни малейшего беспорядка, суматохи или, тем более, паники. Разговаривала я и с жителями окрестных деревень и городов — и всюду чувствовалось понимание обстановки, сознательная дисциплина. Многие говорили о желании помочь, если нужно, возмущались слухами, распространяемыми США и Англией — узнавали о них по радио.

Людей из Чернобыля и окрестных сел эвакуировали через пару дней, до 6 мая. Например, жителей из деревни Копачи, расположенной в четырех километрах от станции, то есть почти на таком же расстоянии, что и город Припять, вывезли четвертого мая, одновременно с чернобыльцами, а не с припятчанами.

Всего из 75 населенных пунктов Киевской и Житомирской областей в срочном порядке было эвакуировано около 100 тысяч человек. Неожиданно, в мирных условиях, без всякой предварительной подготовки не только организовать, но даже решиться на такое не просто.

Эвакуацию из г. Чернобыля и всей 30-километровой закончили 6 мая в 15.00. Пограничные и контрольные посты выставили. Но многие жители все-таки разъезжали по 30-километровой зоне, как говорится, партизанскими тропами. И водитель нашего автобуса Николай, отличный знаток своего дела, возил нас ночевать в Киев, минуя пробки на постах дозиметристов. Обычным порядком мы бы тратили на дорогу часа на три больше. Разумеется, так развозилась из зоны радиоактивная грязь. Поэтому, вскоре меры еще ужесточили. Но народ наш сообразителен.

Анализируя события, генерал-полковник Иванов делает выводы: “На случай аварии на объектах необходимо иметь детальный расчет на эвакуацию. Руководители должны четко знать свои обязанности по этому расчету, быть в курсе того, где находятся подчиненные, поддерживать с ними постоянную связь. При осуществлении мероприятий, прежде предусмотренных в специально разработанном плане на случай аварии, выяснилось, что задействованных сил и средств недостаточно. Составители плана, а также утверждавшие его высшие инстанции не предусмотрели одного, весьма важного обстоятельства — возможных масштабов аварии. А ведь еще задолго до разработки документа руководство Гражданской обороны СССР обращало на этот вопрос серьезное внимание: нельзя при составлении плана руководствоваться предположением, что масштабы аварии, если она произойдет, будут ограничены лишь территорией АЭС. На это заместитель министра энергетики СССР Г. Шашарин тогда заметил, что такое исключено... Не получили мы поддержки и в Академии наук СССР, и вот Чернобыль всем нам преподнес наглядный урок”. Ни один физик в мире не мог бы предположить вероятность такого кошмара. Но генерал Иванов — не физик. Многие великие открытия происходили именно на стыке разных областей знаний.

А теперь — немного экзотики.

Рассказывали, что за несколько месяцев до аварии, еще зимой одна женщина, припятский экстрасенс, говорила знакомым о своем беспокойстве: “С городом случится что-то ужасное” — и предупредила об этом КГБ. Ей ответили: “Разберемся” — и стали за ней же наблюдать, считая чуть ли не соучастницей.

Накануне аварии сотрудник одного из цехов ЧАЭС рассказал свой сон: на станции авария, их помещение разламывается — и показал зигзагообразную линию — якобы разлом на полу... Все произошло так, как он рассказал, даже линия разлома совпала с описанной им. Он позже просил не называть его фамилию, чтобы и его не посчитали причастным к аварии.

...А вообще-то был у них повод для подозрений. Люди говорят, что в 1985 году работники КГБ провели эксперимент: посторонние городу люди ходили с фальшивыми паспортами и другими документами, подкладывали в разных местах деревянные бруски, внешне напоминающие мины. Их никто не остановил, и на бруски не обратили внимание. Только однажды уборщица обругала кого-то из них за то, что ходит в гражданской одежде.

А вот в Копачах (деревня, ближе других расположенная к станции) рассказывали, что здесь в двух домах жили раньше старые люди. Они говорили до аварии: “Не долго нам жить около этой АЭС”. Почему? Кто знает... Однажды в автобусе женщина вдруг начала громко рассказывать: “Вот смотрю в окно, и вдруг перед моими глазами возникает картина. Родное мое село Буда-Варовичи — в огне, и горит оно на фоне Чернобыльской АЭС. А еще мне слышится: “Больше ты своего села не увидишь...” — так описывает киевская газета “Продолжение следует...” предвидение экстрасенса, народной целительницы Марии Алексеевны, которая, как она считает, учится от Бога и всегда к нему обращается, начиная лечение. Тогда в автобусе кто-то равнодушно отвернулся, другие стали успокаивать разволнованную женщину. Но менее чем через три месяца Чернобыль действительно отнял у нее родное село... А ведь еще Марк Аврелий почти 2000 лет назад учил: «Пора не только согласовывать свое дыхание с окружающим воздухом, но мысли со всеобъемлющим разумом».

* * *

Как ни странно покажется на первый взгляд, но паника, пусть и кратковременная, возникла не в селах и не в пораженных радиацией городах, а в стольном городе Киеве.

Из-за неинформированности властями. Толпы штурмовали кассы на авто- и железнодорожных вокзалах, в аэропорту. Люди ничего не знали об истинной обстановке и о необходимых действиях: влажная уборка, мокрый коврик у двери, душ, 1 капля йода на стакан воды в день, увезти ребенка и т. п. Когда я с другими информэнерговцами возвращалась ночевать 2 мая в Киев, то специально предупредила своих киевских друзей о необходимости профилактики. Эти люди, весьма образованные в своих областях, безусловно интеллигентные, — не очень-то поверили: раз в городе не объявляют, то нечего и паниковать. Их убедило лишь мое повторное посещение 3 мая и новость об объявленной эвакуации Чернобыльского района. Признаться, я побаивалась, что меня обвинят в распространении слухов и паники.

Но секретность-то и привела к слухам. Кое-кто в Киеве, “что-то” услышав о йоде, стал пить его из пузырьков, обжигая слизистую оболочку. Некоторые вовсе перестали пить молоко и есть молочные продукты, подвергая себя кальциевой недостаточности и тем самым открыв дорогу в организм радиоактивному стронцию, который способен заместить кальций. Многие отказались от зелени, овощей и фруктов.

Особого внимания требовали дети. Летом 1986 года киевских детей, как и вывезенных из 30-километровой зоны, государство отправило отдыхать в безопасные целебные края. Правда, перед этим по республиканскому радио выступил кто-то их высокопоставленных чинов и заверил, что в Киеве полный порядок и абсолютно не о чем беспокоиться. В одном из киевских родильных домов в первые дни были окна распахнуты настежь: жарко, и детям “нужен свежий воздух”. А потом этих детей приводили к норме в реанимации.

Так, может быть, равнодушие и безответственность страшнее этой так называемой паники?

Утром 27 апреля, желая узнать, готовы ли в селах Киевской области к приему эвакуированных, заместитель председателя оперативной группы ЦК КПСС В.В. Марьин спросил совета у стариков, боялся, что не согласятся. “Ну, что ты, сынок, мы войну помним”. В другом селе он увидел председателя колхоза, его большой дом, жену, детей — они уже все переселились в одну комнату и освобождали остальные. В третьем селе посоветовались с молодыми. Один из них сказал: “Я зарежу свинью, надо кормить людей”.

Эвакуированные колхозы и совхозы решили не распылять, а разместить по принципу “хозяйство в хозяйстве”: в наиболее сильных хозяйствах. И это было разумно. В Брагинский райком партии Гомельской области Белоруссии, куда предстояло эвакуировать пять крупных хозяйств, буквально из всех колхозов и совхозов стали поступать просьбы о размещении пострадавших именно у них. Райком согласился, хотя осуществить это было непросто. Например, председатель колхоза имени Энгельса Н.Шапетько рассказал, что им пришлось срочно создавать четыре летних лагеря, условия для водопоя и кормления животных, чтобы принять из колхоза “Посудово” 1700 голов скота, в том числе 660 коров. Колхозники и строители местного предприятия производственной механизированной колонны во главе с В. Зинченко работали без сна десятки часов. Первый секретарь райкома комсомола привел свой отряд на помощь, и ни один рабочий не ушел домой, пока не устроили полностью. Сохранили не только колхозных, но и почти всех коров индивидуального сектора.

Давали приют эвакуированным людям, размещали их по своим домам и сами сельяне по своей инициативе, и местные власти. Круглосуточно работали райкомы партии: призывали людей к сплоченности в трудную годину, помогали организационно.

Белорусы принимали украинцев, словно близких людей. В частности, секретарь парторганизации Н.Ивахненко приютил в своем доме две семьи, тракторист В.Жирафский — десять человек. Это было массовым явлением. В Киевской области

были временно размещены, трудоустроены и обслужены более 90 тысяч эвакуированных из 65 населенных пунктов Чернобыльского района. Десятерых приняла к себе пенсионерка из села Блидча Иванковского района А.Я. Лешенко, у которой в своей семье — пятеро. Семерых приютил колхозник И. Коваленко. Молодой водитель Иванковского дорожного управления Н. Савченко пришел в сельсовет с предложением от себя и от жены: “Дайте мне две или три семьи”. Г.И. Бацула с семьей остановился у него и постоянно убеждался, что искренне заботятся эти люди о приезжих, не думая о создавшейся тесноте. Ведь две из трех своих комнат Савченко отдал, а сам с женой и детьми перебрался в одну. Жили вместе, как единая семья. Работать Бацула-старший вернулся в Чернобыль в свое УС ЧАЭС.

Сельские жители из Бородянского района Киевской области также приняли более 5 тысяч человек из Чернобыльского района. Делились необходимым люди из колхозов “Заря”, “Майдановка”, “Перемога” и др. Даже в школах право заниматься в первой смене отдали приехавшим детям.

Сотни матерей с детьми были вывезены в пионерские лагеря, дома отдыха, пансионаты. Они находились там на полном государственном обеспечении. Большая группа эвакуированных из Чернобыля женщин с детьми разместились среди сосен в санатории “Украина”, в курортном местечке Ворзель под Киевом. Здесь в сентябре у заведующей фермой колхоза имени В.И. Ленина Любови Тумановой родился сын. Он был сотым ребенком в большой семье эвакуированных из Чернобыля женщин. Кардиологический санаторий в считанные часы перепрофилировался в медицинское учреждение. Все — от врачей, медсестер и санитарок до официанток и поваров прошли переподготовку. Весь первый месяц они работали без отдыха. Случалось, и даже пеленки стирали люди с дипломами. Но это никого не смущало. Папаши почти все в это время работали в зоне, на станции. Поэтому из больниц молодых мам обычно встречал “папаша на общественных началах” — Марк Семенович Орловский и вез в санаторий. Были, как полагается, и лимузин, и цветы, и огромный торт, и всеобщий праздник. Каждую молодую маму поселяли в отдельной однокомнатной квартирке со всеми удобствами, с детской кроваткой, коляской и ванночкой. Приданое для малыша дарили еще в больнице. Почему-то “урожайным” этот дом стал на двойняшек. Авария тут, конечно, не при чем — ведь детишки были уже “в проекте”.

Дети рождались и росли здоровыми и упитанными, и заслуга в этом добрых работников санатория — и шеф-повара Т.Ф. Семеняки, не считавшей капризами пожелания “чего-нибудь вкусенького”, и заведующей отделением Л.П. Ивлевой, медсестры Т.П. Харченко, врача В.А. Добрыниной, диет-сестры Л.В. Главацкой, сестры-хозяйки В.С. Строкач, официантки С.А. Сидорчук и прачки О.В. Харченко.

Но ведь бывало и такое в поликлиниках, когда явно заболевшим детям в медицинской карте писали фальшивые ссылки на якобы алкоголизм или курение родителей — лишь бы не связывать болезнь с радиацией.

Тысячи людей разбросало по всей стране: желающие могли уехать на другие атомные стройки, действующие АЭС, просто к родственникам. Г.И. Бацула занимался размещением работников управления строительства УС ЧАЭС. То была работа без счета времени, случалось — круглые сутки.

— Большинство, приглашая на длительное жительство, отказывались от какой бы то ни было компенсации за неизбежно возникающие в связи с этим неудобства для них самих, — говорит он. — Но все же, не скрою, были в Иванкове и такие, кто не очень торопился принимать приезжающих, хотя жил довольно просторно. Но их было немного.

Однажды произошел и вовсе дикий случай: в селе Вовчки (по-русски, Волки) не захотели пустить эвакуированных в свои дома. И беременная женщина вместе со своими детьми осталась ночевать на улице, благо погода позволяла.

Эвакуированные сельские жители с особой болью оставляли свои дома, нажитое, может быть, всей жизнью, могилы предков, тепло своей печи, свою землю, скотину.

— Так-то тяжело уезжали, тако голосу было — думали: не переживем того отъезда в эвакуацию. Колы б можно было, я бы поехала, руками, ногами ее загребла, ту радиацию, чтоб вернуться можно было. Не надо нам компенсации, не надо новых домов только бы домой.

В документальном фильме “Колокол Чернобыля” деревенский житель Украины сокрушенно смотрит на свой дом в день эвакуации и говорит оператору:

— Хозяйство такое хорошее, ну як его кинуть?.. Надо буде, кинем, як ишаки работать будемо, токо щоб было усе добре и у нас, и во всем мире...

В гостях у приютивших селян жили недолго — переселились в новые дома. Сделано для переселения жителей из загрязненных районов очень много. По существу, в короткий срок в новые дома и квартиры переехали около ста тысяч человек.

Вскоре все эвакуированные из Чернобыльского района получили постоянное благоустроенное жилье, дети пошли учиться или в садики. Гигантская по масштабам и сложности работа.

Только за одно лето на Украине для эвакуированных в сельской местности за счет государства построили и бесплатно передали 7 тысяч благоустроенных жилых домов усадебного типа. Это обошлось более чем в 200 миллионов рублей в ценах 1986 г. К январю 1987 г. таких домов было около 120 тысяч. Семьям энергетиков, эвакуированных из Припяти, предоставлено 7,3 тысяч квартир в Киеве и 500 — в Чернигове, да более тысячи мест в общежитиях. Позже для тех, кто пожелал работать на ЧАЭС, построили временный вахтовый поселок “Зеленый мыс”, а затем и новый город Славутич. Да еще открыли новые медицинские учреждения, предприятия торговли, быта, общественного питания, школы и дошкольные учреждения, узлы связи, здания сельских советов и другие объекты социально-культурного назначения. Всего построено 517 таких объектов. Материальная помощь в порядке компенсации населению составила 800 миллионов рублей.

Для обеспечения нормальных условий жизни в деревнях, прилегающих к зоне отселения, также потребовались немалые материальные ресурсы. Например, в Гомельской области Белоруссии срочно проложили 261 километр асфальтированных дорог и проездов, пробурили 98 артезианских скважин, на 266 километров протянули новые водопроводные сети. Через два года выяснилось, что это крайне мало.

В Киеве был организован штаб Минэнерго СССР. Круглые сутки по очереди трудились там заместитель начальника ВПО “Союзатомэнерго” В.Т. Можайский и заместители начальника ВПО “Союзатомэнергострой” В.С. Михайлов, А.А. Земсков и др. Они организовывали и координировали расселение и трудоустройство тысяч эксплуатационников и энергостроителей, которых следовало доставить, притом по их выбору, на другие предприятия отрасли, обеспечить жильем и работой, по возможности, не хуже прежнего. Коллективы, которые их принимали, не располагали свободными вакансиями. Ради новеньких многим местным работникам приходилось отказываться от ожидаемого продвижения по службе или новой квартиры. Кого это обрадует? Но возразили только в одном случае — на Запорожской АЭС администрация не поняла ситуацию и отказалась достойно принять эвакуированных. Директор “заплатил” за такую душевную глухоту своим креслом. На его место прислали Бронникова, который в первые дни после аварии сам вернулся с ЗАЭС в свою Almatater и возглавил ЧАЭС.

Немного позднее в городе запорожских энергетиков Энергодаре я совершенно случайно встретила бывшую припятчанку, очень симпатичную молодую женщину. Поинтересовалась, как устроилась. Она проектировщик. Говорит, что встретили ее доброжелательно и заботливо. Ребенок вот только часто прихварывает, но теплый сухой энергодарский климат ему на пользу. Я специально познакомилась с ее новыми сослуживицами, чтобы уловить их отношение к новенькой. В голосе чувствовалось тепло, когда рассказывали о ее приятном характере и отличных деловых качествах и творческих способностях.

Припять опустела. Но не остались брошенными дома со скарбом, магазины, учреждения, словом, ничто. Сразу же после эвакуации в дело вступила служба охраны... Работники милиции организовали регистрационную службу, адресный стол для поиска потерявшихся.

А в конце августа на дорогах Чернобыльского района можно было увидеть машины, груженные домашним скарбом — жители эвакуированных городов и сел получили разрешение забрать из зоны кое-какие вещи. Да, получили пособия, одежду, во многих случаях бесплатное питание, компенсации за оставленное имущество, частные дома, хозяйственные постройки... Но какой же хозяин равнодушно бросит на произвол судьбы добро, способное еще послужить на пользу? Вот специалисты подумали-подумали, да и разрешили хозяевам забрать свои вещи, если они “чистые”. Каждый предмет проверяли дозиметристы, разрешали или запрещали его вывоз. Под подозрением были меха, ковры, телевизоры... Почему-то они особенно активно тянут в себя радиацию.

В общем-то, немногие не злоупотребляли этим своим правом. На Хмельницкой АЭС мне рассказывали о приехавшей туда матери троих детей, не захотевшей расстаться с цветным телевизором. Она умудрилась привезти его в новую квартиру и хвасталась, телевизор “ще краще каже”. Здоровье детей этой женщины на совести. Но таких все-таки единицы.

Не ушла из сердца юная, нарядная и добрая Припять, не позабыть славный, зеленый, весь в садиках и палисадниках древний Чернобыль, не вычеркнуть из жизни добротные и милые усадьбы полесских сел, богатые леса и пастбища.

Летом и ранней осенью 1986 г. многие жители города Чернобыля и сел Чернобыльского района стали “самостийно” возвращаться из эвакуации, устраивались здесь на работу в качестве ликвидаторов.

Вообще не все эвакуированные, в основном пожилые люди, пенсионеры прижились в чужих краях, многие стали тосковать по родным местам. Только им ведомыми тропинками уже летом 1986 г. около двух тысяч человек вернулись в 30-километровую зону. Вскоре им даже стали присылать на каникулы внуков!

Но и через многие месяцы боль о доме не уходила из сердца.

— Тут в совхозе, конечно, жить легче, но дома было выгоднее, — сказала корреспонденту “Недели” Надя Третьяк, эвакуированная из Гомельской области в... Гомельскую область. — Тут работникам совхоза выделены земельные участки, которые обрабатывает совхозная техника, твердая зарплата. Но... там у нас сад был, огород, две коровы, теленок, свиньи, куры. А здесь для кур условий нет, заборчик вокруг дома низенький, грядки не огорожены, куры все разгребут. И насчет молока уверенности ведь нет. Скажут — “грязное”, пить нельзя. Зачем тогда корова — только расстраиваться. Да и разве это дом (его стоимость — 35 тыс. рублей в ценах 1986 г.) — сыро, холодно. Первую зиму просто мучились. И в погребе воды по колено... Делалось-то все в спешке. Но в основном строили хорошо.

В апреле 1989 г. телепрограмма “Взгляд” показала и относительно молодых родителей с детьми-дошкольниками, которые также вернулись в свои дома. Они ходят в

лес за грибами, держат коров и убеждены, что живут хорошо и в безопасности... А приборы показали значительный радиационный фон. Жить там никак нельзя, особенно детям.

Однако всех этих людей долгое время не беспокоили, не отключили электроэнергию. Солдаты привозили хлеб. Правда, после телепередачи пребывание детей все же запретили. Сколько таких жителей в зоне? В 1987 г. там достоверно жило 1200 человек. Этим людям стали называть “самоселами”. Старики получают пенсию, питаются в основном со своего огорода, ездят по очереди за продуктами в “чистые” районы. Кое-кто отловил одичавших коров, кое-что старикам привозят дети. Радиации боятся не очень (“чему быть — того не миновать”) и мечтают главным образом о том, чтобы их больше не беспокоили с переселением.

— Самое удивительное, — говорил корреспондентам “Правды” начальник бюро по связям с общественностью отдела международных связей и информации НПО “Припять” А.А. Карасюк, — что большинство из них довольны своей жизнью и уверены, что у них смертность ниже, чем у тех, кто переехал и остался жить в новом месте. Даже кое-кто грозит поджечь свои хаты и сгореть вместе с ними, если власти надумают их снова выселять.

Официально их в зоне как бы и нет: не прописаны, фонды и лимиты на них не выделяют, компенсацию, как эвакуированные они не получают, там нет никаких органов власти и управления. В 1991 г. в села провели по одному телефону и включили радио; из Чернобыля, если необходимо, приезжает “Скорая помощь”.

Но в целом самоселы надеются только на себя, а потому не плачут и не жалуются на жизнь.

Вместе со своими прихожанами остался жить даже 76-летний священник отец Федор. Он уверен, что Чернобыль — наказание за грехи наши, и кару эту надо мужественно нести. Он служит службы, причащает, исповедует, старается рассеять страх перед радиацией, а главное — укрепить дух и веру людей. Прихожане уважают своего пастыря.

Село Залесье — в километре-двух от г. Чернобыля. Однажды на пасху здесь появилось объявление, прикрепленное к столбу. В нем говорилось, что желающие на Пасху помянуть на кладбище своих родных и близких не должны рыхлить грунт вокруг могил, сжигать мусор, отклоняться от проложенных маршрутов, ходить босиком по земле — радиация... Желающих поклониться родным могилам оказалось очень много, и не только среди самоселов.

Однажды, еще в сентябре 86-го в селе Залесье, что в двухкилометрах от г. Чернобыля, я встретила деда — приехал посмотреть свой дом, взять зимнюю одежду. Шел он теперь не ухоженной дорожкой, а через бурьян, по черной полыни — чернобылю. Увидел меня, остановился.

— О це — моя хата, — заговорил он по-украински. — Я тут живу... Поправился. — Жив тут... — открыл замок. Покачал головой, глядя на бурьян. Даже веник паутиной зарос в сенях, значит в дом никто не входил. На столе остатки пищи, тоже заросли паутиной, покрылись плесенью, да уж давно и высохли. Жил он в этом доме 86 лет. Здесь женился...

А вот еще. “Моя фамилия Синчук. Я с Припяти, с самого прекрасного города на Земле. Не иссякают наши слезы. Молчание о припятчанах, разбросанных кто куда, давит нас гробовой доской... Как же мы любили свой город. Может, потому, что строили мы его не только руками, но и сердцем. Лелеяли, озеленяли, украшали...”

Нам обоим жить хотелось страстно.
Город мой, прости нам отступление.
Не эвакуировав сердец,

Мы придем и снимем оцепление
И с чела — терновый твой венец!..
...Мы пришли... Но это оцепление —
Навсегда страдальческий — венец...

Написал эти стихи поэт Владимир Шовкошитный, “выгоревший” в ту ночную смену инженер ЧАЭС.

Лаборант химцеха ЧАЭС Аделия Велюра мечтает:

...Мы возвратимся, пустим турбины
Силу былую вольем в провода
Розами алыми город обнимем,
Чтоб не расстаться уже никогда.

Эти люди сделали все, что было в их силах. Спасти город для нормальной жизни было выше человеческих сил.

— Однажды летом 1986 г. мне захотелось съездить на БТРе в Припять, посмотреть свой бывший дом, — рассказывает Валентина Поденок. — Посмотрела... И нахлынули воспоминания. Вот эти деревья мы 19 апреля постригали на субботнике. Муж через день вернулся из командировки и говорит: “Какая же красивая наша Припять!” А теперь на улицах брошенные, а то и перевернутые коляски, мусор... Как в войну. Увидела на перилах знакомую кошку, позвала. Она дико посмотрела на меня и бросилась по водосточной трубе вверх.

Люди рассказывали, что после эвакуации населения в Припяти стало жутковато находиться: город пуст, вечерами погружается во мрак. В целом микрорайоне, бывает, светятся одно-два окна.!

А вот как описала чувства современников шестнадцатилетняя киевлянка, прежде жительница Припяти Марина Муляр:

Воют на Припяти лодки,
Мокрые морды подняв
И, опираясь на локти,
Пробует воду сосна.
Непонимающим пленкам —
Им все равно, что хранить:
В легких гробах из клеенки
Листья несем хоронить.
Помним о сроках распада,
Верим в устойчивость ген.
В спаленках детского сада
Спор — что такое рентген.

И снова пишет эта девочка:

Лета тысяча девятьсот
Восемьдесят шестого
Зарываясь в крымский песок,
Я читала Толстого.
И хотелось рвануться в бой.
И хотелось вальса и смеха,
И хотелось вернуться домой...
И уже никуда не ехать.

Многие работники станции, управления строительства, монтажных организаций, оставшиеся в Чернобыле ликвидировать последствия аварии, получили квартиры в Киеве. Это считалось относительным везением, но особой радости не принесло. Люди пережили столько, что забыли о формальностях, которые призваны обеспечить благополучие и покой. Оказывается, их прописали по временной схеме. Это ошеломило. Как же так? Уехавшие в эвакуацию давно благоустраивают новое жилье, обживаются на новой работе, понемногу успокаиваются. А те, кто ни минуты о себе не думал, забыл об отдыхе, не вспоминал о медицине, с трудом находил время для встреч с семьей — эти люди, достойные преклонения, достойные наибольших благ, оказались в бытовом отношении в самом худшем положении. Оказывается, они не имеют права назвать свое жилье истинно своим, даже благоустраивать его по своему желанию. Лишились дачных участков — и не смогли получить новые: нет прописки. Взамен списанных в Припяти автомашин получили новые личные машины, но не могли построить гаражи — временная прописка не давала таких прав.

Но не всех киевлян и такой статус чернобыльцев, скажем так, обрадовал. Многие старожилы Киева мечтали о новых квартирах — вот они, только что отстроенные, “с иголочки” микрорайоны. А их пришлось отдать эвакуированным. Большинство киевлян поняло ситуацию сочувственно. Но были и такие (среди них даже один исполкомовский деятель), в ком чужая беда вызвала только злобу. Случалось, били стекла, уродовали двери. Находились родители, запрещающие играть с “зараженными” сверстниками. И смог же врач ответить Саше Бочарову, секретарю комитета комсомола ЧАЭС на просьбу о медицинской помощи: “Работать вам не хочется, знаю вас, чернобыльцев”. В действительности Бочаров вставлял в своей квартире дверное стекло, выронил, поранил руку, перерезал вены. Руку подлечили, но она болела. А позже рентгенокопия показала забытый, зашитый врачами кусочек стекла...

Многие, со стороны, не понимали, что чернобыльские ликвидаторы — герои. Например, председатель райисполкома Прокопов сказал родственникам пожарного Кибенка: “А чего он туда полез? Его никто не посылал”. Сталкиваться с таким непониманием было оскорбительно. Но не спорили, не били себя кулаками в грудь: Вот, мол, мы какие.

Но ведь было и такое: в Шевченковский райком партии г.Киева на второй день после аварии прибежали женщины и спросили: “Куда деньги послать?!” А первый секретарь райкома сходу их одернула: “Без ваших денег государство справится...”

Подобное не может не возмущать. Подобное глубоко оскорбляет всех причастных к 30-километровой зоне. И, кажется совсем недавно я нашла ключ этой душевной черствости, когда в Москве врач, хирург, абсолютно не причастный зоне и, безусловно, хороший, добрый и честный человек сказал мне: “А чего они туда лезли? Они понимали обстановку?” Он все понял, когда я объяснила: “Они защищали ваше здоровье, ваши жизни, ваши и мою”.

Чернобыль, засекреченный Чернобыль 1986 и 1987 годов для всех — это “черный ящик”, где “на входе” какие-то полоумные ликвидаторы-камикадзе, а “на выходе” — уставшие, а то и смертельно больные люди. Что внутри — неизвестно.

Оттого-то не только в Киеве врач был способен сказать строителю, эксплуатационнику или военному из Чернобыля: “Состояние вашего сердца никак не может быть последствием работы в Чернобыле, да вы и сами виноваты: никто вас не заставлял закрывать своим телом амбразуру, вы не на фронте...” Что тут скажешь? Заставлять рисковать жизнью, конечно, никто не пытался. Но люди шли сами, потому что понимали: это — настоящий фронт и лично от каждого зависит победа. Многие не осознавали, что разговоры об опасности и необходимости культурного поведения — всерьез. А кому-то это слабо объяснили.

В своем кинофильме “Порог” Р.П. Сергиенко привел свидетельство припятчанки, обратившейся по месту нового жительства к администрации киевского детского садика с просьбой принять ее ребенка. Не зная, что женщина эвакуированная, администратор ответила: “Места есть только в группе припятских детей. Вы не боитесь?”

И мне случалось слышать в киевском автобусе: “Парень-то хороший вроде, но мы дочери запретили с ним встречаться. Он ведь из Чернобыля, а нам внуков здоровых надо!”

И одновременно киевляне часто задавали вопрос: что стало бы с Киевом, если бы пожар на станции не удалось ликвидировать так быстро?

Но Киев стоит. Прекрасный и вечный...

Сегодня сталкиваешься с непониманием этих естественных для человека порывов: защищать свой город, Отечество. Люди стали стесняться говорить о патриотизме. Даже с трибуны Верховного Совета СССР (при обсуждении закона о собственности) кое-кто говорил о якобы присущем человеку беспредельном индивидуализме, о том, что, якобы, только частная собственность на материальные блага в любой форме способна побудить человека к хозяйскому, заинтересованному отношению к его производственной деятельности. Это — не верно. История, притом история нашей страны не в меньшей, чем где бы то ни было, знает немало примеров истинного, нередко массового альтруизма. Как говорил Л.Н. Толстой, лучший человек — тот, который живет своими мыслями и чужими чувствами; худший живет своими чувствами и чужими мыслями.

А из моей памяти не выходит заявление какого-то иностранца в 70-х годах: “Мы заинтересованы в том, чтобы в Советском Союзе больше не было Зой Космодемьянских и Александров Матросовых”. На пропаганду таких “идей” выделялись немалые средства.

“Уверен, что человек рождается со способностью откликаться на чужую боль. Думаю, что это чувство врожденное, данное нам вместе с инстинктом, с душой. Но если это чувство не употребляется, не упражняется, оно слабеет и атрофируется”, — пишет современный писатель Даниил Гранин.

Людям вообще свойственно в периоды крупномасштабных бедствий проявлять лучшие качества души. Вспомним, на мой взгляд, гениальный кинофильм “Бал”, кажется, французско-австрийский, но это не важно. Языком художника он рассказывает о жизни европейцев в разные исторические периоды XX века. Фильм многопланов. Выражаясь упрощенно, он примерно таков: люди радуются и страдают. Кто-то счастлив, другим не везет. Но каждого заботят его собственные, сугубо личные проблемы. Однако в годы общей беды, принесенной в данном случае Второй Мировой войной, люди становятся внимательней, добрее, сострадательнее к окружающим. А неудачник может стать фашистом.

Экстремальная ситуация выявляет высоту духа. Как относительно небольшое давление графит превращает в уголь, а действие могучих сил — даже в алмаз, так и человек, когда необходимо, способен сбросить все наносное, поверхностное, незначительное — и заиграет его душа алмазными гранями.

Вспомним, как у Высоцкого, в его “Балладе о борьбе”:

Если мясо с ножа
Ты не ел ни куска,
Если руки сложа
Наблюдал свысока
И в борьбу не вступил
С подлецом, с палачом —
Значит, в жизни ты был,
Не при чем, не при чем!

По мнению академика П. Симонова, социальная потребность “для других”, как и потребность познания, потенциально присуща каждому нормальному человеку. Надо только вооружить его средствами и способами для удовлетворения этих потребностей. Не случайно это ведет к возникновению положительных эмоций, а те, в свою очередь, усиливают исходные потребности.

Потребности “для других” есть и у животных. При проявлении бескорыстия (любопытности, заботы о других) в их мозге также обнаруживаются те химические вещества, которые связаны с положительными эмоциями. “Природа стимулирует все, что способствует выживанию рода”, — считает П. Симонов. — “Ведь ни одна стая не смогла бы сохранить себя, не будь в ней существ с бескорыстными потребностями... Экспериментальные исследования убедительно свидетельствуют о том, что у высших млекопитающих животных существуют две “бескорыстные” потребности, которые можно рассматривать в качестве филогенетических предшественников потребности познания и потребности “для других” Это — исследовательское поведение и способность к эмоциональному резонансу в ответ на сигналы об эмоциональном состоянии другой особи того же вида, то есть способность к сопереживанию... Исследовательское поведение сопровождается активацией нервных клеток центров положительных эмоций и повышением содержания в тканях мозга эндогенных опиатов. Иными словами, “корысть” при осуществлении исследовательского или альтруистического поведения состоит в появлении у действующего животного положительных эмоций или в устранении отрицательных”. Так и у человека следование велению души порождает чувство удовлетворения выполненным долгом или угрызение совести, если он остался глух к ее голосу. Для тех же, кто остался в Чернобыле или приехал туда в первые дни после аварии, работа в зоне была великой целью.

Такие понятия, как смысл жизни, проблемы смерти и бессмертия, абстрактны только на первый взгляд. В действительности, если не явно, то подспудно, они озабочивают, мучают каждого вопросами существования его самого, его народа, всего человечества.

Кажется, философ Бертран Рассел сказал: “Чем жаловаться на общую темноту, лучше зажечь одну маленькую свечу”.

Сегодня митрополит Питирим говорит: “Чувство общей опасности, общей ответственности и интереса является, пожалуй, наибольшим стимулом. Многие популярные ныне газеты и журналы, телепрограммы заикнулись на критике... упиваться одной только критикой, да еще и неконструктивной — это просто вредно. Человеку следует чаще напоминать, что он больше хороший, чем плохой... Чувство общей опасности, общей ответственности и интереса является, пожалуй, наибольшим стимулом... Выход, безусловно, есть. Существует много разных путей. Но ближайший и самый приемлемый для меня — это... не роптать на общую темноту, а зажечь свою свечу”.

Так было всегда. Легендарный победоносный партизанский полководец войны 1812 года Денис Давыдов писал, вспоминая французское нашествие: “В 1812 году поздно было учиться. Туча бедствий налегла на Отечество, и каждый сын его обязан был платить ему наличными сведениями и способностями... Видя себя полезным Отечеству не более рядового гусара, я решил просить себе отдельную команду, несмотря на слова, произносимые и превозносимые посредственностью: *никуда не проситься и ни от чего не отказываться*. Напротив, я всегда уверен был, что в ремесле нашем только тот выполняет долг свой, который переступает за черту свою, не равняется духом, как плечами в шеренге с товарищами, на все напрашивается и ни от чего не отказывается”.

С такими мыслями Денис Давыдов оставил свое “тепленькое” место адъютанта сиятельного князя Багратиона, чтобы поддержать “честь свою со всею ревностью, какой бедственное положение любезного нашего отечества требует”.

И так думают все, осознающие себя Личностью. “Мужество в несчастье — половина беды”, — говорил римский драматург Тит Макций Плавт 1700 лет назад. Не случайно ведь древнее имя Личности было — Герой. “Помните, что вы принадлежите роду человеческому и забудьте обо всем остальном”, — это говорит уже английский философ и математик Бертран Рассел в XX веке.

“Равнодушие еще никого не сделало счастливым” (Л. Ландау).

А равнодушие? Буквально накануне аварии из Киева в Припять приехал В.П. Токаренко, заместитель управляющего ЮТЭМа (трест “Южтеплоэнергомонтаж”), устанавливавшего все тепловое и ядерное оборудование на ЧАЭС. Надо было обсудить, как получше использовать ЮТЭМовский башенный кран “Демаг” у строившегося в то период пятого энергоблока станции. Остался на ночь, чтобы в субботу отправиться на стройплощадку. А около 5 утра зазвонил телефон — авария. Попытался дозвониться до Киева, но линия оказалась заблокированной. Тогда Владимир Петрович на своей личной машине, а за ним на другой — Виктор Григорьевич Микитась и другие монтажники бросились на станцию. Охрана их хорошо знала в лицо и пропустила.

Все при Токаренко — умный, красавец, рослый. Займись он только собой в мирной жизни — озолотился бы. Но — не его это, не интересно.

База ЮТЭМа находилась всего в 150 метрах от четвертого блока. Токаренко еще не знал, что конкретно произошло на станции, но ему было абсолютно ясно: надо немедленно вывозить оставшихся там людей. Пересчитали присутствующих, чтобы никого не забыть. На кислородном хозяйстве увидели дрожащих девчат — дежурных аппаратчиц Омененко и Стерхову. Они решили, что это американцы бомбу сбросили. Дрожат, а хозяйство не бросают.

Радиационный фон “в районе столовой “Фиалка” на территории базы ЮТЭМа доходил до тысячи рентген в час, но монтажники об этом не знали, как, по видимому, никто на ЧАЭС. Вспомним, еще ночью начальник гражданской обороны Воробьев положил перед директором станции Брюхановым записку: “200”, “1000 рентген в час”, зашкалило...”

Тот факт, что реактор именно разрушен, приехавшие специалисты поняли быстро. Однако этого, к сожалению, не скажешь о руководстве ЧАЭС.

Начальника ГО ЧАЭС подполковника запаса С.С. Воробьева директор В.П. Брюханов вызвал на станцию в 1 час 55 мин. Ночи. Автомат для вызова должностных лиц был в исправном состоянии, но работал не по полной программе, а телефонистка оповещала руководящий состав выборочно: чтобы не было паники.

Воробьев захватил с собой секретаря парткома и в 2 часа 15 мин. выехал на личной машине на станцию. Через 15 минут они были на месте. В это время прибывшие по вызову Брюханова собрались у встроенного в административно-бытовой корпус убежища гражданской обороны, но войти не смогли, так как никто из присутствующих не знал, где же хранятся ключи от входа. А ключи находились, как положено, у начальника смены... Все стояли и ждали Воробьева. Но Серафим Степанович побежал не в убежище, а взял с собой дозиметрический прибор ДП-5 и пошел один замерять уровни радиации. Стрелка прибора зашкаливала. “Значит, — подумал он, — дела плохие”. И помчался искать начальство — а оно все еще стояло у закрытого убежища. Воробьев возмутился: “Если не знаете, где ключи, так уж давно бы взломали замок... Ах да, — добавил он, — еще нужно же суметь открыть герметичные двери, а потом задраить их обратно”. А всему этому надо учиться... Между прочим, директор АЭС сам считается командующим ГО станции. Раздраженный тон Воробьева объяснялся конфликтом с дирекцией по поводу давнего наплевательского отношения администрации к нуждам гражданской обороны вообще и обучению персонала станции в частности.

С.С. Воробьев открыл убежище в 2 часа 35 минут. Доложил о высоких уровнях радиации на территории станции и потребовал срочно разобраться и принять меры. Но директор ЧАЭС объявил всему руководящему составу... начало учения по гражданской обороне и запросил соответствующие документы — на это ушло еще минут двадцать.

Бункер сам оказался радиоактивно загрязненным — еще до аварии включили систему вентиляции в “чистом режиме”, чтобы проветрить помещение. Брюханов распорядился выдать руководству противогазы и поднять по тревоге формирования гражданской обороны. И на это ушло время, поскольку по ночам подразделения гражданской обороны не тренировали, не приучили к оперативности.

Воробьев же снова пошел вокруг станции замерять фон. Снова зашкаливало. Он снова доложил об этом директору, и тот... ни поверил! Воробьев доложил еще, что радиоактивный след пошел в сторону г. Припяти и что нужно срочно оповещать людей и принимать экстренные меры. Доложил о том же и в штаб Гражданской обороны Киевской области.

...А в это время сотрудники станции, истинные герои отдавали свои жизни на аварийном блоке.

Брюханов приказал Воробьеву еще раз проверить обстановку. Но тот не подчинился, а отправился с майором Телятниковым за костюмами и противогазами для пожарных — ведь у них не оказалось ни спецзащиты, ни нужных дозиметрических приборов.

По дороге Воробьев доложил заместителю по науке о виденных им кусках графита на территории станции — тот усомнился... В это время пришел главный инженер ЧАЭС Н.М. Фомин и также заявил, что реактор заглушен, а потому и графита никакого быть не может.

Даже в 6 часов 20 минут утра, когда Воробьев доложил Брюханову новые результаты дозразведки, тот не поверил, приказал уйти с АЭС, не паниковать и вообще не появляться на глаза...

Говорят, Брюханов все же распорядился вызвать автобусы для эвакуации припятчан 26 апреля, но услышал из обкома партии окрик “не паниковать” и распоряжение отменил.

“В 7.00 Воробьев вынужден был открытым текстом доложить радиационную обстановку начальнику штаба ГО Киевской области полковнику Корнюшину, который после этого прибыл на АЭС, но никаких решительных действий не предпринял”, — пишет профессионал в области гражданской обороны генерал Н.Д. Тараканов.

...Вот такая информация о создавшейся обстановке ждала членов Правительственной комиссии.

Итак, Токаренко отправил со станции многих, думая, что пострадал только Центральный зал. Узнав, что разгерметизировался и реактор, приказал отправляться по домам и остальным. О себе не думал. Он то ходил, то ездил на своей машине от объекта к объекту, как потом выяснилось, прямо по кускам графита в Припять, в Чернобыль и снова на станцию. Получил дозу около ста бэр (ориентировочно, поскольку дозиметристы и медики обследовать монтажников начали только 29 апреля). Машину пришлось бросить — она оказалась слишком “грязной”. И он долго болел.

... На Чернобыльскую стройку В.П. Токаренко пришел ко времени монтажа первого энергоблока сразу заместителем управляющего трестом с орденами Октябрьской Революции и “Знак Почета”. Аварийный 1986 год добавил к этому ряду орден Ленина.

Родился Владимир Петрович в Мурманске, работать начал с 17 лет слесарем треста “Востокэнергомонтаж” в городе Ангарске, потом учился на токаря, вскоре стал мастером, старшим производителем работ. За всякое дело брался сноровисто, с выдумкой. Но все-таки хотелось поучиться технической грамоте в вузе — и пошел в томский политехнический в таком возрасте, когда его уже заканчивают. Считал, —

учиться никогда не стыдно. Стыдно не знать, не уметь. И позже эту привычку постоянно учиться не бросил, а все стоящее, прогрессивное сразу же употреблял в дело. Еще возглавил общество трезвенников, взялся редактировать стенгазету. Надо ли удивляться, что к В.П. Токаренко с огромным уважением относятся все, кто хоть немного с ним общался. Многие специалисты ЮТЭМа называют его своим Учителем, и не только потому, что ЧАЭС он знает наизусть. Не только Токаренко не смог поступить иначе. Весь ЮТЭМ заслуживает отдельного рассказа, и такой рассказ впереди.

ПЕРВЫЕ ДЕЙСТВИЯ

Многие леса огородили. У въездов в другие установили плакаты: “Граждане! Въезд в лес временно запрещен, использование его даров противопоказано”, “Обочина заражена”, “Запретная зона”. На пляжах: “Купание запрещено” (чтобы не загорали на “грязном” песке).

Военные изучали карты местности и процедуру обследования сел, как боевые операции.

Природа не понимала опасности и продолжала какое-то время жить по своим законам. Кое-где эвакуированные жители вновь вкапывали стволы деревьев с колесами для аистов. Но птицы упрямо оставались на своих старых гнездах и вывели птенцов. Их можно было видеть даже среди бронетранспортеров и у стоящих вертолетов. Пышно цвели и особенно богато плодоносили сады. Но теперь все это воспринималось как противоестественное.

В мае командированные (их было еще относительно немного) размещались в самом городе Чернобыле. Служебных помещений не хватало, оттого теснились, но покинутое жилье не занимали. Например, в общежитии профтехучилища временно разместились инженерные службы. В кабинетах райкома партии — Правительственная комиссия, офисы Минэнерго, Минсредмаша, Минздрава, ИАЭ им. И.В. Курчатова и другие. Ученые — в здании больницы (физикам досталось отделение гинекологии, и они в шутку адресовали друг друга соответственно табличкам на кабинетах).

При выезде из зоны каждое колесо и днище любой машины дозиметристы “ощупывали” своими приборами. Поначалу это отнимало слишком много времени, на постах создавались длиннющие пробки, и в очереди на проверку случалось стоять часа два-три. Поэтому с помощью украинского Института ядерных исследований посты вскоре оснастили усовершенствованной аппаратурой, многократно ускоряющей проверку. Сквозных автошин на киевской дороге практически не было. Через год в зону чистые машины вообще перестали пускать, и многие чернобыльские легковушки, даже рейсовые автобусы с работающими в километровой зоне от поста стали возвращаться обратно, а выезжавшие пассажиры пересаживались в чистые, которые предоставил штаб Минэнерго СССР.

О быте никто не думал, особенно в первое время. Тесноту и неудобства старались не замечать. Все ночевали в г. Припяти не только до начала эвакуации населения 27 апреля, но и несколько дней позже. Когда реальная опасность для здоровья стала очевидной всем, Правительственная комиссия и управленческие штабы эксплуатационников и энергостроителей все еще работали в Припяти. Видимо, им, до предела занятым решением насущных крупномасштабных проблем, просто в голову не приходило заботиться о собственном здоровье. Правда, 29 апреля большинство уже ночевало в с. Полесском, а высшие чины — в с. Иванково, за пределами 30-километровой зоны.

Многих, впервые приезжавших в те дни в Чернобыль, поражали порядок, высокий уровень организованности и абсолютное отсутствие паники. А ведь масштабы трагедии уже были в достаточной мере известны. Экстремальные ситуации, конечно, высвечивают, кто есть кто. Обстановка была до такой степени серьезной, что просто не оставляла ненужных, суетливых или малодушных — им предлагали уехать или они к этому приходили сами. В Чернобыле только работали. Без счета времени. До изнеможения. Вдохновенно. Самоотверженно.

В первые дни единственным средством борьбы с радиацией был йодистый калий, который теперь все получали в обязательном порядке для защиты щитовидной железы.

Он очень помог. Действительно, радиоактивный йод на первых порах представлял наибольшую опасность для организма. А обычный йод заблаговременно наполнял щитовидную железу, не оставляя места для радиоактивного изотопа.

В с. Иванково члены Правительственной комиссии нередко приезжали только в 3-4 часа утра. В гостинице их ждали с горячим бульоном и другой питательной и вкусной пищей. Молодых поварих набрали из профтехучилищ. Они старались готовить очень хорошо, и это им удавалось. А в 8 утра в г. Чернобыле уже начиналась работа Правительственной комиссии и всех остальных служб.

О регалиях никто не думал. Члены Правительственной комиссии, вообще руководители, могли узнавать друг друга только в лицо: вскоре обычную гражданскую одежду сменила защитная хлопчатобумажная типа спортивных “штормовок”, просто стандартная рабочая, иногда — “афганки”, которые в тот период еще были редкостью и привилегией. Даже на генералах не было погон. Обычное хлопчатобумажное солдатское белье в зимнем варианте. Все это носили, несмотря на 30-градусную жару: радиация. По сути, так была одета вся чернобыльская зона. В первую неделю, возможно, декаду, то есть в самое страшное время, марлевых “лепестков” для защиты органов дыхания еще ни у кого не было, в том числе и у членов Правительственной комиссии. Говорят, их защищающая способность составляет 99,9%, то есть более высока, чем у мощных респираторов, которые в зоне образно называли “свиное рыло”.

Радиация не чувствуется, не имеет ни вкуса, ни запаха, ни цвета. Но предательски на первых порах возбуждает, так что иногда ни с того ни с сего вдруг хочется улыбаться, быть деятельным. Через несколько часов (или дней, в зависимости от полученной индивидуальной дозы облучения) эйфория сменяется невероятной усталостью. Но работать все равно надо, и люди работают. Молча.

И только в сосредоточенных глазах членов Правительственной комиссии нет ни тени улыбки. Они внешне спокойны, деловиты, немногословны, хотя в действительности проблем “больше потребности”. Задания отдают кратко и ясно.

Сегодня сказанное может показаться излишне парадным, торжественным. Но оно — буквально. Была поставлена на карту судьба не только станции, даже не 30-километровой зоны или Киевской области. Здесь в определенном аспекте решались и судьбы мира: посреди густонаселенной Европы — этакое чудовище.

Нужно было срочно, одновременно и притом впервые в мире (!) решить ряд труднейших вопросов: как обезопасить окружающие территории от дальнейшего радиоактивного загрязнения; как защитить работающих непосредственно внутри и на территории АЭС; как усмирить этого взбунтовавшегося и разъяренного зверя — четвертый реактор Чернобыльской АЭС; как изолировать его от окружающего мира; что делать с остальными энергоблоками (они не повреждены, надежны, работоспособны, но в разной степени радиоактивно загрязнены)?.. В первые дни даже под присягой никто не смог бы утверждать, что реактор не взорвется еще раз. Но это последнее члены Правительственной комиссии и причастные к делу физики упрятали глубоко в своем сердце, не отвлекаясь на эмоции — они искали разгадку реакторной тайны и надежное оружие для борьбы с его вздорным характером.

Ситуация экстремальная. Решения принимают мгновенно. И они должны быть единственно правильными. Многие, случалось, еще несколько часов назад незнакомые люди теперь должны немедленно объединить свой интеллект, свои физические и моральные силы... Общая, очень тяжелая ноша сблизила людей. Сделала добрее, покладистее. Амбиции стали бессмысленны. Начальственные окрики — излишни. Бюрократические проволочки и согласования воспринимались бы как проявление дикости, анахронизма, непонятливости.

Люди почувствовали себя близкими друг другу, словно члены одной семьи. Это чувство и теперь дорого каждому работавшему в чернобыльской зоне в 1986 г. и накатывает теплым валом при встрече даже незнакомых людей. Мне могут возразить, что, бывало, доказывали приоритетность “моей” идеи, технологии просто из тщеславия и т. п. Да, бывало иногда. Но я описываю общую, характерную картину.

А вот как это начиналось...

По ночной дороге из Киева в Припятъ мчалась машина заместителя Министра энергетики и электрификации Украины В.М. Семенюка. Он прибыл из Киева на Чернобыльскую АЭС первым из руководителей отрасли, быстро оценил ситуацию. Для него, опытного энергетика, сразу стало очевидным: нужно в любом случае обеспечить города Припятъ и Чернобыль электроэнергией — ведь на атомной станции придется остановить на время и “здоровые” агрегаты. Это дело для Вилена Мироновича было привычным — ведь до работы в министерстве он был главным инженером районного управления Львовэнерго, генеральным директором Киевэнерго.

В.М. Семенюк возглавил первый оперативный штаб по ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС.

В московской квартире заместителя командующего Гражданской обороны (ГО) СССР генерал-полковника Б.П. Иванова телефонный звонок раздался в 3.45 утра — звонил дежурный штаба ГО СССР. Не зная подробностей аварии, доложил, что взорвалась газобаллонная система, вызвавшая пожар на четвертом энергоблоке... Через несколько минут штабной УАЗик уже мчался по Москве. С этого момента началась работа военных по ликвидации аварии.

Заместитель Министра Минэнерго СССР, отвечавший за атомную энергетику Г.А. Шашарин 25 апреля отдыхал в Крыму и Ялте, когда около трех часов ночи ему сообщили об аварии, не объяснив истинных ее масштабов, а на его расспросы ответили, что реактор цел и контролируется. Тем не менее, Г.А. Шашарин утром вылетел в Москву, а в 12.30 он уже был в Киеве и еще через час в Припяти. С ним ехали из Киева заместитель председателя Совета Министров Украины А.Ф. Николаев, Министр энергетики и электрификации Украины В.Ф. Скляр. Утром 26 апреля встретивший “своих” начальник Управления строительства ЧАЭС В.Т. Кизима сам сидел за рулем: Г.А. Шашарина, В. В. Марьина и некоторых других приехавших с аэродрома он повез прямо на станцию. Они увидели разбросанный на земле графит и багровое сияние над реактором. Личных дозиметров у них не было. Вероятно, о приборах в тот момент просто не думали.

В 10 утра 26 апреля в Минэнерго зашел за корреспонденцией заместитель Министра А.Н. Семенов — до окончания его отпуска оставалось два дня. Министр А.И. Майорец спокойным голосом предложил ему вылететь на Чернобыльскую АЭС. Александр Семенович согласился и спросил, когда лететь — “через час-полтора”, вылетали через два часа. Практически все в министерстве так уезжали в те дни на ЧАЭС, и всем это предлагали нарочито спокойным голосом.

Почти одновременно прибыл Первый заместитель Министра Минэнерго СССР С.И. Садовский, чуть позже заместитель Министра здравоохранения СССР Е.И. Воробьев и заместитель начальника III главного управления Минздрава СССР Е.Д. Туровский, заместитель командующего ГО страны генерал-полковник Б.П. Иванов, заместитель командующего Киевским военным округом генерал-лейтенант Н.Т. Антошкин, Министр энергетики и электрификации СССР И.А. Майорец, заместитель заведующего отделом топлива и энергетики ЦК КПСС В.В. Марьин, секретарь Киевского обкома КПСС, начальники строительных и монтажных объединений Минэнерго СССР, ведущие ученые.

Правительственная комиссия

Обсуждается этап сооружения «Саркофага».

Всем было очевидно, что справиться с бедой необходимо как можно быстрее.

Днем 26 апреля была образована Правительственная комиссия. В нее вошли министры и заместители министров энергетики, Средмаша, Минздрава и крупные специалисты. В тот же день вечером прилетел заместитель председателя Совмина СССР, глава бюро Совмина по топливно-энергетическому комплексу и кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС Б.Е. Щербина. Он возглавил комиссию. Его заместителем стал Ю.К. Семенов (в скором будущем — министр энергетики и электрификации СССР, академик).

Борис Евдокимович одобрил и предварительную работу, и четкое распределение обязанностей. Он почему-то потребовал от присутствовавших подписания акта с перечнем ничтожно малых причин, в комплексе приведших к аварии. Этот акт подписали все, кроме Шашарина и Абагына.

Было установлено круглосуточное дежурство ответственных работников. Первыми дежурными в ночь с 26 на 27 апреля от Минэнерго Б.Е. Щербина назначил А.Н. Семенова, а также начальника химических войск Минобороны СССР генерал-полковника В.К. Пикалова. Они разместились в кабинете первого секретаря Припятского горкома партии, в других помещениях — их помощники.

Первая же Правительственная комиссия наметила основные мероприятия. Следующая комиссия под председательством И.С. Силаева уточнила “планы Силаева”. В конце мая и начале июня эти мероприятия были положены в основу программы работ, утвержденной постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР. Впоследствии сроки уточнялись, но цели оставались прежними. Первые протоколы комиссии вел В.Ф. Складов.

Первое время председатель Правительственной комиссии ежедневно лично проводил первое заседание в 8.00 и второе в 22.00. К концу лета 86-го второе заседание стало проходить в 20.00, и так — годы.

Основные работы были возложены на Минэнерго как на заказчика и генподрядчика. Но сил одной этой отрасли явно не могло хватить, поэтому привлекались также силы Минсредмаша, Минуглепрома, Минмонтажспецстроя, военных и т. д. Одновременно от Минэнерго СССР в Чернобыле работало по два замминистра: А.Н. Семенов, С.И. Садовский, Н.А. Лопатин, Г.А. Шашарин, В.А. Лукин, В.Н. Кондратенко, М.В. Борисов, начальник Союзатомэнерго Г.А. Веретенников. Стилль работы был таков: А.Н. Семенова Щербина назначил председателем рабочей строительной подкомиссии по подготовке программы и плана консервации четвертого энергоблока, с почасовыми сроками исполнения. Например, по этому плану с 11 мая до 20.00 ч 12 мая предстояло выполнить такой объем работ, на который в обычных условиях требовалось бы полгода. Всего же подкомиссий было семь.

29 апреля по предложению М.С. Горбачева была образована и в тот же день приступила к работе Оперативная группа Политбюро ЦК КПСС по вопросам, связанным с ликвидацией последствий аварии на Чернобыльской АЭС. Ее возглавил Председатель Совета Министров СССР и член Политбюро Н.И. Рыжков. В ее составе были высокие представители Совмина, Политбюро, КГБ, Министры обороны и внутренних дел. Судя по персональному раскладу, и здесь всей хозяйственной, производственной деятельностью занимались, в основном, именно хозяйственники Я производственники. До того они участвовали в формировании Правительственной комиссии. Собрали практически мгновенно, Я все пыталась понять, кто кому подчинялся и зачем такое дублирование. Оказывается, Правительственная комиссия отчитывалась перед Оперативной группой, которая по замыслу должна была ей помогать.

Вроде бы группе отводилась роль кормчего, но одновременно это был и погоняльщик. Живя в рыночной системе, это понять трудно. Но не стоило бы также забывать, что

практически во всех промышленно-развитых странах в разных масштабах государственное хозяйственное планирование стало осуществляться на базе опыта первых пятилеток СССР, хотя ведущими в повседневной экономике там оставались рыночные отношения. Они и диктуют правила поведения. При стопроцентном планировании, как это было в СССР, вероятно, без вдохновителя, погоняльщика и контролера на деле обойтись было бы трудно, хотя при этом ЦК КПСС формально считался лишь идеологическим руководителем народных масс. Оба способа экономических отношений далеки от идеала, хотя рынок, вероятно, на сегодня предпочтительнее. До оптимального решения человечество еще не доросло.

Толстенную папку протоколов заседаний оперативной группы ПК показал мне ее зампредседатель В.В. Марьин, кстати сказать, весьма широко образованный и компетентный в вопросах электроэнергетики и ядерной физики специалист. На каждом протоколе — гриф “Совершенно секретно”.

Описываемые события для многих теперь — мало понятная история. Поэтому уместно коснуться довольно щекотливой по нынешним понятиям темы — роли ЦК КПСС в постчернобыльских событиях. Это — часть нашей истории, объективная реальность. Смысл деятельности ЦК КПСС — не наша тема. Однако никто не оспорит тот факт, что без его участия не решалось в нашей стране ни одно крупномасштабное дело. Хорошо это или плохо — вопрос отдельный, не стоит отвлекаться на комментарии. Просто констатируем: так в СССР сложилось.

Среди работников ЦК КПСС были люди плохие и хорошие, слабо компетентные в практических вопросах и весьма хорошо подготовленные, технически грамотные специалисты. Последние, как правило, были представителями среднего и низшего звена этого органа власти, практически курировали деятельность различных отраслей и ничего не решали в высоких сферах власти. Большинство из них было отозвано в ЦК с руководящих производственных постов “по зову партии” и “ради улучшения благосостояния советского народа”. Большинство искренне верило в целесообразность своей деятельности, заботилось о благе Отечества: кому-то помогали договориться, кого-то поторапливали, кому-то давали директивы. В тех условиях нередко действительно помогали делу, потому что многие начальники разных рангов вне ЦК КПСС верили в его всеисие и побаивались ослушаться, поскольку в таком случае несложно в одночасье и кресла лишиться. А главное — все равно взамен найдут покладистого. На самом деле не все команды выполнялись, но этого никто не рекламировал. Весь ЦК, в свою очередь, исполнял команды Политбюро и Генерального секретаря.

На протоколах оперативной группы указывали гриф “совершенно секретно”. Но ради собственного престижа и для пользы дела именно эту его работу ЦК КПСС политически выгодно было бы пропагандировать, а не скрывать. Я прочла все протоколы и убедилась, что эта группа вела себя вполне достойно. По рекомендации Правительственной комиссии сразу были обозначены обоснованные, крупномасштабные и своевременные задачи. Практические действия по их осуществлению также по представлению Правительственной комиссии обсуждались, принимались и контролировались первые месяцы почти ежедневно.

Вероятно, да и без сомнения, Правительственная комиссия справилась бы и без опекуна. Но реализовать ее решения оперативная группа действительно часто помогала. Например, свинец не отдавал председатель Курского обкома партии: нужен местному аккумуляторному заводу. Марьин позвонил Копчинскому, он — секретарю Курского обкома: “Либо вы отгрузите, либо сами поедете в этом вагоне со свинцом экспедитором”. — И вопрос сразу решился. Разумеется, никто бы не стал заставлять человека идти на неинтересную для него работу. Но лишиться должности — пара

пустяков. И можно найти на это место более послушного. Такой стиль “руководства” очень крупных начальников по отношению к чуть менее крупным был, увы, весьма распространен.

Всю работу Оперативная группа сразу распределила между пятью подгруппами:

- а) определение причин аварии и обеспечение работоспособности неповрежденных трех энергоблоков;
- б) подготовка аварийно-восстановительных работ, техника;
- в) радиационная разведка и радиационная безопасность;
- г) эвакуация населения;
- д) материально-техническое обеспечение.

— Все идет организовано. Достаточно одного телефонного звонка — и решение принято, — вспоминает академик Е.П. Велихов. — Раньше на согласование уходили месяцы, а теперь достаточно ночи, чтобы решить практически любую проблему. Нет ни одного человека, кто бы отказывался от работы. Все действуют самоотверженно.

Но... попробуем по порядку. Правительственная комиссия лишь через час по приезду имела достаточные сведения о радиационной обстановке. Вначале все были убеждены, что реактор цел, а обрушилась только кровля центрального зала. Возможно, факт взрыва самого реактора и у них не укладывался в голове: “этого не может быть, потому что не может быть никогда”. Даже академик Велихов в первый момент этому поверил и убедился в обратном только после того, как пролетел над ним на вертолете и заглянул в жерло этого вулкана. Но и снаружи реакторное отделение четвертого энергоблока станции производило ошеломляющее впечатление, особенно бросались в глаза сиявшие желтой краской оголенные главные циркуляционные насосы. Реакторного отделения практически не существовало. Над завалом торчала верхняя плита самого реактора. Тягостное, щемящее чувство охватывало каждого.

И первые часы реактор как бы дышал: дым, пар. Сначала — сплошное красное свечение, потом с интервалом 10 сек. — белые и голубые вспышки. И сегодня никто не может сказать, что это было.

— Многие участники работ по ликвидации последствий аварии в первые дни не представляли полной опасности, которой они подвергались, приближаясь к горящему реактору. Вблизи него велись наблюдения за пожаром, осуществлялись полеты над энергоблоком на необорудованных радиационной защитой вертолетах, люди длительное время находились на “грязных” площадках энергоблока, — вспоминает замминистра Минэнерго СССР А.Н. Семенов, — Печально, но факт, что специалисты, ученые-атомщики, работавшие в Правительственной комиссии, первоначально считали, что аварию можно ликвидировать “малой кровью”. В течение нескольких дней сами члены Правительственной комиссии не имели ни индивидуальных приборов, фиксирующих уровень радиации, ни специальных таблеток, снижающих уровень насыщения организма радиоактивным йодом, ни спецодежды и других защитных средств.

Через сутки после взрыва ученые уже знали, что реактор отравлен ксеноном, что процесс отравления заканчивался и, следовательно, могла произойти самопроизвольная цепная реакция. Поэтому в течение нескольких дней после утра 27 апреля все высшие руководители словно сидели на пороховой бочке.

До середины мая ученые — высококвалифицированные и умные люди не имели достаточного представления о том, что происходит с реактором и какие меры следует принимать в ближайшем будущем: нет опыта, впервые в мире. Они предпринимали в целом оправданные действия, энергично пытались применять самые современные отечественные и иностранные средства диагностики. Но все-таки Чернобыльская катастрофа по своим проявлениям существенно отличалась от эффекта ядерных

испытаний и взрывов на ядерных хранилищах. Задачу решил союз гражданских и военных ученых.

Особенно ценный и полезный вклад на первых этапах внесли кавторанги — морские капитаны второго ранга, облаченные в черную форму, из-за чего их между собой порою называли “черные полковники”. Это — специалисты с большим опытом работы при испытаниях ядерного оружия. Они были исполнителями и участниками программы “Игла”, измерений в трубных проходах водных коммуникаций (сливной и напорный коллектор СУЗ), установке системы диагностики в вентиляционной трубе.

Группы военных специалистов “четверками” менялись каждые 15 дней. Всех не перечислишь, неформальными же руководителями были Б.В. Казанцев, К.Г. Васильев, Ю.М. Бахтин, В. Пестряков, Титов (надеюсь, они простят мне неполное знание их имен — возможности не было уточнить).

Они приехали в Чернобыль по-хозяйски, как на обыденную работу.

Их главная особенность — высочайший профессионализм, навык работы в условиях высоких уровней радиации, помноженный на смелость, желание принести максимум пользы. Причитающиеся им “дозы” они планировали так, чтобы получить поровну и равномерно. “И техника не подвела ни разу, — рассказывает В.Ф. Шикалов. — С ее помощью была определена обстановка в самых “горячих” местах разрушенного энергоблока”.

Под стать этим морякам в тот период были только разведчики из Института атомной энергии, ИАЭ им. И.В. Курчатова (о них расскажем многое) и сотрудники Института ядерных исследований Украинской Академии наук (руководители Ю.Л. Цоглин и А.А. Ключников).

Прежде всего, предстояло оконтурить места предполагаемого нахождения топлива внутри здания четвертого энергоблока, в значительной мере недоступные для осмотра из-за повышенной радиации. Составили картограмму, на которой помещения разделили на доступные (зеленые), ограниченной доступности (желтые), недоступные (красные) и просматриваемые только дистанционно (черные). В итоге уже в июле можно было обвести на картограмме контуры помещений, содержащих остатки топлива в значительных количествах.

Эту картограмму выполняла большая группа дозиметристов, для которых заранее определили все маршруты. Некоторые коридоры были радиоактивно грязны настолько, что дозиметристу разрешалось только промчаться бегом. Но при этом за несколько секунд он набирал свою дозу, должен был уйти с четвертого энергоблока и больше там не появляться.

С высотой обстановка была страшнее. План помещений двенадцатой отметки выглядит ярким пестрым ковром с преобладанием оранжевых и красных тонов.

Физики знали, что Шашенок умер от ожогов. Но также знали и то, что работал он в 605-м помещении, что его вывели или вынесли оттуда. Следовательно, из этого помещения есть возможность выйти. “Дорогой Шашенка” физики пользовались неоднократно. Это помещение находится на отметке 24.00. Здесь находятся выводы всех датчиков системы контроля КИП (контрольно-измерительных приборов), часть которых могла сохраниться и послужить после аварии для исследований. В. Шикалов и другие разведчики из Курчатовского института дошли до 602-й комнаты, но дальше путь преградила тяжелая радиационная обстановка. Г. Городецкий и С. Корягин на длинной веревке вдоль по коридору забросили дозиметры — ясно, что работать там невозможно... Рисковать или не рисковать? Лезть дальше? Эту работу пришлось отложить на два года. В 1988 г. после тщательной подготовки уже другая группа специалистов из ИАЭ прошла путь до 605-го помещения и выполнила программу измерений. Но прежде путь пришлось расчищать. И только после этого приборы

удалось подсоединить к выводам датчиков. Однако вскоре выяснилось, что сами датчики давно вышли из строя: по-видимому, подводы к ним оборваны обрушившимися конструкциями. Ясно, что в 86-м рисковать не стоило.

Но нет худа без добра. Это помещение почти точно находится против центра реактора. Только реактора теперь уже нет. Из этого помещения буром пробурили отверстие, ввели туда перископ. И... убедились, что топлива в реакторе уже почти нет, а его нижняя опора опустилась вниз. Это — через два года после аварии. Прежде физики ИАЭ еще предполагали, что в шахте реактора сохранилась часть активной зоны.

То же рассказал мне сотрудник комплексной экспедиции Института атомной энергии им. И.В. Курчатова В.Д. Попов: “Мы только в 1988 г. визуально смогли определить, что реактора как такового действительно нет — пусто. То, что мы видели сверху, на снимках, создавало видимость того, что там, под верхней крышкой, то есть под схемой “Е”, что-то все-таки есть. В действительности под ней аппарата как такового практически нет. Графит сгорел или сублимировался...” Попов — сотрудник одного из украинских физических институтов. Всех объединила комплексная экспедиция. Оценками этих ведущих ученых страны следовало бы шире пользоваться при выборе практических мер в Чернобыле. В действительности курчатовцам порой “в кармане” привозили информацию знакомые из Минсредмаша. На основе этих данных они производили расчеты, докладывали выводы и рекомендации своему замдиректора института по науке В.А. Легасову. Но обратной связи, то есть ответной реакции нередко не получали.

Правда, значительную часть топлива обнаружили вне реактора, в помещениях разрушенного здания довольно скоро. Но сколько его там?

Определили и топологию (направление распространения) аварии в помещениях четвертого энергоблока. Разведка дала несколько интересных косвенных результатов. Так, следы застывшей копоты на перилах лестниц от летевшей теплоизоляции показывали направление теплового выброса и вообще ход распространения пожара. Взятые же пробы дали первую информацию о физико-химических характеристиках топливных частиц. В частности, предположили, что тяжелые откатные двери, закрывающие помещение №305 (непосредственно под реактором), были сорваны во время взрыва, а через образовавшиеся проемы идет подсос воздуха и шахту реактора. Позднее предположение подтвердилось.

С непривычным обстоятельством столкнулись исследователи: защититься от мощной радиации можно только хорошей одеждой и минимизацией времени пребывания во вредных условиях. Разведчики привыкли защищаться расстоянием (активность точечных источников убывает пропорционально квадрату расстояния). Здесь же “светило” отовсюду. Оказалось, что для передышки пригодны только мелкие помещения, например, облюбованная В.Д. Письменным женская бытовочка на одного человека — вероятно, комната уборщицы, с сентиментальными картинками на стенах, чайником, зеркальцем — этакая маленькая келья. Разведчики ее многократно использовали как перевалочную точку.

Хороша ли “Столичная” от стронция? Минздрав категорически против, разведчики — безусловно “за”, но без рекламы, незаметно. Руководители считали, что “если человек думает, что ему это хорошо, то само сознание способно помочь”, ведь речь идет о защитных силах организма. А у разведчиков настроение определяет половину успеха. Пожалуй, лучше них никто не понимал реальную опасность такой работы. И полученные нагрузки они учитывали в основном благодаря собственным знаниям о своих “дозах”.

То была смелость, сложенная с разумом. Бесшабашности не было ни у кого. Перед каждым проходом формулировали задачу: “что узнаем?” и “надо ли за это платить

бэрами?” Позднее они, например, не одобряли сам факт водружения знамени на венттрубу, хотя к исполнителям относились как к героям.

...События происходили так стремительно и притом многопланово, что для создания целостной картины часто приходится забегать вперед или возвращаться.

В первые же часы по приезду члены Правительственной комиссии поняли, что понадобятся глина, бор, свинец, доломит и дали команду подготовить их к отправке — этим занимались строители и монтажники Минэнерго: надо было найти подходящие месторождения, придумать, как затаривать материалы. Сначала использовали мешки. Потом летчики предложили загружать перевернутые парашюты и подвешивать их под вертолетом.

В г. Припяти с крыши здания горкома партии хорошо просматривался четвертый энергоблок. С этой крыши были прекрасно видны и труба, и вертолеты. В. Марьин рассказывает, что оттуда диспетчер по рации командовал летчику, когда сбрасывать груз: когда с позиции диспетчера нос вертолета поравняется с трубой. Но был диспетчер и на самой станции. Марьин тогда предложил Щербине поручить военным сделать с этой крыши кинофильм, что они и осуществили. Появилась возможность детально изучать процессы над реактором и вертолетную эпопею. Аппаратуру дал академик Патон, у нее была большая разрешающая способность. Ради съемок летали также Е.И. Игнатенко и сотрудник КГБ. Останавливая киноленту, можно разглядеть завал, плиту “Е”, горящий графит...

Приезд в Чернобыль Н.И. Рыжкова и Е.К. Лигачева 2 мая имел большое практическое значение. Они провели совещание в здании Чернобыльского райкома партии. По докладам специалистов оценили обстановку: произошла крупномасштабная авария, которая будет иметь очень долговременные последствия; предстоят работы очень большого объема. Была подключена практически вся промышленность Советского Союза.

Вместе с Рыжковым, естественно, приехали и высшие партийные чины Украины. Правда, компетентные люди говорят, что больше этих высоких товарищей в Чернобыле не видели. В г. Чернобыле после аварии функционировал Припятский горком КПСС. Он помогал в практических хозяйственных вопросах. Я надеялась, что комиссары организовали и сбор информации о лучших ликвидаторах — это их прямая обязанность. Попросила поделиться. И была очень удивлена, узнав, что НИКТО такую информацию не собирал... Вообще никто не собирал информацию с целью воссоздания истории работ в 30-километровой зоне ЧАЭС. Вероятно, на это не было времени.

Правительственная комиссия стала конкретным управленческим механизмом той огромной государственной работы, которая проходила под общим руководством Оперативной группы Политбюро ЦК КПСС. “Я не знаю ни одного даже мелкого события, которое бы не было в поле зрения Оперативной группы Политбюро, — писал академик В.А. Легасов, — Должен сказать, что ее заседания, ее решения носили очень спокойный, сдержанный характер, с максимальным стремлением опереться на точки зрения специалистов, но всячески их сопоставляя. Для меня это был образец правильно организованной работы”.

Здесь рассматривали конкретные меры по локализации развития аварии, ликвидации последствий радиоактивного загрязнения территорий, размещению и трудоустройству эвакуированных из опасных зон людей, организации медико-санитарных мероприятий, по охране здоровья населения и др. Кстати сказать, именно три последних мероприятия выполнялись на практике плохо и бездушно, о чем и доложено было В.И. Долгих, Политбюро и правительству. На одном из заседаний Оперативной группы обсуждался даже вопрос о весьма плохом исполнении директивы относительно разъяснительной работы среди населения по правилам поведения, использованию продуктов питания и

др. Видимо, местные власти сочли, что это — не столь важно на фоне грандиозной эпопеи войны с радиацией. По предложению Оперативной группы в пострадавшие районы были дополнительно направлены пять военных медицинских батальонов; там работали более 600 врачебных бригад Минздрава СССР, специалисты из многих клиник Москвы и других городов. Благодаря им удалось в короткие сроки обследовать более миллиона жителей пострадавших районов и участников работ по ликвидации последствий аварии. Но было отмечено, что Минздрав Украины ошибся в оценке радиационной обстановки, а его немотивированные поспешные действия и рекомендации создали панику среди части населения Киева. По заключению экспертов Минздрава СССР, за несколько первых послеаварийных дней индивидуальная доза облучения в Киеве не превышала 0,1 бэр, это немного. Запомним этот факт. Он получил далеко идущее развитие. Уже 5 мая стали поступать импортные медикаменты, было решено принять предложение видных зарубежных специалистов по лечению лучевых заболеваний. Многие в то время еще было неясным как нам, так и в мире. Поэтому группа решила организовать в Киеве Всесоюзный центр радиационной медицины, в состав которого входили научные и клинические институты. Было решено ввести всеобщее диспансерное наблюдение и научные исследования жителей пострадавших районов, оставить государственный Регистр, а медикам поручили тщательно вести документацию. Однако в этом Минздрав проявил "инициативу", но об этом — позднее, во втором томе.

Оперативная группа ЦК КПСС обсуждала с Правительственной комиссией, учеными и утверждала программу действий по умирению горящего реактора, бетонированию завалов, сооружению подземной плиты под реактором, его захоронению. Решения, как команды, передавали министрам соответствующих отраслей. Время показало, что решения были выбраны в основном верные.

Особо интересными кажутся решения, связанные с оперативными и долгосрочными мерами в атомной энергетике. На одном из первых же заседаний оперативной группы рассматривали вопрос о реализации срочных мер по повышению безопасности не только Чернобыльской, но и всех других атомных станций нашей страны. А 4 июня 86-го года группа заслушала доклады министра энергетики и электрификации А.И. Майорца и министра среднего машиностроения Е.П. Славского о принимаемых мерах, причем деятельность этих министерств была признана неудовлетворительной, а необходимость соответствующего высокого Постановления о неотложных мерах — жизненно важной.

Хотелось бы в этой связи заметить, что чернобыльская эпопея во всем отличалась категоричностью решений и сверхсрочностью исполнения, совершенно немислимых в мирных условиях.

Приняли и предложение В.И. Долгих о необходимости разработать перечень важнейших проблем долгосрочного характера. Для его подготовки Отдел тяжелой промышленности и энергетики ЦК привлек многих ученых и специалистов. Программу представили 12 июня 1986 г. Предусматривались оснащение АЭС самыми современными комплексами диагностической аппаратуры на основе ЭВМ, разработка АСУ ТП для АЭС, организация производства специальных пищевых продуктов и концентратов, повышающих устойчивость человеческого организма к действию ионизирующего излучения. Программу как рекомендацию направили в Правительственную комиссию для использования при подготовке директивных документов.

На постоянном контроле группы был ход расследования причин аварии на ЧАЭС. Интересно, что в постановлении ЦК КПСС уже 14 июля 1986 г. в качестве первостепенных причин аварии назывались не ошибки персонала, а в целом

безответственность и халатное отношение руководителей Минэнерго, Минсредмаша, Госатомэнергонадзора и самой электростанции к вопросам ядерной безопасности; низкая требовательность к кадрам за соблюдение строжайшей дисциплины и порядка в эксплуатации реакторных установок, отставание по ряду проблем научных исследований и, “разумеется”, неудовлетворительное выполнение решений партии и правительства по обеспечению высокой надежности работы АЭС. В постановлении подчеркивалось, что авария на ЧАЭС — это серьезный урок, из которого государственные, хозяйственные, партийные и советские органы должны сделать исчерпывающие выводы. Надеюсь, что косвенно этой разумной задаче служит и данная книга, хоть она и не имеет никакого отношения к ЦК КПСС.

Тогда уже было отмечено, что утверждения руководителей Минсредмаша и Академии Наук СССР об абсолютной надежности действующих реакторов на АЭС не соответствуют действительности, а меры на случай аварийной ситуации — недооценены; министерства, ведомства, местные власти к ликвидации последствий подобных аварий подготовлены слабо, а Гражданская оборона и радиационная медицина нуждаются в укреплении.

Вскоре были созданы Министерство по атомной энергии и новый Госатомэнергонадзор. Обсуждали необходимость постепенного выведения из эксплуатации энергоблоков, выработавших ресурс (этот процесс уже начал осуществляться), создания реакторов нового поколения. А в качестве оперативных мер группа рассматривала возможность пуска энергоблоков №1 и 2, а затем и №3 на ЧАЭС.

И сейчас можно услышать заявления о тайнах вокруг чернобыльской катастрофы. Широко расползлась даже такая, при здравом размышлении, безумная версия: полную и достоверную информацию власти-де передают МАГАТЭ, за рубеж. А для внутреннего пользования предлагают ограничиться сильно урезанной, бодренькой, оптимистичной. Кстати, у этой версии есть реальные истоки, пусть и в “прошлом” времени. Например, о состоянии здоровья академика Ландау после автомобильной катастрофы мир оповещали довольно подробно. Народ же собственной страны такой чести не удостоивали.

В данном случае не было смысла скрывать практически ничего, кроме опасений физиков: в первые дни они не могли поручиться, что не произойдет новый взрыв и, следовательно, мощный выброс. Но опасения — еще не факт. В такой ситуации действительно незачем понапрасну пугать людей. Другое дело — официальная засекреченность всех работ в зоне. На мой вопрос: “зачем?” ответили, что намерены сохранить отечественные “ноу-хау”, наработанные в Чернобыле, надеясь их в будущем продать. Видимо, поэтому, “для ясности”, засекретили абсолютно все, включая суть обсуждения принимаемых мер.

Какой-то “умник” догадался ставить такой гриф даже на рекомендациях населению о том, как себя вести в условиях радиации, как вести сельское хозяйство. Я видела листовки-рекомендации, разработанные учеными-аграриями до 1986 г. — без грифа — и похожие постчернобыльские — с грифом. Была ли на это команда? Сомневаюсь. Скорее — это чья-то “инициатива”. В 1989 г. все рассекретили.

Уже 1 мая 1986 г. оперативная комиссия ЦК приняла решение о целесообразности организации пресс-конференции с иностранными журналистами, которая и была проведена через 5 дней в Москве. Были проведены беседы с послами всех заинтересованных стран. Решили пригласить Генерального директора МАГАТЭ Х.Бликса. О факте аварии он был информирован в первые же дни, вскоре по приглашению Правительства СССР он прибыл в нашу страну, а затем регулярно получал нужную ему информацию.

Но я сама тогда и в последующее время неоднократно сталкивалась с фактами грубой фальсификации событий, исходящих от работников бывшего Минсредмаша и

руководителей Минздрава СССР: преуменьшаются собственная вина, потери от катастрофы, и приукрашивается собственная роль. Забавно, что этому верят многие атомщики, не связанные непосредственно с РБМК.

В мае же были приняты решения о приобретении за границей лекарств, а также оборудования и техники. Лишь Финляндия, Швеция, Италия, Франция, ФРГ и Япония охотно согласились на такие поставки. Остальные страны пытались применить эмбарго, им пришлось многое объяснять. В итоге, в частности, было налажено долгосрочное сотрудничество с американской фирмой “Вестингауз”. Создать благоприятную, деловую обстановку на таких совещаниях позволила подготовительная работа, проведенная отечественными специалистами и учеными во главе с академиком Легасовым. Наша страна вышла на арену широкого международного сотрудничества в области безопасности атомной энергетики.

Как уже говорилось, большинство вопросов принципиального и оперативного характера рассматривались по предложению Правительственной комиссии. Оперативная группа их детально обсуждала и практически все утверждала. Затем решения приобретали особую силу от имени ЦК КПСС, что придавало им как бы характер директив. Постепенно наибольшую часть вопросов Правительственная комиссия стала решать на месте. В г. Чернобыле для нее построили небольшое двухэтажное здание, куда приезжали ведущие руководители комиссии, а постоянно в течение нескольких лет жил и работал глава оперативной группы Правительственной комиссии В.Я. Возняк (позднее заместитель министра по чрезвычайным ситуациям РФ).

В середине января 1988 г. деятельность оперативной группы ЦК КПСС была положительно оценена и в связи с выполнением поставленной перед нею задачи — расформирована. Контроль и координацию работ по ликвидации последствий аварии на ЧАЭС стало полностью осуществлять Бюро Совета Министров СССР по топливно-энергетическому комплексу, а позднее — Государственная комиссия Совета Министров СССР по чрезвычайным ситуациям и, наконец, созданное на его базе Министерство по чрезвычайным ситуациям РФ — в части, касающейся теперь лишь России, а не всего бывшего СССР.

В Постановлении ЦК КПСС от 14 января 1988 г. в качестве первоочередной задачи всех министерств и ведомств, партийных и хозяйственных органов называлась постоянная забота об охране здоровья работающих и проживающих в районах, пострадавших от аварии на Чернобыльской АЭС, о создании им надлежащих жилищных и бытовых условий, снабжении продуктами питания. Особо подчеркивалось, что дальнейшее развитие атомной энергетики и ее топливного цикла должно базироваться на качественно новой технической основе, высоконадежных конструкторских решениях, обеспечивающих повышенную безопасность атомных станций. Были даны и соответствующие поручения хозяйственным органам, поставлены задачи по организационному укреплению и улучшению руководства атомной энергетикой и развитию более широкого международного сотрудничества в этой области.

Как говорится, ваши бы слова да Богу в уши. Сделано, действительно, колоссально много. Но решения ЦК КПСС не были элементом непосредственной практической работы Госплана и Минфина СССР. Несмотря на их действительно грозный характер, они нередко оставались декларацией, поскольку финансовое и материальное обеспечение распределялось вообще по отраслям и хозяйственным программам — сколько достанется. Нечего удивляться — даже многие Законы правительства, решения Верховного Совета не всегда имели практическое денежное и материальное обеспечение. Сегодня этим “славным традициям” следует Государственная Дума РФ, принимая свои законы. Для этого всегда найдутся объяснения, но деньги в госбюджете живут собственной жизнью. Вот и работа над энергоблоком нового поколения

практически за 10 лет так и не получила нормального государственного финансирования, хотя атомная энергетика считается бюджетной отраслью. А ведь не нужно быть семи пядей во лбу, чтобы понять: самая дешевая работа — выполненная быстро, без проволочек и при полном обоснованном финансировании. Но денег ни на что не хватает...

...И мы снова опередили события. Но если этого не делать, то пришлось бы и далее многократно возвращаться к работе ЦК КПСС, тогда как это не является темой данной книги.

В мае 1986 г. на территории чернобыльской зоны сформировался сложный, многоликий комплекс из десятков различных организаций и производств, в которых одновременно работали десятки тысяч людей.

Это сегодня все или почти все ясно на Чернобыльской АЭС. А 26 апреля 1986 г. перед учеными и специалистами возник целый букет вопросов: что произошло с реактором, почему он вдруг взбесился, каковы последствия, как их решать, с чего начинать? На эти “как” и “почему” требовались немедленные ответы. А между тем, не то что в реакторное отделение заглянуть — по территории электростанции расхаживать не рекомендовалось.

Будучи в Чернобыле, я спросила тогда заместителя начальника ВО “Союзатомэнерго” Минэнерго СССР члена Правительственной комиссии, доктора физико-технических наук Е.И. Игнатенко, что именно они делают.

— Ходим, летаем, ползаем, — ответил он. И ответ был буквальным, точным. Члены Правительственной комиссии, конечно, получали необходимые сведения от специалистов. Но почти каждый из них считал для себя обязательным: увидеть, измерить, оценить. Не думая о чинах и званиях, они осматривали разрушенный реактор с вертолета, насколько это было возможно, подъезжали и подходили к нему; старались заглянуть в подреакторные помещения, забирались на крышу машинного зала; изучали сводки дозиметристов; делали расчеты — искали пути, как принято говорить.

Дисциплина в зоне была жесткой. Крупного специалиста предупредили: “Если не будет налажена хорошая связь с бункером и всеми необходимыми объектами, со смежниками — разжалуем”... На войне, как на войне...

Предложений научного характера ждали от академика В.А. Легасова. Вот он подъехал на бронетранспортере почти вплотную к четвертому блоку, но потом вышел и пешком, не торопясь обошел здания четвертого и третьего реакторных отделений. Он хотел получше осмотреть и оценить характер повреждений, а также понять природу крупных пятен мощного малинового свечения на поверхности разваленного реактора и непрерывно истекающего из него белого потока продуктов горения, который поднимался столбом. Первое приблизительно означало присутствие раскаленных графитовых блоков, второе — горение графита. Графит горит, равномерно выделяя белесый продукт химической реакции — сумму оксидов углерода, а малиновый цвет скорее говорил о температуре раскаленного графита, мощной раскаленности графитовых блоков.

Идет ли цепная реакция? Это беспокоило больше всего. Если есть значительное нейтронное излучение — значит, возможен взрыв... В.А. Легасов вместе с генералом В.К. Пикаловым приблизились на бронетранспортере к разрушенному блоку. Их приборы показали мощный нейтронный поток. Вскоре выяснилось, что произошло недоразумение — были использованы приборы для измерения гамма-излучения, а нейтронного потока на самом деле нет. Но Легасов этого в тот момент не знал.

Через несколько дней он поделился с коллегами: “Я вел себя с точки зрения техники безопасности непростительно”... Но он хотел получить немедленный ответ лично.

Вообще, в Чернобыле Валерий Алексеевич облучился довольно сильно, хотя и не всегда действительно оправданно. Но как удержаться, если считаешь, что необходимо?

Академик Е.П. Велихов в течение двух первых недель работал на месте аварии и тоже лез в самое пекло. Многие ученые, начальники крупных строительных, монтажных и эксплуатационных подразделений проделывали то же самое.

Еще пример. ...Ночь на 27-е. На территории станции — мертвая тишина. Над четвертым блоком светился воздух... Генерал Пикалов на обычной “Волге” объехал станцию. Затем пересел на БРДМ (бронированная разведывательная дозорная машина). Отправились к четвертому блоку. В безопасном месте генерал водителя высадил. Сам сел за руль. Своей машиной протаранил ворота. Остановился у развала. Чуть позже позвонил в Москву одному из ведущих специалистов по защите от оружия массового поражения члену-корреспонденту АН СССР, Герою Социалистического Труда А.Д. Кунцевичу: “Просьба развернуть мозговой центр, работы много”.

В начале мая многие руководители — члены Правительства, заместители министров, директора институтов — не только получили предельно допустимые дозы облучения, но кое-кто и перебрал. Они все обязаны были покинуть зону, но обстановка была серьезной, профессиональные знания и организаторские способности большинства приехавших были чрезвычайно важны именно здесь, сейчас. Многие отказывались уезжать.

Радиация скоро заявила о себе. С личными машинами расстались не только те, кто разъезжал на них по территории станции. На глиняном карьере близ с. Чистогаловка все заместители начальника управления строительства УС ЧАЭС, все диспетчера стройки остались без служебных и личных машин: карьер был очень “грязным”. Но о себе им тоже думать было некогда. Меняли даже вертолетные площадки, потому что и с них начали растаскивать “грязь”.

Даже в первых служебных самолетах Москва-Киев-Москва пришлось снимать кресла для дезактивации, а некоторые и захоранивать.

Многих приезжавших из Чернобыля московских специалистов независимо от ранга работники Института атомной энергии им. И.В. Курчатова И.В. Климов и П.А. Кузнецов с аэродрома везли на свою установку под названием СИЧ (спектрометр излучений человека). Здесь под руководством заместителя главного инженера А.Е. Бороховича определяли количество радиоактивных частиц в их теле; проводили, если надо, санобработку, переодевали. У первой партии членов Правительственной комиссии во главе с Б.Е. Щербиной несмотря на все старания так и не удалось отмыть волосы — их остригли. У многих очень “грязными” были также гортань, живот. На первый взгляд они казались помолодевшими: фонил небольшой бобрик, который остался после двух или трех стрижек. Но волосы все равно “светились”.

Когда 13 мая Сидоренко, Легасов и Шашарин вылетели обратно в Москву, то, едва коснувшись кресла, мгновенно заснули. Стюардесса о ком-то сказала другим пассажирам сочувственно: “Он был там весь день!” А эти трое были “там” практически безвыездно и порой почти без сна с 26 апреля.

— Я бы выделил три основных этапа работ, которые выполнены здесь на первых порах, — говорил мне во второй половине мая 1986 г. Е.И. Игнатенко. — Первый — это борьба с пожаром и спасение оказавшихся в зоне людей. Персонал станции понимал, что радиоактивность высока, но не знал истинных масштабов. Пожарные тоже. Те и другие, без сомнения, совершили подвиг, не позволив распространиться аварии. Мог сгореть машзал — они сделали именно то, что и должны были: гасили пожар, выпустили водород, спустили масло из турбин. Первыми погибли в основном люди, выполнившие эти операции в ночь аварии (напомню: пожарные “гасили” в основном реактор, а энергетики — машинный зал. Кровля практически не горела).

— Вторым этапом работ было прибытие нашей команды — группы ОПАС. Она утверждается правительством и постоянно находится в резерве в составе ВПО Союзатомэнерго, чтобы вылетать на станции в случае аварии. В эту группу входят специалисты высокого класса, в обычное время занимающие ответственные посты в атомной энергетике.

ОПАС расшифровывается так: группа Оказания экстренной Помощи Атомным Станциям в случае радиационных выбросов.

В обязанности Е.И. Игнатенко в группе ОПАС входило определение состояния реактора. Б.Я. Прушинский отвечал за организацию расхолаживания реактора, А.А. Абагян — за информацию о радиационной обстановке. Группе ОПАС до этого приходилось выезжать на вызовы такого рода, теперь эти люди определяли условия работы и подготавливали решения о необходимых действиях.

Надо было локализовать активность реактора, предотвратить ее выход за пределы реакторного отделения. В первую очередь это означало уменьшение выбросов радиоактивности и предотвращение ее распространения в близлежащие водоемы, особенно в реку Припять. Чуть забегаю вперед, скажу, что все это удалось сделать.

Третьим этапом была разработка программы планомерных действий по ликвидации последствий аварии: уборка крыши АЭС, дезактивация ее помещений и территории, строительство железнодорожной станции и подъездных путей, бетонных заводов; отделение третьего энергоблока от четвертого, помещений первой очереди АЭС от второй, переработка радиоактивных вод, подготовка к пуску первых трех энергоблоков, а населения — к возвращению (тогда возвращение казалось реальным).

Из-за отсутствия информации о подробностях аварии в сознании неспециалистов возникло и со временем только крепло убеждение, что от них что-то скрывают. В действительности неожиданность и невероятность происшедшего требовали времени и средств для достоверной и объективной оценки ситуации. В первые часы после аварии именно на это и были направлены основные усилия ученых, инженеров, руководителей соответствующих ведомств и Правительства страны. Ложная информация могла привести к неоправданным, действительно паническим действиям. Например, по мнению физиков, из района Киева не было необходимости эвакуировать детей и создавать тем самым ненужную, психологически вредную обстановку. Но местные власти такое решение приняли. Медики же сегодня объясняют это решение необходимостью оградить детей от употребления “грязного” молока и других продуктов, и в этом резон был.

Уже числа 5-7 мая 1986 г. стало ясно, что реактор находится в заглушенном состоянии, иными словами, прекращена цепная реакция деления.

— Однако авария на Чернобыльской АЭС еще раз подчеркнула, что безопасность на АЭС остается для всех стран серьезной проблемой, а потому торопливость и поспешность выводов в таком деле неуместны, — говорил Б.Е. Щербина на пресс-конференции в МИДе. — В это время на трех энергоблоках станции несли дежурство 150 человек. Шли работы в нижней зоне четвертого реактора. В целях сокращения радиоактивного выхода над активной зоной создавалась защита из песка, глины, бора, доломита, известняка, свинца. Верхняя часть реактора уже была засыпана слоем, состоящим из более четырех тысяч тонн этих защитных материалов.

В результате принятых мер радиационная обстановка в районе Чернобыля относительно нормализовалась, уровень радиации снижался. Непосредственно вблизи места аварии максимальные уровни радиации к 5 мая снизились в 2-3 раза.

Понимание событий формировалось скачками, осмысливалось соответствие теории происшедшему.

Но лишь 9 мая впервые без пелены стелющегося сверху дыма увидели, что вообще привычного облика того места, где геометрически должна находиться активная зона реакторного отделения, физически не существует.

В разрушенный реактор не влезешь, и даже с помощью приборов или каких бы то ни было приспособлений пока не проникнешь и его содержимое. Но ведь возможны косвенные расчеты.

На территории станции валялось немало кусков графита и, говорят, были даже обломки твэлов. Вообще же радиоактивные осадки выпали в радиусе 1500 километров, и по их содержанию, зная физику топливных процессов, можно приблизительно рассчитать, что же происходило в самом реакторе. Информацию поставляли гидрометслужбы, военные. Многочисленные измерения проводили на земле и с воздуха, с помощью вертолетов.

С первого взгляда можно было предположить, что все топливо вылетело из реактора. Поэтому останки реакторного отделения, по представлению некоторых физиков, можно просто убрать с площадки ЧАЭС и сделать на этом месте лужайку. Однако первая реальная оценка исходила от группы академика С.Т. Беляева — ведущего физика-ядерщика — теоретика, директора отделения общей и ядерной физики ИАЭ. Этому предшествовало решение немалых проблем.

Вечером 26 апреля над станцией еще поднимался дым. Но не плотный, а какой-то легкий, бестелесный. Что он означал, никто ответить исчерпывающе не мог. Но все понимали, что дыма быть не должно. “Реактор надо засыпать, задавить, залить — сделать что угодно, лишь бы не дымил”, — примерно так рассуждали те, кому было поручено принимать решения. Возглавил комиссию по выработке мероприятий для локализации аварии снова академик В.А. Легасов.

Однако, хотя все возможные способы залива реактора были испробованы уже к вечеру 26 апреля, они ничего не давали, кроме высокого парообразования и распространения воды по различным транспортным коридорам на соседние блоки...”, — признает и сам Легасов в своих записях незадолго до смерти.

Стало ясно, что из кратера выносится довольно мощный поток аэрозольной газовой радиоактивности: горел графит, и каждая частица его несла на себе достаточно большое количество радиоактивных источников. В четвертом блоке его было заложено около 2,5 тыс. тонн. Следовательно, за 240 часов при нормальном горении радиоактивность могла распространиться на большие территории, которые оказались бы интенсивно зараженными различными радионуклидами...

Постоянно консультировались с Москвой, где у аппаратов находились президент Академии Наук СССР директор Института атомной энергии академик А.П. Александров, его сотрудники, а также специалисты Минэнерго и Минсредмаша СССР.

Уже на следующий день после аварии в Чернобыль стали приходить телеграммы из-за рубежа с предложением разных вариантов воздействия на горящий графит с помощью различных смесей. Группа В.А. Легасова выбрала два компонента — свинец и доломит. Их следовало сбрасывать с вертолетов.

Но температура плавления свинца ниже, чем температура газов, которые в тот период исходили из реактора. Он плавился, но доходя цели. Вскоре свинцовые “пятна” стали обнаруживать неподалеку от станции... Сегодня это вызывает улыбку у специалистов: ведь В.А. Легасов — химик. Но тогда было не до смеха. Вообще-то, свинец сбрасывали, чтобы стабилизировать температуру; карбид бора — чтобы он поглотил нейтроны; доломит — чтобы образовалась двуокись углерода и погасила горящий графит; песок и глину — чтобы изолировать весь материал.

Многие весьма и справедливо уважаемые физики-ядерщики предлагали не суетиться, подождать, когда реактор сам успокоится и затем извлечь или как-то обработать

значительно меньший объем радиоактивного материала по сравнению с имевшим место. Ссылаются, между прочим, на опыт значительно менее разрушительной аварии на американской АЭС “Три Майл Айленд” в 1976 г. в Пенсильвании, где к серьезным работам на разрушенном реакторе приступили спустя несколько лет... Но “ТМА” — под защитным колпаком-оболочкой, опасность загрязнения территории там несравнимо меньшая, авария же была менее масштабной. К тому же, Пенсильвания все-таки расположена не посреди густонаселенной Европы. Впрочем, начальники всех рангов — не боги, они только люди, и могут ошибаться (речь идет о честных людях). Трудно предвидеть, как рассуждали бы эти ученые, если бы принимать практические решения нужно было именно им перед лицом разразившегося кошмара, заботясь о безопасности своего и соседних народов. Необходимо было принимать срочнейшие меры впервые в мире, притом, как уже говорилось, в неопределенной ситуации, когда в течение примерно десяти дней никто не мог бы поручиться за поведение реактора: взорвется снова или не взорвется? Выбросы из него шли довольно активно. Имели место чисто человеческие амбиции: “Верна только моя точка зрения, только мой подход”.

Особенно много теоретических рассуждений можно было услышать далеко от Чернобыльской АЭС. О них член-корреспондент АН СССР и России В.А. Сидоренко сказал мне так:

— Действительно, сегодня особенно ярко выявилась широко распространенная способность людей подгонять истинные события, факты под собственные частные восприятия. Поэтому мы и сталкиваемся с явлением, когда чем дальше был человек от места события, тем менее достоверны, более расплывчаты его представления обо всем, в том числе и о технических деталях. Отсюда и много вариантов толкования. Истинный вывод сильно зависит и от правильного восприятия очевидца. Но процесс этот изменить безнадежно: практически невозможно собрать все совокупно достоверные детали, потому что отклонения от истины носят обычно второстепенный, хотя в конечном итоге существенный характер. Но бывает и так, когда горло говорящего сильнее, чем его совесть. Пример — публикация “Чернобыльской тетради” Медведева в журналах “Коммунист” и “Новый мир”, где он позволил себе выступать под флагом “очевидца”, “объективного” судьи. Я внимательно прочел его произведения и понял, что его прямая причастность к событиям меньше желания обобщить их, а за душой его меньшая компетентность, чем приводимые им факты. Он создает мифы, притом конъюнктурно и небескорыстно, ради “красивого словца”. Губарев создал легенду Саркофага своим литературным опусом, а с другой стороны — легенду о Легасове, представив его оклеветанным героем; как говорится, взял себе на пользу журналистский “капитал”. Этого я не могу простить.

Уже 15 мая М.С. Горбачев имел право заявить: “Благодаря принятым эффективным мерам сегодня можно сказать — худшее позади. Наиболее серьезные последствия удалось предотвратить”.

Началась крупномасштабная и разносторонняя деятельность на территории станции и в 30-километровой зоне ЧАЭС.

Как удалось справиться с бедой? Какие затем работы пришлось выполнять и в каких условиях? Не ошибемся, если назовем весь комплекс практических мер; всю совокупность чувств, душевных порывов и ежедневного, ежесекундного кропотливого труда; беззаветных действий в условиях сознаваемой серьезной опасности — если назовем все это Подвигом, увенчавшейся победой Великой Отечественной войной — то, что официально принято называть работами по ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС, даже попросту ЛПА. Далее я и попытаюсь детальнее рассказать о том, что узнала, видела. Возможно, мой рассказ не исчерпает эту бездонную тему.

Надеюсь, в нем будет немного неточностей, не все достойные имена окажутся названы, прошу меня простить, я пыталась свести эти досадные недостатки к минимуму. Но кто-то ведь должен обо всем этом рассказать в совокупности... События в разных участках 30-километровой зоны и на разных уровнях всей пирамиды ЛПА происходили практически одновременно. Поэтому волей-неволей и даже необходимы перемещения нашего повествования во времени и пространстве.

Например, в обязанности гражданской обороны (ГО) входил целый комплекс обязанностей: ликвидация пожара на ЧАЭС, организация и ведение радиационной разведки, оповещение населения, проживающего вокруг АЭС и в 30-километровой зоне, санитарная обработка и медицинское обеспечение населения, вывоз сельскохозяйственных животных, дезактивация дорог, зданий, оборудования АЭС, населенных пунктов и техники, обеспечение радиационной безопасности людей, участвовавших в работах по ликвидации последствий аварии, ведение дозиметрического контроля, проведение мероприятий по защите питания, пищевого сырья, водных источников, сельскохозяйственных животных и растений и др.

Правда, на первом же заседании оперативной группы ЦК КПСС, проходившем 29 апреля 1986 г., было решено “обратить внимание т. Алтурина (А.Г. Алтурин — начальник Гражданской обороны СССР, Л.К.) на отсутствие четкой программы действий по осуществлению комплекса мер в связи с аварийной ситуацией на Чернобыльской АЭС. Потребовать от Гражданской обороны срочно разработать и реализовать мероприятия по устранению последствий аварии... Отметить четкую организацию работы по эвакуации населения и размещению его в новых районах”.

Конечно, нельзя не учитывать и масштаб катастрофы, которым для любой службы любого государства мог предстать неожиданностью. Тем не менее, все признали, что тогдашняя Гражданская оборона СССР была вообще не готова к осуществлению подобных программ. Она и позднее долго оставалась довольно слабым звеном в защитной броне нашего Отечества. В настоящее время, с образованием МЧС России — Министерства РФ по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий, как видно из названия, она полностью вошла в состав МЧС.

Гигантскую работу выполнили воины срочной службы и запаса. Они обустроивались самостоятельно.

Минэнерго СССР было объявлено заказчиком и подрядчиком, и когда требовалось квалифицированное исполнение, то исполнителем, всех работ в 30-километровой зоне ЧАЭС. Здесь сразу после аварии был создан оперативный штаб по ликвидации ее последствий. В задачи штаба входило предоставление вышестоящему руководству в Москву всей информации о состоянии дел в Чернобыле; командирование специалистов-эксплуатационников с других АЭС страны, а также строителей, монтажников, проектировщиков; организация поставок оборудования, материалов, механизмов и, конечно, решение непрерывно возникавших практических и организационных проблем. Не будет преувеличением сказать, что буквально все поездки (не только минэнерговские) и поставки в чернобыльскую зону осуществлялись через этот штаб. Его возглавил Е.А. Решетников — тогда первый заместитель начальника ВО “Союзатомэнергострой”, теперь — заместитель министра по атомной энергии РФ.

— Все “стояли на ушах” — это было общее состояние. Остальное — детали, — так живописно охарактеризовал деятельность штаба нынешний помощник Решетникова, а тогда — заведующий отделом Главстроя Минэнерго СССР В.А. Троцилов. — Штаб работал круглосуточно, по очереди уходили на пару часов поспать.

Этот штаб работал в Москве, Чернобыле, Киеве. Решетников и Троцилов первый месяц работали в Чернобыле, потом там осталось действовать штабное подразделение — оно было связано напрямую с заместителем министра Ю.Н. Корсуном.

— Казалось, вся деятельность Минэнерго СССР в тот период пыла сосредоточена на одном — решение проблем Чернобыля, — вспоминает и заместитель министра Минэнерго СССР В.А. Лукин.

— В первые дни все технари собирались здесь, и технические решения начинали принимать тоже здесь, — вспоминает Троцилов. — Сюда приходили совминовцы, все проектанты. Здесь начинали проектировать и Укрытие, бетонную стенку биологической защиты. Мы “сто раз” связывались с французами по наклонному бурению, организовали доставку импортного оборудования. Штаб занимался также технической документацией. Все спецрейсы оформлялись через наш штаб — самолет был закреплен за штабом. И Велихов через нас летал, и все остальные.

Каждый час из Чернобыля передавали, сколько проведено дезактивации, сколько выполнено строительных работ. То, что назначенный тогда заместителем министра Минэнерго СССР по Чернобылю Ю.Н. Корсун там делал или видел — передавалось в этот штаб. В самые первые дни в Чернобыле штаб подчинялся первому замминистра Минэнерго СССР С.И. Садовскому.

В Киеве штабисты в основном занимались оформлением и отправкой людей непосредственно в 30-километровую зону автобусными спецрейсами, а также речными катерами-“ракетами”.

Через несколько месяцев Решетникова на посту начальника штаба сменил А.С. Андрушечко, теперь директор по капитальному строительству концерна “Росэнергоатом”, а тогда — начальник Главстроя Минэнерго СССР. Он выполнял практически те же функции. Но теперь информация о ситуации в Чернобыле требовалась “наверх” уже не каждый день. Работа велась чуть спокойнее, но в каждом отдельном случае оперативность решения любой проблемы не снижалась.

— Расскажите о В.М. Смирнове, директоре Митинского кладбища, — напоминает Троцилов. — Он хоронил умерших чернобыльцев за деньги кладбища, пока Минэнерго ему их не перечислило. Душу в это вложил. Вообще же, Минэнерго кладбищем занималось два года, стационарно оформляло могилы в гранитный комплекс.

Минэнерговский штаб оказался весьма деятельным и мобильным. Именно отсюда Решетников со своей командой одним из первых отправился после землетрясения на Армянскую АЭС и месяц там работал (в частности, отправил туда спецрейсом “искусственную почку”). Станцию строили энергостроители Минэнерго — землетрясение не вызвало ни одной трещины. И персонал в это тяжелое время там работал московский.

Помимо чисто технических в чернобыльской зоне возникла масса хозяйственных, бытовых проблем. Сюда приехали чуть ли не одновременно тысячи людей из разных концов страны. Надо было всех расселить. Но — где? Первые дни сосредоточением всех командированных стал г. Чернобыль. Но частные дома (их — большинство) больше года не открывали: неприкосновенны, хотя за них хозяевам выдана компенсация и построено новое жилье. Государственные квартиры тоже долго не трогали. Решили расселять людей главным образом по окрестным селам за пределами зоны. Но многие организации и предприятия стремились поселиться все-таки в самом Чернобыле, чтобы не тратить ежедневно более двух часов на дорогу к месту отдыха и обратно: на заседаниях Правительственной комиссии неоднократно такое легкомыслие обсуждали, угрожали разными административными и даже уголовными карами. Но это мало действовало, а кары не реализовывались. За пределами зоны под временное жилье командированных также приспособляли служебные и общественные здания.

Никто гостиниц для первых, да и последующих отрядов приготовить, естественно, не мог. Каждая организация должна была самостоятельно подыскивать подходящее помещение и оборудовать его по своему усмотрению, а одежда, питание, постельные принадлежности, основная часть мебели — за Минэнерго.

Многим приходилось отыскивать свои эвакуированные семьи, для этого была создана отдельная служба; большинство эксплуатационников поселилось в Сказочном, и многие энергостроители ЧАЭС также предложили свои услуги раньше, чем их догадались пригласить. Например, начальнику одного из управлений треста “Южэнергомонтаж” М.А. Казакову первым на глаза попался начальник участка В.Н. Норик, и они вдвоем на личных Жигулях” Норика стали объезжать Полесский и Иванковский районы. Люди друг другу передавали призыв об “общем сборе” быстрее, чем это сделал бы любой почтальон.

Хочешь работать — не хнычь. Не сумевшие сориентироваться быстро начинали чувствовать себя здесь лишними и уезжали. Их просто “не видели”.

Возник своего рода “естественный отбор”, критерием которого служило только желание и умение работать, сколько требуется. А потому случайных здесь не было. Это людей роднило. И это по-своему — прекрасно.

Да, быт не организован. Но в первые дни думать об этом практически некогда. Кое-кто из кадровых работников чернобыльской стройки, без раздумий придя ее спасать, пребывал как бы в шоковом состоянии и действовал, словно робот. Эти люди остались без родного жилья, их строительные и монтажные подразделения — без своих производственных баз. Все осиротели. Но — работали.

На энергетиков (в конечном итоге — Минэнерго СССР) обрушился шквал совершенно несвойственных для их профессии обязанностей. Нужно где-то добыть и установить кровати, постелить на них белье, одеяла и прочее, притом для всех работников предприятий и организаций, подчиненных Минэнерго (а их было подавляющее большинство) — одновременно.

Всех необходимо соответствующим образом одеть. Эту работу организовали заместитель министра энергетики и электрификации Украины В.М. Семенюк (министерство входило составной частью в союзное), а также заместитель министра энергетики и электрификации СССР Г.А. Шашарин и первый заместитель министра Среднего машиностроения А.Г. Мешков. Семенюку пригодился его солидный багаж общественной работы — ведь он возглавлял республиканскую комиссию по делам молодежи и Совет по экономическому образованию и народным университетам в своем республиканском министерстве. Все обращались за одеждой прямо к Семенюку, Шашарину, да еще к Мостовому, в то время председателю Госснаба Украины, а позже одному из руководителей Госплана СССР. Он очень помог со спецодеждой.

В Минэнерго не было и не могло быть такого огромного количества спецодежды, обуви, постельных принадлежностей. А ведь их еще нужно было стирать, даже просто собирать — радиоактивно “грязную” одежду порой бросали в кучу и требовали новую... Во всяком случае, недостатка в одежде никто не испытывал. Ее привозили прямо с фабрик или со складов Минлегпрома,

Для тысяч специалистов, рабочих, ученых необходимо организовать трехразовое питание, да чтобы сытно, питательно, полезно и без очереди, словом, без проблем. Ведь думать о еде людям некогда, и голова их должна быть от этих забот свободной... Но базы-то ни в Припяти, ни в Чернобыле для такого гигантского пищевого конвейера не было никакой. Не было даже поваров, кладовщиков, Не было холодильников. Чернобыльские работники столовых и магазинов эвакуировались. И эта работа легла на Минэнерго, как и обеспечение питьевой водой и т. п. Например, воду вне столовых можно пить только минеральную, из бутылок. До середины мая в Минэнерго не было

достаточной и объективной информации даже о количестве едоков. До этого времени обеспечение черновыльской зоны продуктами питания было за украинским Минэнерго, а также партийными и советскими органами Украины. Однако им, конечно, была непосильна такая громоздкая программа. Поэтому сначала во всех черновыльских столовых кормили плохо, о витаминах и достаточном количестве свежих овощей и фруктов говорить не приходилось. А организации Гражданской обороны, которым было поручено приготовление пищи, в свое время не позаботились о подготовке работников питания для работы в экстремальных условиях как с точки зрения обеспечения санитарных условий, так и по ассортименту блюд. Было тесно. Они использовали помещения городских столовых. В итоге все эти обязанности возложили на Минэнерго СССР, также через черновыльский штаб.

28 мая в зону из Москвы приехал начальник управления рабочего снабжения Минэнерго М.Г. Хатин. Для начала он осмотрел "поле боя" вместе с украинским замминистра Гусаковским, первым секретарем черновыльского горкома партии А.С. Гаманюком, председателем горисполкома Волошко и зампредом Совмина Украины Николаевым. Вместе с Гаманюком Хатин искал пригодные под столовые помещения. Наметили несколько столовых речного флота, бывшие черновыльские кафе и ресторан, помещение станции технического обслуживания автомобилей, столовые в детских садах.

На первых порах предстояло все их элементарно очистить от сгнивших и радиоактивно загрязненных продуктов. И снова без помощи военных обойтись оказалось невозможно. Трое суток весь мусор вывозили и захоранивали в могильниках. Потом врачи подтвердили, что все санитарные требования соблюдены. Вывезли на свалку и часть старого оборудования.

Теперь в Чернобыле стали работать отделения минэнергоговской службы рабочего снабжения, а в г. Вышгороде под Киевом — сам отдел. Серьезно помогали и украинские энергетики, и Министерство торговли Украины. Когда летом вся зона перешла на работу по вахтам, такой режим приняли и работники общепита. Всего за первый год в черновыльской зоне поработали около 10 тысяч тружеников сферы питания с атомных, тепловых и гидростанций страны.

— Надо отдать должное Минторгу, Центросоюзу, работникам предприятий Украины — они прекрасно обеспечивали нас мясом, молоком, зеленью и фруктами, и все такое свеженькое, калорийное, вкусное... — говорит М.Г. Хатин — и видно, как он доволен, что все продукты получали именно "свеженькими" и в достаточном количестве, — И мы должны отдать дань уважения тем, кто все это обеспечивал: первому начальнику ОРСа А.Д. Швидченко (он стал инвалидом, заболел уже в июне 86-го, и мы вывезли его из Чернобыля), начальнику торгового отдела ОРСа Украины Г.Д. Хист, заместителю начальника Черновыльского ОРСа Шестопал (жаль, забыл ее имя), начальнику Черновыльского ОРСа Кондратюк.

Вскоре под командой Хатина реконструировали и заново оборудовали с точки зрения целесообразности столовые в г. Чернобыле, затем на атомной станции, а следом и в новом вахтовом поселке энергетиков "Зеленый мыс".

Одну из них, что на перекрестке двух главных улиц г. Чернобыля, народ в шутку назвал кормоцехом, и название прижилось. Незадолго до аварии это здание было построено для станции техобслуживания автомобилей и называлось "Голубые дали". Главный инженер (сегодня — начальник) Трипольского управления ЮТЭМа Науменко вспоминал, как готовились они к сдаче заказчику этого нового строительного объекта... Но имя "Голубые дали" жители запомнить так и не успели: эвакуация. Пришлось быстро переоборудовать помещение — и теперь столовая почти одновременно кормит тысячи людей. Действительно "кормоцех"! На весь обед — полноценный комплексный

обед из трех блюд, да еще с разносолами и свежей зеленью — уходит не больше пятнадцати минут. То и дело видишь бегущих девушек с тяжеленными подносами, полными свежих и моченых яблок, капусты, разнообразных свежих овощей и солений — ставят их посреди зала на стеллажи. Каждый берет, что и сколько хочет. Подносы пустеют почти мгновенно. Вкусно! Они кормили командированных всех отраслей, кроме военных.

Лишь некоторые минэнергоские энергостроители обустроили свои столовые сами и, по сути, не хуже.

Первые два года Чернобыль был особенно по-военному “живописен” в обеденное время. Один за другим приезжают БТРы, “газики”, “Волги” с огромными номерами по борту, из БТРов выскакивают мужчины в спецодежде и в респираторах. Многие парни в “афганках”. Обязательно все моют руки, проходят через устройство дозпроверки на предмет относительной чистоты одежды. Потом спокойно, многие сосредоточенно задумавшись о своем, обедают и вскоре так же четко, деловито садятся в машины .. На войне, как на войне.

Девушки — обязательно в белых рабочих костюмах станционного типа — своего рода местный шик. В тот период на многих гражданских людях были белые костюмы, белые полотняные шапочки и марлевые респираторы — “лепестки”, которые в помещениях обычно просто передвигали на спину.

Удивительный феномен: летом 1986 года в Чернобыле были только красивые и очень красивые девушки. Ни одной серой, как творится, невидимой, тем более дурнушки, словно по этому признаку их отбирали в зону. Но ведь такое никому бы не пришло и голову. Жаль, что они редко носили респираторы. Видно, и это был своего рода шик, хотя не всегда.

Так почему же исключительно красивые девушки? Все они — добровольцы. Их по желанию отзывали в Чернобыль с различных предприятий Минэнерго СССР, главным образом из столовых и действующих и строящихся атомных электростанций. Может быть, красивые увереннее в себе. А может — это внутренний свет, одухотворенность делали их особенно красивыми...

Одновременно питание заново организовали там, где люди ночевали: в Сказочном, в пос. Ковшиловке, Вильче, Иванкове и др., и позднее — и в Зеленом мысу. Там все завтракали и ужинали. Обедали же в г. Чернобыле и на станции.

Наряду с качеством питания особое значение приобрел фактор времени. Никто не должен дожидаться очереди. На весь процесс получения полного комплекта блюд не должно уходить больше нескольких минут. Такой конвейер требовал серьезной организации — ведь речь шла об одновременном кормлении сотен, а в обед — и десятков тысяч человек практически одновременно.

Из прежних припятских столовых и магазинов продукты также было брать нельзя. Их вообще закрыли, как и весь город, в момент эвакуации населения. В Чернобыле один магазин (он же продовольственный и промтоварный) действовал, чтобы дать возможность желающим купить соку, печенье, фрукты, сигареты. Этим магазином пользовались и единичные командированные, пока не получали в своих организациях талоны на питание.

Минздрав СССР отметил хорошую организацию быта и питания. Избежали эпидемии, которой вполне реально опасались в условиях тридцатиградусной жары и большой скученности людей, да еще в условиях водного дефицита.

Когда в сентябре Минэнерго и Минатомэнерго разделились, вместе со всем хозяйством общепита к атомщикам снова начальником главка перешел и М.Г. Хатин. Вся полнота ответственности за организацию питания и снабжения необходимым

эксплуатационников, энергостроителей, монтажников теперь перешла к Минатомэнерго СССР.

Военные организовали свое питание сами, средмашевцы также сами подбирали и оборудовали помещения, кормили своих людей,

В чернобыльской зоне все довольствовались жизненно необходимым, людям некогда было даже в аптеку сходить. А те, “кому положено” — институты гигиены труда — как-то незаметно отошли в сторону.

Станционную поликлинику в г. Чернобыле открыли уже 28 мая. Она работала, как и все, но с 7 утра до позднего вечера, без выходных, без перерыва. Медработники — по вахтам. Вот одна из первых вахт: заведующей по совместительству назначили старшего терапевта Г.Ф. Чалую. В ее подчинении 44 человека, добровольцы. Это врачи разных специальностей, средний персонал. Среди них и дезинструкторы, и бактериологи. В июне я зашла туда из любопытства, и врачи набросились на меня, как на долгожданную добычу. Немногие обращаются в поликлинику за помощью, в основном профилактика, или, бывает, зуб заболит.

На первых порах проблемы возникали с самых, казалось бы, неожиданных сторон. Например, мытье тысяч людей, элементарное гигиеническое обеспечение, особенно строителей и монтажников. Санпропускники надо было построить, создать от нуля, и притом практически мгновенно. Каждый человек в зоне должен был (в идеале) минимум раз в день принять душ. В полупоходных бытовых условиях это не всегда просто осуществить. Но в г. Чернобыле постоянно действовала городская баня, у эксплуатационников и строителей — санпропускники. Правда, поначалу возник конфликт: на станции небольшая такая служба была всегда, а энергостроители не сразу успели организовать свою, но на станцию после кошмарной работы в пыли их не пускали. Зато кое-где позднее появились даже сауны, а это уже просто прекрасно,

Прошло немногим более полугодя. Город Припять почти не дезактивировали (до конца это не сделано и сегодня). Город Чернобыль дезактивировали до такой степени, что он стал пригодным для временного проживания. Город командированных... Как странно. Тысячи людей в спецодежде на улицах и в помещениях. И полное отсутствие коренных жителей.

В первые месяцы полтора людям и денег вообще не платили (да их никто и не требовал) — работали на одном энтузиазме: питание бесплатно, одежда, жилье — тоже бесплатные. Не до денег было. Лишь позже получили все сполна. И 27 апреля, когда, как говорится, “пахали” что было сил, ни один не спросил, сколько же заплатят за эту кошмарную работу.

Никому из работавших даже в голову не приходило, что за ЭТО вообще надо платить какие-то особенные деньги. Ведь война... В мирное время рабочие договариваются заранее: такая-то работа стоит столько-то. А тут получили первую получку и удивились: много.

Однажды во время работы в песчаном карьере, когда грузили песок в мешки для вертолетов, к монтажникам ЮТЭМа подошел председатель Правительственной комиссии Б.Е. Щербина и спросил, сколько, по их мнению, им следует платить за работу.

— Нас просто передернуло от такого вопроса. И мыслей не было о какой-то особенной оплате. Бесплатно бы работали, — рассказывали они мне позже об этой встрече. Но, подумав, добавили: он все-таки прав был. Надо посоветоваться с народом. Утряслось, определилось и это. Во время работы в зоне всем сохранялся средний заработок по месту основной работы. Отдельно — по шкале коэффициентов — оплачивался труд на участках разной степени опасности: в зонах наименьшей опасности оклад удваивался, на четвертом энергоблоке и близ него увеличивался впятеро. Все получали улучшенное

питание. За каждый месяц работы к отпуску добавлялось два дня. Весь период работы вошел в общий трудовой стаж, как у работников вредных производств, зарабатывавших льготную пенсию. Немало слухов, письма в редакции породил вопрос о льготах для чернобыльцев. И все — оттого, что разъясняющие документы с самого начала почему-то считались секретными. Позднее даже список награжденных засекретили — список героев, не пожалевших своего здоровья, жизни ради нашего благополучия. Видимо, потому что орденов было меньше, чем героев. Опасались пересудов и обид. А люди из УС-605 мне недавно рассказывали, что каждый из награжденных в этой отрасли знал о своем будущем ордене до начала возведения Укрытия. Говорят — и возмущаются: может, человек этот орден и не заслужил бы...

Минэнерго СССР было выделено 300 наградных знаков, Минатомэнерго — 400, разумеется, без предварительных списков. Право на определенное количество правительственных наград получили некоторые другие ведомства. Почему 300, а не 500 или 200? Какой принцип положен в основу определения этих количеств? Вероятно, простое рассуждение о необходимости какого-то конечного числа. Судить не берусь. Я видела, как люди работали, как жили; думаю, понимала, какие чувства ими руководили — чувства высокого патриотического свойства, хотя немногие произнесли бы это вслух. Иначе не объяснишь добровольный отказ от мирного благополучия, сознательный уход на фронт, на передовую линию фронта ради покоя и благополучия мирно живущего народа своей страны и населения земного шара. И это — не выпренные слова. Желание склонить голову в знак благодарности этим людям, возникшее в первые дни после аварии, не ослабло и сегодня. И несколько не поколебалось первоначальное убеждение, что можно было бы повесить медаль на грудь, как говорится, не глядя, каждому в чернобыльской зоне — эксплуатационнику, строителю, монтажнику, ученому, военному, которые работали там в первые месяцы после аварии. А очень многим — и орден, и даже Золотую Звезду.

Награду бывшему заместителю генерального директора Киевэнерго по общим вопросам В.П. Томашу присвоили, к большому сожалению, посмертно. Окружавшие Томаша убеждены, что в немалой мере ему, человеку, далекому от решения научных и инженерных проблем, мы обязаны уменьшением масштабов аварии и успехами в локализации ее последствий. С 27 апреля и весь последующий месяц он возглавлял штаб Киевэнерго по оказанию помощи Чернобыльской АЭС, организовал поиск и доставку необходимых материалов и оборудования; сам, словно маятник, курсировал между Киевом и станцией. Всеволод Павлович Томаш умер от сердечного приступа 1 июня 1986 г. в своей машине между Киевом и Чернобылем в возрасте 59 лет.

Но сегодня даже в пределах тридцатикилометровой зоны редкий человек назовет имена тех героев. Большинство из них не были удостоены ни медалей, ни орденов.

Но это — аморально. Расклад в любом трудном деле должен быть однозначно таким: благородство героев — бескорыстно и бескомпромиссно. Но человечество, каждый из нас обязаны говорить ним людям: “Спасибо!” И труд их материально оплатить сполна. К сожалению, на деле это часто забывается. И в итоге трудно измерить масштаб моральных, а следом обязательно и материальных потерь общества, которые вызваны такой забывчивостью.

...Это может показаться парадоксальным (но только со стороны!) — в самый напряженный, самый опасный период мая, лета и осени 1986 г. в зоне работать было не просто чрезвычайно интересно, но и приятно. Да, да — именно приятно, ведь сделали большое дело. Это чувство испытывали практически все. Специалисты высочайшего класса, будь то рабочие или академики, забыли о времени и усталости. У них мгновенно рождались великолепные идеи, на которые в мирных условиях, притом без особой гарантии, требовались многие месяцы, а то и годы. Всюду, на любом рабочем месте

был идеальный порядок. Вот и журналист А. Пральников в “Московских новостях” пишет о том же: “Это — дни, когда промедление могло быть чревато новой катастрофой; дни работы на износ, работы, сплотившей всех, кто ее нес. Как ни парадоксально, люди, приехавшие спасать станцию, Украину, вспоминают май с чувством сродни ностальгии. Так работать, не увязая в рутине многоступенчатых согласований и формальностей, раньше не приходилось...”

— Я познакомилась в Чернобыле с людьми, которые считают себя “помеченными” зоной. Им трудно стало жить на “Большой земле” и, уезжая из Чернобыля домой в отпуск в Киев, Ленинград, Москву, они не могли усидеть там дольше недели — тянуло обратно. Это говорила мне даже бессменный на многие годы секретарь оперативной группы Правительственной комиссии В.М. Калиниченко.

Известно, что экстремальная ситуация мобилизует дремлющие силы организма. Грузинские кинематографисты в фильме “Рекорд” рассказали о рассердившемся парне, метнувшем через реку тяжеленный камень в обидчика. Односельчан потряс этот бросок. Замерили — оказалось, мировой рекорд. Попросили повторить. Но как ни старался парень — не получалось. “Смогу, сказал, — только в том случае, если разозлюсь”.

Чернобыль “разозлил” многих. Хотя бы, к примеру, очень уравновешенного, всегда внешне, по крайней мере, спокойного Е.И. Игнатенко. В это время он был заместителем начальника “Союзатомэнерго” по науке. “Евгений Иванович в первые же дни после аварии получил свою дозу, но продолжал руководить в зоне важным участком работ”, — сообщил директор телепрограммы “Время” летом 1986 г. Осенью я снова увидела его в Чернобыле. “Вам же нельзя”. — “Надо”. — “Вот врачам скажу”, — “Ни в коем случае!” Вскоре его назначили генеральным директором вновь созданного ПО “Комбинат” — и с тех пор до весны 1988 года он был как бы хозяином 30-километровой зоны, пока не пришло назначение на должность начальника научно-производственного главка Минатомэнерго. Позднее врачи сказали ему, что у него была лучевая болезнь, но прошла. Сказали — и забыли, для осмотра больше не вызывали. А ведь он не рядовой исполнитель. Теперь Е.И. Игнатенко — вице-президент концерна “Росэнергоатом”. То есть вроде бы имеет право на повышенное внимание. Тем более без внимания оказываются многие рядовые ликвидаторы.

Я видела и первоклассных рабочих, которые просто не сдавали на контроль свои дозиметры-накопители, потому что сами оценили ситуацию однозначно — “Надо!” Они отлично понимали опасность своего конкретного участка. Надо — и этим все сказано. Они — профессионалы. Их заменить непросто.

Разве право спасать чиновники дают? Это ведь веление души, приказ сердца.

О военных срочной службы или призванных из запаса — разговор отдельный. Сейчас же скажу, что работали и военные бок о бок, обычно на одних и тех же участках.

Все — добровольцы: и эксплуатационники, и энергостроители, и ученые, и “партизаны” (так стихийно стали называть призванных из запаса воинов в отличие от кадровых военных и солдат срочной службы). Все они в Чернобыле выполняли не профессиональный, а свой гражданский долг. Большинство имело право отказаться: в мирное время нельзя посылать людей на смерть. Но — не отказались. Многие даже добивались такого права. Немало людей приезжало поодиночке и группами со всей страны без вызова: инженеры и врачи, водители и ученые, речники и поварихи. “Отказчиков” не винули и даже не стыдили. Просто Чернобыль того времени был зоной повышенной совести. Здесь маскировка слегала вдруг с людей, как листва с деревьев под действием урагана — нередко обычно тихие люди, неприметные труженики оказывались подлинными героями, а яркие болтуны, призывавшие на собраниях к ускорению и активизации человеческого фактора — заурядными трусами. И — не будем идеализировать ситуацию — такое случалось, хотя и редко. Встречались и

безнравственные, а порою просто завистливые офицеры. Такие, боясь радиации, посылали солдат на задание, а сами где-то отсиживались. Верно, что солдаты приезжали на короткое время, а офицеры — надолго. Но это не повод вовсе выпускать подчиненных из вида.

Чернобыль всколыхнул чувства многих поэтов. Заставил людей переосмыслить события и свое место в них. Так вот бросил свою давнюю мечту о работе на лесосплаве и “рванул” из Архангельска и Чернобыль водитель Сергей Самоотесов. “ Пусть домосед твердит, что это небыль, когда без пуль пустеют города...”, — написал он стихи. А новым своим друзьям рассказывал, как река кипит. Получив огромного КамАЗа, стал называть его Малышом. Сергей не называет себя поэтом. “А Чернобыль? Наверное, за грехи. Если их нельзя искупить, то хотя бы отрабатывать надо. Такая вот философия”. Грехи-то, между прочим, лично Сергею не принадлежат. Но все равно — “все в ответе”.

Так думали многие. Надо — и в бронетранспортер, рассчитанным на 8 человек, бывало, набивалось по 20. Да еще порой каждый брал с собой еду и воду, чтобы не тратить время на поездку в столовую... Стенки такой машины в тридцатиградусную жару раскалялись снаружи и изнутри. Многие простужались, выбравшись из этой “парной” на воздух, который свежим можно было называть только относительно: из-за пыли, несмотря на постоянное ношение респиратора, у многих на шестой-седьмой день пребывания на территории АЭС начинался сильный кашель. Самым “чистым” местом на территории станции считалось то, где фон не превышал восьми миллирентген. Там и обедали.

То был общий принцип поведения. Например, начальника Центра научно-технической информации по энергетике и электрификации “Информэнерго” И.С. Вартазарова утром 1 мая руководство Минэнерго по поручению Б.Е. Щербины срочно вызвало с дачи в Москву для организации группы сотрудников Центра, способной в Чернобыле производить киносъемки и вообще вести хронику событий. Позднее я попросила у него интервью, хотя Игорь Суренович — мой директор. Засмеявшись забавной ситуации, он сказал: “Первый десант” отправился специальным самолетом на следующее утро с журналистом Л.С. Кайбышевой за старшего. А шестого мая и начальник киноотдела В.А. Дубинский вылетел туда с уже серьезно подготовленной экспедицией киноработников и фотографов. Работу наладили по двухнедельным сменам. Некоторые возвращались в Москву и, немного отдохнув, снова и снова отправлялись в Чернобыль. Летом 1986 г. бригады возглавляли заместители начальника Центра М.И. Токарь, В.Б. Козлов. В обычных условиях мы порой требуем от подчиненных сверхнормативной или срочной работы. Объясняем ее необходимость, важность. В этой ситуации нашим чернобыльцам ничего специально объяснять не требовалось. Люди понимали обстановку, умели быстро “собраться в кулак”, забывали о своих личных проблемах, о себе”.

В этой ситуации не только чины и звания определяли поведение людей, но и их личная позиция или обстоятельства. В начале мая Вартазаров на бронетранспортере отправился со своими киноработниками на станцию. Но понадобилось — он уже просто подручный, подносит кинокамеру. Это никого не удивляет. И академик поступил бы так же, окажись он на месте съемок, и его не остановила бы повышенная опасность обстановки. Однажды в руках Вартазарова аккумулятор кинокамеры под воздействием ионизирующего воздуха “сел” всего лишь при пересадке из автомашины в бронетранспортер: кинокамеры работали от прикрепленных к ним электрических аккумуляторов. Позднее получили первоклассную аппаратуру от Госкино.

Вся моя “аппаратура” представляла собою лишь авторучку и блокнот. А успех работы во многом зависел просто от быстроты передвижения. Поэтому каждый раз я поселялась либо в самом г Чернобыле, либо в километре от него в с. Залесском: отсюда близко к

зданию Правительственной комиссии, следовательно, на нее не опоздаешь, а затем можно остановить любую попутную автомашину и попросить подвезти практически куда угодно. На моем пропуске был гриф “Всюду”. Никто не мешал смотреть во все глаза. Очень много помогли руководители всех рангов и рядовые работники своей доброжелательностью. На вопросы отвечали, если было время, часто прямо в машине или на рабочем месте. И ни разу не проконтролировали, что я пишу. Порой, если не была уверена в точности своего изложения (в таком-то и темпе!) я сама просила посмотреть свои записи или готовый текст. Мое непосредственное начальство отправляло меня в командировки ради статей для прессы. Никто и не предполагал, что собирается материал для книги, хотя в общих словах высказывалось пожелание получить историю 30-километровой зоны. Просто ради книги приходилось уплотнять рабочий день. Удлинять почти некуда — все работали по 10 часов, не считая дороги. Просила лишь отдельную комнату — иначе не выдержать нагрузки — да запасалась едой, так как на ужин всегда опаздывала.

— Мы понимали, — продолжал И.С. Вартазаров, — что на войне нет ничего страшнее паники. Поэтому при первом подозрении двоих сотрудников отозвали в Москву. Но я хотел бы отметить особое мужество фотокорреспондентов Бабакова и Багрова, кинооператоров Калашникова, Мишина, Могилевцева, журналиста Кайбышевой. — Приятно слышать, но в моей работе ничего выдающегося нет. А вот благодаря труду кинооператоров и фотокорреспондентов удалось запечатлеть едва ли не весь цикл основных чернобыльских событий. Они первыми снимали из вертолетов и бронетранспортеров реактор и машинный зал. И у них почти не было дополнительной хлопчатобумажному костюму индивидуальной защиты от радиации — не предложили. Умер оператор Г.И. Мишин. Умер оператор Ю.П. Могилевцев. Не юноши, но вполне молодые люди.

Крайне нестандартная ситуация требовала от каждого предельной сосредоточенности, напряжения всех душевных сил. Оглядываться на соседей не было ни времени, ни физической возможности. Отчасти, поэтому многим ликвидаторам казалось, что во всей зоне работает едва ли не одна их группа. Оттого случались и курьезы. Например, когда вновь прибывший среди ночи монтажник в поисках своих пришел в здание бывшего горкома партии, дежурившие военные заявили, что кроме военной власти в городе вообще нет, а о монтажниках они ничего не слышали. А ведь в этом здании днем полно разных специалистов и ученых, дважды заседает Правительственная комиссия.

* * *

В Чернобыле побеждал тот, кто грамотно, осознанно и смело брал на себя ответственность. Следует особо подчеркнуть слово “брал”. Сразу после аварии никто не мог дать готовых рецептов, что именно нужно делать в этой немыслимой ситуации: как усмирить сбесившийся реактор, как оградить от него нормально живущую планету, как очистить от радиоактивной грязи хотя бы подступы к электростанции и, тем более, как вернуть ее к жизни, как точнее и быстрее выполнить конкретную операцию. На все вопросы требовались быстрые и конкретные решения, действия. Жизнь выявила лучших ученых, организаторов, руководителей, исполнителей.

Не только для выполнения этой экстраординарной — впервые в мире — работы, но даже для выработки решений, для формулировки темы так, а не иначе, требовалось нестандартное мышление.

— То и дело возникают новые и новые дела, о которых никто не знает, как их выполнять. Поэтому мы ориентируем людей на поиск новых, неординарных решений, — говорил Г. Ведерников.

За несколько секунд люди порой делали такое, на что в нормальных условиях нужны часы, дни. За два-три дня, а то и за ночь конструктора и проектировщики решали задачи просто фантастические по сложности и необычности.

Безусловно, все это — признак высокого профессионализма. Но свое влияние оказывала и экстремальная ситуация. От чернобыльцев требовалась не дисциплина, а именно сознательная полная отдача, по максимуму.

Время торопило. Поэтому Правительственная комиссия на выполнение любого вида работ, независимо от уровня ее сложности или принципиальной технической или организационной новизны отводила хотя и ориентировочные, но очень жесткие сроки. Каждый исполнитель, конечно, и сам был заинтересован сделать все побыстрее: раньше сделаешь — меньше облучишься. Но на практике добиться осуществления небывалых темпов при единственно допустимом отличном качестве возможно было лишь при умелой организации. Каждый раз требовались инженерный талант, мастерство, наконец, моральная выдержка всех исполнителей. Последнее было не таким уж ординарным требованием в тех сложнейших условиях.

На Правительственной комиссии ученые, строители, эксплуатационники, военные отчитывались за ход каждой операции, как на фронте: лаконично, точно, исчерпывающе.

Было очень неприятно услышать: “Почему не выполнили в срок? Вы задержались на час... на сутки! Объяснитесь!” Сроки исполнения назначали многократно короче принятых для схожих работ, выполняемых в обычных условиях. Но никому не приходило в голову их оспаривать, даже подвергать сомнению: война! Случалось, здесь же, на заседании Правительственной комиссии обсуждали предложения о технологии каких-нибудь необычных работ, даже объявляли конкурс с обдумыванием проблемы в течение... нескольких часов или за сутки. Словом, к следующему заседанию надо было иметь готовое, хорошо продуманное, технически и технологически обоснованное решение.

13 июня 1986 года. Идет очередное рядовое заседание Правительственной комиссии. Выступает заместитель Министра энергетики и электрификации СССР Ю.Н. Корсун: “В машинном зале первого и второго энергоблоков проведена первая дезактивация. Административный корпус чист на 80 процентов. На территории станции укладывают бетонные плиты. Нам нужна от Средмаша исчерпывающая схема (или хотя бы ее общее описание) дезактивации территории, которую предстоит выполнить. Пока мы располагаем лишь неполной и притом переменчивой картиной отдельных участков. Мы уже наметили все транспортные схемы, способные обеспечить полную согласованность всех участников этой крупномасштабной операции. А пока уложены 3,5 тысячи квадратных метров бетонных плит из 447 тысяч. Это все, что мы получили, хотя Госснаб Украины поработал очень хорошо. Необходим график работ по дезактивации”.

Ведущий заседание Ю.Д. Масленников тогда высоко оценил качество работ Минэнерго по дезактивации территории. Он сказал и об отличном результате, полученном от возведения стенки у подножия реакторного отделения: она уменьшала фон с 25 до 5 Р/час. Но эта работа заслуживает самостоятельного описания, несколько ниже.

Председатель бросает реплику: “Вы помните...” — “Да, я помню, что работать придется долго, поэтому я должен быть осторожен. Я осторожен...” — отвечает Корсун. А что он мог еще сказать? С утра он объехал и обошел все связанные со строительством и монтажом объекты 30-километровой зоны, поговорил с начальниками подразделений и с рабочими. Составил четкое представление о сложившейся ситуации. Это было необходимо для пользы дела. Это было его внутренней потребностью. Кроме того, в любое время суток из Москвы или из Киева могли запросить его мнение или отчет о том

или ином объекте. Информация должна быть идеально точной. Что же касается оперативных заседаний правительственной комиссии, некомпетентность просто бы не восприняли всерьез, а на эмоции и времени не было. “Корсун — золотой человек”, — скажет позднее главный инженер ЮТЭМа в работах по ликвидации последствий аварии Н.С. Окопный. Когда в Чернобыле стало спокойнее, Ю.Н. Корсуну как заместителю министра поручили руководить строительством всех объектов атомной энергетики в стране. Сегодня он — заместитель министра Минтопэнерго РФ, и сооружение атомных станций из его компетенции не ушло, поскольку энергостроители по-прежнему возводят все электроэнергетические объекты. Министерство энергетики и электрификации Минэнерго РФ вошло составной частью во вновь созданное Министерство топлива и энергии, Минтопэнерго РФ,

О чинах и званиях никто не думал — делали то, что в этот момент наиболее целесообразно. И это, как ни покажется странным, вносило не сумятицу, а порядок. Например, как-то В.М. Семенюку доложили, что на одной из электроподстанций нет дежурного — ну, некому ее обслуживать, и все тут, все уехали в эвакуацию. Эта работа относится к пятой группе по технике безопасности, случайному человеку доверить ее нельзя. Подстанция обслуживает агрегаты собственных нужд первого и второго энергоблоков АЭС. А энергоблоки эти, хотя и отключены от общей электросети и даже остановлены, однако живут и нуждаются в надежном электропитании... И Вилен Миронович, замминистра Минэнерго Украины, сам отправился на подстанцию и отлично сработал полную смену как рядовой служащий, а ЧАЭС не потеряла электропитания. Вероятно, можно было найти подходящего энергетика в 30-километровой зоне — ведь эксплуатационники АЭС работали. Но в тот момент действительно проще было заместителю министра вспомнить былое и самому стать на место рядового дежурного.

Когда я пыталась отыскать Семенюка, наслышавшись о его подвигах, его начальник, украинский министр Склярков посоветовал: “Ищите настоящего мужчину — и это будет Семенюк. Элегантен, всегда одет с иголочки и со вкусом, точно сию минуту вышел от хорошего портного, метр восемьдесят ростом, всегда спокоен, корректен. И — очень образован в атомной энергетике. К тому же он отличный инженер и руководитель. При его участии пускали агрегаты на Чернобыльской, Южно-Украинской, Ровенской АЭС. Занимается только работой и читает в основном техническую литературу. Он первым из руководителей отрасли осмотрел четвертый блок и первым давал информацию Правительственной комиссии... У него нет недостатков. — Министр задумался, а потом добавил. — Ну и девки же за ним бегают!..”

Многие руководители раскрылись в экстремальной ситуации, вспомнили все свои знания и опыт, пробудили лучшие свойства души. Это — Евгений Иванович Игнатенко, Леонид Павлович Хамьянов, Борис Яковлевич Прушинский, Александр Сергеевич Сурба, Армен Артаваздович Абагян... не перечтешь даже приблизительно.

Тем, кто не был в Чернобыле в 86-87 гг., особенно летом 86-го, описание ситуации может показаться приукрашенным, даже экзальтированно восторженным. Но оно — буквально.

— С 10 мая началась регулярная работа. К делу приступили проектировщики Минэнерго, — рассказывал начальник Главтехуправления Минэнерго СССР по строительству Г.А. Денисов, — из институтов Гидропроект, Гидроспецпроект, Оргэнергострой, Электромонтажспецстрой, Атомэнергопроект, Энергомонтажпроект и др. под руководством замминистра А.Н. Семенова челночные группы специалистов работали в круглосуточном режиме. Их решения немедленно осуществлялись. По вине проектировщиков не произошло ни одного сбоя.

Ученые многих научных направлений, из разных ведомств, но связанные тематикой исследований, также устремились в Чернобыль. Уже на следующий день после сообщения об аварии заведующий лабораторией экологической генетики Института общей генетики АН СССР В.А. Шевченко отправился к своему директору А.А. Созинову и предложил направить письмо председателю Правительственной комиссии Б.Е. Щербине с предложением подключить его лабораторию к исследованиям по оценке биологических и генетических последствий загрязнения окружающей среды радиоактивными веществами — ведь опыт они накопили, работая еще в Челябинске, после аварии на атомном хранилище. А тем временем сотрудники лаборатории горячо принялись обсуждать детали будущей экспедиционной работы.

9 мая от Е.П. Велихова позвонили, чтобы уже на следующий день группа приготовилась к вылету в Чернобыль. Затем последовал отбой. Дело в том, что решения об эвакуации, диагностике и лечении населения и др. официально предписано принимать Минздраву, а теоретическую базу готовит его Институт биофизики. Ученых Академии наук не спрашивают. Президент АН СССР академик А.П. Александров запросил материалы по предыдущим исследованиям лаборатории... В Чернобыль группа выехала лишь 17 мая. Шевченко и его сотрудники В. Абрамов и А. Рубанович в аэропорту вписали себя в список отлетающих на самолете Минэнерго. Этот самолет, словно челнок, ежедневно, а то и дважды в сутки, курсировал между Киевом и Москвой, перевозя чернобыльцев. И как обычно (теперь уже — обычно), в Киеве всех прилетевших встречал представитель Минэнерго, усаживал в автобус и отправлял в зону. В штабе Правительственной комиссии определили, что генетики ночевать будут в помещении пожарной команды. Там в нескольких комнатах люди уже спали на полу, один к одному генералы и рядовые. Дежурный принес консервов, выдал белье и спецодежду. “Спали без сновидений”, — записал в своем дневнике В.А. Шевченко.

Улица Кирова была, по сути, единственным в этом одноэтажном городке жилым микрорайоном каменных многоэтажек. Здесь постепенно сконцентрировалось жилье и большинства командированных из тех, кто жил в г. Чернобыле, а не за пределами 30-километровой зоны.

По улице Кирова в то время проходила основная автотрасса на ЧАЭС (позже стали ездить в объезд), поэтому в пять утра улица взрывалась ревом танков, бронетранспортеров, автобусов, бетоновозов...

Утром в главном чернобыльском штабе генетики увидели немало знакомых по радиационным делам, много военных всех родов войск. Их приютил Минздрав СССР, помогал и Госкомитет по использованию атомной энергии. Штаб Минздрава возглавлял Ю.Г. Григорович, старый знакомый В.А. Шевченко еще по космическим делам. Владимир Андреевич вручил ему свой прогноз по генетическим последствиям аварии на ЧАЭС. Немало коллег по совместной работе на Урале встретил он и среди работников Госкомитета по использованию атомной энергии. Решили, что Рубанович и Абрамов будут их попутчиками по зоне и окрестностям, но — собирать свой материал. Словом, план работы определили в первый же день.

В.А. Шевченко довольно точно описал первые дни своего пребывания в Чернобыле. Практически каждый из работавших там мог бы рассказать о них теми же словами. Он пишет в своем дневнике: “Деловая атмосфера Чернобыля производит сильное впечатление. Сосредоточенные лица. На улицах все в респираторах. Питание бесплатное в нескольких пунктах по талонам. Талоны выдают в штабе. Около штаба в 8 утра собираются все группы, работающие в Чернобыле. Короткие оперативки, быстрое заседание штаба Правительственной комиссии, и все разъезжаются в машинах с дозиметристами в разных направлениях. Штаб работает до 11-12 часов ночи. Можно

войти в любой кабинет и поговорить с любым членом Правительственной комиссии. Всех приветливо встречает секретарь комиссии В.М. Калиниченко.

В первый же день генетики решили обзаводиться собственной лабораторией и отдельным жильем. Их группа вскоре удвоилась, они получили отдельное жилье. Долго сами же отмывали квартиру до “нормы” — 3-5 миллирентген в час. Норма мирного времени — 10-15 микрорентген, но в Чернобыле в то время таких квартир не было. На улице было до 15 миллирентген в час. От дома до штаба — 20 минут пешком...

Улицы пусты и тихи. Цветут сады. В подъезде соседнего пятиэтажного дома поселился козел. Его кормили сердобольные командированные, зная, что практической пользы от этого козла будет не больше, чем... молока. В других домах кормили местного поросенка, иногда — кур, собак, кошек: живой же зверь, жалко, хоть и обречен.

Однажды в середине мая на Правительственной комиссии решили уточнить обстановку в прилегающих к 30-километровой зоне населенных пунктах Черниговской области и Белоруссии. Туда отправили труппу Минздрава во главе с представителем штаба Правительственной комиссии В.И. Поляковым. В эту группу вошли также биофизик В.А. Книжников и генетик В.А. Шевченко.

Получили они паек на три дня, попробовали прорваться к переправе через р. Припять, но это оказалось невозможно: “рафик” вяз в песке, дороги забиты военной техникой. Померили радиоактивность около г. Припяти — 10 миллирентген в час. Решили ехать в объезд, через Киев, по асфальту, затем через Киевское водохранилище к Чернигову. Во время остановок, когда дозиметристы измеряли фон, В.А. Шевченко собирал растительный материал. У районного центра Репки, близ границы одного из радиоактивных “следов”, фон был 0,1 миллирентгена в час. Там и заночевали в гостинице.

В Репках нужно было определить уровень поступления радиоактивного йода в щитовидную железу детей. Но часть детей была эвакуирована. Тогда решили исследования проводить в селе Любечь, где фон повыше, но люди жили.

Народ не пришлось уговаривать — все сразу же пришли в школу, задали массу вопросов. Книжников и Шевченко провели беседу, а дозиметристы определяли радиоактивность. У нескольких детей в щитовидке уровень радиоактивности оказался довольно высоким — они пили молоко от частных коров, которые паслись на молодой травке.

Конечный пункт поездки — Неданчичи. Красивое село, почти на границе с Белоруссией. Снова определили содержание йода у детей, снова импровизированная лекция, снова собралось все село. Люди были совершенно не информированы о действии радиации и о мерах предосторожности, очень обеспокоены.

Через год неподалеку от с. Неданчичи стали строить город энергетиков ЧАЭС Славутич, проведя там дезактивацию.

Московские генетики уже к 20 мая собрали немалый материал по растениям в самом Чернобыле и за его пределами, например, арабидопсис, пастушью сумку, одуванчик; зафиксировали точки роста сосны и се пыльцу. На брошенных полях стали собирать материал по культурным растениям.

На следующий день по приезде из Черниговской области Шевченко и Семенов отправились в Белоруссию вместе с сотрудниками Института биофизики Минздрава СССР. Маршрут: Чернобыль — Наровля — Мозырь — Чернобыль. Абрамова и Рубановича оставили работать в Чернобыле, Печкуренкова и Фетисова — на водоемоохладителе ЧАЭС.

По дороге в Мозырь пересекли несколько радиоактивных следов, причем некоторые шириной всего в сотню метров. Проводили бета- и гамма-съемки в деревьях. Беседовали с людьми. И здесь приходилось до хрипоты рассказывать о радиации и о ее

возможном действии на организм, то есть делали то, что обязаны были делать местные власти, но, видимо, не делали.

— Более заинтересованную аудиторию трудно себе представить, — рассказывает В.А. Шевченко. Поражало полное незнание населением того, что такое радиация. В школах мы снова производили выборочные измерения радиоактивности щитовидной железы у детей. Весть о таких измерениях быстро разлеталась по деревне, и люди буквально бежали в школу, чтобы измерить щитовидку у своих детей.

Городок Мозырь раскинулся в крутых оврагах. Это — ландшафтный заповедник. В Мозыре рядом с детдомом расположен дом для умалишенных. И вот вдоль забора дома для умалишенных идет человек в спецодежде и собирает одуванчики. Это — ученый с мировым именем, крупнейший генетик, профессор из Москвы В.А. Шевченко. Собирает материал для своей основной работы. Со стороны картина казалось забавной.

Ученые посетили и мозырский молокозавод. Обратили внимание на идеальную чистоту и порядок. Сотрудники завода под руководством местного начальника радиометрической лаборатории оперативно сами организовали измерения радиоактивности молока и молочных продуктов. Работали быстро, грамотно, умело. Биофизики задали им несколько вопросов и остались весьма довольны услышанным и увиденным. Позже этот факт был отмечен и на заседании Правительственной комиссии в Чернобыле.

А в это время генетики Рубанович и Абрамов вместе с уральцами, не удовлетворяясь только чернобыльскими улицами и дворами, работали и на участках, где фон достигал 300 миллирентген в час. Собрали богатый материал. Вскоре приехали С.А. Сергеева и другие сотрудники из московской лаборатории Шевченко — образовалась солидная организация.

Уже 11 сентября 1986 г. очень оперативно Правительственная комиссия под председательством Г. Ведерникова одобрила работу Института общей генетики им. Н.И. Вавилова по изучению хромосомных изменений у лиц, занятых на ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС. Академии наук СССР было предложено приобрести необходимую импортную аппаратуру и реактивы для автоматизации работ по исследованию хромосомных наборов в качестве биологических дозиметров. Еще через два месяца работы этого института по биологической дозиметрии были объявлены составной частью общего комплекса работ по ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС (решение подписал заместитель председателя Правительственной комиссии Ю.К. Семенов), а главе Координационного Совета по научным проблемам, связанным с ликвидацией последствий аварии на ЧАЭС президенту АН СССР А.П. Александрову было предложено принять необходимое решение по кадровым и хозяйственным вопросам.

Забегая несколько вперед, скажу, что президент АН СССР А.П. Александров, он же — глава академического Совета по Чернобылю — не считал необходимым создавать в Москве Всесоюзный Центр по генетическому мониторингу для наблюдения за здоровьем населения пострадавших от аварии областей на базе Института общей генетики академии наук СССР. Вместо этого при Всесоюзном центре радиационной медицины в г. Киеве была создана молодая проблемная лаборатория радиационной генетики двойного подчинения с опорным пунктом в г. Чернобыле, у которой вообще не было опыта проведения таких исследований и обобщения результатов — на это требуются многие годы. Московских же квалифицированных, обладающих огромным опытом ученых из прославленного в мире института просто “отодвинули”. С распадом СССР украинские исследователи отобрали у них и всю аппаратуру с наработками, по сути лишив москвичей возможности работать в этом направлении.

В 1986 г. не очень-то поощрялись исследования и в других научных областях — биологии, геохимии и пр. Много из того, что ученые все-таки сделали, было плодом их настойчивости и упорства. Факт остается фактом: даже президента всесоюзной Академии наук интересовали в первую очередь и главным образом не научные теоретические исследования, а работы, направленные на скорейшую ликвидацию последствий аварии... Понять можно. Но все-таки странно.

Вернемся и мы к работам, без осуществления которых все остальные отходили на второй план.

КТО ОН, НЕИЗВЕСТНЫЙ СОЛДАТ?

“А когда мы инаки были?” — ответили российские солдаты генерал-фельдмаршалу Г.А. Потемкину в ответ на его благодарность от имени России за храбрость и патриотизм, проявленные в боях за освобождение Крыма от турецкого владычества.

Огромная работа свалилась на плечи военных. Первыми прибыли войска действующей армии. Многих призвали из запаса. Чаще сорока-сорокапятилетних солдат, сержантов и офицеров вызывали, как по тревоге, порой даже ночью в военкоматы, называли адрес: “Чернобыль, хотите? На 3-6 месяцев?”. И давали порой не больше суток на сборы. Часто согласия не спрашивали. Молодежь жалели.

Этих людей в шутку называли “партизанами”, как бы в отличие от солдат срочной службы, да так это определение и прижилось. Военнообязанные, но уже гражданские, не военные по сути люди, не привыкшие или уже отвыкшие от воинской дисциплины, шли на войну. Если их не использовали в качестве автоводителей, крановщиков и пр., то этим людям поручали, как правило, наименее квалифицированную, однако наиболее “грязную” работу, поэтому подолгу в зоне они редко задерживались, быстро набрав свои “бэры”. Однако многих морально угнетало занятие ниже их умения, возможностей. Даже ко мне однажды обратился такой “партизан” с просьбой походатайствовать о его переводе на более сложную работу: он мыл полы в конторе, это было дезактивацией. Женщин-уборщиц почти не было. Профессионалами были энергетики, они работали в тех же условиях, но обычно дольше, так как не было замены. На все их просто не хватило бы, в помощь и нужны военные.

Но все-таки у многих военных была подходящая профессия, их целесообразнее было использовать на более квалифицированной работе, например, сварщиков и беречь энергетиков. Ведь энергостроителя нужно готовить лет пять, не меньше. А настоящим монтажником или эксплуатационником в электроэнергетике становятся лет за семь-восемь после получения диплома об образовании — будь то рабочий или специалист.

Многие из “партизан” тоже были мастерами своего дела и имели право этим гордиться. Я боялся капризов, страха — этого не было ни разу. Мы, а не армия, отвечали за их питание, одежду. Помогали строить их жилые городки. Мы часто работали буквально рядом, нас и их было практически поровну. Но, даже выполняя черную работу, это были рыцари без страха и упрека. Они очень нам помогли. — Такое мнение о “партизанах” в конце 1987 г. высказал ветеран Чернобыля начальник строительно-монтажного комплекса №2 УС ЧАЭС В.П. Головин, который многие месяцы бесменно командовал работами на трудных и опасных участках.

Один из таких “партизан” — В.В. Ярош с Урала, обаятельный и очень скромный человек. Отслужив, как все, он прибыл в Чернобыль вторично, уже добровольцем-специалистом. В первый раз его спросили в военкомате: “Хотите в Чернобыль?” — “Хочу!” Во второй раз он приехал уже заместителем начальника УС ЧАЭС, да так и не захотел уезжать. Его знания и способности оказались очень ценными в этих условиях. Вообще почти все солдаты, прикомандированные к строительно-монтажным

управлениям, очень добросовестно несли свою службу, безропотно выполняя любую работу.

Солдатам внутренних войск в основном поручали уборку территории АЭС и помещений, рытье каналов и т. п. Химические войска занимались радиационной разведкой, дезактивировали помещения атомной станции, дренажи, поселки, дороги, работали на контрольных дорожных пунктах. Огромных усилий требовала дезактивация г. Припять. Многие за это удостоены правительственных наград и почетных грамот правительства Украины.

Так отмывали технику.

О некоторых вскоре рассказали в Музее гражданской обороны СССР. ...Автомобиль молодого солдата рядового В.Е. Нечипая был готов к выезду в любое время суток... Военному водителю и автозаправщику рядовому О.А. Менчуку в Чернобыле исполнилось 20 лет. Его обязанностью было заправлять топливом автомашины, откачивать воду из подреакторных помещений. На вопрос, что ему запомнилось больше всего, ответил: “Люди. Всех, с кем приходилось работать, отличали уверенность действий и величайшая доброжелательность друг к другу, и еще — то, с каким чувством все они произносили “Спасибо!” — все, кого он обслуживал: доверяют!!!” И качество заправки автомашины было жизненно важным фактором.

А вот — классический по своему характеру документ советского периода. Сегодня это история, но — история нашей страны.

“Комсомольцы и молодые воины капитана А.В. Изотова Краснознаменного Белорусского военного округа обратились к личному составу подразделений, участвующих в ликвидации последствий аварии на ЧАЭС на территории Белорусской ССР:

— Дорогие товарищи, боевые друзья! Глубокой болью в сердце каждого из нас отозвалась авария на Чернобыльской АЭС, ставшая общей бедой для всех народов нашей многонациональной Родины. По приказу Родины, по велению долга воины нашего подразделения одними из первых прибыли для оказания необходимой помощи населению и для выполнения других задач по ликвидации последствий аварии.

За это время произведен большой объем различных работ. Но, оценивая реально свои возможности, мы пришли к выводу, что можно сделать еще больше и качественнее. Требования сегодняшнего дня — удвоить усилия, повсеместно ускорить выполнение стоящих задач.

Мы обращаемся ко всем комсомольцам, молодым воинам, всему личному составу подразделений, участвующих в ликвидации последствий аварии на ЧАЭС с призывом: “Борясь за досрочное завершение работ, трудиться по-корчагински, по-комсомольски под девизом: “Каждому дню работы — конкретный итог, отличный результат, с высоким качеством”.

Многим в Чернобыле снился Афганистан, как незаживающим рана. Появился такой феномен: “чернобыльский фольклор”, “афганский фольклор” как родственные явления. Вот в Центре научно-технической информации по энергетике и электрификации “Информэнерго” уж давно окончился рабочий день, но в конференц-зале собрались несколько десятков человек, в основном молодежь, и терпеливо ждут “афганцев” — бывших воинов, отслуживших в Афганистане. Они еще — поэты и барды, авторы и исполнители песен об Афганистане и о своих товарищах.

Такие разные по тематике, песни о Чернобыле и Афганистане удивительно близки друг другу. И в обоих случаях чаще пишут их не между боями, а давно вернувшиеся. Те и другие отмечают, что со временем им все труднее представить себе, что же сейчас, без них происходит в Афганистане и Чернобыле. Но остается в глубине души главное: любовь к Родине, и то, что эта любовь может проявиться спонтанно в любой нужный момент.

— Год-два я не мог писать об Афганистане, — рассказывает бывший минометчик Игорь Медведев. Он служил в Афганистане и 1981-1983 годах, — хотя эта тема всегда живет в нас. Проходят годы. Глубже закапываешься в пережитые события, в свои воспоминания. И — переосмысливаешь их, но я помню главное чувство тех лет: ностальгия. — Обыденность разъедает, как ржавчина. Теперь появляется ностальгия по Афганистану, где чувствовал себя нужным, — Вернувшись к мирной жизни, Медведев поступил в весьма привилегированное внешнеторговое учреждение. Но понял, что такая деятельность не для его натуры и пошел учиться на закройщика. — Война не имеет и не может иметь общего опыта. У меня есть “моя” война в Афганистане”. У чернобыльцев — своя.

На Митинском кладбище под Москвой похоронены афганцы и чернобыльцы.

О, сколько еще кровоточащих ран:
Налево — Чернобыль, направо — Афган.
Закованы в цинк и одеты в свинец
У разных смертей одинаков конец.
Тех, слева, бил атом, а справа — металл.
Кусочек земли их во всем уравнил.
Имя им всем — российский солдат.
И горько от близости каменных дат.

Афган и Чернобыль — испили до дна
От входа к развилке дорога одна
И вместе идут на свиданье по ней
Матери их, пережив сыновей.

Это — о Митинском кладбище.

Нам всем говорили, что война в Афганистане началась по просьбе его правительства о братской помощи Советского Союза в защите от угрожающих моджахедов. Так понимали свою роль и советские воины — как интернациональный долг, исполненный гуманности долг. Не их вина, что их “подставили”. В нашей стране такое случается. Но начальники приходят и уходят, а Родина остается. В Афганистане только за 1987 г. боевым орденом Красной Звезды было награждено 4 тысячи человек. Из Афганистана более 50 вернулись Героями Советского Союза.

“Самое страшное наказание для солдата в Афганистане было — когда его не брали в бой. Представляете, рота получает оружие, боеприпасы, бронезилеты, все знают, что кто-то, видимо, не вернется — а один, один остается в лагере. И все знают, что уж он-то точно останется жив... Страшное наказание. Я видел, как однажды такой отлученный от боя бежал за колонной несколько километров, умоляя, чтобы его взяли. Пуля, выходит, не так страшна, как бесчестие. Афганистан поднял планку наших нравственных ценностей на небывалую за последние годы высоту, — пишет майор Н. Иванов, кавалер ордена “За службу Родине в вооруженных силах” III степени. — Не на словах, а на деле мы увидели, что такое вера друг в друга, что такое мужество и самопожертвование”. Это понятно и чернобыльцам. И здесь, случилось, от подстраховки зависела жизнь.

Мыслимо ли сегодня представить, что во время афганской войны наши люди почти ничего не знали о своих героях! А теперь вот почти ничего не знают о чернобыльцах.

...Узнавая о событиях в 30-километровой зоне, мы все прежде всего слышали о вертолетчиках. Пролетая над огнедышащим реактором, они выполняли дозиметрическую разведку, помогали ученым оценивать обстановку, возили грузы и сбрасывали их на реактор. Эта, казалось бы, обыденная работа требовала от каждого летчика немалого личного мужества. Вертолетчиков в Чернобыле называли людьми генерала Антошкина — героя Афганистана, первого заместителя командующего ВВС Киевского военного округа. Я признательна Николаю Тимофеевичу за то, что он уделил воспоминаниям несколько часов. 26 апреля 1986 г. он исполнял обязанности командующего, который был в отпуске.

— В первый день, с утра мы уже знали об аварии по своим связям через Гражданскую оборону и поняли, что нас обязательно “выдернут”. Поэтому я сидел у себя дома в Киеве на Кутузовском проспекте и ждал вызова. Мой зам. по боевой подготовке был отпущен в Чернигов, первый зам. — генерал Феокистов накануне отпросился на рыбалку. Нам поставили задачу одним экипажем вертолета провести разведку. С киевского аэропорта Борисполь подняли эскадрилью. Одним из вертолетов командовал капитан Володин. Он первым пролетел над реактором около 10 утра. К обеду результаты разведки были известны.

На вертолетах летали ученые, члены Правительственной комиссии. Так, около 17.00 26 апреля облететь на вертолете четвертый энергоблок ЧАЭС решили член-корреспондент АН СССР В.А. Сидоренко, академик В.А. Легасов и заместитель министра Минэнерго СССР Г.А. Шашарин. Они сделали два круга и произвели замеры. В факеле над реактором на высоте 140-180 м было 180 рентген в час.

Первые попытки забросать с вертолетов аварийный реактор мешками с песком, бором и свинцом были уже в полдень 26 апреля. Но в этот день мешки не долетали до реактора

из-за высокой температуры восходящего воздушного потока. Наибольший эффект был 27 и 28 апреля”.

В 19.00 генерал-лейтенанту Антошкину в общих чертах изложили обстановку и поставили задачу с авиацией прибыть в район Чернобыля. Николай Тимофеевич послал свою машину в театр к командующему ВВС генерал-лейтенанту Крюкову (они всегда друг друга подстраховывали и знали, кто где находится). Решили, что ехать надо Антошкину. Обсудили, кого он должен с собой взять и что из техники перебрасывать в этот район.

— Я взял начальника химической службы с приборами и всем нашим снаряжением, какое положено брать в соответствующих случаях. Моим помощником из вертолетной авиации стал подполковник Нестеров (он был заместителем командующего по армейской авиации). Ночью он вылетел с полком в район аварии: утром ожидался туман, поэтому и решили вертолетный полк перевести ночью в г. Чернигов, на училищный аэродром, чтобы 27-го утром он уже был в Припяти.

Генерал Антошкин поехал домой, переоделся, попрощался с семьей. Забрал своего помощника и на военной машине УАЗ-469 убыл в направлении Чернобыля. Выехав на трассу из Киева, настигли колонну автобусов, да так и не смогли ее обогнать до самого Чернобыля. Эти автобусы были предназначены для эвакуации припятчан.

Уже за 18 километров от станции, выезжая из г. Чернобыля, они хорошо видели зарево. “На элементарном уровне разбираясь в атомной энергетике, я понял, что дело плохо, стало не по себе. Над реактором — дым. Психологическое состояние неприятное...”

К полуночи прибыли в горком партии г. Припяти. Он гудел, как улей, и видно, что — давно. Генерал Антошкин нашел первого военного — это был Герой Советского Союза генерал-полковник Б.П. Иванов. Представился, а Иванов представил Антошкина Правительственной комиссии, Б.Е. Щербине. Николай Тимофеевич доложил, что полк перебрасывается в г. Припять, и к утру 27-го первые вертолеты придут.

В атмосфере было грозное положение, над г. Припятью — туман, поэтому вертолетный полк перебрасывали в обход грозы. С рассветом первая машина приземлилась прямо на городской площади, между речным вокзалом и горкомом партии, около цветника. Ее привели полковник Нестеров и командир полка полковник Серебряков. Генерал Антошкин своей фуражкой дал им отмашку, где сесть, там и сели. Они привезли и полковую старенькую радиостанцию.

Члены Правительственной комиссии на этом вертолете поднимались над реактором, разведывали обстановку. Одновременно летчики отрабатывали методику выбора направлений для заходов, скорости и высоты полетов, чтобы в реактор можно было сбрасывать грузы, которые рекомендовали ученые. “Я убедился, что Брюханов — не трус. Он летал трижды, так трусы не поступают”.

Какие именно грузы придется сбрасывать, летчикам сказали, но делать это не приказывали до тех пор, пока не было принято решение об эвакуации жителей.

Другие четыре вертолета Антошкин посадил на стадион, а потом еще на площади сажал сразу по три машины.

Летчики видели, что народ взбудоражен, люди спрашивают, в чем дело, небольшими группами стараются прорваться в горком, к Правительственной комиссии. Приходилось отгонять от вертолетов мужчин и женщин с детьми, даже с колясками — лезли поглазеть: “Генерал, жалко, что вертолет посмотрим, что ли?” Сами летчики ходили в респираторах и уже знали, что их машины заражены, около них фон был уже рентген в час: ветер дул как раз в этом направлении, через лес, который вскоре стали называть Рыжим.

— А они-то без респираторов, даже дети! Меня удивило, что атомщики ведут себя так легкомысленно. Но, вероятно, они не знали ситуации. К обеду жителям сказали, чтобы готовились к эвакуации. Заместители министров внутренних дел Украины и СССР отработывали систему эвакуации, как боевую операцию. После обеда она началась, и за 2 часа 40 минут все люди были вывезены. При этом высочайшую организацию показала милиция, — вспоминает генерал.

И на него гнетущее впечатление произвел вид города: таранька на веревочках сушится, белье на балконах, брошенные коляски. Все это бесхозное. Продуктовые магазины специально оставлены открытыми, чтобы население и оставшиеся разобрали продукты. Антошкину тоже предложили взять водку и вино.

— И жители, и я знали, что вина типа “Каберне”, “Алушта” выводят радионуклиды из организма, а водка ослабляет их действие — все было разобрано. Но вертолетчикам пить нельзя, особенно перед полетами. В авиации — самый сухой закон. Только в праздничные, субботние дни, и то чуть-чуть: летчик не должен баловаться вином. Таких мы просто выгоняем с летной работы.

Когда население было эвакуировано, вертолетчикам разрешили пробные броски. В оставшееся время до захода солнца они накидали 60 тонн — методика только-только отработывалась, да и вертолетов еще было мало. Мешки с песком часто приходилось грузить самим летчикам, так как гражданских помощников на подвеске почти не было. Случалось, они и отказывались, требовали специальную одежду и т. п.

Мешок весил 80-120 килограммов. Экипажи сами загружали их и внутрь вертолетов. Им помогал даже генерал Антошкин — при погонах и галстук, но в обычной, легкой одежде. Все “вооружение” — респиратор, сбоку на ремешке радиостанция да в кармане дозиметр-”карандаш”. Г.А. Шашарин и Н.Т. Антошкин разъезжали в машине по зоне, выбирали подходящие карьеры для добычи песка и глины, вертолетные площадки.

Первый день рабочих полетов. Вот вертолеты взлетают, зависают над реактором. Бортовой техник привязывается страховочным поясом, открывает входную боковую дверцу, смотрит, что называется, невооруженным глазом вниз, в радиоактивный дым, на жерло реактора и кидает вниз мешок. Машина в это время — на высоте 200 метров (высота вентиляционной трубы — 150 метров), со стороны видно, как вертолет, идя по прямой, над реактором вдруг проваливается, опускается — не хватает тяги двигателей, чтобы удержать высоту; 500-рентгеновый прибор зашкаливал...

После посадки первый бортовой техник прапорщик Вышковский бегал в кусты — его рвало. Потом — снова к машине в полет. “Ребята у нас хорошие”, — говорит Николай Тимофеевич. За один полет каждый член экипажа получал порядка пяти рентген, а бортовому доставалось и побольше. Во рту — вкус железа. Голоса сипят...

С заходом солнца экипажи вместе со своим генералом ушли на аэродром в Чернигов, где по его приказу уже были затоплены все бани и сауны для летного состава. А сам генерал всю ночь со своим штабом прорабатывали всевозможные вопросы, давал указания. “Летчики, думайте, как увеличить производительность”, — всем было ясно, что при таких темпах работы, какие были в первый день работы, будет заражен весь состав, но без толку. Летчикам он сказал, что над реактором полторы тысячи рентген: не измерял, а прикинул, как бы почувствовал — он не раз говорил о своей способности как бы оценить, ощутить опасность. Если там и не полторы тысячи, внимательность и осторожность не помешают. Категорически запретил “лаптями удивлять мир”, то есть — не раскачиваться, не баловать над реактором. Сказал, что “весь мир нам не простит, если мы уроним вертолет в район реактора или не туда сбросим груз — позор”. И сами летчики уже начали понимать, что собственно авиационная авария или нечеткая работа в такой обстановке просто немыслимы. Сознание личной ответственности скоро заполнило всех.

Генерал-лейтенант Н.Т. Антошкин не спал трое суток. Когда получил на это официальное разрешение, вернее, когда ему приказали выспаться, он потребовал от дежурного солдата, чтобы ровно через четыре часа поднял во что бы то ни стало. Ему казалось — только заснул. А солдат уже трясет за плечо: “Вставайте!”

“Не считаясь с опасностью, проявил высокие личные качества и живую инициативу”, — так сказали о нем позже, вручая звезду Героя Советского Союза...

Как уже говорилось, ученые решили реактор в первую очередь заглушить, забросать нейтральными и специальными материалами: песком, борной кислотой, свинцом. Так, 27 апреля Госснаб Украины доложил, что из разных городов республики движутся транспорты со свинцом, более двух с половиной тысяч тонн, номера вагонов — такие-то... В Припяти их увидели уже 28-го.

Кто-то должен был все эти материалы выгружать из вагонов, перегружать в мешки, насыпать в мешки песок и взваливать их в автомашины. Это и делали те самые “гражданские люди”, которых Н.Т. Антошкин поначалу не увидел на импровизированных вертолетных площадках в г. Припяти.

Экстремальные ситуации быстро обнажают, “кто есть кто”. Становятся бессмысленными лицемерие, демагогия, нравственная фальшь. ...Что ж, грузить так грузить. Большинство занятых этим делом были не рабочими, а инженерно-техническими работниками, в основном из управления строительства ЧАЭС и связанных с ним монтажных организаций. До аварии почти все они жили в г. Припяти, строили атомную станцию и город энергетиков. Они не были виноваты в аварии. Они были только пострадавшими. Но ведь это — их станция, их город. Еще вчера они сооружали пятый и шестой энергоблоки, третью очередь АЭС — и вот все это, кровь своего сердца, приходилось бросать, как ненужный домашний скраб... Это вызывало в душе протест, не укладывалось в голове: “Если не я, то кто же? Кто будет спасать любимый город, любимое детище, любимую землю?”

Лишь руководителям строительных и монтажных подразделений на всякий случай предложили остаться, эвакуировались лишь их семьи. Никто не возразил. Но в первый момент еще не было ясности, каким конкретным делом придется заняться. Когда выяснилось, что первоочередная работа — погрузка песка, заместитель начальника треста “Южтеплоэнергомонтаж” Токаренко пошел за подмогой в соседние села: там эвакуацию тогда еще не объявили. Сельские жители не вникали в детали аварии и, конечно, помыслить не могли о ее масштабах.

— Некогда, картошку сажаем, — ответили они Токаренко. Тогда он обратился к женщинам, разъяснил обстановку: “Бабы, объясните своим мужикам, что их помощь позарез сейчас нужна”. — Этот ход сразу возымел действие. Одновременно Степанов из райкома партии тоже организовал жителей из окрестных сел и города Чернобыля. Они очень хорошо помогали, чем могли. Сами же подсказывали и места песчаных карьеров. Вообще, без их энтузиазма решить эту проблему было бы значительно труднее.

По своей инициативе к ним подключились монтажники, жившие в Киеве и Триполье... Так прошло воскресенье 27 апреля. На следующий день стало полегче: эвакуированные в села за пределами 30-километровой зоны припятчане осмотрелись и попросили их тоже подключить к какой-нибудь работе. Помогли и воины одной из частей Киевского военного округа. Это — уже солидный трудовой фронт.

Вообще, первые месяцы после аварии люди бежали выполнять любую работу, едва услышав задание. Каждому хотелось “задавить” этого врага побыстрее, “задавить на месте”. И получалось все отлично, “с первого предъявления”. Это уже значительно позже, примерно в сентябре, стали появляться детальные рабочие планы, потребовались разные гарантийные письма, стали больше думать о бумажках, о чести мундира. Планы начала требовать Правительственная комиссия, и требовала правильно.

Погрузка песка в мешки — такая несложная, даже примитивная операция — превратилась в очень тяжелую, напряженную и опасную работу. Работали в быстром темпе. Было очень жарко, и песок, что называется, стоял столбом. За толстым слоем пыли ни лице сверкали зубы и глаза. Люди пришли в том, в чем ходили обычно. О первоначальном цвете ткани можно было только догадываться. На песке — радиоактивная пыль. Но тогда еще “не принято” было измерять уровень фона. Да и — нечем.

Вертолеты “бомбили” реактор песком и свинцом, земля “светилась”, и ветер переносил радиоактивную пыль. Не было респираторов и даже оперативных дозиметров — была только составленная на день карта общей загрязненности территории. Работали лопатами. Средства защиты от радиации у этих людей появились только 1 мая.

Многие не знали, где их родные, но времени для переживаний не оставалось: война. Людей не хватало. Объективности ради надо сказать, что были и такие, кто попросту отказывался от работы, ссылаясь на неясность радиационной обстановки и другие причины.

Но это — единицы.

...Пришли Каменец-Подольские машины со свинцом в ящиках. Тяжелые, как их выгружать? Токаренко предложил поставить машины перпендикулярно одна к другой и машинным же тросом стянуть груз на землю. Шоферы были очень довольны таким решением, самим же подумать не пришло в голову, растерялись.

На одном из карьеров у вертолетной площадки к Токаренко подбежал человек, лицо которого разглядеть было почти невозможно: жарница, духота, пот и пыль сделали всех похожими друг на друга, но мало похожими на обычных людей. Ясно одно — этот человек обрадовался встрече чуть ли не до слез: наконец-то свой. Оказалось, что он — электросварщик из ЮТЭМа Гена Чириков. В Припяти жил в одном подъезде со строителями — с ними его и эвакуировали. Своих, монтажников, рядом нет, посоветоваться не с кем, что же ему дальше-то делать. Вдруг увидел, что автобус пришел за людьми, чтобы везти в Чернобыль — бросился к нему, да так со строителями на погрузку песка и попал. Работал и раздумывал, где же все-таки своих искать. На следующий день он разыскал четверых монтажников, те и привели его к своим. А парень с тех пор все беспокоился, не будут ли его ругать за то, что от строителей ушел, вроде дезертира.

— Да о чем ты говоришь? — говорит Токаренко. — Ведь ты же в пекло попал. Какое может быть сомнение?

Между прочим, те из грузивших песок, кто не был зарегистрирован как работавший в 30-километровой зоне, ликвидатором со всеми вытекающими отсюда последствиями не считается, льготами не пользуется.

Многие летчики прибыли из Афганистана, и трусов среди них не было. И они задачу свою знали неплохо. Да, технически других условиях она, вероятно, и не представляла бы особого труда для таких асов. Но никто из них практически никогда не сталкивался с необходимостью работать в высоких полях радиации. А приборы зашкаливало.

С какой высоты сбрасывать мешки с песком? Остановились на двухстах метров. Летчики сначала тренировались в стороне, над площадкой АЭС: отрабатывали режимы полетов, пробно сбрасывали мешки с грузами — ведь надо попасть в реактор, то есть цель диаметром каких-то шесть метров.

Здесь, действительно, все — внове. Нет рекомендаций ни для одной операции вертолетчиков. В мире такие работы еще не выполняли.

В начале летали на обычных вертолетах. Вскоре днища вертолетов внутри облицевали свинцовыми прокладками, а кабину летчика — свинцовыми листами. Но в первый день и такого “вооружения” не было.

— Услышав команду “сброс”, я открыл люк вертолета, вручную сбросил мешок и еще посмотрел, попал ли? — такое могли бы в первое время сказать многие летчики. Они знали, что работают над открытым реактором. Имели право отказаться... Не отказались.

Вертолеты, как пчелы, то и дело пролетали над реактором. В машину загружали десять мешков: по пять штук укладывали на доску. Конец доски поднимали, и в “жерло вулкана” летели сразу все пять... Так — по 20 заходов в день. Ежедневно над реактором взлетало до 20-30 машин почти одновременно. Летчики ли дели, что с каждым сбросом огненный очаг уменьшается.

А в это время полковник Б.А. Нестеров, ежедневно сидя на крыше третьего энергоблока, то есть рядом с раскрытым реактором (по другим источникам — на крыше припятского горисполкома, откуда панорама четвертого энергоблока была прекрасно видна, скорее — поочередно то тут, то там) командовал сбросом грузов с вертолетов по радиации. Через несколько дней его сменили. Немалую отвагу проявил и полковник С.Дружинин.

Я подошла 2 мая к селектору, из которого слышалось: “Вылет... Сброс... Готово!” У селектора дежурили два молодых солдата. Они фиксировали ход сбрасывания с вертолетов песка, свинца и прочего. Команды слышались через каждые несколько секунд и были равномерны, как в учебном классе. В реальность такой четкой, словно по мирному графику, работы было трудно поверить, осознавая ее необходимость и огромную опасность. Нечеткая работа, заминка в воздухе над реактором означала дополнительные бэры. А неточное сбрасывание груза вызвало бы новые повреждения на кровле АЭС.

...А в микрофон селектора все слышится: “Вылет... Сброс... Готово!” — так спокойно, даже обыденно констатирует диспетчер. На цикл уходит меньше минуты. Затем снова: “Вылет... Сброс... Готово!...” Фантастика.

И вдруг — заминка. Замолчал диспетчер. Я для солдат — человек сторонний, поэтому их лица замерли и не выражают никаких чувств. Но ведь не должно же быть никаких задержек! Работу по усмирению раскрытого реактора сами военные летчики, члены Правительственной комиссии и станционники рассчитывали в деталях, как боевую операцию... Значит, произошло что-то непредвиденное.

...Так и есть. Один (из тысяч!) мешков упал на крышу машинного зала и пробил ее насквозь. А машзал — один для всех энергоблоков. В крыше и без того немало дыр от осколков “извержения”. В ночь аварии осколки пробивали кровлю и вызывали пожары в машинном зале. А тут — огромный мешок пробил большую дыру. На время операции людей со станции убрали. И теперь никто не знал, есть ли новые повреждения оборудования и велика ли опасность. А ведь мог возникнуть новый пожар, по последствиям не менее опасный, чем в ночь аварии.

Не увидишь — не оценишь обстановку. Но уровень радиации в машинном зале очень высок. Отверстие в крыше эту опасность многократно увеличило, потому что теперь на крыше полно дополнительной “трязи”. Однако выяснить масштаб повреждения, определить стратегию надо.

Добровольцы, вперед! Как на фронте. На выполнение такой работы могут идти только добровольцы... Пожар не вспыхнул.

Да, поначалу мешки в реактор сбрасывали вручную. Генерал Н.Т. Антошкин предложил в качестве контейнеров использовать тормозные парашюты самолетов. Доложили об этом начальнику Генерального штаба Вооруженных Сил СССР Маршалу Советского Союза С.Ф. Ахромееву. Он одобрил идею и отдал необходимые указания. С помощью тормозных, а позднее и грузовых парашютов работа пошла быстрее.

Монтажники ЮТЭМа придумали конструкцию подвесок для парашютов с автоматическими замками, а строители ЧАЭС спешно выточили их на своих заводах.

Систему подвесок неподалеку от АЭС делали работники цеха централизованного ремонта ЧАЭС. Работали сутками. Все знали, что радиационный фон на этой площадке — 4 рентгена в час. Но не обращали на это внимания, даже не интересовались своей дозой. Система креплений затворов — для мирного времени, возможно, не ахти сложный комплект — в условиях чернобыльской “войны” спасла жизни и здоровье многих беззаветно смелых парней.

К шестому мая на реактор было сброшено пять тысяч тонн материалов.

Корреспондент газеты “Крымская правда” Б. Глинский сказал командиру экипажа вертолета Н.Н. Мельнику (ему присвоено звание Героя Советского Союза), что его работу называют ювелирной. “Это, пожалуй, Михалыч, не то слово, — сказал летчик. — Потребность души была — скорее ликвидировать аварию. Что помогло нам в этом? Уважение друг к другу. Все мы были равных — Председатель государственной комиссии, академик с мировым именем и рядовой труженик. Все мы с полуслова понимали друг друга, уважали мнение каждого. Тут-то мы и увидели, на что способен советский человек: его патриотизм, высокий профессионализм, гражданственность... Уверен: многое могут сделать люди, если дать простор их инициативе, интеллекту, самостоятельности”.

В Чернобыле проявилась еще одна грань человеческой природы. Мнение вертолетчика штурмана В.М. Ткаченко: “После Чернобыля, откровенно, жизнь кажется несколько пресноватой. Видимо, человек рожден для больших дел. В делах и только в делах обретает он свое достоинство”.

В музее Министерства по чрезвычайным ситуациям и Гражданской обороны можно увидеть запись: “В небо над Чернобылом поднимались военные летчики первого класса полковник Александр Ким, капитан Иннокентий Бурулев, капитан Александр Волков, военный летчик третьего класса Сергей Королевский, военный штурман первого класса кавалер ордена “За службу Родине в Вооруженных силах” III степени, майор Виктор Юриков, борттехник первого класса старший лейтенант Сергей Мунтяну, борттехник-мастер старший прапорщик Василий Дацюк. Они сбрасывали грузы в реактор...” Многие летчики сильно облучились.

Уместно отметить, что целый зал этого музея посвящен чернобыльским событиям. Экспозицию собирали по инициативе и при самом деятельном участии В.Л. Гришина, многие годы возглавлявшего музей, который в то время принадлежал лишь Гражданской обороне. Тем не менее, экспозиция не замыкается темой ГО, она рассказывает и о героях эксплуатационниках, строителях, военных, словом, всесторонне раскрывает чернобыльскую тему. Многие годы в СССР, а затем в СНГ она была единственной, И тем еще более ценна. Параллельно В.Л. Гришин многие годы возглавляет Союз “Чернобыль” СССР, теперь — России.

...Еще в ночь с 26 на 27 апреля капитан первого ранга Г.А. Кауров отбирал пробы газов из реактора на самолете-лаборатории, и позже летчики пробы воздуха ежедневно и по много раз брали прямо с вертолетов. Кроме того, по всей 30-километровой зоне были расставлены металлические штативы, на которые укладывали мокрую марлю. Ее также раз в день с помощью вертолетов нужно было забирать, а потом в лаборатории химии ткань обрабатывали, определяли радионуклидный состав. Однажды проверили дозиметр у самого лаборанта, старшего лейтенанта — прибор-накопитель показывал 30 бэр — столько он действительно набрал за время работы с пробами.

В г. Овруче базировался Научный центр Министерства обороны, а его оперативная группа постоянно жила и вообще находилась в Чернобыле, выполняя административные функции — здесь принимали людей на работу, организовывали их действия и быт.

Замечательного специалиста, организатора и душевного человека, доктора технических наук капитана первого ранга А.М. Матущенко все, кто с ним был связан,

вспоминают с особой теплотой. Долгое время под его руководством осуществлялся контроль воздушной среды над обширными территориями Украины и Белоруссии, а также над самим аварийным реактором и прилегающей к нему местностью. Как правило, в светлое время суток Анатолий Михайлович и сам, можно сказать, не вылезал из самолета-разведчика или вертолета-разведчика. Вел измерения гамма-излучения в атмосфере, обрабатывал полученные результаты, потом определял процентное содержание соответствующих радионуклидов, брал пробы аэрозольных продуктов на траекториях их переноса, словом, вместе со своими подчиненными следили за тем, как “дышит” реактор.

Исполнителям объясняли, что главная задача — определить, как распространились радионуклиды. И составляли соответствующие карты. Они, в частности, послужили объективными документами в споре с некоторыми иностранными фирмами об истинном радиационном фоне. Дело в том, что фирмы из ФРГ и других стран пытались предъявить нашей стране финансовый иск за то, что их территории, их продукция, якобы, подвергались значительному радиоактивному загрязнению. Претензии оказались несостоятельны.

В 86-м в обязанности старшего научного сотрудника в/ч 52609 В.И. Бутенева входила организация научных программ. И он сам в соответствии с этими программами выполнял заборы воздуха с вертолетчиками. Кстати, он очень подружился с ними на почве рыбалки: ловили в разных водоемах на территории 30-километровой зоны. У всех были приборы, и они показывали, что рыба не такая уж и грязная — голову отрубишь, а остальное можно есть.

— С Валерой, начальником экипажей вертолетов, мы как раз на рыбалке и сошлись, — рассказывает Владимир Иванович. Он перед этим еще в Афганистане ловил рыбу, и вообще был “до зубов” вооружен разными спиннингами и другим, необходимым для этого дела снаряжением. Мы летали каждый день: облет восьми точек, как раз на день работы. Маленькие боевые вертолеты для нас прислали из Афганистана. Кроме того, мы забирали пробы воздуха над станцией и тоже везли в лабораторию в Овруч.

Однажды мы шли по аэродрому и увидели Валерия, сидящего рядом с вертолетом. Он будто был не в себе. Сказал, чтобы мы шли обратно и что сегодня полета не будет. Попробовали узнать в чем дело — он не стал объяснять: не будет и все. Мы вернулись в свой автобус и отправились в казарму, и даже были рады: марли надоели.

А в казарме узнали, что в этот день на территории АЭС разбился один из экипажей вертолетов, зацепившись винтом за трос. По традиции в тот день, когда гибнут товарищи, экипажи из Афганистана на работу не вылетают.

Прилетев к станции на следующий день, мы увидели, что все те вертолеты, которые задействованы на ликвидации последствий аварии, по очереди поднимают груз и таскают его по кругу. Валерий взглянул и зло бросил: “Ну вот, теперь они начали учиться!”

За короткое время тихий провинциальный город Овруч сильно изменился. Во-первых, весь город боялся радиации: и ликвидаторы, и жители. Во-вторых, прежде здесь никогда не видели столько денег, а теперь жители неплохо зарабатывали на обслуживании ликвидаторов, которые не скупилась. Гостиница, прежде пустовавшая, всегда забита. Ресторан никогда не закрывается.

Многие черныбыльские вертолеты базировались в г. Овруче. Но помимо этих там были машины не только военные и не только для зоны. Дикость, но их обслуга и даже сами летчики называли “грязными” тех, кто летал в 30-километровую зону. Бутенев рассказывает, что с ними даже не хотели есть в общей столовой, и черныбыльцы по странной негласной договоренности ели после всех, что оставалось. А позаботиться о такой “мелочи”, как их нормальное питание, почему-то было некому. Бесплатное

питание чернобыльцев вызывало непонятную зависть у обычных летчиков, которые должны платить за свою еду. Вероятно, они изменили бы позицию, полетав хоть раз над реактором. Но чернобыльцам о своей работе рассказывать, вообще бравировать опасностью, не хотелось: тут не до слов.

По сути о ситуации в 30-километровой зоне ЧАЭС толком не знал никто, не побывав там лично.

Еще в мае над реакторной шахтой с вертолетов стали спускать измерительные датчики. Они рассказали о многом. Об одной из таких вертолетных операций рассказывает Музей гражданской обороны: “Николай Андреевич Волкозуб за 6 минут с высоты 100 м прицельно опустил на тросе термомпару — прибор для измерения температуры. После этого он еще раз летал над реактором. В таких условиях от пилота требуется высочайшее мастерство и мужество. Офицер штаба ВВС округа военный летчик-снайпер вертолетного спорта, коммунист полковник Н.А. Волкозуб тридцать лет обучает и воспитывает летную молодежь. Удостоился ордена “За службу Родине в Вооруженных силах СССР” III степени.

В начале августа прямо на месте развала активной зоны, в районе расположения верхней плиты реактора и на периферии развала установили 9 специальных диагностических биев. С их помощью получали сведения о гамма-излучении, тепловых потоках, температуре и скорости движения воздуха как по вертикали, так и по горизонтали.

Особое место в истории Чернобыля заняла операция “Игла”. Казалось бы, несложно вертикально воткнуть двадцатиметровую трубу в относительно неплотную массу метров на десять. Если это делать с вертолета, опытному летчику достаточно нескольких секунд. И действительно, летчик Н.Н. Мельник, как в копеечку, воткнул полосатую черно-белую трубу диаметром 10 см и накрытую зонтиком в месте соединения трубы и фала. Правда, с третьей попытки: труба не могла пробить плотную корку на поверхности разрушенного реактора, а может быть, упиралась во что-то.

Мельника сопровождали два других вертолета. Один вел руководитель операции П.М. Надзенюк. Прежде на летном поле отработали каждое движение: Мельник на скорости 50 км/час подлетит к реактору и без задержки начнет спускаться. Потом отбросит 300-метровый фал и сразу уйдет.

...8.40 утра. Трубу и всю операцию называли “Игла”. В полости трубы проходит множество проводов, установлены датчики. Немало их прикреплено и под зонтиком, а провода выведены в тот же фал. Теперь осталось его отцепить и сбросить так, чтобы конец свисал наружу. Готово! Ювелирная операция. Автор “Иглы”— доктор технических наук И.А. Эрлих.

Теперь к фалу на земле прикрепят другой такой же кабель. Не нужно будет то и дело летать к реактору за пробами воздуха, измерять температуру... Если бы фал оказался с нужной стороны.

Но он оказался по другую сторону реактора, в сильно загрязненном месте, да еще на высокой стене. Уровня мастерства Мельника это не снижает. Однако ученым нужен конец фала, а тут не до аплодисментов. Видя, что фал падает “не туда”, Е. Казанцев, В. Титов, А. Лебедев и В. Довгий вскочили в освинцованный БТР и объехали здание реакторного отделения, к обнаженному развалу. Титов вбежал в здание, пробежал до оконного проема по коридору, примыкавшему к разрушенному реактору, и оказался неподалеку от того места, где упал конец троса. Выскочил из оконного проема, схватил фал и втянул его в здание. А в это время там уже были остальные герои великолепной четверки. Они подхватили трос и оттащили по коридору от реактора. Группа “Игла” спасла здоровье, а может быть, и жизнь многим летчикам, энергетикам и ученым.

Неспециалисту, вроде меня, кажется, что это было необходимо. Так же рассуждали и некоторые физики и химики высокого класса. Иного мнения специалист по продуктам деления заведующий лабораторией ИАЭ А.А. Хрулев. Его подход к определению количества выброшенного топлива, вообще прогнозов поведения продуктов деления в аварийном реакторе и перспективы крупных выбросов отличен от общепринятого. Он и Ю.В. Сивинцев ставили вопрос об обсуждении принципиальной необходимости забрасывать реактор различными материалами, так как это ухудшает теплосъем и может привести к крупному повторному выбросу. Их не послушали. Выброс был.

Определение количества топлива в чернобыльском реакторе с помощью измерителей такого типа, как “Игла”, буи и т. п., Хрулев назвал попросту “идиотскими” операциями. Он говорил мне, что вместе с Хрустальевым они математически оценили эффективность такой системы определения: получилось, что по внешнему полю в условиях разрушенного реактора и рассеянию по строительным конструкциям продуктов деления, находящихся в топливе, можно оценить сотни килограммов, а ведь в реакторе более сотни тонн топлива. “На такой основе Валерий Алексеевич давал мои рекомендации Правительственной комиссии. Летчики с риском для жизни летали над раскрытым реактором — и это было малоэффективно”. Возможно, не каждый специалист поймет, кто же прав в этом споре.

В 1995 г. в НИИ диагностики и хирургии Минздрава РФ (там обследуют здоровье многих чернобыльских ликвидаторов) я встретила одного из майских вертолетчиков. Его как инвалида первой группы направляли на лечение за границу. “А до Чернобыля я летал более 20 лет без ограничений”, — говорил он.

Как ни трагично по сути, но для всех участников вертолетной эпопеи, а позже и многих других чернобыльских эпопей, это была очень интересная, творческая работа. Даже на собрании партийного актива воинских подразделений в начале июня пришлось напоминать, что партийные организации, воспитывая людей на образцах героизма, должны и предостерегать от браввады.

— Говорю об этом потому, — сказал генерал армии А. Лизичев, — что у некоторых товарищей появился “элемент привыкания” к опасности, в чем мы убедились, побывав в зоне электростанции, беседа там с воинами. Однако люди для нас дороже всего, и забота о них должна быть в центре внимания командиров и парторганизаций, и лучшее выражение этой заботы — высокая организованность”.

Полеты над реактором воспринимались многими журналистами чуть ли не как дело чести. Первые полеты, действительно, имели смысл, так как за этим следовало описание неведомого для публики и части специалистов явления.

Первую съемку разрушенного энергоблока сделал Костин 28 апреля. За кинофильм “Чернобыль. Хроника трудных недель” автору сценария, режиссеру В.Н. Шевченко и операторам В.И. Крипченко и В.В. Таранченко присуждена Государственная премия СССР 1988 года. Владимир Шевченко заплатил жизнью...

Кинооператор Валерий Юрченко также решил снимать реактор с воздуха. Но при подлете к станции стекло вертолета сразу же запотело. Тогда Валерий распахнул дверь. Ему показалось этого не достаточно — высунулся наружу и стал снимать реактор в упор. Говорят, в это время на броне вертолета было 1000 рентген/ч. Валерий знал об опасности... Он умер через полтора месяца. Его съемки уникальны, бесценны.

— Думаю, что у нас, в ФРГ, не нашлось бы столько добровольцев, чтобы приехать на такое опасное место для ликвидации последствий аварии, — сказала корреспонденту многотиражной газеты энергостроителей “Трибуна энергетика” А. Хармс, одна из трех представителей экологических обществ ФРГ, отважившихся приехать в 30-километровую зону. Остальные члены делегации отправились кто на Байкал, кто в Среднюю Азию, и понять их можно — они выбрали очень интересные маршруты. Но,

оказывается (и западногерманские гости не скрывали этого) поездка в Чернобыль воспринимается ими как проявление отчаянной смелости.

Вот говорим: 30-километровая зона. А почему 30-и?

— Да, мелкомасштабные характеристики поверхности конкретны. Однако обобщенная граница 30-километровой зоны условна, — сказал мне в июне 1986 года член Правительственной комиссии заведующий отделом Института биофизики Министерства здравоохранения СССР профессор В.С. Кошечев. Эта граница не означает, что по одну сторону черты фон такой, а по другую — иной. Не означает она также, что люди по ту сторону черты не испытывают воздействие излучения. Поэтому профилактические защитные меры внутри зоны в какой-то мере должны транслироваться и на внешнюю территорию. Это касается и сельскохозяйственных работ на открытом воздухе. В некоторых случаях здесь людям следует работать в перчатках и легких респираторах, а контроль этих обстоятельств должен быть организованным и продуманным. Внутри зоны порядок уже наведен, теперь пора проверить обстановку и за ее пределами.

Действительно, позднее и за границей зоны, как известно, дополнительно отселяли жителей. В зоне же есть относительно чистые участки, и в некоторые деревни жителям официально разрешили вернуться на постоянное жительство.

Просто в первое время условились “описать циркулем” наиболее общую для всех границу. Тогда же замечание В.С. Кошечева было очень своевременным. Оно относилось как к местным жителям, так и к ликвидаторам, ночевавшим сразу за границей зоны. Тогда еще 30-километровая зона не работала по вахтовому методу (две недели в зоне и две недели дома). Поэтому к ликвидаторам стали приезжать в гости жены с детишками и родители.

На заседании Правительственной комиссии 12 июня 1986 г., генерал химической службы И.П. Иванов доложил о том, что в г.Припяти установили автоматизированные системы контроля за радиоактивным фоном, и теперь нет необходимости посылать туда по несколько раз в день дозиметристов. Фон в городе стабилизировался. Скоро приборы установим и на реакторе, — продолжал генерал, — Они будут автоматически передавать на пульт и записывать разнообразные сведения о его поведении. Можно будет и поменьше ездить к реактору. Вблизи него, благодаря принимаемым и уже принятым мерам, радиационная обстановка имеет тенденцию к снижению, стабильна.

Так уж получилось, что после эвакуации населения из г.Припяти никому не было дано указание установить контроль за радиационным фоном на рабочих местах тех, кого здесь оставили на службе, в том числе от министерства внутренних дел УССР. Эти люди, в частности, контролировали работу охранной сигнализации. А когда замерили фон в их комнатах, выходящих окнами на АЭС, результаты оказались удручающими. Людей немедленно перевели в подвальное сооружение, где уровни радиации были более безопасными. Установили жесткий контроль по многим точкам в городе Припяти. У личного состава вневедомственной охраны появились свои дозиметры. Но независимо от того, были они “вооружены” дозиметрами или нет, припятские работники милиции вели себя как патриоты: например, В. Кучеренко, А. Стельмах. О мужестве и храбрости сотрудников Полесского, Чернобыльского, Иванковского отделений милиции уважительно говорили даже в Министерстве внутренних дел республики.

ВРАГ-НЕВИДИМКА

“Нет, человек не бесчувственен, человек подвигнется, если только ему покажешь дело, как есть”.

Н.В. Гоголь.

“Съезд на обочину запрещен”, — требует транспарант. Никто и не пытается: все быстро привыкли и к такой противоестественной ситуации — понятно, что радиацию на обочины смыли с дороги и дожди и поливочные машины. Наоборот, протест, возмущенно скорее вызвали бы легкомысленные косари или мирно пасущиеся коровы...

Зону “надевали” на себя сразу. В нее входили, как в объективную реальность. И ее законы, вероятно, из чувства самосохранения, воспринимали тоже сразу, как неизбежное и единственно возможное. А вот мирная жизнь даже через день-два казалась нереально прекрасной и к тебе как бы не относящейся.

Самым поразительным ощущением у всех, и как открытие неожиданным, было возвращение из 30-километровой зоны в нормальную жизнь даже через день. Здесь — веселое солнце, а не просто изнуряющая жара. Веселые лица... Они радовали и удивляли, будто вы попали на другую планету.

Предостерегающие транспаранты в 86-м стояли не только в пределах, но и довольно далеко от границы 30-километровой зоны на дорогах Киевской, Гомельской, Черниговской областей. Трагизм заключался именно в их обыденности. Транспаранты не убрали и много позднее, когда опасность существенно уменьшилась. Может, забыли, а может — для большей гарантии.

Нет крови. Нет стонов. Нет никаких видимых признаков опасности. Но если наступит адаптация к чувству опасности, может настичь смерть...

Когда в сельской местности или в таком же совсем недавно милом, тихом и зеленом провинциальном местечке, как г. Чернобыль, больше не лают собаки и не кудахчут куры, становится страшно.

Самым страшным на омертвевших чернобыльских улицах, на мой взгляд, были даже не покинутые дома с великолепными садами — это тягостная картина, но о ней заранее знаешь, к ней как бы готов, хотя к виду мертвого города привыкнуть невозможно. Осознать этот факт меня заставила пара кошек. Они сидели перед своими калитками, там, где прежде обычно сидели их хозяева. Они даже не пытались ластиться к людям — знали, что это бесполезно, их никто гладить не будет! И в глазах их была безмерная печаль.

Я пошла по улице дальше. Вот из-под забора вылез домашний кролик. Посидел, подумал и отправился обратно. А невдалеке солдатик не выдержал — взялся обмывать под краном морду бездомного пса. Но ему товарищи заметили, что теперь обмывать придется его самого. И ведь это — всерьез. У столовой в “Сказочном” я видела красивейшего крупного породистого пса, которому все старались положить что-нибудь вкусненькое. Нос его постоянно кровоточил... Вот эта превратившаяся в смертельную опасность мирная жизнь и была особенно страшной.

Как-то утром в июне 86-го в Чернобыле я вышла во двор. Мощный аромат клубники насытил воздух. Вот она — под ногами. Четверть гектара спелой, блестящей, пышной, ароматной клубники...

А есть нельзя. На свою неровную тонкую кожицу клубника больше, чем какие-то другие плоды и ягоды, набирает радиоактивную пыль. А уж пыли в то жаркое и сухое лето было достаточно.

Инструкция не позволяла ходить по траве, касаться листьев на деревьях и кустарниках — они собирают пыль. Правда, дозиметристы уверяли меня (неофициально), что можно есть черешню после мытья в пяти водах; можно есть яблоки, если как следует их помыть и вырезать серединки.

И действительно, яблоки, сливы, черешню, вишню ели многие, включая председателя оперативной группы Правительственной комиссии. И шутили, что это безопасно, если сердцевинки яблок и косточки закапывать поглубже в землю.

Местные фрукты ели не потому, что не привозили чистые. Лишь первый месяц-полтора в столовых было маловато фруктов и овощей. Потом горы свежих, маринованных и соленых овощей и яблок постоянно и неограниченно лежали на подносах в любой столовой круглый год. Были соленые арбузы, украинское лакомство; у эксплуатационников — и апельсины.

Просто хотелось, зреют ведь перед глазами на каждом шагу. Большая часть Чернобыля — это одноэтажные частные дома. И в каждом дворе — свой небольшой плодовый сад и цветники.

Много раз я разговаривала с пожилой женщиной, которая не захотела уезжать и осталась в своем доме в с.Залесье, что в километре от г. Чернобыля, и работала уборщицей. Она не хотела пользоваться бесплатными талонами на питание, которые получали все работавшие в зоне, почти ничего не покупала в магазине, а питалась исключительно продуктами со своего приусадебного участка. На все добрые советы отвечала: “Моих курей и мою картошку проверяли. Они чистые”. Собственно, вначале курица у нее была всего одна. Но постепенно появилось “общество”: куры сами по себе собирались вместе из соседних дворов. А в дом, где в тот приезд жила я, приходил завтракать и ужинать огромный нахальный кот. Он все норовил от своей площадки из кухни прочиться в комнаты и разместиться на чьей-нибудь кровати. Но такую вольность ему теперь никто разрешить не мог: шерсть особенно накапливает радиоактивность.

При входе на киевский рынок я увидела длинную очередь женщин и мужчин из многих районов Украины с огромными корзинами отборной клубники и черешен — к дозиметру. За прилавками продавцы протягивали справки о безукоризненной чистоте своей продукции и предлагали ее за более низкую цену, чем обычно. Но покупателей было немного. Киевляне на всякий случай предпочитали ягоды только из государственных магазинов.

Дозиметрический контроль я встречала на рынках и в других городах.

Так повело отсчет новое время, “Эпоха после Чернобыля”, эпоха стыда и прозрения.

В мае на город Припять, красавец город, многоэтажный, нарядный, совсем еще новенький, не достигший и 15 лет, можно было смотреть только через триплекс бронированной машины. Осенью уже разрешалось ездить по улицам, хотя и осмотрительно: часть города относительно безопасна, другая — весьма радиоактивна.

Средняя плотность населения в Полесье до строительства Чернобыльской АЭС составляла примерно 70 жителей на квадратный километр. К дню аварии в г. Припять, расположенном на запад от трехкилометровой санитарно-защитной зоны АЭС, жило 49 тысяч человек, в районном центре Чернобыль, расположенном в 18 километрах по прямой к юго-востоку от АЭС — 12,5 тысяч.

Теперь значительная часть Полесья стала тридцатикилометровой зоной, землей, пораженной в радиусе 30 километров от места аварии. Географы сказали бы, что она находится в юго-западной части Восточно-европейской равнины и частично в Припятском полесье, к которому с востока примыкает Приднепровская низменность. Большая часть территории в Украине, меньшая — в Белоруссии. Климат — умеренно-континентальный: с теплым летом и сравнительно мягкой зимой. Среднегодовое

количество осадков колеблется в пределах 500-650 мм, примерно 2/3 из них выпадает в теплое время года. Благодать!

Итак, равнина. Климат мягкий и приятный. Природа для спокойной жизни в течение всего года и очень приятного отдыха поздней весной, летом и ранней осенью.

Чернобыль впервые упоминается в документах Древней Руси 1193 года. Далеко не все города в Украине такие древние. Но до аварии он был похож на многих своих собратьев. На памяти нашего поколения такие городки раньше ласково называли “местечками”. Тихие улочки, преимущественно одноэтажные дома с приусадебными участками, на которых выращивали фрукты, ягоды, овощи, разводили кроликов, кур и свиней; перед воротами сидели на лавочках хозяева и обменивались новостями с прохожими. Все друг друга знали, все были соседями. Многоэтажные (в 2 и 3 этажа) красивые каменные дома образовывали главную площадь. В них размещались райисполком, райком партии и почта. Двухэтажное здание занимали универмаг и над ним ресторан. Да еще несколько кирпичных многоэтажных жилых и служебных зданий образовали две улицы — в центре и на окраине города. Вот и весь районный центр с историей в восемь веков.

Энциклопедический словарь географических названий издания 1973 г. сообщает еще о пристани на р. Припять, о расстоянии в 18 километров от железнодорожной станции Янов (в этом месте построена ЧАЭС), о наличии ремонтно-эксплуатационной базы речного флота, чугунолитейном, кирпичном заводах и предприятиях пищевой промышленности. В Чернобыльском районе выращивали коров на молоко и мясо, лошадей для разных сельских работ; сажали картофель, кормовые культуры, зерновые и лен-долгунец. А в лесах вокруг растут сосна, дуб, граб, береза да ольха. Город Припять в этом словаре издания 1973 года еще не значится.

Люди привыкают ко многому. В городе Чернобыле быстро привыкли ходить только с покрытой головой и в марлевых респираторах, выбирать не сухие, а свежeweымытые, следовательно, не пыльные тротуары, а еще лучше — пользоваться автомашиной даже на расстояние 200 м. Привыкли и к виду десятков пар домашних тапочек у входа в служебное помещение, которые всем необходимо надевать вместо уличной обуви.

“Уровень радиации в помещениях вдесятеро меньше, чем на улице. Держите двери и окна закрытыми”, — бросались в глаза объявления на входной двери. Помещения поэтому в любую жару — а она была за тридцать — проветривать было невозможно. Это правило въелось в сознание. Приехав домой в Москву в июне, я открыла балконную дверь, а в мозгу мелькнуло: “Нельзя!”.

В Киевском аэропорту незнакомый человек поставил сумку на тумбу, а в сознании будто возникло табло: “Нельзя!”.

Нельзя ходить по траве, трогать ветки — на них радиоактивная пыль. Нельзя тем более садиться на землю. Однажды на чернобыльской улице я встретила старичков с собачкой — не утерпели, приехали посмотреть свой дом. Дедушка устал, присел на камень у дороги и задумчиво гладил свою собачку. Я подошла, шепнула: “Бабуля, скажите, что нельзя сидеть на камне — он грязный”, нельзя гладить собачку — шерсть накапливает радиацию” — и дед безропотно встал... Нельзя сидеть на родной земле... Эта покорность идиотским обстоятельствам, эта безысходность страшны.

Настало время новой культуры поведения, культуры жизни в радиоактивно загрязненной среде, и люди быстро осознали и восприняли эту “культуру”, понимая ее одновременную противоестественность и необходимость. Вернемся к ее началу.

В своем дневнике Герой Советского Союза генерал-полковник Б.П. Иванов пишет, что 26 апреля около 7 час. 45 мин. второй секретарь Киевского обкома компартии Украины В. Маломуж, заслушав директора АЭС В. Брюханова по существу аварии, мог сделать вывод, что радиационная обстановка на АЭС и в г.Припяти опасности не представляет. Тем не менее, под руководством В. Маломужа были определены задачи

прибывшей группе штаба работников ГО области: уточнить радиационную обстановку на станции, в самом городе и по направлению распространения радиоактивного следа, установить постоянные точки замера радиоактивности и производить измерение уровней каждые 1-2 часа, уточнить медицинскую и инженерную обстановку на месте аварии. Время доклада о проделанной работе — 12.00.

Около 10 часов 26 апреля к месту аварии прибыла оперативная группа во главе с генерал-лейтенантом Н. Бондарчуком и мобильный отряд под командой полковника В. Гребенюка. Ни ранее, ни во время движения по маршруту предварительной информации о радиационной обстановке в районе АЭС и на самой станции руководство группы и отряда не получали. Таким образом, мобильный отряд полковника В. Гребенюка и оперативная группа генерал-лейтенанта Н. Бондарчука подходили к зданию АЭС, ничего не зная о радиации, хотя информацию о радиационной обстановке им обязаны были передавать.

“При подходе к зданию генерал-лейтенант Н. Бондарчук, полковник В. Гребенюк и их подчиненные почувствовали тревогу, — пишет Б.П. Иванов, — На территории станции людей не было, за исключением нескольких милицейских постов и бойцов военизированной охраны. Над четвертым энергоблоком курился дым... Командир взвода разведки старший лейтенант А. Логачев включил измеритель мощности дозы ИМД-21Б — прибор зафиксировал высокий уровень радиации... Было принято решение отвести главные силы отряда в г.Припять и самым тщательным образом выяснить радиационную обстановку в районе АЭС и 30-километровой зоне”.

В октябре 1986 года служебные дела привели Б.П. Иванова в штаб Гражданской обороны Киевской области. Он беседовал “на чернобыльскую тему” почти со всеми офицерами. И вот такая существенная, на его взгляд, выяснилась деталь. Оказывается, было указание: с утра 26 апреля радиационную разведку в Припяти силами военизированных разведывательных формирований вести скрытно, не привлекая внимания населения. От кого исходило такое распоряжение, генерал-полковнику установить так и не удалось. Но оно было! И цель, как ему объяснили, преследовало только одну — не допустить паники.

Паника... Это слово магически действовало на некоторых руководителей. Но только ли паники опасались они? В старину гонца за плохую весть, случалось, убивали... Теперь, конечно, не убили бы. Но недовольство начальства... Возьмем как пример хотя бы известного нам бывшего директора ЧАЭС, в этом смысле он мало отличался от других начальников: запретил выход информации за пределы станции, и даже заниженные данные выдавал лишь “наверх”. А кто из начальников был таким умным, что разместил 2 мая (это я видела), а возможно и раньше, воинские части около г.Чернобыля прямо на траве, вместе с их полевыми кухнями?..

Тщательный дозиметрический контроль организовали службы ГО, химвойск, Госкомгидромета, стационарные и приехавшие физики. Всех интересовали уровень радиационного фона, изотопный состав выбросов и их мощность.

Весь май сотрудники Института атомной энергии им. И.В. Курчатова в Чернобыле работали, что называется, без лишних вопросов. Отдыхали час-другой — и шли снова. Начальник службы радиационной безопасности А.А. Абагян, М.С. Костяков, В.Ф. Шикалов, В.И. Кабанов, В.Д. Письменный провели радиационную разведку на четвертом энергоблоке, составили свою картограмму и тогда, наконец, стало ясно, где ходить по блоку можно, а где — нельзя. Относительно самым чистым местом на территории станции был бункер под главным административным зданием. Самым грязным — кровля на площадке “М”, под вентиляционной трубой.

Химвойска пользовались наземными средствами, Госкомгидромет СССР вел работы с помощью сотен метеостанций и авиации. Эта работа шла практически на всей

территории страны, что позволило быстро измерить дополнительно к основной зоне загрязнения значительное число радиоактивных пятен. Шары-пилоты уносили приборы для измерения направления, силы и скорости ветров над аэропортами Киева, Мозыря, Гомеля, Чернигова. Первую неделю над Киевом регулярно поднимались радиозонды.

“Куда ветер подует...” Кто мог предвидеть, что такое обыденное, полуироническое выражение, говорящее о неопределенности бытия, сможет приобрести конкретное и притом зловещее значение? Движение крошечных частиц радионуклидов полностью зависело от перемещения воздушных потоков.

Шары-зонды сообщили, что за пять суток с 26 по 30 апреля 1986 г. в толще воздушного слоя от поверхности земли до высоты 1000 метров направление переноса воздушных частиц изменилось на 360 градусов, фактически описав полный круг... Эти же шары прислали на землю весть о том, что в ближней зоне формирование радиоактивных выпадений закончилось в первые 4-5 суток.

С воздуха проводили и аэрограмму-съемку радиоактивного следа. Такая разведка показала постепенное (согласно характеру распада суммы радионуклидов) убывание суммарного количества гамма-радиоактивных продуктов на этом следе. Учитывали весь спектр радиоактивных частиц, которые выпадали вблизи АЭС, в регионе и выборочно в глобальном масштабе, хотя даже в течение одного часа интенсивность могла существенно меняться Там, где выпадали в то время дожди, на поверхности земли образовывались пятна радиационного загрязнения.

В крупномасштабный контроль (в масштабе всей страны) немедленно включились общесоюзные Госкомгидромет, Минобороны, Госкомитет по атомной энергии, Минздрав, Минводхоз, институты Академии наук СССР и УССР. Например, Минобороны задействовало все постоянные, временные и добавленные к ним новые станции и посты наблюдения, самолеты и вертолеты радиационной разведки, разного рода экспедиции и передвижные группы. Все собирали сведения о гамма- и бета-радиометрии, контролировали спектральный состав загрязненных поверхностей, брали пробы воздуха, воды, почв, растительности, осадков...

К сожалению, все эти измерения были не только независимы, что само по себе положительно, но и не согласованы с точки зрения характеристик и разрешающей способности приборов. Порой их результаты не совпадали из-за разных подходов, методик и просто из-за низкого качества приборов.

Второзаконие Моисеево гласит; “В кисе твоей не должно быть двоякия меры — большая и меньшая, ибо противен Богу всякий, делающий неправду”. И радиационно-измерительные приборы все должны измерять одинаково верно дозу излучения, радиоактивность пищевых продуктов, воды, земли и т.д.; потоки нейтронов в реакторе, температуру и т.д. Одновременно важно, чтобы приборы держали в руках профессионалы, все одинаково знающие, где именно и как следует измерять.

Можно услышать, что чернобыльская катастрофа показала недостаток приборов для измерения излучения. Это неверно. Поисковые ДП-5 — самые распространенные — были практически в каждом учреждении, в службе Гражданской обороны, притом в достаточном резерве. При них в полиэтиленовых мешочках были инструкции о том, как приборы следует консервировать, и сами консерванты. Но когда пришло время их расконсервировать, то оказалось, что хранятся одни заржавевшие корпуса.

Военные связисты и другие представители от организаций ГО должны были приезжать в Чернобыль со своими приборами. Однако на деле оказалось, что они не умеют с этими приборами обращаться, даже не знали, что такое доза радиации.

Приборы периодически не сверяли с эталонами, как это обязательно полагается делать. Не удивительно, что в работе получались разные результаты. Кому верить?

Группа ученых из Института ядерной физики АН Украины написала в Политбюро ЦК КПСС о том, что их данные выше, чем у Госкомгидромета СССР. Оказалось, что украинские физики прежде такими приборами вообще не пользовались, а гидрометовцы поднаторели на измерениях после атомных взрывов, и притом они не обманывали. Из Политбюро пришло указание президенту АН СССР А.П. Александрову разобраться в этом вопросе. Он поручил опытнейшему ученому из Института атомной энергии им.И.В. Курчатова Ю.В. Сивинцеву создать комплексную комиссию, в которую вошел и научный руководитель Института физико-технических и радиотехнических измерений (ВНИИФТРИ), ныне академик Российской Метрологической академии и заместитель директора института — Ю.И. Брегадзе. Заведующий отделом тяжелой промышленности ЦК Долгих дал свое “добро”, и комиссия стала постоянно действующей, ей были обязаны помогать людьми и всем необходимым Ленэнерго, Минсредмаш и Минобороны.

Оказалось, что результаты измерений даже в чернобыльской зоне не совпадали по большому спектру: их выполняли специалисты различных ведомств и вообще разных уровней, а сами приборы были многих модификаций. Чтобы сравнить все эти приборы с эталонными, по предложению Брегадзе и по согласованию с Госстандартом в Чернобыле создали специальную метрологическую лабораторию, позднее названную Оперативной группой (ОГ) Госстандарта СССР. Он и стал постоянным руководителем этой службы на годы.

Ее сотрудники работали по длительным вахтам (начальник почти постоянно).

Первой вахтой, с 13.6.86 по 11.7.86 руководил непосредственно Ю.И. Брегадзе. В нее входили также Е.А. Аристов, И.С. Федченко, А.В. Коршиков, В.Я. Дроздов, В.А. Холоденко. Она была отправлена в Чернобыль в составе передвижной проверочной лаборатории, установленной на базе автобуса ПАЗ-672. Затем их прикомандировали к ЧАЭС и разместили в школе №1 г. Чернобыля. Если нужно, выезжали на места. Последующими вахтами руководили Э.К. Степанов, В.П. Ярына, А.В. Силин и Брегадзе. Решением Правительственной комиссии ОГ Госстандарта СССР в г.Чернобыле предписывалось обеспечить единство измерений ионизирующих излучений в 30-километровой зоне ЧАЭС. На деле сами же проверяли дозиметры и другие приборы на установках, разработанных во ВНИИФТРИ и изготовленных опытными партиями на его предприятиях, а также Белоцерковской группой ЦСМ. Установки были универсальными для проверки дозиметрических приборов всех типов, в том числе и для измерений бета-излучения. Последнее само по себе представляет очень громоздкую и сложную процедуру. Одну установку передали в распоряжение УС ЧАЭС.

Дозиметрическая и радиометрическая службы ОГ аттестовали все установки, принадлежавшие Министерству обороны в чернобыльской зоне. Оказалось, что показания дозиметров ДП-5 и ДРГ практически совпадают, а СРП завышают мощность дозы в 4-4,5 раза.

Вместе с сотрудниками Радиевого института, Института биофизики Минздрава СССР и лабораторией внешней дозиметрии ЧАЭС в июле по сложной программе сличали результаты измерений активности проб земли гамма-спектрометрическим методом. И вновь оказалось, что все участники измерений допускают погрешности в определении активности, хотя и в пределах 20%. То же участники, плюс представители Минобороны и Минсредмаша выясняли также причины расхождений в показаниях индивидуальных дозиметров.

Территория зоны оказалась загрязненной радионуклидами примерно одинакового состава. Поэтому в лаборатории взяли приборы не только проверять, но и настраивать. К тому же в институте изготовили опытные образцы образцовых мер —

сыпучих имитаторов почвы, меченых радионуклидами цезия, стронция, йода, рубидия и др.

Оказалось, что удельная активность почвы со школьного огорода составила около 2×10^6 Бк/кг, а ягод и фруктов — около $(1-10) \times 10^6$ Бк/кг; активность проб водопроводной воды была на уровне фона установки, то есть не превышала 2×10^6 Бк/л (5×10^{-8} Ки/л).

ВНИИФТРИ предложил и опробовал также высокоэффективную методику определения плотности выпадений альфа-радионуклидов на почве в населенных пунктах. Вместе с Минэнерго и Госкомгидрометом подробно обсуждали возможность количественного определения альфа-активности (ее обнаружили в некоторых населенных пунктах зоны) и подготовили для этого соответствующие методики и рекомендации. Это было важным этапом в истории чернобыльской программы ЛПА, потому что массовое исследование на плотность альфа-излучающих нуклидов очень громоздко и сложно и прежде поэтому практически не проводилось.

Возможностью эвакуации населения в некоторые населенные пункты 30-километровой зоны занимались помимо ГО Госстандарта практически причастные к проблеме министерства. Они исследовали в первую очередь степень загрязненности почв.

И в августе 86-го по предложению ВНИИФТРИ и Института биофизики Минздрава был создан Объединенный центр по индивидуальной дозиметрии.

Сколько малы ни были бы расхождения в показаниях дозиметрии, сам факт этих расхождений настораживал. Были проведены экспериментальные исследования разных типов дозиметров. Оказалось, что приборы не одинаково чувствительны к бета-излучению (его вклад в показания приборов может в несколько раз превышать показания от гамма-излучения, что в действительности просто нереально; могут неадекватно реагировать на поля со слабыми и рассеянными излучениями). И снова предлагались рекомендации, как этого избежать. Военные особенно часто обращались за метрической помощью. В сентябре 1986 г. Правительственная комиссия одобрила работу ОГ и ЕМС, в частности — ВНИИФТРИ и Института биофизики Минздрава СССР. Из семи сотрудников первой вахты трое умерли, остальные стали инвалидами I, II и III групп. Но никого из них не удостоили правительственных наград. Представлять же, по логике, должен был Госстандарт СССР.

Однако результаты измерений, выполненных многочисленными, хоть и разрозненными службами, все же сыграли огромную роль в составлении общей картины радиоактивного поражения территории СССР и миграции радионуклидов в атмосфере, на поверхности земли, в почве и воде. Результаты измерений, выполненных Госкомгидрометом СССР, были объявлены официальными. Долгое время они считались секретными.

Пожар на Чернобыльской АЭС продолжался 10 суток. Температура в активной зоне была непостоянной и временами достигала 2500 °С, процессы “выгорания” были очень сложны. Эти обстоятельства определили и чрезвычайно сложную картину радиоактивного загрязнения больших территорий Советского Союза, “пятнистую”, неоднородную как по площадям, так и по радионуклидному составу.

Когда активные выбросы из реактора прекратились, стало возможным фиксировать следы распада радиоактивных веществ, а также вторичного загрязнения территорий веществами, принесенными от соседей ветром, дождями, поверхностными водами и паводками после таяния снегов.

В почву просочилось немного, всего на глубину нескольких миллиметров. Первую и довольно полную карту ближнего следа (до 100 км от места аварии) Госкомгидромет СССР представил Правительственной комиссии уже 2 мая 1986 г. — сразу после того, когда стало возможным достаточно четко разделить эффекты струи и наземного

загрязнения в атмосфере. До этого, начиная с 26 апреля, полную информацию о полях радиации получили только с высоты полета самолетов (от 200 до 3000 м) и лишь отдельные данные — по наземным измерениям.

В районе радиоактивного загрязнения начала действовать постоянная система мониторинга. К обычным контрольным измерениям добавились научные исследования по радиоэкологии и миграции радиоактивных веществ в природе, в том числе и по пищевым цепочкам. Разрабатывали прогноз измерений радиоактивного загрязнения, выявляли дозы облучения у населения и объектов живой природы.

На основе данных, полученных службами различных ведомств и Академии Наук СССР, Правительственная комиссия принимала решения о практических действиях в 30-километровой зоне и вне ее.

В 30-километровой зоне и особенно на ЧАЭС крупномасштабные, но тщательные измерения, с самого начала и в течение нескольких лет, помимо Госстандарта вела Комплексная экспедиция Института атомной энергии им. И.В. Курчатова; на территории зоны и Советского Союза — Комплексная экспедиция Института геохимии и аналитической химии им. В.И. Вернадского. Собственно, эти два института — координаторы и ядро экспедиций, и состав которых вошли организации различных ведомств из многих городов страны.

Уже к 10 мая 1986 г. была составлена обобщенная по многим съемкам карта мощности доз гамма-излучения по цезию. Именно по этой карте уточнялись в тот период изолиния эвакуации населения (более 5 мр/час), зона отчуждения (20 мр/час) и зона контроля (3 мр/час) с временным отселением части населения (беременных женщин и детей). Других радионуклидов обнаружили относительно немного и с их присутствием практически не считались. Между тем, некоторые из них, например, плутоний, чрезвычайно активны и очень опасны. Но технически выявление плутония трудно и громоздко.

В мае 1986 г. были установлены временные допустимые нормы для плотности загрязнения почв на территории СССР: по цезию-137 — 7 Ки/км², а затем 15 Ки/км², по стронцию-90 — 3,0 Ки/км², по плутонию-239 и плутонию-240 — 0,1 Ки/км².

Обычно специалистов и ученых из различных организаций и предприятий страны вежливо спрашивали, не могут ли или не хотят ли они поехать в Чернобыль (иногда это называлось “в Киев”). Практически всегда ответ был однозначным: “Поеду.” — “В таком случае Вы должны быть на московском аэродроме сегодня (или завтра) в такой-то час, к служебному самолету...”

...Телефонный звонок в Ереван из Москвы, раздавшийся 10 мая, был грозен. Л.М. Хитрову приказывали немедленно прибыть в его институт и готовиться к дальнейшим действиям в районе Киева. Вот так, открытым текстом. “Прежде никто не стал бы расшифровывать суть дела, а просто приказал бы явиться в Москву, — рассказывает Лев Михайлович. Теперь же дополнили, что сотрудники лаборатории “в районе Киева” уже находятся. Хитров вылетел в столицу.

В Ереване лауреат Ленинской премии заведующий лабораторией и главный конструктор Института геохимии и аналитической химии имени академика В.И. Вернадского АН СССР Л.М. Хитров вместе с другими сотрудниками института обсуждали возможность установки там впервые в Советском Союзе, а может быть и первого в мире комплекса для непрерывного прямого гамма-спектрометрического контроля уровня радиоактивности внешней среды (они называют свой комплекс станцией).

Именно за этот комплекс, разработанный и созданный им в институте с целью исследования свойств морской воды, он был несколько лет назад удостоен Ленинской

премии. И этот комплекс, кстати, так и остался уникальным — другие комплексы такого назначения в Советском Союзе не появились. А в Ереване в то время проблема Армянской АЭС будоражила общественное мнение: станция в сейсмоактивной зоне, в 27 километрах от столицы республики, если мерить по прямой; “в коридоре” Араратской долины. Торопились ее закрыть.

Институт геохимии и аналитической химии вопросами радиохимии занимается с первых дней своего существования, с 1948 года и даже раньше, с 1929 года, когда его еще и институтом не величали, а назывался он Лабораторией геохимических проблем имени В.И. Вернадского, названной по имени ее основателя еще при его жизни. Будущий вице-президент АН СССР А.П. Виноградов, основатель собственно института, тоже определил задачи радиогеохимии одними из центральных тем. К тому времени сброшена была бомба над Хиросимой и Нагасаки, проблемы радиоактивного загрязнения природной среды вышли в центр внимания человечества. А институт уже располагал большим практическим опытом и немалыми техническими и научными средствами для обнаружения малейшего радиоактивного загрязнения. Стоит ли удивляться, что после чернобыльской катастрофы этот институт оказался полностью готов к участию в работах по ликвидации ее последствий в своей области?

В первых числах мая сотрудники Института круглосуточно, в три смены анализировали поступающие к ним пробы воды и почв, фильтры с воздушными осадками, которые поступали и от Госкомгидромета СССР. С пометкой “сделать немедленно” эти пробы сыпались дождем. Директор института академик В.Л. Барсуков организовал в зоне и сам на первых порах возглавил постоянно действующую радиогеохимическую экспедицию, в которую вошли сотрудники нескольких институтских лабораторий различного профиля. Затем, и на все последующее время эта роль перешла к Л.М. Хитрову. Чернобыль сильно повлиял на жизнь этого ученого — с моря, которому отданы 35 лет жизни, он перешел на сушу. На море он изучал последствия от первых и ряда последующих ядерных взрывов. Госкомгидромет вел гамма-спектрометрические съемки с вертолетов над большими регионами в зонах собственно Чернобыля и шире — Украины и Белоруссии. Результаты съемок и анализ проб показали, что они не могут достаточно точно обрисовать картину: радиоактивность весьма неравномерно задержалась на кронах деревьев, в траве, на земле.

Стало ясно: необходима подвижная наземная радиогеохимическая станция. В лаборатории Л.М. Хитрова срочно разработали и создали уникальный наземный комплекс-лабораторию на колесах, который позволял на ходу не только выполнять все необходимые измерения, но тут же их обрабатывать и интерпретировать. На этой машине он тогда прошел в общей сложности более 30 тысяч километров. В 1989 году был создан более совершенный вариант этой лаборатории — с ЭВМ и мониторами — Институт имени Вернадского создал его для использования в совместном советско-американском эксперименте в Ялте.

Сотрудники института разделились на группы. Одни изучали распределение радионуклидов в почвах и растительном покрове с помощью вертолетных гамма-спектрометрических комплексов и анализа многочисленных проб почвы. Другая группа изучала распределение и миграцию радионуклидов в речных водах, Киевском водохранилище, в Днепре и других внутренних водоемах. Третья группа — пути миграции радионуклидов, выброшенных в биосферу (почвы, вода и т. д.); четвертая исследовала возможности промышленной дезактивации пресных вод, загрязненных радиоактивными продуктами. Все это — традиционные для Института геохимии и аналитической химии направления исследований. Пятая группа института на основе термодинамических и физико-химических данных занялась моделированием форм

поступления радионуклидов в биосферу из горящего четвертого энергоблока ЧАЭС в условиях высоких температур.

Чернобыль мая 1986 г. на многих произвел ошеломляющее впечатление, и не только своим внешним видом полувоенного города. Руководители очень высокого ранга могли пристроиться по двое на одном стуле и не замечать неудобств, срочно готовя какой-нибудь невероятно важный документ. Никого не смущало, что за ночь необходимо подготовить правительственный документ и что наутро он может оказаться уже устаревшим.

Л.М. Хитров вспоминает такой случай: как руководитель комплексной экспедиции он решил обратиться к Ю.Д. Маслюкову как к руководителю Правительственной комиссии и был немедленно им принят. “Меня очень интересует состояние воды”, — “Что вам нужно для работ?” — “Финский анализатор”. — “Пишите бумагу”. — “Так я не директор института”. — “Так вам это нужно или нет?” — “Я написал бумагу от руки, и на ней появилась виза Ю.Д. Маслюкова, заместителя Председателя Совета Министров СССР. Анализатор мы получили довольно быстро. Когда прилетели Е.П. Велихов и В.Л. Барсуков, наша потребность в дефицитных по тому времени дозиметрах их также не поставила в тупик.

Операторы и сам комплекс Хитрова разместились в бывшем кабинете начальника Чернобыльской пристани, Хитров же на ночь уезжал в Киев или на левый берег Припяти в г. Гончаровка к вертолетчикам. “Вот это были — парни, многие вспоминали небо над Афганистаном!”. В июле Лев Михайлович попросил по дружбе свозить и его, чтобы проверить ходившую в то время по Чернобылю легенду о будто бы светящемся ореоле вокруг и над четвертым блоком. Дважды облетали они станцию ночью, чтобы лучше видно было — никакого свечения не обнаружили... “А вчера — видели!”. Легенд о Чернобыле и теперь немало бродит по Земле.

Особое беспокойство вызывало состояние воды.

Первой задачей исследователей было установить комплекс на заякоренном судне Минздрава “Академик Морзеев” около г. Лютеж — заплотинной части Днепра, в 15-20 километрах от Киева. Это был своеобразный научно-исследовательский буй. Радиогеохимики вели непрерывные круглосуточные замеры радиоактивности речной воды: автоматизированные самописцы непрерывно вычерчивали свои кривые. На этом же судне медики делали аналогичные замеры по тем же параметрам, но один раз в сутки.

Непрерывность замеров имела принципиальное значение: оказалось, что в толще воды попадались загрязненные “пятна” как бы в виде линз различного, но не очень большого размера. При периодических замерах их можно было не заметить и считать воду полностью чистой или, напротив, зафиксировать и считать воду излишне грязной. Между тем, все это имело практическое значение для Киева. В случае прохождения в воде сильного “облака” дежурившие круглосуточно операторы комплексной геохимической экспедиции могли сообщить об этом в Правительственную комиссию. Вода от станции наблюдения до Киева идет часов шесть. Этого времени было бы достаточно для принятия необходимых мер. К счастью, они не потребовались — заметных “пятен” повышенной активности зафиксировано не было.

Такой же контроль осуществляла станция на р. Припять — главном источнике загрязненной воды. Для этого у речного вокзала Чернобыля на буе установили датчики гамма-активности. Уже с конца мая этот комплекс исправно выдавал информацию в Правительственную комиссию, Госкомгидромет и другие организации. Комплекс немедленно зафиксировал бы прорыв радиоактивности от АЭС в сторону Киевского водохранилища, если бы он произошел.

Третий комплекс установили на плавающем научно-исследовательском судне АН УССР “Академик Вернадский”. Здесь гамма-съемку вод Киевского водохранилища и

Днепра можно было вести периодически: воды полностью перемешались и стали практически однородными. Судно в июне 1986 г. проплыло по всему Днепру от Херсона и обратно к Чернобылю: искали вторично образовавшиеся радиоактивные пятна, которые теоретически могли существовать где-нибудь в “медленных” водах водохранилища. Но практически таких пятен зафиксировать не удалось. Если в устье рек Припяти и Тетерева такие загрязнения довольно контрастны на общем водном фоне, то в нижней части Киевского водохранилища вода была практически однородной.

Автоматические измерения шли через каждые 10 секунд — это 100-120 метров хода корабля. Они-то и выявили микроструктуру, неоднородность вод. Загрязненные радиоактивностью воды из Припяти и Тетерева как бы вкрапливались в относительно более чистые воды Киевского водохранилища. Самописцы их обозначали всплесками кривой.

Съемки в Киевском водохранилище сопровождали отбором и радиохимическим анализом проб воды и донного ила.

Только начали эти съемки — и прошел первый за длительное время дождь. Он промыл атмосферу, вынес радиоактивность с почвы в воду. И, тем не менее, радиоактивность не достигла предельно допустимых уровней.

Потом проводили новые съемки радиоактивности в водах рек Припяти, Тетерева, Днепра с отбором проб: всего пять раз в 86-м, два раза — на следующий год. И лишь одна съемка потребовалась через год: обстановка явно улучшалась.

Данные, полученные этой лабораторией по воде, уже в сентябре 1986 года вошли в советский доклад МАГАТЭ.

Л.М. Хитрову было что рассказать коллегам. Всего за год была составлена серия карт распределения радионуклидов в воде Киевского водохранилища. Разглядывая их, отчетливо видишь, как резко упала радиоактивность не только в районе Лютежа, но и г.Чернобыля. Выявилась и другая закономерность: у выхода Днепра в Черное море вода гораздо чище, чем в районе Киева.

Для получения этих сведений потребовались многие тысячи различных проб, аэрогаммасъемок — в дополнение к непрерывным гамма-съемкам со стационарных комплексов. Некоторые анализы требуют по несколько дней работы для получения результата, который в итоге окажется просто одной цифрой в высокой колонке таких же цифр: пробу нужно высушить, сжечь, обработать, поочередно различными химикатами и лишь потом проводить на ней измерения.

Пришла первая зима после катастрофы. Комплекс института геохимии и аналитической химии с “Академика Морзеева” перенесли в Киев, а его датчики установили на киевском водопроводе, где он измерял состав воды на входе и выходе. В Чернобыле такой же комплекс-станция остался на своем буе у пристани и всю зиму мерил радиоактивность подо льдом. Одновременно шли исследования на Волге и Москве-реке.

Ни в Днепре на всем его протяжении, ни в Припяти, тем более на Волге и в Москве-реке отклонений от санитарных норм в уровне радиоактивности не было. Даже в октябре 1986 года радиоактивность днепровской воды в районе Киева и выше не превышала океанический уровень. Это в тысячу раз меньше предельно допустимых концентраций.

... Специалисты предсказали, что окончательное формирование радиоактивного загрязнения природных сред закончится в течение 1988 года. Так, в общем-то, и произошло.

В марте 1989 г. председатель Госкомгидромета СССР академик Израэль сообщил, что цезий-137 с уровнем загрязнения 15 Ки/км² и более распространился на площади около 10 тыс. км² (1,5 тыс. км² в УССР, включая 0,5 тыс. км² в зоне отселения, 2 тыс. км² -

РСФСР и 7 тыс. км² в БССР, включая 3 тыс. км² в зоне отселения). Всего на территории вне зоны отселения расположено 640 населенных пунктов с населением более 230 тыс. человек. Позднее в России обнаружили неизвестные прежде обширные “пятна”.

Горизонтальная миграция радионуклидов оказалась несущественной, если иметь в виду крупный масштаб зоны загрязнения — их изолинии на карте почти не смещались. Но в узких пределах территорий такие перемещения были довольно заметны. Грязь переносили на колесах, на ногах, в результате хозяйственной деятельности.

Чернобыльская авария оказалась непохожей ни на одну из подобных аварий в мире не только по масштабу, но и по характеру загрязнения территории. Все это создавало большие трудности для анализа последствий катастрофы.

Из реактора в Чернобыле было выброшено около 450 различных видов радионуклидов. Из них львиная доля, 80-90%, в первые дни приходилась на короткоживущий изотоп йод-131. Постепенно, с прекращением выбросов радиоактивность падала. На сцену выступали долгоживущие элементы: рутений, родий и др. Со временем содержание изотопов заметно уменьшилось, и на первом месте оказались цезий-137 и стронций-90. Зато обнаружились и трансураниевые элементы: плутоний, америций и некоторый другие, хотя и в небольшом количестве.

Чуть позже были построены довольно подробные карты загрязнения этими радионуклидами, а также цирконием-95, рутением-103, танталом-140 и др.

Три ярко выраженных “языка” протянулись от станции на север, юг и запад. Их принесли ветры. “Языки” называются “радиоактивный след”. Исследования радиоизотопного состава на радиоактивном следе показали, что всюду радионуклиды распространены фракционно, в виде пятнистых скоплений большего или меньшего масштаба. Например, на северном следе обнаружено стронция раз в десять больше средней величины. И загрязнение цезием также имеет пятнистый характер.

Часто радиационный фон оказывался неодинаков даже на расстоянии в метры, сантиметры: ветром обломки, грязь да пыль разнесло неравномерно. Куда больше попало — там и большая опасность. Летом 86-го на территории АЭС обнаружили бетонный столб, у которого одна сторона почти совсем чистая, а к другой прислониться ни в коем случае не рекомендуется, так “светит”.

Такая неоднородность, пятнистость выпадений поразила даже специалистов. После ядерного взрыва в Хиросиме и взрыва ядерного хранилища на Урале осадочные выпадения были иными: рассеяны по земной поверхности довольно равномерно.

Ядерная авария в Чернобыле привела к загрязнению местности изотопами сложного ядерного состава, принципиально иного по сравнению с последствиями от взрыва бомбы. А поэтому кстати, в Чернобыле и спад радиации идет значительно медленнее.

Характер чернобыльского следа определялся в первую очередь динамикой выброса из реактора. Свою роль сыграли и дожди, неравномерно выпавшие в зоне прохождения радиоактивного облака. На некоторых участках плотность загрязнения цезием и стронцием достигала 20-30 Ки/кв.км; а в отдельных местах — около 80 Ки/кв.км.

Данные аэроспектральной съемки и анализ проб почв показали, что на ближнем следе концентрация стронция колебалась в пределах 0,2 мКи/км², то есть меньше, чем предполагали ранее, когда сравнивали относительную плотность радиоактивных выпадений данного радионуклида (Ки/км²) в различных секторах — и мощность дозы (р/ч). Плотность загрязнения плутонием на ближнем следе достигает 0,1-1 Ки/км², в непосредственной близости к промышленной площадке местами превышает 10 Ки/км², но с расстоянием относительно быстро убывает. Однако плутоний, стронций и некоторые долгоживущие радионуклиды встречаются не в чистом виде, а в составе частиц топлива. Это было очень важно понять и теоретикам, и практикам-экономистам

и биологам — при изучении сложившейся картины и в прогнозе на будущее, а также при рассмотрении путей перемещения этих радионуклидов и почвах, водах, грунтах, растениях и животных.

Активную дезактивацию и интенсивные специальные агромелиоративные мероприятия проводили для снижения уровня радиации в пищевых продуктах до 4 раз (учитывают лишь цезий-137). По рекомендациям Госкомгидромета СССР, эти меры при соблюдении предписанных норм проживания позволяют считать безопасным норматив загрязнения почв цезием-137 даже до уровня 40 Ки/кв.км. Но эти нормы проживания такие жесткие, что едва ли возможно на них согласиться.

Радиоактивному загрязнению вообще подверглась значительная часть сельскохозяйственных угодий внутри 30-километровой зоны и примерно 2 миллиона га — за ее пределами. В Чернобыльском районе около 46 процентов загрязненной территории приходится на придорожные ландшафты, а все равнинные открытые территории — это поля. Примерно половина из загрязненных земель Белоруссии и РСФСР тоже пришлась на сельскохозяйственные угодья и столько же — на леса, болота, реки и озера.

Нужны были срочные меры защиты населения, сельскохозяйственных и диких животных, растений. Какие решения искали специалисты Госкомгидромета вместе с учеными, представителями многих организаций? Часть пищевых продуктов сразу просто запретили употреблять в пищу, использовать на корм скоту или даже отправлять на переработку. В других случаях рекомендовали изменить технологию хранения и переработки или устанавливали верхний предел загрязнения, после которого использовать продукты уже нельзя. На всех рынках, прилежащих к зоне Чернобыльской АЭС, действовал радиационный контроль.

В случае необходимости землю, строения, машины, растения обрабатывали раствором химикатов, отмывали или даже захоранивали. Эта титаническая работа потребовала усилий тысяч людей и немалых затрат.

В дальнейшем мы остановимся на этих вопросах детальнее,

Научное обоснование большинства мероприятий по дезактивации территорий внутри и вне 30-километровой зоны ЧАЭС осуществлял Военный научно-технический центр Министерства обороны СССР. Его основной задачей была разработка методов и методик оценки радиационного состояния территорий, объектов окружающей среды, а также методик и технологий дезактивации местности, населенных пунктов, объектов народного хозяйства, автомобильной и инженерной техники; санитарной обработки личного состава военных и гражданских ликвидаторов. Эти методы применялись на ПУСО, обмывочных пунктах для автомашин, контрольных пунктах на территории и в зданиях АЭС, в пунктах дезактивации одежды. Палитра тем, которой занимался Центр, как видим, была довольно обширной, о чем говорит и такой, казалось бы, мелкий пример, как разработка средств дезактивации одеял после временного использования с тем, чтобы их можно было применять повторно.

Одна из крупных задач Центра — прогнозирование уровня радиоактивного загрязнения окружающей среды зимой 1986-1987 гг. и особенно в ожидании весеннего паводка. Снега было много, опасались быстрого таяния и смыва в реки большого количества радиоактивных материалов с поверхности земли. С этой целью планировали и обосновывали защитные мероприятия, в том числе сооружения разного рода дамб.

В Центре оценивали принципиальную возможность проживания населения на пострадавших территориях. Особого накала достигла дискуссия о реэвакуации эвакуированных жителей. Дело в том, что после первой крупномасштабной дезактивации территорий за пределами зоны радиационный фон во многих населенных пунктах существенно снизился. В пределах возможного была очищена от обломков и

прочего кровля АЭС, на вентиляционную трубу даже подняли победный флаг. Это вызывало оптимизм у партийного руководства Украины и военного командования, которые объявили о скором возможном возвращении людей в свои дома. Но работники Центра В.П. Корастилев, Б.П. Дутов, С.П. Мельник, М.Ф. Леонтович и другие из НИ-42 Гражданской обороны в своих докладных записках на конкретных цифрах показывали, что в действительности радиационная обстановка вскоре после дезактивации не только не улучшается, но нередко ухудшается, и о победных рапортах говорить рано. Значительные выбросы из реактора шли еще осенью 1986 г., ветер переносил радиоактивную пыль... Решение о реэвакуации было отменено. (Эти военные люди теперь работают в общественной организации “Заслон Чернобыля”).

Немало было и более прозаических, но очень важных проблем.

На территории зоны было очень много различных материалов и техники, которые требовалось немедленно захоронить. Это относилось и к снятому грунту, и имуществу пострадавшего энергоблока. В Центре определяли, куда конкретно и каким способом все это перевозить и захоранивать, указывали места для временных могильников, а затем контролировали исполнение.

С первых же чисел мая 86-го в Центре работало много военных ученых и специалистов из большинства научно-исследовательских институтов и академий Министерства обороны СССР, гражданской обороны СССР. Начальник института №42 Б.П. Дутов приехал в Чернобыль среди первых, с ним были и научные сотрудники, и технические работники, среди них две молодые женщины: И.В. Левшина и В.И. Степанова, гражданские люди. Но раз надо — поехали. Сейчас многие облучены и очень больны.

Правительственная комиссия часто давала задания Центру: как решать ту или иную задачу. И его сотрудники нередко не просто предлагали ответ, но и сами участвовали в реализации мероприятий, обучали своим методикам и технологиям и не успокаивались, пока не убеждались, что все идет, как надо.

Однажды мне предложили посмотреть, как войска Гражданской обороны проводят дезактивацию местности в одном из населенных пунктов. Нужно было срезать слой грунта, укладывать в машину и увозить в могильник. Меня интересовало, отвечает ли наша методика поставленной задаче. Начальник штаба ответил, что уже вывезли 2 тыс. кубометров грунта; показал и документы, в которых сказано, какими силами и средствами эту работу выполнили: 5 машин и всего несколько солдат, — рассказывает С.П. Мельник. — Но таким малым числом людей и техники невозможно выполнить объявленный объем работы. Явные приписки. Я заставил соответствовать методике.

Рекомендации не были чьим-то капризом, благим пожеланием. Каждый вечер, нередко за полночь руководители подразделений Центра обсуждали новые предложения и наутро докладывали своему главному руководству. После одобрения они немедленно реализовывались, а также фиксировались в экспресс-отчетах, по типу тех, что писали на Семипалатинском полигоне (Мельник работал в Семипалатинске). Они содержали массу выводов, максимум статистической и цифровой информации. Разумеется, такой анализ не мог не быть поспешным. Но экспресс-отчеты и другую информацию срочно отправляли в Москву: в институты, штабы химвойск и Гражданской обороны, где они уже в более спокойной обстановке обсуждались, анализировались, оценивались. Работники Центра, получив свою “дозу”, возвращались по домам, а их сменщики, благодаря знакомству с материалами, приезжали в Чернобыль уже не новичками, а подготовленными для решения новых проблем.

Здесь все сталкивались с неожиданностями, даже трудно объяснимыми явлениями. Например, Мельник обнаружил у себя потрясающую способность ощущать факт значительного выброса из реактора четвертого энергоблока, и это повторялось дважды.

У него возникало ощущение, будто через его тело мгновенно проходит значительный электрический разряд. “Возможно, это выброс”, — сказал в первый раз и уехал со станции. Коллеги, конечно, не поверили, так как человек не ощущает радиацию. Но оба раза “диагноз” подтвердился.

Родом он из деревни Харновичи Народнического района. Через некоторое время по приезде в Чернобыль он навестил свою деревню — оказалось, что жителям три месяца вообще не говорили, что вокруг Харновичей высокие радиационные поля, что вообще в результате аварии какие-то территории серьезно пострадали — их дома были чистыми. Но однажды, когда люди пошли в лес за грибами, вдруг у всех сильно закружились головы. Они испугались и вернулись. Мельник поехал в этот лес, померил и убедился, что уровни радиации там превышены в 15 раз... Такая чувствительная к радиации разновидность людей в этой деревне. Прежде район деревни Харновичи был экологически очень чистым местом, в реке Уж было полно рыбы. Теперь все погублено. В 88-м жителям предложили уехать, если хотят. Но никто не захотел. Только в 90-х годах Харновичи покинули несколько человек.

— Сегодня нужно откорректировать тактику с учетом дальновидной политики в размещении людей, разумного риска, — говорил мне профессор В.С. Кошечев в июне 86-го, — это позволит выполнять все работы с меньшими потерями. Например, оправданно проживание в 30-километровой зоне лишь пожарных, связистов, дозиметристов, а основные силы должны быть размещены за ее пределами, тогда будет возможно их использовать максимально долго при минимальных дозовых нагрузках. Ведь само по себе нахождение в зоне добавляет нагрузку на организм за счет общего радиационного фона.

Благие пожелания. Медики много раз провозглашали это требование. На заседаниях Правительственной комиссии угрожали суровыми карами руководителям, чьи люди не хотят ежедневно в дополнение к десяти-двенадцатичасовому рабочему дню еще по полтора-два часа тратить на дорогу. В действительности, даже летом 86-го в городе Чернобыле постоянно, хотя и без рекламы, жили сотни специалистов, причем вместе со своими руководителями. Тем более, что именно здесь централизованно почти всех в столовых кормили завтраками, обедами и ужинами. Да еще с утра до вечера действовала баня, что само по себе немаловажно. Парная помогала бы лучше.

Во время командировок жила в основном в Чернобыле напротив здания Правительственной комиссии или рядом в с. Залесье и я — так удобнее, легче отыскать попутный транспорт в любом направлении, да и учреждения под рукой в большинстве на той же улице.

Наспех, часто от руки написанные таблички вроде “Гидропроект”, “Оргэнергострой”, “Энергомонтажпроект”, “ИАЭ” служили ориентиром.

Радиационную грамоту люди с техническим образованием постигали легко и потому быстро находили относительно чистые микрорайоны города.

Радиационный фон — это сложное физическое понятие. В природе он определяется уровнем радиации в каждой конкретной точке Земли и меняется в зависимости от состава земной коры, солнечной активности и космических излучений. В 3-5 раз он естественным путем может меняться без всякого вмешательства людей. В зависимости от региона природный радиационный фон колеблется от 0,005 до 0,02 миллирентгена в час. В июне 1986 г. в Чернобыле на улице против здания Правительственной комиссии фон достигал 0,8-2,0 мр/час, а то и больше, тогда как до аварии в регионе Чернобыльской АЭС он определялся в 0,01-0,015 мр/час. Глобальная плотность концентрации цезия и стронция тогда не превышала 0,1 Ки на квадратный километр однако и она в основном объяснялась глобальными выпадениями этих веществ в результате ядерных испытаний.

Не так-то просто было осуществить всю гигантскую программу измерений в 30-километровой зоне, выявить там чернобыльский след и выполнить измерения в его пределах. К осуществлению такой гигантской по масштабам работы не был готов никто. Казалось бы, мелочь: в институте проблем литья АН УССР изготовили корпуса для защиты от помех сотен радиометрических датчиков. Но это сделали за одну ночь!

Люди подвергались опасности и далеко за пределами Чернобыля. Например, в Москве В.С. Мозылев, В.С. Меркулова, другие работники из группы радиационной обстановки Института атомной энергии им. И.В. Курчатова пропустили через свои руки фантастическое количество радиоактивно грязных отработанных дозиметров курчатовских сотрудников.

Одной из важнейших среди первоначальных задач было научить людей мыслить в соответствии с обстановкой: это — можно а это — нельзя; здесь — ходи спокойно, а отсюда — тикай! Новичков инструктировали все, от администрации до соседа по общежитию, случайного попутчика на улице или в транспорте. Поэтому чернобыльцы того времени быстро приспособивались как бы не обращать внимания на опасность, в то же время постоянно ее осознавая. Иначе они не смогли бы не то что трудиться, но просто ходить по загрязненным местам. Правда, некоторые рабочие думали, что их просто пугают для профилактики. Но это было действительно по-настоящему опасно и — страшно.

— Никакого опыта ни у кого нет, непривычна обстановка, непривычны правила поведения на рабочем месте, непривычны чувства, наконец, — говорил мне заместитель начальника УС ЧАЭС В.Н. Свинчук летом 1986 г. — инструктируешь, бывало, прораба, говоришь, что на этом вот месте радиационный фон составляет 2 рентгена в час, а через 5 метров — уже 20, туда ходить не следует; что эти данные только что принесли дозиметристы. А он слушает вроде внимательно и даже кивает. Но по глазам видно, что с трудом осознает, как это может быть: лишний шаг сделал — и можешь облучиться. Постепенно привыкли, уже не удивлялись.

Особенно страшно было идти в первый раз, — подтверждает начальник Днепропетровского управления Гидроспецстроя Неучев. — Поначалу дозиметристов у нас не было совсем и дозиметров тоже — знали только, что все делать надо побыстрее и понадежнее. Случалось и голодными оставаться: до столовых далеко. Наше подразделение бурило скважины в г. Припяти для отвода дождевых вод, откуда по трубопроводам, которые монтировал ЮТЭМ, вонь нужно было откачивать в закрытые системы ливневой канализации.

Но большей частью бригады гражданских ликвидаторов перед началом работы получали от дозиметристов схему загрязненности данной конкретной территории на данный конкретный момент. По ней и ориентировались, куда ходить можно, а куда — нельзя.

Перед солдатами, помимо дозиметров, обычно шли офицеры, особенно химики; перед строителями и энергетиками — дозиметристы и руководители. Они замеряли уровни и составляли картограмму радиоактивного заражения. Но все ситуации не предусмотреть; то обстановка менялась, то задание по ходу дела корректировалось, да мало ли что...

Поначалу случалось, что и солдаты не знали уровней радиации в том месте, где работали. Нервничали, торопились. Узнав обстановку, работали спокойнее и сноровистее. Позже для всех работ на ЧАЭС стали своевременно разрабатывать конкретные инструкции, рекомендации, памятки. Их накопилась тьма, и они жизненно необходимы. Однако никакая инструкция не заменит живой инициативы, добросовестности и, конечно, осторожности. Например, молодой химик-разведчик ефрейтор В.Н. Мокров очищал помещения с отбойным молотком и пароинжектором. А

это означало, что работал он в очень грязных помещениях и что он это очень хорошо понимал. Поэтому рядом с ним всегда находился кто-нибудь из только что прибывших воинов-новичков — учил приемам, сноровке и осторожности. Каждый работал минуты, а то и секунды, набирал свою “дозу” и передавал молоток следующему. Однако поначалу бывало, что вся солдатская бригада в это время толкалась рядом, ожидая своей очереди и, конечно, облучалась. Заметив такое, руководители химвойск приказали дожидаться смены на чистой территории.

“Партизан” химик-разведчик старший сержант А.Н. Беспорочный также служил в подразделении радиационной и химической разведки. После школы служил в морской пехоте, за безупречное выполнение заданий командования получил благодарность Министра обороны СССР. После увольнения в запас овладел профессией машиниста электровоза. И он с первых дней пребывания на чернобыльской земле занимался дезактивацией помещений АЭС, и он тоже всегда помогал товарищам. Его портрет был на доске почета воинской части.

Долгое время личных дозиметров не было даже у крупных начальников. Их не хватало даже работникам санитарно-эпидемиологических станций, также как радиометрических приборов и методических стандартов для измерений. Правда, один отечественный дозиметр я видела — за 200 или 300 рублей. Говорят, что технология их изготовления сложна и требует дорогостоящих материалов, например, жидких кристаллов.

Вообще, вначале не хватало нужных измерительных приборов и инструментов, нечем было, например, дистанционно брать пробы для анализа.

Известный биолог и общественный деятель Жорес Медведев, много лет проживший в Англии, говорил, что сразу же после аварии британский премьер-министр Маргарет Тетчер предложила Советскому Союзу бесплатно дозиметры, а также респираторы более ста систем и назначений. Однако Б.Е. Щербина от них отказался. По мнению Медведева, то была бессмысленная амбиция, мне же кажется — просто гражданская гордость, хотя в данном случае тоже не совсем оправданная: у японцев же мы покупали очень дорогие дозиметры. Я видела два таких, стоимостью по 500 и 800 рублей — гигантские деньги по тому времени. Что же касается респираторов, то считается, что наши “лепестки” удерживают 99,9% радиоактивности с пылью. Впрочем, и Япония после одного из последних крупных землетрясений поначалу отказалась от иностранной, в том числе и нашей помощи. А потом — согласилась.

Дозиметры — дозиметрами. Но не раз случалось, что “партизаны” зимой скидывали бушлаты под машины и с утра до ночи латали технику — бывало, без запасных частей, нужных ключей, других инструментов — лишь бы поставить машины на ход к весне. И ставили! Даже списанную. Обеспечение техникой было неважное, хотя Чернобыль все получал по первому требованию. Но самосвалы, погрузчики, грейдеры — фактически все “светили”, их надо было быстро списывать и заменять новыми — не напасешься.

Любовь Ивановна Анисимова приехала в Чернобыль с оперативной группой Госкомгидромета СССР в первые послеаварийные дни в качестве младшего научного сотрудника прикладной географии. Но она оказалась в межправительственной группе по оценке радиационной обстановки при Правительственной комиссии летом и осенью 86-го, а это позволяло видеть многое, находясь ежедневно в гуще событий.

Рисовали карты, сводили данные по радиационной обстановке. Молодую женщину берегли, не пускали дальше с. Копачи (в трех километрах от станции), поскольку сама по себе дорога на станцию и обратно в г. Чернобыль обходилась в 1 бэр. Поэтому ей приходилось помимо работы с картами “лишь” провожать ученых на станцию.

— Поражал героизм людей. Наши офицеры никогда солдат не посылали, старались всю “грязную” работу выполнять самостоятельно — ведь они, специалисты по ядерной

безопасности, понимали, на что идут. Сначала это были ученые из Москвы, потом к ним добавились и украинские. Это был массовый героизм, хотя иногда встречались и трусы, например, наш водитель сбежал, но таких — единицы.

Но, возможно, еще больше поражают Любовь Ивановну судьбы этих людей: не повезло практически всем. Возвратившись героями, они оказались по сути не нужны никому: ни своим коллегам, ни даже государству. Все мы помним реальную ситуацию застоя: хорошо работающий создает нежелательный фон для бездельников и карьеристов, поэтому лучше всего от него избавиться. Многие чернобыльцы были вынуждены уйти с работы, а равноценную по интересам находят с большим трудом. Даже к орденам почти никого из них не представили. Все это вызывает горечь, осознание своей ненужности обществу. В действительности они обществу жизненно необходимы, но им об этом не говорят. Большинство вернулись больными, кто — больше, кто — меньше; больны их послечернобыльские дети, в постоянном скрытом стрессовом состоянии пребывают семьи, да и они сами.

В Чернобыле женщин-ликвидаторов было мало, соответственно мало для них и свободного жилья. Анисимова жила с дезактиваторщицами, бывшими припятчанками. Ее поразили пустые глаза этих женщин, не знавших, куда именно в Крым отправили отдыхать их детей, где находятся мужья (“где-то видели в зоне, в другой смене”). Люди с опустошенной душой.

— Меня постоянно мучит мысль, что все, кто коснулся Чернобыля, его гнет будут нести до конца жизни, боясь за свое здоровье, теперешних детей и детей их детей, хотя объективно уровень радиации сейчас, в 96-м и не очень велик. Проблема Чернобыля уже не остра, для нашего народа, для государства ее как бы и нет больше, хотя объективно она существует. Но в подсознании прошедших зону, жителей пострадавших территорий, она будет пульсировать независимо от “глобальных” обстоятельств: “Все от Чернобыля” — даже у тех, кто грамотно оценивает ситуацию, не преувеличивая опасность. У ликвидаторов плохие кровеносные сосуды, у многих болят ноги, суставы, проявляются признаки раннего, то есть “радиационного” старения. Эта психологическая заноза делает чернобыльские последствия более сложными, чем последствия Афганистана или Вьетнама для американских солдат. Чернобыльский синдром. И он будет психологически доветь даже после того, как уйдет это поколение чернобыльцев. Поэтому внимание общества, государства к ликвидаторам — не просто проявление гуманизма. Это — показатель здоровья самого общества.

Однажды загорелся “грязный” лес. Поблизости были военные — тоже призывники, или попросту — “партизаны”. Бросились они на этот пожар с тем, что попало под руку — били огонь своими же бушлатами, лопатами, ветками, топтали ногами. А потом сами “звенели” на дозконтроле. Глупо? Величайший из мудрецов древности Аристотель, живший 1350 лет назад, который и сегодня во многом воспринимается, как наш современник, говорил: “Конечно, мужество не бывает вовсе без страсти и порыва. Только этот порыв должен исходить от разума и быть устремлен к прекрасному”. Да, мудрость его за многие века не померкла: эти люди понимали, ради чего рисковали: горящий лес разнес бы радионуклиды с дымом и пеплом на большие расстояния. Конечно, если рассуждать с теперешних позиций, то даже рыжий лес по сравнению с открытым реактором внес бы относительно небольшой вклад в общий радиационный фон. Тогда же любая дополнительная радиация воспринималась как враг №1. С этим сталкивались, выполняя буквально любую работу в чернобыльской зоне.

Обстановка была настолько сложной, что грамотное и даже просто смелое организационное или техническое решение помогало защитить людей от лишних доз буквально во всех случаях. Ну, взять хотя бы одно из таких решений — необычные бетонные работы у подножья четвертого энергоблока: сто тысяч квадратных метров

поверхности земли машинами с дистанционным управлением покрывали полуметровым слоем сухой бетонной смеси и поливали водой. Бетон — неплохой изолятор радиоактивности. Сколь возможно, смесь выравнивали бульдозерами. Следом за делом вновь принималась радиоуправляемая техника. А сверху для верности еще положили бетонные плиты.

Но так полно использовать радиоуправляемую технику удавалось редко. А работы, между тем, абсолютно все требовали скорости, точности и профессионализма. Оттого-то более или менее сложные операции выполняли в основном профессионалы — физики, эксплуатационники, энергостроители, грамотные дозиметристы. Этим, между прочим, главным образом объясняется и отказ в ответ на многочисленные письменные предложения добровольцев из всех уголков Советского Союза.

Профессионал быстрее и грамотнее выполнит работу. Он умеет грамотно вести себя с радиоактивными веществами и не пытается “брать врага” штурмом, кавалерийским налетом. А ведь был и такой случай. Один генерал личным примером, пренебрегая техническими средствами, в Чернобыле в начале мая 86-го повел солдат “в бой” (!) на площадке АЭС по кускам графита. Надо ли это комментировать? Надо ли объяснять важность обучения новичков, особенно молодых ребят осторожности и профессиональным навыкам не только в момент реальной опасности?

Именно в самый опасный, первый период пришлось выполнять широкомасштабные работы по ликвидации последствий аварии, притом на открытой местности, да еще на территории АЭС.

На поверхности земли опасность представляла радиоактивная пыль. Большинство “горячих точек” — на территории АЭС. Но ветер перемещал пыль. И здесь бригадиру или начальнику участка на строительных или монтажных работах надо было достоверно знать, в каких условиях будут работать люди именно в данный момент. Поэтому впереди всегда шли дозиметристы.

Одетые, как операторы АЭС, в белые костюмы, а часто и в белых перчатках, дозиметристы начинали каждый рабочий день в 30-километровой зоне. Возникла даже мода на белые костюмы. Особо лихие пажоны правдами, а в основном — неправдами добывали их на ЧАЭС.

Дозиметристы определяли допустимое время присутствия человека в том или ином месте. Рабочая смена некоторых из них продолжалась секунды. Лихачество не поощрял никто. И фронтовики ведь уважают друг друга не за отчаянную храбрость и бессмысленное ухарство, а за то, что победил и не подставился зря под пули. Вот и в Чернобыле всех ценили за умение работать, ни хватая лишние бэры.

Большинство дозиметристов были воины-химики. Дозиметрический контроль, радиационная и химическая разведка, дезактивация, дегазация и дезинфекция боевой техники, обмундирования и прочих материальных средств, дегазация и дезактивация местности, “засечка” ядерных взрывов — это их служебные обязанности. Они призваны защищать военных и мирное население от радиоактивного, химического, биологического поражения, вообще от оружия массового поражения.

Однако немало и гражданских, “своих” дозиметристов обслуживало персонал ЧАЭС, энергостроителей и монтажников. В большинстве случаев, словно саперы, они шли спереди рабочих бригад.

Вот обычный журналистский репортаж июня 1986 года. Пишет корреспондент еженедельника “Собеседник” Михаил Сердюков: “Солнце купалось в Припяти. Был знойный вечер. Водитель нашего бронетранспортера Толик Радовиченко резко затормозил возле третьего блока АЭС. Приехали. Я схватился за ручку люка, но водитель это действие предупредил. “Спокойно, — сказал он солидным баском. —

Спешка вообще нигде не нужна, а здесь особенно. Сначала выходит дозиметрист. За ним идут остальные”. Роль дозиметриста взял на себя Станислав Богатыренко, офицер, инженер испытательной пожарной лаборатории УПО Донецкой области. Командирован в Чернобыль, назначен заместителем начальника штаба пожарной охраны АЭС. Бесстрашный. О нем в зоне ходят легенды... Мы выскочили из машины. На первый взгляд ничего необычного. Я достал фотоаппарат и сделал несколько снимков. — “Достаточно, — быстро сказал Богатыренко и потянул меня за собой. — Едем. Не забывай, пожалуйста, где находишься”. Водитель дал газ... Я лишь там побывал; а ведь они работают!”

Между прочим, в Припяти посторонним тогда было вообще запрещено фотографировать, так что дело не только в опасности. Ни корреспондент правильно понял: он — лишь побывал...

Среди дозиметристов были и женщины. Одна из них — маленькая, хрупкая, но с железной волей Надежда Ивановна Калинина. До чернобыльской “войны” она возглавляла производственное подразделение по изготовлению твэлов. Ей сказали, что на ЧАЭС понадобились дозиметристы. “Поедете?” — “Если необходимо, конечно, поеду”. Для нее в работе главное всегда одно: выполнить как можно лучше, точнее. Работать пришлось в помещениях станции... А это — далеко не Сочи.

В мае часто полученную дозу определяли по пройденным маршрутам: знаешь степень загрязненности территории и время нахождения — легко подсчитать дозу. В самом начале, когда только у энергостроителей одновременно работало больше трех тысяч человек, было особенно важно, и притом немедленно знать дозу, которую получил каждый. В Управлении строительства ЧАЭС (УС АЭС) дозконтроль в таких масштабах был абсолютно новым и прежде — ненужным делом. Но уже 1 мая 1986 года здесь появилась своя служба радиационной безопасности, которая обслуживала первое время и эксплуатационников атомной станции. Поначалу у работников этой службы не было даже каталогов приборов, которые целесообразнее заказывать для массового пользования и обработки данных. Начинали буквально с нуля. Но это были грамотные специалисты и дело свое знали хорошо.

— Главное — нам не хватает индивидуальных приборов для определения радиационной обстановки, — сетовал начальник службы контроля радиационной безопасности УС ЧАЭС В.К. Сухецкий в июне 1986 г. — На стройке их практически нет, хотя они необходимы, по меньшей мере, каждому руководителю. Мало и переносных приборов для определения радиационной обстановки, установок для экспресс-анализа проб: куда дует ветер, там и загрязненность повышается. Какова она в данный момент? Что собой представляют крупно- и мелкодисперсные частицы в воздухе? Все это можно определить только с помощью приборов, но их катастрофически не хватает. Их наша промышленность выпускала, но в недостаточном количестве. Что-то удалось вывезти из зданий Чернобыльской станции, что-то достали на других АЭС. Но никто ведь не предполагал, что таких приборов и устройств понадобятся тысячи. Мало, наконец, самих дозиметристов, и нам приходится учить новичков.

До Чернобыля в СССР преобладало, в общем-то, справедливое мнение, что индивидуальные дозиметры населению не нужны, поскольку выбросы от АЭС в тысячу раз меньше природного фона. Поэтому выпускались достаточно точные приборы, но преимущественно в расчете на коллективное пользование (ДСК-04М, ДРГ-01Т) — ценой 250-300 рублей.

— Данные о радиационной обстановке в конкретном месте стали выдавать руководителям подразделений мы, — продолжил А.К. Сухецкий. — Их надо было обобщать, и наш сотрудник В.В. Попов, начав буквально с нуля, в кратчайший срок разработал

очень хорошую систему классификации индивидуально полученных доз. По его картотеке в любую минуту можно было узнать данные о каждом работнике АЭС или стройки.

Надо было не просто определить уровень радиационного фона в этом месте, для всех общего, но еще измерить дозу, полученную каждым из тысячи индивидуально, притом по нарастающей, чтобы не допустить перебора против допустимых норм. Набравшим 25 бэр запрещали дальнейшее пребывание на станции, на ее территории или даже в 30-километровой зоне. Суммирование индивидуальных доз — это огромное по масштабам и чрезвычайно трудоемкое дело — сегодня выполняет ЭВМ. Но в то время в нашей стране, а может быть и в мире, системы массового контроля не существовало.

Служба дозконтроля УС ЧАЭС завела журнал общей радиационной обстановки. В нем фиксировали место работы каждой бригады, а, следовательно — и полученные людьми бэры. Журнал действовал до начала 1987 года. Потом в нем отпала необходимость — заработал централизованный для всей 30-километровой зоны вычислительный центр. А в начале мая заместитель Сухецкого, приехавший с Курской АЭС, старший инженер службы эксплуатации В.В. Харин всего за несколько дней и ночей разработал инструкции для дозиметристов, в которых четко обозначены системы организации работ по дозиметрии и порядок оформления документации для разных служб. Это добавило к исходному журналу еще 15, зато четко разграничило: что делать можно, что — необходимо и чего делать ни в коем случае нельзя. Среди них я видела журнал контрольных уровней загрязнения поверхностей, отдельно журналы для транспорта, спецодежды, кожного покрова, для проверки знаний по технике безопасности, по радиационной безопасности, журналы инструктажей, проверки рабочих мест и т. п. По ним можно было даже выписывать рабочие наряды в “грязную” зону.

Вся эта на первый взгляд “бюрократия” спасла здоровье сотням людей, а многим, может быть, и жизни; помогла многие виды работ в этой неведомой для большинства обстановке существенно удешевить и ускорить. И, что не менее важно, — люди чувствовали себя увереннее, спокойнее, надежнее.

Где теперь эти журналы? Исчезли.

Уже в июне к одежде буквально каждого ликвидатора был прикреплен индивидуальный дозиметр-накопитель — продукт реализации разработанной Институтом биофизики Минздрава СССР программы по созданию средств радиационного контроля.

И сегодня работающие в зоне прикрепляют к одежде и постоянно носят эти таблетки — дозиметры-накопители. Расшифровать их данные можно только в специализированной лаборатории. В зоне это делалось раз в 10-15 дней. В нашей стране начала создаваться сеть таких центров, но, по свидетельству академика АМН СССР Л. Булдакова, сделанном им газете “Аргументы и факты” в 1989 г., потребуется еще несколько лет, чтобы оснастить их оборудованием. Говорили, что тогда стоимость индивидуального дозиметра-накопителя при серийном производстве не превысит 2-3 рубля, стоимость же измерения уровня радиации на местности обойдется в 1 рубль. Ориентировочная стоимость таких приборов рублей 30 (в ценах 1989 г.). Занимается ли их изготовлением кто-нибудь теперь?

Надо сказать, о необходимости налаживания собственного массового производства индивидуальных дозиметров не раз говорилось на Правительственной комиссии. Настойчивые требования исходили и от оперативной группы Политбюро ЦК КПСС. Но производить дозиметры должен был Минсредмаш, который демонстративно не желал подчиняться никому. Средмашевцы не были заинтересованы в таком производстве. Его развернули лишь спустя годы после аварии и стали жаловаться на отсутствие спроса.

Но в первые месяцы после аварии, когда о такой роскоши не мечтали, оригинальный принцип создания системы сбора и обработки информации придумал В.В. Варченко, “мужик аккуратный”, как о нем отозвался А.К. Сухецкий. Варченко сочинил ее для себя в порядке хобби еще в мирное время, когда сам руководил на ЧАЭС лабораторией контроля надежности. Теперь он осуществлял идею вместе со своим сотрудником по прежней лаборатории Г.Б. Сидоровым.

Они взвалили на себя огромную организационную работу, требовавшую большого напряжения сил. Поскольку централизованно полученных таблеток-накопителей на первых порах на всех не хватало, так они сами изготовили этих приборов около тысячи. В нормальных условиях на АЭС обрабатывают такую информацию с помощью ЭВМ. Теперь прежней, стационарной ЭВМ пользоваться было нельзя, а новой еще не было. Все материалы поневоле надо было обрабатывать вручную. Варченко организовал записи в журналах о дозах индивидуального контроля таким образом, чтобы их в любой момент легко было найти и проанализировать. Многочисленные данные надо было сличать между собой, и подготовленных для такой работы специалистов тоже не хватало. И эту проблему предстояло решать на ходу.

Время показало, что “самодельный” информационно-диагностический комплекс был глубоко продуман и справлялся со своими функциями настолько хорошо, что 1 декабря 1986 года его передали эксплуатационникам для технического обслуживания как обычный элемент обслуживания электростанции.

Дозиметристы жили за границей зоны, в бывшем пионерлагере “Сказочном”, где разместились эксплуатационники. Однажды летом 86-го я зашла к ним в комнату — в прежние времена здесь жили дети целого пионерского отряда, и им было вполне просторно. Теперь же в комнате жили взрослые мужчины. Здесь стояло не меньше тридцати кроватей. Однако было чисто, воздух свеж, нигде ничего не разбросано. Эти люди чрезвычайно устали, и лица у всех усталые. Но — приветливые. Улыбались. Охотно отвечали на вопросы и приглашали приходить еще просто так, поговорить. Показывали изобретенные ими собственные миниатюрные дозиметрические приборы.

— На каждой действующей АЭС есть отдел, который занимается дозиметрическим контролем — рассказывает В.В. Варченко. В его распоряжении — люди, штатные приборы. Там же проверяли и соответствующую аппаратуру. Но все это имущество громоздко и тяжеловато, с ним не походишь. А замерять нужно буквально каждый сантиметр поверхности как в зданиях ЧАЭС, так и на ее территории. Вот мы с Г.Б. Сидоровым и сделали простейший переносной прибор и с его помощью можем определять наиболее грязные места в помещениях станции. Дозиметр этот я сделал еще в 1985 г. По точности он нисколько не уступает штатным и мгновенно реагирует на малейшие изменения радиационного фона в конкретном месте по сравнению с общим фоном. Теперь важно запустить его в серийное производство. Схемы такого рода — не новость. Но ведь приборов не хватает. К тому же, и в обычных условиях их приходится браковать или ремонтировать при малейшем отклонении от нормы.

Варченко и его товарищи не думали оформлять на свой прибор авторское свидетельство, и маловероятно, что он был запущен в серию. Их интересовала только его практическая полезность. Но как часто у нас изобретают по несколько раз одно и то же только из-за волокиты с оформлением! Сама громоздкая процедура ставит автора в униженное положение просителя, хотя в действительности это он должен быть в привилегированном положении, и его должны просить поделиться интеллектуальной ценностью.

Я считаю, что научно-технический прогресс движется вообще ленью. Вот мне лень ходить к дозиметру, потом отмывать приборы — я и сделал свой, — пошутил Сидоров... Пошутил ли? Лет тридцать назад журнал “Техника — молодежи” поместил карикатуру:

десяток два людей, одетых в шкуры, волокут по земле тушу мамонта и, похоже, последними словами ругают “бездельника”, который забавляется в сторонке... А он изобретал колесо.

До аварии была на второй очереди ЧАЭС специальная система АКРП-06 (“Горбач-1”) — штатное техническое средство для оценки радиационной обстановки. Цена ее — 10 млн. рублей (в тех деньгах). Изготовитель — некое союзное министерство. Но в нужный момент в комплекте этой аппаратуры не оказалось технических средств по контролю за обстановкой на территории. Иными словами, не было лабораторного оборудования для исследования радиационной обстановки вне станции, а многие датчики то и дело выходили из строя. Вот и пришлось солдатам довольствоваться карманными ДП-5В, “дэпэшками”. Даже у большинства эксплуатационников станции не было индивидуальных дозиметров, а фотокассеты типа ИФКУ больше трех рентген показывать не могли. Это соответствовало нормам мирного времени.

— Да, в Чернобыле основной измеритель — это человек с дозиметром, потому что в нашей стране не была поставлена задача развивать это направление — создание дозиметрических средств: необходимости не было, не происходили такие крупномасштабные аварии, — говорит главный инженер Института атомной энергии имени И. В. Курчатова В.Г. Волков. Он был в Чернобыле безвыездно июль и август 86-го, затем приезжал регулярно и жил в зоне; позднее стал приезжать в зону работать по возможности на выходные — много дел в институте. — Буквально за считанные месяцы в ИАЭ было создано и дошло до Чернобыля огромное количество методик и средств, приборы гамма-видения, дистанционные дозиметры, системы авиационного базирования, — Мы разработали палитру дистанционных дозиметров, их используют теперь при исследованиях и практических работах внутри Укрытия, чтобы можно было получать сведения о радиационной обстановке в помещении, в том числе и на удаленных участках, например, стоя у приоткрытой двери. Это имеет принципиальное значение при проведении всех работ в Укрытии. Ведь там немало радиационно весьма опасных помещений.

К сожалению, как основное средство для измерения и определения обстановки в зоне их практически не применяли — все эти технические средства имеют пока лишь опытно-промышленное значение, использовать их могут только специалисты, а не обычные гражданские дозиметристы или солдаты. Пользовались ими в основном работники ИАЭ. А в 1989 г. и эти разработки приостановились: в зоне начался спад радиационной активности. Те, кому следовало бы организовать серийное производство, похоже, успокоились и потеряли к нему интерес. Но в институт вскоре продолжили работы по созданию уникальных приборов и устройств с фантастически сложными рабочими возможностями.

Волков говорил о принципиальной необходимости технических способов для получения сведений, в том числе и о состоянии разрушенного реактора.

— У меня не выходит из памяти картина: солдату говорят, что за 10 секунд он должен на лопате вынести кусок твэла с крыши (об этом у нас будет отдельный разговор. Л.К.). Ведь это — непрослительно. Наши солдаты — это будущее народа, его генофонд. Почти все дистанционно управляемые роботы на кровле потерпели фиаско. Вот рыжий робот из ФРГ вышел из строя сразу. А потом его, “валютную ценность”, вручную снимали с кровли и, конечно, пооблучались. Профессионализм всегда эффективнее голого энтузиазма.

В.Г. Волков подбирает сравнительный материал о том, как схожие проблемы решаются у нас и “у них”, чтобы использовать опыт в процессе текущих ремонтов на атомных станциях. Необходим большой набор робототехнических средств. “Мы в

институте пытались сами делать нужных роботов. Но до радиационно стойких пока не дошло, ищущая организации, способные выполнить такую работу...”

А в 86-м вся жизнь этой зоны, а в первое время кое в чем и целой области подчинялись правилам, определенными дозиметристами чернобыльских служб. На земле и с воздуха они брали пробы для анализа по несколько раз в день.

Знания о радиационной обстановке были необходимы при работах на ЧАЭС, при строительных и монтажных работах, при дезактивации территории, административных зданий и жилых домов. На их основе внутри или вне зоны разрешали или запрещали работать; оценивали качество воды для питья, а часто запрещали населению выходить на пляжи. На основе данных дозиметрических приборов определяли тогда и определяют сейчас ход процессов внутри разрушенного энергоблока. Словом, такие знания были жизненно необходимы всем.

“Смелость, которая не зиждется на осмотрительности, именуется безрассудством” — эти слова принадлежат М. Сервантесу, автору незабвенного “Дон Кихота”. Умелому и страх помогает побеждать в опасности, тому в истории немало примеров. Но, прежде всего, следовало защищать от радиации самих чернобыльских героев.

...Через месяц после аварии профессор В.С. Кощев говорил мне: “Крайне важно унифицировать средства и методы защиты от радиации для всех категорий работающих в зоне. Неоднородность радиационной топографии требует ее обобщающего анализа высокого класса, не ограничиваясь единичными замерами. Только совместными усилиями медиков, гидрометеорологов, метеорологов, физиков можно объективно оценивать состояние воздушной и водной сред и разрабатывать правильную тактику. Здесь собрался большой коллектив людей, объединенных одной целью: помочь Чернобылю. Но этот коллектив необходимо правильно организовать в санитарно-эпидемическом плане, чтобы при большой скученности соблюдались элементарные правила общежития. Это — задача служб Минздрава, и они прислали достаточно специалистов для этой цели. Здесь работает и большая группа ученых-медиков. Они изучают нынешнее положение и сопоставляют его с доаварийной обстановкой. Их цель — оценить максимально допустимые нагрузки на организм и с помощью биохимических, биофизических методов научиться управлять этими нагрузками на клеточном уровне”. — Нормально сформулированная задача на перспективу, достойная академика — и действительно, В.С. Кощев вскоре был вполне заслуженно избран членом-корреспондентом АМН СССР.

Однако в тот момент на территории 30-километровой зоны требовались оперативные меры более узкого и конкретного характера, те самые, что В.С. Кощев обозначил в начале: унифицировать средства.

Летом 86-го на всесоюзной выставке под стеклом витрины Института биофизики АМН СССР оказались выставлены такие обыденные, так хорошо всем в зоне знакомые респираторы “Лепесток”. Даже само их появление среди новейших средств атомной техники вызвало удивление. Оказывается, простенький кусочек чем-то пропитанной марли на проволочном каркасе завоевал признание мировой науки благодаря своей надежности. Без “лепестков” пребывание в чернобыльской зоне просто невозможно представить. Говорят, что эти респираторы призваны не пропускать в дыхательные пути до 99% радиоактивных веществ, содержащихся в пыли и воздухе.

“На советских специалистов, совершенно очевидно, не произвела впечатления практичность защитной одежды иностранных фирм, которую они испытали, — поделился впечатлениями главный редактор журнала “Ньюклар Инджиниринг Интернэшнл” (Великобритания) Джеймс Варли в своей статье “Репортаж из Чернобыля”, что называется, по свежим следам, по возвращении из СССР. — Один костюм западного производства вызвал смех у людей, знакомых с реальностями

решения проблем, вставших в Чернобыле. Однако сейчас они говорят, что в СССР решена проблема производства специального снаряжения для работы в условиях крупных ядерных аварий”.

Действительно, иностранные фирмы предлагали многослойные и очень громоздкие пластиковые скафандры, в которых не очень-то удобно двигаться, а тем более работать. А на той выставке в Москве Институт биофизики АМН СССР представил серию компактных и удобных пластиковых костюмов со шлемами и системами охлаждения..., так и не вошедших в серийное производство.

Обычно в зоне ЧАЭС кроме марлевых “лепестков” для защиты органов дыхания надевали хлопчатобумажные костюмы, тапочки или закрытую обувь на толстой подошве — вот и все. При не слишком высоком фоне они действительно выполняли свою роль. Если работа выполнялась в относительно не очень грязных условиях, костюмы и обувь заменяли раз в десять дней. Но иногда она служила не больше часа.

В не слишком суровых условиях невидимый, неосязаемый и потому как бы несуществующий враг у некоторых вызывал эйфорию и бесшабашную храбрость. У молодых солдат расхаживать без “лепестков” было чуть ли не признаком отваги.

Особую проблему для дезактивации создала площадка открытого распределительного устройства перед зданием электростанции с ее опорами, гирляндами изоляторов и сетью проводов. Подстанция оказалась на пути радиоактивного облака и была очень грязна. Здесь работали военные под руководством специалистов из УС ЧАЭС.

Архитектор А.В. Рабинович, прибыв в Чернобыль через военкомат офицером, командовал группой солдат-резервистов (убирали грунт на подстанции, очищали территорию АЭС). Он дотошно следил за тем, чтобы солдаты не перебрали допустимую дозу, и всегда сам был с ними, еще и еще раз объясняя правила работы в условиях радиации, если забывали. Эта группа уже из Чернобыля выезжала на работу с усиленной защитой дыхательных путей.

Однажды он увидел группу “чужих” солдат, которые мирно расселись и курили на пороге служебного здания, имевшего нелестную славу с точки зрения радиации. Остановился, объяснил парням, чтобы ушли куда-нибудь — никакого впечатления. Спрашивается, где же был их командир?.. Я сама летом 86-го видела около свежерытой канавы для ливневых стоков отдохавших прямо на земле солдат — они были раздеты до пояса и загорали! И это на территории станции, где ходить полагалось только в ботинках на толстой подошве. При них тоже не было офицера. И они в ответ на мои советы и предостережения только улыбнулись: мол, мы не из трусливых... Воистину, как говорил мой отец, “если рабочий сунул палец в станок — виноват начальник цеха”. Если бы кто-то, кому это полагается делать, создал нетерпимую обстановку для подобного легкомыслия, парням не пришлось бы в голову прохладиться среди стронция и плутония. Офицеры не могли не видеть этого, если они проверяли свои посты. Они обязаны были принять меры. Однако не раз, с болью глядя на этих отчаянных мальчиков во дворе АЭС, я, по сути — никто среди специалистов — объясняла им физическую природу радиации и уговаривала носить “лепестки”: “Вам же детей рожать надо!” Бесплезно. Они только молча улыбались в ответ. Можно было усомниться, есть ли у солдат эти элементарные защитные средства. Может и не у всех. Когда я уезжала в июне 86-го из Чернобыля, две девушки “вольнонаемные” из стоявшей рядом воинской части связистов попросили у меня оставшиеся “лепестки” — им не дали или не хватило.

И гражданские люди нередко бравировали своей “удалью”, а вернее, глупостью... Во всяком случае, через несколько месяцев солдаты в город Чернобыль стали въезжать, не снимая “лепестков” после работы — видно, кто-то на это обратил серьезное внимание

Странно ли, что практически никто в 30-километровой зоне понятия не имел о сроке годности этих “лепестков”, носили, пока внешне не загрязнятся. А ведь они рассчитаны лишь на несколько часов носки, пока не потерял своих свойств пропитывающий состав. Каждый респиратор получали в прочном упаковочном конверте, тщательно заклеенном со всех сторон. Только там не было инструкции, как этим “лепестком” пользоваться. Возможно, она прилагалась к партии, комплекту. Но кладовщики о них не сообщали.

Самую большую опасность представляла территория АЭС. Обломки здания, куски графита были разбросаны по земле в таком большом количестве, что в начале не просто было даже ходить.

Было бы грубой ошибкой считать, будто наших дорогих парней просто бросили на произвол судьбы, словно неодушевленные и бесчувственные предметы. Инструктировали, конечно же, абсолютно каждого. Вот памятка воину, работающему в условиях радиоактивного заражения: “Воин, помни! Радиоактивные вещества не имеют цвета, вкуса и запаха. При попадании в организм они могут вызывать тяжелые заболевания... Воин обязан: использовать средства защиты... после окончания работ обязательно пройти дозконтроль. В случае заражения радиоактивными веществами индивидуальных средств защиты и обмундирования свыше допустимых норм обязательно заменить их.

Запрещается: принимать пищу, курить, пить и отдыхать на рабочих площадках; снимать или расстегивать средства защиты без разрешения командира; ложиться, садиться на зараженную местность или прикасаться без необходимости к зараженным предметам...” Вполне доступно пониманию любого нормального человека.

Уместно напомнить, что термин “заражение” — чисто военный. Об эпидемических болезнях речь не идет, такого заражения радиация не вызывает.

Однажды военные командиры при каких-то важных погонах (они представились, но, виновата, я не записала их имена) пригласили меня в палаточный городок воинской части и с гордостью показали улыбающихся симпатичных дежурных, идеальный порядок и даже уют в каждой палатке и разную музыкальную радиоаппаратуру, которую парни, вероятно, сами привезли, чтобы не было скучно, газеты и журналы. Хорошая воинская часть и нормальные командиры. Только вот расположены были эти палатки километрах в 7-10 от Чернобыльской АЭС. Может, так нужно, не берусь судить.

В жизненно опасных условиях, на мой взгляд, мало создать уют и повесить инструкции о правильном поведении. Надо еще постараться контролировать исполнение этих инструкций, иначе они останутся благими пожеланиями. Человек легко адаптируется к опасности психологически — это нормальное защитное свойство любого живого организма, иначе он просто не сможет в опасных условиях находиться. Поэтому чрезвычайно важно напоминать об осторожности и даже заставлять серьезно к ней относиться.

Строительные обломки и графит убрали, в основном, с помощью бронированных ИМР (инженерных машин разграждения), оснащенных соответствующим оборудованием, а также манипуляторами типа “человеческая рука”. Работали здесь и бульдозеры, и БАТы с освинцованными внутри кабинами.

Они неплохо действовали, но не могли убрать мелкую пыль, с которой в воздух поднимались радиоактивные аэрозоли, которые переносило ветром с места на место. Поэтому приходилось непрерывно выяснять и перепроверять радиоактивную обстановку. В начале это нервировало экипажи машин. Они суетились, торопились. Один солдатик убежал, когда его машина ни с того, ни с сего забралась в канаву. Другие спокойно подъехали к ней на легком УАЗе, вывели за три минуты из канавы и... были поощрены за умение и самоотверженность.

История ИМР (инженерные машины разграждения) — самостоятельная эпопея. Они не были новостью военной техники. Но для Чернобыля требовались особенные, хотя поначалу и никому не известно, какие именно. В конце апреля специалисту по защите военной техники Е.С. Фриду позвонил по телефону давно знавший его начальник одной из лабораторий Карбышевского института А.А. Носач, и они вместе поехали в минсредмашевский НИКИМТ (Институт монтажных технологий), а в дальнейшем возглавили работы по повышению защиты машин от радиации.

В Чернобыле собирались применять военные машины с еще более высокой степенью защиты чем те, которые проходили проверку на Семипалатинском полигоне. У “семипалатинских” защита позволяла работать при 70-кратном ослаблении радиации.

Директор института Ю.Ф. Юрченко попросил сделать защиту, в 10000 раз снижающую мощность излучения (у развала энергоблока могло быть и такое). Но в тот период недостаточно был известен характер излучений, поэтому решили ориентироваться на худший вариант.

Теперь сотрудникам НИИ стали и ЦНИИ инженерных войск впервые предстояло работать не на проблематичный ядерный взрыв ради защиты на случай гипотетической ядерной войны (для этого машины и проверяли в Семипалатинске), а для конкретной реальной цели, однако на первых порах с множеством неизвестных параметров. Здесь же тренировались и экипажи, которым предстояло отправиться в Чернобыль.

Итак, первую ИМР с повышенной защитой сделали 25 мая. Одновременно была разработана методика проверки надежности защиты — машину облучали специальным источником (до 50 Ки) со всех сторон и определяли, откуда идет “подсветка”. Однако в нее ведь надо входить, потом выходить; на ней установлены системы дистанционного действия, перископ и пр., то есть неизбежны места, защитить которые полностью невозможно. Словом, на первую ИМР навешали очень много свинца, и она от тяжести оказалась не очень маневренной. Последующие облегчили, однако на первой удалось въехать в здание машинного зала — впервые после аварии — и через перископ посмотреть, что там творится.

На многих заводах страны с помощью откомандированных туда специалистов по защитным средствам выполнили серию разнообразных машин для Чернобыля, в основном усиливали защиту. Главным изготовителем комплекса “Клин” стал ленинградский ВНИИТРАНСМАШ. В частности, на Краматорском заводе сделали 10 ИМР с защитой, вдвое превышавшей принятую на серийных машинах. В г. Горьком — восьмиколесные БТРы с дополнительной защитой, в 5-6 раз выше обычной, а также несколько машин на базе ремонтно-эвакуационных машин, обычно предназначавшихся для эвакуации танков на поле боя. На ЗИЛе изготовили около 20 грузовиков с усиленной защитой. Кроме того, в НИКИМТе переоборудовали 3 машины для перевозки персонала и технической разведки, 2 БТРа с десятикратной усиленной защитой, а также дооборудовали несколько бульдозеров, а также кабину для гигантского башенного крана ДЕМАГ, которая снижала уровень радиации в несколько сот раз. В этом институте руководил работами замдиректора А.А. Куркумели.

Казалось бы, главная проблема — высокие уровни радиации. В действительности — то, что излучение шло со всех сторон: сверху, снизу, сзади, с боков. Откуда защищаться? Но еще труднее оказалось найти “просветы” в корпусе машины и возможность их закрыть. До аварии на такую работу отводилось бы полгода. Теперь — несколько недель.

Главное бронетанковое управление Минобороны выделило разработчикам для испытаний два ЗИЛОВских фургона, в них установили источники излучения и аппаратуру. Все испытательные измерения Фрид с коллегами делали ночами, чтобы

поблизости не оказались люди, не связанные с испытаниями и дозиметрическими измерениями — ведь искусственно создавали как бы зараженную территорию.

Однажды эти, в общем-то, кабинетные ученые по звонку утром выехали в Ленинград на своем фургоне, прибыли ночью, а через два часа развернули свою аппаратуру и источники излучений. Наутро изготовители уже усиливали защиту машин. Так было не раз. Или — два молодых инженера отправились с оборудованием на Украину, в Краматорск, где изготавливали ИМРы. В Харькове вынуждены были заночевать. При них — бумага с требованием оказывать содействие в пути, вот ребята и позвонили из отделения милиции дежурному по городу, чтобы помог пристроить на ночь опасный груз, источник излучений мощностью 50 Ки. Их отправили с мигалками через весь город на специальную площадку, самих же устроили в лучшей гостинице.

Машины работали верой и правдой: бульдозеры расчищали площадку АЭС, ИМРы возили людей в самые радиоактивно опасные места. С помощью первой машины запустили кран-балку в машзале АЭС — без этого нельзя было работать на энергоблоках. Вскоре почти все машины и сами начали “светиться”.

Понадобились новые машины, появилась новая тематика работ в 30-километровой зоне. Разработчики изучили условия ни станционной площадке, в лесу, в поле.

Появился заказ на разработку конкретных машин мелкими сериями. В районе с.Чистоголовки разработчики выбрали площадку для проведения испытаний — туда привозили танки, боевые машины пехоты, трактора и т.д. Но они требовались уже не столько для работы в Чернобыле, сколько для того, чтобы в будущем радиационно-опасные ситуации не застали врасплох. В 1990-91 гг. эти опытные образцы были испытаны, как и новые, более совершенные ИМРы для инженерных войск. Но... теперь нет денег для завершения работ и создания серийных образцов. Авторы машин резонно считают, что есть прямой смысл хотя бы создать музей этой уникальной техники, чтобы она не валялась на свалках. Сами же в порядке конверсии занимаются созданием защит от рентгеновских излучений.

* * *

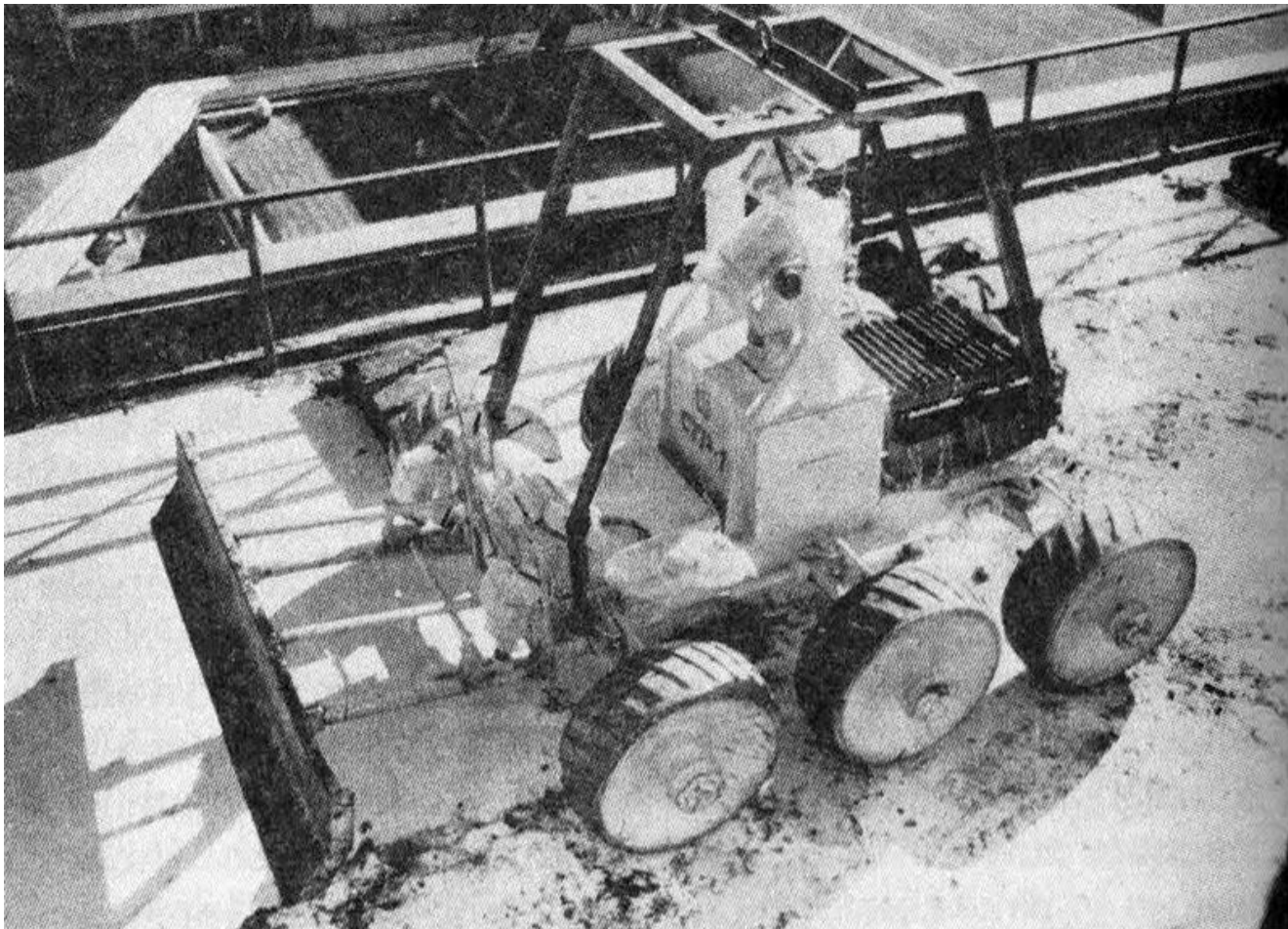
Самые большие надежды в мае 1986-го возлагали на радиоуправляемые роботы. Для них на предприятиях, в институтах страны срочно изготавливали комплекты аппаратуры и других изделий, готовили водителей.

С их помощью работники треста “Спецатомэнергомонтаж” наступали на реактор и снизу, и сверху, и “в лоб”. Е.М. Сергеев отвечал за жизнеспособность и работу радиоуправляемых механизмов. Но действительность оказалась далека от желаемого.

— И ученые считали использование роботов с первых дней аварии очень заманчивым делом. О проведении каких-либо работ вблизи развала или хотя бы о доставке средств диагностики обычным способом в первые дни не могло быть и речи. Основные мечты ученых были сосредоточены на желании иметь дистанционно управляемые летательные аппараты типа вертолетов, а также дистанционно управляемые танки. Первыми такими управляемыми аппаратами стали советские трактора из Челябинска.

Вот к реактору двинулся первый из двух ярко-желтых бульдозеров — исполин робот на гусеничном ходу. На радиаторе эмблема: “ЧТЗ”. Машина весит 19 тонн. Она закована в броню. Вместо водителя у нее электронный мозг, которым по радио с расстояния в 150 метров управляет из другой, также бронированной машины водитель М. Чибышев. Электронный пульт управления висит у него на груди. Машиной управляет офицер В. Скачков. Рядом сидят другие водители, практиканты. Позже и им придется так же вот направлять трактор-робот к подножию четвертого блока. Робот с ревом движется к груде обломков. Вот его нож вгрызается в остатки конструкций и оставляет на асфальте глубокую борозду... Здорово!

А в это время срочно дооборудовали второго “челябинца”: специалисты из Челябинского филиала научно-исследовательского Института тракторостроения (НАТИ) и других институтов из Киева, Калуги, Мелитополя, Москвы и Ленинграда “приучают” его не бояться высоких температур и радиации. Электронный мозг на нем установили еще в Киеве, куда он прибыл на борту ИЛ-76 из Челябинска. Оказывается, даже к аэропорту на трейлере этого мастодонта было доставить непросто: он нарушал городское движение.

Робот на кровле.

В киевском институте автоматики десятки добровольцев — от лаборантов до докторов наук — осаждали директора, требуя именно их и притом немедленно отправить в Чернобыль с этим роботом. Не было и случаев проволочек, задержки работ ни на одном из многих этапов оснащения роботов — наоборот, любое дело ускорялось раз в десять против обычного. И речи не заходило о ведомственных барьерах, таких частых в мирное время.

Но машины оказались несовершенны, пользы от них поначалу большой не было. Понадобились существенные поправки — ведь они не только не предназначались для работ в радиационных полях, но и вообще были практически экспериментальными. Однако, поскольку вместе с машинами в Чернобыль отправились их авторы, испытатели и опытные механики-водители, то дорогу к четвертому блоку эти и другие, следом созданные, машины все-таки проложили, расчистили ее от радиоактивных обломков. А для этого потребовался энтузиазм всех разработчиков и эксплуатационников.

Одновременно стали срочно закупать роботов в ФРГ и Японии. В ФРГ такая “скорая помощь” для атомных электростанций была создана более чем за 15 лет до чернобыльской катастрофы. Она включала специальные машины, в том числе

многоцелевые, с четырьмя гусеницами; с супервизорным управлением. А в мае такие машины из ФРГ прибыли в Чернобыль. Однако и они оказались не очень-то эффективными. Советские специалисты корили себя за то, что понадеялись на соседа, сами заранее не позаботились, посчитали это для себя необязательным... И вот теперь оказались безоружными перед бедой.

На территории станции испытывали и японского робота. Он внешне был похож на человека. Вот по команде робот зашагал к четвертому блоку. Но, не дойдя нескольких метров, остановился и замотал головой — не понравилось. Наблюдавшие эту картину разразились хохотом. И ведь никому не пришло в голову, глядя на заупрямившийся механизм, отказаться от своей работы. Привыкли, что человек сильнее машины. Интересные у нас нормативы для работы. На Севере и в Сибири существует порядок, по которому машинам разрешается работать при морозе 40 °С: металлический пруток, упав на землю, может рассыпаться, будто стеклянный... А людям полагается работать при температуре не ниже 45 °С — они крепче стали... Впрочем, в Чернобыле все понимали, что работать все равно нужно, несмотря ни на что, оттого и уговаривать никого не приходилось.

Между тем, еще до аварии сообщая об этих машинах, заведующий отделом Киевского института автоматики Липкин говорил, что в разработках иностранцев ничего нового нет, мы в состоянии сделать лучше...

А вот другой случай из поздней осени 86-го.

— К ноге, — командовал человек в белом костюме работника 30-километровой зоны, — А теперь — фас! Фас, тебе говорят! До чего же глупый зверь. — “Зверь” не слушался. Эта картина могла развеселить... в другой обстановке. Но все происходило на крыше машзала над третьим энергоблоком. Там был сильно повышен фон, роботам предстояло заменить человека. Но работать в условиях повышенного радиационного фона роботы отказывались. Это было новостью для ученых и инженеров. Бульдозеры оказались “покладистее” — покорно собирали мусор, строительные обломки, срезали верхний слой грунта. Но все-таки человек и за рулем зашитого в латы бульдозера оказывался более надежным, чем электроника.

Вообще-то в Советском Союзе робототехника имела — в экспериментальном варианте. Например, “Правда” писала о первом отечественном пожарном роботе, разработанном в Петрозаводске, он был предназначен для защиты всемирно известного памятника деревянного зодчества в Кижах, поскольку традиционная противопожарная система не подходила ни по эстетическим, ни по техническим требованиям. Новый вариант противопожарной защиты избавил наш “деревянный Парфенон” от километров металлических труб на куполах древних храмов. Робот был установлен на “горячем пяточке” между двумя деревянными исполинами, иссушенными ветрами — в месте, где нельзя быть человеку, когда бушует огненная стихия... Управлять им, задавать ему различные программы можно дистанционно. Специалисты единодушно одобрили его и рекомендовали также для применения в других отраслях народного хозяйства. Понимали, что особенно актуально применение пожарных роботов на атомных электростанциях, например, в машзалах вместо ручных лафетных стволов, работать которыми и аварийной обстановке крайне опасно, а то и просто невозможно. По инструкции пожарный должен охлаждать с помощью стволов перекрытие машзала, оно при большом пожаре может обрушиться через 3-5 минут. А вот пожарный робот способен трудиться в условиях задымленности и отсутствия видимости, по заранее составленной программе.

Однако, несмотря на многократные предложения, ответственные представители служб безопасности АЭС не проявили интереса к этим роботам.

Но грянул гром. В 1986 году по телеграмме Министра внутренних дел СССР пожарный робот из Кижей был срочно доставлен на Чернобыльскую АЭС. Одновременно за эти три недели изготовили еще три робота. “Они позволили выполнить важный объем работ в условиях повышенной опасности. Считаем выбранные решения правильными и глубоко перспективными”. Заместитель главного инженера Чернобыльской АЭС В. Галушук. В 1987 году этот пожарный робот был удостоен золотой медали ВДНХ за всесезонную работу как в суровых северных условиях 1984-1986 годов на острове Кижы, так и в экстремальных условиях на ЧАЭС,

Главное управление пожарной охраны и ВНИИ противопожарной обороны Минобороны СССР участвовали в работах по созданию роботов и были готовы оказать их производству полное содействие. Главспецавтоматика была готова наладить их серийное производство на своих заводах. На применение роботов поступали многочисленные запросы. Но вот заказчики — министерства, для которых они предназначены в первую очередь, в том числе и Минатомэнерго — снова, уже в марте 1988 г. проявили к ним непонятное безразличие. Нет, они согласны: роботы применять нужно. Однако считают, что с финансированием их серийного производства можно еще подождать — ведь для этого требуется вложить четыре миллиона рублей (в деньгах 1986 г. Теперь это, вероятно, 4 миллиона долларов). Между тем, несколько импортных роботов для ЧАЭС обошлись в 86 г. не в один миллион валютных рублей.

... “Вспомните, что я писал вам в газету про радиоуправляемые тракторные агрегаты, мы ведь еще в 1959 году под Красноярском опробовали их со скоблящими, саморазгружающимися скреперами, увозящими снятый слой земли. Управляли ими с далеко отстоящей высокой вышки и наблюдали за их правильной работой в бинокли. Они были способны без нахождения в них людей снимать необходимый слой земли, в том числе и зараженный радиоактивными выбросами, и увозить ее”, — написал 14 мая в газету “Известия” пенсионер из Симферополя В. Михайлов, в прошлом директор “Красноярскпромавтоматики”.

Специальные корреспонденты “Известий” В. Сбитнев и А. Щербаков в конце февраля — в начале марта 1987 года опубликовали длинную историю “в лицах” о том, как на различных отечественных предприятиях, в различных институтах многочисленные энтузиасты с почти нулевым эффектом пробивали различные разновидности радиоуправляемых машин. Однако подключенные к работе многочисленные ведомства тянули каждое в свою сторону, хотя технические проблемы давно уж были межотраслевыми. А призванный координировать их работу Государственный комитет по науке не очень-то старательно ее координировал. Идеи вспыхивали и затухали. Их подхватывали иностранные фирмы многих стран и успешно претворяли в жизнь... как собственные находки, что-то в них изменяли и превращали во вполне современные машины. Ведь они действительно необходимы в условиях Севера, лесоразработчикам, металлургам, шахтерам, на взрывоопасных работах, в лавиноносных горах... У нас же их и сейчас практически почти нет.

В конце 1986 года 19 европейских государств создали программу научно-технической кооперации “Эврика”. Есть в ней и направление “Евроробот” — для выпуска самодвижущихся устройств, в том числе в условиях повышенной радиации. Но когда-то они еще будут!

...Телефонный звонок в квартире генерального директора Красноярского НПО “Сибцветметавтоматика” М. Царегородцева раздался ночью 9 мая. За две недели требовалось на бульдозеры установить радиоуправление, которого по сути не было в природе. Как он позже рассказывал, по спине пошли мурашки. Правда, пять лет назад объединение делало для байкальского “Балейзолото” такую систему, но что-то не слышно о ее использовании. К счастью, она обнаружилась там на складе. “От Балая до

Красноярска тысячи верст и три пересадки. Подключаем Читинский, Иркутский обкомы партии — и днем аппаратура у нас. Достаем из архива чертежи и за ночь размножаем. Наутро собираются руководители ведущих предприятий объединения, раздаю каждому по чертежу одного узла. И на пятые сутки докладываю наверх: “Одиннадцать систем готовы к монтажу на тракторы” В порту хватаем первый же самолет, загружаемся и, минуя промежуточные посадки, с сухими баками плюхаемся в Челябинске”.

В Чернобыль отправились лучшие бурильщики БАМтоннельстроя. Во Всесоюзном объединении “Сибцветметавтоматика” срочно реконструировали две погрузочно-разгрузочные машины. Новое дистанционное управление установили на роботах, которые применяли на Норильском горно-металлургическом комбинате. А экипажи подобрали из числа лучших рабочих рудников “Комсомольский” и “Октябрьский”.

...За месяц создал и предложил Чернобылю тепловоз-робот организованный для этой цели по инициативе кандидата технических наук А. Пырова временный научно-производственный коллектив во Всесоюзном научно-исследовательском институте железнодорожного транспорта, коллектив включал конструкторское бюро и опытное производство. Идею поддержал министр. А главной движущей силой стали энтузиасты.

...А вот распоряжение, изданное в Чернобыле 29.05.86: “В целях создания средств механизированной уборки высокоактивных обломков с территории АЭС и крыш: 1) Поручить ЦНИИРТК на основании технических требований разработать и поставить на ЧАЭС робототехнические средства... Координацию использования робототехнических средств поручить главному инженеру Чернобыльской АЭС Штейнбергу Н.А.; Главснабу УССР выделить необходимые материалы и покупные изделия по заявкам ЦНИИРТК...” И подпись: председатель Правительственной комиссии Л.А. Воронин. Написано от руки, хотя и четко. Не на глянцевого бланке, без “исходящего” номера, буднично.

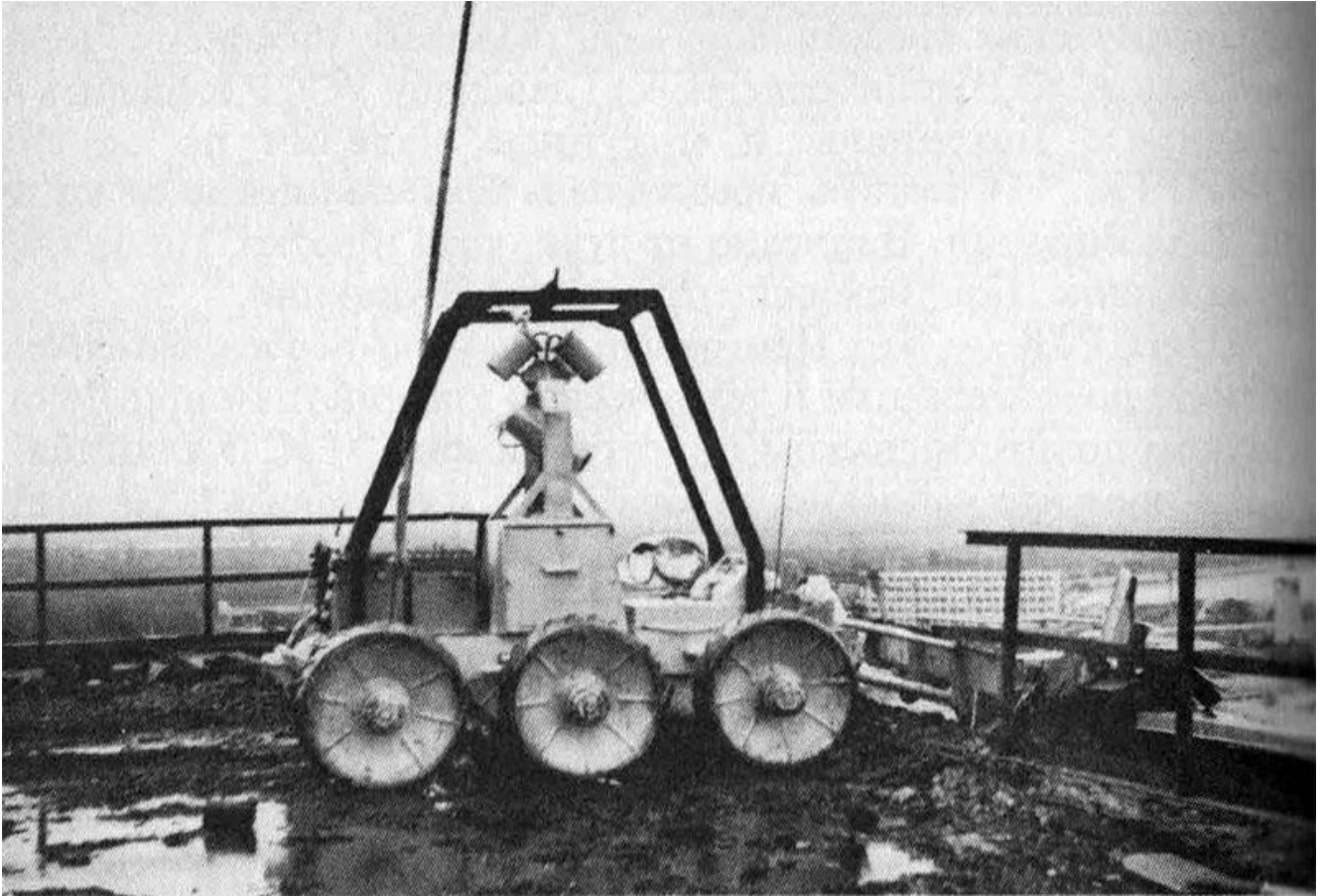
ЦНИИРТК — это Центральный научно-исследовательский институт робототехники и технической кибернетики при Ленинградском политехническом институте имени М.И. Калинина.

В документе написано: “Разработать и поставить”. Не пустяковину — современные, а следовательно самые совершенные роботы с электроникой и прочими техническими премудростями... Эти роботы создали за два месяца вместо двух лет по обычным меркам и при этом по эффективности разработок обошли зарубежные фирмы. Собственно, сделали то, чего ни у кого нет — целый робототехнический комплекс из одинаковых унифицированных частей — модулей.

Из них разные типы роботов можно комплектовать прямо на месте, по надобности. Тут и малыши весом всего 38 килограммов — роботы-разведчики. Их задача — пройти по “лунной поверхности” крыши, осмотреть и обнюхать каждый обломок, оценить радиационную обстановку...

— Два разведчика у нас погибли, — рассказывал корреспонденту “Литературной газеты” И. Фоякову директор и главный конструктор ЦНИИРТК Е.И. Юревич. — Один упал на бок на крыше и не смог подняться, когда его туда доставляли вертолетом, второй спустился в колодец в одном из коридоров здания станции. Здесь оказался слишком высокий уровень радиации, чувствительный и для робота, и для его электронной начинки. Еще сутки разведчик был “живым”, докладывал обстановку, когда с ним выходили на связь. А на вторые сутки угас: телевизионная установка вышла из строя”. — Евгений Иванович говорил о своих роботах, как о живых людях — об их “способностях”, “чувствах”. “Эти роботы могут видеть и слышать и даже прятаться на ночь в свои домики-контейнеры. Они живут и умирают”.

Работники ЦНИИРТК — вузовской науки, о которой у нас почему-то привыкли думать как о науке низшего разряда, — доказали свой истинный уровень самого высокого класса.

Робот на кровле

Еще был робот-бульдозер (очищал дно прудов-отстойников); робот-подборщик с комплектом инструментов, которые он сменял по команде оператора; робот-грузовик и робот-спасатель. Одни могли работать на аккумуляторах и самостоятельно подзаряжаться, другие — кабельные или с электрогенератором от бензомотора.

— Прибыли в Чернобыль 17 мая. Ознакомились с обстановкой. — Продолжает рассказ Юревич. — Увидели немало импортной техники. Но... красивые роботы ФРГ, оказывается, боятся переоблучения еще больше, чем наши. Однако радиуправляемые бульдозеры отечественного производства нужно “пасти”, стоя рядом с ними: на них нет телекамеры: до аварии считалась ненужной. Да и сами приехавшие изобретатели, хотя и создавали прежде неплохие машины, но совсем другого назначения — способные измерять лишь очень малые дозы излучения.

В Ленинграде, когда потребовалось переставить робота с колес на гусеницы, люди работали, не уходя домой, пятеро суток. Потом установили на машину бутылки с молоком и погнали по институтским коридорам и лестницам к столовой — испытывали. Убедились: не пролилось ни капли молока. С Чернобылем выходили на связь трижды в день: незачем писать о том, что можно обсудить по телефону.

А вот акт от 19 июня, подписанный Н.А. Штейнбергом: “Работа выполнена качественно и в установленные сроки. Созданные ЦНИИРТК роботы показали высокую эффективность и будут использованы в ходе работ по ликвидации последствий аварии на ЧАЭС и при эксплуатации станции.”

Ленинградский обком партии тогда “замкнул” на институт около тридцати предприятий. А всего по стране было больше ста таких смежников. Но не команды начальства руководили этими людьми. Они — “горели”, работали азартно, самоотверженно и... с чувством патриотизма, да простится мне это высокое слово в применении к производственной обстановке. Оно конкретно, точно.

Сказать по правде, не очень красивые были эти роботы — дизайнеров стали привлекать лишь осенью. Но работали они здорово.

От радиоуправляемого “землехода” в условиях радиации требуется совершенство, может быть, даже большее, чем от “лунохода”. Вообще, радиоуправление в Чернобыле оказалось самым уязвимым делом. Вот ведут 130-й трактор. А он поработал немного — и отправился к каналу, да прямо в воду и забрался. Люди сначала растерялись — куда это он? а водитель Кильдюшов, шутник и балагур, и говорит: “Да мы его замучили, пошел охлаждаться”. Кругом смех... А ведь не очень-то по сути и смешно. В самый неподходящий момент такой трактор застрял на дороге среди трейлеров, когда шел к реактору. Его оттуда пришлось вызволять живым людям.

К сожалению, роботы массовым видом техники в Чернобыле так и не стали. А работа для них нашлась не только на территории станции.

По улицам г. Чернобыля в мае, июне практически никто не ходил. Даже расстояние в несколько домов старались проехать на машине, обычно легковой, благо недостатка в них не было — “роскошный” автопарк в разной степени радиоактивно загрязненных брошенных автомобилей создала беда. Эти машины в большинстве еще недавно принадлежали местным жителям или учреждениям. Но они не поддавались очищающей обработке, и выезжать из зоны им было запрещено. Хозяева же получили компенсацию. А командированным пользоваться такими машинами было очень удобно: время пребывания в салоне невелико, да все равно на улице еще “грязнее”. К тому же работы у всех было много, и машины очень ускоряли перемещения... Теперь по их борту или прямо на “носу” красовались огромные номера, аккуратно намалеванные белой масляной краской.

Правда, через несколько месяцев эта “роскошная жизнь” стала ужиматься в новых рамках — каждой организации выделили конкретное число автомобилей, впрочем, для работы вполне достаточное.

На улицах можно было увидеть солдат в рабочих комбинезонах. Из шлангов они поливали крыши, стены домов, ворота, разные постройки, деревья и кусты. А уходя, мелом обозначали на воротах: “Обеззаражено”. И подпись. Как в войну: “Разминировано”... Часто на воротах писали достигнутый результат: “Крыша — 0,8 миллирентгена/час, стены — 0,2, двери — 0,1” или что-то в этом роде.

Начало работы положил эксперимент по дезактивации различных зданий на окраине Чернобыля, который уже 29 апреля был проведен под руководством генерал-лейтенанта М. Максимова. Для этого использовали пожарные машины, оснащенные мощными насосами. Загрязненные радионуклидами стены и крыши зданий многократно промывали специальными дезактивирующими растворами. Но сразу все-таки не удавалось снизить уровень фона до безопасного. Как ни странно, выяснилось, что стены зданий, покрытые керамической плиткой, практически не поддаются очистке, не снижается уровень их загрязнения. А крыши из шифера после соответствующей обработки удавалось очистить лишь не более чем в 2-3 раза. Словом, убедились, что работа предстоит немалая и достаточно тщательная. Она действительно заняла не один год и потребовала не один миллиард рублей.

С целью дезактивации здание и оборудование опрыскивали жидкостями, очищали паром; применяли полимерные покрытия; использовали метод вакуумной очистки всасыванием; вручную протирали тканями, пропитанными специальными дезактивирующими растворами. Некоторые крыши пришлось заливать жидким стеклом специально разработанным способом. Использовали даже разработанные для этой цели биохимические методы.

На фоне этого «такси» - административно-бытовой корпус.

Вот солдаты моют крышу, а на ней — аистиное гнездо. Не хочет покидать свой дом птица. Когда струя достигает (не касаясь) гнезда, аист взлетает на мгновение и — возвращается. Я видела аистов неподалеку от Чернобыля и через три года. Говорят, их в зоне стало больше прежнего: по сути сам по себе возник заповедник

Методично, дом за домом воины-химики приводили в порядок города Чернобыль и Припять. Отмывали и подъезды, и лестницы, срезали на газонах дерн на всю глубину и вывозили за пределы города в “могильники”, а наготу планеты укрывали песочком. Специальными машинами очищали деревья. Дезактивировали дороги, мосты и другие сооружения.

Каким образом всю эту программу дезактивации осуществлять, какие механизмы, вещества, технологии применять — решали ученые. Однако, любой ликвидатор — гражданский или военный — мог предложить и свой метод. И его с интересом выслушивали. Было немало очень серьезных, конкурсных решений, например, по мерам пылеподавления. Однако в начале и в этом вопросе все оказались перед полем не только не засеянным решениями, но даже не вспаханным. Но решения отыскились довольно быстро... Через три года капитан первого ранга Г.А. Кауров рассказал об эксперименте, который предложили и осуществили военные моряки для дезактивации г. Припяти в один из первых месяцев после аварии.

— Чтобы скрыться от врага и подготовиться к атаке, моряки применяют дым, — начал он свой сверхпопулярный рассказ.

— Ну да, это ведь и называется дымовой завесой.

— Но, вероятно, вы не знаете о том, что кислотный дым активно взаимодействует с известковой побелкой на стенах зданий. Кислотой разлагают известь, а затем, вместе с радиоактивными нуклидами, легко вымывают водой. Вот мы с моряками Черноморского флота и решили таким образом дезактивировать квартиры в одном из припятских кварталов. Словом, дыму было много.

И вдруг... из окон стали выпрыгивать люди и поднимать руки вверх. Один при этом даже ногу сломал... Недаром говорят, что грустное и смешное могут быть и рядом. Все семеро оказались тайно приехавшими жителями Припяти. Моряки передали милиции семерых мародеров и были награждены за это Почетной грамотой.

— Нам известны и другие средства, которые гражданские специалисты почему-то не приняли так же, как и кислотный дым. Например, мы знаем способ оперативно дезактивировать чернозем, не срезая его с поверхности земли. Можем и реку быстро дезактивировать, осажая нуклиды на дно...

Я бы усомнилась в безобидности дезактивации рек. Думаю, рыбы, донные и почвенные организмы со мной согласны.

Многие дезактивационные работы на территории зоны проведены на основе рационализаторских предложений самих участников работ, как говорится, “методом пробного тыка”: ткнул пальцем - не получилось, попробую по-другому. Вот и драили солдатики обычной шкуркой загрязненное оборудование, если поддавалось дезактивации, потому что жаль бросать: ведь на его изготовление были затрачены немалые народные средства...

— Наука нам помогает мало, — сетовал Кауров. — Главное наше орудие труда — бульдозер, и это после трех лет работ. Но все-таки люди трудятся старательно. На наш взгляд — профессионалов-дезактиваторщиков — лучше всех работают специалисты из Отделения нефтехимии АН Украины, а также из центральной лаборатории охраны окружающей среды г. Шевченко да москвичи — конструктора опалубки для бетонных сооружений, в первую очередь старший научный сотрудник И.Я. Симоновская.

Мы разговаривали в г. Припяти, где в роскошном трехэтажном здании разместился “Комплекс”. И если к этому времени г. Чернобыль уже отмыли в достаточной мере для

работы и пребывания вахтовиков, то в г. Припяти и сегодня еще нежелательно подолгу ходить по улицам. Тем не менее, руководители некоторых подразделений ищут — и находят! — аргументы в пользу размещения там не только своих офисов, но даже общежитий. Злые языки (а может, просто разумные люди) предполагают, что причиной такого рвения служит большая зарплата в зоне повышенного риска. Справедливости ради стоит сказать, что ответственные за всю 30-километровую зону руководители ПО “Комбинат” били во все колокола, пытаясь ограничить пребывание людей в Припяти без строгой нужды. “Раз так!” — кое-какие подразделения, например, тот же “Комплекс” попросту выделились в независимые предприятия и... остались в Припяти. Есть и другие. Однако “Комплекс” хоть занимается дезактивацией в 30-километровой зоне и поэтому находится там относительно оправданно.

То и дело мои воспоминания из разных периодов перекликаются между собой. Вероятно, потому что время спрессовывается в сознании в монолитный блок под названием “Чернобыль”.

Работы по дезактивации территории, зданий и сооружений в основном выполняло Министерство обороны. С этой целью военнообязанных призывали на специальные сборы до шести месяцев. Не знаю, как оплачивали их труд. На “гражданке” же, случалось, возникали и проблемы. Например, за рабочим и служащим государственного предприятия сохранялись его работа и зарплата, а кооператора полгода никто ждать не может, он возвращается к “разбитому корыту”. И еще при общей тройной оплате труда (исходя из заработка на “гражданке”) один, с основным окладом в 120 рублей, получал теперь 360, а работающий на том же МАЗе и глотающий ту же радиоактивную пыль, но с первоначальным окладом 500 — соответственно 1500 рублей.

Интересно, что сами ликвидаторы вслух свои обиды не выражали. Просто работали — и все.

Однажды, когда в Чернобыль прибыл генерал армии А.Г. Лушев и стал расспрашивать солдат об их нуждах, солдат из воинской части химиков сообщил, что командиры и финансисты хитрят с оплатой за работу в зонах с повышенной радиацией. Генерал вызвал командира финансистов и политработников на весьма нелюбезный разговор.

Генеральный прокурор СССР и Министерство обороны неоднократно обращались в Совет Министров СССР с предложением вообще не привлекать военнообязанных на специальные сборы, если они не связаны с решением оборонных задач: это противоречит Конституции СССР и закону о всеобщей воинской обязанности. На территории Киевского военного округа более 20 человек отказались ехать в Чернобыль; в Сумах состоялся митинг...

10 апреля 1987 г. был опубликован закон СССР “О правовом режиме чрезвычайного положения”, где, в частности, сказано “...могут призываться на срок до двух месяцев военнообязанные-специалисты, необходимые для ликвидации последствий стихийных бедствий, крупных аварий или катастроф...”. Но не на полгода, а до двух месяцев.

Вот тут-то и начались весьма интересные события. По зоне, особенно в районе четвертого блока, покатило, нарастая: “Дашь домой!” Солдатам сказали: “Погодите, братцы, а на кого же зону бросим?”

— Тут уж выплеснули все. И о перестройке. И о правовом государстве. И о законодателях тоже... Говорят, то был страшный день для командиров, политработников, коммунистов. Прошла и непокойная ночь. Наступило утро. А... к полудню стало ясно: на работы, в том числе и на “Укрытие”, вышел весь личный состав воинов запаса. До единого человека!

— На этих людей молиться надо, — сказал начальник оперативной группы Гражданской обороны генерал-майор Ю. Захаров.

— Ну, мужики! — только и сказал командир роты спецобработки лейтенант А. Камалетдинов...

Мнение генерала Н.Д. Тараканова, отвечавшего за дезактивацию: “В период интенсивных работ по дезактивации территории Чернобыльской АЭС, зданий, сооружений, прилегающей местности, населенных пунктов, жилых домов и других объектов воины Советской Армии, гражданские специалисты проявили не просто мужество и стойкость, они повсеместно совершали настоящие подвиги”. Николай Дмитриевич возглавлял дезактивационные работы в химвойсках и написал книгу “Чернобыльские записки, или раздумья о нравственности”.

В Полесском районе воины также дезактивировали населенные пункты, дороги, колодцы, приусадебные участки и другие сооружения. Случалось, одни и те же дома приходилось дезактивировать по пять-семь раз, потому что, как было известно, из реактора все еще шли выбросы. Местные жители сначала не понимали сложности этих работ, удивлялись и были недовольны: только что продезактивируют, а наутро уровни радиации почти те же, что были. И специалисты не могли этого объяснить, ведь работали добросовестно. Тогда по предложению Н.Д. Тараканова жителей пригласили помочь солдатам. Люди охотно согласились, увидели, что солдаты стараются, и претензии к качеству работ прекратились.

За несколько месяцев уровень радиоактивного заражения местности значительно снизился. Но контроль на дорогах — ужесточился: “Повысился организационный и технический уровень нашей работы, — пояснил начальник штаба Гражданской обороны СССР генерал-полковник А.И. Безотосов “Литературной газете”.

— Вспомните тревожные майские дни. Тогда мы с трудом управляли обстановкой на дорогах. Во-первых, был огромен поток машин, следующих из особой зоны, во-вторых, наше техническое оснащение было не самым лучшим. Сегодня же, когда обстановка на дорогах стабилизировалась, а воины-химики получили в свое распоряжение самое современное оборудование, появилась возможность не раз и не два проверять технику, проводить ее специальную обработку. И если раньше на это уходило немало времени, то теперь задержка на пункте специальной обработки (ПУСО) составляет считанные минуты. Словом, делается все, чтобы обеспечить в районе Чернобыля полную безопасность.

А в начале неожиданности обступали со всех сторон. Например, машины при выезде с территории станции обмывали из шлангов специальными растворами, которые привозили в цистернах на оборудованные для этого ПУСО. Случалось, колеса и “брюхо” приходилось мыть многократно, пока достигали более или менее приемлемого уровня гамма-фона. Но гусеницы тяжелых машин так просто не отмывались, особенно если на металл налипал асфальт. Их приходилось скоблить и скоблить — иначе не выпустят из зоны. И в результате, бывало, экипажи облучались не столько на работе, сколько на ПУСО. Пришлось для очистки гусениц искать более подходящие растворители или применять парожетонный способ.

Решения искали нестандартного характера и нестандартными путями. Даже собрания партийного актива гражданских и воинских подразделений стали не идеологическим органом, а скорее напоминали фронтовые совещания. Докладывали о производственных успехах, предлагали решения; выступления коммунистов были кратки, предельно конкретны и конструктивны. Вот кто-то предложил для дезактивации использовать специальную технику. Из зала предложили другое решение. Его тут же внесли в протокол гости-специалисты из Правительственной комиссии, отметили как наиболее эффективное.

...Едем с начальником Управления строительства ЧАУС В.П. Акуловым в его “Волге” из Чернобыля в сторону АЭС. По дороге он несколько раз останавливает то попутные,

то встречные машины, дает указания, выслушивает отчеты. Акулов до аварии был заместителем начальника УС ЧАЭС В.Т. Кизимы по монтажу пятого блока, теперь — на его должности, а по существу — он организатор всех строительно-монтажных работ в 30-километровой зоне и на территории АЭС. Словно неутомимый шмель, он носится от объекта к объекту, хранит в памяти тысячи разных мелких и крупных дел, наблюдает, проверяет, поручает, “разносит”, ищет выходы из затруднений.

На дорогах то и цело встречаются яркие полосатые тумбы высотой около метра. Это стойки автоматического радиационного контроля машин, которые выезжают из зоны. Специалисты института ядерной физики АН Украины разработали их в считанные дни.

Около одного из таких постов произошло ЧП. О нем рассказывается в донесении военных того времени: докладывает лейтенант Андрусъ (Винницкий взвод): “В деревне Страхолесье, возле самого командно-пропускного пункта (КПП) обнаружили мину времен войны. Она пролежала там более 40 лет. Вызвали саперов, вывезли мину в лес и там взорвали...”.

Не случайно большей, чем в других местах, была зарплата у милиции в с.Лелеве, неподалеку от атомной станции — здесь поток автомашин особенно велик. Здесь постовые чаще глотают пыль, а со временем именно пыль становилась все более опасной.

Первоочередные мероприятия по дезактивации площадки АЭС и близлежащих территорий выполнили быстро. Но работу далеко еще нельзя считать законченной.

Теперь главной задачей стало ограничить распространение радионуклидов с воздушными потоками, подземными и поверхностными водами.

Поверхность земли вокруг станции радиоактивна. Дожди эту грязь смывают в низины. Потом она пойдет в реки... Как защитить водоемы, в первую очередь р. Припять от грязных стоков? Эта работа была также поручена Минэнерго и военным. Уже через две недели после аварии, с 10 мая под руководством заместителя Министра энергетики и электрификации СССР А.Н. Семенова группа проектировщиков из институтов Гидропроект, Гидроспецпроект, Оргэнергострой приступила к работе. Под эгидой Гидропроекта удалось объединить усилия шести министерств и ведомств, в их числе кроме Минэнерго — Минмонтажспецстроя, Мингазстроя, Минводхоза. В итоге все канализационные пути в зоне закольцевали и таким образом защитили р. Припять от дождевых стоков.

В первые же дни после аварии изобрели способ обеззараживания почвы вне станции — ее стали покрывать специальными дезактивирующими растворами, которые на земле сразу превращались в пленку. Пленка удерживает радиоактивные частицы и они не могут попасть в почву или в воду. За сутки таким образом можно обработать до 300 тысяч квадратных метров площади.

Пылеподавляющие растворы выбрасывали с установленных на огромных БелАЗах цистерн мощными струями — они били на расстояние метров в 70. Но более удобными для крупномасштабного пылеподавления на обширных территориях оказались вертолеты. То и дело взмывали они над разными участками 30-километровой зоны, выбрасывая шлейф из полимерных растворов.

Препараты для пылеподавления и снижения фильтрации радиоактивных веществ в почве и водоемах разработал Институт физико-органической химии и углехимии АН УССР. Участки территории, в основном поля Чернобыльского района обрабатывали этими препаратами летчики объединенного авиаотряда г. Киева. Но защитить дороги они не могли.

Французский ученый-медик, почетный президент Международного комитета по радиологической защите профессор А. Жамэ в мае 1988 г. сказал специальному

корреспонденту “Правды” А. Покровскому: “Я имел возможность убедиться в эффективности мер по дезактивации. Местность хорошо обеззаражена. Там же, на месте подверг себя полному дозиметрическому контролю и убедился, что радиоактивность не выше нормы. Работа советских медиков также заслуживает высокой оценки. Особенно хотелось бы отметить результаты борьбы профессоров Гуськовой, Баранова и других советских врачей за жизнь людей, оказавшихся на АЭС в момент аварии”.

Над реактором на высоте 120 метров 19 мая было 200 рентген в час. На промплощадке станции — 0,2-1,0 рентген в час. Около реактора — 1800 рентген в час. Брошенный бульдозер около четвертого энергоблока “светил” 4 рентгена в час.

10 мая уровень радиации в 60 километрах от АЭС составлял 0,33 миллирентгена в час, в Киеве — 0,32 миллирентгена в час (фон относительно безопасный для здоровых людей), в момент аварии он был ниже: ветер дул в противоположную сторону; на западной границе города фон был в пределах естественного.

На границе зоны в момент аварии уровень радиоактивности достигал 10-15 миллирентген в час. К 5 мая радиация уменьшилась впятеро, а 8 мая снизилась до 0,15 миллирентгена в час. Уровень радиоактивности в водных резервуарах Киева и области генеральный директор МАГАТЭ Х. Бликс отметил как нормальный в течение всех двух недель после аварии.

“Прогнозы в таком деле невозможно делать, — писала “Правда” 13 мая 1986 года, — но потребуются длительное время, чтобы ликвидировать все последствия — возможно, даже месяцы... Наверное, целесообразно в Киевской области провести своеобразные “уроки” по радиационной безопасности..., объяснить жителям эвакуированных районов все особенности, связанные с радиоактивностью. В научных и учебных заведениях Киева достаточно для этого специалистов...”

“Я испытываю восхищение перед теми тысячами людей, кто занимался очисткой территории. Насколько я знаю, большинство их существенно противостояли невидимому и потенциально опасному врагу... Мероприятия по очистке практически завершены. несомненно, войдут в историю как одна из наиболее решительных и эффективных операций”, — констатировал летом 1987 года американский журнал “Нэшнл Джографик”, Вашингтон.

С того времени и сегодня по телефону г. Чернобыля /5-28-05/, как говорится, по прямому проводу любой желающий может получить оперативную информацию по любому вопросу из 30-километровой зоны. Любопытно, что больше звонков раздается и раздавалось из-за рубежа, а не от жителей своей страны. Это не мешало возникновению массы нелепых слухов вокруг аварии на ЧАЭС.

А работы продолжались.

ЛИЧНО ПРИЧАСТЕН

Все забыть — благодать,
Но забыть — это значит предать.
Людмила Титова

Эта глава посвящена тем тысячам самоотверженных тружеников, которые читателю практически не известны не только поименно, но даже обобщенно — о строителях и монтажниках Чернобыльской АЭС. Эти люди восприняли беду как личное горе, хотя к строителям и монтажникам претензий вообще никто не предъявлял: они свое дело выполнили добросовестно.

— Когда я приехал туда и, можно сказать, сидел голым задом на реакторе, я не видел вокруг ни одного энергетика, — утверждал известный и уважаемый журналист и, безусловно, честный человек. Ну, не видел. Не повезло. Ему показали других хороших людей — пожарных и военных, он летал над реактором. А энергетиков никому не показывали, так уж получилось. Не было у них времени. Они и сами даже в обычной жизни не любят о себе говорить: считают, что значимость их работы высшей квалификации и максимальной общенародной полезности, должна быть понята и оценена без их усилий. Как жаль, что они ошибаются! — Я по всем разобрался, мне хватило информации в школьном учебнике физики — виноваты только разгильдяи-эксплуатационники! — Крупнейшие ученые мира не сразу разобрались и не считают их главными виновниками. А он — “разобрался”.

Вот и вышло, что в целом разумная позиция об ограничении числа посетителей на рабочих местах и в общежитиях энергетиков — эксплуатационников и энергостроителей (собственно строителей и монтажников) и привела к тому, что ни одна редакция больше года не соглашалась публиковать ни строчки об их работе по ликвидации последствий аварии: “Это они все устроили”. Не важно — строители или эксплуатационники: “ОНИ устроили, и все тут!” Сказывается наша порочная привычка шарахаться от крайности к крайности.

Это — о людях, которые, тем не менее, выполняли в Чернобыле до 80 процентов работ — самых квалифицированных и самых опасных. Такая позиция вредна, неблагоприятна, неблагодарна, не по совести. Народ должен знать своих героев.

Можно ли придать той крупномасштабной, опасной и сложной работе традиционное определение: “Подвиг”? И да, и нет. Под понятием “подвиг” обычно подразумевается некий порыв, кратковременное, хотя и выдающееся действие. Это же была длительная, тяжелая, изнуряющая, постоянно опасная работа. Массовое, истинное геройство, как сказал бы Даль.

Почти каждый энергостроитель, работавший после аварии на территории станции, возводил ее своими руками. Начальник стройки В.Т. Кизима за сооружение первых четырех энергоблоков получил Звезду Героя Социалистического Труда. Правительственными наградами был отмечен труд его заместителей В.М. Малышева, В.Н. Синчука, Ф.Д. Асеева и многих других руководителей и рядовых строителей и монтажников. И за работу после аварии они также обоснованно награждены орденами, медалями и Почетными грамотами.

В апреле 86-го пятый энергоблок уже почти был готов к пуску: реактор на месте, его “обвязывали” трубопроводами. Блок №6 почти возведен под крышу. И вот — катастрофа.

Управление строительства ЧАЭС узнало об аварии во втором часу ночи 26 апреля по общей тревоге, объявленной по каналам руководства станции. Кизима и главный

инженер стройки Земсков были уже в 4 утра на строящемся пятом энергоблоке... Последними покидали свои участки сторожа строительного-монтажных управлений. В 5 утра у Кизимы собрались руководители подразделений.

— Ликвидировать последствия аварии будем мы, — сказал Василий Трофимович. — Думайте, мужики, как это лучше сделать.

Действительно, вскоре Управлению строительства ЧАЭС были переданы официально все строительные-монтажные работы в 30-километровой зоне, в их распоряжение были переданы военные подразделения, с ними согласовывали свои действия и средмашевские строители Саркофага, который считается заказом УС ЧАЭС.

Весь день 26 апреля в УС ЧАЭС ждали решений от дирекции станции. Первым практическим поручением было загружать песком мешки для пробных вертолетных рейсов. Первыми добровольцами в этой нелегкой чисто физической работе стали они же, руководители строительного-монтажных подразделений. Штаб строительных работ в новых условиях возглавил снова В.Т. Кизима. Позже, набрав допустимую дозу радиации, он был вынужден покинуть 30-километровую зону. Его назначили начальником вновь созданного главного производственно-распорядительного управления (ГлавПРУ) Минэнерго СССР, которое разместилось под Киевом и отсюда руководило всеми связанными с аварией на ЧАЭС строительными-монтажными делами. А начальниками УС ЧАЭС в 30-километровой зоне поочередно становились его заместители Свинчук, Гора, Земсков, Акулов. Они выбывали из зоны, полностью выработав свой дозволенный ресурс. Все они работали и жили в г. Припяти до 30 апреля.

Уместно напомнить, что УС ЧАЭС командовало собственно строителями. Монтажные подразделения были независимы от строителей и входили в состав общесоюзных монтажных трестов и объединений Минэнерго СССР. Но по договоренности монтажные управления работали в одной упряжке с Управлением строительства, по единой программе и по сути под его руководством. Это было целесообразно с точки зрения достижения конечного результата — сооружения ЧАЭС. Поэтому условно и будем говорить о них как о едином организме.

Итак, живших в г. Припяти эксплуатационников и строителей централизованно эвакуировали. Но части руководителей строительных и монтажных подразделений, также как некоторым эксплуатационникам, поименно предложили остаться. Могли отказаться, но согласились. И многие рабочие, получив приказ об эвакуации, сами приходили в штаб стройки с вопросом: “Я нужен здесь?” Отвозили семьи, а сами возвращались на личных машинах; “Что я могу сделать?”

Известно, что из Припяти людей вывозили не по принципу служебной принадлежности, а жилыми подъездами. С точки зрения организаторов эвакуации это было правильное решение. Но все-таки руководители строительных и монтажных предприятий дальновидно старались в какой-то мере повлиять на выбор адресов эвакуации, чтобы их работники оказались расселены по возможности компактно и чтобы их в нужный момент легче было собрать.

“Лицом к лицу — лица не увидать, большое видится на расстоянии”, — мудро сказал поэт. Когда-нибудь люди по достоинству оценят не только трагизм сложившейся 26 апреля 1986 года ситуации, но и глубокое благородство жителей г. Припяти и всего Чернобыльского района, от рядового рабочего до администратора высокого уровня.

Примерно в одно время с начальниками УС ЧАЭС и тоже поочередно сменялись и главные инженеры. Заступив сначала на должность заместителя главного инженера, они постепенно продвигались по службе. По-видимому, это было оптимальным организационным решением, но личным благом, стремлением делать карьеру в таких жутких условиях уж никак не назовешь. Некоторые руководители после аварии годы работали беспрерывно на своих постах. Среди них — директор комбината специальных

строительных конструкций для АЭС (КССК) Ю.Б. Муравьев, главный механик стройки И.З. Григирчик, главный технолог одного из строительного-монтажных комплексов В.И. Бубнов. Они ночью 27-го вывезли свои семьи, а утром вернулись, Григирчик даже вместе с женой. Незнакомой женщине в Чернигове (жена до того уехала к матери) передал ребенка главный энергетик УС ЧАЭС В.И. Чуриков и тут же вернулся в Припять. Безотказно работали руководители монтажников В.Г. Микитась, В.Д. Абрамов, В.Д. Дейграф, В.Г. Гудыш. Добрым словом вспоминают главного инженера третьего строительного-монтажного управления УС ЧАЭС В.И. Ульянова.

Итак, начальники строительного-монтажных подразделений ночью 27-го получили приказ выйти на работу и собраться в районе городского пляжа. Они вызвали мастеров, дали поручения. Затем по цепочке: по телефону и лично были оповещены сотни строителей. Все они собрались там же, на пляже. Правда, в 2 часа ночи их распустили по домам, предложив собраться утром, когда прилетят вертолеты. Теперь уже чуть ли не все мужское население Чернобыльского района работало на погрузке песка в мешки. Многие работали семьями: например, муж и жена, старшие инженеры производственного отдела стройки А.С. и Г.А. Искра, В.Т. и З.С. Голохватовы. Многие жены не захотели оставить своих мужей и разделили с ними все тяготы “войны”.

Люди, впервые встретившись и даже не зная имени друг друга, понимали общую конкретную задачу и с полуслова осознавали себя единой группой, объединенной общей целью и общей ответственностью. В обычных условиях такие отношения могут складываться месяцами, порой и годами, да и то без полной гарантии на успех.

Начальник управления ЮЭМ (трест “Южэнергомонтаж”) В.А. Казаков, отправляя жену в Киев 27 апреля, на всякий случай поручил начальнику отдела кадров С.Н. Гайдак направлять всех, кого встретит, в расположенное неподалеку с.Полесское. И действительно, все, кому она об этом говорила, сообщали ей свои новые (ориентировочно) адреса и сами просили немедленно вызвать их на работу, когда потребуется.

Начальник Днепропетровского управления ВО “Гидроспецстрой” В.Н. Неучев уже 26 апреля, еще не очень-то представляя будущие обязанности своего управления, на всякий случай сам обошел четырех рабочих, советуясь, кто из них может остаться независимо от ситуации. Согласились копровщик В.И. Зайцев и машинист насосов В.К. Зайцева. Многие другие остались вообще без вопросов, по своей инициативе. Правда, двое мужчин, которым эта честь была предложена, решительно отказались и уехали. Но когда через полтора месяца они сами вернулись с просьбой дать какую-нибудь работу, то должны были вытерпеть неловкий разговор в своем коллективе, прежде чем их приняли. Все поняли и работали нормально.

Гидроспецстроевцам, как и всем остальным, особенно страшно было идти в первый раз. Даже дозиметристов у них не было совсем — знали только, что все делать надо побыстрее и понадежнее. Случалось и голодными оставаться: до столовых далеко. Это подразделение бурило скважины в г.Припяти для отвода дождевых вод, оттуда по трубопроводам, которые монтировал ЮТЭМ, воду нужно было откачивать в закрытые системы ливневой канализации.

— До аварии на чернобыльской стройке работало до 10 тысяч человек, — рассказывал главный диспетчер УС ЧАЭС А.И. Варивода. — А 27 апреля в распоряжении собственно Управления строительства осталось лишь 80 человек. Но практически все остальные вернулись по первому зову. Неучев первые дни исполнял обязанности диспетчера УС ЧАЭС. Он организовал централизованный учет всех работавших от Управления строительства в течение первого месяца и даже журнальные страницы пронумеровал, чтобы невозможно было вписать дополнительные фамилии.

Сам Неучев практически безвыездно с ночи 26 апреля и до конца осени работал в чернобыльской зоне, потом уехал в отпуск. Чуть отдышался, вернулся — оказывается, им прокуратура заинтересовалась: не получил ли лишних денег... Не получил. Ни он, ни многие другие, вызвавшие такой же повышенный интерес следственных органов. Просто энергостроители выполняли работу, не укладывавшуюся в привычные представления. И работа их вполне соответствовала узаконенным с конца июня расценкам, также непривычным. Разрабатывая эту систему оценок, в поисках справедливого решения начальник главного управления по нормированию труда и заработной платы Минэнерго СССР М.И. Огняков и его команда провели нелегкую исследовательскую работу, пока он не нашел, наконец, это обоснованное и на тот момент оптимальное решение по оплате работ в поистине нестандартных условиях. Его решения никто ни разу не оспорил.

Однако приехавших с первыми отрядами чернобыльских патриотов не учли ни при награждении, ни при выдаче постоянных ордеров на новые квартиры. Энергостроители, уехавшие в эвакуацию, в этом смысле оказались даже в выигрыше: не выполняя тяжелой работы, получили в свое распоряжение хорошее жилье и жили спокойно. Оставшимся думать о себе было некогда, а тем, кто обязан за них это сделать, видно, “недосуг”.

Представить себе характер работы, которую пришлось выполнять и первые дни, можно хотя бы на примере работы В.И. Бубнова. Уже в первой половине 1987 года только в этом комплексе более ста рабочим и инженерам запретили работать в 30-километровой зоне: переоблучились. Но многие просто перестали считать свои “бэры”, осознавая объективную полезность их присутствия: ведь новичкам бы потребовалось время на вхождение в курс дела. Они понимали, что на первый взгляд несложные строительные объекты в действительности требуют немалой инженерной подготовки и рабочих навыков. Даже грамотное отношение к собственному пребыванию в условиях зоны имело стратегическое значение, время требовалось и для выработки каждым человеком состояния личного спокойствия и умелых взаимоотношений с радиационным фоном. Вот понимая все это, и оставались многие строители и монтажники всех рангов, несмотря на запрет медиков. Бубнову самому уже через несколько дней его весьма активной деятельности врачи запретили работать на станции: “перебрал”. Но он остался работать пусть не на самой АЭС, а на территории зоны уже начальником комплекса, позднее — в новом городе энергетиков Славутиче, заместителем начальника стройки. Его жена приехала в Чернобыль в июне 86-го заместителем начальника сметного отдела.

В конце концов, весь персонал этого комплекса пришлось из зоны вывести. Некоторые стали работать в г.Вышгороде под Киевом, другие ушли строить Славутич. Начальником комплекса в Вышгороде стал Ю.С. Утин, тоже выведенный из зоны дозиметристами.

Каково же было женщинам? Случайно в душевой я услышала разговор. Та, что выдавала всем приходившим чистое казенное белье, объясняла подруге: “Я уже научилась. Когда плачу, я руками сильно отгибаю голову назад вот так, — и проходит”...

То же могли бы сказать и многие другие женщины, рабочие или специалисты — не важно: дети далеко, дом утрачен, любимый город и любимая станция в бедственном положении, и перспективы для собственного здоровья весьма туманны...

Что заставляло этих людей рисковать собственным здоровьем? Никто ведь не осудил бы за желание отдохнуть, пожить “как все”. Разве не понимали эти люди, что порой лезут в пекло?

Понимали. Понимали так хорошо, что когда понадобилось заполнять первые могильники радиоактивным грунтом, мусором и механизмами, а специальные

бронированные машины наша промышленность еще не прислала, то бригады автотранспортного предприятия В.Н. Залевадный и В.В. Поплавский вместе со своими тридцатью двумя товарищами на обыкновенных автомобилях и на землеройных машинах оборудовали радиационную защиту, да вот на этой технике и работали. Но они свое поведение выдающимся не посчитали. И когда через год-другой весь радиоактивный мусор понадобилось перезахоранивать из временных могильников в стационарные, практически герметичные емкости, за эту работу снова взялись водители из бригад Залевадного и Поплавского.

Зачем это им? Ради хороших денег? Не такие уж они и “хорошие”. Но только безумный способен в таких вот условиях руководствоваться лишь денежными соображениями... Есть такие слова и водительской песне: “Здесь все бы ездить перестало, когда бы не было меня...” — так понимали свою позицию все оставшиеся после аварии в зоне — как личный моральный, гражданский долг. И, как оказалось, не только они.

Утром 26-го сами, без приказа в Киеве собрались десятки водителей автотранспортного предприятия №09121, которое расположено в украинской столице. Водителям сообщили о случившемся, о необходимости ехать в зону и предложили сделать шаг вперед тем, кто по каким бы то ни было причинам не может или не хочет ехать. Не вышел никто. В те дни газета “Правда” писала о водителях из многих киевских организаций, в их числе о кавалере ордена Трудовой Славы В. Броварном, о молодом водителе Б. Леванде, о начальнике Припятского АТП-31015 М. Сапитоне, шофере С. Дроздук — он тогда попросил направить его на ЧАЭС и подал заявление и о приеме в партию.

В 30-километровой зоне людей на коммунистов и беспартийных не разделяли. Вообще, партийная принадлежность никого особо не интересовала, разве что иногда коммунистам предлагали работу потруднее, как в Великую Отечественную: “Коммунисты, вперед!” Это считалось нормой. Но и “Вперед!” здесь предлагали независимо от партийности — добровольцам. Тем не менее, в Чернобыле после аварии было много письменных заявлений типа: “Хочу быть вместе с коммунистами на самых ответственных участках”, как в войну: “Если погибну, прошу считать меня коммунистом”. Заявления писали эксплуатационники и строители, физики, военнослужащие, медики, работники милиции, пожарные. Многие верили в обещанное “светлое будущее”, для других это был просто патриотический порыв: партия — как бы синоним понятия Родина. Возможно, кто-то рассчитывал таким образом сделать карьеру. Но заявления писали и в больнице, не будучи уверены в благополучном исходе. Вероятно, многие из этих людей так сегодня бы не написали: идея оказалась утопией. Но тогда этой идеей жили миллионы, они воспринимали ее как символ благородства и чистоты. И за одно это такие люди достойны уважения и благодарности человечества.

Автотранспорта 27 апреля в Припяти осталось мало — на нем уехали. Или списали. Люди работали на своих личных машинах, не думая об их стоимости. А ведь по тем временам собственная машина была драгоценностью. На этой своей частной собственности, которую каждый хозяин привык лелеять, словно любимую игрушку, они теперь гоняли по радиоактивным завалам. Конечно же, понимали: с машиной придется, в конце концов, расстаться, списать в “могильник” — не случайно же дозиметристы то и дело лезут со своим дозиметром к ней под брюхо.

Наверное, жалели. Но ездили, хотя имели право требовать государственный автомобиль. Никто бы не заставил, да и не попытался бы заставить тех же Григирчика, Бубнова, Куренного, Кизиму садиться за руль служебных машин. Но они отказались от своих личных водителей. Вообще, служебных автомашин и водителей остро не хватало,

так как в “мирное” время их централизованно вызывали из общего гаража по мере необходимости. А теперь машины понадобились всем одновременно.

Между тем, успех многих трудных операций зависел теперь и от водителей независимо от того, возили они людей или грузы.

Так же понимали обстановку, свою гражданскую позицию и авторемонтники: старший мастер по ремонту Н.А. Свицерский, мастер В.Н. Гольдберг, инженер-конструктор Ю.Д. Гарцман, инженер-строитель автотранспортного предприятия Г.М. Филимонов. Так ее понимали и 35 рабочих из бригады М.Н. Андреева, успевшие за одну двухнедельную вахту выполнить техническое обслуживание и ремонт 50 автобусов и 60 легковых автомобилей. Я не могу определить, много это или мало. Но знатоки говорят, что такое возможно только в случае, если к гражданской позиции добавляются высокая квалификация и творческий подход.

Чернобыльские авторемонтники оказались способны даже привести в порядок находившиеся на стройке польские погрузчики с английскими двигателями, для которых в нашей стране не оказалось запасных частей. На этих погрузчиках вывозили “грязный” грунт — не выбрасывать же их в самый разгар работ. Под руководством Свицерского и Гарцмана английские двигатели заменили отечественными, выполнив сложную программу установки оборудования в непригодные для этого ячейки.

В 1987 г. я долго и безуспешно разыскивала по многим дорогам и в разное время года автоводителя А.И. Губского — хотелось посмотреть на этого замечательного человека, удостоенного за Чернобыль ордена Ленина. Каждый раз “он недавно был неподалеку, уехал”. Вскоре после начала работ рядовой водитель Губский стал начальником Полесской автоколонны и был очень занят — у него в подчинении 60 человек, да к тому же он парторг филиала Чернобыльского транспортного производственного объединения “Южатоэнергостройтранс”.

— Как он выглядит-то? — спрашиваю в диспетчерской начальника по эксплуатации транспортно-производственного отдела И.С. Кожедуба.

— Среднего роста, темноволос, спортивен, подвижен, уравновешен, отзывчив, требователен, справедлив, жизнерадостен, с огоньком и вообще очень симпатичен. Мы все его очень уважаем и ценим. С первых чисел мая я вижу его работу. Он был не только начальником, но и сам всегда возил наиболее ответственные грузы и работал буквально сутками, забывая о доме, что совсем не радовало его жену. Например, день и ночь возил сухую бетонную смесь на главный корпус АЭС. И еще характерная черта — самосвал его словно новенький, какой бы груз ни вез.

А было и такое: в июле 86-го работники филиала того предприятия, где он работал, собрались, чтобы решить судьбу начальника А.Г. Сичкоренко: груб, заносчив, бездушен, рабочего вне кабинета не желает выслушать.

Вот тогда-то “мягкий и симпатичный” водитель Губский и заявил своему начальнику: “Вы не соответствуете занимаемой должности”. — Начальником филиала стал другой человек.

Анатолий Иванович Губский родился накануне Великой Отечественной войны и, следовательно, фронта видеть не мог. Теперь же он гонял на своем МАЗе-503 по окрестностям станции, словно то была настоящая передовая линия фронта страны.

То была действительно передовая... Только какая-то дикая, в противоречие здравому смыслу (если в принципе возможно считать фронт средой обитания. Но это уже другая тема.) В ночь с 25 на 26 апреля Анатолий Иванович по своей инициативе объезжал рабочие посты своего предприятия и сообщал о случившемся, чтобы люди приняли меры предосторожности. Конечно, понимал, что колеса его МАЗа “наматывают” радиоактивную грязь и что это опасно для него тоже — ведь предупреждал же других. Но о себе думать было некогда и неинтересно. Начальство жило в Киеве, километров за

150. Просто на то, чтобы доехать и получить указания требовалось время. Он решил не ждать, действовать по обстановке, как на фронте: если по какой-то причине командира поблизости нет, принимай командование на себя и решай.

Да, он отлично знает машины и всегда умел их беречь и, если потребуется, ремонтировать. Однако, как ни смотри, Губский в ту ночь был просто рядовым водителем. Объезжая территорию района, не дожидаясь прибытия начальства, он быстрее других сумел определить и главное для себя дело, которое ему по рангу делать вовсе не полагалось. Вот как сформулировано оно в наградных документах, представляющих рядового водителя А.Н. Губского к высшей правительственной награде, ордену Ленина: “Организовал прибытие работников на свои рабочие места, и это предотвратило срыв заправки автотранспорта горючим и обеспечило бесперебойную работу диспетчерской службы...” Это — 26 апреля.

Можно теперь успокоиться, отдохнуть хоть немного. Но машину Губского уже увидели на территории Чернобыльской АЭС: вывозил технику из грязной зоны, руководил людьми и еще постоянно докладывал по рации своему руководству о ходе выполнения работ... — Об этом тоже говорится в наградных документах. Затем стал перевозить свинец с железнодорожной станции Вильча, мешки с песком и глиной с карьера в селе Чистоголовка на вертолетную площадку.

Трое суток без отдыха. И все трое суток — за рулем. Потом, практически без перерыва стал работать, как все, по вахтовому методу.

...Выяснилось, что три железнодорожные стрелки подъездных путей на ЧАЭС, как и сами пути и даже здание железнодорожной станции полностью разрушены и завалены землей вперемешку с материалом разрушенного энергоблока, следовательно, они весьма радиоактивны. Разбирать завалы отправили экипажи на БТРах и гусеничных машинах. Пользоваться железнодорожными путями пока невозможно. И тут главной действующей силой стали автоводители.

Чтобы по территории АЭС люди вообще смогли ходить, надо было часть земли оттуда убрать, вывезти и захоронить, да еще закрыть поверхность земли сухой смесью бетона толщиной в полметра. Для Управления строительства ЧАЭС это была одна из первых программ на территории атомной станции. Смесью разравнивали обычными, небронированными бульдозерами: бронированных еще не было, а ждать некогда. Лишь позднее прибыла разравнивающая радиоуправляемая техника, она работала у четвертого энергоблока. Потом бетонную смесь поливали водой, чтобы затвердела. Так обезопасили 100 тысяч квадратных метров территории. Машины треста “Южатомэнергостроя” шли тогда на станцию непрерывной вереницей. Водители понимали опасность, но работали самоотверженно. В “мирное” время идти в огонь не приказывают, но никого не пришлось уговаривать. Благодаря этому многие месяцы новых людей в Управление строительства почти не набирали — все работали здесь еще до аварии. “И все заслужили, чтобы о них слагали песни”, как сказал В.Н. Свинчук.

В менее загрязненных местах, близ первого и второго энергоблоков все старые бетонные и асфальтовые покрытия энергостроители также укрыли свежим слоем бетона. Дороги, тротуары, площадки и газоны таким же образом дезактивировали военные.

А вот, казалось бы, мелочь — телефонная или радиосвязь. Это рядовой участок при отделе главного энергетика УС ЧАЭС, народу в нем не многим более 20 человек: В.И. Квятковский, С.И. Бунин, А.Н. Харитич, А.Б. Солощенко, Н.Т. Петренко, С.М. Ляшенко и другие. Но именно им должны быть благодарны на всех строительных участках в 30-километровой зоне, на движущихся автомашинах, в Чернобыле, Вышгороде близ Киева, а позднее и в Славутиче за то, что круглые сутки телефоны и рации действовали безотказно.

В диспетчерской УС ЧАЭС всегда, а особенно в начале казалось, что система связи раскалилась — запросы о людях, материалах, машинах, поручения начальства, команды водителям, даже, случалось, просьбы найти родственников обрушились на диспетчера в первый же день.

Профессиональный диспетчер А.И. Варивода работал чуть ли не круглые сутки и успевал каждому отвечать, куда-то дозваниваться, просить, благодарить, требовать, ругаться, договариваться. Вскоре и он набрал свои бэры, вынужден был покинуть зону и стал заниматься сельским хозяйством.

Нужно ли удивляться, что войной назвали события, развернувшиеся в Чернобыле вслед за аварией, не сговариваясь, все их участники. Они так и говорили, и говорят теперь о своей жизни, о станции: “Это было в войну, это — до войны”.

Если вдуматься, определение это — страшное, трагическое. И вместе с тем исполненное огромного внутреннего достоинства. Обусловленные этой войной конкретные поступки и вообще все поведение людей исполнены глубочайшего смысла. Ведь это даже представить страшно: в мирное время, при налаженном быте и внутреннем покое или, наоборот, не по своей вине лишившись жилья и работы, люди добровольно и осознанно выбирают фронт, передовую линию огня и не уходят в тыл, пока их не вынуждает это сделать приказ врача, дозиметрической службы. Поведением большинства энергетиков: строителей, монтажников, эксплуатационников — руководил внутренний порыв, часто даже толком не сформулированный мотив, но одна четкая, как удары пульса, мысль: “Если не я, то кто же?!” И не только у станционников.

Вспоминает кандидат технических наук Р.С. Тиллес, в то время руководивший отделом в институте Оргэнергострой: “До 1986 г. я не видел реактора РБМК, не держал в руках дозиметра. Только когда один за одним стали улетать в Чернобыль мои товарищи, когда пришлось в Москве выполнять поручения минэнергового штаба по ликвидации последствий аварии, я подумал: без нас не обойдется”. Независимо от Чернобыля 13 мая он попал в больницу. Но когда 18 мая навестившие его сотрудники сказали, что их отправляют в Чернобыль, то на следующее утро он отпросился у врачей и поздно вечером уже примерял одежду в “Сказочном”.

Таких было немало. Эти люди достаточно ясно представляли опасность: энергетики все-таки. Во всяком случае, кое-кто перед отъездом позаботился даже о том, чтобы через девять месяцев дожидаться новорожденного. Один из них (не называю имени, чтобы не обиделся) встречал ребенка и маму из роддома уже с орденом Ленина на пиджаке. Можно, конечно, улыбнуться такой предусмотрительности. А ведь по сути она означает, что человек сознательно шел в опасность.

В июне 86-го из Москвы добровольцем приехал научный сотрудник Института органической химии АН СССР В.В. Тюрин, по военной специальности офицер войск радиационно-химической разведки. Осмотрелся — да и перешел в Управление строительства на постоянную работу. Заместитель у Тюрина тоже доброволец С.К. Капустин. Таких в штате управления несколько. Перед ними никто не рисовал голубые дали. Критерий подбора и оценки труда был один: человек должен добросовестно работать, и — все.

Незадолго до аварии решили мы с женой перебраться из Сибири в теплые края, — рассказывал заместитель начальника стройки Свинчук. — Я выбрал Припять. Приехали 1 апреля 1985 года. Строили город, теплицы: первые пять гектаров теплиц. К 1 мая 1986 г. я должен был сдать еще полтора гектара... Решил не эвакуироваться. Только ночью вывез семью и тут же вернулся, да безвыездно до октября так и проработал в зоне. — Он строил котельную г. Чернобыля, пока не начались первые работы на месте Славутича. Тогда Свинчука администрация УС ЧАЭС назначила начальником треста

“Славутичатомэнергострой”. А когда в моду вошли выборы начальства, его на эту роль избрал народ. Но это было позже. Вернемся в 1986 г.

Война... Я знала, что один мой хороший знакомый, заместитель начальника монтажного управления, боится радиации, хотя и не говорит об этом вслух, часто шутит и никак не проявляет страх в своем поведении. О его истинных чувствах можно было только догадываться по отдельным репликам. И вот этот самый человек, работавший на Чернобыльской АЭС с момента строительства ее первого энергоблока, накануне аварии руководивший монтажными работами на энергоблоке № 5 — этот человек чуть ли не на следующий день после трагедии со своими рабочими включился в выполнение самых опасных монтажных операций. Я видела его там и через полтора года — уже по вахтам, но он все это время работал на территории АЭС. Рабочие с большим уважением относились к его инженерным знаниям и к умению быстро и грамотно принимать организационные решения. Речь идет о ЮТЭМе.

Рядом с ним все эти долгие месяцы вместе и посменно — как получится — работали и другие руководители, в том числе более высокого ранга и более опытные администраторы. Они, конечно, тоже осознавали опасность, просто умели лучше скрывать свои чувства. Их рабочие также находились здесь с самого начала сооружения АЭС и с первого дня “войны”. И тоже без жалоб, без претензий и капризов, как на фронте: Надо! Понимали, где находятся. Но часто лезли в самое пекло, чтобы справиться с делом быстрее да лучше. А ведь это и есть проявление героизма, истинного, без громких слов и призывов, по велению сердца. И это не зависело от служебного положения.

...Вот в начале мая на тот период еще заместитель начальника стройки В.П. Акулов издали заметил на площадке АЭС вылезавшего из бронетранспортера первого заместителя министра энергетики и электрификации СССР С.И. Садовского.

— Я — на броневик и давай ругаться, — рассказывает Акулов: “Вы знаете, что здесь 15 рентген?” — “Знаю”, — отвечает. — Но должен же я посмотреть обстановку”. — Безрассудно? Иначе он поступить не мог.

Станислава Ивановича Садовского видели чуть ли одновременно у четвертого блока, в штабе, на вертолетной площадке, словом, всюду, где требовалось самое ответственное и немедленное решение.

“Он быстро ориентируется в обстановке и принимает оптимальные решения”, — объясняли мне основу популярности Садовского многие. — “Он всегда четко и ясно формулирует задачу, а это уже — половина успеха”. Он совсем не думал о себе.

КИЛЬДЮШОВ

“Ничего не знаю прекраснее поговорки о мужской дружбе, которую я однажды услышал от абхазского пастуха: “Будь ты горячей рубашкой на мне — и то я бы не скинул тебя!”

Фазиль Искандер

Это сегодня, когда самое трудное позади, легко рассуждать, кто именно, почему, зачем и что сделал правильно, а что — излишне. Тогда решение принимали в считанные часы, а то и секунды. Время показало их разумность, хотя где-то и перестарались. В итоговом докладе Международной консультативной группы по ядерной безопасности, подготовленном для МАГАТЭ по материалам советских и иностранных экспертов, говорилось: “Мужественные действия советских аварийных бригад, начавшиеся сразу после аварии, продолжавшиеся на протяжении последующих нескольких дней, эффективно снизили дополнительный выброс радиоактивных веществ. К 6 мая прекратились выброс радиоактивности в атмосферу и рост температуры в шахте реактора, началось их снижение...”

А, следовательно — уменьшилась опасность для здоровья людей в зоне и за ее пределами. Не вызывало теперь особого беспокойства и состояние водной и воздушной среды в Киеве, Минске и ближайших городах.

Реактор забросали нейтрализующими материалами. Но достаточно ли этого? Как он поведет себя в будущем? В тот момент никто не мог категорично ответить на этот вопрос. Предложений о том, как его укротить окончательно, было много — смелых, талантливых. Но не все оказались осуществимы или принесли ожидаемый результат.

Сегодня даже представить трудно реальность некоторых из них. Например, в мае предлагалось трактором с дистанционным управлением затащить на развал трубопровод для подачи бетона. Одним из исполнителей был бульдозерист с Шатурской ГРЭС Леонид Петрович Кильдюшов.

— Как затягивали трубопроводы? Со своими тракторами-бульдозерами, груженными железобетонными конструкциями, мы въезжали на трейлеры, которые раньше подталкивались вплотную к развалу. Солдаты стреляли по колесам этих трейлеров и так спускали баллоны, чтобы трейлеры остались на своих местах, не откатывались назад. Потом мы управляли тракторами дистанционно. Один трактор неожиданно заглох на ходу. Мы хотели его вывести, но нас не пустили. А в другой раз я пошел на работу и увидел, что на тракторе каким-то рельсом пробило бак. Я хотел его зацепить и вытащить, но меня остановил неизвестный парень и говорит: “Я неженатый, пойду. А ты оставайся”. Действительно, зацепил машину и вытянул. А вот как его зовут — не помню. Мы тогда все делали как бы из глубины души, не на показ, фамилий не запоминали. Помню только, что за этот, в общем-то, подвиг ему дали 500 рублей и отправили домой, потому что он уже свою дозу набрал, оставаться на станции не мог. Потом в трубопровод подали бетон, но из-за жары возникли пробки. Всех из этой команды раз в неделю отпускали отдыхать домой, но Кильдюшов не уезжал, практически работал без выходных: “Ведь нам объясняли, что дело наше очень важное, за нами — реактор, старухи и дети. Вот я и старался других заменить, чтобы побольше сделать самому и не подвергать опасности других”.

Но то была не первая его работа в Чернобыле. Имеет смысл рассказать историю Кильдюшова сначала, практически его же словами

— Привезли нас в Вышгород, что под Киевом, — говорил он — Два дня обучали условиям работы в радиоактивно зараженных местах и оправили на станцию. Мы снимали с помощью наших машин верхний слой почвы на территории ЧАЭС, подтаскивали трубы бетонопроводов. Приводили в порядок железнодорожные пути, чтобы можно было вывести топливо из реактора третьего энергоблока АЭС. Но в этом ничего особенного, кроме радиационного фона, нет. Потом я стал работать на развале.

— Первое время кормили всех, как в обычной столовой, или давали с собой тушенку. Никакого усиленного питания мы не видели, да и не просили. А работники столовых сами не догадывались. Но 10 июня в зону приехал, кажется, Н.И. Рыжков и поддал им жару, кормить стали намного лучше, вместо тушенки — свежее мясо, овощи.

Я не видел, чтобы около самого четвертого блока люди впадали в панику, боялись. Бывало, подойдешь к своему трактору осмотреть, все ли в порядке, а со стороны кричат: “Не подходи, реактор!” Шутили так. А некоторые, чтобы скорее уехать из Чернобыля — из “партизан”, воинов запаса даже хватали с земли в ладони грязный песок и подносили к губам. Через три дня лицо краснело, температура поднималась до сорока — ну, их, конечно, отправляли домой, хотя и не понимали причину.

— А как вы попали в Чернобыль? Через военкомат?

— Нет же, ведь я энергетик. В Шатуре нас спросили, кто поедет? Надо чернобыльцам помочь. Вижу — народ как-то мнется, вроде не торопится. А я вспомнил, как в 1972 г. на нашей станции был пожар и как нам другие энергетика помогали — и вызвался: “Я поеду, надо помогать. Я не пью, работаю хорошо. Отправьте меня...” Другие тоже согласились. Ну и поехали. Сейчас вот я болен, но моя родная ГРЭС всячески мне помогает, как и хозяйка моя (жена присутствовала при нашем разговоре и видно было, что неодобрительно относится к его патриотизму, но не возражала). На огороде своем больше не копаю, не могу. Бывает, на работе падаю, сил нет. Раньше хорошо себя чувствовал, а вот месяца два болею. Вообще к врачам я не ходил. В 87-м меня в больницу силком загнали на обследование. А теперь болею.

Действительно, со стороны было видно, что Леонид Петрович очень слаб, но не жалуется, виду старается не подавать, а только констатирует: неожиданно заболел в апреле 1990 г... Вдруг оживился. — Но все равно я и сейчас работаю на больших машинах, например, на бульдозере.

Мы с Кильдюшовым познакомились в июне 1990 г. в московском Парке культуры и отдыха имени Горького, на выставке союза “Чернобыль” — Леонид Петрович подошел посмотреть экспозицию.

У Кильдюшова с собой были путевые листы, по которым он работал в Чернобыле. Он показал их теперь грамотным дозиметристам из союза “Чернобыль”, чтобы определили, сколько же у него в сумме набралось бэр. Оказалось — около ста... Но в путевых листах обозначены не все остановки, значит — больше ста.

— Я считаю, что к нам, работавшим в 86-м, народ очень хорошо относится. Даже в Киеве меня, выпившего, да еще с бутылкой водки милиционер не остановил, а только сказал: “Большое спасибо вам, ребята”.

ПЕРВОПРОХОДЦЫ

“Кто осмысленно устремляется ради добра в опасность и не боится ее — тот мужественен, и в этом мужество... Не тот мужественен, кому вообще ничего не страшно — тогда мужественны были бы камень и прочие неодушевленные предметы: нет, мужественный непременно боится, но стоит твердо”. — Это сказал Аристотель более 2400 лет назад.

Пожалуй, теперь самое время поговорить непосредственно о конкретных работах по ликвидации последствий аварии на ЧАЭС. Эти будни были бы тяжелы для любого человека. Энергетик и без того постоянно испытывает повышенную нервную нагрузку из-за высокой сложности оборудования и обостренного чувства ответственности за сохранность врученных ему огромных ценностей и свой личный долг перед потребителями энергии.

Энергостроители, как и эксплуатационники — то есть энергетики любого из подразделений отрасли — восприняли аварию как общую беду. Возмутились, оскорбились самым фактом ее возникновения. И были правы. Но это — общая беда, притом не одних только энергетиков. Беда всего нашего народа. Значит, хочешь или не хочешь, а надо спасать положение.

Боюсь, что при нынешнем, искусственно насаждаемом, хотя и не характерном для россиян эгоизме и вообще жлобстве это не все понимают и тем обедняют свою душу.

С мая по сентябрь 86-го в Чернобыле было самое напряженное время. В первой половине июня я спросила В.Т. Гору, в то время начальника УС ЧАЭС, какие именно работы в данный момент выполняют его подчиненные.

— Дезактивируем территорию. Отделяем защитными железобетонными стенками второй энергоблок от первого, — рассказывал Владимир Тимофеевич, — строим подреакторную плиту, приступаем к сооружению нижнего яруса саркофага, так называемой стенки биологической защиты (он назвал самые опасные участки. Даже на месте строившегося канала — относительно безопасном — было 250 миллирентген в час); строим пункты унифицированной санитарной обработки (ПУСО), системы ливневых стоков, столовые. Особенно хорошо отмечу Южтеплоэнергомонтаж (ЮТЭМ), Южэнергомонтаж (ЮЭМ) и Спецатомэнергомонтаж (САЭМ). Все работают без выходных, с 8 утра до 9 вечера. Радиационная обстановка очень сложная, а сроки для выполнения этапов работы крайне жесткие. Понятия о сроках вообще приобрели совсем другие значения, чем в мирной жизни. Но в таких условиях мы приказывать не можем, даем задания людям только с их согласия. Однако не было случая, чтобы кто-нибудь отказался.

Практически все строительно-монтажные и организационные работы на Чернобыльской АЭС, на ее территории, а также на территории всей тридцатикилометровой зоны, за исключением собственно саркофага, все годы выполняли подразделения Минэнерго, притом в большинстве из них самым непосредственным образом участвовали ЮТЭМовцы. Очень хорошо помогали военные. Наружные стены “Саркофага” над семиметровым основанием возвело управление строительства Средмаша № 605 (УС-605), да и в сооружении плиты под фундаментом четвертого энергоблока активно участвовали шахтеры Донбасса и московские метростроевцы. Вот, пожалуй, крупномасштабно и все основные наши спасители.

Летом 86-го жизнь у энергостроителей, если можно так выразиться, нормализовалась, стала системной. Обзавелись своей производственной базой.

Самостоятельная проблема — бетон. Его требовалось много на всех строительных объектах, в том числе и при создании могильников: бетон — хороший поглотитель, а,

следовательно, изолятор излучений. Поначалу огромное количество жидкого бетона в автомиксерах приходилось возить из-под Киева. По дороге от жары он значительно утрачивал свои качества. А для его производства в Чернобыле еще предстояло построить заводы. Но бетон нужен был “сегодня”. На территории АЭС в запасе оказалось много сухой бетонной смеси. Поэтому ЮЭМу (трест “Южэнергомонтаж”) поручили сделать транспортную эстакаду. По ней на КамАЗах и “Татрах” возили автомиксеры, в которые загружали в нужных пропорциях эту смесь.

Три “своих” бетонных завода построили в невиданные сроки. Они обеспечивали непрерывную подачу бетона изо дня в день. Словно челноки, машины его возили в миксерах к строящейся эстакаде у четвертого энергоблока. Многие из этих машин пришлось потом отправить на “кладбище” — так они были “грязны”, но часть все-таки удалось вернуть к жизни.

Проект организации строительства заводов и эстакады разрабатывал институт “Оргэнергострой”. В институте также подбирали составы бетона; продумывали технические решения и для абсолютно новых работ, например, перевалки 180 тысяч кубометров грунта в грязной зоне.

Во всех институтах Минэнерго были созданы челночные группы, которые работали в круглосуточном режиме на самой станции и в ее окрестностях. И в Чернобыльском штабе Оргэнергостроя свет в окнах можно было увидеть каждую ночь. Любой проект немедленно осуществлялся на практике. Во всяком случае, из-за несвоевременной выдачи технических решений не произошло ни одного сбоя.

Часто обращалась я к главному инженеру УС ЧАЭС Ю.Е. Сергееву: его можно было увидеть в Чернобыле практически всегда и всюду. Он прошел здесь все ступеньки служебной лестницы — от старшего инженера участка до главного инженера УС ЧАЭС. Юрий Егорович местный, чернобыльский житель. После эвакуации в Киев вернулся, остался жить в своем родном городе, но уже в общежитии. Он придумал особую систему — памятку, с которой никогда не расставался. По ней было нетрудно представить весь комплекс объектов и состояние дел на каждом из них.

Я попросила у Сергеева его записную книжку и раскрыла наугад. Вот перечень объектов, названия исполнителей и дата сдачи готовой работы на июль-октябрь 1986 г. Главный, а чаще единственный исполнитель всюду — Минэнерго. В некоторых случаях помогают, помимо уже названных участников, МинМонтажспецстрой, Минстроймонтаж, Миннефтегазстрой, Минстройматериалы. Перечень из 23 пунктов. Это — 23 достаточно крупных самостоятельных строительных объекта. Они включают строительство временных автодорог, пунктов дезактивации, перевалочных баз, водосооружений; возведение разделительных стен между первым, вторым и третьим энергоблоками; сооружение “стены в грунте”, завершение строительства хранилища отработавшего ядерного топлива (ХОЯТ), устройство инженерных сетей на промплощадке и т. д. На листах графиков детально обозначены все виды работ. Например, требуется выполнить дезактивацию тяжелого подъемного крана и перегнать его в зону четвертого энергоблока. Срок — середина июля. Исполнители — Минэнерго и Минобороны. Указана степень радиоактивной зараженности техники, материалов, грунта во всех точках этих строительного-монтажных работ. Радиационный фон здесь достигает двух рентген в час. Указаны объем работ, необходимая техника, строительный автотранспорт, спецавтомобили.

Вот, например, пионерная производственная строительная база близ пос. Вильча: видно, как и откуда будут принимать цемент, бетонитовый порошок. Цветные рисунки обозначают платформы, цистерны, вагоны, склады, перегрузочные узлы. Схема в разрезе показывает и технику, которую там будут использовать. В красках — детальная схема вахтового поселка Зеленый мыс, с указанием жилых кварталов, инженерных

сооружений, клуба, столовых, базы отдыха, медчасти. На каждом квадратике дома написано число будущих квартир и график предстоящих работ. Составлен план-график и для работ в Гомельской области Белоруссии. В нормальной обстановке для выполнения всех этих работ потребовались бы многие месяцы, а то и годы. Но здесь срок выполнения последнего пункта плана, а это “Подготовка объектов комплекса энергоблоков №1 и 2”, то есть подготовка их к началу пусковых операций — 10 октября.

Фантастика. Невероятно и немыслимо — так скажет любой нормальный строитель. И будет прав, для обычных условий. Но в действительности многие из этих плановых сроков удалось опередить, кстати, во многом благодаря таланту и авторитету В.Т. Горы и Ю.Е. Сергеева.

Можно было бы много хорошего рассказать о каждом из рядовых участников Чернобыльской эпопеи. Но тогда понадобилась бы еще не одна такая книга. Когда-нибудь, возможно, расскажут и о них. Но некоторых назвать все-таки следует сейчас.

Сначала кое-что — о собственно строителях ЧАЭС. Заслуженному бригадиру строителей Н.И. Пукало уже было лет под шестьдесят, когда разразилась беда. Награжден грамотой Президиума Верховного Совета СССР. Он вполне мог отказаться от тяжелой работы хотя бы по возрасту.

Другой бригадир Г.В. Павлов еще молод, но тоже не зря удостоился правительственной награды и привык вести за собой молодежь. Они оба возглавили молодежные бригады, которые расчищали машзал и бетонировали в нем стенки.

Начальник участка №2 Ю.А. Домославский, прораб Шульгин, младший прораб А.И. Зборовский, начальник участка №1 В.И. Стоколос, рабочие В.В. Мельник, В.В. Пашун, А.Ф. Радченко. Мастер А.Г. Мельников, бригадир слесарей-сантехников А.П. Трикиш, специалист по монтажу строительных конструкций Дугин, начальник строительного монтажного управления №3 УС ЧАЭС С.М. Громыко...

Здесь от исполнителей помимо высоких профессиональных знаний понадобилось еще и неведомое прежде умение — быстро передвигаться в наиболее опасных местах и при этом идеально выполнять работу, что бы потом не возвращаться и не переделывать, без права на ошибку.

И в сентябре еще кое-где около четвертого блока “стреляло”. Эти места можно лишь пробегать, не задерживаясь. Были и такие места, в которых разрешалось находиться секунды. В таких случаях заблаговременно прорабатывали операцию, словно перед боем. А потом — “шли в атаку”. Бегом бежали к опасному месту, где предстояло выполнить какую-то операцию. Бегом бежали обратно... А работали спокойно, размеренно. Любое дело люди старались выполнить качественно. Каждый понимал: он уже здесь. Если не сделает, должны будут идти другие и все начинать с нуля.

— Вас интересуют удивительные случаи? Бывают. Но мы их на работе не запоминаем: работа как работа, лишь бы получилось хорошо, — отвечает на мой вопрос энергостроитель Лоза. Один из примеров — “еретическое” предложение бригадира строителей С.Л. Бражевского нарушить девственную чистоту и, следовательно, неприкосновенность машинного зала и пустить по нему бетонопровод. Правда, после обрушения части балок и появления пробоин в кровле, о “девственности” машзала говорить трудно. Но в сознании строителей на атомных станциях действующий машзал — это святая святых: полы блещут чистотой, на белоснежных корпусах турбин — солнечные блики, у стен в кадучках растут пальмы, а люди ходят в белых халатах, как в операционной. Как подать бетон в эту стерильность?

Позиция Бражевского всех удивила. Но: “Если здесь полно радиоактивной “грязи”, то чем хуже наша, строительная?” — Бражевский всегда отличался нестандартностью мышления. Бетоновод в машзале уменьшит время пребывания людей в радиоактивной

зоне. Правда, для этого бетоновода еще надо разобрать завалы и выдолбить отверстие в стене. Однако решение оказалось таким удачным, что позже этот транспортный коридор с бетононасосами использовали и строители УС-605 при сооружении саркофага.

Потом Бражевский снова всех удивил: по своей воле отказался от налаженной жизни и приличных денег, оставил на прежнем месте двенадцать своих учеников (качество их работы можно не проверять) и принял самую слабую бригаду... А через год и она стала одной из самых надежных.

...На очередном заседании Правительственной комиссии летом 1986 г. докладывал представитель химических войск: “Мы контролируем всю территорию 30-и километровой зоны и в первую очередь станции. Картина в целом стабильна...” Еще доклад: В зоне пущен “свой” бетонный завод, на днях войдут в строй еще 3-5 таких заводов. Представитель Минздрава СССР: “Улучшилась организация питания командировочных... Вместе с директором ЧАЭС Э.Н. Поздышевым проверили качество водопроводной воды — она хорошая...” Своего рода этапное заседание.

А в чернобыльском кабинете заместителя министра Минэнерго СССР Ю.Н. Корсуна собрались начальники подразделений отрасли. Обсуждали, казалось бы, рядовые, ничем не примечательные для мирного времени вопросы. Но здесь и они звучали по-фронтовому. Например, можно ли разукomплектовать вышедшее из строя оборудование и машины, чтобы из двух-трех собирать одну: “Хочется спасти хотя бы то, что возможно”, — пояснил В.Т. Кизима.

— Конечно, — ответил Корсун. — Это по-хозяйски. Только необходимо отмывать до безопасного предела. Ведь мы не должны “жечь” людей. А то, что не поддается дезактивации, безжалостно списывайте и передавайте на захоронение, как положено.

В руках этих людей были огромные ценности: машины, механизмы, оборудование. Радиация “списывала” практически любые затраты, и никто бы не потребовал отчета за брошенную машину. Но им жаль народных денег, и они сами готовы на дополнительные хлопоты, лишь бы эти деньги сберечь.

Юрий Николаевич Корсун — самый молодой заместитель Министра энергетики и электрификации СССР — занял этот пост в возрасте сорока семи лет как энергостроитель-профессионал, посвятивший этому делу свою жизнь сразу после окончания института. К весне 1986-го у него уже были две высокие правительственные награды: орден Октябрьской революции и орден Трудового Красного Знамени — обе за участие в строительстве Запорожской ГРЭС по самому прогрессивному поточному методу. Следующим шагом стало сооружение атомных станций. Предложение возглавить все строительные и монтажные работы в Чернобыле Юрий Николаевич получил, будучи начальником Главного управления отрасли по возведению атомных станций в центре страны.

В 30-и километровой зоне на него обрушился вал разнохарактерных работ: надо было консервировать четвертый энергоблок, дезактивировать здание и территорию станции и окрестностей, восстанавливать и пускать три первые энергоблока. Эти работы никто ведь заранее предвидеть не мог, а, значит, не заготовили механизмы и машины, строительные материалы. Надо было определить необходимое количество рабочих рук, распределить обязанности, быстро скоординировать усилия тысяч людей, организаций, предприятий. Вскорости, одновременно стали строить вахтовый поселок для эксплуатационников “Зеленый Мыс”, приступили к созданию города Славутича. Верно говорится, что с бедой боролась вся страна. Однако специфика энергетического строительства, которое официально относят к категории особо сложных производств, требует работы профессионалов очень высокого класса. Поэтому-то выполнение практически всех ответственных и сложных работ — не только координировали и

организовывали энергостроители, но основную, наиболее сложную их часть, они своими же руками и выполняли. Все это было под командой Ю.Н. Корсуна.

Каждый раз, когда я видела в зоне Ю.А. Матвеева, крупного, всегда по-деловому собранного, сосредоточенного и очень активного человека, я не решалась к нему подходить — настолько он был занят, увлечен ведением ли совещания, анализом ли каких то бумаг, беседой ли с подчиненными или начальством, или просто размышлял. Он неизменно приветливо здоровался, улыбался и тут же уходил в себя: не мешайте мол, я очень занят. Я и не мешала, дожидаясь “своего часа”, уверенная, что этот час обязательно наступит. Наблюдая со стороны, как он ведет совещания, как принимает решения — восхищалась его эрудицией, мастерством и талантом.

Авария застала его в какой-то не очень большой должности. Он все поднимался по ступенькам, и вскоре стал главным инженером созданного после аварии на базе УС ЧАЭС Главного управления Минэнерго СССР (ГлавПРУ), контора которого обосновалась сначала под Киевом, в Вышгороде, потом перебралась в Киев. Как уже говорилось, начальником стал Кизима. Матвеев все время был его “правой рукой”, а в действительности, по сути, — “хозяином” всех строительных и монтажных работ, которые выполнялись в 30-и километровой зоне силами Минэнерго СССР. Они как бы поделили сферы влияния: Матвеев — в зоне, а Кизима — в Киеве, в зоне ему работать уже было нельзя. Наверняка и Матвеев давно свое получил. Но он, скорее всего, просто не думал об этом. УС ЧАЭС перешло в подчинение ГлавПРУ.

Итак, “мой час” настал в Москве через три года после аварии — заместитель Министра Ю.Н. Корсун отозвал Ю.Н. Матвеева из Чернобыля и передал в его руки вновь созданное управление Минэнерго СССР по технологии атомного строительства.

Но и здесь, что называется, припертый к стенке, он, хотя и согласился на беседу, практически свел ее к нескольким минутам и потом смущенно признался, что “не хочется”. Ладно, незачем мучить человека.

Все же схематично перечислил основные виды работ за эти три года. Перечень получился внушительный. Отрезали всю ливневую канализацию от стока в реку, построили насосные станции, трубопроводы и резервные котельные. (Это — УС ЧАЭС и ЮТЭМ); проложили подъезд к четвертому блоку мимо Копачей (УС ЧАЭС); решили проблемы с бетоном (трест Южатомэнергострой и УС ЧАЭС). Разработали проект семиметровой стенки в основание Саркофага — стенки биологической защиты (Атомэнергострой Минэнерго); осуществили основной проект той же стенки, ее изготовление, монтаж (ЮЭМ, САЭМ и УС-605); забетонировали стенку биологической защиты (УС ЧАЭС).

Вырезали проем, разъединили коммуникации и построили разделительную стену от фундамента до верха между третьим и четвертым энергоблоками (в основном ЮТЭМ, а также УС ЧАЭС и УС-605). По существу, это — внутренняя стена саркофага (внешние стены и кровлю возвел УС-605). Построили разделительную стену в машзале между первым и вторым энергоблоками.

Выполнили ранние и последующие строительные защитные мероприятия водоохранного назначения (УС ЧАЭС, Гидроспецстрой, Минэнерго).

Построили первые могильники в зоне.

Продолбили отверстие в стене бассейна-барботера, чтобы узнать, есть ли в нем вода (Управление малой механизации Минэнерго).

Построили плиту под фундаментом четвертого энергоблока (шахтеры, Гидроспецстрой, Минсредмаш).

Соорудили защитную стену в грунте на территории ЧАЭС (Гидроспецстрой).

Участвовали в ремонтных и монтажных работах на первом-третьем энергоблоках ЧАЭС и в хозяйстве станции (ЮТЭМ, Химэнергозащита, УС ЧАЭС и другие).

Вынесли подземные коммуникации из-под земли на поверхность на территории станции, осуществили благоустройство территории.

Выполнили консервацию, затем демонтаж части оборудования пятого и шестого энергоблоков... И так далее, и так далее.

Задаю дурацкий вопрос, на который ответ и так известен каждому проработавшему в зоне во время “войны”, просто чтобы занимать разговор:

“Страшно было, Юрий Александрович?” — И ответ получаю вполне искренний: “В первый момент неуютно было, а потом некогда и — ни страха, ни мыслей о нем. Просто знали, сколько времени можно и нужно быть в конкретном месте — столько и были. Отбыли и ушли. Ни у кого из строителей и монтажников не было не то что мысли, но даже чувства, что за работу следуют сверхнормативные льготы. Все относились к своему делу как к обыкновенной работе, только с соблюдением правил безопасности.

— Но ведь экзотика все же...

— Да, бывали тяжелые моменты, когда требовалось особо тщательная подготовительная организация. Например, в помещении №7001 на третьем энергоблоке, это под вентиляционной трубой — там надо было возводить стену вместе с военными, чтобы от кровли не “светило” внутрь здания. Средмаш убрал основную грязь, а мы потом забетонировали. В задачу Минэнерго входили еще дополнительные стойки для укрепления перекрытий, но сначала наши УС ЧАЭС и САЭМ должны были возвести там защитную бетонную стенку, чтобы в это помещение вообще можно было войти и строить эти стойки.

Ага, наконец-то прорезалось живое, неформальное! Но — все. На этом аудиенция окончилась. Юрий Александрович не сказал, что перед этим на нескольких заседаниях Правительственной комиссии обсуждали вопрос, как хотя бы войти в это помещение, самое грязное на третьем блоке. От решения практически зависела возможность выполнения основной части работ по возрождению всего энергоблока. Даже после предварительной уборки там “светило” весьма изрядно — ведь через эту вентиляционную шахту занесло и все еще продолжало тянуть грязь с кровли. А сразу после аварии, к тому же, через эту шахту сбрасывали топливо, графит и строительные обломки с крыши в четвертый энергоблок. Оттуда “светило” 1000 рентген в час.

Так как же все-таки справились с этим помещением? Я уже знала от других, что Матвеев тут был чуть ли не прорабом, сам организовал работы и контролировал их выполнение. Прежде на земле моделировали и изготавливали строительные конструкции, оттачивали каждое движение, чтобы не задерживаться в процессе работы. Там можно было находиться минуты, а то и секунды. Армия подавала материалы. К этому времени (в январе-феврале 1987 г.) допустимой для военных дозой стало уже не больше 10 бэр. Поэтому практически нередко они однажды вносили что-то в помещение и больше туда не заходили. Остальное делало Минэнерго...

Выступая по советскому Центральному телевидению через год после аварии Ханс Бликс (в тот период заместитель генерального директора, позднее — генеральный директор МАГАТЭ) назвал выполнение огромного комплекса строительно-монтажных работ на ЧАЭС большим достижением атомной энергетики СССР — МАГАТЭ было детально ознакомлено с обстановкой на ЧАЭС.

— В нашем мире главной задачей современности, — сказал он, — является достижение стабильности и безопасности существования всех народов, и Чернобыль может стать примером взаимного доверия.

Это — общая панорама.

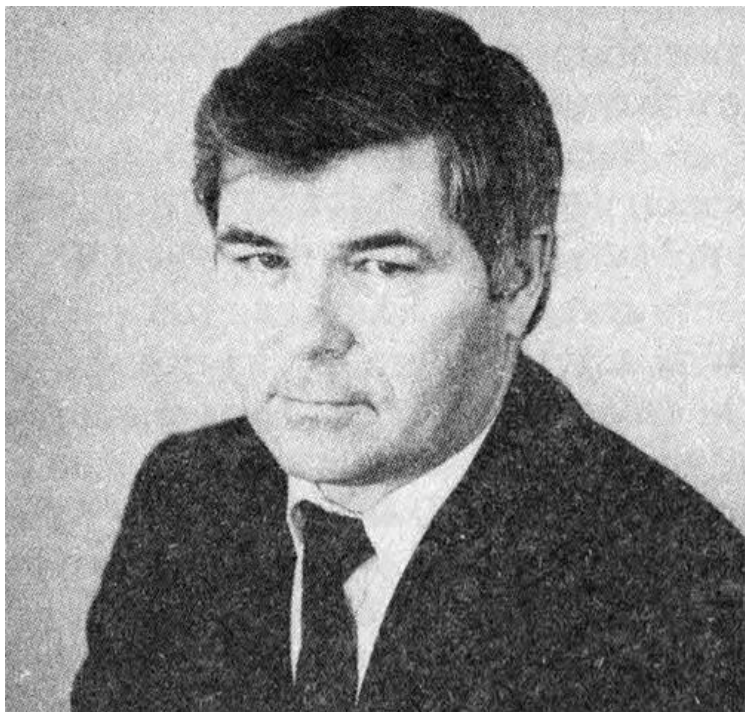
Вероятно, первыми энергостроителями, которые после аварии приехали работать в 30-километровую зону на длительный срок, были монтажники ЮТЭМа (трест

“Южтеплоэнергомонтаж”, в тот период — украинское подразделение союзного “Теплоэнергомонтажа”).

Вот это — мастерство! Это — уровень! Это — талант! — Я открыла рот от удивления и восхищения еще лет 20 назад, когда впервые увидела работу тепломонтажников при сборке основного оборудования реакторных отделений энергоблоков-миллионников АЭС и, если можно так выразиться, до сих пор пребываю в этом состоянии. Они монтируют и котлоагрегаты тепловых электростанций, по своей сложности, точности и многоэлементности не уступающие оборудованию реакторных отделений АЭС. “Рыцари без страха и упрека” — так назвал тепломонтажников Минэнерго эксплуатационник — талантливый энергетик и организатор А.Я. Кроль, в то время главный инженер лучшей в стране Костромской ГРЭС.

На ЧАЭС ЮТЭМовцы монтировали все ее теплотехническое оборудование, это — их детище. Теперь они столкнулись с обстановкой, о которой прежде не могли и помыслить. Со многим здесь столкнулись впервые в мире.

Например, теперь монтажникам пришлось собирать трубопроводы в жуткой грязи — на территории ЧАЭС, рядом с четвертым энергоблоком, прямо на земле.

Первыми из ЮТЭМа в Чернобыль приехали трипольцы (расположенное неподалеку от Киева в г.Украинке Трипольское управление ЮТЭМа). Они быстро сориентировались в этой разрухе. Обосновались. И по существу превратились не только в самостоятельное монтажное предприятие, но даже стали заводом-изготовителем всего необходимого нестандартного оборудования. ЮТЭМовцы работают в зоне и ЧАЭС до сих пор уже на модернизации и ремонтах действующего оборудования, ведь по численности это управление прежде было одним из небольших подразделений своего треста. “Их

начальник В.В. Гиденко — очень хороший человек и прекрасный организатор”, — скажет позднее его московский коллега из ТЭМа В.В. Воргунов. Вполне согласна.

До аварии на Чернобыльской АЭС работало несколько монтажных управлений. Они базировались в основном в г.Припяти. Трипольское здесь считалось рядовым, хотя его люди на других атомных и тепловых электростанциях никому не уступали, наоборот, охотно участвовали в претворении в жизнь самых прогрессивных методов сооружения энергообъектов, включая и славно известный метод потока на лучших стройках страны: Ладыжинской и Запорожской ГРЭС, Запорожской АЭС, других АЭС Украины; участвовали в сооружении Пермской, Экибастузской ГРЭС. Многие сделали и для своего района.

Образовалось Трипольское монтажное управление в г. Украинке Обуховского района Киевской области в 1968 году в связи сооружением Трипольской ГРЭС. Ее последний агрегат пустили в 1972 году, и своей последующей устойчивой работой станция обязана не только умелой эксплуатации, но и отличному качеству монтажа. В Украинке в основном живут люди с этого предприятия, здесь есть и производственная база. Лишь

20 семей обосновалось в г. Припяти. Их и эвакуировали “к своим” в г. Украинку или поблизости.

Коренных жителей г.Украинки авария задела только в отношении их трудоустройства, что само по себе не составляет проблем для таких асов — они нашли бы себе работу повсюду.

...Утром 26 апреля начальник Трипольского управления ЮТЭМа В.В. Гиденко был очень сердит. Он звонил в 8 и в 9 утра из своей конторы в г.Украинке на территорию строящегося пятого энергоблока АЭС и не слышал ответа. Неужели его команда опоздала на работу? Не может быть! Это никак не похоже на А.А. Науменко — главного инженера управления, в то время оставшегося на хозяйстве в г. Припяти. Случилось что-то серьезное. В Киеве Владимир Васильевич узнал, что произошла авария, некоторые детали. Что предпринять? Суббота... Ясно, что надо поскорее ехать в Чернобыль. Но ехать — с толком. Телефоны в Припяти отключены. А в воскресенье по Киеву ползли дикие слухи — вот и все “подробности”. В понедельник утром позвонил в Украинку начальник участка Антошук: надо организовать 30 мужчин на загрузку песка. Как уговорить людей? И надо ли уговаривать?

В такую минуту на людей действуют слова, обращенные к глубинам души, к патриотизму. И Гиденко нашел такие слова.

— Произошла трагедия национального масштаба, как в 1941 году, — сказал он. — В Чернобыле сегодня нужны 30 настоящих мужчин. Кто поедет? — Руки подняли все. Говорили с пафосом, красиво. Женщины плакали и вряд ли сами могли объяснить, почему. На то они и женщины, чтобы нутром чувствовать беду.

Первая группа выехала в Припять 28 апреля. Дважды ночевать возвращались домой, километров за 150. Но это — не дело, надо жить в Чернобыле.

В момент потрясений людям хочется быть вместе. Хочется собрания. Не митинга с лозунгами, а вроде сходки, по-семейному. В.В. Гиденко сам пустил в городе слушок, якобы “Гиденко после Первомайской демонстрации соберет собрание”. И снова пришли все. Услышали задачу. Водители автоколонны сначала отказались ехать: “Причем здесь мы? Пусть станция сама разбирается”. Жены заголосили: “Не пустим!” — Все ведь грамотные, понимают, что с атомом шутки плохи. Но это продолжалось недолго, и уговаривать не пришлось. Следующая партия выехала 2 мая и сразу на 5 дней.

Воистину, как сказал И.С. Тургенев, “...у нас у всех есть один якорь, с которого, если сам не захочешь, никогда не сорвешься: чувство долга”.

Не дожидаясь “команды сверху”, трипольцы взяли с собой необходимые инструменты для работы, снаряжение, палатки, спальные принадлежности, по несколько комплектов одежды. В один день организовали быт большого коллектива.

Разбили палаточный городок — на грязной земле, за забором “Сказочного”, поскольку в корпусах этого бывшего пионерлагеря разместились эксплуатационники ЧАЭС и другие, было полно. Монтажники построили себе и баню. Жить можно. Однако скоро стала очевидной необходимость стационарного жилья: работа явно затянется на зиму. Да и не стоит спать на земле, хотя бы и на матрасе, тем более садиться на нее, даже ходить по траве, касаться веток: на них — радиоактивная пыль. О господи! Надо бояться своей земли.

Главная контора у треста “Теплоэнергомонтаж” (ТЭМ), и, следовательно, и ЮТЭМа теперь была на кладбище близ с. Ковшиловка — оно оказалось относительно чистым местом. Трипольцы из “Сказочного” перебрались в с. Залесье, что в километре от г.Чернобыля, остальные сразу приехали частью в с.Иванково, большинство же — в Ковшиловку. Обычно в 12 или в час ночи у ЮТЭМа там проходила оперативка. Обстановка после работы выглядела примерно так: люди вернулись часов в 10, сидят кто на ступеньках, кто на надгробьях — на чем придется. Ждут все свое начальство.

Приезжают из Чернобыля Воргунув с Токаренко часов в 11-12 ночи (уезжали на работу они в 5.30 утра).

— Из столовой вечером мы выходили, как сквозь строй — настолько горящими были глаза людей, — рассказывает В.В. Воргунув, начальник отдела ТЭМа. — О семьях ничего не ясно, собственное будущее тоже в тумане. На столе брошены письма от родственников: многие ищут своих.

Стояла тихая летняя ночь, а обстановка накалена до предела. Однажды Токаренко взял письма и вместо объяснений сам пошел в наступление на рабочих: почему они сами не отвечают своим родным, не успокаивают их, а вместо этого еще нервничают?! — В глубине души они по сути именно этого и ждали. Успокоились,

Здесь базировалось в основном Западно-украинское монтажное управление ЮТЭМа — его начальник Е.С. Рощин (он позже возглавил трест) в тот период готовил к пуску энергоблок на Ровенской АЭС. Как говорится, не успели весла посушить — Чернобыль.

Но больше других сделали в Чернобыле именно трипольцы. И трипольские монтажники сначала грузили песок, возили свинец. Словом, как все. Но они были недовольны: “Чего мы все вокруг ходим? Когда же “там” будем работать?”

Им поручили одно из самых опасных дел: прокладывать по грязнящей территории АЭС бетонопровод к бассейну-барботеру четвертого энергоблока.

Страшно? Конечно, страшно. Со стороны было заметно, что и бригады бодрятся. Но идут... Достаточно пойти первый раз, чтобы потом работать без боязни. Трусов вообще не было.

Посылать на такое в мирное время нельзя. Надо вести за собой. Было ясно, что каждый рабочий в первый раз сможет находиться на трассе не больше 15 минут, потом его следует сменить. По ведь каждого — не поведешь... Тогда первыми пошли руководители управления: Владимир Васильевич Гиденко, Александр Антонович Науменко, Валерий Александрович Плахотнюк, Владимир Павлович Мариночкин. Вместе спокойно прошли по трассе до самого четвертого блока. Подробных фоновых карт еще не было.

Чуть прошли и замеры фон под ногами: 300 рентген в час. Подумали, что так будет всюду. Но вдруг с удивлением обнаружили полосу, где было “всего” 12. Удивились. Проверили. Точно!

Разбили группу на звенья. Они подъезжали на вездеходе-бронетранспортере (БТР) к месту работы, чтобы хоть по дороге не набирать лишние бэры. Вскоре привыкли, и фон в 200-300 миллирентген в час уже и за “фон” не считали. Это опасный вид адаптации к опасности. Но иначе нельзя было бы работать. Особенно рвались и бой бригадиры Волынский и Княжевский. Не только потому, что они признанно — одни из лучших в управлении. Просто оба по характеру не согласны чувствовать себя “вторыми”.

Постепенно скованность проходила, плечи распрямлялись. Некоторые вели себя даже слишком смело — это осуждалось как глупость и вред делу. Были и скрупулезно настойчивые: “Дайте нам дозиметры”. Законное требование, но в первые дни не хватало даже дозиметристов для бригад, приходилось довольствоваться их оперативными картами. Подавляющее большинство работало молча и сосредоточено.

Сегодня можно услышать: “Трипольские монтажники — это золотой фонд нашего треста. И они все в большей или меньшей степени облучены”. В Чернобыле для этого управления наступил “звездный час”, если позволительно трагедию считать достаточным для этого поводом. Многие самые опасные и высококвалифицированные виды монтажных работ выполнили именно трипольцы, И не только сделали необходимое, но еще сумели сохранить работоспособность большинства своего состава, это тоже было далеко не простым делом, притом во многом благодаря их руководителю Гиденко.

Руководители ЮТЭМа вызвали в Чернобыль также свои Печерское, Западно-Украинское управления — кто мог, тот и приехал. Если Киевское и Трипольское управления небольшие, то Западно-Украинское состояло из 1300 человек, в мае и июне оно должно было участвовать в пуске энергоблока Ровенской АЭС, поэтому свободных было немного. Одну или две бригады задействовали из Запорожского управления. По существу, весь трест ЮТЭМ участвовал в чернобыльских работах — кроме женщин, которых они берегли.

Мнение заместителя управляющего ЮТЭМа В.П. Токаренко;

— Из всех начальников, которые были привлечены для работы в Чернобыле, Гиденко лучше других сориентировался в обстановке, создал своим людям условия для работы и для отдыха и даже в лесу организовал им возможность помыться. Хороший хозяин и хороший специалист. Без команды сверху, а естественным путем принял функции генподрядного монтажного управления и отлично с ними справляется. Но ведь кроме трипольцев в Чернобыле оказались люди и из других не эвакуированных управлений треста — без чистой одежды, без механизмов и оснастки и т. п., хотя всех централизованно обеспечивал трест. У трипольцев же все заблаговременно оказалось в достаточном количестве, надежным и работоспособным. На их базе в Украинке мы заказывали конструкции, они их быстро изготавливали, а машины день и ночь курсировали между базой и станцией. Постоянно здесь и там, сменяя друг друга, работали и руководители этого управления, и первую очередь Гиденко, Науменко и Плахотнюк.

Почти тридцать лет, сразу после окончания Штеровского энергетического техникума проработал в отрасли В.В. Гиденко, и все последние годы — в Трипольском управлении ЮТЭМа. Быстро проявились его способности организатора — стал производителем работ, потом заместителем начальника по производству, главным инженером, а восемь лет до аварии возглавлял свое управление.

Обычная рабочая обстановка для трипольцев в мае 1986 г.

Он депутат городского Совета депутатов трудящихся г.Украинки. В его активе все шесть энергоблоков Трипольской ГРЭС, четыре энергоблока Чернобыльской АЭС. Он участвовал во вводе энергетических мощностей на Запорожской ГРЭС, Южно-Украинской АЭС, Черниговской ТЭЦ, Киевской ТЭЦ-6.

В Чернобыле вместе со своим заместителем И.У. Дериглазовым Гиденко три месяца почти безвыездно руководил работами, а потом — по очереди с Науменко. Ивана Ульяновича мне встречать не пришлось — он был отстранен врачами от работы в зоне.

“Гиденко отличают глубокие технические знания, умение работать над собой, умение анализировать обстановку, выделять главное; умение организовать коллектив и принять личное активное участие в выполнении работ; чуткость, забота о людях”, — написано в представлении В.В. Гиденко к награждению орденом Октябрьской Революции. “Заслуга Гиденко в организации работы в Чернобыле очень велика, — мнение парторга трипольскую ЮТЭМа Погорельчука. — Он умеет мобилизовать людей и организовать их действия практически в любых условиях”.

Все поступки трипольских монтажников, включая и организацию быта — нестандартны по меркам мирного времени, хотя вполне обоснованны. И естественно, что они первыми в тресте заслужили правительственную благодарность, получили наибольшее количество правительственных наград.

Итак, убедившись, что радиоактивный лес — не лучшее место для жилья, они остановили свой выбор на центральной усадьбе колхоза “Дружба” в с. Залесье. По договоренности с эвакуированным руководством колхоза и сельсоветом заняли под свою контору здание колхозного правления, а под общежитие — здание школы. Вскоре здесь сформировалась лучшая база ЮТЭМа: грамотно оборудованный санпропускник, теплые туалеты, а позднее и роскошная, с бассейном и украшенная фресками сауна. “Когда вернутся местные жители, дети получат школу лучше прежней”, — размышляли монтажники. А пока — в классах размещается кроватей помногу, но люди имеют возможность спокойно отдыхать: каждую огородили простынями на каркасах, как ширмами. Оборудовали свою столовую.

В 1986 г. такое решение было очень прогрессивным, даже пионерным и по-хозяйски оправданным. Ведь не было гостиничного сервиса, все организации и предприятия должны были сами искать себе и конторы, и жилье, даже привозили с собой столы, кровати и постели, которые получали через базы Минэнерго.

Аккуратное, добротное было село Залесье. Ни одного покосившегося забора, разбитого стекла, неисправной кровли. Люди здесь жили трудолюбивые, хозяйственные и колхоз их давно стал “миллионером”. Хорошее, богатое хозяйство: отличные фермы, машинный парк, свой комбикормовый завод. Недаром председатель у въезда в главную усадьбу предложил своим односельчанам установить бронзового могучего, норовистого красавца быка — буквально по народному выражению: “Взяли быка за рога”.

Между прочим, однажды, года через три я заметила блеск позолоты на некоторых частях его тела...

— Так пасха же! — ответили мне. И до аварии золотили. Милиция каждый раз в поту стирала эту краску, а через год она сияла снова.

Председатель колхоза мечтал перевезти этого быка на новое место жительства... Но кто-то его опередил.

Теперь пусты дома в Залесье. Поросли дворы бурьяном. А к заборам клонится высокая с черными былинками-стеблями местная полынь — чернобыль.

Руководители ЮТЭМа постоянно работали вместе со своими коллективами. В.В. Токаренко сменил другой заместитель начальника А.И. Заяц, потом снова приехал Токаренко, затем Ф.М. Хлыстов, а Токаренко пришлось на месяц лечь в больницу. Попеременно работали В.В. Федоренко, начальники отделов Е.Г. Штейн, А.П. Матвеев,

И.С. Демченко, В.С. Худолей, В.И. Бородей, парторг Серик. А осенью 86-го я снова увидела в Чернобыле Токаренко, умного и очень уставшего человека, и убедилась: он — руководитель и человек — пользуется колоссальным уважением окружающих.

Институт Энергомонтажпроект выполнял проектирование большинства крупномасштабных работ. Никто не мог точно предвидеть, какую конкретно работу придется выполнять, и, следовательно, какая потребуется предварительная подготовка: подбор людей, материалов, машин и т. д. А ведь продуманная инженерная подготовка — это половина успеха.

Монтажникам сказали, что потребуются новые системы коммуникаций. Казалось бы, привычное дело. Кое-что, конечно, известно и о характере радиационной обстановки. Но как себя вести? Такого опыта не было. Где и как смогут работать люди? Все — неизвестно. Но ведь... “если не мы, то кто же? Наша станция!”

ЮТЭМовцы выполнили все операции своего профиля работы по обеспечению технологического цикла работы станции и объектов 30-километровой зоны. Тысячи тонн оборудования прошли через их руки. Однако о деталях пережитого кое-кто отказывается рассказывать до сих пор: “это незаживающая рана...” Настаивать было бы жестоко. Но все-таки по крупицам картина складывалась.

В начале 1986 г. ЮТЭМ полностью перешел на атомную тематику. К этому времени в тресте уже был накоплен 20-летний опыт монтажа АЭС, в портфеле заказов на год были энергоблоки №5 и 6 Чернобыльской АЭС, энергоблоки на Ровенской АЭС, вместе с Харьковским институтом Теплоэлектропроект — на Запорожской АЭС.

Чернобыль. Июнь 1986 г. В центре - автор.

В помощь эксплуатационникам ЮТЭМовцев часто приглашали прежде и приглашают теперь на плановые ремонтные работы действующих энергоблоков. Монтажные и

ремонтные работы по своей специфике различны, но одинаково сложны и ответственны. Оборудование же им известно.

Но если профессиональная сложность не была новостью, то в условиях чрезвычайной радиационной опасности эти два фактора взаимно усиливались — такое явление называют синергизм.

В неожиданной для всех чернобыльской ситуации монтажники, тем не менее, сумели использовать свой опыт из мирного, на пример, двадцатилетней давности времени, когда строили Ладыжинскую ГРЭС. Тогда, в 1978 г., они решились на невиданное — смонтировать и пустить в действие за один год пять энергоблоков по 300 мегаватт каждый — отработывался принципиально новый метод поточного строительства.

Нужно было продумать и задействовать в одно целое хозяйственный, организационный и даже политический механизмы, потому что в реальность поточного метода сооружения ТЭС и АЭС в то время никто в нашей стране, да, возможно, и за рубежом не верил, — рассказывал главный инженер ЮТЭМа А.И. Заяц. — Можно было также увлечь идеей и подключить к этому делу также наше общесоюзное объединение ТЭМ. Впервые опробовался поток на Бурштынской ГРЭС, свое логическое совершенство получил на Запорожской АЭС благодаря таланту начальника стройки Р.Г. Хеноха и других строителей этой станции, заместителя министра Ф.В. Сапожникова. Потом туда зачастили иностранцы: знакомились с опытом. Но 5 энергоблоков за год — это почти фантастика. В Чернобыле ситуация была схожа с точки зрения ее непредсказуемости.

Использовали конкретный опыт монтажа крупномасштабного оборудования на ТЭС и АЭС, когда в пиковые периоды на стройплощадке собирали прежде и собирают теперь команды из многих подразделений одного треста. Это существенно ускоряет дело.

Вообще весь строительно-монтажный комплекс и монтажная база Минэнерго СССР изначала создавались по принципу централизации, как единый организм. Это существенно экономило силы и средства. Как теперь обстоят дела на Украине, не знаю, а в России этот принцип всеми силами сохраняется.

В Киеве уже в первый день аварии был организован штаб ЮТЭМа, который в первые полтора месяца работал круглосуточно, а потом — как и вся 30-километровая зона, только без выходных. В штабе были сменные операторы С.В. Опенько и А.З. Сидорко, а также их бессменный начальник Д.И. Олешко. Работы много: то приходило оборудование, и его следовало срочно отправить в Чернобыль, то из зоны приходили запросы на металл, одежду — их необходимо срочно где-то найти и так же срочно доставить. Люди прекрасно ориентировались в обстановке и могли оперативно вмешаться в любой производственный процесс. Этот штаб очень помог делу, когда на станции людям ЮТЭМа предстояло решать принципиальные инженерные вопросы: выбрать диаметр трубопроводов, их протяженность, методы трассировки и др. Ведь на процесс проектирования Правительственная комиссия давала не больше недели, а то и одну ночь. За это время институт Энергомонтажпроект готовил свою часть, а трест с помощью Госснаба полностью обеспечивал исполнителей всем необходимым.

О конкретных действиях в Чернобыле УС ЧАЭС, ЮТЭМа, других трестов и институтов можно будет рассказать ниже, при описании отдельных этапов работ.

БАРБОТЕР

Наступил момент, когда потребовалось доказательно проверить, идет ли реакция в разрушенном реакторе, то есть поднимается ли в связи с этим температура у его днища.

Если быть точными, обследование помещений разрушенного четвертого энергоблока практически было постоянным, начиная с первых же послеаварийных дней. Вначале станционники убедились в очень большом радиационном фоне в большинстве помещений, поэтому на несколько недель походы внутри энергоблока несколько сократились, однако не прекратились вовсе. Необходимо было проверить состояние ряда систем, непосредственно связанных с реактором, а также его самого — в этом активно участвовали и курчатовцы.

В первые несколько дней, судя по расчетам крупнейших физиков Института атомной энергии им. Курчатова, опасались нового взрыва, притом с непредсказуемыми последствиями. Предположение держалось в секрете, так как незачем пугать людей предположениями. В конечном итоге взрыва не было, если не считать небольшого вечером 26-го. Однако упреждающие меры принять все-таки следовало. Одна из них — исследование состояния бассейна-барботера — помещения, расположенного под реактором и обычно наполненного водой для охлаждения днища реактора, если там в штатных условиях температура превысит норму.

Несмотря на то, что реакция прекратилась сразу после аварии, по разным измерениям было ясно, что реактор, тем не менее, нагревается. Возможно — причина в толстом слое насыпанных материалов, которые могли образовать в нем нечто вроде пробки, и немалый вес. Во всяком случае, опасались, что днище реактора проплавится, содержимое попадет в барботер, вызовет мощнейший паровой взрыв и заодно проплавит бетонную подфундаментную плиту.

Нужно было выяснить, сколько в барботере воды. Опытный эксплуатационник, член Правительственной комиссии Е.И. Игнатенко и главный инженер ВО “Союзатомтехэнерго” Э.С. Сааков предложили открыть входные задвижки и таким образом определить уровень воды. Но к задвижкам надо было идти по глубокой луже высокоактивной воды, налившейся во время тушения пожара и, возможно, из разорвавшихся трубопроводов. Э.С. Сааков и начальник реакторного цеха ЧАЭС В.В. Грищенко с большим трудом сумели открыть задвижки и убедились, что воды в барботере относительно немного. Затем станционники (жаль, не знаю имен), облачившись в гидрокостюмы, эту воду из барботера слили. Душой и непосредственным руководителем всей этой эпопеи был Е.И. Игнатенко.

Однако необходимо было все-таки проникнуть в сам бассейн-барботер, разместить приборные датчики и вообще увидеть, что там делается, расплавилось ли днище реактора и, если нужно, принять возможные меры. Из немногих предложений одобрили закачку жидкого азота для охлаждения днища и реакторной массы, если она упадет в барботер.

Мир не знал подобной ситуации. Прежде чем “посмотреть”, нужно пробить толстенную стену помещения барботера. “Военные предлагали пробить стену методом направленного взрыва, но из этого ничего не вышло, — вспоминает бывший заместитель министра энергетики и электрификации СССР В.А. Лукин. — Взрыв не пробил полтора метра железобетонного монолита. Обратились в трест “Энергомеханизация”, чтобы отверстие “прожгли”. Наглядный пример того, как сложные работы в 30-километровой зоне приходилось выполнять именно энергетикам, профессионалам высшего класса.

Под руководством заместителей начальника треста В.Я. Диордицы и А.П. Фалалеева, а также начальника украинского участка этого треста А.В. Шевченко московские и украинские механизаторы ювелирно сложную работу выполнили. По расчетам физиков, находиться там можно было минуты, не более.

Одно отверстие поменьше — для закачки азота. Протащили и трубы. Все это — за два дня, с помощью отечественной техники. Для большего отверстия использовали шведскую технику — ее предложили авторы как последнее слово науки и техники: полудюймовые трубы, плотно забитые металлическими стержнями, которые предварительно нагреты. К концу трубы подводят кислород. Стержни начинают гореть и врезаются в стену. Это — грубое описание, без деталей. Но в процессе работы создавалась немыслимая жара и дым такой, что нельзя разглядеть 500-ваттные лампы. Поэтому приходилось часто прерываться и независимо от радиации. К тому же в толще стены эти трубы размягчались, загибались и уходили в непредсказуемом направлении. Все-таки прожгли...

В барботер проникли три киевлянина: Ю.Л. Цоглин, В.А. Шеховцов и Ю.Н. Гаврилюк, заместитель, директор Института ядерных исследований Украины.

Курчатовские ученые в это время решали свои задачи. Они быстро определили, где в здании можно ходить относительно спокойно, где — только бегом. Им самим приходилось мириться с таким режимом работы, чтобы анализировать состояние реактора, а также найти более или менее приемлемый путь на кровлю. И это были ученые, добровольцы, большинство которых до аварии к данному реактору непосредственно отношения не имели.

Теперь речь шла об относительно продолжительном пребывании в подреакторном пространстве и одновременно выполнении различных сложных и трудоемких работ. Руководили командой физиков Е.О. Адамов и В.Д. Письменный, а непосредственно квалифицированными институтскими учеными-дозиметристами — заведующий лабораторией, “играющий тренер” В.Ф. Шикалов. “То был большой коллектив профессионалов, мы меняли их еженедельно”, — рассказывает Шикалов. Сам он оставался на станции.

9 июня курчатовские и станционные физики совместно сдали по акту объединенную систему контроля нижних подреакторных помещений и приступили к систематическому обследованию всех помещений разрушенного энергоблока. К этой работе в тот период подключилась и третья команда — специалисты Союзного НИИ приборостроения во главе с И.С. Крашенинниковым и Научно-исследовательского и конструкторского института энерготехники под руководством Ю.С. Никитина.

Без этой предварительной работы были невозможны все дальнейшие практические действия как в самом разрушенном здании, так и на его кровле.

Ни один учебник не может предусмотреть все возможные погрешности в поведении человека. Ясно лишь, что при работе и экстремальных условиях требуется прежде всего высокая культура труда.

До начала работы в Чернобыле иностранную технику испытывали на базе минэнергоинститута Гидропроект, отрабатывали приемы работы. Тогда все прекрасно получалось, но институт располагал “стенкой” меньшей толщины. Трудно было предположить, что именно толщина окажется принципиально осложняющим фактором. Трехсотмиллиметровую плиту будущие исполнители операции прожгли за две-три минуты.

В Чернобыле работа растянулась более чем на 10 дней. Работали в три смены бригадами по четыре человека. Жили тут же на станции, в бункере под АБК-1 — административно-бытовым корпусом первой очереди. Руководил тогдашний заместитель управляющего трестом А.П. Фалалеев. Он предложил свою кандидатуру,

когда подбирали команду, поскольку другой начальник, вызванный для этой цели, ехать в Чернобыль отказался.

Вот это был действительно ад для рабочих, выполнявших эту задачу. В дополнение к радиации — дым, жарница, духота и еще нечто вроде изощренной пытки, когда костюмы абсолютно герметичны ради достижения огнестойкости и потому не пропускают воздух, не дают телу дышать. Когда костюм снимали, пот буквально стекал ручьями. А сам Александр Павлович работал в обычной для зоны хлопчатобумажной плотной “штормовке”. Он был с рабочими во всех трех сменах: организовывал дело и, что не менее важно — вдохновлял людей. В той кошмарной ситуации именно этот веселый гигант, да еще украшенный лихими пышными усами был как нельзя уместен. Еще он должен заботиться о питании и доставке воды для всей группы.

Не ушла бригада, окончив проходку — не могли эти люди уйти, не сказав вслед Прянишникову: “Ну, счастливо!” Это он, работник Управления строительства ЧАЭС — был тем смельчаком, который отправлялся в неизвестное исследовать содержимое бассейна-барботера и устанавливать там температурные датчики.

К счастью, температура днища реактора была 19 °С и, как выяснилось впоследствии, не повышалась. Почти ничего туда не натекло, барботер не вызывал беспокойства. Чтобы убедиться в этом, понадобился поистине титанический труд многих людей. Кто-то получил правительственные награды, денежные премии.

Позднее большинство из этих людей выполняли уже работы по своему профилю деятельности — достраивали ХОЯТ (хранилище отработанного ядерного топлива), строили вахтовый поселок Зеленый Мыс.

Руководил группой, в которой шел Прянишников, и сам в ней непосредственно участвовал эксплуатационник, старший мастер цеха централизованного ремонта ЧАЭС С.В. Климов. Такие люди на электростанциях знают все оборудование и помещения буквально на ощупь. Но Прянишников поменьше ростом, поэтому ему было легче проникнуть в барботер. Позднее под руководством Климова разбирали завалы в трансформаторном коридоре, ведущем к третьему энергоблоку, выполняли ремонтные работы на трубопроводах первого и второго энергоблоков. Больше всего этот опытный специалист, за свою жизнь подготовивший к самостоятельной работе около 60 молодых рабочих и 8 мастеров, заботился о том, чтобы все операции были выполнены с наименьшими дозовыми нагрузками и чтобы люди полностью сохранили трудоспособность. Прежде он не раз переходил на отстающие участки и быстро выводил их в передовые. Но всегда особенно бережно он относился к человеку.

...Да, воды в бассейне-барботере оказалось относительно немного. Но все-таки спокойнее ее оттуда убрать.

То была самостоятельная и весьма громоздкая операция, объединившая усилия людей многих профессий. Вот к реакторному отделению медленно, будто торжественно движется автотягач Киевэнерго. Сначала трудно даже понять, каким образом удастся управлять этой машиной. Ведь из кузова тянутся сразу 12 труб по 24 метра длиной, хотя обычно их укладывают не больше шести. Оказывается, это водитель А.С. Косяков усовершенствовал крепления, благодаря которым утяжелил свой груз. Спокойно, без суеты выгрузил трубы и отправился за следующей партией. Другие люди их соединяют в трубопровод. Вскоре врачи потребовали отправить Косякова в больницу — он свою дозу уже получил. Но водитель отказался: откачивать воду из-под реактора без его труб невозможно. Косяков считал, что закончить эту работу обязан именно он, а не кто-то другой: он уже освоился, а другому на это нужно время. Подлечился немного — и снова к своей машине (вскоре после этой работы его увидели уже на другом участке, за перевозкой крупногабаритных трансформаторов для строящихся в 30-километровой зоне подстанций).

“На улице” соединяли трубы в трубопровод монтажники ЮТЭМа.

“Откачивали воду из барботера пожарные из подразделения гражданской обороны. Особенно отличились подчиненные подполковника В. Примака, — пишет генерал-полковник Б.П. Иванов. — Из-за повышенного радиационного фона работать им приходилось по несколько минут, сменяя друг друга”.

Борис Петрович Иванов руководил всей работой воинских подразделений Гражданской обороны СССР, участвовал в решении многих проблем. Он прошел весь путь Великой Отечественной войны, начав его в должности командира танковой роты и закончив штурмом Берлина в должности командира танкового полка, за мужество и отвагу и умелое руководство получил Звезду Героя Советского Союза. На высоких командных постах он служил и служит все послевоенные годы. В Чернобыле он вел дневник, благодаря которому удалось воспроизвести многие детали участия воинских подразделений.

Нельзя забывать, что на открытой территории станции радиационный фон был выше, чем во многих помещениях четвертого энергоблока, и там находиться можно было лишь очень малое время.

Старший инспектор управления пожарной охраны МВД Украины В. Задорный показывает смонтированную на красно-белой машине дождевальную установку — изобретение, позволяющее значительно снизить уровень радиации в районе насосного пункта. Это важно, ведь экипажи добровольцев, сменяясь, работают больше суток...

Опыт, навыки пожарных оказались бесценны на сложнейших участках работ, где требовались сноровка, скорость, даже просто физическая ловкость. Приходилось заменять людей. Приходилось заменять и технику: она становилась радиоактивной от окружающего фона в такой степени, что ею уже нельзя было пользоваться.

Начальник Музея Гражданской обороны СССР В.Л. Гришин показывал мне воинские листовки-памятки, посвященные работавшей тогда пожарной роте полка гражданской обороны Киевского военного округа и фотографию Петра Зборовского, награжденного за этот труд боевым орденом Красной Звезды. Петра не раз приглашали в музей. Рассказывал, что серьезно болен, порой неожиданно теряет сознание и “обнаруживает” себя лежащим па земле в окружении обеспокоенных прохожих.

Бассейн осушили 8 мая.

...В это время ЮТЭМовские монтажники без специальной защитной одежды и даже без респираторов собирали трубопровод для бетона и жидкого азота на открытой и очень пыльной площадке станции.

А.Л. Шакула “схватил” 14 бэр в первый же день. Еще до Чернобыля на его пиджаке красовались ордена Знак Почета, Трудового Красного Знамени, Октябрьской Революции, хотя прожил к этому времени еще только 36 лет. Орден Октябрьской Революции получил за пуск четвертого энергоблока ЧАЭС (возглавлял тогда комсомольско-молодежную бригаду монтажников). После Чернобыля появился еще один орден.

...Но закачивать азот не понадобилось: днище реактора не нагревается.

В это же время ЮТЭМовцы вручную разрезали коммуникации и другие соединения между третьим и четвертым энергоблоками, расчищая пространство для внутренней стены саркофага. А из реактора шли выбросы.

ПЛИТА ПОД ФУНДАМЕНТОМ

Говорили, что в США выполнен эксперимент, имитирующий самопроизвольное погружение горячего реактора на глубину в десятки метров. Предположили, что в условиях Чернобыля это может привести еще и к взрывному парообразованию грунтовых вод и их интенсивному радиоактивному загрязнению, а затем эти загрязнения быстро распространятся, поступят в р. Припять.

Сам собой напрашивался вывод: необходимо под существующим фундаментом построить дополнительную прочную плиту, по сути днище саркофага, чтобы реактор все-таки не провалился и преисподнюю. И еще — создать вокруг всей АЭС замкнутую противодиффузионную стену в грунте, способную локализовать загрязненные подземные воды, если они появятся.

Проектирование плиты было поручено Минсредмашу, но считать его единственным автором нельзя, тем более, что проект на практике существенно менялся.

В сооружении плиты в комплексе участвовали подразделения Минэнерго СССР, метростроевцы, донецкие и тульские шахтеры, работники Минсредмаша СССР. Работа Минэнерго мне лучше известна, поэтому в данной главе ей посвящено больше места. Но и по факту занятости и решения главных проблем такой дисбаланс оправдан. В основном здесь работал прославленный “Союзгидроспецстрой”, известный сложнейшими тоннелями и градирнями.

Первая группа ведущих специалистов “Гидроспецстрой” — главный инженер объединения М.Н. Розин, его заместитель Б.В. Хейфец и др. — вылетели в Чернобыль на разведку уже 3 мая, чтобы определить хотя бы ориентировочно направления, характер и объем предстоящих работ по своему профилю. Начальник объединения Н.В. Дмитриев в это время находился во Вьетнаме.

Из Чернобыля Дмитриев 7 мая вызвал туда начальника Таджикского управления В.М. Башмакова, который уже через полтора суток вместе с начальником участка С.С. Шкредовым и бригадиром комплексной бригады Е.В. Степаненко ночевали на первых попавшихся постелях, отысканных среди ночи в г. Чернобыле. А наутро они уже были на станции, осмотрелись, и Башмаков предложил Дмитриеву вызвать 240 проходчиков-бетоноукладчиков из всех управлений объединения, в том числе 80 асов — из Таджикского. Все они прибыли так же оперативно. Из Москвы 8 мая вылетела группа специалистов института Гидроспецпроект для консультативной помощи при определении технической возможности устройства подфундаментной плиты, среди них — заместитель главного инженера С. Нагапетян. Через неделю почти все инженеры-тоннельщики института были задействованы на чернобыльской тематике. Они внесли немало своего в чернобыльский проект. Всего же только от этого института, по словам его нынешнего директора С.М. Воскресенского, в Чернобыле работали около 80 человек.

— Что нужно делать в первую очередь? В первый момент никто не знал. Было ясно лишь, что работать здесь придется всему объединению и что необходимо защитить Днепр от смыва поверхностных и грунтовых вод с территории станции, — вспоминает заместитель главного инженера Гидроспецпроект Л.И. Малышев. Он существенно помог мне прояснить картину.

Решения в 30-километровой зоне находили по мере необходимости. Объединение “Союзгидроспецстрой” создало в Чернобыле свой штаб в составе Минэнерго СССР, на месте его возглавляли поочередно чаще всего Н.В. Дмитриев и М.Н. Розин, в остальное время — заместители начальника. Из Москвы приезжали начальники отделов и главные специалисты. И практически постоянно оперативным руководителем всех работ

объединения бесменно был В.М. Башмаков, в настоящее время — генеральный директор Акционерной фирмы “Гидроспецстрой”.

Проектом предусмотрена конструкция самомонолитной железобетонной плиты. В плане ее размеры — 30х30 м, высота 2,5 м. Площадь штатной подфундаментной плиты — 80х80 Новая должна быть сооружена непосредственно под нею, как бы по центру, под основанием реактора. В средней части плиты средмашевцы разместили регистры водяного охлаждения из металлических труб и труб-змеевиков, а над ними — защитное покрытие из графита. Трубы-змеевики предназначались для охлаждающего жидкого азота на случай, если реактор проявит большую активность. Их средмашевцы сами и прокладывали. Для этой цели они предусмотрели и осуществили также сооружение мощной графитовой прокладки. Забегая вперед, скажу, что, к счастью они не понадобились: реактор ведет себя пайнкой. В целом осуществился весь этот проект.

Реализации проекта предшествовала серьезная подготовительная работа. В частности, в одном из минсредмашевских институтов выполнили макет и провели испытания, которые макет выдержал. Он и стал прообразом графитовой плиты. В этом институте прорабатывались и некоторые другие черныбыльские мероприятия, например, использование лазера для дистанционной резки металлоконструкций. Но этот метод оказался чересчур дорогим, и его не применяли.

К подфундаментной плите предъявляли особо высокие требования по надежности: она не должна уступать существующему фундаменту, к тому же ее следует оснастить большим количеством контрольно-измерительной аппаратуры, а ее теплоизоляция должна выдерживать высокие температуры. И все эти элементы следовало соединить в монолит в одной конструкции, выполнив в проекте и в натуре все работы лишь за месяц с небольшим — с 20 мая по 24 июня.

Одновременно с проектированием донецкие шахтеры выполняли проходку пионерной шахты и подготовку площадки для последующего бетонирования.

Начать решили со стороны третьего энергоблока, чтобы потом пройти все пространство под четвертым энергоблоком. Такой выбор диктовал радиационный фон.

Собственно, проходка шахты началась даже до начала всех работ. Но прежде с помощью направленных взрывов в толстой стене помещения четвертого энергоблока 9 мая проббили отверстие, чтобы потом вести сквозь него выработку шахты, монтаж оборудования и бетонирование плиты. Взрывными работами руководил маршал инженерных войск С. Аганов.

Пока шахтеры прокладывали свою штольню к противоположной стене здания четвертого энергоблока под всем реакторным отделением, гидроспецстроевцы подготавливали арматуру и сетку, которая потом служила опалубкой; упаковывали все это в комплекты, чтобы на месте не тратить время на лишние хождения по площадке. Затем был выбран грунт перпендикулярно штольне вдоль всей стены, за этой полосой — последующая, ближе к выходу и т. д., как бы отжимая на себя все внутреннее пространство будущей плиты. А в это время на освободившемся пространстве уже трудились монтажники и бетонщики.

Вскоре под землей работали одновременно представители всех занятых в этом деле отраслей. Пока шахтеры на своей полосе работали по одну сторону от центральной штольни, средмашевцы создавали графитовую прокладку и монтировали трубы для азота-охлаждителя, а минэнергоовцы монтировали всю арматуру, укладывали сетку и бетонировали все это в монолит. И так далее...

Само по себе скопление в ограниченном пространстве такого большого количества разнохарактерных производственных подразделений, сотен людей — дело неординарное. Но они при этом умудрялись согласованно работать, помогать друг

другу, до того ничего не зная даже о существовании своих теперешних коллег. Это уже можно считать большой победой.

Итак, “воины инженерных войск начали отрывать котлован на открытой поверхности между зданиями реакторных отделений третьего и четвертого энергоблоков для проходки под реактор, — пишет Б.П. Иванов. — Целый день потрачен на то, чтобы разобрать “захороненный” еще при строительстве АЭС железобетон”. Затем к этой работе подключились киевские и московские метростроевцы. От всей этой деятельности над ними густым облаком поднималась очень “грязная” пыль. Наконец, шахтеры из Донбасса и из-под Тулы принялись за прокладку в подреакторное отделение пионерного туннеля.

Затем киевские и московские метростроевцы, шахтеры из Донбасса и Подмосковья принялись за прокладку в подреакторное отделение пионерного 136-метрового туннеля.

В многотиражной газете “Метростроевец” прошел “Круглый стол”. “А могли вы не поехать в опасную зону?” — спросили Леонида Чикмарева, машиниста автокрана.

— В принципе могли. Более того, один москвич выбросил чернобыльскую командировку и не поехал (мы получали командировки до Киева, а там нам выдавали чернобыльские). Кстати, в Киеве же, в отделе кадров мы повстречались с теми, кто только что вернулся с ЧАЭС. И они посоветовали нам не брать с собой собственные вещи. Мы оставили хорошую одежду, фотоаппараты и прочее, поехали в теннисках. Работали все как следует. Не было времени даже попить воды, смена продолжалась пять часов, хотя кабина крана, понятно, закрыта, в ней душно, трудно дышать в респираторе. Но у всех была мысль: скорее, скорее! Бригадир предыдущей смены рассказал, что именно надо делать, где можно ходить и где нельзя, показал место телефона. Проработал я немного, и вдруг кран заглох. Лебедка не идет. Выяснилось, что масляный трубопровод лопнул. И это — часа в два ночи. Решил отремонтировать. Чтобы не валяться под машиной и вытекшем из системы масле, закидал его песком. Затем в темноте, на ощупь обнаружил разрыв. По телефону объяснил, какой нужен шланг, заказал и масло. Подсказал, что видел на дороге такой же брошенный кран “Январец” и посоветовал взять шланг оттуда...

Рассказывает корреспондент еженедельника “Собеседник” Валерий Бадов: “Управляющий трестом “Донецкшахтострой” Е.Б. Новик и главный инженер А.А. Макаров спали по два часа в сутки, дневали и ночевали на проходке, но дело поставили образцово. Каждые три часа сменялись люди под щитом в забое. Те, кто находился на самом “острие”, у груди забоя, работали, что называется, в мыле, на пределе сил, передавая сменщикам инструмент из рук в руки, берегли минуты. Такую ярость и напор мне прежде приходилось видеть лишь на спасательных работах в угольных шахтах, когда вызволяют людей, оставшихся в завале, в каменном мешке... И ни разу, сколько я там был, ни один человек не задавал вопроса: а сколько, дескать, нам заплатят за эту работу? В рекордные дни забой продвигали на 15 метров и больше. Очевидно, это и был предел человеческих сил...”

Когда начинали прокладывать шахту, радиационный фон у поверхности земли доходил до 3-4 рентгена в час. С углублением в забой фон резко уменьшался. В слое песчаника под основанием четвертого блока радиационный фон был уже ничтожно мал.

В каждой шахтерской бригаде были проходчики, механизаторы, электрослесари, машинисты кранов и бульдозеристы. Руководил операцией штаб Министерства угольной промышленности Украины во главе с министром Н.С. Сургаем. Отвечал за всю проходку В.Ф. Шаталин из Донбасского “Шахтстроя”.

Тысячи кубометров грунта вырубил экскаватор. Кроме того, молодые крепкие парни лопатами выбирали породу из-под реактора, а затем эту, а также добытую экскаватором породу вручную же, вагонетками выталкивали “на гора”. Работали согнувшись, в

неполный взмах рук, но торопились. Каждые 3-4 минуты они показывались из тоннеля в мокрых от пота рубахах. Этот пионерный тоннель они называли “Дорога жизни”.

Одновременно предстояло смонтировать трубопровод к будущей шахте для подачи в нее бетонной смеси. В тех условиях это было посложнее и опаснее, чем вырыть тоннель под шахту реактора, поскольку — на поверхности. Участок был радиоактивно очень грязный. Но прежде с помощью направленного взрыва в толстой стене помещения четвертого энергоблока 9 мая пробили отверстие и уж потом начали вести монтаж оборудования. Взрывными работами руководил маршал инженерных войск С. Аганов.

— А в это время строители и монтажники треста “Южтеплоэнергомонтаж” днем и ночью тянули бетонопроводы по территории АЭС к энергоблоку и к насосной станции, — рассказывает начальник участка Л.И. Чурилов. — Работали на открытой территории — там, где в большей или меньшей степени “светился” каждый метр. Потом гидроспецстроевцы работали на бетонном хозяйстве, для которого эти бетонопроводы прокладывались, и тоже на открытом месте. Бетонопроводы обслуживали и сами ЮТЭМовцы.

21 мая прокладывали трубопровод в проходку вблизи третьего энергоблока — самое трудное место: прибор там показывал 35 рентген в час. Надо было сваривать “золотой стык”, а техники, малой механизации, не хватало. Вообще-то Минэнерго СССР выделило краны, сварочное оборудование, кабель, шланги, отобрав их у других строек. Но этого было все же маловато.

Руководил сваркой “золотого стыка” профессионал, он же парторг Трипольского управления ЮТЭМ П.М. Погорельчук, выполняли слесари Бессмертный и Шишов; Шакуло и Матвийчук подавали в проходку основной бетонопровод, что само по себе было делом непростым и весьма опасным. А потом электросварщик Матвийчук должен был заварить этот стык.

Он лег на землю и сделал подкоп под трубу. Процесс сварки стыка разделили на 4 части: по четверть стыка на человека, чтобы сократить для каждого время пребывания в опасном месте. В нормальных условиях такой стык делают поворотным и выполняют его в удобных условиях не меньше получаса. Здесь в соответствии с квалификацией сварщику выделили его отрезок. Например, потолочную часть, которую надо было сварить снизу, лежа на спине, из ямы, поручили А.В. Ваганову и дали на это 10 минут,

— Задание было очень трудным само по себе, — рассказывает Погорельчук. — Каково же было мое удивление, когда Ваганов приехал на командный пост и доложил, что за те же минуты сварил не четверть, а половину стыка! Два других рабочих выполнили остальное. На этот участок нас возили БТРом, но когда надо было возвращаться, наша машина почему-то не смогла туда пробиться — так сварщик Кауров прибежал обратно пешком, на работе он показал себя с лучшей стороны. Но назавтра напился: “Я — герой Чернобыля!” — Мы уволили его по статье обычного трудового законодательства за нарушение дисциплины. Оказался у Каурова и последователь, Сергей Бережной. Он тоже вел себя героически, лез в любые дырки. Мы даже стали называть его Павкой Корчагиным. Но потом ему все это надоело, стал пить, тоже возомнил себя героем... Расстались и с ним. Остальные на этих двоих смотрели, как на дурачков: серьезное дело не терпело клоунады, ерничества.

Работы “Союзгидроспецстроя” в Чернобыле распределились на три крупных этапа: сооружение железобетонной плиты под фундаментом, стены на площадке АЭС, которая встала под углом к четвертому энергоблоку и защитила от излучений развала, а также сооружение “стены в грунте” и объектов ливневой канализации. Какое дело было опаснее — не определишь. Одновременно и с опережением шло благоустройство жилья для самих строителей объединения. В тексте волей-неволей эти работы будут перекликаться.

Каждое его управление получило свой участок работ в соответствии с ведущей производственной направленностью в мирной жизни. Однако на каком-то направлении, если нужно, создавали временный участок. Например, участок по монтажу техники. Он выполнял свое задание, расформировывался, а людей направляли на новые задания. В Чернобыльской конторе все руководители, включая начальника объединения — в одной комнате. Остальное — на стройплощадках.

Оглядываясь назад, заместитель начальника Днепровского управления по взрывным работам Д.Н. Гура подчеркивает, что простота и гибкость этой системы позволяли быстро решать любые задачи. Если бы подразделения составляли только по их принадлежности к управлениям, то могли бы возникать проблемы со снабжением, выполнением работ, комплектацией людей и техники. В целом же по объединению гидроспецстроевцы в Чернобыле предусмотрели все службы по нормальной для крупномасштабного дела схеме, включая отделы кадров, труда и зарплаты, организации производства, материально-технического снабжения, техники безопасности. Ведь речь шла о многих сотнях людей. Одно из подразделений — “Энерговисотспецстрой” (в тот период управление, а теперь самостоятельная организация) имело до аварии на ЧАЭС свой участок, так как возводило градирни. Его и назначили как бы генподрядным от объединения.

...перед обедом 19 мая рабочие “Энерговисотспецстроя” закончили возведение градирни на Хмельницкой АЭС. Это — громоздкое и высокоточное сооружение, посильное лишь немногим мастерам.

Рабочие передевались и пребывали в благодушном настроении, когда пришла телефонограмма за подписью главного инженера родного управления В.В. Журавлева. Предлагалось побеседовать с людьми, объяснить им обстановку в Чернобыле и откомандировать Илюхина, Краснова, Щербакова, Егорова и Рябощук. “За помощью в отправке обратиться...” — указаны адреса и г.г. Киеве и Вышгороде (там размещается Днепровское управление этого объединения).

Нормальная телефонограмма. Но заканчивалась она словами: “Отказ от командировки будет рассматриваться как акт саботажа с вытекающими отсюда последствиями”.

— Ни у кого и в мыслях не было отказываться. Но ее конец возмутил всех, — рассказывает бетонщик-трубоклад В.И. Илюхин. — В ответ некоторые члены бригады (в бригаде человек 15) заявили, что уходят в отпуск. Правда, мы — пятеро названных рабочих — подписали телефонограмму. Я — за старшего. Тут же получили командировки в Киев, а оттуда в Чернобыль, не заезжая домой, в Москву. Выехали в тот же вечер. В Киеве началась путаница с машинами. Словом, 21 мая, в двенадцатом часу ночи мы оказались в Чернобыле.

Темно. На улицах — ни души. Подошли к зданию, в котором освещены окна. У входа — солдат, спросил, кто мы. Я показал пропуск. “Ребята, вы не туда попали, это воинская часть, идите через сквер к другому фонарику”. Так мы и попали в штаб Минэнерго. В большой комнате — трое очень усталых людей. “А кто вас сюда направил?” — Мы ответили, что выполняем приказ и вообще хотели бы определиться, куда идти и что делать. Они стали обзванивать организации, около половины второго ночи выяснилось, что надо ехать на остров, на базу объединения “Союзгидроспецстроя”. Дали нам газик. Первым на этой базе нам помог бригадир с Нурека Женя Степаненко. Он там нашел начальника Днепровского управления. Мы поехали на склад, получили матрацы, простыни. “Утром разберемся”. А наутро встретили своих товарищей из нашего управления — В. Мороза, Н. Михева. Они, оказывается, прибыли двумя днями раньше, но из Москвы. Ждали нас, приготовили постели и прочее. Но не знали точно, когда мы приедем. Увидели и своего командира — начальника управления В.М. Брудного, получили талоны на питание, Валентин Моисеевич объяснил нам задачу.

— А для меня история ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС началась с розыска эвакуированных наших рабочих чернобыльского участка, — рассказывает А.М. Троян, теперь пенсионер, а в то время главный инженер Днепровского управления. До аварии в г.Припяти постоянно жило около 300 работников только из “Энерговвысотспецстроя”, не считая других управлений объединения. Их и их семьи эвакуировали более или менее компактно в селах, а позже — в любом населенном пункте страны по их желанию — в Киеве, Житомире, Харькове, Днепропетровске, Ужгороде и других городах, кроме Москвы и Ленинграда. Однако новых адресов никто не знал.

Действительно, многие отмечают, что сама эвакуация прошла быстро и спокойно. Однако неорганизованность последующих дней производила неприятное впечатление. Люди нервничали. Дней через 10 рабочие сами дали о себе знать, была создана комиссия по управлению этим процессом.

Однако было очевидно, что сил только одних “приписанных” к Припяти и Чернобылю подразделений “Союзгидроспецстроя” не хватит. Но объединение имело около десятка управлений по всей стране.

Объехав на БТРе места будущей работы и прикинув, что для этого нужно, А.М. Троян передал в свое управление телефонограмму: “Направить срочно буровую из Днепродзержинска с экипажем и один станок бурения с двухсменной бригадой, обсадные трубы, насосы, фильтровые колонны”. Когда работы развернулись, В.А. Брудный также отправился за 400 км за своими людьми на Ровенскую АЭС: “Вообще, когда требовалось добавить людей, мы просто вызывали своих, объясняли задачу, никто не отказывался”, — говорил он.

* * *

К тому времени я уже имела некоторое представление о высочайшем уровне профессионализма работающих в “Гидроспецстрое” (будем называть короче, как теперь, без приставки “Союз”). Видела их великолепные тоннели в Нуреке, Рогуне, на побережье Баренцева моря — в разных грунтах, от сыпучих до самых твердых базальтов. Даже внешний вид тоннелей потрясает красотой линий, ювелирной точностью исполнения и грандиозностью одновременно. Например, тоннель в Заполярье огромен, как эллинг для дирижаблей, а сечение его выверено так, словно очерчено циркулем. Мастера! Другого определения не подберешь. Даже самые бывалые строители поражались твердости горных пород: о них быстро стачивались лапы проходческих машин.

Приехав однажды в Таджикистан на Рогунскую стройку в разгар работ, предшествовавших сооружению ее гигантской по мирным меркам 130-метровой плотины, я обратила внимание на металлические сети, которыми были одеты все отвесные склоны ущелья. Оказывается, горы здесь настолько рыхлы, что приходится постоянно защищаться от осыпей, камнепадов. А ведь скалы, сложенные из этих пород, к тому времени уже были пронизаны сетью тоннелей. Строительство каждого из них в такого рода горных породах можно по праву считать профессиональным достижением. “Гидроспецстрой”, кроме того, сооружает в разных широтах дымовые трубы, градирни электростанций и вообще промышленные и гражданские здания округлой формы, создает дренажи и системы водопонижения, укрепляет и омоноличивает скалы и бетонные сооружения, строит свайные фундаменты, несущие стены в грунте, каналы, осуществляет горные и взрывные работы и пр., а также осуществляет исследовательские и экспериментальные программы. Его полное название — Всесоюзное ордена Ленина производственное строительно-монтажное объединение по специальным работам на

строительстве атомных, гидравлических и тепловых электростанций — ВПСМО “Союзгидроспецстрой” Минэнерго СССР, (теперь Акционерная фирма, АФ “Гидроспецстрой”).

А история объединения берет начало с 1944 г., с работ по восстановлению взорванного гитлеровскими фашистами Днепрогэса. Постепенно на Украине и других регионах СССР образовалась сеть управлений ЦЭМ ГИДЭП (Центральных экспериментальных мастерских института Гидроэнергопроект), выполнявших специальные гидротехнические работы на всех электростанциях Минэнерго СССР: участвовали в строительстве плотин, шлюзов и др. Они объединились в трест, затем в объединение. До распада СССР около 30 производственных управлений объединения “Союзгидроспецстрой” были расположены во всех регионах страны, от ее западных границ до восточных, от северных морей до горы Кушки в Таджикистане. Теперь многие из них выделились в самостоятельные предприятия.

В середине 50-х годов в тресте начала действовать проектная контора, выросшая в специализированный проектно-изыскательский и экспериментально-конструкторский институт Гидроспецпроект — головная организация в стране по проектированию специальных строительных работ. Объекты электроэнергетики — теперь основной, но уже далеко не единственный адрес его деятельности.

— В Чернобыле можно было убедиться, что для “Гидроспецстроя” просто нет нерешаемых задач. Объединение обладает всем комплексом технических возможностей проектирования, разработки технологии работ, организации производства, — считает участник работ, начальник отдела В.Н. Живодеров. — В состав объединения входят и завод нестандартного оборудования (НСО), и учебный комбинат, который готовит “свой” рабочие кадры. Это — основа успеха.

По-моему же, главная ценность — все-таки люди, притом единомышленники; общий моральный климат коллектива создают, тем не менее, конкретные организаторы.

Вот что говорил мне когда-то самый талантливый и умелый руководитель в крупномасштабном отечественном энергостроительстве Р.Г. Хенох: “Иногда думают, что достаточно во главе стройки поставить квалифицированного специалиста — и дело пойдет. Это неверно, успех составляется из участия каждого инженера, прораба, рабочего. Но при этом, конечно, должна быть продумана и отработана вся система управления”. Именно таковы были предпосылки успеха “Гидроспецстроя” в Чернобыле.

Штаб “Гидроспецстроя” работал круглосуточно и четко, информация была поставлена отлично. Оперативные совещания по несколько раз в день проводили Дмитриев, Розин, Башмаков, Судный, Кафанов или кто-то другой, но чаще Розин. Работа шла целенаправленно, конкретно, буквально за минуты. Последняя в день оперативка, итоговая, проходила поздно вечером.

“Не помню ни одного случая, чтобы на каком-то участке не пополнялись задания штаба “Гидроспецстроя” или штаба Минэнерго”, — подчеркивает заместитель начальника Днепровского управления Ф.Г. Халиулин. “Я работал в Чернобыле 40 может быть самых напряженных дней мая и июня — и ни разу не слышал, чтобы кто-нибудь из наших людей, руководителей или рабочих канючил или жаловался на жизнь”, — мнение директора Гидроспецпроекта А.М. Мариничева.

Ежедневно, не менее раза в смену на стройплощадку приезжал замминистра Ю.Н. Корсун. Интересовался, как идут дела, и каждый раз напоминал о чрезвычайной важности ускорения работ и об уважительном отношении к радиации.

На мой дежурный вопрос о том, что именно произвело наибольшее впечатление в зоне, заместитель начальника технического отдела Михайлов ответил сразу: “Система снабжения”. “Казалось бы, мелочь: я мог на дороге остановить любую машину и попросить помочь заправиться — никто не отказывал, отливали топливо”.

Подтверждает и ветеран Чернобыля главный механик ВПСМО М.П. Дружинин: в таких ситуациях самое важное — организация и снабжение. Оперативный отдел объединения по снабжению и быту при штабе возглавил А.С. Канунников. Вскоре он стал помощником у Ю.Н. Корсуна и проработал в Чернобыле до конца декабря. То, что в мирных условиях представляло проблему на месяцы, там решалось за день, притом нередко без предварительного оформления.

Разместились сначала на базе судоремонтного завода, но она вскоре оказалась тесна, пришлось на острове открыть базу рыбинспекции и часть людей разместить там. Туда же завезли необходимые станки (для рубки и гибки металла, сварочные и т. д.) для подготовки арматуры.

— А я вспоминаю этот период как кошмар, — впечатления Н.И. Рогатого. — Народу прибывало много. И каждого надо было куда-то определить. А определять-то некуда: вагончики, все стационарные помещения наши забиты полностью. В первые дни в самом Чернобыле постельных принадлежностей, матрацев, раскладушек, кроватей, одежды — ничего этого не было, а люди приезжали сотнями в Чернобыль и в Вышгород. Мы все это приобретали в магазинах, помогал Вышгородский райисполком. Дозиметры приобретены через штаб Гражданской обороны, и то в очень ограниченном количестве — это в первые-первые, самые “грязные” дни. Хотели воспользоваться запасом Гражданской обороны, но она оказалась абсолютно не подготовленной к работе в экстремальных условиях: на складах оказалось немного из необходимого, да и то залежалое, в неприглядном состоянии.

— В мои функции входило одеть, накормить, уложить спать и обеспечить строителей материально-техническим сырьем: трубами, металлом, бетоном, цементом, свинцом, одеждой и т. п. Каждые три часа мы меняли людям спецовку — она оказывалась радиоактивно грязной. Госснаб Украины работал очень четко. Но ведь все необходимое требовалось немедленно, и в фантастических количествах, — рассказывает заместитель начальника “Энерговвысотспецстроя” А.М. Лейдер.

И руководители и исполнители работ подвергались очень большому радиационному воздействию. Поскольку индивидуальных дозиметров в объединении почти не было (да и для чего они в мирное время?), заранее ознакомившись с площадкой, В.М. Башмаков сам провел своих рабочих по относительно безопасному коридору от входа в административно-бытовой корпус до места работ и при этом популярно объяснил, что шаг влево, шаг вправо от этого коридора — смерть. Если хотят жить и здоровыми приехать домой — должны соблюдать это правило. Рабочие попросили дать им дозиметры. Договорились, что получают один на десятерых, и по его показаниям дозы будут записываться остальным. Начальники управлений Башмаков, Неучев, Дзибура, Мартыненко, Куренной даже по официальным справкам получили до 20 бэр каждый, однако реальные дозы мая и первой половины июня были существенно выше.

Со временем появился “свой” дозконтроль: его осуществляли военизированные горноспасательные части “Гидроспецстроя”. Но, как и во всей 30-километровой зоне того периода, эти дозиметристы были в состоянии лишь определить общий радиационный фон на площадке перед началом конкретной работы.

Радиационная обстановка повсюду была очень неоднородной. Она могла существенно различаться и на расстоянии в метр, в зависимости от количества пыли и радиоактивных обломков. Здесь дирижером был ветер. Поэтому строители показывали, где они будут работать, где пройдут трубы и т.д., а дозиметристы размечали свои вешки с указанием даты и уровня фона. Одна вешка на стене домика-укрытия около насоса. Следующая — через 30 метров на столбике, последняя — на стене III энергоблока. Еще 4 отметки были на расстоянии 160 метров от этого здания. Ежедневно дозиметристы вновь измеряли на площадке радиоактивный фон, чтобы убедиться в его относительном постоянстве

(действительно, постепенно он становился стабильным). Зная уровень фона и время пребывания на площадке, можно было и без индивидуальных дозиметров приблизительно вычислить свою персональную дозу. Это называлось “по маршрутам”. У руководителей “Гидроспецстроя” было пять хороших дозиметров типа ДП-503. На первых порах у рабочих в опасных зонах были личные дозиметры “карандаши”-накопители емкостью до 200 миллирентген, со шкалой. Их следовало ежедневно перезаряжать отчасти потому, что стрелка проходила всю шкалу. Официально же признавались только закрытые накопители-таблетки, которые полагалось сдавать в центральную лабораторию г. Чернобыля.

— Я был старшим группы из 6 человек, — вспоминает бетонщик-трубклад В.Т. Видинеев. — “Карандаш” в кармане на груди с левой стороны, а накопитель-таблетка с правой. Каждые сутки в лаборатории г. Чернобыля таблетку расшифровывали, данные записывали в журнал и давали новую. Я только говорил, как пароли “6-28”, т.е. шестая книга, накопитель 28. Я, Короленко, Зорин, Пузачев, Рогожин по данным первого накопителя получили от 2,6 до 2,9 рентген, т.е. за два раза за два дня — более 5 рентген. Но когда я сдал IV накопитель и хотел узнать данные по III, то услышал что КГБ запретил сообщать эти данные, “чтобы люди не пугались”. Каждый из рабочих моей группы сдал по 16 накопителей (работали 18 дней, 2 ушло на организационные вопросы). Однако полученные нами дозы мы не знаем до сих пор.

Правительственная комиссия от всех руководителей жестко потребовала, чтобы их подчиненные ни в коем случае не набирали больше 25 бэр. Но работать-то надо... И рабочим говорили, что больше 25 бэр получать запрещено. Поэтому, сколько бы человек ни получал, ему писали меньше. Догадывались, но никто не возражал.

Позднее один начальник участка попал в больницу по обычному поводу — оказалось, что у него чуть ли не 200 бэр. Оказывается, его личный прибор неправильно показывал. А в накопителях-таблетках, выдаваемой дозиметрической лабораторией, порой вовсе ничего не лежало: заводской брак. “У меня лично дважды накопитель ничего не показывал. Вскрыли — а они не заряжены, брак. Я знал людей, которые, убедившись в несерьезности этих таблеток, просто не сдавали их в лабораторию” (В.А. Брудный).

— Мне было очень жаль солдат, мальчишек по 18-19 лет. — Вспоминает В.Т. Видинеев, — Мы хоть как-то были защищены, и рабочая смена ограничена. И душ после работы. А у них и защиты никакой, да и кто там следил, сколько времени они работали. Расстояние от нашего укрытия до реакторного отделения четвертого блока — 250-300 м, а до третьего блока — 130 м. Мы старались выполнить работу побыстрее, потому что даже в укрытии “светило” 70-100 мр/ч. А на улице и до стены третьего энергоблока было 3-10 р/ч, а то и выше. За несколько лет до Чернобыля я работал в отделении милиции г. Москвы, прошел соответствующие курсы и даже выезжал на тренировочные боевые действия в Ярославскую область как начальник радиационно-химического поста. Поэтому отчетливо себе представляю, к чему могут привести все эти дела. Из нашей группы в 50 человек, работавшей в 1986 г. на плите, трое уже умерли (разговор происходил в 1990 г.).

— Наши дозиметры-“карандаши” зашкаливало при выходе из штольни практически сразу, особенно при приближении к бетононасосам. У меня такое сложилось впечатление, что угольщики и Средмаш заботились о своих людях больше, чем Минэнерго. Многим энергетикам приходилось и по городу Чернобылю ходить пешком до столовой, тогда как большинство ликвидаторов ездили по городу на машинах, чтобы избежать лишних бэров, — впечатление начальника тоннельного отдела “Гидроспецстроя” С.Б. Сахарова.

Все технические вопросы решал организованный в мае 1986 года комплексный отдел института Гидроспецпроект. В Москве под руководством Л.И. Малышева осуществляли

проектирование по всей программе. Чертежи и разработки шли буквально с колес. В Чернобыле их принимал и корректировал по месту сотрудник института Потапов.

Ряд профессиональных экспертиз, а также практика последних лет показали, что принятые в Чернобыле решения руководителей Союзгидроспецстроя были правильными, обоснованными.

— Начальник объединения Н.В. Дмитриев был истинным стержнем всей программы работ Союзгидроспецстроя, связанных с катастрофой в Чернобыле. Он дневал и ночевал в 30-километровой зоне со всеми вместе, возможно, схватил там бэров больше других, — мнение инженера отдела материально-технического снабжения ВПСМО В.И. Лагодиенко.

— В мою смену из руководства объединения были Розин, Брудный, Лейдер. Все они нормальные люди. Короче, все там было нормально — в устах рабочего Н.В. Половинкина это — высокая оценка как людей, так и налаженного ими порядка.

Между тем жизнь в Чернобыле была далеко не курортной. Первая партия “Гидроспецстроя” по приезде в зону поселилась в городском клубе, где уже стояло 100-200 коек. Затем людей расселили в бывших служебных помещениях, которые стали постоянным жильем для командированных из этого объединения. Большая часть разместилась в г. Чернобыле — там, на р. Припять есть остров, на котором до аварии располагался завод — ремонтная база речного флота. Распечатали помещение клуба. Из большого зрительного зала вынесли стулья и поставили раскладушки. Еще на острове было четырехэтажное здание с душевыми и медпунктом. Там спали на раскладушках в помещении бывшей раздевалки, которая была устроена для своего времени оптимальным образом: в центре здания душ, а вокруг раздевалки. Теперь же душ работал с полной нагрузкой, а натрудившиеся за день под его аккомпанемент отдыхали. Вообще кровати ставили всюду, где это было практически возможно.

Это место между собой так и называли: Остров. Местные жители, которые теперь временно работали на острове, верили, что они вернутся жить в свой родной город и будут работать на своей родной атомной станции. На остров приезжали и представители местного судоремонтного завода. Увидели, что командированные ищут там что-то для своих механизмов (гидроспецстроевскую производственную базу в г. Припяти кто-то тоже разграбил, словно Мамай прошел: замок сбили, на складе все разорили, растащили). Судоремонтники возмутились: “Не трогайте здесь ничего. Мы вернемся, завод будет работать!..”. На острове же разместилась столовая, и кое-какая база. А штаб — неподалеку на берегу.

Другая группа жила в детском садике г. Чернобыля — в комнатах по 30-40 человек. Туда каждые 3-4 часа приезжали люди со смен. “Самое жуткое было то, что утром встаешь — видишь детские игрушки повсюду в коридоре, в туалетах, в раздевалках. Они разбросаны. Только через месяц после приезда хоть немного стали приходить в себя от основной работы и стали все это убирать в подсобные помещения” (М.Ф. Шведенко, бурильщик скважин).

В детском садике жили и женщины, в частности, Светлана Владимировна Калачева, начальник отдела кадров Днепропетровского управления: “Поразил мертвый город. Запущенные старые сады, распахнутые окна и калитки. Нас было всего две женщины: главный маркшейдер штаба Ереванского управления Нина Ивановна Гущина и я. Только мы вдвоем и жили в маленькой комнатке. Мне с утра нужно было записать, кто на какой участок направлен, какие у него инструменты, сколько часов каждый работал, сколько мужчин, сколько женщин, какие специальности. Потом в течение дня нужно съездить, самой и проверить, всем ли действительно люди обеспечены, не простаивают ли из-за недоразумений.

Многие жили в здании школы в Чернобыле, неподалеку от здания бывшего горисполкома. Точнее — в помещении бывшего спортзала. Сдвинули в сторону спортивные снаряды, поставили кровати...

Чернобыль, городок прежде очень приятный, теперь у бывалых мужчин вызывал ужас: в нем не было жителей. “На город Чернобыль я не мог смотреть без слез, врагу такого не пожелаю”, — говорит мужественный человек, ас в своем деле бетонщик В.Т. Виденеев, — “Лично я считаю, что работа в чернобыльской зоне хуже, чем в Афганистане. Душмана можно увидеть, наконец, спрятаться. А здесь опасность не видно, не чувствуется и не знаешь, откуда шибанет”. “Мне особенно запомнился запах клубники в городе. Идешь мимо, а в любом дворе ее полно. Едешь на работу — и с левой стороны кладбище, стоит крест, большой, высокий, издали видный и тоже словно покинутый. До сих пор перед глазами”, — вспоминает ведущий инженер отдела главного механика Ю.А. Бойков. Куры ходили голые около штаба на острове — питались опадающими яблоками, грушами. За курицей ходил выводок тоже голеньких цыплят. Мы наблюдали за ними: сегодня их 12, завтра суставы оказываются раздутыми, послезавтра уже трех нет. Свиньи ходили по острову бесхозные, потом через некоторое время околели, в том числе и та, которую подкармливали энэргостроители. Ее прозвали Рентген. Свинья была черно-белой породы. Бежала навстречу наладчикам, стала как бы своей. Из-под забора то здесь, то там вылезали крошечные цыплята, котята. И все это бесхозное, безнадзорное, никому не нужное”.

— Однажды вечером вышли мы покурить, подышать свежим воздухом. Взяли в руки дозиметр. И вдруг навстречу вышел огромный кабан. Мы ему сунули в щетину датчик дозиметра, в ушах затрещало, словно непрерывный гул: на щетине 70, под брюхом более 120 мр, — рассказывает В.Б. Сахаров, начальник отдела Гидроспецпроекта.

По р.Припять плавали голые, без перьев гуси. Есть их было нельзя — птицы кормились донными организмами, которые интенсивно накапливали радиацию.

Лично меня в июне поразили опустошенные глаза взрослых кошек. Обычно они сидели около своих калиток и не пытались подходить к людям, осознавая свою отрешенность. Уже знали, что никто не позовет, не погладит (шерсть накапливает радиацию).

Жутко было смотреть на безлюдные хаты г.Чернобыля. Вот приоткрыта калитка усадьбы, и в ней застрял холодильник: его, видно, хозяева хотели забрать с собой, но узнав, что ничего брать нельзя, бросили. Они открывали ворота и выпускали на все четыре стороны скотину, собак, — не пропадать же им, жалко животных. Город Припять тоже был совершенно пустой, бродили по городу кошки, собаки, козы.

Дождей не было, но кусты, деревья были такими зелеными, а листья — сочными, наполненными! Однако никто не рвал созревающую черешню или клубнику.

— На меня наиболее сильное впечатление произвели пустующие деревни, — вспоминает М.Н. Розин, — В одной из них мы всегда видели аиста в гнезде. И вдруг он пропал. На душе стало еще тягостнее... Какова же была нечаянная, даже можно сказать почти нежданная радость, когда в этом гнезде появились не только аист, но и аистята! Поняли, что жизнь — продолжается.

— У меня на всю жизнь осталась в памяти семья аистов на шесте, стоявшем на той избе в Копачах, где мы бетон перегружали. Сначала, видимо, погиб отец — недели две аистиха кричала, звала — он пропал. Это было в июле или августе, потом я видел, как она взвилась, сложила крылья, упала на землю и разбилась. Дети в гнезде несколько дней кричали и тоже околели — их крик до сих пор в моих ушах. Аисты ведь питаются мышами. А мыши были радиоактивными, — вспоминает А.М. Лейдер.

— В Чернобыле курочка вывела шестерых цыплят, сама облезлая, она их привела к нам. — Мы их кормили “на убой” несколько дней, потом, видимо, собаки съели и ее

цыплят. На следующий год я уже не видел ни той курочки, ни аистов, ни цапель. Куда делись, не знаю, — рассказывает Ф.Г. Халиулин.

— О наличии радиации говорил только вид редких прохожих, одетых в форму усиленной защиты. У нас был хороший дозиметр, которым мы проверяли радиацию в помещении и около него, в траве, в кроне деревьев. Фон в помещении был 0,1 мр/ч. На улице сильно возрастал: вблизи тропинки в траве достигал уже 25-30 мр/ч, в кроне деревьев — до 40. А когда ложились спать, ради интереса подносили счетчик то к окну, то в другие участки помещения. У окон радиация всегда была выше. Чтобы не приносить ее с улицы, мы у порога всегда переодевались в домашнее. Кроме того, раза два-три в день делали мокрую тщательную уборку, — вспоминает С.Б. Сахаров.

В “Гидроспецстрое” был ответственный за то, чтобы люди не переоблучались. Однако и сам начальник “Энерговисотспецстроя” В.М. Брудный, как и работавшие в ряде других организаций страны, до сих пор не знают свои полученные в мае и июне дозы. А вот те, кто приезжал в зону позднее, получили справки об индивидуальных дозах, правда, мало соответствующие реальности. Однажды доверительно спросили дозиметриста, зачем он и его коллега занижают индивидуальные дозы. “Понимаешь, народу не хватает в зоне, работать будет некому”. А ведь кто-то, наверное, отдал такой приказ, пусть не письменно, а устно. В одной из газет прочла о журналистском расследовании — пишут, что автора этого “гениального” распоряжения так и не нашли, хорошо законспирировался.

Мало же знали некоторые начальники свой народ! Да он бы под пули пошел ради защиты Отечества, не щадя живота своего и не сожалея ни о чем. А так — на душе у многих остался неприятный осадок: обманули, оскорбили... И население многое бы простило, если бы людям объяснили обстановку, научили, как себя вести и не обвиняли в радиофобии. Люди по-настоящему ждали только этого.

В столовые без дозиметрической проверки никого не пускали. Что было хорошо — так это питание. Его сразу организовали руководители объединения. Завтрак, обед и ужин в сумме стоили до девяти рублей, то есть немало. Но для ликвидаторов они были бесплатными, как и одежда, и жилье. — Война! Кормили обильно, вкусно и разнообразно: “Так хорошо, что я мог съесть только треть того, что получал”. Были и апельсины и яблоки, овощи, разные напитки. Работал буфет. Общепитовские бригады были из Харькова, из других городов, но подконтрольны энергостроителям. Их вызвали 25 июня на бюро горкома партии и за состояние столовой на острове объявили благодарность...

Но никто на этих харчах не поправился из-за постоянного физического и нервного напряжения.

Многие руководители объединения жили на Зеленом мысе, на даче О. Антонова. Там жил и заместитель Министра Ю.Н. Корсун — занимали летние домики бывшего детского сада. Нередко возвращались в двенадцатом часу ночи — повара дожидаются, подают поесть. Вина, водки не было. “Пьяных я вообще не видал — какой же работник после выпивки? У нас в объединении это вообще не заведено”. (А.П. Бабин, водитель).

1600 человек из объединения “Гидроспецстрой” перебывали в Чернобыле менее чем за три месяца. Только из одного подразделения “Энерговисотспецстрой” — около четырехсот.

Сам факт, что “Союзгидроспецстрой” одновременно собрал на чернобыльской площадке представителей более десяти своих управлений из разных регионов Советского Союза, было оригинальным решением, хотя и единственно верным. Еще требовались незаурядные организаторские способности даже на то, чтобы их рационально расставить, оптимально загрузить работой и поддерживать в людях дух

взаимопомощи. Не менее ценно и то, что люди помогали друг другу. Тут особенно проявилась сплоченность всего коллектива Гидроспецстроя. Любую работу выполнял тот, кому она поручена, независимо от ранга. Никто не говорил, что это — не его дело.

В помощь строителям были прикомандированы два полка воинов запаса: водители, сварщики, экскаваторщики, слесари. Позднее работали и солдаты срочной службы.

— Все работали здорово, — так охарактеризовал тот жизненный период начальник отдела специальных подземных работ объединения С.Б. Сахаров. — И не по 12 часов, а столько, сколько нужно. Проектировщики спали и работали в одном и том же здании в г.Чернобыле. Всегда бы так — во взаимодействии с проектировщиками и практиками, Другими отраслями: Минуглепромом и Средмашем, причем независимо от ранга.

Никто не становился в позу, не защищал амбиций. Просто выбирали оптимальный вариант решения. Например, более технологичными сделали радиаторы охлаждения, а конструкцию армокаркасов изменили уже в процессе подготовки проекта работ. Заменяли и первоначально предложенные проектировщиками материалы на те, что имелись в наличии, но не уступали по качеству. Все это ускорило и проектирование, и строительство.

Обстановка на станционной площадке была довольно впечатляющей. К самому развалу четвертого энергоблока подходить было практически невозможно из-за высокого радиационного фона. Однако плиту следовало соорудить именно под ним.

Никто вначале не знал, какова температура днища реактора. Лишь 22 мая, когда в бассейн-барботер проникли люди, выяснилось, что он в действительности далеко не раскален.

Но — по порядку. Донецкие и тульские шахтеры начали проводить штольню под действующим фундаментом: вручную рубали грунт, вручную выталкивали его на поверхность по рельсам в вагонетках.

Около выхода из шахты энергетики грузили вынутую породу, находясь в обитых свинцом обычных танках Т-70 и Т-72 без орудий. Но “эта зараза” радиация прошивала броню. БТРы тоже были отделаны свинцом.

Роботы не годились: сходили с ума. Спешно на Челябинском заводе изготовили 2 радиоуправляемых бульдозера. Надеялись, что они будут грунт собирать в кучи и потом грузить. Оператора посадили в кабину, тоже изолированную. Он дает команды “назад”, “вперед”, “влево”, “вправо”. А бульдозер упрямо прет только прямо! Прямо к бассейну-охладителю. Так в воду и ушел... Потом специалисты объяснили, что электронику прошила радиация, и она при этом отказала. Иностранные роботы, электронные часы, маленькие карманные радиоприемники на батарейках — все глохли.

Ждать, когда шахтеры закончат свою часть, означало надолго тянуть выполнение всей программы. Решили максимально технологически совмещать работы всех трех организаций. Это означает, что шахтеры, монтажники и строители должны находиться в узкой штольне одновременно, каждый со своим делом, то есть по пятам шахтеров — монтировать оборудование (регистры, теплоизоляцию, контрольно-измерительные приборы) и укладывать бетон.

* * *

Итак, как я уже говорила, сценарий в целом был таков: первую штольню, диаметром менее трех метров, начали от стены реакторного отделения третьего энергоблока — наиболее удаленной от развала. Затем провели ее под пространством между двумя блоками и далее под всем четвертым реакторным отделением, до противоположной его стены. И уже оттуда следовало как бы пятиться назад, а также заходя вправо и влево,

постепенно, этапами. Через каждые три метра штольни укрепляли деревянными стойками, как в глубокой шахте.

Первой рабочей бригаде энергетиков (9 человек) предстояло очень ответственное дело: на открытой территории перед третьим энергоблоком подготовить площадку под бетононасосы, их установить, смонтировать бетоноводы, словом — обеспечить всю монтажную линию для дальнейшего бетонирования подреакторной плиты. Первым делом начали сооружать укрытие, способное обезопасить людей от радиации. Рабочим обещали в помощь 20 солдат, потому что работа предстояла очень трудоемкая — ведь начинать надо было с нуля. Но солдат на первом этапе почему-то не было.

— От радиации у всех садился голос. Я даже неделю не мог позвонить домой, потому что меня бы не услышали. Примерно на третий день по приезду я сутки вообще ничего не говорил, — рассказывает Ю.А. Бойков, ведущий инженер отдела главного механика объединения.

У многих первые дни были проблемы с памятью. Это сразу заметили и учитывали.

— Да, общая картина страшная. Тяжело было работать, вообще находиться в этой зоне — дышать было трудно. — Вспоминает А.М. Лейдер, заместитель начальника управления “Энерговисотспецстрой”. — Слезы, сопли не переставали литься, сколько простыней разорвали на носовые платки! Жилищные условия были удовлетворительные: на своем острове мы спали на раскладушках, которые привезли из Москвы, как и постельные принадлежности. Уборщицы не было. Выделял постельные и другие принадлежности “Энерготехкомплект” Минэнерго СССР. Но особо гнетущее впечатление на всех производил вид станции (многие прежде здесь возводили градирни и выполняли подземные работы), г. Припяти и г. Чернобыля.

Трагедию переживали очень тяжело. Но надо спасать и города, и станцию, и свою землю, и планету — так понимали задачу все. И верили, что это — возможно.

Временную защитную стенку у торца IV корпуса, под углом к четвертому блоку сделали из бетонных блоков, просто ставя их один на другой, без цементирования. Профессиональных “асов” такая “халтура” раздражала. К тому же, им не дали кран, а всего лишь автопогрузчик. Конечно, он поднимал и устанавливал четыре яруса бетонных блоков. Но, во-первых, — не выше. Во-вторых, автопогрузчик поворачивался значительно медленнее, чем автокран на базе автомобиля МАЗ. В окрестностях четвертого блока в тот момент никаких кранов не было. А рабочие не знали, что в этом месте самым важным был фактор времени, непосредственно у стенки людей быть вообще не должно.

Радиационный фон на месте этой стенки рабочие не знали. “Мы еще там походили, постояли с полчаса, дожидаясь автопогрузчика”, — Им было невдомек, какое великое дело они совершили.

Позже эта стенка позволила энергостроителям на самом развале возвести первые семь метров внешней стены саркофага, без которой средмашевцы отказывались приступить не только к его крупномасштабному сооружению, но и к проектированию. Через годы в разговоре выяснилось, что гидроспецстроевцы считали эту стенку только своим подспорьем.

Иванковский кран появился позже, когда в 50 и 150 м от четвертого энергоблока начали строить домишки — укрытие для тех, кому предстояло работать на бетононасосах. Изнутри их обшивали свинцовым листом. Рабочие не знали и того, что их начальники защищали их интересы, как львы. Но не все получалось так, как хочется.

Ближе 50 метров от устья штольни на поверхности земли размещать бетононасосы было невозможно из-за тяжелой радиационной обстановки. Но в общей сложности бетон должен пройти расстояние более 300 метров. В Советском Союзе бетононасосы с такой дальностью не выпускались. Пришлось купить в ФРГ мощные “Путцмайстер” и

“Швинг”. Их установили в 130 метрах от котлована. От насосов по земле параллельно зданию машзала повели два бетоновода. Но прежде постелили на землю свинцовую плиту толщиной 20 мм и поверх нее — площадку из бетонных плит, установили временное укрытие — “бочку”, там и отдыхали.

Когда вели бетоновод, от рабочих потребовался максимум изобретательности. Неподалеку от насосов стояли какие-то станционные здания. Площадку вокруг них солдаты в это время очищали от грунта — дезактивировали. Получалось так, что защитное сооружение и насос перекрыли дорогу крану для прокладки трубопроводов. А они довольно тяжелые. Но делать нечего, пришлось их монтировать вручную, с помощью рабочих из других подразделений Минэнерго, бывших жителей г. Припяти. Использовали не целые трубы — слишком тяжелы, — а обрезки, но и те приходилось ломать потихоньку кантовать, чтобы установить на место. У рабочих были защитные “лепестки” и хлопчатобумажная одежда, но в майскую жару, да еще на физически тяжелой работе никто о себе не думал — сбрасывали и “лепестки”, и одежду и работали по пояс голые.

Теперь пришло время монтажа трубопроводов, которые будут работать под землей. На поверхности трубы собирали в плети и затаскивали в шахту.

Бригадиром на I этапе стал Ю.Н. Шабаев. Однако вскоре на собрании рабочие сместили Юрия Шабаева. Бригадир должен был помимо своей работы вести и всю документацию, в том числе отмечать в таблице часы фактической работы, ведь — это деньги. А главное, страдало самолюбие. По характеру он замкнут, не любит, когда спрашивают, что именно он там пишет.

Он был объективен. Но “тайны” нервировали.

Вернулся Шабаев из Чернобыля с орденом “Дружбы Народов”. “Хороший человек”, — так сегодня говорят о нем рабочие управления. По мнению многих, можно было наградить практически всех: понимали, что “мы — не в Ялте”.

Итак, произошел бунт “на корабле”, хотя и вполне спокойный. Тем не менее, выбрали Илюхина. “Швинги” и “Путцмастеры” он обслуживал восемь лет, дело знает. По характеру Илюхин строг, но точен. Главное — окончив работу, каждый рабочий имел на руках свой табель, претензий никаких. Однажды поехали рабочие на базу Днепропетровского управления в Вышгород за расчетом (теперь оно служило базой всего объединения) и просидели там два дня. Постановление Совмина предписывало оплачивать в день три часа работы в особо опасной зоне — чтобы люди там не задерживались. А они в действительности работали дольше трех часов. Главбух этого не понял и уперся: “Платить буду за три часа и все!” Но он попал на Илюхина. Тот связался с Чернобылем, непосредственно с главным инженером объединения М.Н. Розиным и сказал, что если им объективно не оплатят работы, то они вернутся в Чернобыль и отправятся в Правительственную комиссию. Розин приехал в Вышгород на следующий день. Быстро разобрались, как же платить.

Илюхин с оператором бетононасосов, своим сменщиком и правой рукой П.Рябощуком сидели над душой у бухгалтера и промеряли каждую цифру по всей бригаде. “Петя — человек не унывающий, одессит, юмор у него льется через край. Шутки вылетают просто автоматически, и повторить их я не в состоянии. Словом, одессит. И очень хороший человек. Однако это делу — не помеха”, — Илюхин.

Строители по-свойски называли громоздкую железобетонную монолитную плиту плашкой. Поскольку шахтеры выбирали породу сразу на оба сектора — справа и слева от штольни, то на первом могли работать одновременно и те, кто укладывал арматуру, и те, кто затем укладывал трубы для охлаждения и обкладывал их графитом. А шахтеры в

это время продолжали свое. И так — круглые сутки, по непрерывной цепочке шахтеры и энергостроители проходили сектор за сектором.

Выяснилось, что под четвертым блоком грунт все-таки прогревается до 50-70 °С. К этому добавим невероятную тесноту, работу сварочных аппаратов и отсутствие вентиляции. Примерно через каждые 25-30 часов повторялись пусть небольшие, но выбросы из реактора. А для работающих в шахте и около нее это означало, но в реакторе произошел очередной микровзрыв. Это действовало на нервы. Реактор стал затихать только к концу 1987 г.

Энергетики и шахтеры работали по пояс голые, чуть ли не кипели. И хотя в шахте радиация почти сходила к нулю, да и работа в обычных условиях была бы не слишком тяжелой, но жара делала ее почти невыносимой. Нечем было дышать. Люди сменялись каждые 20 минут, дольше не выдерживали. А на улице у входа — фон 3-12 р/ч.

25 мая начался основной ратный труд — бетонирование подфундаментной плиты. Составили график работ. Работавшие на насосах разбились на группы. Предполагалось, что в “первой” зоне, то есть на станционной площадке, работа продолжается 3 часа в сутки. Но “первых номеров” — главных операторов бетононасосов — поначалу оказалось только 8 человек, больше не нашли. А агрегатов два. Экипаж бетононасоса — 3-4 человека: машинист, помощник и тот, кто принимает из миксеров бетон. Сама собой получилась двойная норма работ — и официально стали работать по 6 часов, так фиксировалось и в таблице. Но на деле выходило даже не по 6, а, случалось, и по 9 часов и больше. Этого требовала фактическая технология бетонирования: она должна быть непрерывной. К тому времени бетонные заводы в зоне еще не построили

К бетону подфундаментной плиты требования предъявлялись жесткие: он должен быть жаростойким и антикоррозионным. При этом укладывать его следовало так, чтобы не было даже малейшей щели между вновь уложенным бетоном и бетоном существующего фундамента. Это усложняло процесс, так как требовало дополнительно, после уже выполненных бетонных работ вновь устанавливать трубопроводы и цементировать щели, неизбежно возникавшие после схватывания свежей бетонной смеси.

Сухую бетонную смесь делали под Киевом, в Вышгороде. Ее везли “чистыми” бетоновозами до с. Копачи, у крайнего дома, в километре от главного корпуса ЧАЭС был перегрузочный пункт, где смесь перегружали в радиоактивно загрязненные местные миксеры, добавляли туда воду согласно технологии и привозили на реактор. Бетон принимали круглые сутки. Его пластичность должна была соответствовать климатическим условиям и расстоянию до места укладки. А потом насосами качали на расстояние 300 м.

На конце бетонопровода в шахте был 6-метровый гибкий шланг. Когда кончалось бетонирование какого-то сектора, заполненный раствором шланг надо было перекидывать в следующий. Этот процесс занимал 20-25 минут. Гибкий конец был тяжел, Собирались втроем-вчетвером и под команду одного перетаскивали шланг. Чтобы из него после каждого этапа понапрасну не выливался бетон, хватали любую тряпку, которая оказывалась под рукой, и затыкали отверстие. Случалось, что это была майка, рубашка. Но об этом никто не задумывался.

Бетон приходил очень высокой марки — 400 и 500. И за минуты, что перекладывали шланг, он в трубах застывал. А иногда исходно он оказывался более густой, чем нужно. Для сооружения градирни или трубы он бы годился. Но температура в штольне в под реактором была высокой, и бетон нагревался и схватывался уже в момент, когда его начинали толкать насосом по бетоноводу. Потребовались время и опыт, чтобы рабочие научились до подачи в насос доводить раствор до нужной кондиции. Качество бетонной смеси было единственным большим местом — бетон подходил к зданию уже буквально

горячим, успев нагреться в 30-градусную летнюю жару еще по дороге. Бетоноводы и на земле забивало, если работы прекращались по любой причине.

На поверхности земли трубы можно расстыковать в одном месте и выдавить бетон на землю. А в штреке выдавить некуда. Застывал же он обычно на выходе, то есть при заполненных трубах. Значит, в штреке надо весь трубопровод разобрать, вывезти на вагонетках или вынести на руках на поверхность и затем прочистить или выбросить трубы. Это происходило так часто, что, в конце концов, пришлось взамен утраченных использовать водопроводные трубы, оказавшиеся неподалеку. В очередной раз “запыжило” трубопровод. Находившиеся тут же начальник объединения Дмитриев и начальник его управления Брудный надели рукавицы и вместе с рабочими потащили тяжеленную трубу.

— Дело ли генерала тащить пушку? — спрашиваю у рабочего Н.В. Половинкина.

— Да, их дело — отвечать за людей, организовывать работу, обеспечивать всем необходимым. Но в Чернобыле никто не считался ни с чинами, ни со званиями. Если нужно, большие начальники помогали рабочему и при этом не комплексовали. Война, одним словом. Выявилось, кто есть кто. Немногие вдруг начинали “болеть”, как говорится “косить”, чтобы в зону не идти, а остаться на острове. Большинство — наоборот, если надо, отстояв свою пахту, оставались на другую.

Оборудование для сооружения плиты (бетононасосы, трубы) принадлежало “Энерговисотспецстрою”, и работали на нем люди этого управления. Притом они были в этом деле ведущими. Поломок практически не было. Когда под плиту пошел первый бетон, и трубы “запыжило”, главный инженер М.Н. Розин не спал сутки. Очень переживал Дмитриев. К нему никто не подходил, сочувствовали.

Нет строительного материала более капризного, чем простой бетон. Он способен до времени затвердеть, а размочить нельзя — меняются свойства. Его надо укладывать постепенно, равномерно, чтобы застывал с постоянной температурой. А он способен при затвердении саморазогреться даже в мороз. Но в том-то и заключается талант бетонщика, чтобы добиться образования однородного монолита. В Чернобыле в этом монолите еще “запекали” множество металлических закладных элементов, арматуру, датчики. Для бетонирования строили опалубку. И это “железо” тоже поручили “Гидроспецстрою”. “Свои” бетонные заводы тогда еще не построили, бетон привозили аж из-под Киева, а раствор делали в нескольких километрах от ЧАЭС, в миксерах в летнюю жару. А потом насосами качали на расстояние в 300 метров.

— Из 320 метров труб половина находилась в штольне, а другая половина — на улице, — рассказывал мне в 1986 г. Н.В. Дмитриев, — Ясно, что раствор с закладными элементами должен от насоса проходить безостановочно, только в этом случае он сохраняет свои качества.

“Запыжило” — и люди бежали поправлять дело: разбирали бетоновод, извлекали пробку, снова монтировали. И это — в условиях, когда время пребывания на рабочем месте может измеряться минутами. Пробки возникали часто.

Позднее из-за халатности оператора растворного узла, не промывшего насос, раствор начал схватываться уже в насосе. Пришлось его разбирать и зубилами выбивать схватившийся бетон. После этого раствор для плиты решили из-под Киева не возить, и готовить за пределами 3-километровой зоны ЧАЭС. И все-таки пробки, пусть не в насосе, а в бетоноводах возникали часто. Тем более — когда бетон везли из Вышгорода.

— Однажды начальник управления Брудный, бетонщик Шибаев и я попали на заседание штаба Правительственной комиссии, — рассказывает рабочий Илюхин. — Входим. Говорит заместитель министра угольной промышленности Украины. Там же был наш Н.В. Дмитриев. Буквально по часам и минутам рассматривался график работ на разных участках. Наш график был расписан так, что опоздание в бетонировании на

полчаса рассматривалось бы как ЧП — необходима непрерывность работ. Проходчикам также предстояло работать в поте лица. Мы как бы действовали в одной связке — напрямую зависели друг от друга.

— Вечер. Миксеры-бетоносмесители идут потоком из Вышгорода. И мы теперь ждем их на перегрузочной площадке около железнодорожной станции Черевач, догружаем и отправляем на АЭС. Черевач находится километрах в полутора, перед прудами-охладителями. Затем миксеры должны вернуться... И вдруг — застопорили. Не возвращаются, — вспоминает К.Д. Яшин, начальник отдела снабжения “Гидроспецстроя”. — Это всех обеспокоило: значит, у наших бетонщиков на станции ЧП, скорее всего “запыжило” бетоновод на подфундаментной плите. С нами — начальник объединения Н.В. Дмитриев. Он и говорит: “Мужики, уже двенадцать ночи. Вы поезжайте, отдохайте, а я все равно отправлюсь к реактору, на бетонирование плиты: эти работы — дело чести “Гидроспецстроя”. Завтра утром на штабе Правительственной комиссии мы должны будем доложить, сколько кубометров бетона уложено”. В ту ночь вместе с рабочими он действительно свинчивал и развинчивал эти трубы и не уехал, пока не пошел бетон.

В очередной раз “запыжило”. Рисковали вылететь из графика на целый месяц. Это понимали все. И приуныли.

— Хватит, мужики. Кончай бегать, — раздался тихий, спокойный голос Г.Н. Пупова. И он медленно направился к бетоноводу. обстоятельно осмотрел, сделал, что нужно. И так же медленно вернулся. На него смотрели с восхищением и удивлением: в тех условиях такое поведение воспринималось, как нечто похожее на нахальство над стихией.

Именно в тот момент определилась оптимальная стратегия поведения бетонщиков. Они успокоились, сами решили работать на площадке дольше, только выходили туда реже. И это во многом решило исход всей операции.

Вместе со своим начальником В.М. Башмаковым приехали и другие строители из Нурекского управления (сейчас Башмаков — генеральный директор “Гидроспецстроя”); в частности, бригада Пупова — со строительства Рогунской ГЭС. Узнав о беде, всей бригадой предложили свою помощь. Опыта им не занимать: более 20 лет строили тоннели особо высокой сложности. Рогунские породы особенно рыхлы, да и расположены в зоне повышенной сейсмичности. Нужно большое умение, а порой и мужество для работы в таких условиях. Специализация этой бригады — монтаж арматуры и бетонирование оголовков и затворных частей тоннелей. Когда реально понадобились специалисты их профессии, всей бригадой их и отправили, по их же просьбе.

В Чернобыле Геннадия Николаевича ждало нечто, принципиально для него новое. Знал, конечно, какую плиту придется бетонировать; знал, что легко не будет. Но где соломку подстелить? На это никто бы не ответил. А он привык сначала все как следует рассмотреть, взвесить, распределить силы. Так поступал и прежде на Нурекской стройке, прославленной, между прочим, и благодарил лично ему, Пупову. Каждый шаг вымеряли, приступая и к следующей Байпазинской ГЭС. Ее строили “под ключ” впервые в стране, опередив на несколько месяцев плановые сроки, сэкономив десятки миллионов рублей. И сдали объект на “отлично”. В Рагуне размах побольше, чем в Нуреке и Байпазе.

В июне 1986 г. нам с Пуповым поговорить не пришлось: не до разговоров было строителям, некогда, да и не хотелось. Работа требовала максимальной сосредоточенности, большого нервного напряжения, колоссальной ответственности. Отдых тоже был серьезным делом, он восстанавливал силы, снимал напряжение. Надеялась повидать Пупова позже, в Москве, по дороге домой, да познакомилась только

с его портретом на доске почета в объединении. И тогда выяснилось, что нет в “Союзгидроспецстрое” человека, который не знал бы его самого или о его работе в Таджикистане и в Чернобыле. Поэтому позже, услышав голос Геннадия Николаевича по телефону из Рогуна, я говорила с ним уже как со старым знакомым.

— Когда было труднее всего, и вообще, страшно было? — трафаретный, даже пошлый вопрос, задала просто для того, чтобы как-то завязать разговор.

— Да чего там, не страшно, — отвечает. — Дозиметристы рядом, медкомиссия, обязательное обследование каждые 10 дней, кормили хорошо. Трудно не было.

Каков вопрос, таков и ответ. В то время на Чернобыльской АЭС о радиационном фоне постоянно помнили. Этого требовала культура поведения. Просто сосредоточенно и упорно делали свое дело, и настолько делом этим были пропитаны, что, выезжая за пределы 30-километровой зоны, должны были переступить какой-то порог в своей душе, видя гуляющих людей, их мирный покой.

С другим настроением в Чернобыле делать было нечего и через год, когда главные трудности остались позади.

А вот о доме беспокоились, вероятно, потому что сами — на войне, и, чтобы освободить их от этого волнения, В.М. Башмаков организовал ежедневные телеграммы от родных: все, мол, в порядке. Каждый день в Рогуне в управление с этим сообщением приходили родственники от каждой семьи. Это было слагаемым успеха.

— Что запомнилось вам ярче всего, Геннадий Николаевич?

— Радость. Радость от того, что построили плиту не за 30, а за 25 дней, досрочно. Так же радовались досрочному пуску Байпазинской ГЭС в Таджикистане.

А ведь срок сооружения плиты был определен хотя и ориентировочно, однако очень жестко. Говорят, самим руководителям он казался нереальным. К тому же работу выполняли впервые в мире, все разве предусмотреть?

В экстремальной ситуации побеждает не только самый смелый и талантливый, но и самый уравновешенный.

— Помнится, лет десять назад на строительстве Нурекской ГЭС в бригаде Пупова мы внедряли новую установку для механизированной укладки бетона, — вспоминает главный механик Таджикского управления Гидроспецстроя А.С. Ефимов. — Нижняя часть тоннеля — лоток — должна была понадобиться уже в процессе строительства, ей предстояло выдержать большие нагрузки водного потока. Пупов разобрался в новой машине, сразу предложил ее усовершенствовать и настроил на новую технику свою бригаду. Бригадиру внедрять новое всегда непросто — он рискует, отвечает за успех дела, да и за заработок рабочих. Но этот бригадир сумел предвидеть, что им удастся с новой техникой втрое перевыполнить план. Не удивительно, что его всегда привлекают не прямолинейные, самые простые тоннели, а узловые, развязочные участки сложной конфигурации, арки. Их нужно сначала обшить металлом, а под него уж закачивать бетон. Привыкнуть к такой работе нельзя — двух одинаковых арок не найдешь, и прежние приемы работы не используешь.

Под четвертым энергоблоком ЧАЭС строители заполняли появившуюся емкость арматурой почти одновременно с шахтерами, которые выбирали породу. Когда понадобилось скоординировать действия свои и всех смежников так, чтобы каждый занимался своим делом, не мешая другому, это поручили Пупову. Он сразу почувствовал себя в родной стихии: организация работ, оптимальная расстановка людей и машин — это как раз то дело, от которого он получает особое удовольствие, как виртуоз от наиболее трудной музыкальной программы.

Дома он привык обсуждать в бригаде задание, каждого заставляет думать, и любой из его звеньевых — А.Ф. Саехов, В.А. Рыбин, П.А. Баранов — мог бы возглавить бригаду. Но здесь на обсуждение почти не было времени. Много приходилось брать на себя.

Рассказывают, однажды в Рогуне в камере затворов первого строительного тоннеля не выдержала порода, начал медленно вываливаться солидный участок, да прямо в сторону бетонщиков, Разрешалось отступить, подождать, пока выровняют свод. А он рассчитал “за” и “против” и решил продолжать бетонирование, постепенно подбираясь под вывал, укрепляя, не давая ему упасть, Его рабочие этому не удивились. Даже новичков, влившихся в основной коллектив, он быстро настраивал работать с удовольствием, “за интерес”, а не за деньги — и люди охотно за ним идут, Ведь он сам первым берется за новое, быстро реагирует на любую несправедливость.

Однажды В.М. Башмаков, до того как стать туннельщиком — бывший шахтер — вдруг заметил, что деревянные стойки-опоры под потолком еще не забетонированной штольни стали немного сминаться. Это означает одно — проседание кровли, в данном случае штатной бетонной подреакторной фундаментной плиты. Нетрудно представить, что за этим может последовать. Ведь бетон — негибкий материал, может треснуть и... А тут еще между бетоном новой и старой плиты появился просвет, который должен был естественно появиться после затвердевания раствора. Цементаторы Л.В. Онищенко, В.И. Зотов и В.Н. Лебедев, работая по 15-20 часов и проявив чудеса героизма, сумели закачать необходимое количество раствора по контакту бетон-бетон.

В Чернобыле надо было продумать не только действия каждого рабочего, но и количество минут, а то и секунд, в которые можно эту работу выполнить без вреда для здоровья. В шахте смены продолжались по три часа, потом люди менялись. Пупов бывал в каждой смене по нескольку раз. Продлить период работоспособности исполнителя было не менее важно, чем выполнить задание. Но как этого добиться на территории ЧАЭС, где в большей или меньшей степени “светится” каждый метр поверхности?

Осознавая опасность облучения, они репетировали операции. Собиралась бригада, на стене развешивали чертеж-схему — и по ней каждому рассказывали, что именно по минутам он должен делать. Например, надо занести заранее заготовленный стержень каркаса под плиту. Вся бригада обсуждает ход операции. Стержни упаковывали в пакеты, нумеровали. Говорили: “Ты берешь стержень из пакета номер такой-то, бежишь в шахту и там устанавливаешь и завариваешь”. Отрабатывали по минутам, кто и где в штольне должен стоять. Это исключало излишнюю беготню в шахте и на сильно загрязненной поверхности земли.

В шахте под четвертым энергоблоком было очень тесно. Даже коренастому и гибкому, подвижному бригадиру Пупову нелегко было развернуться. И хотя радиационный фон с глубиной падал почти до нуля, но работать-то надо было и во входном коридоре, то есть почти у поверхности.

Можно представить обстановку: трубы в штольне находятся внизу, так сказать, на полу. Там же регистры — громоздкие, очень сложные трубчатые конструкции змеевикового типа. Они сконструированы так, что почти полностью занимают все пространство шахты. Не только изготовить, но и втащить, не повредив, в штольню такую конструкцию было делом весьма непростым. Как уже говорилось, шахтеры постепенно движутся назад по своей штольне, выбирая породу справа и слева. Рядом бетонщики со своим шлангом. Его головка изворачивается и норвит, как змея, вырваться из рук. Но этого нельзя допустить, чтобы не образовались наплывы бетона — монолит должен получиться идеальным по всей толще. А тут еще жуткая теснота и жара... И вдруг все останавливается: в трубопроводе образовался бетонный пыж. Хороши немецкие насосы. Говорят, “Путцмайстер” способен качать бетон на высоту до 300 метров. Но та летняя жара корректировала многие нормативы. Забитые бетоном трубы диаметром 100-120 мм просто неподъемны. А ведь их надо вручную вырезать, вынести и заменить новыми. Время дорого — все бросались с кувалдами.

— Да, не то что мат, туман стоял! Но это, знаете ли, помогало, — мнение бетонщика-трубоклада В.И. Илюхина. В штольне шахтеры, монтажники и бетонщики выглядели, как каторжники на картинах художника.

Однажды, когда в очередной раз забило трубу, и шахтеры дали вагонетку, чтобы ее вывезти, вдруг кто-то заорал им: “Помогайте!” — “А вы кто такой?”, — спрашивают. Ответил, что представитель из КГБ. “Вот тогда я и узнал, что эти люди среди нас”. Обратили внимание и на их петлицы — щит и меч.

Случалось, трубы забивало и на поверхности земли, тогда всю такую же муторную работу энергетики выполняли сами, притом на радиоактивно грязной территории. Бывало, работавшие на насосах вовремя замечали, что привезен плохой бетон. Говорили об этом своим “ангелам-хранителям” из КГБ. Шофер спорит, что он не виноват, вез издалека, от самого Киева, в жару... Разбирались. Иногда выяснялось, что водитель плохо осознал условия, не слишком торопился, да и попахивает от него вином и шашлычком. Качество бетона было жизненно важно: именно передержанный комьями забивался в бетоноводах.

...Отработав около двух недель, бригада Илюхина стала просить у начальства себе замену: устали. Но вместо замены им прислали не людей, а список из 58 человек, на выбор. Это были окончившие курсы. Однако в списке нужных операторов бетононасосов не было. Вообще их было мало. На бетононасосе должен работать специалист, знающий, как управлять именно таким механизмом, в данном случае “Путцмайстером”. В управлении большинство рабочих владели смежными специальностями, ни людей все-таки не хватало. Вместо необходимых 8 экипажей в сутки практически набиралось примерно 6 экипажей. В новой смене профессиональных операторов таких насосов почти не было. Все до этого работали на гидронасосах, то есть небольших, для заполнения опалубки на высотных трубах и градирнях. Но они быстро обучились, и это к их чести.

Илюхинская бригада проработала со сменщиками еще три дня, чтобы те вошли в курс дела и могли работать самостоятельно.

— Практически мы подавали бетон на такое расстояние по горизонтали впервые в нашей практике. У Метростроя были люди, обслуживающие такую технику, но их почему-то не прислали, — рассказывает один из асов бетонщиков-трубокладов Н.В. Половинкин, — Бывало, мы уехали с реактора, отдыхаем — приезжает кто-то из начальства: “Ребята, пошли снова на работу, надо!” — Пошли, что ж делать, раз надо...

Сложности возникали очень часто. Например, нельзя было оставлять в бетонной плите куски дерева — они после гниения образуют пустоты. Поэтому все крепления, вообще деревянные элементы приходилось после использования извлекать. А крепления эти нужны были до последней минуты, пока не схватится бетон. По технологии же на процесс схватывания требовалось время.

Авторский надзор решал возникавшие проблемы. Случалось, что проектировщики сами включались в работу. Особенно активны были Пархоменко и Степанов. В принятии технических решений многое сделали Ю.Ф. Потапов и А.С. Нагапетян. Он пользовался огромным уважением всех, кто его знал. Александр Сосникович умер через два года. Немало сделали также бригадиры П.А. Карчевский, С.К. Григорьев, заместители начальника Таджикского управления В.А. Зотов, Л.М. Онищенко, В.Н. Лебедев, всех не перечислишь.

Даже сооружение опалубки, в общем не такого уж сложного устройства, в данной ситуации превращалось в немалую проблему. Обычная щитовая не годилась — ведь сквозь нее надо пропускать арматуру и трубопроводы. Да и снимать ее можно только после того, как бетон выстоится, а времени нет. Решили применять неснимаемую армосеточную опалубку, которую изготавливали из арматурных стержней.

Энерговысотспецстроевцы организованно сделали большой задел по времени, это помогло им освоиться. И они сумели оторваться от графика вперед. Но это было не единственным условием успеха.

— Вы были секретарем партийной организации управления “Энерговысотспецстроя”. Сказывалось это в Чернобыле на вашей работе? — вопрос к Н.В. Половинкину.

— Я был не освобожденный секретарь, работал как все, в бригаде. Там думать об общественной работе не было времени. Мобилизационные лозунги, призывы были просто не нужны — люди сами прекрасно понимали, что и как нужно делать, и старались выполнить свою конкретную работу как можно лучше и быстрее.

Все старались как следует и быстро построить эту злополучную плиту. Да, кое-кого удерживали деньги — ведь за трехчасовую смену энергетикам платили 100 рублей (по тем временам в СССР — существенно). Средмашевцам и шахтерам почему-то значительно больше. Но главным стимулом были не деньги, а... да, да, патриотизм.

— А шахтеры двигались, как заводные, — вспоминает далее Н.В. Половинкин. — Никто не стоял без дела, все без марлевых повязок на лице — очень высокая температура. И организовано у них было все четко. Однажды вагонетка меня чуть не задавила. В штольне был уклон. Когда вагонетку выкатывали, то появлялась табличка: “Вход запрещен”. Входя, я спросил: “Давно она поехала под землю?” — “Да нет, только что”. — Я пошел под блок — вижу, что вагонетка идет прямо на меня. Я побежал. Оказывается, угольщики подшутили. Но они нам и помогали, когда забивало бетоновод.

Было очень много добровольцев из всех управлений “Гидроспецстроя”. Но даже если человек просто не отказался ехать в это пекло — тоже говорит о многом.

— Перечислить всех лучших участников просто невозможно, Все — лучшие, — считает главный инженер объединения М.Н. Рогозин. — Но я бы все-таки назвал заместителя начальника управления В.Б. Эткина среди самых первых. “Худших” было очень мало и говорить о них не хочется. Это всем противно.

Действительно, никто в 30-километровой зоне упрямо не хотел о таких говорить, тем более что их буквально единицы. Но, по-моему, стоит назвать их тоже, чтобы картина стала вполне объективной. Например, когда В.А. Брудный вернулся в Москву, за него остался главный инженер управления В.В. Журавлев. Он жил вне зоны в п.Зеленый Мыс, на площадке АЭС почему-то три дня не появлялся. Там за это время накопились производственные вопросы. Рабочие собрали свое оперативное собрание и выразили такому главному инженеру свое “фе!” На собрании был и М.Н. Розин. Он вынужден был извиниться за своего подчиненного, и Журавлев позднее услышал все, что ему полагалось услышать. Утром у столовой, опершись ногой о РАФик, Журавлев подозвал Илюхина пальчиком: “Жалуетесь!” — “Почему жаловались? Есть вопросы, вас нет, а искать мне некогда”. — “На Вас жалуются шахтеры, сдерживаете их график”. Проходчики, видно, получив какие-то предварительные “разъяснения”, подтвердили, что их задерживают. Илюхин достал свой график. Оказалось, вины энергетиков нет. Решили, что работать надо в содружестве. Инцидент быстро рассосался. Но рабочие на насосах так перестроили свою работу, что “завалили” бетоном, опередили шахтеров, и работа стала. Больше таких инцидентов не было.

В сентябре-октябре, когда обстановка улучшилась, и напряженность несколько спала, произошла некоторая фильтрация, точно отделившая тех, кто работает по зову совести.

За пределами 30-километровой зоны распространился правдивый слух о больших чернобыльских деньгах, о пяти окладах при работах непосредственно на четвертом блоке (а у средмашевцев в тех же условиях “традиционно” — еще больше, так как им оплачивали не 3 часа, как другим, а полные сутки). Правда, так платили только на особо загрязненных участках. Но, не разобравшись, в Чернобыль ринулись желающие легко заработать. Через месяц же у некоторых из них вдруг стали “болеть” тещи, жены.

Словом, появились “объективные” обстоятельства, чтобы не ехать. Из Можайского экспериментального предприятия, которое готовит оборудование для “Гидроспецстроя”, кто-то не доехал до зоны. А двое-трое вовремя не вернулись из зоны домой — приходилось объявлять всесоюзный розыск: беспокоились. Во всяком случае, я не знаю ни фактов других, ни слухов подобного рода.

И сейчас можно порой услышать: “Они деньги получали за счет горя людей”. Но так говорили те, кто не бывал в Чернобыле. И не случайно всему, что связано с ликвидацией последствий катастрофы, была дана “зеленая улица”. Даже для междугородних телефонисток слово “Чернобыль” звучало, как пароль, Москву с Чернобылем связывали без очереди.

Считалось, что людям на ЧАЭС по тем меркам неплохо платили, хотя по мировым нормам это немного. Но спросите любого, и ответ будет един: если бы ехали именно ради денег, столько не сделали бы. Люди работали на совесть, с полной самоотдачей. По возвращении практически у всех, как выразился Ю.А. Бойков, возникало ощущение, подобное наркотику — тянуло снова и снова в зону. Почему? Он не ответил. Но, подтверждаю: то было всеобщее чувство солидарности и осознание своей полезности. Там была настоящая работа. И не удивительно, что несмотря на весь ужас Чернобыля А.М. Лейдер сказал: “Отрицательного было вот столько (показал на кончике пальца). А остальное хорошо”.

— Когда я показываю фотографию, которую там сделал на пропуск, люди удивляются — ты с сильного перепоя или из Освенцима? Очень усталый вид, — вспоминает Ю.А. Бойков. Мы с товарищем делили смену. Нас было два механика: в сутки получалось по 12 часов. Полагалось, кажется, часа по 3-4, но механиков в нашем управлении было меньше, чем рабочих. На любом участке на 4-5 прорабов полагается один механик. Механик-администратор отвечает за работу механизмов; и если что-то вышло из строя, надо быстро заменить. Иными словами, когда идет бетон, механик должен при этом присутствовать. А бетон должен идти круглосуточно. Электриков тоже было всего два. Словом, “курорт”...

* * *

...Вот мы говорим: Радиация, надо опасаться. А тогда не только вне Чернобыля, но и в 30-километровой зоне немногие знали, что это такое. Кое-кто поначалу считал, что радиацией начальство просто пугает, чтобы были осторожнее. У выполнявших особо опасные работы из-за коротких смен свободного времени были больше, чем у остальных. Они “экспериментировали”: например, в усадьбах созрела клубника. Можно ли ее есть? Набрали той клубники — “звенит”, и сильно. Помыли — почти чистая. Разрезали ягоду пополам — в ней прежний уровень радиоактивности. Еще помыли — снова нет радиации. Разрезали на четвертинки — первоначальный уровень.

Еще гидроспецстроевцы ловили рыбу. Ведь чем-то после работы надо заняться, если смена короткая. Катались на лодках. А вот в рыбе-то никакой радиоактивности не оказалось. “Жарили, засаливали — не потому, что голодны, а по обычной мужицкой привычке к рыбалке и природе”, — это из воспоминаний начальника отдела Днепровского управления В.И. Милованова, он отвечал за материальное обеспечение всех работ объединения при сооружении плиты.

— Работать было не страшно, — рассказывал рабочий Н.В. Половинкин. — Людям говорили об опасности, о вредности работы в условиях радиоактивности. Но и я и другие понимали, что, раз нас туда послали, надо делать дело. Только сейчас, по материалам прессы, по рассказам специалистов мы стали осознавать, какова была действительная опасность. А тогда мы просто выполняли свою работу. Не дай Бог

произойти чему-нибудь подобному снова, поработавших там, наверное, второй раз и не послали бы. Но если бы я точно знал состояние своего здоровья без угаек доз и пр., тогда бы я задумался... И, вероятно, поехал бы снова. А так, не зная о своем здоровье практически ничего — нет, не поехал бы.

И сегодня немногие знают свои индивидуальные дозы, и не только рабочие. Медиков чернобыльцы также мало интересовали. Только лет через 6-7 после аварии большинству ликвидаторов, во всяком случае, москвичам стали настоятельно предлагать серьезные медицинские обследования, если надо — лечение. И на том спасибо.

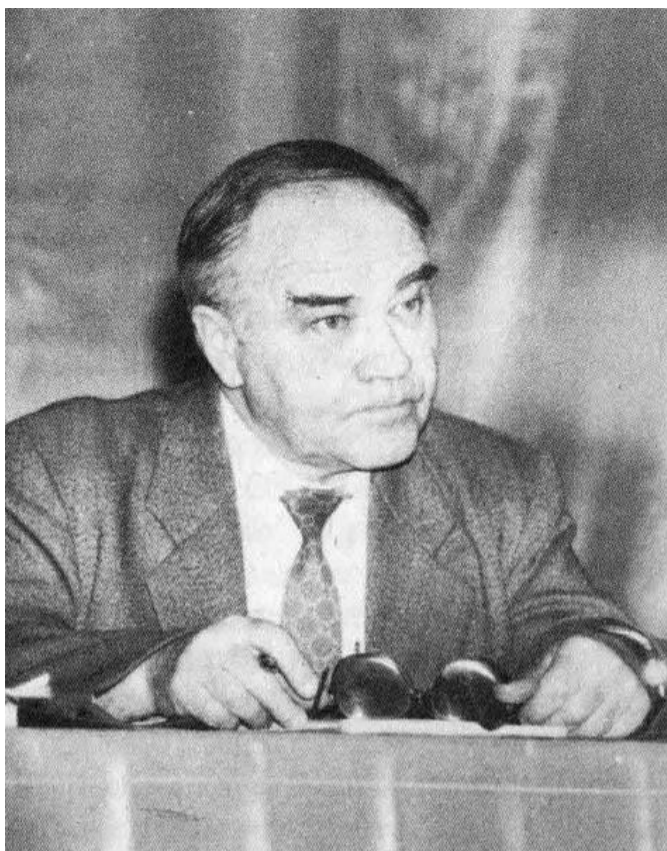
СТЕНА В ГРУНТЕ

Это было одно из наиболее сложных сооружений в комплексе защитных мер. Оно называлось “водонепроницаемая завеса”, или “стена-локализатор”.

Через три недели после аварии стало очевидно, что реактор в грунт не провалится. Однако подземные воды все-таки неизбежно загрязнятся радионуклидами с поверхности земли, которые постепенно просачиваются в грунт. Фильтрация идет также из загрязненного пруда-охладителя, из поврежденных при аварии реакторных систем. Необходимы срочные меры.

— Вызвал нас первый замминистра Минэнерго СССТ С.И. Садовский: “Идите к шахтерам на четвертый блок, у них какая-то течь, просят выполнить водопонижение”, — вспоминает прораб Днепровского управления “Гидроспецстроя” А.Б. Соболевский. — Мы пошли искать Министра угольной промышленности Щадова, который в это время, говорят, находился в Чернобыле. Но не нашли. Отправились к специалистам Гидропроекта, там ответили: “Чья вода, не знаем, может, грунтовая, а может — нет. Ждите команды”. Действительно, кабельные каналы четвертого энергоблока затопило при тушении пожара, насосы инженерных сетей водопонижения не работали, а грунтовые воды высоки. Но самое интересное было потом. Замминистра С.И. Садовский вызвал Н.В. Дмитриева, и тут началось такое... Мы получили задание выполнить за короткий срок 12 км “стены в грунте”...

Невысоко над правым берегом р. Припять разместилась площадка АЭС. С севера она лишь на 1-2 км отстоит от поймы реки,

Предстояло уберечь от загрязненных грунтовых вод р.Припять, а также воспрепятствовать их перетоку на территории площадки АЭС из верхнего четвертичного горизонта в более низкий, бучакско-каневский. А для этого выстроить стену на пути грунтовых вод. Предусматривалось, что загрязненные грунтовые воды на территории АЭС будут удерживаться временно, а затем удаляться и очищаться. Но это — лишь общее решение.

У идеи “стены наоборот”, то есть вглубь земли, были противники. Они сомневались: да, стена предотвращает сток грунтовых вод в р.Припять, но создает подпор этих вод на территории станции. А потому подземные воды могут излиться над поверхностью заграждения.

— Сооружение стенок в грунте вообще традиционно при строительстве атомных станций во многих странах мира. Если б у

нас их строили одновременно с ЧАЭС, в конечном итоге обошлось бы дешевле, — мнение члена-корреспондента АН Украины Э.М. Соболевича. Но в действительности не во всех случаях такая стена необходима.

Поиск решений о судьбе подземных вод в районе ЧАЭС в институте Гидропроект начался после первых же сообщений об аварии. Были привлечены специалисты

Союзгидроспецстроя, его института Гидроспецпроект, Минводхоза, ВСЕГИНГЕО, Института геохимии АН СССР, Киевского университета, Госкомгидромета и др. Специалисты и ученые предлагали свои решения, которые затем обсуждались в Минэнерго СССР, Совете Министров СССР, Политбюро ЦК КПСС и в Правительственной комиссии по ликвидации последствий аварии на ЧАЭС. Но независимо от их решений украинские власти и партийные руководители настаивали на сооружении этой “защитной” стены. Затем Гидроспецпроект разработал проектную документацию по подземным защитам на площадке АЭС, г. Припять и прилегающей территории, а Союзгидроводхоз — по пруду-охладителю. По ходу дела вносили коррективы.

— Исходные данные о площадке и гидрогеологических условиях выдавал институт Гидропроект им. Жука и ПГО “Севургеология”; строительные расчеты выполнил Гидроспецпроект, с учетом результатов математического моделирования, проведенного в институте ВСЕГИНГЕО, — вспоминает заместитель главного инженера Гидроспецпроекта Л.И. Малышев, — С нами работали киевские гидрогеологи и другие специалисты. Предложений было несколько, каждое рассматривало Правительственная комиссия. Поначалу стену в грунте решили построить вокруг ЧАЭС. Этот план предусматривал 30 км такой завесы на глубину до 35 м, то есть до водоупорного слоя. В этот период в нашей стране были недостаточно соответствующего строительного оборудования. Однако это препятствие не считалось нерешаемым: надо, значит купим. Если в “резервуаре” скопится слишком много жидкости, ее откачают по скважинам и отправят в очистные сооружения. Другой вопрос, целесообразно ли создавать почти замкнутый резервуар?

Ученые АН УССР предлагали строить еще одну стену в грунте, по контуру пруда-охладителя, вода в котором была также загрязнена радионуклидами. Однако специалисты Гидроспецпроекта доказали: 20 км стены достаточно, чтобы оградить АЭС от прудов-охладителей. Затем было принято предложение института Гидропроект о сооружении около пруда дренажной системы, что и сделали строители Минводхоза.

Слово геологам. Наиболее поздние четвертичные отложения там простираются до глубины 100 м. Они сложены песками, суглинками, глинами и даже местами заторфованы. Фильтрационные потоки от главного корпуса направляются на юго-восток, к системе водопонижения на площадке третьей очереди станции, а так же на север, к р. Припять. Притом естественные уклоны ничтожно малы, всего 0,001-0,009 м. По расчетам распределение радиационных загрязнений по глубине фильтрационного потока, скорее всего, окажется незначительным, поскольку по плотности инфильтрационная вода существенно должна отличаться от грунтовой, а диффузия там малоинтенсивна. К тому же пески и суглинки должны в некоторой степени адсорбировать в себя радионуклиды из воды. Во всяком случае, радиоактивные загрязнения не должны проникать глубоко.

И ученые оказались правы: несколько проб грунтовых вод четвертичного горизонта на площадке АЭС в июне-июле 1986 г. оказались радиоактивно чистыми.

Институт Гидроспецпроект промоделировал 31 вариант различных комбинаций природного режима свободной фильтрации грунтовых вод, регулируемой защитными сооружениями: со сплошной противофильтрационной стеной в грунте, с прерываемой, с дренажами. В конце концов, фильтрационную обстановку на площадке АЭС к моменту аварии определили как спокойную и не имеющую тенденций к быстрому распространению загрязнения в грунтовых водах. Зона аварии на площадке АЭС простирается на глубину 6 м, притом фильтрация вод идет со скоростью 0,1-0,6 м/сут, хотя по краям площадки АЭС потоки несколько ускоряются. Подсчитали, что грунтовые воды от очага наибольшего загрязнения на поверхности площадки АЭС до

реки будут идти около 12 лет, а до системы водопонижения III очереди станции (пятый-шестой энергоблоки) — около 2 лет.

Однако построенная до аварии система водопонижения III очереди должна работать, иначе уровень грунтовых вод на площадке повысится сам собой, а градиенты и скорости фильтрации в сторону реки возрастут.

Местные геологические условия технически стену в грунте построить, безусловно, позволяют. Известен опыт отечественный и зарубежный — выкапывают траншеи различной конфигурации, заполняют глинистыми растворами (суспензиями), чаще всего на основе бентонитовых глин. Когда траншея готова, раствор вытесняют, то есть заменяют бетоном, сборными элементами, глиной или смесями глины с цементом. Но можно оставить и бентонит или глину. Таким образом, в фундаменте формируют несущие конструкции или противофильтрационные завесы, строят фундаменты, тоннели мелкого заложения, колодцы и другие подземные сооружения. Например, способ “стена в грунте” широко применяют при строительстве станций и тоннелей метрополитена неглубокого заложения и других сложных сооружений. Используют отечественное и импортное оборудование, все — циклического действия. Имеют его и многие подразделения “Гидроспецстроя”.

При дальнейших расчетах выяснилось, что если подземную стену сооружать не на всю длину вокруг всей территории станции, включая и еще недостроенные сооружения III очереди, а лишь по внешнему контуру собственно площадки АЭС с ее четырьмя энергоблоками, то ее длина сократится вшестеро. На том поначалу и остановились. В дальнейшем же пришли к выводу, что достаточно проложить стену на длину 2,5 км, не замыкая ее в окружность. Время подтвердило правильность последних расчетов.

На участках пересечения стены с отводящим и подводящим каналами решили оставить окна, а в порядке компенсации потерь грунтовых вод — пробурить несколько лишних дренажных скважин. Составили и “Регламент эксплуатации системы перехвата загрязненных подземных вод на промплощадке АЭС”, который затем был выдан дирекции ЧАЭС. Стена отделит пруд-охладитель и промплощадку от станции, и этого будет достаточно.

До какой глубины строить стену? Ясно, что она должна нижней частью упираться в водонепроницаемый слой. Чтобы уточнить его уровень, через каждые 50 метров по оси трассы начали бурить разведочные скважины. Но в дальнейшем от них отказались, поскольку состав пород становился виден по мере рытья строительной траншеи.

Итак, стена в грунте, по проекту, углублена на 29-32 м, то есть на один метр ниже уровня относительного водоупора — киевских мергелистых глин. Ширина — 0,6 м. Заполнять стену решили комовой глиной. Ее брали в Чистогаловском месторождении, имевшем ледниковое, моренное происхождение. Но предварительно проверили качество глины на опытном участке.

— Кому поручить строительство? 29 или 30 мая замминистра Минэнерго СССР Корсун, начальник “Гидроспецстроя” Дмитриев, главный инженер его Днепропетровского управления Запорожец и конструктор отечественной машины СВД-500 Шеймблом предстали перед тогдашним председателем Правительственной комиссии. Корсун рассказал о строительной фирме “Гидроспецстрой”, ее популярности и о намерении 15 июня запустить первую землеройную машину, которая в то время по частям прибывала из Казахстана, от места ее последнего применения.

На это Воронин ответил, что его не интересует, какие фирмы будут работать. “Вы — Минэнерго — произвели первый в стране атомный взрыв. Поэтому какими средствами вы будете ликвидировать последствия — ваше дело”. В то время вина Минэнерго еще провозглашалась как единственно вероятная, и реакция Воронина была бы понятной, если бы не маленькая деталь: Л.М. Воронин в течение нескольких последних лет

возглавлял в Минэнерго Главниипроект, хотя не имел прямого отношения к атомной тематике, то есть на этом совещании собрались коллеги из одной отрасли, а не просто глава Правительственной комиссии с подчиненными.

Обсудили подготовленный в Минэнерго график начала работ, о котором прежде уже было рассказано на Правительственной комиссии. Учили радиационную обстановку.

— С творческих позиций организация огромной работы по сооружению стены в грунте была наиболее интересной, — мнение Главного инженера “Гидроспецстрой” М.Н. Розина. — Раньше в таких масштабах и в таком темпе подобные работы мы не выполняли. В Чернобыль были привлечены практически все наши управления: Энерговвысотспецстрой, Волгодонское, Волжское, Камское, Днепровское, Закавказское, Узбекское, Таджикское и Московское. Другие спецуправления должны были направить квалифицированных специалистов. Каждое имело свой фронт работ, отвечало за его качество. Нам в помощь были прикомандированы два военных полка.

Всего было занято 1400 человек, из них 600 были специалистами основных профессий из “Гидроспецстрой”. Работали круглосуточно, в 4 смены по 6 часов каждая. Руководил работами оперативный штаб объединения во главе с его начальником Н.В. Дмитриевым. Располагался он тогда в здании бывшего профтехучилища в г. Чернобыле.

Передо мной текст приказа Н.В. Дмитриева от 2 июня 1986 г.: “С целью безусловного выполнения специальных ремонтных работ, порученных ВО “Гидроспецстрой” на Чернобыльской АЭС приказываю: поручить МСУ “Энерговвысотспецстрой” (Брудный) выполнение обязанностей генеральной субподрядной организации. Организовать в его составе оперативный отдел с местоположением в г. Чернобыле. Руководство оперативным отделом возложить на зам. начальника “Энерговвысотспецстрой” с постоянным его пребыванием в г. Чернобыле... Начальникам спецуправлений командировать в его распоряжение наиболее квалифицированных ИТР и служащих для комплектования служб оперативного отдела... по графику согласно приложения... (за детальное распределение обязанностей в соответствии с производственным профилем каждого управления)... Командировать бригады наиболее квалифицированных рабочих во главе с бригадирами, мастерами и начальниками участков... по графику... Поручить Днепровскому СУ приемку, хранение, погрузку и отправку всех грузов, тяжеловесов — установок С-50 и С-90 “Касагранде”. Можайскому учебному комбинату в срок до 5 июня с.г. организовать в г. Чернобыле филиал учебного комбината. Директору института “Гидроспецпроект” в срок до 5 июня с.г. организовать Чернобыльский отдел рабочего проектирования.

В объединениях в шутку и одобрительно это называли системой тотальной командировки. Здесь и прежде успешно практиковалась мобилизация сразу многих подразделений из разных точек страны для выполнения работ на крупных гидротехнических объектах. Каждому выделяют участок по его профилю. В итоге работа выполняется в несколько раз быстрее, чем если бы ее последовательно делали управления одно за другим. Как и при сооружении подфундаментной плиты, базовым стало Днепровское управление, расположенное в г. Вышгороде под Киевом.

— Смеялись редко, не могу припомнить, — рассказывал мне Н.Г. Селиванов. — Большинству особенно запомнилось в этот период братство. На этой площадке мы чувствовали себя единой семьей, одной большой бригадой. Люди незнакомые, практически чужие, понимали друг друга с полуслова, и там не было чужих. Главное — ты гидроспецстроевец. Никто не спрашивал, из какого ты региона, из какого управления. Другие вспоминают, как однажды в мае-июне 86-го они увидели в зоне неизвестных им гражданских крановщиков и водителей из Смоленска. Ходят

неприкаянные, не знают, что им делать. Гидроспецстроевцы позвали их к себе, накормили, поселили, дали работу — ребята были очень довольны: дело появилось.

Самым сложным делом была организация труда и быта почти полутора тысяч человек. Среди прибывавших из многих регионов страны были горняки, проходчики, цементаторы и т.д. Требовалось немедленно отобрать из них тех, кто способен наиболее четко представить себе работу и быстро ее выполнить, а также рационально распределить объемы работ между подразделениями. Гидроспецстрой” прежде в основном выполнял горные тоннельные работы для гидроэнергетики, в его составе были специалисты по свайным цементационным противofильтрационным работам. Но прежде именно специалистов такого профиля не было необходимости собирать сразу всех в одном месте.

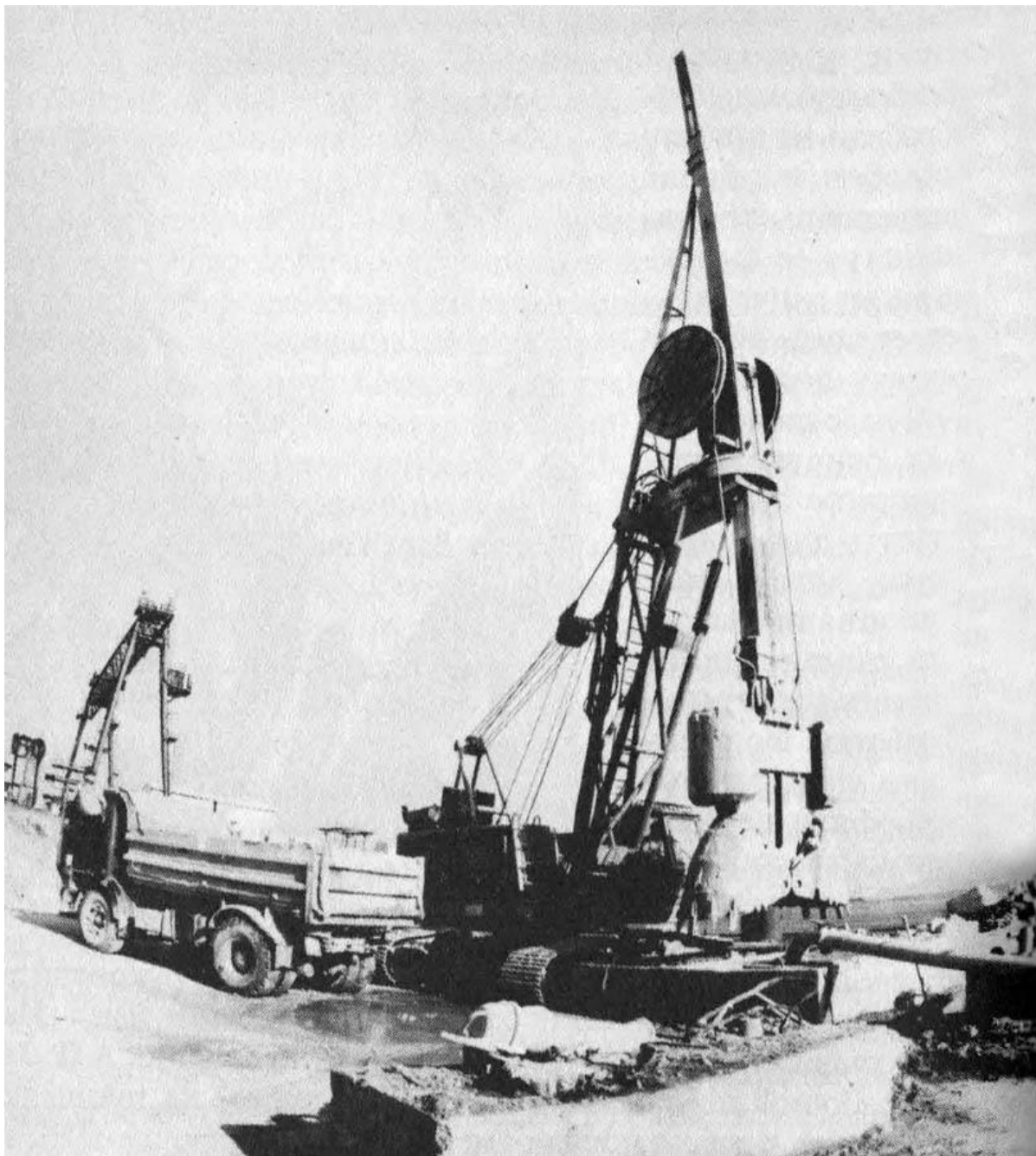
Все работы выполняли по временному графику, связанному с конкретной радиационной обстановкой. Однако к руководителям этот нормирующий график отношения как бы не имел. Например, у главного инженера Днепроvского управления А.Л. Запорожца рабочий день

начинался в 5.30 выездом на площадку посмотреть, что сделала ночная смена. Штаб “Гидроспецстроя” начинал работу в 7.00. После совещания Запорожец опять выезжал на площадку, решал все трудные вопросы вплоть до снабжения людей водой и транспортом. После обеда — работа с Гидроспецпроектом, наладчиками, механиками. После 18.00 — снова на площадку, затем в Чернобыль, на заседание штаба, которое начиналось в 19.00: обсуждали сделанное. С 21.00 до 24.00 — снова на площадке. Отбой — в 1.30-2.00. Так — каждый день, без выходных. Большинство, в том числе руководители, жили на острове, на р. Припять. Многие — в п. Зеленый мыс за пределами 30-километровой зоны. На острове были горячие вода, душ. Главное же — экономилось время для сна за счет дороги. Рядом жили и многие рабочие — их можно было в любой момент поднять, если нужно. Они обычно завтракали в 7.00, в 8.00 были на стройплощадке.

— То была непривычная, не похожая на наши будни жизнь. И люди там становились иными, и взаимоотношения, — впечатление рядового инженера объединения В.И. Лагодиенко. — Начальники высоких рангов, с которыми в Москве мне не пришлось бы сказать и слова, там были на равных со всеми, в том числе, например, начальник железной дороги, представители Госснаба Украины и СССР. И даже наш Дмитриев, строгий и требовательный мужик, которого боятся во всех управлениях “Гидроспецстроя”, в Чернобыле вел себя подобно старшему брату и оказался душевным и очень порядочным человеком.

— Когда я служил в армии, командир у нас был строгий, — продолжал Лагодиенко, — но за каждого солдата он готов был отдать душу. Мне повезло — и здесь на гражданке начальник оказался такой же. Вспоминаю, что и на строительстве Асуанской ГЭС, когда нашего Дмитриева видели арабы (среди них были и лодыри), то они сами вскакивали и

начинали создавать рабочую обстановку: что-то резали, стучали, словом что-то делали. Николай Владимирович сам любил работать и другим спуску не давал. Вообще в решении всех существенных вопросов “Гидроспецстроя” наиболее весомое слово не по форме, а по сути принадлежало начальнику Н.В. Дмитриеву. Теперь, через годы со всеми, кто там работал, мы встречаемся, как братья. И ни разу я не видел, чтобы кто-то выразил недовольствие по любому поводу.

Работа грейфером

“Я был потрясен отношениями доверительности и заботы друг о друге”, (М.П. Дружинин, главный механик объединения). “Вообще в нашем штабе ЧП не было”, (А.П. Бабин, водитель). “В каких переделках мы ни были, как ни было тяжело, но так тяжело, как сейчас, не бывало”, — признался Н.В. Дмитриев одному из коллег летом 86-го.

Дважды в день машины с гидроспецстроевцами выезжали из 10-и километровой зоны — на обед и по окончании рабочего дня. Руководителям случалось и чаще. Миновать ПУСО (пункт санитарной обработки машин) они не могли, и сами знали, что машины их довольно-таки грязны. Но времени на задержки и мытье машин не было.

Главный технолог объединения на строительстве стены в грунте А.М. Мариничев (позднее - директор института Гидроспецпроект), другие руководители стройки, а также солдаты на ПУСО — все одинаково потные, пыльные и в машинном масле — они хорошо понимали друг друга. Солдаты изнывали от жары, а питья, видно, не хватало. Никакую другую воду кроме бутылочной пить было нельзя. Солдаты прибором проверяли машины, возвращавшиеся из 10-километровой зоны. На мариничевской машине было написано “Техническая”, а на машине М.Н. Дружинина (теперь главный технолог объединения) — “Касагранде”.

— Моя машина была настолько радиоактивной, что ее полагалось бы просто отправить в могильник. Но она для нас была, как живая рука — на ней возили запчасти, моторы для замены изношенных, — рассказывал мне Мариничев, — Я передавал в окно 2-3 бутылки воды и говорил: “Ребята, некогда, через час-два вернусь, вы меня увидите”, или: “У меня импортное оборудование, не могу задерживаться”. Солдатики — молоденькие ребята — издали видели, что идет наша “Техническая” машина и особенно не придирались. А мы в течение дня мимо них пролетали по нескольку раз. Если бы нашу машину строго проверяли, то по сути, в течение дня нам пришлось бы по нескольку раз менять машины — в таком грязном месте мы работали. А я бы оказался без оперативного транспорта.

Когда строители “Гидроспецстроя” все-таки решили свою машину проверить у дозиметристов, солдаты пришли в ужас. Машину пришлось бросить там же, около ПУСО, и она была здесь но единственной.

В зоне было так много техники и людей, что, случалось, трудно было проехать. Площадка перед с.Копачи была просто забита машинами. Но дорога в Чернобыль днем всегда была свободной. Правда, однажды ночью кто-то свалил поперек дороги сосну, и машина чуть не взлетела на воздух, мчась на большой скорости. В чем причина, разобраться было некогда, да и не с кем. Но это был все-таки единичный случай.

— Мне кажется, что усталость сама по себе могла привести к катастрофическим последствиям, — рассказывает М.П. Дружинин. — Был случай: я сидел рядом с шофером УАЗ-452 — цельнометаллическая машина типа санитарной. Мы ехали по своей стороне дороги. Навстречу с большой скоростью огромный КРАЗ-топливозаправщик вез 14 тонн топлива, да сам весил тонн 10. Вдруг он ни с того ни с сего стал делать левый поворот, нам наперерез. Мы себя почувствовали букашкой на его фоне. Когда наш водитель это увидел, тоже стал уходить влево. А я вижу, что водитель КРАЗа вместо того, чтобы притормозить, жмет по-прежнему нам наперерез. Он чиркнул по нашей дверце, почти сорвал. Скорее всего, он просто от усталости не понимал, что делает. На ладонь поближе — и от нас бы ничего не осталось.

Дружинин жил в 20 метрах от Московского монтажного участка “Гидроспецстроя” в г.Чернобыле, в здании детсада. Его могли поднять и среди ночи, поэтому удобнее было жить рядом. Утром с бригадой монтажников он выезжал на ЧАЭС, где гидроспецстроевский участок последовательно обслуживал установки для сооружения стены в грунте — СВД-500 и “Касагранде”.

Эта бригада прежде специализировалась в наладке сложного роющего оборудования в разных районах страны. Есть в ней электрики, механики, гидравлики и другие специалисты. На каждый день была программа-задание, на какой установке и какие выполнять работы. Задания могли быть и неожиданными (поломки)— тогда выезжали и ночью. Но были и профилактические, задуманные заранее. “Ребята были неплохие, безотказные и умелые. И я, как правило, выезжал с ними. Наша задача — чтобы машины минимально простаивали, работали непрерывно. Так — каждый день” (Дружинин).

Всякое бывало. Не раз у водителей, можно сказать, силой отбирали детали машин, которые сильно “светили” — они снимали их на запчасти с тех, что предназначены в могильники. “Зачем взял, разве не понимаешь?” — “Так я же водитель, отличные запчасти!”

Рассказывает прораб Днепровского управления “Гидроспецмонтаж” М.П. Черных: “В Чернобыле мне запомнился водитель то ли из Камского, то ли из Волжского управления. Возраст — лет за 50. Дома он работал на стареньком МАЗе. А здесь получил новенькую машину. Загрузил ее свинцом и повез прямо к развалу четвертого блока. Сделал две ездки, машину замерили — и ей вынесли приговор: в могильник! Водитель этот даже заплакал... “Как же так? Новенькая машина!” Ему потом дали другой МАЗ, он на нем работал несколько месяцев и передал сменщику в очень хорошем состоянии — берег от радиации, хотя работал безотказно и притом ежедневно. Очень берегла и хорошо сохранила свою машину и женщина-водитель, не помню уж ее фамилии. Она работала наравне с мужчинами, и тоже постоянно и безотказно. Большинство же свои машины не берегли: “Все равно в могильник”.

Было так жарко, что многие ходили в хлопчатобумажном солдатском нижнем белье, благо рубаха с рукавами и поэтому, якобы защищает от радиации. Должно быть, действительно защищает. Один из начальников управления строительства ЧАЭС Гора в такой нижней рубахе даже проводил производственные совещания. Я видела в таких рубахах видных ученых. Все это воспринимали с пониманием. В столовой я видела даже новоявленных молоденьких чернобыльских модниц, которые из выданных в качестве нижнего белья белых солдатских кальсон соорудили нечто вроде пижонских брючек.

Штаб объединения, как и все другие подразделения Минэнерго, помимо основных обязанностей должен был заботиться и о благоустройстве быта своих людей. Например, рабочие, отработав 4 часа в грязной зоне, должны отдохнуть. Ответственные за снабжение передали в объединение (в Москву) команду: закупить пять телевизоров за безналичный расчет в обычном магазине. Организация не могла до аварии покупать телевизоры и т.п. без многочисленных соответствующих разрешающих бумаг. Теперь же — никаких проблем, если не считать гигантской проблемой сам Чернобыль. Но в тех условиях такая, действительно, мелочь, как возможность посмотреть телевизор, помогала снять стресс, накопившийся за смену.

— Когда в Чернобыле открылся военторг, я попал на открытие, — рассказывает рабочий В.И. Илюхин, тот, что строил и подфундаментную плиту. — Я там купил столько книг! В Москве в те времена не купил бы — дефицит. Особенно много было военных мемуаров. Купил книгу о Суворове и его учении, художественную литературу, много продовольственных деликатесов. День был прекрасный. В кинозал на фильм “Черный Мерседес” приезжали актеры. Зал был забит так, что многие стояли — ведь кроме работы развлечений не было никаких.

Случалось, обыденное здесь приобретало особую ценность. Например, Илюхин жене смог позвонить только через 2 дня по приезде в зону. Семья не знала, что он в Чернобыле, так как был в командировке на Хмельницкой АЭС. “Позвонил я довольно оригинально: перед въездом на Остров, как и на многих других участках 30-километровой зоны, был военный пост, и при нем телефон. Чем черт не шутит, нельзя ли по этому телефону позвонить домой? Познакомился с дежурным сержантом, поговорили о том, о сем, между прочим спросил, можно ли по этому телефону говорить с другими городами, например, с Москвой. Говорит — можно! Позднее мы узнали, что сержанты на КПП это разрешали в обмен на продовольственные талоны. Их, конечно, кормили, но хуже, чем нас. Контроль за талонами был не слишком строг.

Набрал я нужный код междугородней связи и попал прямо домой! А к тому времени и у меня, и у других голос “сел”. Не говорил — шептал! Жена спрашивает, откуда

звоню,— “Из Чернобыля” — “Как, когда?” — “С 21 числа”. На этом разговор, можно сказать, закончился, потому что слезы жены “затопили” весь телефонный канал. Так наши жены и узнали, где мы находимся, хотя моя работает со мной в Москве в одном управлении. Может, и хорошо, что они этого сразу не знали.

В Москве, уже 28 апреля, я сама слышала легенды о том, что к Чернобылю ближе, чем на 70 километров, невозможно приблизиться — радиация. В действительности там военизированный пост проверял пропуска. Возможно, намеренно все связанное с Чернобылем освобождалось от внешних наслоений. Это защищало любопытных от случайного облучения, а работы в зоне — от помех, что само по себе не лишено целесообразности. Можно, и это справедливо, ругать наше социалистическое излишне централизованное хозяйство. Но в постчернобыльской ситуации такой стиль был благом.

Трудно вообразить, какое другое, не централизованное государство смогло бы справиться с чернобыльским кошмаром, даже при условии беспримерного патриотизма и самоотверженности наших людей. И, тем не менее, хозяйство наше в мирных условиях забюрократилось и обросло паразитами до такой степени, что любой текущий вопрос вырастал в трудноразрешимую проблему. Чернобыль же требовал только дела, только труда, творчества и полной самоотдачи. Бюрократические проволочки потеряли смысл, их вред стал очевиден — их и отбросило само правительство за ненужность. Но для этого “понадобилось” чрезвычайное положение.

Тому наглядный пример — история с Ф.Г. Халиулиным. Несмотря на его многочисленные просьбы отправить в Чернобыль райком партии г.Вышгорода, где он жил и работал начальником передвижной мехколонны Сельстроя, неизменно отказывал: “Нужен в сельском хозяйстве”. А Фарид Гайфурович — энергостроитель, в качестве главного инженера завода железобетонных изделий строил Красноярскую ГЭС с легендарным начальником Бочкиным, потом — Нурекскую, Байпазинскую, Рогунскую. Поэтому он, конечно, лично знал и Дмитриева, рассказал ему о своих спорах с райкомом. На следующий день Николай Дмитриевич приехал в Вышгород и решил вопрос: Халиулин должен находиться в штабе “Гидроспецстроя” и координировать работу с УС ЧАЭС, Средмашем, республиканскими транспортниками, Госснабом Украины. Занимался он, в основном, материально-техническим обеспечением работ, которые ко времени его приезда уже были в полном разгаре. Но наступило время освободить предшественников, порядочно уставших и набравших свои дозы облучения: В.Н. Милованова, Н.И. Рогатого из Днепропетровского управления и др.

И снова восхищала система снабжения. Казалось, только что составил проект, обчислил его, составил заявку на материалы, побежал с ней в группу снабжения штаба, доказал ее необходимость, а через сутки все нужное уже на площадке: “Это казалось как бы нереальным, многие вопросы решались просто по телефону. Главное же — доверие между людьми и общее желание работать”, — вспоминает Халиулин.

“Если бы так строили все объекты, мы бы такое настроили, что весь мир бы восхищался!” (инженер В.И. Лагодиенко).

Оперативная группа снабженцев Украины в Чернобыле же рассматривала заявки, которые собою представляли часто просто перечни потребного, и направляла по адресам поставщиков. К каждому чернобыльскому участку были прикреплены их люди, которые быстро осваивались с потребностями своих клиентов. Это позволяло даже такие дефицитные материалы как бентонит, бетонная смесь и прочее получать буквально с колес. То и дело у снабженцев на участках раздавались телефонные звонки: “Забирайте!” — и они ехали на местную железнодорожную станцию и выгружали свой заказ, посылали цементовозы.

— Однажды, при проверке главного электродвигателя землеройной установки выяснилось, что он непригоден, — вспоминает А.М. Троян. — Получив задание поставить новый двигатель в течение суток, Главснаб действительно поставил его в течение одних суток! Нужно отдать должное находчивости и наших рабочих. Приступая к монтажу, мы не имели никаких кранов, а без них при погрузке делать нечего. Посоветовались с рабочими, вместе с ними прошлись по промплощадке ЧАЭС, обнаружили бросовый кран ДЭК-251, привели его в порядок, помыли от радиоактивности, дооснастили и запустили в работу.

На первый взгляд — анархия и беспорядок. В действительности — четкая материальная ответственность и в чем-то даже бюрократизм. Передо мной обычный для того времени документ — заявка за подписью и.о. начальника объединения И.П. Борща и главного бухгалтера В.К. Арипенко на имя председателя ВО “Изотоп” Ю.Н. Желтовского: “...В связи с большой неоднородностью загрязнения радиоактивными веществами промплощадки, в целях обеспечения безопасности работников потребуется постоянный радиационный контроль... Объединение просит в самый кратчайший срок выделить следующие дозиметрические приборы...” Далее перечень носильных приборов и комплектов на сумму 61 090 руб., немалые деньги. Начальник отдела снабжения К.Д. Яшин до сих пор не забыл наставление начальника объединения: “Береги эти документы, как зеницу ока, чтобы потом нас не привлекли к ответственности за самоуправство — за то, что закупили технику сверх обычного, заняли под жилье столовую, чужие помещения”. Константин Дмитриевич показал мне папку с документами через пять с половиной лет после описываемых событий.

Случалось, грузы от Госснаба СССР и Украины шли автотранспортом. Принимал их В.И. Милованов, хотя нередко никакими специальными документами это не оформлялось. “Был такой случай, — вспоминает он. — Около часа ночи звонят из штаба Госстроя Украины: “Гидроспецстрой”, в ваш адрес пришел груз — графит”. Назвал я ему адрес доставки. Приезжают. Разбудили рабочих. Разгрузили машину. Я спрашиваю: “Давайте ваши товаротранспортный и путевой листы”, — “А у меня ничего нет”, — отвечает водитель. — Подняли меня в первом часу ночи с постели, дали автомобиль, послали в аэропорт к самолету, погрузили и сказали, чтобы немедленно доставил по назначению, написали только на бумажке адрес: “Гидроспецстрой”. — Графит как материал нам не был нужен. Когда бетонировали плиту под реактором, средмашевцы не без основания опасались, что потребуется графит как защитное средство для поглощения радиоактивности. Но все знали, что монтирует и бетонирует плиту, в основном, именно “Гидроспецстрой”.

Энергостроителям понадобились 5 автобусов, чтобы возить прикрепленных к ним военных, которые квартировали в с. Хочево, а питались в столовой “Гидроспецстроя” и у него же получали зарплату. Вместе отправились в транспортное управление — военные по телефону в Киев сделали заявку. Вопрос был решен за минуты, а письмо “Гидроспецстроя” пошло уже в досыл. Назавтра получили автобусы.

Чернобыль — это беда. Но все вспоминают это время с особым чувством: почему в экстремальных условиях можно работать быстро и четко, целеустремленно, а в обыденной жизни так не получается? Вопрос о тех же автобусах решался бы неделями.

“Энерговвысотспецстрой” как головная организация объединения из Чернобыля давал задание в Москву по всем управлениям “Гидроспецстроя”: в какие сроки оттуда должны прибыть специалисты в Вышгород. Никто ни разу не отказался.

— А меня все ругали, — рассказывает Л.А. Титов, которого в те напряженные месяцы оставили в Москве “на хозяйстве”, за диспетчера. Работа его была такой напряженной, что даже собравшись выехать в воскресенье за город, он был обязан спросить на это разрешение у начальства, — Ругали за то, что “сорвал”, “не обеспечил”,

хотя все затребованное шло буквально с колес. Но время было такое. Он работал хорошо. А ругали на всякий случай, для подстраховки, чтобы не расслаблялся. Например, вечером он получил телеграмму из Чернобыля от своего руководства с требованием собрать по управлениям в разных регионах страны немалое число рабочих. На утро же последовал разнос: почему люди еще не в Чернобыле?

“Зеленая улица” для нужд Чернобыля — даже не вполне емкое понятие. Это слово — “Чернобыль” — для многих служб приобрело, можно сказать, магическое значение — так глубоко понимали люди общую беду. До курьезов. “В 1986 г. в Москве были огромные очереди за водкой — действовал президентский “сухой закон”, и спиртное почти исчезло из продажи, — вспоминает Лагодиев, — Меня знакомые попросили купить бутылку для них; “Пойди, тебя пустят без очереди!” Я подошел, и, действительно, лейтенант милиции отдал честь и пропустил. Какой-то алкоголик даже предложил 50 рублей за мое удостоверение. В то время это были существенные деньги”. — Да я и сама с этим столкнулась, возвращаясь из Чернобыля в Киев вечером, когда магазины закрывали и ни о каком вине уже не могло быть и речи, потому что его разрешалось продавать до 19.00. Мой водитель всего-навсего показал чернобыльское удостоверение милиционеру — и тот сам попросил магазинное начальство его обслужить.

Руководителями работ были первые лица строительного-монтажных управлений “Гидроспецстрой” — и до “войны” внутренне организованные, компетентные люди. Только образ жизни и стиль работы были экстремальными. Вот типичный пример: В.Н. Неучев, в тот момент дежурный штаба объединения, заступил на дежурство в 21 час, после работы, голодный и усталый. Ночь прошла нормально (работали круглосуточно). Н.В. Дмитриев вопросов ему почти не задавал, лишь вручил письмо замминистра Ю.Н. Корсуна и сказал: “Срочно езжай к министру автотранспорта и реши вопрос о выделении 18 цементовозов для бентонита”. — “Но я же 24 часа на ногах!” — “Ничего, в машине до Киева поспишь”. Только и успел переодеться в чистую робу.

В Киеве не было ни одной организации, которая бы оказалась в стороне от чернобыльских дел. Вскоре Неучев вернулся на свое рабочее место. А когда вечером он с Дмитриевым поехали в Зеленый Мыс отдыхать, и Неучев доложил Дмитриеву о результате своей миссии, тот был недоволен: “Почему не сообщил сразу? Ведь от твоего доклада вовремя во многом зависит своевременность решения других вопросов. Я тут волнуюсь, а ты не приходишь!” — “Извините!”

Одним словом, война!

...Всегда уравновешенный, даже внешне медлительный и очень добродушный заместитель начальника объединения И.П. Борщ обеспечивал поставку материалов и оборудования, не считаясь со временем. “Однажды я, войдя утром в штаб, застал там несколько человек, спящих на стульях. Когда я их окликнул, первым поднялся Борщ — они не успели доехать до места ночлега” (Н.Г. Селиванов). По его возвращении в Москву было видно, что Иван Петрович чувствует себя неважно. Через пять лет он попал в больницу с инсультом. Казалось бы, явной причины для болезни не было... Вскоре он умер. Относительно молодой — родился в 1936 г. Но разве внезапное резкое ускорение темпа жизни и непомерно возросшая ответственность — не недостаточные причины для такой болезни? Эффект возникновения эйфории под действием радиации, как и сама радиация, могут подтолкнуть этот процесс. Но и без радиации вызванный Чернобылем стресс был бы вполне достаточным толчком, и он — медицинское последствие Чернобыля.

...Примечательно, что позднее, когда постепенно начала улучшаться обстановка в Чернобыле, кое-какие снабженческие начальники там переменили тон, стали хамить.

Придирались и дозиметристы на дорогах — не хватало ли рентгенов автомашины. Поставые не позволяли вечером после работы ехать по спрямленной и укороченной на 12 километров дороге в Зеленый Мыс, где многие жили, — хоть и голодный, усталый, а поезжай в обход, не загрязняй дорогу! Но это — позднее...

Да, прежде объединение строило в Союзе подобные сооружения, была кое-какая техника. Но, во-первых, всю наличную технику надо было бы приспособлять для этого конкретного дела, а времени не было, во-вторых, имевшихся у объединения отечественных машин типа СВД-500Р явно не хватало, требовалось быстро изготовить новые, и притом в небывалом количестве. Но все равно без покупки импортных их не хватило бы для всех видов работ на “стене”. Установку СВД, находившуюся в Вышгороде, в Днепровском управлении, вывезли на ЧАЭС, смонтировали, отработали технологию и запустили в работу сразу же, как только появилось решение о “стене”.

Минстройдормаш СССР обязался срочно изготовить и поставить в Чернобыль автотранспортом 50 комплектов машин типа СВД-500Р на общую сумму 16 млн. руб. Основным поставщиком стал Никопольский крановый завод, который получал комплектующие элементы от 30 других заводов страны.

— Воскресенье. Мы с Н.В. Дмитриевым — на совещании у Министра Минстройдормаша. Присутствуют и представители других 5-6 министерств, — вспоминает главный механик объединения М.П. Дружинин. — Там решили в течение 2-3 месяцев изготовить эти установки. Составили график, подготовили поручения заводам (Никопольскому крановому, Ижорскому машиностроительному, Свердловскому Тяжмашу, Тюменскому заводу строительных машин и др.). Я уверен, что всем без исключения сроки казались нереальными, а темпы — фантастическими. Однако задание было выполнено в названные сроки. Конечно, то было проявление и свойств директивной системы, но в большей мере все-таки — личной гражданственности. Я, машиностроитель, знаю их условия работы и не понимаю, как они смогли это сделать. В обычных условиях мы не могли добиться в течение нескольких лет, чтобы нам сделали одну штуку СВД-500 — ссылались на недостаток времени. А тут за 3 месяца изготовили 50 штук, и притом не в ущерб основной, текущей работе.

Машины прибыли в разборе, но укрупненными, 18-, 15- и 10-тонными блоками. Хотя впервые Днепровское СУ освоило СВД на строительстве Киевской ГАЭС еще в 60-х годах, позднее такие установки в объединении использовались мало, и вообще их было выпущено в СССР около десяти экземпляров. А потому практически не было и специалистов, знакомых с такими машинами.

Из г.Никополя установки СВД-500Р направлялись сразу на площадку, расположенную в 12 км от ЧАЭС. Но прежде ее предстояло соответствующим образом создать и обустроить.

26 мая по поручению Н.В. Дмитриева телеграммой срочно вызвали в управление в г.Вышгород А.Л. Запорожца в роли начальника участка на строительстве Кяйшадорской ГАЭС, который меня знал еще по Литве (теперь он — главный инженер Днепровского управления). При первой встрече Дмитриев сделал комплимент его цветущему виду и сразу перешел к делу: предложил организовать участок для монтажа первой СВД-500Р и запуска ее в работу.

Площадку размером 200x100 м с покрытием из сухой бетонной смеси (затем залитой, чтобы образовался бетон) и освещением по периметру создали в течение недели. Оснастили ее двумя гусеничными кранами ДЭК-50 и ДЭК-85. Оборудование разгружали круглосуточно, за день принимали до 35 машин. Руководители всех рангов работали по 16 часов в сутки. По выражению А.Л. Запорожца, особенно в первый период в Чернобыль приезжал, наверное, цвет управлений — очень благородные и профессионально подготовленные люди. Никто не считался со своими чинами и

званиями, выполняли именно ту работу, которая требовалась в данный момент. И хотя весь Чернобыль в тот период работал уже по вахтам, для этих руководителей сроков не было, их “вахты” составили 35-40 дней. Например, Халиулин с Запорожцем просто сменяли друг друга.

Сегодня считается, что первую СВД-500Р довольно быстро собрали. Но по тем меркам срок ее запуска — 15 июня — считался сорванным на 5 дней. Халиулину подчинили около 10 инженерно-технических работников. Он 28 мая провел с ними собрание, познакомился, кто чем дышит, кто чем занимался прежде. Вместе распределили обязанности.

Первая из прибывших машин прежде не была в эксплуатации, но при перевозках очень сильно пострадала ее электрическая схема: вышли из строя предохранители, транзисторы. Все это — мелочи. Но они здорово сбивали темп.

Вызвали заместителя директора Никопольского завода и начальника цеха, которые изготавливали эту машину. Они тоже дневали и ночевали на монтажной площадке. Вероятно, они пережили несколько очень неприятных минут, когда писали объяснения о состоянии электрики представителям КГБ. А работников КГБ здесь называли “пианистами”, потому что в Чернобыле они жили в здании бывшей музыкальной школы.

Любопытна психологическая позиция разных участников чернобыльской эпопеи. На мой вопрос о наиболее запомнившемся кто-то сформулировал ситуацию коротко: “Все это был один сплошной случай”. А Е.В. Михайлов, заместитель начальника техотдела объединения, придерживается иной оценки: “Особенных случаев не было — все решалось в рабочем порядке”.

В технической части действительно ничего особенно нового, вроде бы, не было, разве что при подготовке площадок для монтажа первой СВД-600-1М и первого растворного узла привлекли воинские части и военную технику. Они на инженерных машинах разграждения очистили площадку от леса, сняли верхний слой зараженного грунта, сделали котлован под водорастворный узел, под фор-шахту для стены. А группа Михайлова на месте монтировала сборный железобетон, который раньше в Чернобыле предусматривался для других строительных целей. Вообще и организационные и технические предложения были связаны в основном со строительными работами и работой растворных узлов.

В действительности новыми здесь были не столько состояние трассы, грунты, техника, состав строительного материала, бентонита, сколько условия труда и психологическое состояние людей.

До Чернобыля в бывшем Советском Союзе несколько институтов занимались разработкой и совершенствованием оборудования непрерывного действия, применяемого для устройства гидронепроницаемых грунтовых завес. Это, например, траншекопатель конструкции НИИГС. Он позволяет разрабатывать траншеи до глубины 20 м. Есть и барражная машина конструкции ВИОГЕМ, обеспечивающая глубину до 50 м. Я уже говорила об установке СВД-500Р института Гидропроект, обеспечивающей глубину разработки траншеи до 45 м. Все названные установки имеют один общий недостаток — малую мобильность. А это означает необходимость их монтажа на месте хранения и устройств рельсовых путей для работы. Однако простота их конструкции и относительно большая производительность на слабых грунтах делают эти машины конкурентоспособными с зарубежными аналогами.

Среди них на первом месте СВД-500Р-1М. После 1986 г. ее и взяли на вооружение не только спецуправления “Гидроспецстроя”, но и Горьковский метрополитен, различные организации Минмонтажспецстроя РСФСР и Украины, строители Минчермета СССР. У этой установки немало достоинств. Их сформулировал главный механик Днепровского

СУ В.А. Шахотин: “Машина СВД-500Р-1М ведет проходку путем фрезерования передней стенки траншеи породоразрушающим инструментом, который приводится во вращение электробуром. Электробур перемещается сверху вниз по направляющему шаблону, который в свою очередь может устанавливаться на определенную глубину и одновременно служит эрлифтом для извлечения из траншеи выбуренной породы. Шесть установок СВД-500Р в Чернобыле имели производительность 5 погонных метров (175 м³) в сутки.

Отдельные машины при хороших условиях (отсутствие пересечений с коммуникациями, хорошо подготовленная фор-шахта, обеспечение раствором) показывали производительность до 30 погонных метров в сутки. Сдерживающими факторами оказались работающая в комплекте ситогидроциклонная установка для очищения глинистого раствора от бурового шлама, необходимость пробуривания лидирующих скважин для опускающего шаблона на требующуюся глубину, неудобство использования установки при сложной конфигурации траншеи, а также серьезно ограничивающие транспортные условия: машина движется по платформе, перемещающейся по рельсовому пути, кабина машиниста недостаточно комфортна”.

Итак, СВД бурят только по прямой и при том непрерывную траншею. Такого рода трасса была только к югу от ЧАЭС. Северная же часть насыщена многочисленными пересечениями и подземными коммуникациями, поворотами трассы под прямым углом. Преодолеть все эти препятствия возможно и с помощью СВД, однако повороты существенно удлинит весь путь и время на его прохождение. Условия Чернобыля этого не допускали. Стало очевидным, что придется покупать оборудование за рубежом.

Советское правительство обратилось к правительствам и фирмам ряда стран с просьбой о помощи. Нужные машины были в ФРГ и в других странах, но отовсюду пришел отказ. Лишь итальянская фирма “Касагранде” сразу же откликнулась на этот призыв.

Фирма “Касагранде” гарантировала поставку в течение трех месяцев 14 комплектов оборудования типа С-50 (экскаватор с телескопической штангой и напорным грейфером для глубины до 45 м), а также оборудование для подготовки и очистки раствора. Гарантировалась и дальнейшая поставка 10 комплектов сменного оборудования С-90 (стреловое оборудование и фреза) для глубины до 100 м, а также дополнительное растворное оборудование. Все это — с запасными частями. Весь контракт оценивался в 28 млн. американских долларов.

Головные машины из Италии стали прибывать в середине июня. Первой же проблемой, возникшей при получении этого оборудования, стал вопрос, где и как принимать технику. Из Италии машины доставляли автомобилями “Совтрансавто”. Тяжеловесное и негабаритное оборудование (база экскаватора, фрезы) прибывали на трейлерах поставщика. В связи с тем, что иностранный автотранспорт из-за опасности радиоактивного загрязнения в 30-километровую зону не допустили, руководство Минэнерго СССР по просьбе Днепропетровского СУ приняло решение разгружать их на площадке Киевской ГАЭС в г.Вышгороде Киевской области. Самых итальянских специалистов, по контракту обязанных обеспечивать техническое руководство сборкой и наладкой машин, в 30-километровую зону тоже не допустили. По этому двоих рабочих из Днепропетровского СУ: А. Горохова и М.Ф. Шведенко, а также главного механика объединения А.М. Мариничева заранее срочно командировали в Италию для освоения таких экскаваторов.

Эти люди стали основными наладчиками итальянских машин. В помощь им привлекали и других рабочих и специалистов объединения, в том числе машинистов буровых установок С-10: “Касагранде” близки по устройству установкам С-50.

— В Италии мы должны были освоить машину во всех режимах, — вспоминает Шведенко, — Освоили быстро: в течение одного дня пробурили 12 метров. Правда, я ее сначала сломал — не тот двигатель для такой операции поставил. Но все-таки итальянцы по столько не бурят, работают по 6 часов за смену, не торопясь. Затем обязательная профилактика. А мы всю проходку в тот день пришли за 4 часа, до обеда.

Оборудование от фирмы “Касагранде” было на особом счету. Для его приема устроили площадку в 2 га, с покрытием сухой бетонной смесью, политой водой. Оснастили двумя козловыми кранами грузоподъемностью 25 и 50 т. Площадку огородили, осветили, обеспечили электроэнергией от отдельной подстанции и даже выставили милицейскую охрану.

Работа по приему грузов была организована круглосуточно. Даже в темное время при электрическом свете там работали 1-2 машиниста крана и двое рабочих. В день здесь принимали до десятка автомашин из Италии с оборудованием. Затем на эту же площадку стали прибывать транспорты из Николая с установками СВД.

— Доставку оборудования строго контролировали. Однажды на площадку заехала даже Правительственная комиссия во главе с зампредом Совмина Маслюковым. Замминистра Корсун бывал на этой площадке чуть ли не ежедневно. От Украинского правительства се часто посещал Костенко в сопровождении работников КГБ, — вспоминает главный механик Днепропетровского СУ В.А. Шатохин, “дирижер” приемочной кампании.

В то время все дороги в Чернобыль были забиты грузами. Случалось, конкретную машину разыскивали по телефонам. В Чернобыле находился транспортный штаб, и начальники дорог порой там работали, как рядовые диспетчеры. Это никого не удивляло, главное — результат.

Случалось, водители привозили свой груз ночью. Напуганные рассказами про радиацию, они требовали немедленной разгрузки. Но приемочную документацию имел право подписывать только Шатохин. За ним посылали машину в г.Чернобыль. Водитель же, видя, что никто не умирает прямо на глазах, успокаивался, ложился спать. А Шатохина отвозили обратно — какой уж тут сон. Обычно его вез один и тот же водитель, кажется, Магомедов. Он работал на ЗИЛе-самосвале на монтажной площадке. Весь день он работал, а спать оставался здесь же в машине. Отбив положенный месяц, попросился на второй срок.

Выезжал, бывало, по три раза в ночь по первому звонку и сам Шведенко: то лампочка загорится на “Касагранде”, то еще какой-нибудь сигнал на машине сработает — люди ведь не знают, в чем дело. Боялись поломать.

Но были и такие, что не очень горели на работе (из среднеазиатских управлений). В Чернобыль их направили работать для приема оборудования. Однако они заявили, что они — подземщики по квалификации, будут работать только под землей. И усаживались в сторонке. Вскоре выяснилось, что эти рабочие опасались, как бы не прервался подземный стаж их работы, который дает немалые льготы при выходе на пенсию. В той суете им никто не объяснил, что на стаж здесь не влияет никакая работа.

Оборудование поставлялось и использовалось комплексно; проходческий агрегат, растворные узлы и магистрали. Это, в конечном итоге, позволило оперативно и мобильно организовать работу по сооружению “стены в грунте”. И все-таки непосредственно монтаж машин “Касагранде” сам по себе стал историческим событием. Их конструкция была мало знакома, а сроки на монтаж — фантастически малые. Представители фирмы находились в Киеве. Вот и лазали в радиоактивной пыли под машины не только монтажники да наладчики, но и генеральный директор объединения “Гидроспецстрой” Н.В. Дмитриев, главный инженер М.Н. Розин и будущий директор Гидроспецпроекта, а в то время — главный технолог объединения А.М. Мариничев.

И при этом в их сердце еще оставалось место для душевного тепла, даже нежности... На одной из стен пострадавшего энергоблока птичка нашла укромное местечко и свила гнездо, высиживала птенцов. Так вот каждое утро взрослые, бывалые мужчины находили минутку, чтобы пройти сотню метров до стены и убедиться, что птичка — на месте. А у нее вылупились птенцы, она учила их летать и, наконец, вся семья улетела по своим делам... Жизнь продолжается.

Порой проблемы возникали с самых неожиданных сторон, часто буквально из-за мелочей. Например, однажды Дмитриев приехал на площадку посмотреть, как бригада рабочих прокладывает рельсовый путь под СВД. Народу много, из разных управлений объединения, все в белых или синих спецовках. Вот и Дмитриев в своей синей спецовочке спрашивает рабочего, почему так медленно работает. Пилили шпалы — пропитанную, прочную древесину — обыкновенной двуручной пилой. Из-за пропитки зубья быстро забивались, опилки налипали на металл. Рабочий отвечает: “Если ты такой сильный, то становись и пили”. Дмитриев молча согласился и вместе с рабочим эту шпалу распилил. Вытер пот и уехал. А на следующий день участок получил 4 бензопилы.

Мнение доктора физико-математических наук А. Г. Зеленкова:

— Ликвидаторы работали в варварских условиях. Например, в пыли 30-километровой зоны присутствуют чрезвычайно опасный плутоний и другие радиоактивные элементы, которые никто никакими счетчиками не контролирует, но они представляют большую опасность для здоровья. Увидев это, я обратился к В. А. Легасову: “Хоть водой пыль прибейте!” Но тут воспротивились киевские медики: нельзя, попадет в грунтовые воды. Однако такие опасения совершенно нереальны, практически бессмысленны

Пыль подавляли с самолетов жидкими полимерными растворами. Смысл в этом был, но для защиты работавших на поверхности земли, такие меры, конечно, недостаточны. Люди эти полимерные покрытия даже не замечали.

...Решили собрать сразу несколько машин типа “Касагранде”, чтобы с помощью них и СВД можно было выполнять работы одновременно на нескольких участках, в зависимости от характера трассы. Так как “Касагранде” — грейферные машины, очень

вертки, на гусеничном ходу, то их решили использовать для работы под ЛЭП, возле мостов, в районе трубопроводов, на северном участке трассы. Они рассчитаны на секционное сооружение стены из твердого материала-заполнителя. Агрегаты сами же и выкапывают траншею на глубину до 50 м. Фреза навешивается на экскаватор-кран марки С-90. Разбуренная пульпа удаляется насосом, смонтированным непосредственно под фрезой. Оборудование это производительное, не требует больших площадок, не загрязняет территорию, с его помощью можно производить выемку “щеки” даже в скальных породах. Разработку более прямолинейного, южного участка поручили отечественным роторным СВД-500-1М. В Чернобыле одинаково нужны были и те и другие машины.

Правда, из Италии вместо обещанных 14 комплектов получили только 6, а из 50 установок СВД Никопольский крановый завод Минстройдормаша прислал только 10 комплектов.

...Работы по устройству “стены в грунте”, или завесы, начались в первой половине июня. Вначале действовала одна установка СВД-500Р, а с 23 июня — и С-50 “Касагранде”. В дальнейшем в течение каждой недели вводились по одной итальянской и отечественной машине.

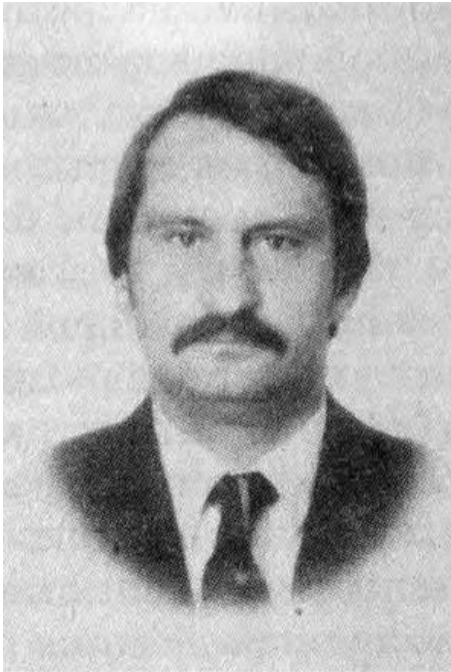
Максимум одновременно работало 11 машин. Такой производительности ни в Союзе, ни за рубежом, вообще в мире никогда прежде не достигали. Да и вряд ли это произойдет в будущем.

Наши специалисты одновременно учились работать на этих итальянских машинах, а они сложнее отечественных. Поэтому импортное оборудование приобрели и для подготовки кадров рабочих, его использовал Можайский учебный комбинат объединения, который в Чернобыле развернул свой филиал. И все-таки проблему составляло в первую очередь отсутствие мало-мальски обученного персонала и вообще нехватка людей. Ведь работали круглосуточно, но предел для рабочего 6 часов в смену — больше не разрешала дозиметрическая служба. При таком графике на каждую итальянскую установку, не считая растворного узла, требовалось по 8 человек в день, а на отечественную — по 12.

Трасса траншеи насыщена инженерными коммуникациями (трубопроводами, кабелями и др.). Это — естественно. Однако подземная сеть была серьезным препятствием в процессе проходки и траншеи. Все понимали, что подземные коммуникации станции где-то соединены между собой и что крайне важна их общая целостность. Но где именно? Это может знать только дирекция АЭС. Однако как-то так вышло, что часть исполнительной документации на ранее выполненные работы по инженерным сетям была утрачена. Сети оказались нарушенными.

— Например, нам говорят, — вспоминает Ф.Г. Халиулин, — здесь проходит труба, ее нельзя повредить. Но, когда мы выполняем проходку, то обязательно на нее натываемся и выводим из строя: местоположение этой трубы указано неточно. Восстановление нарушенных подземных коммуникаций в то время, когда нужно быстрее прокладывать нашу стенку, очень осложняло работу. Вообще их восстановление — дело не по нашему профилю. И все-таки мы вынуждены были его выполнять, так как без инженерных сетей невозможен пуск остановленных первого и второго блоков АЭС. Работы эти для нас — архисложные. Тем не менее, наше руководство вызывали для “разборок” на госкомиссии, требовали ускорить дело.

— Возле пожарки было особенно много труб и кабеля, мы боялись их повредить, — рассказывает бурильщик скважин М.Ф. Шведенко.— Когда сделали последнюю закладку, то гидравлический шланг намотки барабанов порвался, и из него потекло масло. Там был высокий фон, дозиметр сразу зашкаливал: мы старались быстрее все исправить, чтобы уехать оттуда. Пытались там фотографировать — пленка каждый раз

А.В. Демин

“сгорала”. Потом взяли киноплёнку специального качества у корреспондентов, и цветные слайды снял бурильщик Петя Бряк. Но фотоаппарат пришлось после этого выбросить: много в себя набрал радиоактивности.

Рассуждая формально, они имели право сказать дирекции АЭС: “Коммуникации — ваши, занимайтесь сами их восстановлением”. Но никому не приходило в голову формальное отношение к общей задаче в этой общей беде, так они воспринимали аварию. Психологически в этот момент решающими стали простые слова М.Н. Розина: “Виноватых сегодня нет. Будем восстанавливать”. Все согласились. Оперативно организовали бригады сварщиков. Ремонт инженерных сетей не задержал основные работы, так что своевременный пуск первого и второго энергоблоков, можно сказать, обеспечили и гидроспецстройцы на своем участке “стена в грунте”.

* * *

...Итак, чтобы построить сооружение под названием “стена в грунте”, сначала нужно выкопать траншею. С помощью установки С-50 подготавливали лидирующие скважины для последующей работы СВД-500Р и осуществляли сопряжения участков траншеи, которые сходятся под углом. Рабочие Азербайджанского управления “Гидроспецстрой” под руководством Е.Л. Андриенко выполнили фор-шахту: расчистили целину и уложили кондуктор — бетонные угольники по краям будущей шахты. Защиты от радиации на открытой площадке поначалу не было никакой. “Но Евгений ничего не боялся...”

Установки “Касагранде” должны справляться в целом с делом без предварительной подготовки. Но для бурильщика такая работа сложна: копая, одновременно нужно обязательно в полость закачивать бентонитовый раствор и вынимать грунт через него: раствор скрепляет разрыхленную породу и одновременно укрепляет стенки траншеи, не дает ей обваливаться. Бентонит — это раствор из специальной бентонитовой глины в виде порошка. На месте он разводится водой. Но раствор этот — дорогой материал. СВД-500 по технологии работ должна его регенерировать, очищая, с помощью специальных сит-гидроциклонов и затем возвращать в траншею на следующем участке работ. Но на практике действовали эти сита плохо, часто забивались и вообще они конструктивно неудачны. В конце концов, изрядно помучившись, начальник Волжского управления Ф.Ф. Головань их вообще отключил и начал работать без регенерации. Раствор стал просто изливаться на поверхность земли. Оказалось, что это даже хорошо: лужа укрывала радиоактивную поверхность, как дезактиватор. В конце концов, глина на земле оставалась, а вода высыхала. Для условий Чернобыля это было технически, да и экономически смелое и оправданное решение.

Создание и отладка растворных узлов здесь превратились в самостоятельную проблему. Их монтаж и работу возглавил В.Г. Маслов. Этот молодой, улыбчивый и, вместе с тем, очень деловой специалист приехал с Дальнего Востока. Он сразу завоевал всеобщие симпатии и уважение, умело создавая в любых условиях ровный трудовой и доброжелательный психологический климат. В сложном растворном хозяйстве,

включавшем разнообразные механизмы, насосы, компрессоры, энергообеспечение, работали хорошие механики. Но Маслов старался все перепроверить сам.

Затем траншею заполняли комовой глиной. Глина в бентоните разбухает, и она сама по себе настолько тяжела и плотна, что не требует дальнейшей утрамбовки. Она создала водонепроницаемый барьер на пути грунтовых вод, который как раз и называется “стена в грунте”. Качество всех работ проконтролировали специалисты института Гидроспецпроект: они использовали пьезометры с добавлением красящего раствора. Кроме того, глинистый раствор систематически проверялся в лабораторных условиях. Все работы шли с опережением графика и были сданы государственной комиссии с оценкой “отлично”. Но это — позже.

На “Касагранде” и СВД обычно работают трое: бурильщик и два помощника, которые наращивают трубы при бетонировании и монтаже каркаса, принимают из миксера бетон, поднимают наверх трубы. Здесь дело осложнялось тем, что трубы и материалы приходили не всегда в соответствии с заказом, и тогда проект корректировали.

Работали по такому принципу, чтобы одна монтажная бригада обслуживала все установки и исключила простой. Наряду со специализированными, использовали механизмы, оставшиеся на стройке: бульдозеры, экскаваторы. Как я уже говорила, была и своя радиометрическая служба на базе гидроспецстроевских военизированных горноспасательных частей. Руководил ею В.П. Пашкин. Эти люди следили за радиационной чистотой оборудования.

Но грязным было все. Если не превышало допустимые границы — использовали. Остальное отвозили на могильники. Происходило это довольно буднично: руководитель подразделения подзывал крановщика, шли к брошенным на площадке III очереди АЭС механизмам, выбирали нужный. Исходили из того, что, скажем, кран должен быть наиболее исправным и показывать фон наименьший из тех, что стоят вокруг него. Перегоняли его на свою площадку и начинали работать. Никто не роптал, не высказывал “особого мнения”.

Люди считали свою работу необходимой, понимали, что именно и для чего они делают. Заставлять работать не приходилось никого. Положительно сказалась и привычная, отлаженная мобильность объединения в организации работ на новом месте: к командировкам и умению быстро мобилизовываться этим профессиональным асам не привыкать. Очень просто и точно выразил это состояние сварщик Ю.Н. Шабанов: “Мы привыкли все делать как следует”.

Однажды на “Касагранде” вышел из строя гидромонитор. До утра провалялись под этой машиной наши мастера, ничего не получилось. Утром приехал замминистра Минэнерго СССР Ю.Н. Корсун. Спросил, где главный технолог. Ему показали ноги, торчащие из-под “Касагранде”. Они принадлежали А.М. Мариничеву, в то время главному механику объединения, который спешно что-то там закручивал. Корсун поманил его к себе пальцем. Мариничев вылез, замызганный машинным маслом, без защитного “лепестка”.

— Еще раз увижу — выгоню! Не бережете себя. Нам нужны здоровые специалисты и рабочие, а не инвалиды. — Не сказал, что ему самому не так давно напоминали на Правительственной комиссии об осторожности: “Нам нужно, чтобы вы здесь работали долго!” Юрий Николаевич тоже не слишком думал о себе, когда надо было воочию разобраться в какой-нибудь загвоздке. “Моя симпатия к этому человеку на всю жизнь” — говорил мне Мариничев.

Позвонили по телефону в Киев, где месяца три в общей сложности коротали время представители итальянского шеф-надзора, потому что их не пустили в зону. Они не поверили в возможность заводского брака. А это означало, что необходимо 90-тонную машину на трейлере везти к ним в Киев, на экспертизу.

Машины фирмы “Касагранде” прежде уже работали в нашей стране, в частности, на Ровенской АЭС, где понадобилось серьезно укреплять грунты. Но все-таки в Чернобыле их собирали без шефпомощи, к тому же сверхсрочно; налаживали незнакомые узлы, механизмы, автоматику.

Итальянские специалисты вообще не верили, что за три месяца можно собрать эти машины, тем более без шеф-инженеров, да еще за это же время построить с их помощью, а также советскими агрегатами стену в грунте длиной 2,5 километра, однако получалось, что наши люди — такие способные и умелые — все сделали сами. Просто брались за дело и работали хорошо, надежно. Практически все наши люди, которые приезжали из “Гидроспецстроя”, соответствовали своему назначению: управления присылали очень квалифицированных парней.

...Однако машина-то сломалась. Оборудование, хоть и импортное, все-таки — это лишь железо, напичканное автоматикой. Оно требует досмотра, потому что уязвимо. В Чернобыле постоянно какая-нибудь из машин ломалась. Мариничев вспоминал: “Только приедешь на ночлег и уже слышишь, что звонил полковник КГБ такой-то, просил зайти. Спрашивает, почему сломалась машина. Параллельно он уже опросил рабочих, то есть как бы вел перекрестный контроль. А рабочие ведь и без контроля понимали, для какой цели они здесь находятся. В конце концов, Мариничев спросил КГБиста прямо: “Ты в зоне был? Не был! Тогда поедем! А то у тебя создается впечатление, будто мы куплены в Италии и специально взяли там плохие машины. А они просто сложные и для нас новые!”

Ведь как получалось в жизни. Прибывает новый рабочий, видит эту “Касагранде” впервые в жизни. Ему объясняют: “Сережа, этот рычаг делает то-то, а этот — то”. И этот Сережа должен немедленно освоиться, привыкнуть к машине и не делать ошибок, потому что времени на нормальное обучение просто нет. Кто может поручиться, что он ни разу не ошибется?

А.М. Мариничев по основной профессии — горный электромеханик. Он понимал, что любая техника не бессмертна. И вообще, здравомыслящему механику не нужно объяснять, что невозможно совсем избежать поломок, но в принципе вполне возможно и необходимо создать организационную структуру, способную быстро устранять неполадки и их последствия. Так и поступали,

Но на этот раз поврежденную “Касагранде” погрузили на трейлер и повезли в Киев, чтобы там на нее установить новый гидромонитор. По правилам, в таких случаях, когда везут негабаритный и ответственный груз, впереди машины с трейлером должны ехать сопровождающие представители местного ГАИ. Однако рыцари ГАИ от этой работы отказались. Возможно, испугались ответственности, Строители обратились за помощью к работникам КГБ, но представители Госавтоинспекции уже исчезли с горизонта, жаловаться, вроде, теперь не на кого. КГБисту все же удалось догнать их на своей машине и уговорить выполнить свои обязанности. Установку в Киеве отремонтировали и повезли обратно в зону.

В этом гидромониторе, полученном от шведской фирмы “Вольво”, итальянские специалисты обнаружили заводской дефект. Убедившись в справедливости претензий, итальянские специалисты немедленно прислали еще пять машин, да с запасными моторами. Однако в зоне активно работали лишь 6 отечественных машин и 6 импортных, остальные были в резерве. Их сразу вывезли из Чернобыля, так что они не загрязнились.

И самое высокое начальство беспокоилось о ходе работ, навевалось частенько. Однажды к площадке, где сооружалась стена в грунте, лихо подкатили несколько “Волг”, за ними также лихо — бронетранспортер с заместителем председателя Совета Министров СССР Гусевым. Мариничев был предупрежден о его приезде. На площадке

наводили марафет, на всякий случай запустили в работу даже те машины, которые в это время не были нужны. Словом, работа кипела вовсю. “Мы затаились, ожидаем”, — рассказывал мне Альберт Михайлович.

Из “Волги” вышел военный в чине генерал-полковника, стал по стойке “Смирно!”. Мариничев тоже вытянул руки по швам, приготовился доложить обстановку. “Ждем, кому же докладывать — нет никого. Только из БТРа перископ водит по работающим строительным машинам. Потом БТР поехал вдоль трассы стены в грунте. Я иду рядом, чтобы помочь выйти, если понадобится. Не понадобилось: послышалась команда всем отойти в стороны, БТР разворачивается. И так же лихо, как прибыл, в сопровождении свиты других бронетранспортеров и автомашин он отбыл в клубах пыли”. Рабочие приступили к своему главному технологу: “Мы можем тут работать, а они — нет?” Что на это ответить? Тогда только сам А.М. Мариничев всерьез задумался о радиационной опасности. Но по-прежнему лазал под машины и делал все то, что нужно было делать для успешного решения главной задачи.

...Однажды ночью вдруг стали разъезжаться рельсы под СВД-500Р, и машина стала тихо валиться на бок, в траншею. Казалось, что падение неизбежно, а с ним — и поломки, и прекращение работы. Но с таким исходом, даже вопреки очевидному, да и профессиональному опыту согласиться было никак не возможно — и главный инженер объединения вместе с работавшими в ночную смену стали двумя тракторами вытаскивать агрегат и устанавливать на рельсы. А в это время экскаваторщик с ювелирной точностью выполнял немыслимую операцию: ковшом экскаватора выправлял рельсы. Машину поставили на место. Работы продолжили.

Вдруг — крик на площадке. “Прошлепали” какую-то снабженческую позицию, может быть, арматуру или что-то иное, требующееся немедленно. Виновный стоит по стойке “смирно!”, вытянув шею. Розин кричит: “Как ты себя ведешь? Как ты мог допустить это, и какие тут могут быть оправдания?!” Такая беспощадность действительно была необходима, от точности и оперативности исполнения зависели даже жизни людей, а также производственные сроки, которые в этих условиях тоже становились вопросом жизни, но уже для мирного населения, ради которого и тратили свое здоровье эти профессиональные асы.

— Я не знаю мелочей в работе того времени. Может быть, они стали возникать позже. Но с этими руководителями — Дмитриевым и Розиным — я работал на строительстве Красноярской, Нурекской, Колымской ГЭС. И хотя долгое время я возглавлял трест “Гидроэлектромонтаж”, а в “Союзгидроспецстрое” в какой-то степени новичок, но здесь я увидел высший класс работы, полную самоотдачу, способность решать любые задачи. Не было случая, чтобы на нашем штабе, или в Правительственной комиссии, или в Главснабе Украины, в Средмаше я услышал худое слово о “Гидроспецстрое”. И это — в первую очередь заслуга Н.В. Дмитриева и М.Н. Розина.

Общее мнение: Розин очень уважает рабочих. В Чернобыле он часто собирал их, спрашивал, довольны ли питанием, транспортом, одеждой, не обижают ли. Ведь здесь смены по условиям радиации были короче обычных, 6 часов, остальное время большинство отдыхали на своем острове, в Чернобыле. Там есть беседка. Вот, бывало, соберутся в беседке, начинают говорить о том, о сем.

— Михаил Натанович, пожалуй, был любимцем всех. Он юморист, и даже в самой напряженной обстановке находит время пошутить, рассказать коротенький анекдот по случаю. Например, однажды он дал задание, а какое-то подразделение его явно срывало. “Завтра же выполните задание или со мной пойдете под плиту (под реактор)”, — Все смеялись. — “Что смеетесь?” — “Так под плитой радиации нет”. — И он засмеялся и махнул рукой, — вспоминает заместитель начальника Днепровского управления Д.Н.

Гура — Розин вообще горяч, но отходчив, мог отругать — и тут же оттаять и начать разговор в обычном тоне.

Он был в курсе всех чернобыльских дел объединения, или просто с ним решали все вопросы. Его и сегодня единодушно называют трудовой лошадкой, изрядным инженерным потенциалом, с колоссальной выдержкой и трудоспособностью, несмотря на его, казалось бы, не могучий, обычный вид. Я сама не раз исподволь наблюдала его со стороны. Всегда лаконичен; точен в формулировках и быстр в решениях. И ни разу не слышала ни одного на возражения его решениям, командам, даже выговорам. Знающие его подтверждают: талантлив.

“В Чернобыле никому и не надо было повторять задание, как это порой приходится делать в мирных условиях: все у них подготовлено к работе заранее, четко продумано. Надо — придут, попросят электрод или что-то нужное еще, ни на что другое не отвлекаются. Может быть, это объяснялось еще и тем, что старались быстрее закончить работу и уехать” (И.И. Малышев). “Вообще работалось с удовольствием, потому что мгновенно были видны результаты работы” (В.А. Шатохин). “Симулянтов не было. И боязни не было. Выделять кого-то особо нельзя. Все молодцы. Были даже отчаянные ребята, старались все посмотреть — таких приходилось сдерживать, чтобы не лезли туда, куда не надо. Например, бригадир А.Я. Сухин: он работал у нас, а родители его — из Чернобыля” (В.А. Брудный).

Я просила, просила называть имена. Люди ведь должны знать своих героев, хотя бы часть из них. На самых “горячих” участках можно было видеть М.Н. Гордеева, Е.А. Сибирякова и других... Они организовали круглосуточную работу землеройных машин и добились значительного увеличения производительности отечественной и зарубежной техники. Начальник Волжского СУ “Гидроспецстроя” Ф.Ф. Головань при работе провалился в люк, и у него на ноге появилась трещина, но он не уехал до конца вахты, работал с загипсованной ногой, руководил своим подразделением — и это уже в предпенсионном возрасте. В южной части “стены в грунте” механик Дальневосточного управления В.Г. Маслов проводил по несколько смен кряду на монтаже растворного узла. Благодаря усилию его и сменных механиков из других управлений растворный узел ввели досрочно. Он обеспечивал работу сразу нескольких растворных агрегатов объединения. А.Н. Шама (начальник Ровенского участка “Гидроспецстроя”), В.М. Матько (прораб), И.С. Трофимчук (начальник Можайского участка), машинисты бетононасосов Илюхин, Шабанов, Щербаков, Видинеев, Половинкин, Балабушка, Горохов — “мужики нормальные”, как о них с особой симпатией говорят работавшие рядом... И они здесь! А ведь еще на днях эти люди строили подфундаментную плиту, вроде бы достаточно...

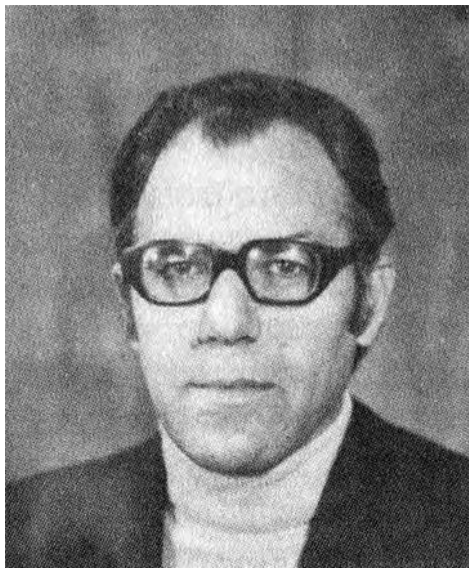
— Этот период в моей жизни был самым сложным. Муж сначала даже не предполагал, что я нахожусь именно там и позже удивлялся: “Тебя-то как туда затянуло, ты-то чего там делала?” Но для меня за 20 лет работы в “Гидроспецстрое” это было вместе с тем и самое светлое время: как никогда чувствовала себя нужной, знала свое истинное место, — вспоминает начальник отдела кадров Днепровского управления С.В. Калачева. — Когда произошла авария, я работала в Северноморском управлении “Гидроспецстроя”. Сын поступил в Полтаве в военное училище, я была рядом в отпуске, и вдруг телеграмма: “Вернуться в управление для получения командировки”, — ехать в Чернобыль. Могла отказаться. Но я — украинка, и беда на моей родине. У меня даже

В.Т.Видинеев.

вопроса — ехать или не ехать — не возникло. В штабе Минэнерго в Киеве мне дали другую одежду и сказали, на какую речную “Ракету” я должна идти. В Чернобыле знали уже о моем приезде, потому что вахтовавшая до меня женщина, Чернавцева, из Колымского управления пробыла уже там свой срок. Начальник отдела кадров при штабе стройки — это много. В отделе кадров концентрируются сведения обо всей работе любого командированного, включая его питание, поселение в общежитие, одевание и переодевание каждого. С первого дня я почувствовала себя, как на передовой линии фронта, как на войне.

В то время было просто не принято говорить об “объективных причинах” невыполнения задания — если такие разговоры начинались, говорящего сразу обрывали, и у этого человека уже не возникало желания “вешать лапшу на уши”. Сама обстановка была экстремальной и заставляла людей относиться к делу серьезно. Все понимали, что работать надо быстро, четко и качественно. Конечно, людей собрали из всех подразделений объединения, набрали достаточно механизмов, тут проблем не было. Но главное, все-таки, в оперативной и четкой организации работ и в общем душевном подъеме: у всех, кто туда приехал, было чувство долга и ответственности. Понимали, что нужны. “У меня до сего дня сохранилась куча документов и телефонограмм за подписью Н.В. Дмитриева. С кем он только не связывался! (М.П. Дружинин).

Н.В. Дмитриев проводил оперативки более сухо, чем М.Н. Розин, притом с его некоторой внешней (скорее всего, напускной) суровостью — очень уж велик груз оказался на плечах этого начальника. И — ответственность. Ежедневные штабы объединения — на них присутствовали по 30-40 руководителей подразделений — проходили четко и жестко, истинно заседание военных штабов. Правительственная комиссия также безапелляционно требовала ежедневного рапорта-отчета о проделанном, как фронте. И благополучие подчиненных тоже зависело в первую очередь от начальника объединения, его оперативности, заинтересованности и доброты.

Все замечали, что внешне Дмитриев за эти месяцы как будто не изменился. Но приглядевшись, можно было заметить и большую усталость. По неделям исчезал голос под действием радиации. Он, да и многие другие, разговаривали шепотом. Но в самый пик работ оба первых руководителя объединения постоянно были на самых горячих участках. И в вопросах, требующих безотлагательного решения, были беспощадны.

...В 1991 г. я была в Вышгороде для встречи с ветеранами Чернобыля из Днепропетровского управления “Гидроспецстрой”. Прораб М.П. Черных взял меня в свою машину, чтобы съездить в Киев. Остановились на площади Леси Украинки, напротив здания Обкома партии. Оказывается, там “Гидроспецстрой” и Метрострой прокладывали наклонную шахту. На площадке стояло высокое металлическое сооружение, вроде ажурной нефтяной вышки.

— Та самая итальянская “Касагранде”, которая работала в Чернобыле на стене в грунте, — сказал Михаил Павлович. — Здесь она делает стену в грунте для новой линии метро. Вахта углубится до 40 метров, а наполнится не бентонитом и глиной, как в Чернобыле, а бетоном, потому что по назначению эта стена не столько противофильтрационная, сколько несущая. Здесь грунтовые воды невелики.

В 86-м, когда работы на Чернобыльской площадке закончились, заказанное оборудование СВД-500Р еще продолжало поступать в Днепропетровское стройуправление. Его принимали в Вышгороде, в Каневе, но отправлять в Чернобыль не понадобилось.

Позднее заказ лишнего оборудования относили к числу промахов Правительственной комиссии. Может быть, он действительно не был оправдан и объяснялся привычными для советского периода недопоставками: закажешь 10 — придут 5. Но в то время экспериментировать было некогда. Да и опыт, к сожалению, подтвердился, пришло машин меньше, чем заказывали, хотя и, по сути, в избытке. Нельзя было рисковать и по радиационным условиям. Никто не знал, сколько времени машины смогут работать почти рядом с разрушенным реактором. Удачно, что по окончании работы в Чернобыле удалось машины отмыть и привезти в Вышгород. Но тогда предвидеть это было нельзя. В итоге, СВД-500Р и “Касагранде” легли тяжелым бременем на объединение: по окончании эпопеи каждую производственную планерку начинали с вопроса о том, что сделано для продажи этих машин другим предприятиям. Да, они понадобились и на следующих стройках объединения. Но — не все.

* * *

Но и в Чернобыле для объединения “Гидроспецстрой” на этом работы не закончились. В 1987 г. прораба А.Б. Соболевского вызвали на заседание Правительственной комиссии — в тот момент поблизости не оказалось высокого начальства из объединения. Вопрос задали строгий: “Как разрушить вашу “стенку”? От Рыжего леса идет поток воды, упирается в нее и затапливает кабельные каналы”. Соболевский ответил, что стена цельная, в ней оставлены проходы. И вообще надо определиться, в чем причина.

Сделали исследование и обнаружили, что в пруде-охладителе уровень воды выше, чем в грунтовых водах, следовательно, вода у “стены в грунте” подниматься вообще не может — ведь строители одновременно с сооружением стены специально бурили пьезометрические и дренажные скважины... После этого вопрос о ломке стены заглох.

Пьезометрическим называют уровень грунтовых вод, находящихся в земле под давлением. Для наблюдения за его колебаниями бурят скважины. После аварии с помощью таких скважин стали наблюдать и за миграцией радиоактивности от могильников в окружающие породы: важно вовремя заметить появление радионуклидов в грунтовых водах (если это произойдет). Наблюдение вели службы ПО “Комбинат”.

Грунтовые воды здесь довольно высоки, и для борьбы с ними еще в процессе сооружения АЭС создавали системы водопонижения. Они действовали постоянно. Однако после катастрофы оказались отключенными. Следовало отыскать места повреждений.

Чтобы уровень грунтовых вод опустить хотя бы на пару метров, и построили системы водопонижения. Этого оказалось достаточно. Во всяком случае, таковы результаты исследований и систематических наблюдений. И на соответствующих картах хорошо видно, что подводящий и отводящий каналы станции в нормальных условиях действительно не оказывали влияния на уровень грунтовых вод. Однако авария, а следом работы по ликвидации ее последствий как-то повлияли на эту систему. Но как?

— Систему водопонижения до аварии на чернобыльской площадке делали мы, то есть “Гидроспецстрой”. Я хотел посмотреть, в каком она состоянии и что может потребоваться от нас теперь. Из ИТР я, Володя Терентьев и Алексей Винокур прикинули, что для этого нужно сделать. На этом наша спокойная жизнь закончилась, — вспоминает Соболевский, — Винокур пошел в бункер (подвальное помещение под зданием административно-бытового корпуса №1 — АБК-1). Там находился “офис”

многих больших начальников. Винокуру дали в распоряжение БТР и солдат. Они лазали по территории станции, искали повреждение в сети и действительно нашли где-то около первого или второго энергоблока. За это время дозиметр-накопитель Винокура набрал 20 рентген.

Часть документации в момент аварии оказалась утраченной — испорченной в процессе тушения пожара или погребенной в реакторном отделении четвертого блока. Поэтому “свои” скважины инженеры из Днепропетровского управления отыскивали и в июне. Им помогали их же рабочие и военные. В то время все были настолько увлечены общим делом, что не интересовались именами друг друга — не до того. К счастью, прорабу В.Н. Неучеву запомнился майор Швец из Московского военного округа. Однако многие герои остались безымянными... Как во время войны. Сколько я ни спрашивала, часто не удавалось прояснить ни одного.

ГИДРОТЕХНИЧЕСКИЕ СООРУЖЕНИЯ

Теперь вернемся немного назад во времени. В мае и июне люди радовались, как подарку судьбы, сухой солнечной погоде. Они согревала душу и помогала работать.

Однако немногие знали, что сухую жару “заказали” работники Госкомгидрометцентра. Опасались осадков, способных смыть в реки радиоактивные вещества с территории 30-километровой зоны. С самолетов специальными реагентами воздействовали на облака и таким образом предотвращали дожди. Делать погоду перестали только после того, как распались короткоживущие элементы, и местность несколько очистилась. А когда дожди прошли, в р. Припяти уровень радиоактивности повысился незначительно, всего до 10^{-8} Ки/л. Это — большой успех. Он достигнут и благодаря строительству комплекса гидротехнических сооружений для защиты от загрязнения поверхностных и подземных вод в зоне электростанции.

Целую неделю взбесившийся реактор разбрасывал вокруг себя обломки строительных элементов, графит и почти неразличимые взглядом крупинки ядерного топлива — “горячие частицы”. Все это было весьма радиоактивным материалом и передавало свою активность окружающей природе, зданиям, всему живому и неживому, оказавшемуся в непосредственной близости. Опасность могли усилить дожди или половодье, способные подхватить эту радиоактивную грязь и унести в ручьи и реки. Реальная и весьма серьезная опасность.

Разработку технических решений по защите территории от загрязнения сточными водами поручили в основном также Минэнерго СССР (институт Гидропроект им. С.Я. Жука). Именно по этой программе предстояло переместить около 180 тыс. кубометров грунта, проложить трубопроводы, пробурить скважины, построить каналы, дамбы и стену в грунте. Минэнерго помогали Минобороны, Минмонтажспецстрой, Мингаз, Минтрансстрой и Минводхоз и представители других отраслей.

Непосредственно к устройству защитных дамб от грязных стоков, чтобы не допустить их в реки Припять, а затем в Днепр, приступили вместе с военными уже в мае: тогда начали строить дренажные системы, струенаправляющие дамбы и другие водосооружения.

Радиоактивность может быть стихийно смыта дождевой или снеговой водой не только с поверхности земли, но и с кровель зданий, как это специально делают при дезактивации. Следовательно, этот процесс нужно сделать подконтрольным человеку. Решили радиоактивность собирать к насосным станциям.— Они откачают ее в канал, чтобы там вода отстаивалась и понемногу сама дезактивировалась. Вся эта система называется ливневой канализацией.

До аварии ливневые воды из города Припять по коллектору сбрасывались в реку Припять. Теперь систему отвода ливневых стоков требовалось немедленно изменить. Но прежняя трасса шла от теплиц Припяти через весь город к атомной станции. Такие работы хороши лишь для мирного времени.

В районе теплиц радиационный фон составлял 0,85 рентген/час, в районе речного порта — от 0,85 до 1 рентген/час, на промплощадке ЧАЭС, в районе пожарной части — 1,25-3 рентгена/час. Массовые замеры производили только по гамма-излучению, для измерения бета- и альфа-излучения приборов было мало, их не учитывали и в последующие годы.

В мае 1986 года монтажники ЮТЭМа с помощью военных в г. Припяти построили систему водопонижения с двумя насосными станциями, чтобы стало возможным на ЧАЭС откачивать канализационную воду (там после предварительной уборки фон

достигал двухсот миллирентген в час). Одновременно строили канал — по территории, на которой “светило” до трех рентген в час.

Строители ЧАЭС, ЮТЭМовцы, гидроспецстроевцы и военные сооружали также несколько трубопроводов для сбора ливневых стоков с территории промышленной зоны: 4 насосные станции, пруд-охладитель. Во многих местах работать можно было не дольше, чем по 15-20 минут.

На последнем этапе дождевые воды системой дамб решили отгородить от реки.

Гидростроевцам поручили бурить скважины. Чтобы понять назначение и конструкцию скважин, главный инженер Днепровского управления А.М. Троян встретился с заместителем министра Ю.Н. Корсуном и начальником Управления строительства ЧАЭС В.Т. Кизимой. Подумали и решили, что необходимо пробурить 8 скважин большого диаметра глубиной 15-20 метров и смонтировать в них глубинные насосы для откачивания воды: 2 — в районе теплиц г. Припять, 2 — в районе речного порта, 2 — на промплощадке АЭС и 2 — в районе пожарной части ЧАЭС, близко от аварийного блока. Из вновь пробуренных скважин воду будут перекачивать в специальное хранилище, предназначенное на АЭС для жидких радиоактивных отходов — ХЖТО.

— Я работал с проектировщиками из всесоюзного институт Гидропроект, — рассказывает Неучев, — Когда выбирали место работы из нескольких вариантов, критерием было наименьшее радиационное загрязнение. Но когда потом мы с дозиметристом приезжали, чтобы лично оценить обстановку, то видели, что радиация там еще довольно высока, и нужно подобрать место почище, чтобы люди не получили лишние дозы. Возможно, что ситуацию меняли ветры — переносили пыль, а она радиоактивна.

Если “стена в грунте” и плита под фундаментом четвертого энергоблока задавали теоретические загадки, то в сооружении дренажной системы главный специалист института “Гидроспецпроект” А.Д. Бутман (он отвечал за дренажные работы на промплощадке ЧАЭС до и после аварии, здесь был участок его объединения) не видел никаких новых инженерных вопросов. Новым был лишь мощный радиационный фон.

Чтобы люди могли морально адаптироваться к осознанию, что присутствует радиационный фон, руководители решили начинать с наиболее чистого участка — с района теплиц. Рабочие треста “Южтеплоэнергомонтаж” прокладывали трубопроводы и устанавливали насосы, а гидроспецстроевцы бурили скважины. Затем работали в средней части города, в районе кафе “Припять” (6-6,5 рентген/час). Пользовались военной картой радиационной обстановки города.

Руководители посчитали, что работать можно примерно по часу, затем — сменяться. Собрали людей, вместе обсудили ситуацию и с общего согласия, добровольно решили работать по два часа непрерывно. К концу такой смены приходила машина, люди менялись буквально бегом. Это были рабочие — асы. Возле теплиц бурили Белецкий, Иштван и другие рабочие, приехавшие с прорабом Терентьевым с Хмельницкого участка “Гидроспецстроя”. Их водитель — Стычинский.

Возле кафе “Припять” и около пожарного депо скважины бурили В.Д. Мартынов, Н.А. Пасечный, И.Я. Шлопак, Л. Денисов, Белоконь, Зайцев. Очень оперативно работал начальник Таджикского управления В.М. Башмаков.

Позднее помимо гидроспецстроевцев Минэнерго СССР вертикальные дренажные системы скважин на разных участках бурили и оборудовали и мастера ПО “Саратовсельхозводопровод” Минводхоза СССР. Монтаж сбросных трубопроводов и коллекторов выполняли трест Укртрубопроводстрой и подразделение Миннефтегазстроя. Эти работы шли с июня по октябрь 86 г.

— Мне досталось бурить скважины рядом с разрушенным четвертым блоком, возле пожарного депо, — рассказывает А.Б. Соболевский. — Командовал начальник

Тюменского участка “Гидроспецстроя” А. Винокуров. Пожарное депо расположено в 200-300 метрах от реакторного отделения энергоблока №2. Оно нас и прикрывало от излучения развала. Я измерял фон на той территории — 20 рентген в час. А непосредственно на месте производства работ было около двух рентген в час.

Реальные условия не позволяли здесь работать и по два часа, пришлось работать по 3-4 часа. Ведь пока сменщик приуровнится к этим условиям, к машине, проходит немало времени. А закончить работу надо, да и самим хотелось быстрее. Скважину следует пробурить на глубину 10 м. Использовали станок ударноканатного бурения УКБ-4УК. Однажды, когда прошли 6 метров, станок замер: пропало электрическое напряжение, которое поступало с какого-то блочного щита управления ЧАЭС. Эту скважину бурили с обеда до 19-20 часов, то есть люди проработали в радиационных полях часов по 6. Первый заместитель министра энергетики и электрификации СССР С.И. Садовский дал каждому премию по 100-150 рублей. Получили благодарность от штаба по ликвидации последствий аварии. Затем бурильщики уехали на отдых. В целом же, по расчетам А.М. Трояна, за время пребывания на этой площадке каждый рабочий получил радиационное облучение в пределах 10-20 рентген.

Но если рабочие, как правило, все-таки менялись через 2-4 часа, то среднее звено руководителей (прорабы и начальники участков) — Троян, Хейфец, Гура, Черных и др., как и в мирное время, дневали и чуть ли не ночевали на участке, чтобы посмотреть, как идут дела, не нужна ли помощь. И если им нужно было найти Дмитриева или Розина, то ехали не в контору, а на объекты.

— Приедешь на ЧАЭС или в Припять — и начальник как бы рассыпается по объектам, смотрит, где и что не доделано; и так на всех объектах по несколько раз в день, — вспоминает водитель А.П. Рыбин, который в Чернобыле возил Дмитриева, Розина и заместителей министра. — Вставали мы в 5.45 утра, а заканчивали работу в 23.00. Дмитриев и Розин так уставали за день, что засыпали прямо в машине. До 8.00 знакомились с обстановкой к ежедневной планерке в штабе объединения, в 10.00 — Правительственная комиссия.

Итак, гидроспецстроевцы вдоль трассы коллектора в трех точках (ул. Спортивная, речной порт, пожарное депо АЭС) пробурили 6 новых скважин, а в них на глубину 12 м поместили трубы диаметром 630 мм. Дно скважин затампонировали бетоном, а сами скважины оснастили насосами. На глубине 2 м от поверхности земли скважины соединили с ливневым коллектором, предварительно также затампонировав бетоном выходные оголовки ливневого коллектора в р.Припять. Для этого от скважин, расположенных на территории АЭС, проложили к ХЖТО трубопровод диаметром 230 мм и длиной около 5 км.

Скважины заполнены фильтрующими материалами из песка и гравия, перемежающимися с металлическими сетками. Автоматически, в зависимости от уровня воды в скважине включаются насосы для откачки воды в сбросные коллекторы. Ливневые скважины начали сооружать 7 мая, закончили 22 мая.

На коллегии Минэнерго СССР 11 мая 1986 года Н.В. Дмитриев доложил о создании коллектива специалистов и учебного комбината по обучению рабочих специфике дезактивации территории, о том, как подготавливалась территория к строительству новых сооружений для задержки ливневых стоков, а также о технологии работ. Этот доклад имел практическое значение. Ведь бурение скважин гидроспецстроевцами, а также прокладка трубопроводов силами треста “Южтеплоэнергомонтаж” на промплощадке ЧАЭС были, по сути, первым опытом инженерной работы в условиях повышенного радиационного фона. Бесценными были также организационные и психологические аспекты этого дела. После создания новой дренажной системы бурильщикам предстояло еще усовершенствовать и просто восстановить

пьезометрическую сеть скважин и т.д. Через пять лет и позднее описываемых событий гидроспецстроевцы еще заняты в Чернобыле. Например, они ремонтировали береговую насосную станцию у пруда-охладителя ЧАЭС.

— Но теперь работы вошли в спокойное русло. Нет стихийности, шапкозакидательства. Все документы подготовлены заранее, составлены нормальные производственные графики, — рассказывал мне мастер фундаментов А.А. Кабашев в машине по дороге из Вышгорода в Чернобыль весной 1990 г. — Нормальная работа, только в условиях радиоактивности. Однако по-прежнему не все благополучно с оценкой дозовых нагрузок ликвидаторов. Например, у В.П. Логунова по индивидуальному накопителю за весь послеаварийный период, оказывается, набралось всего 9 бэр. Но в 1990 г. сотрудники Днепровского управления изучили материалы о работах в своем объединении, поговорили с Логуновым о его маршрутах, радиационный фон которых хорошо известен. Выходит, его истинная дозовая нагрузка должна быть около 50 бэр.

По мнению А.А. Кабашева, и в 1990 г. не было четкого представления, где захоранивать радиоактивные грязные материалы, машины, оборудование. С другой стороны, многие КПП на выезде из зоны закрылись, а ПУСО ликвидируются: поток машин сильно сократился, якобы больше ПУСО не нужны.

Но в 1986 г. гидроспецстроевцы занимались и вывозом со стройплощадок своего бурового оборудования и материалов (кабели, бентонит, всевозможные оснастки). Очень грязное захоранивали в могильниках. А относительно мало загрязненное разрешалось вывозить в г. Чернобыль на базу, которую охраняли военные.

— Эти события глубоко врезались в память, — рассказывает В.Н. Неучев. — Помню, поздно вечером 8 мая кто-то водил меня к генерал-полковнику Пикалову, чтобы он дал своих людей — надо было отмыть радиоактивно загрязненное оборудование, необходимое для производства работ. Он назначил встречу на следующий день. Я и полковник Иванов получили 6 АРСов и БРДМ. БРДМ — бронированная машина для перевозки людей. АРС — машина типа бензовоза, заправленная водой с химреагентами для дезактивации техники и пр. Жидкость подается под давлением. Я с бурильщиком скважин Хлопаком выехали на ЧАЭС. Три АРСа там оставили, чтобы отмывать от радиоактивности нашу технику. Потом я с полковником поехал в гараж и показал, какие машины нам предстоит мыть, а пока попросил отвезти меня на промбазу нашего участка — там в конторе осталась невыданная зарплата рабочим, чековая книжка и печать.

Мы ехали мимо АЭС и ОРУ. Когда подъехали к радиозаводу “Маяк”, дозиметр на БРДМ показывал 25 рентген в час. Полковник Иванов сказал, что дальше не поедем, предварительно не узнав радиационную обстановку. Вернулись. Затем поехали мимо автотранспортного предприятия, столовой “Эврика” и других теперь печально известных мест на базу своего участка. А там — больше 1 рентгена в час. Я вошел в дверь, которую оставила открытой охранник, покидая пост, (а ведь она говорила, что дверь закрыта!) В помещении никого не было. Я взял то, за чем приехал, и запер дверь. Поздно вечером нашу технику вымыли, и мы отправились в г. Чернобыль.

Заехали на стройплощадку третьей очереди АЭС, заправили АРСы чистой водой из системы водопонижения (оттуда воду брали многие) и отправились в район с. Копачи, ближайшего к ЧАЭС. Иванов сказал, что у них есть свои АРСы, которые также следовало бы помыть. Но когда наш первый же АРС помыли несколько раз подряд, он был еще грязным. Это было плохим знаком. Мы отправились в Чернобыль к химикам, рассказали, как мыли, но не отмыли АРС. А они ответили, что само село Копачи теперь стало грязным местом, машины не при чем.

В 1986-87 г.г. Днепровское управление “Гидроспецстрой” устраивало новые наблюдательные скважины глубиной до 27 метров непосредственно в районе третьего и четвертого энергоблоков и вокруг могильников.

— Мы считали, что в это время по поверхности земли можно ходить уже в парадных туфлях, — вспоминает Ф.Г. Халиулин, — На территории ЧАЭС проведены дезактивационные мероприятия, действуют энергоблоки 1 и 2, построен саркофаг для четвертого, шли работы по очистке и пусковым операциям на третьем энергоблоке. Однако то и дело мы натыкались на пятна “грязи” на территории станции. Отдельные участки даже в июне 1987 г. были загрязнены до уровня свыше 1 рентгена в час.

Вновь пригодился опыт лета 1986 г. по работе на загрязненной территории. Но теперь станция действовала, ни в коем случае нельзя было нарушить коммуникации — иначе остановились бы первый и второй энергоблоки.

Ноябрьские наблюдения на III очереди станции, то есть на строительстве энергоблоков 5 и 6, где на отводящем канале по-прежнему исправно действовала своя система водопонижения, показали, что грунтовые воды поднялись по сравнению с первой половиной 1986 г. на 2,0-2,5 метра. Это очень беспокоило обслуживающий персонал ЧАЭС, поскольку подтопленными оказались кабельные каналы на ОРУ (открытом распределительном электрическом устройстве) и некоторые подвальные помещения на промплощадке.

Совершенно очевидна необходимость в новой системе водоподводящих дренажей — скважин в первом от поверхности водоносном горизонте. Собственно говоря, создавать эту систему начали почти одновременно с сооружением “стены в грунте”, в качестве временной меры. Предполагалось, что это позволит строить стену в спокойной обстановке, не торопясь. Однако Правительственная комиссия настаивала на срочных работах одновременно и по дренажам и по стене. Поэтому в восточной части станционной площадки скважины полностью пробурили к тому времени, когда построили 1,8 км стены в грунте.

— Затем бурили у самой станции, в районе пожарного депо. Дальше начиналась уже стена в “грунте”, здесь к бурению приступили чуть позднее, (радиационный фон — 1,6-6 рентген в час). В точке, где мы стояли, было 1,6 р/ч. И мы следили за тем, чтобы люди не отходили в сторону ни на шаг, — рассказывает Д.Н. Гура

Без этих скважин нельзя было пускать третий энергоблок станции. Опыт 86-го помог не только освоиться в радиационной обстановке, но и научил аккуратно обращаться с имеющимися инженерными коммуникациями. Не повредили ни одной сети. Теперь, приступая к делу, брали с собой работников станции из разных служб: электриков, эксплуатационников, дозиметристов. Говорили: “Давайте выйдем на участок и еще 10 раз убедимся, что “именно в этом месте не может проходить подземная линия...” А времени у всех не хватало.

Иногда в обед бурильщикам звонили и говорили: к вечеру должна быть пробурена скважина там-то. Но где “там” конкретно, в каких радиационных условиях? Из-за сложной радиационной обстановки через час-два менялся экипаж бурильщиков. У кого-то зашкаливал дозиметр. Кому-то вообще пора уезжать из зоны. И все это требовалось согласовать, и каждый раз немедленно.

Д.Н. Гура убежден, что структура и опыт гражданской обороны не смогли помочь при организации строительства или, скажем, бурении скважин на радиоактивно пораженной территории: “Прежде я занимался гражданской обороной — там есть разведподразделения, аварийные звенья и прочие подразделения по их профессиональным направлениям. Если бы и мы придерживались такого принципа, это оказалось бы громоздко и неэффективно.

Энергостроители в необычных для себя, экстремальных условиях работали иначе: они организовывали каждую операцию быстро, репетировать в стороне не приходилось. И — не ошибались

Когда 28 июля 1986 г. на совещании у председателя Правительственной комиссии, зампреда Совета Министров СССР Б.Е. Щербины решили “стену в грунте” делать не замкнутой (впоследствии стало ясно, что это спасло немало жизней), то как раз и рассчитывали, что поток загрязненных вод теперь уменьшат дренажные линии. А вот активную фильтрацию из пруда-охладителя к площадке АЭС должен перехватывать уже выполненный участок “стены в грунте”. При этом общие процессы фильтрации подземных вод, по расчетам, не должны замедлиться, однако к реке они, если и подойдут, то лишь через десятилетия. Но к тому времени должна снизиться их интенсивность. Время подтвердило расчеты. Например, грунтовые воды на месте Рыжего леса находятся на глубине около четырех метров. Захоранивая лес, копали метра на 3. Но в 86-м вода там опустилась на глубину 6-7 метров, т.к. заработала система дренажа и водопонижения (О Рыжем лесе расскажем отдельно).

В первой половине 1987 г. уровни грунтовых вод на территории первого-четвертого энергоблоков ЧАЭС поднялись до природного в результате поступления на площадку бытового (естественного) потока грунтовых вод. Воды на территории ОРУ медленно поднимались до июня 1987 г., после того как там в мае 1987 г. снова начал действовать существовавший ранее горизонтальный дренаж. Однако он снизил уровень воды лишь до полуметра. Пришлось и здесь строить дренажные скважины.

По состоянию дренажных скважин на промплощадке было видно, что на уровень грунтовых вод здесь заметно влияют воды с прилегающих к ним участков, где не работают отсекающий и береговой дренажи. В первой половине 1990 г. уровень грунтовых вод на территории ЧАЭС поднялся до практически естественных отметок. Стало очевидным, что для получения полной и всесторонней информации о режиме грунтовых вод необходима разработка специальной исследовательской и проектной программы.

Проектированием дальнейшего развития дренажной системы на территории Чернобыльской АЭС занялся институт Гидроспецпроект по поручению Ленинградского отделения института Атомэнергопроект.

Но мы снова увлеклись и ушли далеко во времени, следуя логике событий.

Завершая рассказ о первом и самом сложном послеаварийном этапе работ “Гидроспецстроя” и его проектного института, вспоминаешь сказанное кадровиком С.В. Калачевой: “В Чернобыле выделилась группа молодых парней, изумительно показавших себя в работе в экстремальных условиях: А.Л. Запорожец, А.И. Тищенко и Маслов из Дальневосточного стройуправления. Они были простыми механиками. Сейчас они — заместители начальников управлений. Чернобыль обнажил настоящее в людях, показал, кто есть кто. Люди у нас замечательные, действительно, “все — лучшие”.

Многие из объединения поехали по своей инициативе, добровольцами. Например, инженер Л.В. Винокуров, узнав об аварии в Чернобыле, сам соединился по телефону с начальником объединения в Москве и попросил отправить его в Чернобыль с первой же партией бурильщиков. Его просьба была удовлетворена, и он там руководил буровыми работами. Сейчас он начальник Уральского управления... Н.Г. Селиванов рассказывал, что когда Винокуров был на очередном профилактическом обследовании в областной больнице г.Свердловска (там ежегодно ликвидаторы проходят медицинское обследование), ему должны были дать третью группу инвалидности.

Судя по рассказам очевидцев, он был в Чернобыле настолько активен, что даже не узнав уровня радиации, вместе с бригадой бурильщиков работал у подножия реакторного отделения. И теперь нельзя выяснить, сколько времени он там пробыл. Для

инженеров и бригадиров ограничения по времени не было, обычно они оставались со следующей сменой. Потом долгое время у него на ногах не проходили язвы — в мае 86-го там еще не знали, что, несмотря на жару, надо надевать зимнее нижнее белье.

Надо ли удивляться, что лишь из работавших в Чернобыле 88 специалистов института “Гидроспецпроект” шести уже нет с нами, а восемь - инвалиды. В 1992 г. умер мастер Шаламов. В 1993 умерли заместитель начальника “Гидроспецстроя” И.П. Борщ, заместитель главного инженера В.Б. Хейфец, директор “Гидроспецпроекта” А.М. Мариничев. В 1994 г. умер начальник “Гидроспецстроя” Н.В. Дмитриев... Все — далеко не старые люди. Они пользовались огромным авторитетом.

“Думаю, и сейчас, если бы, не дай Бог, подобное случилось, патриотический подъем был бы не меньшим, даже, несмотря на то, что люди узнают о гибели некоторых ликвидаторов через годы”, — мнение М.Н. Розина. Если бы последствия аварии не были погашены тогда, в 86-м, они стали бы непредсказуемыми.

Но тогда большинство отработали около двух месяцев и вернулись домой, как из обычной командировки. И только они сами запомнят эту командировку на всю жизнь. “Если бы мы работали в обычных условиях так, как в Чернобыле, то давно бы обогнали тех капиталистов” (Д.Н. Гура). “Мы и сами не верили, что сможем сегодня сделать 7 метров стены в грунте, а завтра — 15 или 12 метров. Но ведь выполняли!” (В.И. Лагодиев).

...Дренажные системы, как известно, предназначены для осушения почв, понижения уровня грунтовых вод. В Чернобыле их создание сопровождалось очисткой грунтовых и поверхностных вод от радионуклидов. Опробовали разные способы очистки речной воды сорбентами-поглотителями. В процессе одного из таких экспериментов в р. Припять трое суток сбрасывали сорбент о четырех теплоходов-сухогрузов — всего около 7200 тонн. Ниже по течению измеряли концентрацию радиоактивности. Припять и без того была не очень загрязненной. Но сорбенты ее существенно очистили.

Множество предложений о способах и подходах в борьбе с чернобыльской бедой, нередко талантливых, иногда взаимоисключающих, объясняется, прежде всего, неравнодушием наших людей. Конкретные предложения приходили в правительственную комиссию от частных лиц и академических институтов, от промышленных предприятий и колхозов. Они часто содержали описания технологий, чертежи, расчеты, предложения личного участия. В зоне я видела многие из этих писем. А в Новосибирском Академгородке мне рассказали любопытную историю о группе И.А. Белицкого.

Узнав об аварии, работающие в институте имени академика Д.П. Виноградова послали телеграмму из Новосибирска в Правительственную комиссию в нарушение правил своей родной бюрократии — они забыли о порядке, по которому местным академическим институтам полагается всю почту отправлять только через Президиум Сибирского отделения АН СССР. Ответ пришел немедленно: “Приезжайте”. Но в институт он не попал, потому что академическое начальство о телеграмме в Чернобыль своих сотрудников ничего не знало, а, следовательно, и ответ тоже прошел мимо института, словом, потерялся. Впрочем, может быть, как здесь говорят, решили “чересчур активного” И.А. Белицкого “попридержать за штаны”, чтобы не высывался”.

Геохимики с нетерпением ждали ответа, но дождались грозного телеграфного вызова от Правительственной комиссии: “Почему задерживаетесь?”

Через несколько дней в Новосибирском академгородке перед зданием Института геохимии собрались провожающие. Многие выглядывали из окон. Кажется, равнодушным не остался никто. Лица растроганы, разве что платочком не махали вслед

автобусу... Шестеро уезжали в Чернобыль: заведующий лабораторией И.А. Белицкий, его “правая рука” В.Н. Николаев, инженер-химик А.В. Горбунов, ведущий инженер-электрик Е.И. Ханженков, рабочий высшей квалификации Ю.Я. Беляев и специалист из института неорганической химии Н.К. Мороз.

Они предложили укладывать в основу плотин кремниевые вещества — цеолиты, кристаллическая решетка которых — тетраэдр — как бы “притягивает” к себе и закрепляет намертво радиоактивные вещества, особенно цезий. Такая решетка сродни иону цезия и способна заменить любой катион, но сам цезий заменить уж нельзя ничем, настолько прочно он включается. А это очень важно — исключить из пищевой цепи в природе наиболее распространенный опасный радиоактивный элемент. Из цеолитов в природе наиболее распространен клиноптилолит — главная составляющая часть относительно легкого пеплового туфа. Он бывает сероватым, зеленоватым, беловатым. Молекулы воды в цеолитах свободно гуляют, словно в трубе.

Открытия в этом нет, во всем мире знают о таких замечательных свойствах цеолитов и применяют их в могильниках радиоактивных веществ. Неприятность в том, что сам “заполненный” цеолит приходится захоранивать. Однако дело свое он сделал, спрятал “грязь” в себя. Тут важно было вовремя про цеолиты вспомнить, разработать технологию быстрой укладки их в плотины и освоить эту технологию на практике в полевых условиях грязной зоны, в том числе и на пруде-охладителе.

Теперь в Академгородке все с готовностью помогали геохимикам. И больше всех — из Президиума академии наук, из Института геологии, неорганической химии, с базы научно-технического снабжения. Понадобился, например, нержавеющей бак емкостью в две тонны — и его сварили через день. Темпы небывалые. Из окна лаборатории и сегодня можно увидеть полигон геохимиков — макеты будущих установок, на которых проверяли и отработывали рабочие циклы. Среди них — ярко-желтая установка с ионообменными колоннами трехметровой высоты. Она предназначалась для испытаний, а потом для работы в Чернобыле. На ней надпись: “Радиоактивно. Институт геологии и геофизики СО АН СССР”. Через трубу диаметром в четверть метра с насыпанным внутри цеолитом прокачивали воду и наблюдали, интенсивно ли идет процесс. Другая группа ученых (аналитики) круглосуточно прокачивала через свои трубки растворы солей и смотрела, извлекаются соли или нет. Если да — значит и большая труба будет работать.

Основные разработки и практическую подготовку новосибирцы выполнили в институте. В Чернобыле оставалось быстро наладить свое хозяйство и передать его строителям. То были проекты плотин с крупными кусками цеолита на металлических сетках для удержания грязи из грунтовых вод на небольших ручьях. В Чернобыле четыре или пять конкурентных организаций предлагали вместо цеолита уголь, гипосульфит, песок, гравий... Однако новосибирцы победили.

— Находиться в зоне и не работать было просто невыносимо. Я чуть с ума не сошел за те несколько дней ожидания, пока из нескольких вариантов дезактивации Правительственная комиссия выбирала оптимальный, — рассказывает инженер-химик А.В. Горбунов.

Вначале их называли просто: “группа сибиряков”. Занимался ими в основном Е.П. Велихов. Но в июне геохимиков прикомандировали к одной из комплексных экспедиций.

Вскоре из Новосибирска приехало пополнение. Эту группу, полностью женскую возглавляла В.А. Богданова, химик-аналитик мирового класса — уже не молоденькая, довольно плотненькая и женственная, но потрясающе работоспособная, спортивного склада. Дома ежедневно до самого льда купается она в Обском море.

Всем хотелось выполнить свою часть работы наилучшим образом, и дело кипело круглые сутки.

— Включились в дело сварщики, снабженцы, слесари, транспортники, крупнейшие ученые — невозможно вспомнить каждого, — рассказывает А.В. Горбунов. — Огромное количество людей стремилось внести свою лепту. А осенью в приказе по институту труд каждого отметили благодарностью и премией. Позже их труд был отмечен и Правительственными наградами, и грамотами.

Дома коллеги спрашивали: “Не страшно?” — “Конечно, страшно. Но почему не я? И... чрезвычайно интересно!”

В первое время Госснаб СССР очень хорошо помогал. Заказали, например, новосибирские геохимики кабель — через два дня пришел ответ: “Получите!” Пришли, а кабеля-то и нет, кто-то оказался порасторопнее. “Ну, и мы тоже сперли у кого-то, раз такое дело”.

Свою желтую установку в зоне они установили рядом с АЭС на пруде-охладителе около брошенной пожарной машины, чтобы выявить там спектр радиоактивных элементов. Она дико “светила”! С ее помощью узнали, где самая грязная вода.

Заражение воды в пруде оказалось совсем не такими, как предполагали вначале. Это был не только раствор. В нем встречались и механические загрязнения мельчайшими крупицами типа остеклованных шариков размером от микронов до одного миллиметра. Растворы были радиоактивно довольно слабыми. Но они должны подпитываться радиацией этими шариками из грунтовых вод, со склонов оврагов, ручьев. Полученные сведения подсказали необходимость долгосрочного использования цеолитов. Их стали укладывать в дамбы, которые строили на реках и ручьях. Цеолит показал себя прекрасно, адсорбируя радионуклиды из воды. Отработавший материал в принципе можно заменять новой партией. Однако не разрушать же ради этого дамбы. Цеолиты уловили самую первую радиоактивную грязь. Спасибо и на этом.

Итак, весь район АЭС опоясали дренажными системами, только силами Минэнерго построены емкости для стоков ливневой канализации на 100 тысяч кубометров воды.

Дамбы — насыпные сооружения. Они призваны защищать низменности от речных разливов, а в данном случае — реки от поверхностных вод суши. Сооружали их с учетом рекомендации геологов Украины, хорошо знающих бассейн р. Припяти в районе Чернобыля.

Дамбы насыпали, а сверху и с фронта движения воды покрывали специальной пленкой для предотвращения возможного размыва. Кроме того, перед каждой дамбой отрывали траншею для перехвата ожидаемого потока, чтобы ослабить водный напор. В траншею насыпали цеолит или торф, также обладающий способностью адсорбировать радионуклиды. Новосибирцы вскоре убедились, что строят дамбы правильно и уехали.

Всего было построено более 130 защитных дамб, каналов и ловушек для донных отложений. Наносоулавливающие сооружения делали нескольких типов. Одно из них — так называемая Ивановская ловушка — это почти километровый карьер, проложенный по руслу реки. Его смысл в том, чтобы сбивать скорости воды. Ил сваливается в эту канаву и там остается, задерживая до 20% цезия-144 и до 13% остальных радионуклидов.

В Киевском водохранилище и на реке Припяти в первый же год после аварии было построено и несколько подводных дамб — тоже наносоулавливающих устройств, причем в Киевском водохранилище их углубили метров на пятнадцать. Вытянувшись примерно на полкилометра каждая, они создали как бы волны на донной поверхности и неплохо собирали поступавшую с верховьев радиоактивность, защищая р. Днепр от наносов из Киевского водохранилища. Теперь эти накопления укрыты последующими наносами, которые служат как бы изоляцией и не дают им перемещаться

С самого начала было сделано максимум возможного, с запасом. Потом задумались, а нужно ли столько инженерных сооружений эксплуатировать? Через некоторое время часть плотин забило илом, и вода пошла через верх. Дамбы сработали, как накопители воды. В их верхних бьефах образовались пойменные озера, на дне которых стали оседать тонкие взвеси. Некоторые дамбы пришлось даже разрушить: взвешенные частицы и органика затрамбовали поры на поверхности дамб. Но на первых порах они свое дело сделали.

Украинский Минводхоз изучил этот эффект. Оказалось, что толщина ила перед плотиной на реке Илья оказалась в 15-16 раз больше, чем на окружающей территории дна, а концентрация радионуклидов в этом иле выше, чем на суше.

— Речная вода не только в Днепре, но и в Припяти в действительности оказалась более чистой, чем все мы предполагали, и для ее спасения просто не требовалось такое “тяжелое вооружение”, — рассказал мне в апреле 1989 г. В.В. Матвеев в Минводхозе Украины, показывая их центральную радиологическую лабораторию Днепровского бассейнового водохозяйственного объединения. Вместе с отделением географии АН УССР, Украинским Институтом комплексного использования водных ресурсов Минводхоза СССР и Украинским Гидрометеорологическим институтом Гидрометцентра СССР они постоянно ведут свои исследования в бассейне р.Днепр.

Водоохранные сооружения на малых реках контролирует Чернобыльское управление эксплуатации водохранилищ. Первым начальником был Э.Л. Панасевич. С его помощью были выбраны три наиболее загрязненные речки: Брагинка, Сохан и Илья. На них и сконцентрировали усилия, реконструировали защитные дамбы, повысив их надежность.

Сначала казалось, что в радиусе примерно пяти километров от АЭС эти дамбы потребуются в течение года, от силы трех лет. Позже стало ясно, что им предстоит служить десятилетия, значит они должны быть прочными при любых паводках.

Не только в Днепре, но и в р.Припять уровень радиоактивности благодаря специально принятым мерам в 1986 г. был незначительным.

Появилась возможность говорить о закономерностях. До июля 1986 года в водах рек Припять и Днепр, Киевском водохранилище, вообще в поверхностных водах суши обнаруживали в основном изотопы цезия и стронция. Изотопы рутения, церия и ниобия встречались лишь иногда, и то непостоянно. Они главным образом оказывались частью взвешенных частиц. За год, то есть к маю 1987 года — концентрация цезия в Припяти, Днепре и Киевском водохранилище снизилась более чем в 20 раз. Она уменьшалась быстро, особенно летом и осенью 1986 года. Это было хорошо заметно по состоянию Киевского водохранилища — здесь оседают взвешенные частицы, принесенные Припятью и Днепром. Они-то и несли радиоизотопы цезия.

Осенью 1986-го волны ходили по Киевскому водохранилищу, будто по морю. Они выплескивались на берега и пляжи и слизывали с них пыль и грязь, что несколько увеличивало и радиоактивный фон самого моря. Ветры гоняли пенные барашки по его поверхности, шторма с глубины поднимали иловую муть. Непосвященному могло показаться, что теперь-то Киевское море превратится в сточный водоем. Однако расчеты не подтверждали таких пессимистических прогнозов даже при условии полного взбалтывания донного ила самыми сильными штормами. Действительно, дозовые нагрузки, которые определяются суммой всех радионуклидов, не загрязнили питьевую воду более чем на 5-10 процентов от принятых тогда в СССР норм. Эта вода быстро ушла в Черное море, где мгновенно разбавилась так, что радионуклиды стали просто неощутимы.

— Стационарно раз в неделю, начиная с 1987 года, службы Минводхоза Украины берут пробы воды вокруг всех атомных станций Украины, и ни разу не было

зафиксировано превышение норм радиоактивности. Например, вода в пруде-охладителе Запорожской АЭС по всем показателям даже чище, чем в Днепре, — рассказывал мне через 3 года после аварии ответственный работник Минводхоза Украины У.В. Белоткач. — После чернобыльской аварии мы летали на скоростном вертолете и брали по 20 проб воды в день. Эта катастрофа не привела к загрязнению водоемов стронцием и цезием выше пределов, допустимых для проживания в зоне влияния АЭС. Справочники с такими нормами известны специалистам.

Но в самый “грязный” период, на заседании Правительственной комиссии 12 июня 1986 г. председательствующий задал вопрос представителю Минздрава СССР профессору Кощеву о качестве питьевой воды.

— Вода, по нашим промерам, вполне отвечает гигиеническим требованиям, это заслуга Минэнерго, так как Минкоммунхоз Украины свою часть работ по биологической и биохимической очистке сточных вод не выполнил, — ответил Кощев.

У ПОДНОЖЬЯ ЧЕТВЕРТОГО БЛОКА

“В случае с Чернобылем русские оказались в беспрецедентных условиях: никому до этого еще не приходилось работать на так тяжело поврежденном реакторе. Они вынуждены были разработать широкие программы, испытывая существенный стресс от того, что имели дело с ядерной аварией таких масштабов...”

Джеймс Варли, главный редактор “Ньюклар Инжиниринг” (Великобритания).

В Чернобыль 22 мая приехал министр Средмаша Е.П. Славский — решался вопрос об Укрытии для четвертого энергоблока.

Около месяца с газетных полос не сходило его неофициальное название — “саркофаг”, броня. Мы все с беспокойством следили за публикациями. Непосвященные даже представить не могли, насколько же, в самом деле, трудна эта работа. При виде реакторного отделения со стороны двора казалось, что ее вообще невозможно выполнить: ведь к разрушенному зданию даже близко подходить было опасно. Однако здесь предстояло поднять почти на 80-метровую высоту сложные, тяжелые и громоздкие конструкции и еще их там смонтировать, добившись герметичности всего укрытия. Эту работу поручили созданному тогда же средмашевскому специализированному предприятию — Управлению строительства №605 — УС-605.

Ядерная энергетика знает различные типы емкостей для хранения радиоактивных веществ. В оборудованных для этой цели помещениях в особой упаковке хранят ядерное топливо. В специальных могильниках выдерживают отходы.

Но “Укрытие” не похоже ни на то, ни на другое. Прежде чем строить, предстояло разработать технические принципы и требования для обоснования его целесообразности; сформулировать, как говорят специалисты, концепцию безопасности.

Эта концепция предусматривала условия, которые должны исключить возникновение в разрушенном реакторе самоподдерживающейся цепной реакции, а также образование радиолизного водорода в количестве, создающем взрывоопасную его концентрацию.

Топливо находится в хаотичном состоянии, по сути дела — просто свалка. Оно способно слегка саморазогреваться, и в этом нет ничего опасного. Саморазогревается и стог сена, чем и привлекает животных и путников в холодную пору. Однако концепция безопасности все же предусматривала необходимость предупредить возможность плавления остатков топливной массы. Для этого небольшое количество образующегося в топливе тепла необходимо постоянно удалять из-под Укрытия.

Но главным его назначением была изоляция поврежденного реактора от окружающей среды. Укрытие должно быть абсолютно надежным и не только защищать от радиации окружающей мир, но и гарантировать его собственную надежность, в том числе противостояние ураганам и даже землетрясениям. Вместе с тем, построить саркофаг следовало в минимальные сроки, да так, чтобы и строители получили минимально возможные дозы облучения. Кроме того — это уже абсолютная фантастика — внутри саркофага предстояло создать помещения с относительно невысоким уровнем радиации для проведения там научных исследований и диагностики состояния остатков топлива, да и самого реактора.

Но прежде кто-то должен построить на самом развале первый ярус этого укрытия — стенку биологической защиты. Этот нижний ярус наружной части Укрытия, или саркофага сейчас скрыт под внешней стеной. Строители его в обиходе, по-домашнему называли просто стенкой. Но пока она не поднялась на 6 метров от земли, то есть по

сути на уровень крыши двухэтажного здания, пока не оградила открытый завал, УС-605 не могло приступить к сооружению своего знаменитого Саркофага. Представители Минсредмаша заявили на заседании Правительственной комиссии, что пока “кто-то” не построит эту “стенку”, они вообще не начнут даже проектные работы.

Этим “кем-то” стали в основном работники припятского управления ЮЭМ (трест Южэнергомонтаж), то есть подразделения Управления строительства ЧАЭС. Начальником управления и непосредственным руководителем и участником этой операции был В.А. Казаков, поэтому часто официально и неофициально сооружение называли просто казаковской стенкой. Под этим именем она вошла в историю Чернобыля.

Неподалеку от четвертого энергоблока еще с “до новой эры” стоял восьмидесятитонный автомобильный подъемный кран. Его надо было убрать до начала сооружения саркофага. Несложная, казалось бы, операция, но не при радиационном фоне в 12 рентген и час. Понадобились дозиметристы, электрики — ведь предстояло завести два двигателя: ходовой и на крановой установке, чтобы кран мог пойти своим ходом. Военные предлагали не возиться, а просто взорвать кран и отбросить в сторону. Но ведь и разрушенный пришлось бы убирать с территории.

— Я спросил, кто пойдет. Кое-кто сослался на головную боль, на боль в спине. Но другие ответили: “Надо, значит, надо”. И побежали бегом, — рассказывает Сенников. Их было шестеро. Вообще, “надо” было широко распространенным внутренним побуждением. Будь моя воля, я наградил бы орденом в Чернобыле каждого.

Стрела была выдвинутой. Трос намотан на барабан, электронику кто-то вырезал и унес (позднее я узнала, что это были работники УС-605). Тормозом, гидравликой пришлось управлять просто рукой, ногой, палкой. Вокруг крана стояли контейнеры с графитом, кислородные емкости. Вывезти их попросили военных. Словом, этот подъемный кран выводили два дня и освободили место для другого большого крана, пригодного для сооружения саркофага. Все участвовавшие в этой эпопее награждены правительственными наградами.

К самому завалу у подножья энергоблока сначала подходить было невозможно: приборы в этом месте показывали до 1000 рентген в час. Поэтому вначале его намеревались просто завалить бетоном.

Чтобы хоть как-то подойти к подножью блока со строительными машинами, решили прежде перпендикулярно к основной стене, на углу здания реакторного отделения установить своего рода экран — небольшую временную стенку. Она частично защищала от излучений основного завала, если к нему подходить сбоку, как бы из засады. Участок с тремя рентгенами в час тогда считался вполне приличным местом.

Казаков разместил свою контору всего в трехстах метрах от четвертого энергоблока. Познакомиться с ним мне посоветовал помощник Ю.Н. Корсуна М.Г. Масловский, восхищенный работоспособностью и мужеством этого человека. Я застала Казакова за оформлением трудовых книжек его подчиненных.

— Пойдите, посмотрите, как здорово действуют наши ребята, — сказал он... “Пошла” на бронетранспортере. К четвертому блоку и то время все добирались только на специально оборудованных ми шинах, да и они сами через некоторое время начинали “светиться” так, что приходилось машины захоранивать и заменять другими. Ребята не спешили, они подъезжали к своему участку быстро, но размеренно делали свое дело и уезжали тоже быстро, без суеты.

Многие руководители осуждали Казакова за излишнюю, как им казалось, браваду. Верно ведь, что солдат обязан побеждать, и не высовываться без нужды из окопа под вражеские пули. Вот, мол, Владимир Александрович как раз бравирует, а может — и того хуже, старается побыстрее набрать свои 25 бэр, чтобы “законно” уехать из зоны.

Бывали ведь и такие, чаще среди плохо обученных солдат, хоть и единицы. О них говорили с презрением. Вероятно, поэтому никаких наград Казаков не получил.

Но он не заслужил таких подозрений. Да, смел. Но — не безрассуден. Между прочим, в Отечественную войну в армейских инструкциях тоже не писали, что вражеские огнедышащие доты нужно закрывать своим телом.

С такими мерками можно и Александра Матросова, закрывшего в войну своим телом амбразуру пулемета, назвать рискованным и глупым ухарем: “Нечего, мол, было торопиться умирать. Подождал бы подмоги от тыла”. А он — спас товарищей. И помог выиграть бой. И мы по справедливости считаем Матросова народным героем. И знаем, что таких в войну было около 30.

— “Легкомысленное” поведение Казакова в тот момент тоже имело решающее значение. И, в конце концов, он рисковал собственным здоровьем, и это — его право. Да, его пришлось довольно быстро вывести из зоны, и он этого заранее не мог не предвидеть. После своей “стенки” он еще поработал в Чернобыле заместителем начальника УС ЧАЭС. И это ему почему-то не засчитали, когда составляли наградные документы.

Коллеги осуждали Казакова именно за пренебрежение к своему здоровью.

Для энергетиков здоровье людей представляло главную ценность, тем более, что возможности для замены ограничены — ведь энергостроителя, особенно монтажника, нужно готовить годы, пока не достигнет необходимого уровня мастерства. На энергетическом объекте его сходу заменить просто нечем. Оборудование электростанции не случайно относится к категории особо сложного. И тот факт, что ни собственно строителям, ни монтажникам не пришлось набирать новых рабочих, свидетельствует о том, что никого из работавших на территории 30-километровой зоны не приходилось уговаривать оставаться там столько, сколько было нужно. “Наверху” быстро привыкли, что энергетики справляются с любым трудным делом. И Ю.Н. Корсуну приходилось напоминать Правительственной комиссии, что у Минэнерго нет людей, привлеченных из народного хозяйства, как у УС-605.

Но все-таки, как начать громоздкие и весьма трудоемкие работы у подножия реактора, если человек не может там находиться? Из какого материала и по какой технологии, какими механизмами этот ярус сооружать? Прецедента, а значит и опыта нет.

Подножие представляло собой бесформенный завал, который из соображений безопасности решили не раскапывать и никуда не перевозить. Землю вперемежку с обломками и графитом сначала военные на специализированных машинах лишь придвинули поплотнее к энергоблоку. Но поверхность все равно была неровной, рыхлой, в буграх и вмятинах. Теперь перед завалом, а следом и на нем самом предстояло установить надежный фундамент и нижний ярус саркофага. Без права на ошибку. Без возможности переделать... Но это же — невозможно!

...Пока в Правительственной комиссии обсуждали сроки и технологию возведения саркофага, 13 и 14 мая монтажники ЮЭМ вместе со специалистами института Атомэнергостройпроект (АЭСР) срочно проектировали стенку биологической защиты и придумывали, как эту работу осуществить.

Основная стена у подножия четвертого блока должна быть толщиной 7 метров, выше — сужаться до четырех. Высота — 6 метров. Ее общую конструкцию проектировал лично со своей командой Ф.С. Тимиров, директор института Атомэнергостройпроект.

Монтажники и предложили сделать стенку сборной, установить там короба своей конструкции и заполнить их бетоном подходящей марки.

Короба изготавливал Киевский завод экспериментальных конструкций Минэнерго. Под руководством старшего прораба В.А. Дугина на полигоне близ Чернобыля их

укрупняли, устанавливали на трейлеры и с величайшими предосторожностями везли 18 километров к станции.

Дело тут не в какой-то необычной их сложности. Но очень уж зыбкими и громоздкими были эти двенадцатиметровые конструкции. Их следовало доставить без малейших повреждений и перегибов, чтобы потом дистанционно раз и навсегда состыковать,

Дорога от Чернобыля к станции тогда была не такой просторной, как теперь. Ветви деревьев нависали над коробами, грозя сдвинуть. Поэтому проводить огромные (японские и челябинские) трейлеры было непростым делом. Часть деревьев пришлось срубить. Впереди и сзади колонны, словно почетный эскорт, шли машины Госавтоинспекции. Каждый трейлер с блоком сопровождал мастер или прораб... В километре от станции военные на транспортных машинах ИМРах тащили их к стене энергоблока и придвигали плотно один к другому.

Укрупняла блоки, устанавливала на трейлеры и затем везла на станцию одна и та же сборная бригада из лучших монтажников трестов Южэнергомонтаж и Спецатомэнергомонтаж — асы и своем деле старший прораб С.М. Сергейчук, прораб В.И. Стампов и прораб Ю.Я. Баладюк, старший прораб Д.М. Кнут, И.Я. Кузнец, И.Н. Мудревский и другие под руководством заместителя начальника управления ЮЭМ В.Н. Норика. Не посмотрев это поистине “поле битвы” своими глазами раз, другой, десятый, ходом этого “сражения” управлять было бы действительно просто невозможно. Поэтому непосредственные руководители этой ювелирной работы — В.Н. Свинчук и В.М. Казаков то и дело с вертолетов разглядывали завал, чтобы убедиться: все идет, как задумано. Старались подлетать как можно ближе.

“Размазывать” во времени эту работу было нельзя — стенка требовалась как можно быстрее. Но по ходу дела постоянно возникали вопросы.

Чтобы коробка у подножья реакторного отделения плотно прилегали друг к другу и не распадались, в ЮЭМе придумали автоматические защелки-уловители, которые срабатывали при касании и навечно состыковывали эти тридцатитонные блоки на их постоянном месте.

Ошибаться действительно нельзя — назад неудавшийся блок не уберешь. Поэтому на полигоне водители тренировались выполнять эти, в общем-то, несложные для мирного времени операции так, словно дело касается состыковки космических аппаратов. Возможно, сравнение не так уж и неправомечно. Началась эта эпопея изготовления и доставки блоков 26 мая, а последний блок доставили 3 июня, то есть всего за 7 дней ЮЭМ выполнил программу, для которой в обычных условиях требовались бы месяцы.

Теперь предстояло стенку заполнить бетоном.

— К вечеру в воскресенье, 22 июня, подъехав на БРДМ (боевая разведывательно-десантная машина) максимально близко к северной стороне четвертого блока, мы с Игорем Кравченко и солдатом-дозиметристом Колей вылезли из люков и впервые в нашей жизни начали нашу дозиметрическую разведку местности, — рассказывал позже специалист по бетонам Р.С. Тиллес. Именно — местности, поля боя, а не территории промышленного объекта, заполненной горами обгоревшей техники, экскаваторами, пожарными машинами, паутиной смятых бетоноводов. Тишина. Впереди — никого. Только черная громада разрушенного энергоблока, обнаженные голубые ГЦНы (главные циркуляционные насосы) из блочного технологического контура, желтые ресиверы, завалы... Голос Коли называет цифры, нарастающие до предела, после которого я команду: “Бегом!” Мы разведывали обстановку в дополнение к тому, что сообщили дозиметристы. Ведь и задача была неординарной: любой ценой забетонировать контейнеры первого яруса этой стенки. Решили цементное “молоко” в стенку закачивать по трубопроводу, издалека, дистанционно.

И вот снова километров двадцать по шоссейной дороге, потом по стационарному двору идет необычный караван. Два трактора тянут трубу длиной в километр — будущий бетоновод. Его сопровождают 14 рабочих во главе со старшим прорабом В.Н. Нориком. И бригада тоже необычная: снова в нее входят старший прораб Д.М. Кнут и бригадиры: И.Я. Кузнец, И.Н. Мудревский и другие. Как говорится, сборная страны, элита. Организовали эту работу подразделения УС ЧАЭС, ЮЭМ и АЭСП (институт “Атомэнергостройпроект”). Работали без перекуров. Каждому члену бригады “досталось” по 15-20 бэр.

— Вчера вот закончили монтаж трубопроводов для подачи бетона, — рассказывал мне в июне Казаков и не скрывал удовлетворения. — Трубы монтажники ЮТЭМа заблаговременно сварили в плети, потом с помощью радиоуправляемой японской техники на трейлерах их подтягивали к реакторному отделению, а управление механизации строительных работ Минэнерго выполняло заключительные операции.

Например, на этом трубопроводе, уже на территории АЭС, предстояло заварить колено. Первый заместитель министра Минэнерго СССР С.И. Садовский предложил на машине установить сварочный аппарат, а за ним отправить БРДМ с двумя хлопцами. Бронемашина подъезжает, хлопцы из нее выскакивают по очереди и подбегают к трубе, сваривают участок стыка. А им издали кричат, сколько минут прошло. Стыки, на сварку которых и обычных условиях уходит часа полтора, эти ребята на тренировках варили за 30 минут, а в “поле” — за 18 минут, передавая сварочный аппарат, как эстафету.

Это была отличная идея — обезопасить завал с наименьшим привлечением людей, а затем выровнять с помощью радиоуправляемой техники эту гору из обломков оборудования и железобетона, залив и ее цементным молоком.

В обычных условиях на обдумывание и подготовку подобных работ отводилось бы специальное время. Теперь к их выполнению приступали практически в тот же день, когда получали задание.

— Сегодня в 23.00 начинаем большую закладку бетона. Завтра закончим, — докладывал на заседании Правительственной комиссии тогдашний начальник УС ЧАЭС Гора, человек слегка полноватый, внешне спокойный, даже как будто излишне уравновешенный. Но в действительности — грамотный, высококвалифицированный специалист, способный быстро оценить обстановку и принять точное, верное решение. Энергостроители — собственно строители и монтажники из подразделений Минэнерго — работали на многих участках одновременно. Их результат часто требовался быстрее других, как обладающий наибольшей оперативной значимостью. Нередко сказывался он и на критическом пути работ (то есть наиболее важный, трудоемкий этап или требующий наибольшего количества участников), а нередко и в самых опасных местах. Поэтому и на заседаниях Правительственной комиссии больше всего вопросов было к энергостроителям. Поэтому однажды председательствующий Маслюков обратился к Корсуну: “Организуйте прочтение лекций всем работающим у вас, чтобы понимали суть радиационной опасности и учитывали в процессе работы”. О необходимости беречь людей говорили почти на каждом заседании, порою грозили карами тем начальникам, чьи люди переберут дозволенные на тот, начальный период 25 бэр... Официально никто и не перебрал. Многие бывалые ликвидаторы просто не сдавали свои накопители: работать-то все равно надо.

...Это происходило в ночи с 3 на 4 и с 4 на 5 июня. В операции участвовали прораб Б.А. Радченко, мастер Гладинец, рабочие ЮЭМа, ЮТЭМа, военные. Полковник В.А. Себякин оставил строителям на ночь два бронетранспортера с экипажами под командой старшего лейтенанта Медынского и лейтенанта Иваникина. “Все молодые, моложе моих детей”, — как сказал о них Токаренко, замначальника ЮТЭМа. — Здорово они

работали. И обеспечили подачу бетона на Казаковскую стенку. А Себякина нашел Тарасенко, просто попросил: “Помоги”.

А вот впечатление непосредственного исполнителя начальника вахты старшего прораба ЮЭМа В.А. Дугина:

— Работа шла круглосуточно, бригады по 15 человек сменялись через 12 часов: бригада И.Н. Рогулина — бригада А.М. Коваленко — снова Рогулина... Это объяснялось не только удобством в организации работы, но и желанием сократить время на дорогу в лагерь.

Мы жили тогда за 70 километров, в селе Полесском. Сам Дугин ежедневно приезжал на площадку в 7 утра и уезжал в 22. Рогулин был членом бюро Припятского РК КПСС, в его бригаде работал и его сын Александр; в бригаде Коваленко — делегат XXVII партсъезда Украины К.М. Ежов. То была именитая команда профессионалов высшего класса, а их общественные регалии в данном случае говорили об их большом авторитете у коллег. Ведь это было при советской власти.

Жара, пыль и пот. Запах от свежей с утра защитной маски — “лепестка” — уже к обеду не отличался от аромата выхлопов БТРов. И — постоянный, ставший подкорковым, вопрос: “Сколько здесь рентген?”, и следом — расчет: “Сколько мы здесь?” А мозг в это время занят работой. Сливаются дни и ночи: только скорей, скорей, скорей.

Бетонирование шло довольно гладко, однако вскоре заметили, что жидкий бетон куда-то уходит. Но куда?

Завал с вертолета осматривали в бинокли заместитель министра Ю.Н. Корсун, руководители УС ЧАЭС В.П. Акулов, В.Т. Гора. Никто не мог понять, куда же этот бетон исчезает. Около 10 тысяч кубометров массы залили, как в бездонную бочку... В конце концов, дыру в стене обнаружил Р.С. Тиллес, обойдя ее просто пешком — это при 15 рентгенах в час: “На меня не действует. И — должен же я посмотреть, в чем там дело”. Кандидат технических наук Роберт Семенович Тиллес в тот период возглавлял в институте Оргэнергострой отдел “скоростные методы возведения плотин ГЭС”, а в Чернобыле был специальным помощником Ю.Н. Корсуна.

Он решил соединить между собой несколько ленточных транспортеров, приблизить их вплотную к подножию четвертого энергоблока и по ним, как по конвейеру, доставлять к нижним ярусам стены более густую бетонную смесь, а для более высоких уровней — бетононасосами. И это решило проблему.

За три недели была спроектирована оргэнергостроевцами, затем изготовлена, смонтирована и запущена ЮЭМовцами уникальная дистанционно управляемая бетонирующая установка. Стенку бетонировали рабочие бригады Рогулина из ЮЭМа, а также экипажи машин из батальона полковника Тренина, экипажи машин из УС-605, автотранспортники и рабочие бетонных заводов.

Главный конструктор установки Тамара Петровна Ларионова, вероятно,— это единственная женщина, которой пришлось бывать тогда в такой близости от реактора. “Она и проектировала, и курировала изготовление, и... плакала, слушая по армейской радиации наш “радиообмен” в зоне, передать который в печатном тексте не представляется возможным. Мы берегли ее как могли, но значительную дозу облучения она все-таки получила” (Р.С. Тиллес). Возглавили бетонирование энергостроители Стоклокос и Утин.

Военным за эту работу заслуженно вручили боевые награды. Гражданские специалисты не получили ни наград, ни даже почетных грамот. Хотя военные “партизаны” вне зоны были такими же гражданскими людьми, их командиры в Чернобыле оказались более объективны, чем гражданские руководители.

Институт “Оргэнергострой” Минэнерго СССР заслуживает более подробного рассказа. Его сотрудники выполнили колоссальный объем работ практически для всех

строительных объектов Чернобыля. Заместитель директора Ю.Г. Хаютин выехал туда 3 мая 86-го, а через неделю при оперативном штабе министерства уже действовала специализированная группа из его института. Руководил ею главный инженер “Оргэнергострой” А.М. Скоромников, главный инженер проекта — С.И. Джамбов. Задача №1 — разработка “проектных соображений” по консервации энергоблока №4.

На самом деле в проектировании различных мероприятий участвовали более 120 сотрудников из 17 отделов. Притом 30 человек работали непосредственно в Чернобыле в среднем около месяца каждый. Только с мая по декабрь совместно с другими организациями или только силами института они разрабатывали составы бетонных смесей для разных видов работ, в том числе и тех, которые применял УС-605 при сооружении Саркофага.

“Проектные соображения” включали, в частности, предложения по организации работы механизмов и технологию закрытия завала сухой бетонной смесью с использованием радиоуправляемых машин ИМР; схемы устройства самой защитной стенки надвижкой строительных блоков теми же ИМРами по направляющим трубам, на полозьях и по узкоколейным путям, а также схему ее бетонирования с помощью конвейерных систем; схему механизации работ с применением гусеничного “Демага” и кабель-крана; схему бетонирования железобетонной плиты под реакторным отделением; схему ситуационного плана площадки для сооружения “стены в грунте” и т.д., а также контроль качества этих работ. Специалисты института участвовали в подписании контрактов с фирмами “Швинг” и “Путсмайсер” (ФРГ) и “Вортингтон” (Италия), а затем сами же ездили в ФРГ принимать это оборудование.

По оценке главного инженера УС-605 В.Д. Можнова, опыт эксплуатации закупленных бетононасосов у фирм ФРГ показал, что они в наибольшей степени соответствуют условиям производства работ в сложной радиационной обстановке. Опыт работы показал обоснованность и других решений института “Оргэнергострой”, а его заводы изготовили оборудование и пр. для жизненно необходимых в зоне “своих” бетонных заводов; саму дистанционно управляемую конвейерную систему для бетонирования завала и защитной стенки перед ним, а также технологию ее функционирования. Эту линию, как говорилось выше, предложили и разработали, а затем сами руководили работами на ней начальник отдела НИС-30 Р.С. Тиллес и главный инженер отдела Т.П. Ларионова. Справедливо назвать также Г.И. Коржова, И.В. Пимкина, А.М. Дюкова, Р.Ч. Мамашева, И.И. Кравченко, Д.Л. Шаталова, С.С. Лукьяненко, А.Б. Силаева, И.И. Вайншток, А.М. Шапиро, да всех не перечислишь. Главный инженер проекта всех этих “соображений” С.И. Джамбов и сегодня бережно хранит горы документов института по чернобыльской тематике.

* * *

Возвращаясь в самолете из Киева в Москву с первого Всесоюзного съезда чернобыльцев, я обратила внимание на полученный там характерный значок на груди у соседа — по таким значкам люди узнают друг друга: ведь — они, пусть и в разное время, часть жизни провели примерно в одинаковых экстремальных и противоестественных условиях, не очень-то понятных непосвященным. Сосед что-то сказал своим знакомым относительно знания английского языка.

— Чем Вы были заняты в Чернобыле? — спрашиваю. — Был водителем тяжелых машин. — Водитель со знанием иностранных языков? — А разве это невозможно? — Возможно, конечно. Но все-таки необычно.

В.Д. Антонов сегодня, вероятно, преподает в школе английский и немецкий. ВУЗ он окончил несколько лет назад, но вскоре обзавелся семьей и пошел работать водителем,

чтобы заработать денег на кооперативную квартиру или чтобы получить служебную — не уточняла. Военкомат его и призвал в Чернобыль “на сборы”, после которых он снова собирался стать учителем. Мы уже почти подлетали, времени на несущественные уточнения не было. А меня интересовал его чернобыльский период.

Свою “партизанскую” войсковую часть №62269 они называли чернобыльским полком. Почти полностью он как бы входил в состав УС-605, который впоследствии сооружал саркофаг. Другие работали на дезактивации и прочих участках. В УС-605 был еще “Иванковский” (райцентр неподалеку) строительный “полк”, Но Валерию досталось довольно горячее место — на своем КраЗе он подвозил щебень, песок и прочее довольно близко к подножию развала. Вся экипировка — хлопчатобумажные брезентовые костюмы и марлевые повязки “лепестки” для защиты органов дыхания. Парни еще спорили между собой, сколько дней можно этот лепесток носить. В действительности — лишь несколько часов, пока действует пропитывающий состав. Но об этой “мелочи” в 30-километровой зоне вообще мало кто знал, инструкций не было. От пыли он все-таки защищал, и это казалось достаточным. У работавших со строительными конструкциями одежда была посолиднее, и с мощными “свиными рылами”.

— Перед теми, кто работал здесь до нас в мае и июне, можно смело преклонить колени. Это — герои, — убежден В.Д. Антонов, — А я приехал в конце июня, когда к реакторному отделению уже можно было, что называется, подойти — благодаря ним. Не могу забыть и солдат-мальчишек, работавших на бетононасосах. Нас привезли им на смену. Я в ужас пришел, дети ведь. Жалко смотреть, когда понимаешь, каково им досталось. Мы жили в городе Чернобыле, а они — на станции, в бункере. С виду-то здоровые ребята, гренадеры, отбирали посильнее и посообразительнее. (Вот, оказывается, кого я видела в бункере спящими, поразила их красоте и мужественности). Но, видимо, все-таки “нахватались”. Когда у меня самого в сумме набралось 22 бэра, то и меня перевели работать на фургон для перевозки людей. А сколько было в действительности? Один дозиметрист признался моему приятелю, что он приказ получил занижать сведения о дозах. А некоторые “партизаны” нарочно вызывались на такие работы, где можно получать дозу повыше, 200 рублей премии и сразу уехать.

— Но ведь были же и добровольцы, патриоты.

— Да, были. Я таких немало видел у нас и среди работавших на кровле. Но были и такие, кто старался поскорее уехать из этого “рая”, хотя бы поменьше быть около энергоблока. Вообще, люди приехали разные. Некоторые командированные от УС-605 просто, по-моему, сбегали, оставляя на военных поле действия. Но многие работали очень добросовестно, лазали под стены саркофага, ходили всюду. Кое-кто отказывался возвращаться домой. Их очень уважали и ценили. Я был мобилизован, мое дело — возить стройматериалы. Сколько надо, столько и работал.

Такая странная ситуация. Гражданские люди, особенно из работавших прежде на ЧАЭС, из глубины души, стихийно называли это время “войной” и чувствовали себя ополченцами; добровольцами можно считать и тех в военкоматах, кому на выбор предлагали: ехать или не ехать в Чернобыль, и они выбирали Чернобыль. Но часто их желания не спрашивали, и тогда они психологически не могли представить себя добровольцами. Случалось, их ночью вызывали в военкомат, как на обычные сборы. И эти люди, как правило, тоже честно выполняли свой долг. Но они так и чувствовали себя чужими, случайными людьми. Им было трудно понять, почему народ назвал это “войной” в защиту Родины. И не могли поэтому объективно оценивать свою истинную роль... Их как бы обделили. Оттого-то они и представляют себя жертвами насилия над их личной свободой... А ведь правильно представляют. И правильно возмущаются.

Столкнувшись с таким и притом довольно массовым возмущением на Всесоюзном съезде Союза “Чернобыль” в Киеве, я, признаться, была потрясена. Я ведь в основном общалась с гражданскими людьми, которых практически никто не принуждал участвовать в Чернобыльской эпопее. Но от факта не уйдешь... Наш народ заслуживает большего уважения и большего доверия, он это не раз доказал.

РАЗДЕЛИТЕЛЬНЫЕ СТЕНЫ

Необходимо изолировать от мира весь четвертый энергоблок ЧАЭС и в том числе защитить здоровую часть станции от разрушенного реактора. Этот аспект был настолько серьезен, что его обсуждали на коллегии Минэнерго СССР 11 июня 1986 г. (к тому времени атомная энергетика еще не выделилась в самостоятельную отрасль). Как известно, четвертый и третий энергоблоки технологически были связаны многими коммуникациями, системами, как сямские близнецы...

Сегодня даже страшно представить себе процесс их разделения. Ведь по сути речь идет о первой стене будущего Укрытия, о котором в мае говорили еще в очень туманных выражениях: никто детально не знал, как эту идею реализовать.

Как говорится, “глаза боятся, а руки делают”. Между реакторными отделениями этих энергоблоков решили сначала вырезать широкий проход... Вручную. Обычными инструментами. Потом его забетонируют каким-то, еще тоже пока точно не ясно, каким способом. Вырезать проход поручили Трипольскому управлению ЮТЭМа, в помощь придали монтажников из других управлений этого треста. Они монтировали эти коммуникации и потому лучше других знают их расположение и особенности. Теперь они должны разбирать технологическое оборудование, разрезать трубопроводы, металлические конструкции. Потом весь этот “мусор” из прохода сами же и выносили. Рабочих приходилось довольно быстро заменять — они получали свою дозу радиации и должны были покинуть зону.

Люди из ЮТЭМа заслуживают особого места в этом рассказе. Как просто объяснил мне суть своего поведения монтажник Окопный: “Я приехал, главным образом потому, что здесь разрушились плоды моего труда. Остальные — с тем же побуждением, хотя, конечно, были и другие причины, например, чистое желание помочь. Сказать откровенно, так кое-кто был первое время просто в психологическом шоке: невозможно было осознать, что авария — реальность. В атомную энергетiku все верили и, подчеркиваю, верим чуть ли не безгранично, разве что стали еще внимательнее при выполнении своих работ. Но тогда мы не могли осознать правдоподобность всего этого кошмара. Первую вахту я собрал с некоторым трудом, а потом не мог ее, как говорится, разогнать. Никто не хотел уезжать: “Еще вот это сделаем — и поедем”. Мы ведь все кровно друг с другом связаны своей работой, образом жизни. Одно слово — энергетики. И это — не фраза”.

— Как делали разделительную стену между третьим и четвертым блоками? Прятались за фундамент, потом мысленно “прицеливались”, бежали на место, хватали резак, спокойно делали какую-то одну операцию и бежали обратно — на это все отпускалась одна минута, — рассказывал начальник отдела по монтажу атомных электростанций во Всесоюзном объединении “Энергомонтаж” В.В. Воргунов.

Готовились к любому элементу этой работы, как к боевой операции. Обосновались на третьем и пятом (недостроенном) энергоблоках — там было довольно много относительно чистых боксов, не загрязненных радиоактивными обломками и пылью. Репетировали свои действия, принаравливались поудобнее держать в руках инструменты, чтобы на саму работу тратить меньше времени. Руководил монтажниками начальник Трипольского управления В.В. Гиденко.

Каждый раз с рабочими и инженерами шли инженер-дозиметрист Е.Н. Анисимов, рядовые дозиметристы. Определяли радиационный фон (там бывало и 30 рентген в час), отыскивали более или менее чистые подходы, следили за тем, чтобы рабочие не задерживались дольше определенного времени. Расчленили коммуникации и конструкции, прорезали стены помещения от земли до крыши.

Отделяли пострадавший четвертый энергоблок от жизнеспособного третьего. Отделяли крошечный ад от жизни.

— Я ж монтировал этот узел, сколько труда вложено! А теперь уничтожаю свою работу, — неожиданно воскликнул кто-то из рабочих. Тяжелое чувство. Все те, кто теперь прокладывал траншею для этой “стенки”, как они ее называли, ни с какой стороны не были виноваты в случившемся.

Никого из этих рабочих не насильствовали: хочешь — работай, не хочешь — вольному воля. Но — шли, добровольцами. Прорабы ЮТЭМа В.Н. Норик, Д.М. Кнут, И.Я. Кузнец, бригадиры И.Н. Мудревский, С.Л. Бражевский и др., рядовые монтажники: К.М. Козлов, А.М. Коваленко — вот золотой фонд треста, да всех “самых” и не перечислишь.

Работу, которую в нормальных условиях спокойно выполнили бы вшестером, здесь приходилось распределять на 30 человек, и все равно люди быстро набирали свои бэры. Постепенно так вот они и выбывали со станции, а новых энергетикам брать было негде. Поэтому монтажников отзывали с других энергетических строек — из Западно-Украинского, Запорожского, Львовского, Одесского управлений треста “Теплоэнергомонтаж”.

Энергетики же расчленили и сами помещения, так что из этих помещений в итоге образовался сплошной проход от низа до самого верха.

Затем рабочие минсредмашевского УС-605 в проем опустили армированные блоки, обшитые свинцовыми листами и заполненные бетоном. Бетонировали стену также рабочие Минэнерго. Трест СЭМ (“Спецатомэнергомонтаж”) участвовал в подготовке к бетонированию. Электрическим хозяйством занимался трест ГЭМ (“Гидроэлектромонтаж”), здесь командовал вахтой Г.Н. Андросович. Бетонщикам УС ЧАЭС досталась и “мелкая”, и потому самая неблагоприятная работа на этой стене. Мы уже говорили о непокорном и коварном характере этого несложного материала: то вдруг твердеет неравномерно, то в мороз саморазогревается. Бетон нужно укладывать постепенно, вдумчиво, аккуратно.

А вот попробуйте “постепенно” укладывать этот капризный материал в закоулки весьма радиоактивно опасного проема огромного здания между третьим и четвертым энергоблоками Чернобыльской АЭС, по всей высоте, длине и ширине, от земли и до самой крыши! — по сути в первую, внутреннюю стену саркофага. Да еще когда знаешь, что качество проверяют радиационным дозиметром: где плохо уложено, там и радиация проходит свободно, без преград, а переделать уже невозможно.

Орден Ленина бригадиру Бражевскому — заслуженная награда. И до “войны” он был одним из лучших бригадиров на Чернобыльской стройке, и вообще он равнодушный человек. Мужчина лет тридцати пяти, среднего роста и нормального телосложения. Не быстрый и не медлительный — обыкновенный. Но “войну” он встретил уже с двумя трудовыми орденами, и 26 апреля, понятно, остался защищать свою станцию. Грузил песок, подавал бетонную смесь на “казаковскую стенку”, потом бетонировал “стенки” в машзале, о которых речь впереди. И все это — спокойно, даже внешне хладнокровно, хотя время от времени и слышал от своих коллег “страсти” о скорых смертях, которые, якобы, их всех обязательно ожидают. Однако и сами те рассказчики с богатой фантазией никуда не уходили, а спокойно делали свое дело, будто их эти рассказы никак не касаются. Увы, частично, через годы фантазии эти обратились реальностью.

Это Бражевский предложил подавать бетон по транспортному коридору АЭС, через специально для этого сделанный пролом в стене машинного зала. Такое в нормальных условиях считалось бы кощунством, а теперь значительно ускорило работы и, следовательно, спасло людям здоровье. Проектирование обеспечил институт Энергомонтажпроект.

Настало время разделить машинный зал, в первую очередь, изолировав турбины первого и второго энергоблоков от остальных.

Огромным, просторным, красивым, элегантным сооружением был машинный зал Чернобыльской АЭС — единый на все четыре энергоблока. Выстроившиеся в ряд 8 турбин принимали на себя тепло от четырех атомных реакторов по миллиону киловатт каждый. Величественное зрелище... И столь же безрассудное, как и инженерно красивое решение: в момент аварии оно подвергло опасности всю станцию.

Сегодня мы видим надежную стену в торце машинного зала перед турбинами четвертого энергоблока, а также более тонкую стену между турбинами второго и третьего энергоблоков. Это понятно и воспринимается как вполне естественное решение. Но не многим известно, сколько инженерных, технических, организационных, психологических, личностных проблем вызвало их осуществление!

Казалось бы, первые два энергоблока расположены на значительном удалении от четвертого. Но, как ни странно, здесь стену возводить было в некотором отношении сложнее, чем разделять ячейки машинного зала между третьим и четвертым энергоблоками. Радиационный фон в машзале был несколько ниже, чем в проеме реакторных отделений, но из-за тесноты находиться в радиационном поле приходилось дольше.

Монтажник зацеплял двумя мостовыми кранами тридцатитонную конструкцию и медленно устанавливал на место. Можно было бы брать конструкции поменьше — с ними удобнее обращаться. Но это означало более длительное пребывание в радиационных условиях. И здесь И.Н. Рогулин (тот самый, что строил и “казаконскую стенку”), Коваленко, Н. Старушенко, другие строители выполняли работу, как говорится, на чистом энтузиазме: заставить, приказать рисковать здоровьем гражданским людям нельзя. Очень хорошо работали военные, как срочной службы, так и из запаса.

Монтажник-высотник бригадир И.Н. Рогулин берет командование в свои руки как бы незаметно. Этот невысокий, седоватый, приятной наружности мужчина говорит тихо, то и дело перемежая свою русскую речь украинским юмором. Юмор порой проявляется только в интонациях — и этого достаточно, чтобы почувствовать шутку, иронию, а иногда и насмешку. Но никто не обижается, наоборот, люди тянутся к этому доброму человеку. Ему подвластно многое из того, что в обычных условиях кажется привычным, например, раскопать из завала систему канализации для ливневых стоков, построить новую, смонтировать плавучие насосные станции на понтонах. Теперь все это создает большие проблемы, по сути, снова требует подвига. Вот и заместитель начальника УС ЧАЭС Ю.С. Утин, руководивший многими работами, считал для себя лично эти допустимые радиационные дозы необязательными, все проверял и проверял, хорошо ли получается: “Так надо!” Погорельчук (юэмовец), конечно же, прав: чувство патриотизма, особенно в первый год работы было главной движущей силой у гражданских людей во всей 30-километровой зоне. И позднее, когда дела пошли на поправку, а в зону устремились и люди иного сорта, за деньгами, тон по-прежнему задавало первоначальное зерно. У монтажников ЮТЭМа и у станционников это зерно особенно крупно и сильно.

Еще через год в общежитии Трипольского ЮТЭМа я познакомилась с двумя прославленными бригадирами. Внешне — противоположность друг другу: худющий и высокий, почти вовсе молчаливый Волынский и плотный, основательный, чуть-чуть более разговорчивый Черных. При мне эти мужественные, бесстрашные люди, достойно прошедшие, можно сказать, огонь и воду, профессионалы-монтажники высшего класса явно стесняются и друг друга, и меня. Бедный Волынский все водит ладонью по столу и даже почти не улыбается (лучше бы поговорить с каждым в отдельности, но так уж

вышло). Оба уводят разговор в сторону от темы, на пустяки — и ни слова о работе в зоне. Чтобы их разговорить, стала задавать провокационные вопросы, заведомо обидные, как однажды в Заполярье спросила такого же молчуна электромонтажника, чего ради он зимой болтается по тундре, в пургу лазает на опоры. Он разозлился и ответил: “Вам не понять!” Он же энергетик, дает людям свет и тепло.

— Для чего вы лезете под бэры без острой нужды, когда по вашим дозам давно пора покинуть зону? “Война” не требует лихачества.

— Эх, кому — война, а кому — мать родна, — оживился Черных. — Сейчас сюда много народу за деньгами понаехало. Мы хватаем рентгены, потому что иначе дело стоит: одному, другому покажешь — не делают. Идешь сам. Да и не мы одни, таких много.

— Чем дальше идем, тем хуже работа, — поддержал и Волынский, — Старые работники “выгорают”, уезжают из зоны, берем рабочих из ПТУ или после армии. Но здесь для них, по их мнению, нет перспектив для дальнейшего профессионального роста, не очень-то стараются, к тому же, их еще учить надо. Когда в 86-м мы шли на монтаж, было интересно, хотя и опасно. Сама жизнь была вроде “подешевле”, а заработок — такой же, как вне “войны”. Работа наша монтажная хорошая, я ей 35 лет отдал. Но Чернобыль уже надоел. С вахты домой в новое жилье приезжаешь и не знаешь, чем заняться... В ту ночь 25 апреля я смотрел на станцию с балкона своей квартиры в Припяти. Мы в то время делали работу на барабан-сепараторе. Я хотел посмотреть и в реактор — с крыши ХОЯТа хорошо видно. Серегу, нашего монтажника, стошнило, “больше не пойду”, говорит. А я посмотрел — интересно. Потом мы резали вентиляцию на 35-й отметке между третьим и четвертым блоками. Плахотнюк привел рабочих из Одессы. Я им показал работу — и четверо уехали домой: расстройство желудка. “Не будем”, говорят. А остальные остались и хорошо работали. Мы к радиации привычные. Кум говорит: “Мы льготами пользуемся — на год раньше умрем и мучиться не будем”. Но был у нас и парень по имени Чингиз из Улан-Удэ. Чтобы попасть в Чернобыль, разошелся со своей женой (четверо детей) и женился на вдовушке из Киева, потом записывал себе в табель по 16 рабочих часов в сутки и однажды зарплату увез аж семь с половиной тысяч. Мы его выгнали. Он тогда бросил вдовушку и вернулся к своей жене.

— А за что вам ордена дали?

— За труд, наверное. Работаем, не ругаемся без толку... Недавно был я в Греции, обменивался опытом. Мне понравилось, как рабочие там работают, без лишних разговоров и лозунгов. Они там вначале над нами посмеялись из-за того, что мы с собой берем пилу или какой-нибудь другой инструмент для выполнения мелочевки. А они только монтируют, мелочевку же отдают на сторону, чтобы кто-нибудь другой сделал. Они даже самогонку сами не гонят — отдают на сторону. А потом понравилось, что не надо платить подрядчику за эти работы, за электроэнергию. Ну, мы им 6 пил своих подарили.

Кажется, интервью получилось. Подумав, Волынский сказал:

— “Войну мы выиграли, это ясно. Никаких доз не боялись. И командиры у нас были хорошие. А ведь работали при фоне в 2 и 5 рентген. Сейчас 200 миллирентген в час — предел допустимого. Но тогда мы не следили за дозиметром, хотя и знали, где находимся. А сейчас многие только этим и занимаются.

В другой раз главный инженер УС ЧАЭС Сергеев как-то сказал, задумавшись: “Бывало, говорили: “Здесь всего десять рентген. А теперь 150 миллирентген считается слишком много”.

Во всех горячих точках работали строители и монтажники Минэнерго. Заходили в любые зоны, случалось — не обращая внимания на опасность и даже в нарушение правил: надо — значит надо.

Конечно, быстро набрал допустимые 25 бэр и бригадир монтажников слесарь шестого разряда А.А. Волынский. Он работал страстно и уезжать не хотел, просил разрешения задержаться хотя бы на 2-3 дня — показать сменщикам, что сделано, где что расположено, свои удобные приемы, чтобы им не пришлось тратить время на поиски уже найденного. И даже когда бригады Датковского, М.П. Шерехая и др. вырезали проход для стены между третьим и четвертым блоками, и где героями справедливо назвать их самих и их рабочих, Волынский умудрялся всюду оказаться впереди всех. С территории станции его, конечно, в конце концов, вывели — так он уговорил начальство, чтобы разрешили хотя бы строить санпропускник на базе их управления в с.Залесье — совсем рядом с г.Чернобылем.

А в это время другой монтажный ас Княжевский, сидя в резерве на той же базе, жаловался: “Люди работают, а я когда же этих “шитиков” нахватаясь?” “Шитиками” рабочие на АЭС между собой иронически называют излучающие частицы: они “шьют”, “прошивают” тело. Монтажники о них знают не понаслышке — сталкиваются во время ремонтных кампаний на АЭС (например, при работах на пяточке реактора), куда их станционники приглашают себе в помощь, а часто именно на самые ответственные и радиоактивно “грязные” участки.

Незадолго до чернобыльской аварии Княжевский упал с высоты, сломал ногу, повредил голову. Две недели лежал недвижим, получил инвалидность. Окружающие были уверены, что его карьера энергомонтажника высшего класса зашла в тупик... Поторопились. Княжевский добился, чтобы его перевели в чернобыльскую зону, хотя сначала и на “легкую” работу — в мастера, потом в нормировщики. Но — не удовлетворился. “Хочу работать бригадиром. Как это, я — инвалид? Не согласен”. Надоел медкомиссиям. Сняли инвалидность. И теперь он рвался туда, где труднее всего. Мы его встречали на ПУСО.

Спокойно, со знанием дела, шел на работу грамотный и умелый бригадир монтажников П.Л. Черных. (Назови это — подвиг — все они возмутились бы). А за ними, как в атаку — их бригадиры. Волынскому орден Ленина, а Черныху — орден Трудового Красного Знамени вручили еще до аварии — за отличные профессиональные и организаторские способности и в знак огромного уважения всех связанных с ними по работе. Здесь же они были снова представлены к высоким правительственным наградам за то, что их руки расчленили трубопроводы, вентиляционные установки, металлические конструкции, воздуховоды, а потом ставили металлические блоки опалубки для заполнения их бетоном между третьим и четвертым энергоблоками. Может, они и просто по инерции “kozyряли” и привычно бубнили: “Будет сделано”? Еще как все понимали. Я не раз пыталась найти определение этому действию, такое сравнение, чтобы стала очевидной мера героизма и стойкости каждого, кто возводил внутреннюю стену “Саркофага”. Подсказал очевидец, заместитель начальника Трипольского управления ЮТЭМа В. Плахотнюк, сам в этой же должности проработавший в Чернобыле несколько лет.

— Это — как сознательно, во весь рост под пули, потому что нет другого способа отобрать у захватчика свою землю. Вот что значило расчищать проходы и возводить стену между остальной станцией и взорвавшимся, излучающим энергоблоком — стену снизу доверху, на высоту 60 метров и по всей площади вертикального среза здания...

Они называют ее по-свойски, просто стенкой. Среди них электросварщик VI разряда В.М. Царук и старший прораб и тоже сварщик Н.А. Лазаренко. Таких было очень много: рядовые рабочие, мастера, прорабы, начальники. Один заместитель начальника

монтажного управления ЮТЭМа, очень грамотный инженер, без громких слов отшагавший в Чернобыле всю “войну”, прямо так и сказал мне как-то: “Не будь аварии, мы так и прожили бы жизнь в середнячках. “Война” подняла на поверхность все наши глубинные силы, дала нам возможность совершить наш подвиг”. А что? Подвиг назвал подвигом. Имеет моральное право. Не красовался. Не хвастался. А едва слышно произнес. Как на духу... Не скромно выставляться впереди более заслуженного. Не скромно занимать служебное место, до которого не дорос. Не скромно брать деньги за невыполненную работу. А знать истинную цену своему труду и своим поступкам — это и объективно и целесообразно. Но в данном случае он оценивал по сути не столько собственное действие, сколько содеянное другими.

Может, и не обязательно так подробно называть имена главных участников чернобыльской эпопеи, тем более, что всех все равно не назовешь, места не хватит. Но жизнь показала: о них если и не забыли все, то, во всяком случае, слишком быстро перестали вспоминать. Например, труд монтажников и строителей Минэнерго, выполнивших основную, огромную и опасную работу, прошел не замеченным. О деньгах они и не помышляли, когда в апреле и начале мая приехали спасать свою станцию. Да в то время о деньгах вообще речи не было.

Даже в Чернобыле немногие могли бы назвать конкретных исполнителей и руководителей, принявших на себя тот главный удар весной, летом и осенью 86-го. Это с трудом укладывается в сознании, но это — факт! И сегодня можно услышать где-нибудь вдали от Чернобыля даже от врачей: “А чего они лезли туда, где опасно?” Хороши бы мы были все, если бы ОНИ — не лезли. Труд небольшой, просто представим на минутку, пусть отвлеченно, последствия чернобыльской беды без работы ликвидаторов. Они это понимали.

Ликвидаторы — такие разные и часто чужие друг другу люди — здесь были по сути единым организмом. Поэтому имя каждого им было не слишком важно. Главное — надежность стоящего справа и слева, его глаза, молчаливое упорство. Оттого и воспринимается, как норма, ответ: “Я буду помнить его всю жизнь. А имя? Простите, не до того было”.

Мы — иное дело. Воистину благодатно и даже жизненно необходимо свойство памяти не думать о тяжелом, пережитом. И в то же время человечество, каждый из нас обязан знать и помнить тех, кто стал на защиту общей жизнеспособности в ущерб личному благополучию. На то оно и человечество, а не стадо потребителей.

...Катастрофа у многих выкатила личную позицию из глубины души.

— Дорогие мои! — с этими словами Алла Пугачева обращалась к чернобыльцам. Она, красивая, прославленная, смотрела в зрительный зал старенького чернобыльского клуба, обращалась к этим одинаково и весьма не нарядно одетым в рабочие костюмы, только что закончившим свой десятичасовой рабочий день и очень уставшим людям и находила для них теплые, самые нужные слова. Она собрала группу энтузиастов — артистов эстрады, сама придумала сценарий и программы и организовала в течение полутора лет три шефских концерта в пользу пострадавших от аварии на Чернобыльской АЭС. Зрители не бросали розы на сцену (у них не было роз), не выкрикивали приветствия. Но едва ли какому-нибудь артисту приходилось выступать перед столь благодарной аудиторией, как эта.

Но вернемся к будням. Вначале всеми действиями руководил непосредственно из Чернобыля заместитель Председателя Совета Министров СССР, председатель бюро Совмина по топливно-энергетическому комплексу (ТЭК) Б.Е. Щербина. Он — опытный энергетик и весьма решительный человек. Однако радиационная обстановка не позволяла долгое время находиться на территории 30-километровой зоны. Щербину сменил на этом посту как практический организатор министр Средмаша И.С. Силаев.

Затем снова Б.Е. Щербина, Ю.Д. Маслюков, опять Б.Е. Щербина, Л.А. Воронин, Ж.К. Гусев, Г.Г. Ведерников и т.д. Шутили, что зампреды Совета Министров и главы Правительственной комиссии сменяют друг друга, как вертолетчики.

Вскоре всем стала очевидной необходимость в постоянном руководителе: дежурные командиры волей-неволей вносили в работу какие-то свои, личностные качества. Это, конечно мешало делу.

Б.Е. Щербина в итоге остался постоянным официальным председателем Правительственной комиссии. С августа 1986 г. практически безвыездно в течение года на территории 30-километровой зоны ЧАЭС Б.Е. Щербину замещал Ю.К. Семенов, его заместитель и по бюро ТЭК в правительстве, который до этого просто часто туда приезжал и подолгу задерживался. Он фактически тогда и позднее был главой Правительственной комиссии..

Летом 86-го шла интенсивная подготовка к пуску энергоблоков 1 и 2; многочисленные и разнообразные защитные меры осуществляли энергостроители и военные; начались практические подходы к возведению самого крупного сооружения 30-километровой зоны — Укрытия четвертого энергоблока ЧАЭС. Следуя логике изложения, и мы перейдем к описанию этого события.

САРКОФАГ

...По дороге к четвертому энергоблоку шли двое, похоже — армяне, “партизаны”. Один говорил другому: “Я письмо получил от внука, он пишет: “Деда, когда ты вернешься с войны?” Вот построим саркофаг — и приеду”.

За таинственным сооружением под названием “саркофаг”, а официально — Укрытие — гигантская, фантастически опасная и профессионально ювелирная работа. Его автор стал известен под именем УС-605, созданное в Чернобыле управление строительства №605 Минсредмаша СССР — исполнителя, в основном, наружных стен и кровли, чрезвычайно важного, громоздкого и трудного этапа. Это громоздкое черное сооружение многие видели на фотографиях, по телевизору.

Благодаря помощи непосредственных участников событий — главного инженера УС-605 III смены сооружения Укрытия Л.Л. Бочарова и заместителя начальника монтажного района управления С.И. Булгакова прояснились многие этапы этой поистине незабываемой эпопеи. Булгаков дал мне даже технические отчеты, стенгазеты и пр. Если я не назвала кого-то из участников, прошу меня извинить.

Понятие “захоронить” энергоблок №4 ЧАЭС означало в первую очередь защитить прилегающие территории и помещения энергоблока №3 от проникающего излучения, которое исходило из раскрытого реактора и от обломков вокруг него; предотвратить выход в окружающую среду радиоактивных продуктов деления; обеспечить отвод остаточных тепловыделений из воздушного пространства в помещения реакторного отделения; обеспечить возможность контроля температуры и уровней радиации на поверхности завалов в шахте реактора. Иными словами, предстояло захоронить здание реакторного отделения станции — блок “Б” и блок ВСРО, начиная от оси 40, а также деаэрационную этажерку и машзал от оси 34, и, наконец, завал с топливом у баллонной системы аварийной остановки реактора (САОР). Из вспомогательных сооружений энергоблока №4 подлежали ликвидации открытая площадка установки ресиверов азота и трансформаторы вдоль ряда “А” машзала в осях 36-68.

Высота саркофага — 61 метр, наибольшая толщина стен — 18 метров. Структура сооружения — объемно-пространственная. Его северная, каскадная стена поднялась двенадцатиметровыми уступами (здесь — место развала). Но прежде УС-605 участвовал в сооружении подреакторной плиты, а также создании между реакторными отделениями третьего и четвертого энергоблоков через все здание бетонной разделительной стены. В машинном зале между участками третьего и четвертого энергоблоков чуть позже средмашевцы возвели еще металлическую разделительную стену и забетонировали.

Многие авторы предлагали, а Правительственная комиссия рассматривала около 10 различных вариантов конструктивных и строительных решений для Укрытия. Но и после выбора оптимального варианта, в ходе практических работ уточнялись не только детали, но и сама идеология работ. Всем были очевидны два главных принципиальных условия. Первое — над разрушенным энергоблоком на высоте 20-этажного дома необходимо возвести арочное покрытие с пролетом 230 метров или сводчатое перекрытие консольного типа пролетом до 120 метров. И второе — перекрытия должны быть выполнены из конструктивных элементов с пролетом до 70 метров, а их основанием в качестве опор в значительной мере должны служить сохранившиеся стены и перекрытия здания реакторного отделения.

Подумали, просчитали все варианты и пришли к выводу, что второе решение можно осуществить значительно быстрее и меньшим количеством материалов, чем предполагалось поначалу. Его приняли как основу проекта. Работали, что называется, “с колес”: проектную документацию передавали на стройку по мере готовности.

Если требовалось, бригада авторского надзора учитывала конкретную ситуацию и тут же вносила поправки. Одновременно отыскивали возможности сократить затраты труда и сроки строительства — к этому подталкивала сложная радиационная обстановка.

Саркофаг — это сложное инженерное сооружение. В его основании — фундамент и под ним — плита под реактором, о ней мы уже говорили. В конструкции Укрытия предусмотрена и вентиляция с надежными фильтрами, призванная поддерживать в нем безопасный тепловой режим, а также многочисленные приборы. Все это монтировали одновременно с возведением стен.

Проектировали саркофаг специалисты ВНИПИЭТа (Всесоюзный научно-исследовательский и проектный институт энергетических технологий) тут же, в бункере ЧАЭС по схемам и фотографиям разрушенного здания, по изображениям на экране телевизора. А принципиальные установки получали из Москвы.

...Не подойдешь, не измеришь, не уточнишь. Уже в августе специалистами средмашевских организаций: института Оргстройпроект, СМНУ-11, ПО “Энергоспецмонтаж” и НИКИМТа (Научно-исследовательский и конструкторский институт монтажных технологий) была разработана и технология сооружения саркофага; начались и практические действия по ее выполнению. Трудились 3 месяца без выходных.

Проект предусматривал сооружать Укрытие поэтапно, от периферии к центру энергоблока: обетонировать вокруг него территорию (это уже сделали энергетики), смонтировать пионерные защитные стены по периметру энергоблока и обетонировать их (первой была “казаковская” стенка биологической защиты), выполнить защитную разделительную стену между энергоблоками №3 и 4 (энергетики вынужденно вручную разделяли, затем совместно средмашевцы и энергетики механизмами ее бетонировали), обетонировать пристанционный узел между пионерной стеной и стеной машзала по оси “А”, смонтировать перекрытие над частью машзала энергоблока №4, смонтировать каскадные стены и обетонировать их, смонтировать несущие и ограждающие конструкции покрытий над блоками “Б” и “Д”, а также контрфорсную конструкцию высотной стены у оси 51.

Одним из главных условий при выборе проектных решений была радиационная обстановка: возможно ли вообще работать в данном конкретном месте и если относительно возможно, то каким образом.

Глядя на чертежи и фотографии, сопровождающие процесс создания саркофага, трудно вообразить, как же на практике было возможно, не прикасаясь, возвести сначала гигантскую ажурную башню-каркас и добиться ее прочности и устойчивости, а затем еще обшить этот каркас стенами и накрыть кровлей — так же дистанционно и так же надежно. Но ведь — возвели!

Элементами каркаса стали, например, рамы из сдвоенных сорокаметровых опорных балок и перемычек высотой 3,4 м и весом 160 т. Они представляли собой колышущуюся зыбкую конструкцию, которую, кажется, и на твердой земле непросто удержать в равновесии. Однако каждую еще надо на трейлерах довести, поднять, установить на штатное место и закрепить так, чтобы она могла служить опорой для тяжелых блоков покрытия, иначе говоря — стен и кровли.

Трест “Спецмонтажмеханизация” решил применить самоходные краны с лучшими в мире характеристиками по их грузоподъемности и маневренности — мощнейшие самоходные гусеничные краны фирмы “Минесманн-Демаг СС-4000”, самоходные краны фирмы “Либхер”, а также отечественные самоходные краны различной грузоподъемности. Эти краны оснастили телевизионными средствами наблюдения и заменили штатные кабины крановщиков на освинцованные кабины с автоматическим воздухообеспечением. Широко применяли телевизионные средства наблюдения и

контроля. Они были абсолютно необходимы, когда дистанционно устанавливали различные узлы и элементы Укрытия. Особое внимание уделяли защите водителей и машинистов.

Создали и подвижные защитные кабины для выполнения некоторых операций, которые возможно выполнять только непосредственно на месте. Для предварительного укрупнения и частичного изготовления узлов и конструкций Укрытия создали монтажную базу Средмаша на территории бывшей “Сельхозтехники”, а для рабочих — бытовые зоны.

Сложно было совмещать работу гигантов Либхера и Демага так, чтобы они работали, как единый механизм. Даже обеспечение их электроэнергией превратилось в проблему, поскольку мощность требовалась большая, электрические сети в районе четвертого энергоблока были разрушены, а прокладке новых мешал высокий радиационный фон. Однако только в июле-августе трест “Спецмонтажмеханизация” смонтировал 5 трансформаторных подстанций, 3,4 км воздушных ЛЭП, проложил 38 км кабеля, установил более 100 светильников, смонтировал телевизионные сети и т.д. Трест “Промэлектромонтаж” оснащал электросистемами и телефонной связью вентиляционные и прочие объекты Укрытия. Казалось бы — мелочь в... любом другом месте, но не на разрушенном энергоблоке ЧАЭС. В радиационно-сложных условиях смонтировали 7000 метров трасс и проложили в них 5000 метров кабеля, смонтировали 1100 люминесцентных светильников, установили 112 электрических щитов различного назначения и пр.

“Вся эта работа была выполнена благодаря усилиям коллектива и, в первую очередь, таких электромонтажников, как А.Я. Алишев, Б.Г. Золотарев, И.И. Федюшин, В.А. Демидов, С.П. Андронов. Большую помощь в выполнении работ оказывали военнообязанные в/ч 55237, рядовые и командиры”, — пишет в своей ведомственной стенгазете В.М. Рябичкин.

Главный инженер УС-605 III смены строителей (с середины сентября по декабрь) Л.Л. Бочаров отвечал за сроки разработки основных проектных решений, которые нередко составляли одно целое с технологическими. Он рассказывал, что, например, многие конструктивные блоки весом в десятки тонн собирали и укрупняли на земле, чтобы одним подъемом поднять на 58-метровую высоту при большом вылете крановой стрелы — установить точно на штатное место целую раму из стальных балок весом 165 т. Это ускорило сооружение всего саркофага. Но строители знают, насколько ювелирно точна и сложна такая работа.

Краном опускали на еще открытый завал черные ящики — буи с аппаратурой, которая будет давать информацию о состоянии реактора. Датчиками “нафаршировали” и трубы перекрытия саркофага.

Свойства металла и бетона, из которых построено Укрытие, специалистам хорошо известны. Эти материалы не подведут в течение десятилетий. Однако тогда общий успех зависел от мастерства операторов-крановщиков и от слаженности всех действий. Поэтому одинаково значимо было участие каждого, хотя среди лучших все-таки называют бригады А. Андриянова, И. Павлова, С. Зуева; коллективы, где прорабом работал А. Фисун, а начальниками участков были А. Карташов и В. Блохин. Каждый мог предложить что-то полезное: как лучше, надежнее и быстрее выполнить работу, как обезопасить людей. Любые советы внимательно выслушивали и учитывали, а наиболее ценные широко распространяли: например, предложения плотника-бетонщика В. Вороткова, электросварщика Н. Константинова, монтажников В. Гнедого, П. Кима, А. Макарова, А. Шевченко.

Задание в деталях обсуждали заранее, а когда приступили к делу, то, если нужно, по рации получали команды о необходимых коррективах.

Подойти, проверить качество выполненной операции, тем более, что-то подправить невозможно. Следить за осуществлением такой операции можно только по телевизорам: кабины крановщиков находятся ниже уровня кровли. Понятно, какое напряжение было на командном пункте и в кабине монтажников, у бетонщиков.

Вероятно, примерно так же должны выглядеть работы где-нибудь на Марсе: видишь на экране телевизора, можешь скомандовать оператору о каком-нибудь необходимом действии, он нажмет на нужные кнопки, тоже с Земли. А вот потрогать пальцами, проверить, что же все-таки получилось — нельзя. И лишь потом приборы покажут, хорошо ли вышло.

Даже сооружение подъездных дорог потребовало от водителей искусства каскадеров. Они проходили там, где, казалось, пройти невозможно. Дороги были узковаты для больших машин, хорошо бы построить к ним новые насыпи, расширить, но водители предложили не строить, берегли время.

Да, реактор ведет себя спокойно. Однако “светит” так, что находиться поблизости можно считанные минуты, а то и секунды. Физики непрерывно контролировали состояние реактора. Сразу после аварии они вручную установили внутри здания реакторного отделения свои приборы, разного рода устройства и системы, которые потом позволяли вести наблюдения на расстоянии. Вот что записал в своей рабочей записной книжке о состоянии разрушенного реактора в октябре 1986 г. заместитель председателя Правительственной комиссии Ю.К. Семенов (с его разрешения переписываю буквально, с сокращениями автора):

“Саркофаг. В реакторе — 20 млн. Ки/км². Выброс 0,002-0,015 Ки/сут. 13.09.86.

Радионуклидный состав над реактором 09.09.86

Изотоп	Распад	Средн. кон., x10 ⁻¹²	ДКА	%
церий-144	284,5 сут	15,1	6,4 • 10 ⁻¹²	31,3
церий-141	32,5 сут	1,72	1,6 • 10 ⁻¹⁰	3,6
рутений-103	39,4 сут	3,3	5,2 • 10 ⁻¹¹	6,3
рутений-103	1 год	5,85	6,6 • 10 ⁻¹²	12,4
цезий-137	30 лет	1,98	1,4 • 10 ⁻¹¹	4,1
цирконий-95	6,5 сут	6,63	3,2 • 10 ⁻¹¹	12,8
ниобий-95	35 сут	12,6	1,0 • 10 ⁻¹⁰	26,3
цезий-134	2,7 года	0,84	3,3 • 10 ⁻¹¹	1,7

$$4,8 \cdot 10^{-11} = 4\text{ДКА}$$

Расстояние от стены

Дата	50 м	100 м	150 м	Раз.
1.10.86	300 мр/ч	70 мр/ч	80 мр/ч	1,0 мр/ч
1.04.87	200 мр/ч	115 мр/ч	53 мр/ч	1,5 мр/ч
1.05.87	120 мр/ч	67 мр/ч	32 мр/ч	2,5 мр/ч
1.05.88	67 мр/ч	38 мр/ч	15,5 мр/ч	4,5 мр/ч
1.05.89	42 мр/ч	24 мр/ч	11,5 мр/ч	7,0 мр/ч

Верх, плита = +25° — 10°. От Б-4 на крыше 1 р/с, на трубе 1,5-2,0

Так же, как строители Минэнерго называли сложнейшие сооружения просто “стенками”, “плашками”, так и строители Минсредмаша, включая военных, на саркофаге, в обиходе называли объект “печкой”. Командир подразделения Камалетдинов работал там два месяца. И ежедневно, прежде чем выпускать людей, сам производил дозиметрический контроль: “Чтоб людей не спалить сдуру”. Бывалые солдаты не выдерживали: “Товарищ командир, не ходите больше на 27-ю отметку. И вообще на печку не ходите. Все будет в порядке”. Камалетдинов и растерялся, и рассердился. Тогда седовласый подчиненный добавил не по уставу: “Не ходи, сынок. Тебе еще... служить, детей иметь”.

“Милые ребята, товарищи лейтенанты! Извините уж, и я — не по уставу. Не знаю, дадут ли вам ордена, представления на которые уже ушли в феврале. Но твердо знаю: и Харьковское, и Казанское краснознаменное могут вами гордиться. Вся армия и вся страна могут гордиться”, — пишет в газете “Красная звезда” майор Ю. Мамчур, участник событий 1986-1987 гг.

Солдаты рвались в самое пекло. Злые языки говорили — чтоб скорее 25 бэров набрать: это — предел, это — домой... Действительно, Чернобыль — не курорт. Мои знакомые видели солдата, который присел в месте прямого прострела и смотрел на часы. Но таких ненормальных — единицы. Неслучайно большинство домой ехало в форме. Надевать ее тяжело. А снимать еще труднее!.. На левом кармане выстраивали звездочки в ряд. Звездочки — месяц службы. Конечно, это не по уставу. Но ведь они прошли войну...

В Чернобыле в то время говорили в шутку, что Минэнерго подсчитывает свои силы по количеству людей, а Средмаш — по количеству батальонов: из 800 человек занятых на саркофаге около 700 были военные срочной службы и запаса.

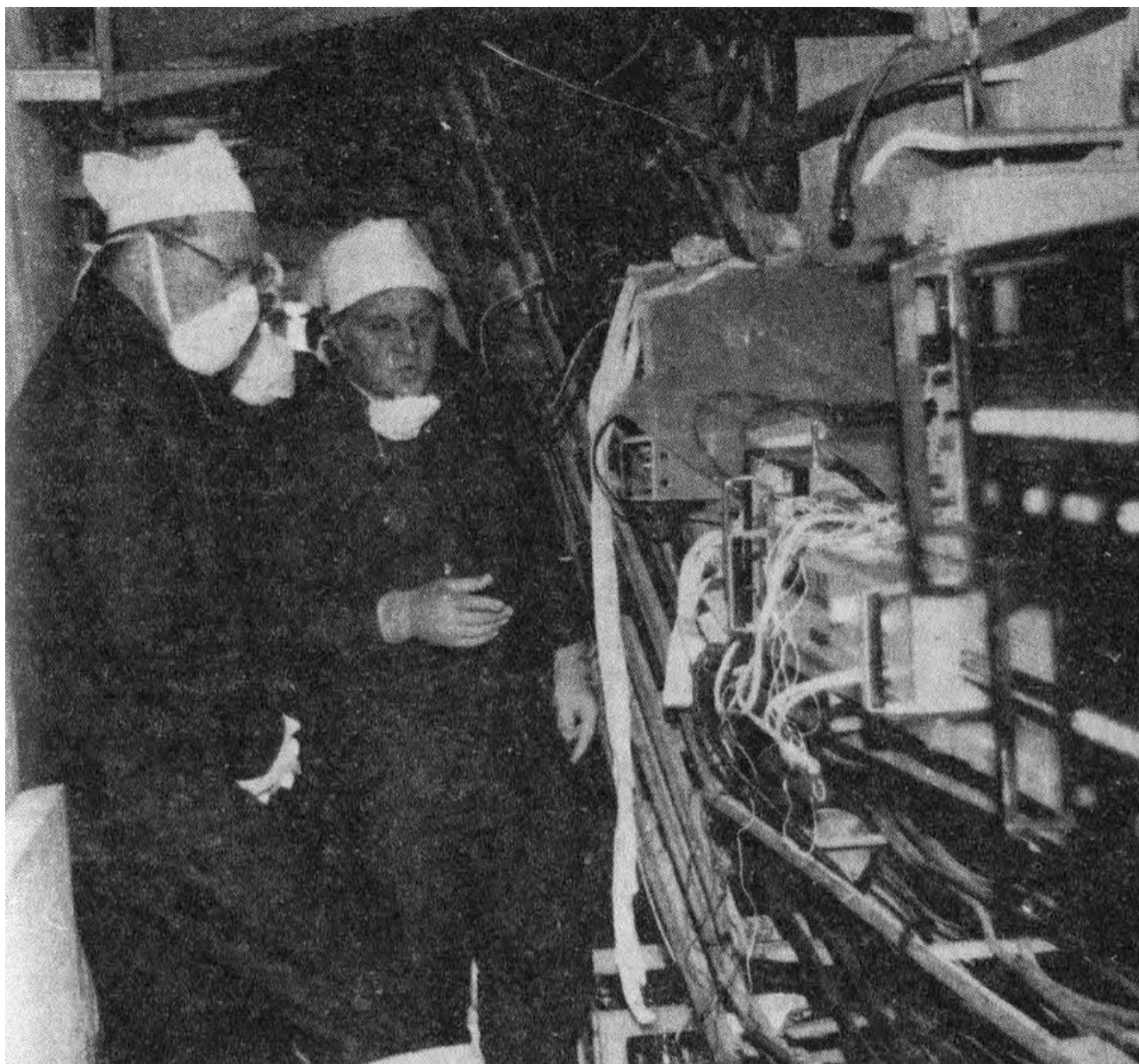
“Здесь, в зоне все временное. Временная работа. Временное жилье. Временные должности... Только люди временными не бывают, — пишет майор Ю. Мамчур. — Подполковник А. Иноземцев, капитан А. Соломкин, старшина запаса А. Любимов, старший сержант запаса В. Гормаш, рядовые запаса Н. Бах, В. Вадько, И. Васильев, В. Бахар, тысячи их сослуживцев делают все, что в их силах. И есть нечто исходное, постоянное в том, что этих людей объединяет, роднит и делает не просто скопищем безучастных временщиков, но деятельной, целеустремленной, одухотворенной силой, которая работает не за страх, а за совесть. Брошенные хаты, оцепеневшие леса, пустынные берега Припяти — все это наша земля, которую мы загубили и которую кроме нас никто не спасет. Солдат ты или академик — сердце за родную землю болит одинаково”.

ПО “Энергоспецмонтаж” образовало в Чернобыле сначала специализированный монтажный участок, который вскоре развился в Монтажный район Средмаша. Во вторую смену представителем Средмаша в Правительственной комиссии был И.А. Беляев. Он отстаивал и проводил в жизнь решения по монтажу опалубки первого, второго и третьего ярусов саркофага. Он же — член Правительственной комиссии в период укладки бетона в первые ступени саркофага. В то время во всем нужны были неординарные решения — ведь впервые в жизни. Предстояло подобрать людей, рядовых и руководителей, самому идти в опасность.

Многие вопросы решали вместе с Управлением строительства ЧАЭС. Особым уважением пользовался его начальник Е.М. Акимов: все руководители отмечают, что в согласовании совместных действий вообще не возникало проблем.

Е.М. Акимов любил все — гражданские и военные, начальники и рядовые, — за профессионализм, строительный талант, чувство товарищества и... богатый, неиссякаемый юмор, любовь к поэзии. Любили, несмотря на то, что, случалось, он приходил к работающим в самом трудном месте со словами: “Ну, гвардейцы, прибавьте

еще чуть-чуть. Последний бой — он трудный самый...” К самому факту строительства саркофага форсированными темпами и Управление строительства ЧАЭС имело непосредственное отношение как организация, отвечавшая за все строительные-монтажные работы в 30-километровой зоне ЧАЭС.

В.Легасов и В.Шикалов у диагностических приборов.

Документы сохранили память о многих этапах этой не имеющей аналогов истории. Первыми монтажниками Минсредмаша стали начальник 12 главного управления В.И. Рудаков и заместитель начальника ПО “Энергоспецмонтаж” Ю.И. Тамойкин. В мае, когда строилась подреакторная плита, первым начальником был В.К. Гаськов, старшим прорабом В.М. Серов, бригадир — В.В. Гаранихин. Делами Монтажного района постоянно руководили В.И. Рудаков и главный инженер ПО “Энергоспецмонтаж” В.С. Андрианов. С мая они лишь наезжали раз в две недели, а с середины августа и до 16 октября непосредственно руководили работами. С июня по сентябрь начальником Монтажного района был П.Г. Ким, главными инженерами — А.В. Шевченко и Ю.К. Чашкин, замом по общим вопросам — П.П. Сухина.

Из-за радиационной обстановки и начальники Средмаша работали по сменам, а тем более — непосредственные исполнители. Ежедневно на открытии были заняты сотни

человек, в основном солдат. Большинство из них обеспечивало бесперебойную работу бетононасосов на земле, хотя и в относительной близости от четвертого блока — металлические конструкции заполняли бетоном. Поэтому им разрешалось из-за высокого фона находиться там не больше пяти минут — такова рабочая смена каждого.

— Весь коллектив Монтажного района был быстросменный. Поэтому случалось, что в общежитии без дела находятся сотни людей, а работать некому, — рассказывал мне заместитель начальника Монтажного района УС-605 Серафим Иванович Булгаков. — Из министерства и трестов многие сами просились в Чернобыль. Но были и случаи нарушения трудовой дисциплины и общественного порядка. В связи с этим пришлось создать группу профилактики: играли свою роль стенгазеты, “Молнии”, “Тревоги”, фотостенды, приказы — все это вывешивалось в конторе. Ведь дисциплина в чернобыльских условиях была жизненно необходимым делом. Платили за труд на саркофаге в пятикратном размере сравнительно с мирным временем, но по поворемненно-премиальной системе, премия в 60% в руках мастера была хорошим инструментом поощрения и наказания. Вообще этот участок был среди особо опасных и оплачивался по самой высокой шкале.

С.И. Булгаков умер летом 1995 г... Он был скромным и обаятельным человеком. В последние годы активно занимался защитой интересов ликвидаторов в союзе “Чернобыль” России, участвуя в совершенствовании законодательства о пострадавших в результате чернобыльской аварии и других радиационных катастроф.

...Но вернемся непосредственно к работавшим на сооружении Укрытия. Крупным этапом в сооружении саркофага стало создание каскадных стен, состоящих из четырех ярусов. Для этого в кратчайшие сроки были изготовлены 798 т металлоконструкций на электростальском опытном заводе ПО “Энергоспецмонтаж”. Укрупняли и монтировали все ярусы каскадных стен непосредственно у места монтажа, то есть на железнодорожных платформах у здания ХЖТО. Применили многие пионерные решения революционного характера: металлоконструкции монтировали 60-метровыми блоками весом около 100 т. Последующие конструкции ярусов устанавливали на дополнительные опорные металлоконструкции, созданные в процессе монтажа. Все монтажные работы по возведению четвертого яруса каскадной стены закончили по графику, 25 сентября. Всего же с июня по октябрь было изготовлено 1000 т металлоконструкций для монтажа саркофага, 1500 т технологической оснастки (грузоподъемные траверсы, строповочные устройства, контейнеры для суперлифтов “Демага”, крюки, бетоноводы, мачты освещения, опалубки и т.д.).

Когда на бетонный саркофаг четвертого энергоблока ЧАЭС наводили последний глянec, пришло время и металлической кровли. Ее многотонные секции предстояло не только поднять на 60-метровую высоту. Главное — так точно уложить на предназначенное место, чтобы проделанные в них люки пришлись под отверстиями, оставленными в перекрытии для вентиляции и ввода контрольно-измерительных приборов, и чтобы специальные прокладки аккуратно легли на стыки труб перекрытия.

Накрыть разрушенный реактор оказалось самым трудным и, возможно, самым главным делом.

23 августа на заседании комиссии по саркофагу академик С.Т. Беляев сказал: “Так и запишем, проектировщики кровли не явились”. В этот момент дверь открылась — и в комнату вошли четверо (двое из них, Герзоны, были братьями, правда, встретились в этот день после довольно длительной разлуки. Они работали тогда в подразделениях Госстроя СССР).

Талантливые люди! Только Марк Яковлевич Герзон к тому времени оформил авторские свидетельства почти на 30 своих изобретений. Позднее он и другие чернобыльцы организовали в Днепропетровской области первичную организацию

движения Союз Чернобыль, и вскоре в ее составе насчитывалось 1600 человек. За первые три с половиной года 39 ликвидаторов умерли, о последующем времени у меня нет данных. Их коллеги собирали деньги для семей погибших, старались обеспечить их путевками для отдыха и т.п. Однако в тот период благодаря “усилиям” Минздрава СССР официально погибшие пострадавшими в Чернобыле не считались, поэтому семьи не имели никаких формальных прав на материальную помощь.

Итак, четверо специалистов спроектировали перекрытие саркофага всего за четверо суток благодаря удачному конструктивному решению: металлические элементы кровли как бы накладывались один на другой подобно гигантской чешуе, которая сама себя самостоятельно и удерживала. Монтаж кровли благодаря такому решению тоже удалось выполнить быстро и красиво. Его осуществили работники Минмонтажспецстроя, который также выполнил большую работу на Укрытии, будучи подрядчиком у УС-605. Но в публикациях прессы почему-то говорилось только об УС-605, который, якобы, тащит на своих плечах всю тяжесть работ в Чернобыле.

Перекрытие центрального зала реакторного отделения выполнили из специальных труб диаметром 1220 мм со стенкой 15,2 мм и длиной по 34,5 и 28 м. Трубы также изготовили на Электростальском опытном заводе. Укрупняли же их на территории станции, а затем монтировали на кровле центрального зала. Но прежде создали сложную пространственную конструкцию из опорных балок, рам-ферм и сложных строповочно-расстроповочных устройств общим весом 165 т. Уникальным монтажом блока балок с фермой-рамой руководили лично В.И. Рудаков и В.С. Андрианов, а выполняли Н.К. Страшевский, В.Е. Блохин, Л.Л. Кривошеин, Н.А. Пикулин, А.М. Родионов, С.К. Заев и машинист В.А. Иванякин.

Корреспондент “Комсомольской правды” П. Положевец присутствовал при начальном монтаже кровли. Вот как он его описывает: “Накануне в бункере собрались асы. Обсудили мелочи, детали, погоду. Смущало одно: раньше никому из них не приходилось работать с такими махинами.

Смена началась. Крановщик Валерий Иванякин спокоен: управимся. Правда, ветер ему не нравится: то налетает, то успокаивается. Он занял место в кабине крана. Восемь наблюдателей вышли на свои точки. Прораб Юрий Петухов сел у телевизора. У каждого — рация. Бригадир Александр Родионов скомандовал: “Застопорить раму”. Медленно, словно нехотя, оторвалась она от земли. И, замерев на мгновение, поползла сантиметр за сантиметром — вверх...”

Руководитель работ В. Дмитриев, которого еще несколько минут тому назад можно было видеть у основания блока, вместе с монтажниками еще и еще раз осматривал элементы готовящейся к подъему на высоту кровли,— теперь уже вновь у светящихся телеэкранов: следит за выполнением команд.

...Брызнул дождь. “Только его не хватало”, — подумал Родионов, — Потянулся вытереть капли на лбу и тут сообразил, что это не дождь — пот. Рама остановилась. Бригадир вздрогнул: сбой? Всмотрелся — проектная отметка, 58 метров! Иванякин повернул кран вправо. Рама зависла над жерлом реактора. И стала незаметно опускаться. Нужно попасть миллиметр в миллиметр, зацепиться намертво. “Стоп!” — резко прозвучала команда. Рама зависла сантиметрах в десяти над точками опоры. Минута. Две. Стрела на максимальном вылете. Нагрузка тоже по максимуму. Иванякин спокойно ждет. Услышал команду: “Поворот!.. Рама легла на свое место. Стропы освободились от груза. Стрела резко ушла вверх и направо. Иванякин закрыл глаза... Все собрались внизу — взглянуть на свою работу. 165-тонная рама показалась маленькой и почти игрушечной. “Не впечатляет, — сказал Родионов и тут же добавил. — Как мы ее!..”

На следующий день пошли трубы. Их укладывали на раму как основание кровли. Первая попалась строптивая, помотала нервы. Вторая пошла легче. Третью уложили за полчаса. Последнюю, двадцать седьмую — 1 октября. Когда последняя труба легла на свое место, реакторный зал оказался под надежной защитой. Этот каркас одновременно в какой-то степени скреплял и стены саркофага.

“С этого момента можно было докладывать МАГАТЭ и всему международному сообществу, что взорвавшийся реактор четвертого энергоблока ЧАЭС надежно изолирован от окружающей среды. Это подтверждали и фотографии с космических спутников, остальное было дополнением”, — пишет начальник Монтажного района П.Г. Ким. Действительно, 15 ноября 1986 г. в Правительственную комиссию пришла телеграмма из МАГАТЭ с предложением генерального директора Х. Бликса о том, что можно больше не направлять в это Агентство информацию об уровнях радиации в связи с нормализацией обстановки на ЧАЭС. До этого по просьбе Х. Бликса такую информацию регулярно направляли в МАГАТЭ.

Практически вся видимая с земли часть саркофага была построена и даже выкрашена. Можно было монтажников отправлять по домам. А с южной стороны здания реакторного отделения все еще зиял огромный проем в стене над бывшей деаэрационной этажеркой. И было не очень-то ясно, как закрыть этот развал и загерметизировать стену.

Тогда весь крупномасштабный монтаж выполняли с помощью подъемного крана “Демаг”. Но он стоял на северной стороне здания, поэтому все конструкции на южную сторону - на деаэрационную этажерку он мог подавать только поверх всего здания, не видя. Так, в конце концов, и пришлось поступить. Это было в конце сентября.

Итак, с северной стороны уже смонтирована каскадная стенка, реактор сверху перекрыли трубами, машзал закрыли щитами и отделили от третьего энергоблока. Когда будет перекрыт и с южной стороны завал, то по проекту, таким образом, образуются две опоры под кровлю: одна - рядом с третьим блоком, а другая — в завале деаэрационной этажерки. В этом месте стена вывалилась сверху до уровня 41 отметки, а ниже здание не пострадало. На этом уровне и был развал.

На опорах предстояло смонтировать 72-метровую балку, которую назвали “Мамонтом” за ее гигантские размеры. По первоначальному проекту предполагалось поднять краном на завал две объемные металлические опалубки — коробки с сетчатыми днищами. А уж в них — подавать бетон. Но ведь сначала надо сделать ровные горизонтальные площадки, на которые эти короба поставить. Но каким образом? Человек туда пройти не мог из-за высокого радиационного фона. Поэтому решили по бетонопроводу подать на завал бетонную смесь, чтобы его просто залить, укрыть коркой из бетона и таким образом выровнять. Все это — на высоте 50 метров.

— Мы подали туда ажурную изогнутую металлическую мачту, на которой установили бетонопровод, — рассказывает Л.Л. Бочаров, — Бетонопровод этот шел по всему третьему энергоблоку, начиная с нулевой отметки, то есть от поверхности земли. Мы протянули его через стену к завалу. Бетон дистанционно шел по трубопроводу день и ночь. Подали уже 2000 кубометров, а воронка в основании опоры все не закрывалась. Недоумевали: куда же девается бетон? Потом мы нашли причину: бетон под мусором уходил вниз и распространялся по нижнему помещению здания реакторного отделения до самой нижней отметки, — вплоть до кабельных каналов энергоблока.

Фантастика — все-таки пришлось людям выскакивать на поверхность завала, чтобы вручную разными обломками конструкций забросать это отверстие. В месте, куда выбегали люди, было около сорока рентген в час...

Через несколько дней добились того, что воронку бетоновода затянуло бетоном, и смесь стала закрывать завал. Руководили этими работами А. Приказчик и полковник А.М. Кондратьев.

Площадку создали, установили на нее короб и тоже заполнили бетоном — получилась своего рода тумба, опора под будущего более чем 70-метрового Мамонта — конструкцию весом в 165 тонн.

Теперь предстояло установить вторую тумбу-опору. Но это оказалось еще сложнее. На этом месте сохранились кое-какие старые конструкции здания — их предстояло убрать. Думали-думали — и придавили, словно пестиком ступки, заполненной бетоном 30-метровой трубой. Эту помеху по существу обратили во благо — смятый металл стал основой площадки. На нее опустили конструкцию типа “песочницы”, прозванной ладьей, в которую дистанционно, видя лишь из окна наблюдательного пункта на отметке +67 и телекамеры, что получается. Над разрушенным блоком, сверху по трубопроводу стали подавать бетонную смесь. С вертолетов периодически наблюдали за результатами...

Однако и этот бетон уходил бесследно. Оказалось, что сетка в основании “ладьи” сразу порвалась, и этот бетон тоже стал уходить внутрь здания. Это место также решили засыпать щебнем из радиоуправляемой бадьи, а сверху на нее установить новую емкость — опалубку под основание опоры. Но ведь и новый опыт мог оказаться неудачным. Сколько же придется экспериментировать?

В нормальных условиях человек пошел бы и посмотрел, оценил обстановку, свои возможности. Здесь же условия ненормальные.

...Миновали смена за сменой. Наступила середина октября. Хочешь — не хочешь, а придется “сходить” и посмотреть.

Освинцованную кабину зацепили краном и подняли над четвертым блоком, Назвали эту кабину “Батискаф”. Из нее можно разговаривать по рации. Был в кабине и дозиметрист. Главному инженеру УС-605 Л.Л. Бочарову было поручено опуститься над этим развалом, чтобы, наконец, определить, что же делать дальше. Кабина была уже довольно потрепанной — подремонтировано днище, заменена дверь. В одном ее углу лежала на всякий случай бухта каната (если придется батискаф подтягивать — ведь его на ветру качает, словно маятник). Дозиметрист замерил фон в кабине и снаружи. Внутри — 20 миллирентген/час, а “на улице” — 20 рентген/час. Успокоился и сел в кабину: “Что-то дует”, — сказал он неожиданно — и вдруг подпрыгнул, словно ужаленный: оказалось, что под бухтой каната — дыра.

Дозиметрист и второй “пассажир” В.М. Багрянский — заместитель главного инженера из проектного института — смотрели наружу в застекленное освинцованным 30-миллиметровым стеклом окно — не сорвало бы кабину с крюка, не задела бы по пути за какие-нибудь конструкции — ведь ничем же она не закреплена, не подстрахована, просто подхвачена краном и все... Поднялись на 70-метровую высоту.

— Зависли мы над четвертым блоком — я им и говорю: “Что вы все вниз смотрите? Взгляните, какая красота”, — а вдаль сверкает в солнечных лучах город Припять — рассказывает Бочаров. Рядом речка синевой играет — невозможно не любоваться. В нее голубое небо смотрится... Вадим глянул и рассмеялся — действительно, здорово!.. А под ними-то — суший ад...

Осмотрели развал и обнаружили у самой стены 2 больших прорыва. В них и уходил бетон. Его невозможно было увидеть из наблюдательного окна, которое проделано в стене третьего энергоблока, примыкающей к развалу.

Еще до начала этой войны с завалом в наблюдательное окошко посмотрел Б.Е. Щербина и сказал присутствовавшим там специалистам, что ничего у них с бетонированием не получится, потому что поверхность уж очень неровная и разнохарактерная. “Ищите, — сказал — альтернативный вариант”. Но строители не сдались: “Один участок завала победили — победим и второй”. Член Правительственной комиссии и начальник главка в Минсредмаше К.Н. Москвин

предложил закрыть прораны гирляндами из мешков со свежим бетоном и веерами из швеллерных балок, бетонных свай и т.п. Это была прекрасная идея. Так и сделали.

Была осень. Рано темнело. Часто от земли поднимался туман. Все это мешало видеть не только воочию, но и с помощью установленных на блоке телевизионных установок. Потом на площадку все сыпали и сыпали щебенку. Казалось, что поверхность стала, наконец, ровной — это подтверждали и осмотры с батискафа, и с вертолета, и по телевизору из ближнего наблюдательного пункта в третьем блоке. Под основание новой опоры поставили новый, невысокий короб из щитов — опалубку. Ее называли в обиходе “песочницей”. Днище ее сделали сетчатое, а не сплошное, чтобы сетка гибко и надежно обволокла завал. А когда все элементы смонтировали, то обнаружили, что весь короб-опалубка не только перекосялся, но небольшое количество бетона, уложенного для придания устойчивости этой конструкции, теперь не дает возможности даже оторвать ее от основания.

Что же теперь-то делать? Уроdlивое сооружение не позволяло никаких дальнейших строительных действий. Тогда и ее решили захоронить — заполнить доверху щебнем, рядом тоже насыпать щебень. И так создать огромную подушку под будущую новую опору. В итоге основание под опору получилось как бы трехэтажным.

К.Н. Москвин сменил на стройплощадке заместителя министра Минсредмаша по строительству Героя Социалистического труда А.Н. Усанова, на котором, тем не менее, по-прежнему лежала вся ответственность за выбор идей, за проектирование и возведение саркофага. Правильнее было бы сказать, что он сам эту ответственность с себя не снимал даже после того как в результате переоблучения он и В.И. Рудаков попали в печально известную “шестерку” — шестую Московскую клиническую больницу. Бочаров по телефону из Чернобыля рассказал ему, как монтировали “Мамонта”, словом, обо всех делах и планах. Втроем они все договаривались встретиться, уютно посидеть, но один из них оказывался в больнице. По-прежнему ни одно практическое решение не осуществлялось без ведома и одобрения Усанова. Да, он выполнил свою задачу. Но это потребовало огромного напряжения сил.

В.И. Рудаков умер в 1988 г.

А.Н. Усанов умер в 1994 г. Он пользовался колоссальным уважением всех, кто его знал.

На заседании Правительственной комиссии 25 октября 1986 г. главного инженера УС-605 спросили, когда же они все-таки построят свою опору. Бочаров ответил, что к 1 ноября.

— А будет? — засомневался Б.Е. Щербина.

Действительно, было в чем сомневаться. Очень уж крепким оказался орешек, который назывался просто опорой и действительно предназначался как опора под нормальную строительную балку.

Десятиметровая тумба-опора лежала на площадке, готовая к установке, а строители ее укорачивали, потому что поднялась гора щебня в ее основании. Но плотна ли гора? Ведь может случиться так, что на щебень установят эту тумбу — а она провалится или накренится... Надо посмотреть, потрогать щебень.

Это должен сделать только человек... Посмотреть поручили снова главному инженеру УС-605 Л.Л. Бочарову — собственными глазами. А для этого предстоит подняться с земли, с нулевой отметки до самого верха, но уже не на батискафе или вертолете, а внутри здания.

Гидом в этом путешествии группы специалистов ИАЭ стал Ю.В. Коба. Взяли с собой дозиметриста и операторов с видеокамерой.

Вошли в здание со стороны деаэрационной этажерки и побежали по коридору. Прибор показывал 20 рентген/час. Под ногами битые оконные стекла, скользко. Но нельзя

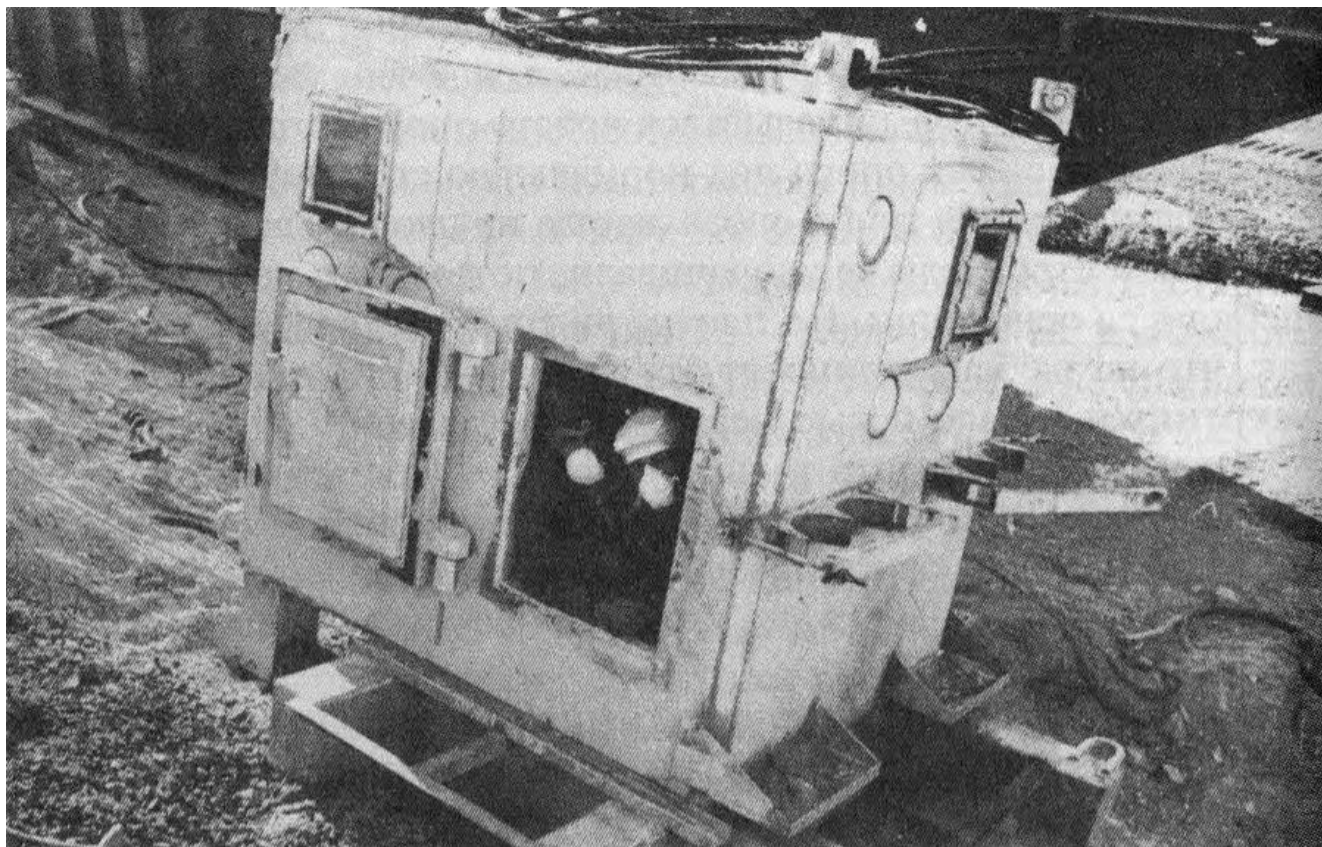
останавливаться и тем более падать — на полу слой радиоактивной пыли. Добежали до лестничной клетки — а там всего 20 миллирентген/час — ведь шахта почти герметична. Спокойно поднялись на 24-ю отметку, передохнули и — опять по коридору.

Вот он, четвертый блок. По нему Бочаров еще не ходил, и это не придавало бодрости. Кругом абсолютно темно. Дорогу время от времени освещали фонариками.

— Ты посмотри, какой здесь фон, — говорит он Кобе.

— Нечего смотреть, все равно темно. Я скажу, когда надо бежать, — отвечает Коба. Он не раз проходил (если можно так выразиться — проходил) этими путями и прекрасно знал обстановку. Но с непривычки свежему человеку, конечно же, не по себе... Вот и конец коридора.

А тут еще под ногами выявились наплывы бетона — того самого бетона, который тек “неизвестно куда” с развала на крыше деаэрационной этажерки. Бетон образовал мощную неровную подушку на всем полу не только коридора, но и многих помещений. Подушка утолщалась, пока почти не соединилась с потолком, оставив менее чем полуметровый зазор. По такому коридору в темноте и “бежали”, согнувшись в три погибели, четверо отчаянных людей. Забегая чуть вперед скажу, что позже значительную часть бетона вырубил солдаты, чтобы проход стал “повыше”. Я видела его в 1989 г., но об этом — отдельный рассказ.

“Батискаф”

...Вот группа достигла предела коридора, и подушка оборвалась. Что за ней? Бездна? Следующий наплыв или, может быть, нормальный пол, но теперь оказывающийся как бы на глубине в несколько метров?

За обрывом оказался туалет. Обыкновенный тривиальный туалет, его тоже следовало пробежать. Двери не было, или она осталась открытой.

— Когда мы только начали свой путь, осознавая, что пойдем уже внутри саркофага, это было ново. Мы, строители УС-605, привыкли относиться к бэрам с уважением, — рассказывает Лев Леонидович. — Каждый раз, посылая людей в суровые условия,

вычисляли, сколько минут, секунд им можно там находиться. А здесь — полная неопределенность. Да к тому же наш гид вроде бравировал своей смелостью, шел порой чуть ли не вразвалочку, будто у себя дома. Своим дочерям я говорю, что главная победа человека — это победа над самим собой. И на фронте людям страшно, хотя они и не показывают этого, скрывают страх перед бывальыми воинами. Потом перебарывают себя и сами становятся раскованными и приобретают моральное право наблюдать за новичками. Когда я во второй раз отправился тем же путем по лабиринтам разрушенного блока вместе с главным инженером проекта саркофага Лешей Бицким, простите, Алексеем Андреевичем, тоже подобно Кобе, чувствовал себя вполне спокойно и посматривал на Лешу с интересом, как бы на себя, прежнего. А он, вроде меня, преодолел свой страх, но выскочил из здания возбужденным и радостным — тоже как я в первый момент.

Каждый на блоке понимал, на что идет. И все равно надо было побороть свой страх, осознать важность этого дела. А когда человек преодолел в себе это внутреннее торможение, он готов выполнить любое, самое опасное дело. Часто люди вызывались в состоянии аффекта пойти работать за другого, как на втором дыхании.

По многим видно было, как им страшно. Но они старались это преодолеть в себе, не показать. И в этом — мужество. Вновь прибывшие видели внешнюю бесшабашность старожилов, решительность и ответственность в работе. И осознанно, без страха сами шли на выполнение общей задачи.

...Наконец, по-пластунски путешественники выбрались в другой туалет. Его комнаты были почти полностью заполнены бетоном. Попали в тупик, замкнутое пространство?.. И тоже — темно. Пролезли по лабиринту, пока в конце комнаты оказался просвет — это курчатовские физики летом пробрили в стене проход. Путники оказались на лестничной клетке.

— Ну, теперь можно и передохнуть, — сказал Коба.

— А много ли здесь?

— Да нет, всего один рентген, рентген в час. Это была допустимая дневная доза по меркам того времени. Но после сорока или двадцати р/ч, в которых они бежали — действительно “немного”.

Чуть передохнули и пошли по лестнице вверх. Дошли до отметки 35, сняли на видеокамеру через проемы в стене четвертого энергоблока то, что можно было увидеть снаружи. И вдруг обнаружили, что в одном из помещений — всего полрентгена, можно отдохнуть, покурить (позже Бочаров использовал это естественное укрьггие во время пересменок солдат)... Поднялись еще выше. Операторы быстро с вытянутой руки сняли все, что возможно, на видеомагнитофонную пленку. Наружу не выходили — ведь там могло быть и 400 рентген/час, и больше. Да и в помещениях ситуация менялась на расстоянии в сантиметры чуть ли не на порядок — в зависимости от расположения оконного проема, наплыва бетона или трещины в стене.

А потом в штабе, в общезитии специалисты спокойно рассматривали ситуацию, составляли план действия.

— Мне понравился Ю.К. Семенов, — говорит Бочаров. — Вот он сидит сзади всех на совещании, наблюдает наши обсуждения какого-то трудного дела и молчит. Не торопит, вообще не вступает в разговор, хотя работа, притом очень срочная явно может сорваться. А ведь он как заместитель председателя Правительственной комиссии, фактически же, по делу — председатель — отвечает за конечный результат. Его такт и уважение к специалистам, в конце концов, успокаивали людей, придавали уверенность и даже ускоряли дело. Он никогда не отменял принятые нами решения. Понимал, что они взвешены и единственно выполнимы. Его поведение — это олицетворение истинной мудрости руководителя в той предельно напряженной обстановке.

...Эпизод с бегом по блоку до 41-й отметки был немного раньше, чем засыпали щебнем покрывившуюся песочницу. Теперь надо посмотреть, как себя чувствует гора щебня, но уже не из помещения, а выйдя на развал.

Лев Леонидович показывает мне свою записную книжку: “Вот видите, я нарисовал схему пути внутри блока с указанием радиационного фона”. — “А где же обложка у этого блокнота?” — “Отобрали в шестой клинике, она очень светила”.

Он решил выйти на этот развал, на 41-ю отметку, но с собой взять еще человек 10 — инженера и солдат, которые потом будут, как гиды, проводить группы. Но прежде этих людей следовало вдохновить на такое путешествие — конечно же, своим примером. Люди должны с земли из бункера УС-605, расположенного в помещении ХЖТО, на экранах своих телевизоров увидеть его снаружи четвертого блока, на поверхности завала... Отправились Бочаров, дозиметрист, Бицкий и новый руководитель всех работ на этом участке П.Н. Сафронов.

Бочаров оставил свою свиту в уже известном ему укромном месте на 35-й отметке, а сам отправился наверх “позировать” перед телекамерами. Обошел гору щебня, которую насыпали в основание опоры. Оказалось, что поверхность щебня, которую все принимали за горизонтальную, на самом деле образовала волны с амплитудой метра в два. Там и радиационный фон скакал между пятью и ста рентгенами в час. Ясно, что щебень необходимо выравнять... вручную!

Бочаров вернулся, забрал своих попутчиков и отправился в бункер объяснять обстановку. Солдаты уже видели его по телевизору и поняли, что выйти на развал возможно. Теперь они сосредоточенно слушали его инструкции: где и как придется идти, не отставать, не отходить в стороны; последним идет самый сильный... Чтобы уменьшить время пребывания в условиях радиации, их подвезли на освинцованном автобусе к входу здания. Краном поставили на площадку переносной “батискаф”. Здесь и отдыхали потом солдаты в промежутках между выходами на открытую площадку. А поводыри по очереди проводили новые бригады.

Работу выполнили. На утреннюю оперативку приехал Б.Е. Щербина. Он удостоверился, что основание готово под монтаж опоры. Председатель Правительственной комиссии убедился в этом по телевизору из помещения ХЖТО. На площадке стояла новая “песочница” — бетонное основание под установку опоры, а в ней блестел свежееуложенный бетон. Это было 29 октября.

Прежде чем на опоры положат Мамонта, а также все конструкции, которые предстоит смонтировать сверху, их нужно еще испытать. Для этого на основание дистанционно опускали и поднимали контейнеры со свинцом, потом трубы, и на них снова контейнеры со свинцом. Перед самым началом монтажа “Мамонта” вдруг оказалось, что проколото колесо у противовеса-суперлифта на подъемном кране. Что делать? Работы приостановились... Положение спасло “Поле чудес” — так назвали территорию бывшей чернобыльской базы “Сельхозтехники”, куда теперь свозили разные конструкции и узлы, где их укрупняли и где скопилась масса разной техники. На одном из польских погрузчиков нашли подходящее по параметрам колесо и установили на суперлифте.

По телевизору расстояние между основанием 80-тонной опоры и батискафом казалось довольно большим, но в действительности оно не превышало метров полутора. Стали опускать раскачивающуюся на ветру опору весом 87 т — услышали крик по рации из батискафа: “На нас ставите!” — Один из монтажников вышел наружу и показал расстояние размахом рук. Крановщиком из бункера управлял по рации Н. Страшевский — в данном случае оператор, хотя в действительности руководитель треста (он монтировал самые ответственные конструкции). Издали с наблюдательных точек, расположенных на земле, на 68-й отметке третьего энергоблока и на “Демаге” весь процесс контролировали и подправляли люди с биноклями. Они умудрялись

рассмотреть расстояние в несколько сантиметров. Прежде обманчивым оказалось лишь представление о промежутке между опорой и батискафом. Поняв это, опору решили опускать, как бы вплотную прижав к сохранившейся стене здания.

Но из этой стены торчали какие-то конструкции, а опора раскачивалась на весу. Неловкое движение — и она могла задеть за “батискаф” и даже сбросить его вниз вместе с людьми... Страшно подумать о такой вероятности. Радиационная обстановка позволяла работать на открытом участке не дольше двух-трех минут, поэтому высококвалифицированные монтажники вместе с прорабом и геодезистом были вынуждены в “батискафе” переждать время, пока они понадобятся для работы в очередной раз.

В записной рабочей книжке Ю.К. Семенова — грустно-ироничная запись от 2 ноября 1986 г.: “8.00 — 19.00. “Мамонта” уложили! на “Холм Славы”... Здание деаэрационной этажерки, в конце концов, закрыли металлическими щитами — они образовали южную сторону саркофага.

.. В конце ноября 86-го на Правительственной комиссии обсуждали ход работ по сооружению саркофага и на других объектах. По очереди вставали военные и гражданские начальники, докладывали об успехах и проблемах, получали одобрение или... Но один человек в зале удобно расположился на своем жестком стуле и тихо посапывал — Дудоров.

— Вам докладывать о работе УС-605. Слушаем! — Человек поднял голову.

— Так что, разрешите мне уйти. Я сегодня должен уложить в саркофаг 2500 кубов бетонной смеси. — Дудорова отпустили, и он с удовольствием сказал соседу: “Как хорошо, что хоть полчаса поспал!”

Было очевидно, что прежде чем начнется монтаж металлических листов кровли, кто-то должен взобраться на здание реакторного отделения четвертого энергоблока и воочию удостовериться в некоторых деталях.

Это сделали начальник отдела треста “Оргтехмонтаж” В.С. Сальманов с двумя солдатами по поручению начальника монтажного района П.Г. Кима. Ночью при свете прожекторов они должны были подняться над разрушенным энергоблоком на высоту 22-этажного дома, чтобы сделать точные замеры фактических промежутков между конструкциями. Иначе нельзя приступить к монтажу кровли.

Отправляясь в путешествие, Сальманов в шутку сказал Киму: “Если погибну, татарский народ тебе этого не простит!”.

Этим троим предстояло подняться в камере, которую называли “батискафом”, на 70-метровую высоту, затем опуститься метров на 20 ниже. Выйти из “батискафа”, пройти по горизонтальной балке на высоте около 50 метров, еще спуститься на полтора метра на балку “Мамонт”, пройти по ней, замерить радиационный фон, чтобы знать, сколько там можно находиться (оказалось 150 рентген в час) и выполнить нужные линейные замеры. После этого надо вернуться в раскачивающийся на весу “батискаф” и опуститься на землю. Главный инженер УС-605 его напутствовал: “Помни, там есть места с наваренным металлом, не споткнись. Упадете — никто вам не сможет помочь”. — И он никогда еще не видел таких внимательных подчиненных.

Вернувшись, Сальманов рассказал о своих впечатлениях: “Через иллюминаторы мы наблюдали окружающую обстановку. И открывшаяся перед нами панорама ошеломила нас и создала торжественно-жуткое впечатление от увиденного масштаба разрушений и выполненных работ!”

Наконец-то и сверху весь каркас закрыли металлическими блоками — их называли “клюшками”.

Вскоре там, где прежде полагалось находиться считанные секунды, стало возможным спокойно работать — при соблюдении правил техники безопасности.

Оставалось убедиться, что саркофаг действительно надежен. С этой целью изобрели “гамма-визор”, позволяющий с большой точностью находить места гамма-излучений и там, где необходимо, кое-что подправить... Все!

Заместитель председателя Правительственной комиссии В.А. Жмурко тогда сказал на очередном заседании:

— Все работы, предусмотренные проектом по сооружению Укрытия, выполнены. Теперь осуществляется его обслуживание. Одновременно дезактивируем энергоблок №3 и строительную площадку пятого и шестого. Обстановка на АЭС — нормальная.

На партийно-хозяйственном активе управления строительства №605, официально посвященном всего одному вопросу — завершению работ по захоронению четвертого энергоблока, постановили сверх официальной программы отработать всему коллективу один день бесплатно, и все заработанные деньги перевести на банковский счет №904 — в фонд Чернобыля.

...Прошло совсем немного времени, и толстый слой снега появился на куполе саркофага. Прилетели птицы. Они садились на крышу укрытия. Трудно представить более приятную картину. Она означала, что зверь укрощен, и внутри Укрытия все в порядке. Установленные там приборы показывали на поверхности развала температуру +6-9 °С, а в его недрах — несколько сотен. На пути возможных нейтронных потоков стрелки приборов стояли практически на нулях: один-три нейтрона в секунду на квадратный сантиметр — не в счет, хотя на экране дисплея зафиксированы и они. Система ядерной безопасности в постоянной готовности. На всякий случай предусмотрена система вытяжной вентиляции для очистки воздуха при выбросе радионуклидов из недр реактора. Саркофаг снабжен системой принудительного охлаждения, но к ней еще ни разу не приходилось прибегать. Большие баки с раствором бора установлены на крыше, чтобы залить ядерное горючее при первых признаках повышения нейтронной активности — их ни разу не использовали. Предусмотрена и система охлаждения фундамента реактора. Но фактически и она бездействует — нужды, слава Богу, нет.

Это сложное инженерное сооружение — словно коронка на больной зуб, по образному выражению Б.Е. Щербины. Его создание — по сути завершающая фаза работ по ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС, хотя борьба с последствиями аварии далеко не окончена.

Саркофаг поднялся на высоту 22-этажного дома. В некоторых участках толщина его стен достигает 18 метров.

На всех несущих конструкциях были установлены датчики, которые на Информационно-диспетчерский пульт автоматически передавали и передают теперь все данные о любых осадках и перемещениях, подвижках здания, а также коррозии в несущих конструкциях Укрытия. В первый год датчики зафиксировали их осадку, но значительно меньшую, чем предусматривалось расчетами. Позднее никаких осадок практически не было, так как все сооружение зафиксировалось на конкретном, неподвижном уровне. Раз в месяц данные от этих датчиков поступают в институт-проектировщик ВНИПИЭТ (Санкт-Петербург) для анализа. Известно, что предполагаются разные пути модернизации Укрытия. По расчетам, даже если весь его объем заполнить бетоном, то это никак не скажется на его основании и работоспособности третьего энергоблока.

— Сейчас можно услышать, что сам бетон под влиянием радиации, якобы, стареет раньше, чем в обычных условиях, — говорит Л.Л. Бочаров в 1995 г. — Однако опыт наблюдений по атомным станциям военного назначения, построенным более 40 лет назад, показывает, что в действительности бетон свою прочность сохраняет весь этот период. Гарантийный же срок Укрытия, по проектному заданию — 30 лет.

Уникальность этой работы, выполненной в рекордные сроки, поразила специалистов многих стран мира. Всего за пять месяцев сделали все: от проекта, изготовления конструкций, до окончания монтажа, притом все операции практически выполняли дистанционно.

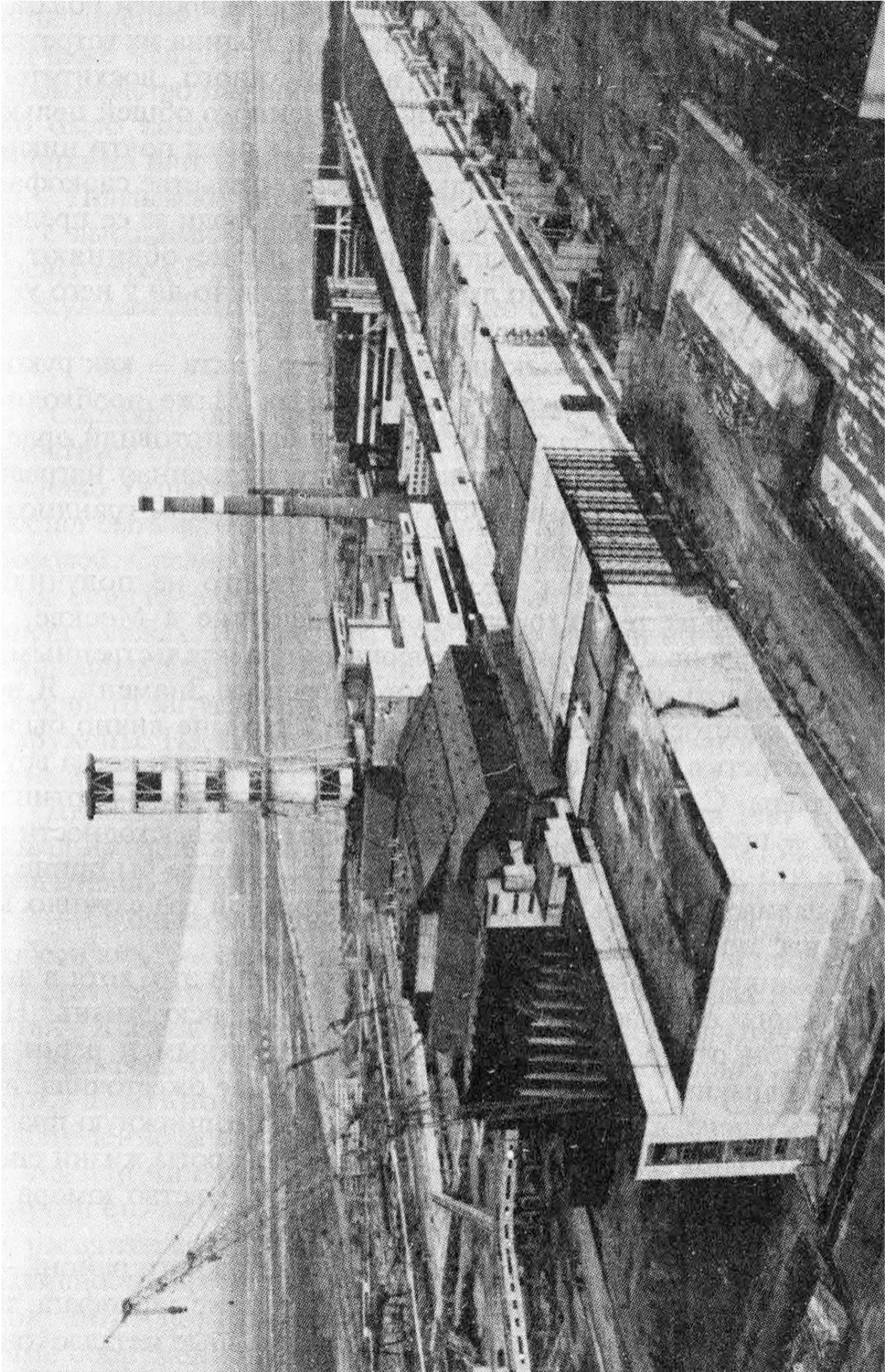
УС-605 начал свою работу в 30-километровой зоне летом 86-го с постройки железнодорожной ветки в с.Тетереве. Привезли вагончики для своих строителей, приспособили для расселения тысячи людей пионерские лагеря, создали материальную базу своей будущей стройки, приняли огромное количество грузов, реконструировали коммуникации, обеспечили надежную связь, провели исследования, изготовили и смонтировали около 7 тысяч тонн нерядовых металлоконструкций. Всего за 4 месяца уложили более 400 тысяч кубометров бетона, приняли и пустили в дело 600 тысяч кубометров щебня, столько же песка... В день за четыре смены делали объем работ, которые полагается выполнять за неделю.

В дичайших условиях радиации, при круглосуточной работе, без выходных и праздников, при нашей “неповоротливости”, как обвиняют строителей средства массовой информации. Да еще — в первый год перестройки, а по сути дела — еще застойными методами и средствами. Это — фантастика, и она до сих пор поражает самих строителей и иностранцев. Но ведь все получилось! Мир не знал таких быстрых темпов решения труднейшей инженерной и социальной программы. И это еще раз показывает: Чернобыль — это не бездумный, подневольный труд, а осознанная жертва и одновременно — творческое вдохновение. Подневольному труду такое не по силам.

На первой крупной конструкции, которая перекрывает балки и в просторечье была названа “клюшкой” (хотя весит она 25 тонн), перед тем, как ее смонтировать, участники строительства саркофага расписывались, как на стене Рейхстага в 1945 году. Люди старались оставить свою подпись повыше, поднимали друг друга. Бросали вверх береты. Это был праздник. Эти подписи остались теперь внутри саркофага, их не увидишь. Так же “вмурованной” в небытие оказалась и народная память об участниках чернобыльской эпопеи. Б.Е. Щербина говорил им, что на стене саркофага будут написаны имена если не всех, то многих из тех, кто его строил. Слова остались словами.

А ведь людям всего-навсего было важно знать, что о них хоть в самом дальнем углу будет зафиксирована добрая память. И это было значительнее денег и других материальных благ. Да, там платили больше, чем на других участках 30-километровой зоны. Но какими деньгами все это оценить? Специалисты не хотели уезжать. Отработав свой срок командировки, с гордостью смотрели на выполненное их руками. И с грустью, что не им выпала честь завершить. По первому зову они с большой радостью возвращались в Чернобыль. Настрой на работу был необыкновенный — как будто люди изголодались по нормальной работе — и работали в захлеб. “Мы тогда думали это настроение перенести и на мирную свою работу — ведь именно так надо трудиться: в стране начиналась перестройка. Нам казалось, что мы нашли правильный стиль”, — говорил Л.Л. Бочаров. — Но нет сейчас конкретной и благородной, понятной общей цели, ради которой мы все пошли бы на лишения. А тогда такая цель была. Она была осознана и делала осмысленным самопожертвование.

На стройке не было ни дезертиров, ни национальной вражды, ни болящих. А если действительно кто-то заболел, то на ногах переживал день-два — и в бой. Люди даже стеснялись болеть в такой обстановке общего трудового вдохновения. Среда вытолкнула бы такого “сачка”, как мяч из воды. Его бы просто отторгли.

В глубине души участники этой беспримерной эпопеи полагали, и обоснованно, что за такой труд народ и Родина их встретят как героев, по достоинству оценят вклад каждого, восхитятся творческими возможностями и силой сплоченного общей целью народа. Но о них по сути никто и не узнал. Не имея почти никакой информации о работах не только на строительстве саркофага, но и во всей 30-километровой зоне, многие люди за ее пределами порой самих же ликвидаторов чуть ли не обвиняют в катастрофе: как говорится, “то ли он шубу украл, то ли у него украли, словом, замешан в некрасивой истории”...

Строители саркофага не понимают самого факта — как руководство страны могло “спустить на тормозах” даже необходимость моральных наград за сделанное. Хотя бы изготовили ордена и медали в нужном количестве. Правительственная награда позволяет человеку осознавать, что его участие в этом грандиозном деле не забыто, оценено по достоинству...

Мнение Л.Л. Бочарова: “Как всегда, ничего не получили именно многие из тех, кто работал, а сидевшие в Москве, в Управлении кадров - награждены высокими правительственными наградами, вплоть до ордена Трудового Красного Знамени. Я не о себе — я удостоен ордена “Знак Почета”. Но мне лично было стыдно смотреть в глаза своим собратям в тот момент, когда вручали награды. С нравственных позиций это — жуткая картина: вроде бы — праздник, а душа бунтует, кричит от безысходности и бессилия что-либо исправить. Хотелось чуда, которое бы принесло справедливость. Но жизнь, как это в очередной раз случилось, окунула нас носом в дерьмо”.

А ведь ликвидаторы — наш народ — простил и это, хотя в душе у каждого осталась щемящая зарубина на всю жизнь. Не злость (ее он откроет разве что самым преданным и верным друзьям и близким), нет. Несправедливость нас не ожесточила, не расслабила в деле, а лишь еще раз подтвердила сермяжную правду: работают одни, а получают другие. Такие повороты жизни еще больше закаляют сильных духом и укрепляют чувство юмора и оценке своего труда и вклада в жизнь Отечества.

Например, молодой главный инженер монтажного района — Ю.К. Чашкин — участвовал почти во всем монтаже саркофага, то есть собирал и устанавливал все это железо, основные металлоконструкции. Сейчас он — главный инженер производственного объединения “Промэнергомонтаж”. Но за Чернобыль ему не дали даже медали — только грамоту. А ведь он отвечал за людей и производство наравне с главным инженером УС-605. Если бы надо было кого-то наказать за огрех, за брак в работе, то этого Чашкина или Бочарова нашли бы из-под земли.

“Призывают народ на подвиг, зовут решать судьбы Родины люди с высокими чинами и званиями. А решать вопрос о признании заслуг перед Родиной передоверяют бессердечным чинушам...” Так рассуждает Л.Л. Бочаров, и трудно с ним не согласиться.

Саркофаг не полностью герметичен — так задумано. Это способствует охлаждению его содержимого атмосферным воздухом. Однако Укрытие отвечает своему предназначению — реактор перестал быть источником выделения в атмосферу радиоактивных аэрозолей. Среднесуточный выброс радиоактивных продуктов деления сейчас вдесятеро ниже, чем на нормально работающих энергоблоках. И через два года после аварии и позже на территории, прилегающей к ЧАЭС и городу Припять, новые пятна радиоактивного загрязнения или большее загрязнение, чем было, не обнаружены. Наоборот, в соответствии с расчетами интенсивность гамма-излучения заметно снизилась.

Директор ЧАЭС М.П. Уманец в начале апреля 1987 г. организовал на станции конференцию ведущих специалистов для представителей украинской прессы.

— Сколько раз слышали мы: “реактор задышал”, “чудовище взбесилось”, — сказал на конференции заведующий лабораторией Института атомной энергии имени И.В. Курчатова В.Ф. Шикалов. — Я здесь почти неотлучно с мая и свидетельствую: неправда. Весь реактор последовательно окружен (повторяю — не напичкан, а планомерно окружен) датчиками. Стационарное наблюдение за его поведением осуществляется со 2 июня 1986 г. С тех пор ни одного “чуда” не произошло, никаких отклонений внутри его активной зоны не зафиксировано. Наоборот, как мы и рассчитывали, реактор постепенно охлаждается, спадает его активность, время от времени выходят небольшие порции нуклидов, это — нормально. Укрытие имеет 2 уровня защиты: одно — само сооружение из строительных конструкций, второе — повышающийся уровень наших знаний, основанный на анализе процессов, происходящих внутри. Они вполне согласуются с известными нам физическими законами и нашими расчетами. К 1 мая 1987 года активность и внутри Укрытия понизится вдвое по сравнению с осенью 1986 г.

Я решила лично убедиться в правильности этих утверждений... Вот он, Саркофаг. Темная громада, печально известная на весь мир раньше, чем появилась на поверхности планеты.

Водителя с машиной я и тот, кто меня туда привез, оставили в отдалении, а сами вошли в ворота обширной территории II очереди станции четвертого энергоблока. Ни души. Пустынно. Опрятно, работы на днях окончились, и делать здесь сейчас людям нечего... Но все-таки немного боязно: мало ли чего...

На дозиметре по пути от ворот цифры прибавляются, и у самого подножья табло показывает около полрентгена в час. Сфотографировали друг друга и ушли.

Но почему все-таки “светит” в полрентгена? Откуда грязь?.. Да от земли же! Как ее ни мети, но у подножья завала дочиста не выметешь.

В январе 1987 года по центральному телевидению выступил Генеральный директор МАГАТЭ Ханс Бликс. И он констатировал факт: на ЧАЭС выбросы из четвертого энергоблока в атмосферу теперь даже меньше предельно допустимых для действующих реакторов... В апреле 1988 г. выбросы радиоактивных аэрозолей из “саркофага” были действительно вдесятеро меньше допустимых для нормально работающего энергоблока. К этому времени на расстоянии примерно 120 метров от саркофага радиационный фон определялся четырьмя миллирентгенами в час.

А вот свидетельство исполнявшего обязанности главного инженера производственного объединения “Комбинат” В.И. Комарова через три года после аварии: “С начала мая 1986 г. никаких опасных для населения и окружающей среды реакций на захороненном четвертом энергоблоке не происходит и не могло произойти. Даже если бы случилось невероятное — обрушение стен или крыши саркофага, то поднявшаяся из него радиоактивная пыль могла бы угрожать разве что работающему там персоналу. Но и такое, — считают специалисты, — полностью исключено. За состоянием здоровья всех тех сотен людей, которые работают (разумеется, не одновременно) в помещениях аварийного реакторного отделения четвертого блока ЧАЭС, укрытого саркофагом, как и остальных тружеников станции, ведется постоянный медицинский контроль”.

Комаров не оговорился. Внутри саркофага, в помещениях четвертого энергоблока ЧАЭС работают физики постоянно действующей комплексной экспедиции Курчатовского института (среди них — и киевляне). Пострадавший реактор постоянно контролируют и, если нужно, что-то там ремонтируют эксплуатационники этой станции. Начальник цеха по четвертому энергоблоку (сегодня — заместитель начальника) — с самого начала бессменный кадровый работник станции Георгий Исаевич Рейхман, веселый юморист Жора Рейхман, как дружески тепло зовут его все,

хорошо его знающие. Но это не мешает ему быть весьма компетентным и нестандартно мыслящим инженером. Его я видела в тесной комнатке “Сказочного” в июне 86-го. Он не эвакуировался.

Для Укрытия был специально разработан комплекс инженерных сооружений (вентиляционные системы, уникальные системы контроля многочисленных параметров разрушенного реактора). Г.И. Рейхман участвовал в создании всех систем и планомерно осваивал это оборудование до тех пор, пока каждая точка реактора не становилась абсолютно подконтрольной.

ЭЛЕКТРИКИ

И в мирной жизни об электриках высокое строительное начальство нередко забывает: оборудование и материалы они получают в последнюю очередь и, как правило, с опозданием. Но в конце концов каким-то чудом умудряются не сорвать общий плановый график. В сознании многих их работа выполняется как бы сама собой. Но это, конечно, заблуждение.

Крупный, немолодой, но крепкий ширококостный мужчина с открытым лицом, начальник вахты Всесоюзного объединения “Гидроэлектромонтаж” (ГЭМ) Г.Е. Шнелле уволился из объединения до аварии. В “войну” он включился уже 15 мая в должности заместителя главного инженера Киевской энергосистемы по ликвидации последствий аварии. Но через пару месяцев он вернулся в свой родной ГЭМ, хотя круг обязанностей и не изменился. Практически безвыездно он работал в Чернобыле два года, обеспечивал электроэнергией все подразделения: огромные подъемные краны и машины, возводившие стену в грунте; шахтеров и энергетиков под фундаментом четвертого блока и строителей саркофага, словом, все участки, где нужно было электропитание.

Из ГЭМа после эвакуации в Припяти осталось человек 8-10 — все инженерно-технические работники, беспартийные: Ю.В. Павленко, Н.А. Калюжный и другие. Все грузили песок на вертолеты. У них было две личных машины, в которых они ездили по селам и просились на ночлег. Как-то вышло, что об их питании и первое время никто не заботился. О “лепестках” для защиты органов дыхания, как я уже говорила, вообще никто не имел ни малейшего понятия. Вскоре, однако, порядок был наведен, и началась организованная работа. В июне в Чернобыльском управлении ГЭМа работали 400 человек.

В этом управлении до “войны” заместителем главного инженера был В.Н. Калмаз. Он и возглавил его, когда началась настоящая работа. В ночь аварии в Припяти находился и главный инженер треста О.В. Михайловский. Оба удостоены правительственных наград за работу в первые недели и оба поднялись на ступень выше по служебной лестнице. Вскоре вернулся в Припять и бывший тогда в отъезде начальник чернобыльского участка И.Г. Альтман — теперь заместитель главного инженера Управления. А в то время он так активно включился в работу на всей территории 30-километровой зоны и в Зеленом мысе, что обзавелся “собственной” производственной базой для плодотворной и длительной работы своего участка. И вообще как организатор он, возможно, сделал больше других.

У электриков работы было много. По существу они должны были находиться повсюду, где идут пусть даже самые малолюдные восстановительные операции.

Например, мешок, неудачно сброшенный с вертолета, порвал подвесную линию электропередачи напряжением 750 киловольт от АЭС к распределительному устройству подстанции. Ее необходимо срочно восстановить, но трасса пролегает в поле излучения от четвертого блока. Фон — от двухсот миллирентген до двух рентген/час. Допустимое время работы — не больше 15 минут.

Но 15 минут нужно только на то, чтобы влезть на опору. И сколько же потребуется, чтобы с нее слезть. А ведь еще и работать надо.

Ни от кого не скрывали опасность. Так, надо кабель состыковать с четвертым энергоблоком. Вызвались добровольцы, и они эту работу выполнили. Какими деньгами оплатить их поступок? Сколько вообще “мирных” окладов полагается за мужество?

Работали круглосуточно. Чтобы не тратить время и здоровье людей понапрасну, старались заранее, в относительной безопасности прорабатывать каждое задание.

Например, так состыковывали поврежденную кабельную трассу, ведущую к четвертому энергоблоку.

Или другой пример, старые трансформаторы стоят на своих колесах и на своих рельсах. Но они радиоактивны. Надо лебедками их по рельсам выкатить, а новые закатить. Вот, казалось бы, и все дела. Но относительно несложная эта операция потребовала в новых условиях особых подходов. Дело даже не в том, что сам трехсоттонный трансформатор — это сложное, высокоточное и довольно “нежное” сооружение. После взрыва подстанция оказалась на пути радиоактивного облака и сильно загрязнилась. Трансформаторы, соответственно, тоже. В итоге их заякоривали тросами и чуть ли не вручную катили за эти лебедки. Электрики эту ювелирную работу выполнили вместе со строителями УС ЧАЭС.

Подобные операции в принципе были подвластны лишь людям неравнодушным, искренне заинтересованным в результате.

Начальник участка И.Г. Альтман давно набрал свою дозу и, как ни сопротивлялся, вынужден был уехать из зоны. Сменивший его умудрился ничего не понять в ситуации, да, видимо, и не очень пытался понять. Живя в Киеве, он изредка приезжал часов в 8 вечера в Чернобыль, приказывал собрать людей на совещание и через полчаса отбывал, учинив с трибуны “разнос” за работу, в которой не дал себе труда разобраться. Технология работ и доля действительного участия людей его не интересовали, поскольку всех называл или считал заведомо плохими работниками. Он был поглощен своей общей “стратегией”. А между тем, живые люди спрашивали своего руководителя и о решении жизненно важных проблем, например, относительно их новых киевских квартир, полученных при эвакуации из Припяти, но почему-то с временной пропиской. Смысл такого решения люди не понимали и, понятно, волновались: в таком случае где же у них и у их семей постоянное жилье? Начальник же лихо (но без всяких гарантий) с трибуны, не снизойдя к массам, обещал построить для них дома в г.Вышгороде, под Киевом, там действительно сконцентрировались многие выехавшие из г.Припяти строительные и монтажные управления. Но о строительстве жилья говорить тогда было преждевременно.

Появился в ГЭМе и другой новичок из Братска А.В. Баганский. Он заявил, что здесь все работают именно за деньги, все рвачи, и то, что они делают — рядовая мелочь, а не героизм... Такие люди в зоне не задерживались, как только пробовали на себе, почем фунт лиха. За ними и презрительное определение закрепилось — “варяги”, то есть в данном случае — едущие за длинным рублем. Обвинение в рвачестве настоящих чернобыльцев оскорбляло тогда и оскорбляет теперь.

Не такие люди в действительности решали судьбу 30-километровой зоны.

— Ты не получишь ни почетной грамоты, ни дополнительной оплаты. Ты нарушаешь КЗОТ (кодекс законов о труде)! — Интересно, кто же это попал в “разнос” начальника строительно-монтажного комплекса УС ЧАЭС В.П. Головина? Оказывается — С.П. Красильников... Он в 2 часа ночи с работы уходит, утром раньше всех на месте да еще выбирает самые “горячие” точки. Шутят, что и для отдыха он выбирает пенек с радиацией. За это его и отчитывали.

— А мне ничего и не надо, ни грамот, ни денег. Просто я дело делаю. — Вот и весь ответ! У него один стимул и один приказ: “Я здесь, потому что должен”. Вечером он задерживается, чтобы дать задание второй смене, а утром встречает первую. Похвально, конечно. Но — не до такой же все-таки степени, чтобы без нужды рисковать своим здоровьем: на фронте побеждает живой солдат, а не убитый... Такой уж коллектив подобрался в этом обычном электросетевом комплексе, что, несмотря на малокомфортные условия, около 70% его людей — это старые работники, они здесь с начала мая 1986 г.

В ГЭМе собрались и очень сильные бригадиры, например, Виктор Глок.

— Если ему ясно сформулируешь задание и обеспечишь необходимым, то можно не контролировать, — рассказывал Г.Е. Шелле. — Обычно мы перемещаем людей с одного рабочего места на другое, чтобы всем “доставалось” поровну. Виктор Глок — ас, и такие передвижки ему, возможно, неприятны. Но он никогда не противится, и это облегчает нам работу. Ему не уступает другой бригадир, Саша Голота, внешне и по характеру — противоположность Глоку — человеку с мягкими чертами лица и приятным баритоном. Голота, худенький шатен с резкими, но тоже приятными чертами лица, и в суждениях весьма решителен, прям и четок. Если считает, что задание ему дано недостаточное, так и заявляет: недогружены. Внимательно, сосредоточенно выслушивает любое задание. Это — играющий тренер. Берет себе дело наравне со всеми, но еще успевает обежать остальных, притом никогда не повышая голоса. Даже неважные, на взгляд начальства, рабочие у него оказываются хорошими. В бригаде Голоты работает и его жена Аня — так он ей дает задания побольше, чем другим, а требует жестче. Никогда этот бригадир не скажет: “Не буду, задание непомерное, не обеспечено и т.п.” Он подсчитывает, сколько нужно дополнительных механизмов, людей; решает, целесообразно ли привезти на рабочее место обед и все это выкладывает начальству при получении задания. “А вы — решайте: невыполнимо — значит невыполнимо”. Он не торопится с выводами, но уверенно и надежно тянет свой воз. “На таких, вероятно, Отечественная война держалась. Если Глок — это разведка, то Голота — пехота”, — заключил Герман Евгеньевич.

Сотни километров кабеля пришлось проложить на ЧАЭС в годы “войны” бригаде Александра Голоты. Это однообразная и даже нудная работа. “Оживление” вносили крайне жесткие сроки. Но ведь кто-то и такую работу должен делать. Инженерную подготовку и организаторскую работу выполнял Ю.В. Коваленко, удивительно работоспособный и скромный человек. До “войны” он возглавлял проектно-сметную группу в ГЭМе.

— Если бы не его титанический труд, мы бы провалили все дело, и даже ни Голота, ни Глок ничего не смогли бы сделать, — считает Г.Е. Шелле. — Если Коваленко решил, что ему необходимо работать до трех часов ночи — он будет работать и никому об этом не скажет. Узнают случайно: кто-то обмолвился, что в его комнате горел свет.

С такими людьми работать легко. Даже когда очень тяжело, с такими становится веселее. Да, с такими вот, не рвавшими рубаху на груди, не ожидавшими наград, наш народ выиграл Великую Отечественную (но я не отрекаюсь от убеждения, что награждать орденами и деньгами — необходимо. Расклад такой: он — бескорыстен, а мы обязаны расплатиться).

Здесь же, в электрических сетях с самого начала работают еще два бригадира комплексных бригад — А.Г. Кирилуша и В.П. Головня, плотник-бетонщик Н.П. Кисель. Работу свою делают всегда быстро, умело и с явным желанием. Начальник вахты старший прораб В.И. Дыкин тоже работает здесь с начала строительства ЧАЭС. В этом смысле ничем от него не отличаются и молодые, тридцатилетние Л.С. Смык и Спрыкин, оба часто выступают в своей многотиражке, оба веселые и просто хорошие люди. Таких любят и за такими идут.

— Вот видишь, какой ты плохой, — говорит Леонид Смык. — И в глазах у него — чертики. Это он дразнит своего друга Спрыкина, который за что-то получил замечание от начальника. В другой раз они меняются ролями. Смык вообще всегда улыбается. Получил задание — улыбнулся. Выполнил, закончил - с улыбкой. Спрыкин посдержаннее. Но начальство считает их обоих отличными, толковыми и надежными людьми.

В отчете УС-605 о проложенных сотнях километров электрических кабелей, установленных распределительных устройствах и прочей электрике говорится “в целом”. Подавляющую их часть выполнил ГЭМ.

ВОЗРОЖДЕНИЕ

Перед памятью павших,
Перед совестью нашей,
Перед этой землей мы честны.
Нам весь век будут сниться
В респираторах лица —
Невеселые сны...

Это написал “выгоревший” инженер ЧАЭС Владимир Шовкошитный. Возможно, он первым из поэтов получил моральное право произнести такое. На эти слова написана песня.

Владимир Шовкошитный — не исключение на Чернобыльской атомной станции. Здесь он проработал 8 лет после службы в армии. Не будь аварии, он работал бы и дальше, как все: 24 апреля 1986 года защитил в Москве диплом инженера по специальности “Атомные станции и установки”. Пел бы песни вечерами своим коллегам-энергетикам — среди физиков, вообще “технарей”, немало лириков... Через два дня после защиты диплома из Москвы Владимир спешил ТУДА. Родился на Украине. Окончил техникум и работал геологом в тайге Хабаровского края. В армии служил на Дальнем Востоке. Но потом поступил учиться в Киевский политехнический, откуда перешел в Московский вуз... Он возглавил одну из групп по дезактивации третьего энергоблока ЧАЭС. Дезактивация — среди самых опасных дел в Чернобыле. И когда ему пришлось уйти из зоны, Шовкошитный пошел учиться искусству литератора. Первым возглавил украинский союз ликвидаторов Чернобыля, был избран депутатом Государственной Думы Украины. И он имеет моральное право на свои “Колокол Чернобыля”, “Реквием”, на поэму “На следующий день”...

В предисловии к первому сборнику стихов Шовкошитного, вышедшему в Киевском издательстве “Молодь”, поэт Борис Олейник написал: “В книге — правда, какова она была и есть... В отличие от поэтов профессионалов, откликнувшихся на трагедию, в стихах Шовкошитного не стонет заплаканно-растерянная интонация. При всей своей остроте, резкости естественной опечаленности они исполнены той непоколебимой веры в победу над обстоятельствами, которые всегда, во все времена укрепляли мужество солдата”.

“Ах, Апокалипсис — Чернобыль!
Ах, надо запретить АЭС!..
Спокойно! Вспомните, что Нобель
Не зря короновал прогресс.
Умолкните. Не рвите души —
Тем, кто прикрывшись “лепестком”,
Без громких слов и малодушья
Шагал в реакторный пролом,
Собою Землю закрывая!
Им, обыватель, поклонись —
Как и у всех, у них такая же
Одна — единственная жизнь.
Но жизнь, исполненная смысла!

Из поэтов и литераторов, участников работ по ликвидации последствий аварии, прежде живших в Припяти и работавших на АЭС, сложилось творческое объединение “Прометей”.

И в то же время “красивые” слова у чернобыльцев вызывают своего рода аллергию. Как и фальшь. “Только попробуйте написать, что я совершила героический поступок, вернувшись на станцию. Я вам такое опровержение накатаю, что вас сразу же с работы уволят”, — заявила в мае корреспонденту журнала “Работница” Г. Жаворонкову Елена Николаевна Дейнега, непререкаемая хозяйка цеха дезактивации на ЧАЭС, успевавшая без проблем пропустить через свои санпропускники едва ли не одновременно тысячи “грязных” мужиков; сорокалетняя красавица, властная и по-матерински сердечная. “Свой парень” — называют таких мальчишки.

— Я не героизировать вернулась, а вернулась домой. Потому что когда твой дом горит, то от пожара не бегут, его тушат. Вы вот про Аллу Самойленко из нашего цеха напишите, она здесь с 1978 года. И в тот день тоже две смены отработала. Когда нас эвакуировали, у нее слезы ручьем текли. Думаете, от страха? Если бы ей страшно было, она бы потом не приехала. От жалости к нашей станции, к нашему городу. Все четыре блока пускали вместе со всеми. У Аллы муж — начальник отдела радиационной безопасности. Ни на секунду не покинул станцию, выводил людей, действовал по инструкции и без нее — на такой случай всех инструкций не напишешь. И про Настю Кеуш напишите... Другой земли для нас нет. И дома другого нет. Вернемся, когда будем уверены, что страшная беда уже позади. Над этим ведь такие умы работают! И академики, и министры. Неужели не спасут всю эту красоту? Спасут!” — Сказала без всякой торжественности.

Сложнейший это инструмент — своя совесть. С членом парткома станции С.К. Парашиным я познакомилась в Чернобыле через месяц после аварии — он по моей просьбе организовал перефотографирование со служебных удостоверений портретов особо отличившихся энергетиков ЧАЭС в ночь аварии, в том числе и погибших. Другого источника для получения портретов тогда просто не существовало. Благодаря ему, по сути только по этим фотографиям, стал широко известен облик большинства первых героев-энергетиков ЧАЭС. Некоторые из них опубликованы в этой книге.

Казалось бы, мелочь: пересняли, отпечатали. Так в обычной, мирной жизни. Но тогда... фотолаборатория осталась на АЭС, пользоваться ею было практически невозможно. Служебные удостоверения тоже находились на станции, в очень “грязном” помещении. Жили энергетики в Сказочном. Им в то время было не до фотографирования. Не знаю, как сумел Парашин за сутки организовать дело, кого просил. Но только практически в тот же день к вечеру фотографии принесли в чернобыльский дом, где я тогда остановилась.

Очень большим уважением народа пользуется этот внешне не броский, скромный человек. Авторитет его еще возрос в мае 1988 года, когда Парашин отказался представлять на городской партийной конференции, хотя его кандидатуру единогласно предложило общее собрание ЧАЭС.

— Я как член парткома станции чувствую свою моральную вину в аварии и потому не могу представлять коллектив на партийной конференции, — заявил он. Позднее он был избран секретарем парткома ПО “Комбинат” — “хозяином” всей 30-километровой зоны. Теперь — директор ЧАЭС. Были и такие секретари парткомов.

И он имел моральное право выступить в Киеве в июне 1986 г. на заседании бюро обкома КПСС уже в роли секретаря парткома ЧАЭС: “Взрыв разрушил не только машину. Он разрушил организацию управления энергоблоком. Эвакуация усилила это разрушение. ...Мы были избалованы надежной, устойчивой работой нашей АЭС. И успокоились. Но экстремальная ситуация потребовала призвать новых людей”. — “Да,

необходимы люди с другим уровнем мышления и новая техника, — подтвердил секретарь парткома УС ЧАЭС В.И. Холоша (в прошлом — работник ЧАЭС, сегодня — министр Украины по вопросам защиты населения от последствий аварии на Чернобыльской АЭС). — Авария приобрела глобальный масштаб. Это — первая в мире авария такого рода, и наш персонал вынужден был, притом неожиданно, принимать решения тоже мирового масштаба и мирового значения. Однако на всем земном шаре кадры электростанций не были рассчитаны на идеальное решение всех аспектов такого рода проблемы, какая встала перед чернобыльцами впервые в мире. Но если произошло событие глобального значения, то и относиться к нему следует с уровнем мышления соответствующего масштаба. Это относится к Госснабу СССР и некоторым другим организациям. На деле же многие возникшие в связи с аварией проблемы станция в течение месяца решала только своими силами”.

Высшее руководство Чернобыльской АЭС сменилось полностью сразу. На место погибших, а также “выгоревших” руководителей среднего звена встали их заместители, а также вчерашние стажеры, уже подготовленные к этим должностям. Все они высококвалифицированные специалисты. Авария всех их потрясла до глубины души, возмутила. Рассказывают, что 26-го на них самих страшно было смотреть: отрешенный взгляд, побелевшие лица, неестественно выпрямленные спины. Но у них были ясные головы.

Через день-два после аварии приехал в Чернобыль главный инженер Балаковской АЭС Н.А. Штейнберг. По дороге на Украину ехавшие с ним видели, что и он — потрясен, и не только самим фактом аварии. Чернобыльская АЭС — его “Almamater”. Здесь его очень ценили и просто любили, и эти чувства со временем не ослабли. Из Москвы тем же спецрейсом летел в прошлом заместитель главного инженера Чернобыльской, позже главный на Балаковской, а теперь на Запорожской АЭС. Т.Г. Плохий — на такую же роль он летел в Чернобыль. А с 27 мая на эту должность заступил Н.А. Штейнберг. Временно стал директором ЧАЭС ее прежний заместитель директора, теперь же директор Запорожской АЭС В.К. Бронников. Вскоре на эту должность прибыл постоянный директор Э.Н. Поздышев.

Во второй половине мая принял трудное директорство на Чернобыльской АЭС Э.Н. Поздышев, приехавший со Смоленской АЭС, где он тоже был директором. Э.Н. Поздышев в атомной энергетике к тому времени проработал четверть века. Он строил и эксплуатировал Ленинградскую, потом Курскую АЭС. Нормальная карьера для профессионала: от инженера, выпускника Ленинградского университета, по всем ступеням. В настоящее время — президент концерна “Росэнергоатом”, то есть “хозяин” всех действующих электростанций России. В 1995 г. в Париже был избран первым от России президентом ВАО (WANO) — Генеральной Ассамблеи всемирной ассоциации операторов атомных электростанций — организации, основанной по предложению СССР вскоре после чернобыльской катастрофы. Поздышев и Штейнберг проработали на ЧАЭС долго — до февраля 1987 г.

...“Как жить? С ощущением последнего дня и всегда с ощущением вечности”, — сказал писатель В. Абрамов. В Чернобыле 1986 никто не произносил громких слов. Никто не звал “За Родину, вперед!” Никто не кричал: “За нами — Планета!” Работали молча. Буквально: с Родиной в сердце, с Планетой в душе.

— Сегодня признаюсь: то, что я увидел, приехав в Чернобыль в конце апреля 86-го и чуть позже, когда я уже разобрался в происшедшей на блоке физической ситуации, вызывало тогда одну и ту же мысль: “Почему я вижу живых чернобыльских энергетиков? Почему они живы?” Но, узнав обстоятельства той ночи, понял: живущих спасли те, кто лежит здесь. Нам еще долго придется завоевывать доверие людей к атомной энергетике, завоевывать доверие человечества нашей хорошей работой, —

сказал на Митинском кладбище 26 апреля 1988 г. начальник главка Минатомэнерго СССР Е.И. Игнатенко (в настоящее время вице-президент концерна “Росэнергоатом”).

Доктор физико-математических наук Е.И. Игнатенко был членом Правительственной комиссии, председателем межведомственной комиссии по пуску первого и второго энергоблоков, по приемке “саркофага”, затем генеральным директором ПО “Комбинат”, включающего и саму АЭС, — по сути, “хозяином” 30-километровой зоны. Он, конечно, хорошо понимал смысл виденного. Говоря о погибших, он имел в виду в комплексе действия персонала станции.

Слово взял лейтенант А.Ф. Мельников:

— Память о них будет всегда жить в наших сердцах. Их подвиг — это пример служения долгу. Мы знаем, что эксплуатационники сделали все от них зависящее для ограничения масштабов аварии. Знаем, что шестеро пожарных получили смертельные поражения, пытаясь загасить бушующее пламя. Остальное было настолько глухо для посторонних, что население нашей страны искренне верило, будто в Чернобыле никто кроме военных не работает.

Действительно, все мы, непосредственно не связанные со станцией, почти ничего не знали (и даже вообразить себе не могли!), что сразу после аварии многие эксплуатационники ЧАЭС должны были по-прежнему приходить на свои рабочие места и делать все необходимое не только на сохранившихся в целости агрегатах, но даже на четвертом энергоблоке. С ними в этом пекле работали ученые.

Директор Чернобыльской АЭС В.П. Брюханов после аварии был отстранен от кресла. Но первое время оставался на станции, пытаясь быть полезным. Я увидела его 2 мая 86-го в здании Правительственной комиссии в Чернобыле, попросила разрешения немного поговорить. Брюханов согласился.

— Персонал первого, второго и третьего энергоблоков работал на своих местах до тех пор, пока не получил приказ остановить машины, как говорится, пока этих людей оттуда не выгнали или не вынесли. Все три энергоблока полностью в рабочем состоянии... — Помолчал, потом с болью в голосе: — Но как же люди там будут работать? Ведь “грязь”!

Немного позже на стенде в коридоре административно-бытового корпуса (АБК-1) Чернобыльской АЭС каждый желающий в течение года мог видеть список наград чернобыльским героям. Назовем хотя бы первые 10 имен. Самым почетным орденом — Орденом Ленина — награждены: Э.Н. Поздышев — директор, А.Г. Лелеченко — заместитель начальника электроцеха (посмертно), В.Г. Смагин — начальник смены энергоблока, А.Х. Кургуз — старший оператор реакторного цеха (посмертно), В.И. Лапатюк — дежурный электромонтер (посмертно). Орденом Октябрьской революции: Н.В. Бекешко — начальник смены, В.Г. Ковалев — старший мастер турбинного цеха, М.В. Кострыгин — старший оператор реакторного цеха, А.И. Баранов — старший электромонтер электроцеха (посмертно), Н.В. Гриценко — старший мастер электроцеха...

И далее — награжденные орденами Трудового Красного Знамени, Знак Почета, медалями. Следом за многими фамилиями в скобках значится: “посмертно”...

Те, кто хорошо знаком с описываемыми событиями, убеждены, что каждому из действующих лиц той ночи, а затем каждому ликвидатору первых месяцев после аварии (эксплуатационнику, энергостроителю, военному) медаль вручать можно не глядя. А если оглянуться да посмотреть в глаза — то и орден... Видно, на всех орденов не хватило. А жаль. Вероятно, поэтому первое время списки награжденных считались секретными... Но люди на ЧАЭС не могли этого понять.

“Что сделаю я для людей?! — сильнее грома крикнул Данко. И вдруг он разорвал руками себе грудь и вырвал из нее свое сердце и высоко поднял его над головой... И вот

вдруг лес расступился перед ним, расступился и остался сзади, плотный и немой, а Данко и все люди сразу окунулись в море солнечного света и чистого воздуха, промытого дождем”. Это из сказки А.М. Горького, всем нам известной с детства.

В служебном самолете, на котором мы летели 2 мая 1986 г. в Киев, были работники Чернобыльской АЭС. Они возвращались из Москвы после недельного лечения, связанного с аварией на электростанции. Почти все — участники событий “той” ночи. Большинству предстояло вернуться именно на станцию. Мастеру электроцеха Д.И. Перчу 31 год. На Чернобыльской АЭС к тому времени он проработал семь лет как представитель предприятия “Львовэнергоремонт”. Я попросила рассказать, как все происходило.

— Мы работали в машинном зале четвертого энергоблока, смена наша началась в 0 часов, — рассказывает Дмитрий Иванович. — Все поняли, что произошла авария и сразу как-то внутренне сосредоточились, собрались. Страх не почувствовали: некогда было. Паники, растерянности не было и в помине, думать о себе как-то не приходило в голову. Наоборот, стали внимательнее, заботливее относиться друг к другу, если это нужно было. Обе турбины четвертого энергоблока уже были нормально остановлены. Люди готовились к обычной профилактике. Но смена — несколько человек — работала. Я, например, собирался проверить состояние турбогенераторов. Уже провел инструктаж со своими подчиненными. Приступили к работе. Но вот пришла беда — собрались вместе, обсудили свои действия, без суеты принялись за работу. В больнице я разговаривал с персоналом реакторного отделения: там тоже работали деловито и организованно. Мы узнали, что нашим семьям оказана помощь. У меня жена и двое детей. Но где они, как устроены, здоровы ли? И в больнице мы опять были единым коллективом, поддерживали друг друга. Никто не пал духом. Если это нужно, каждый и сейчас готов работать. Не могу выделить кого-то, проявившего наибольшее самообладание, как не могу выделить и наиболее работоспособного в тот момент, героя. Да и нужно ли такое определение? Все в равной мере делали свое дело на своем месте.

Американский журналист Майк Давидоу в мае 86-го в 90 километрах от Чернобыля, в санатории “Лесная поляна” встретился с работниками одной из смен, участвующих в ремонтно-восстановительных работах на ЧАЭС. Он предоставил свой репортаж редакции еженедельника “За рубежом”. Вот краткие выдержки из репортажа:

“Этот негромкий героизм, о котором умалчивает пресса большого бизнеса, как она замалчивала мужество их отцов и матерей в годы “неизвестной войны” (неизвестной войной в США иногда именуют Великую Отечественную войну советского народа против гитлеризма, поскольку американская печать очень мало писала о боевых действиях на Восточном фронте) — вот реальность Чернобыля”, — писал он, — Поговорите с Владимиром Лыскиным, спокойным 42-летним человеком с мягкими манерами, и вы поймете еще раз, откуда берет начало глубокая любовь к своей Родине, где простой человек чувствует себя хозяином и потому в чрезвычайных обстоятельствах проявляет такие качества, которые изумляют мир. В. Лыскин работает в Чернобыле электриком с 1976 года, когда АЭС была введена в строй. 26 апреля в 1 час 23 минуты ночи, когда произошел взрыв, он находился на станции... Героизм Владимира Лыскина и его товарищей помог предотвратить катастрофу значительно большего размера. Сразу после взрыва, находясь рядом с разрушенным реактором, они восстанавливали повреждения на электрооборудовании... Чернобыль стал драматической демонстрацией мужества и умения простых тружеников действовать в союзе с наукой, благодаря чему была отведена серьезная угроза... Когда я заметил, что Правительство СССР решило выделить средства для оплаты труда рабочих в Чернобыле, Владимир произнес: “Нам как-то неудобно. Это же наша станция”, — По его словам то, что сделали они, готов сделать любой в этой стране...”

У всех народов и во все времена понятие о моральном долге было, по сути, одинаковым: “Попробуй исполнять свой долг, и ты узнаешь, что в тебе есть”, — говорил Гете. — ...”Но что есть долг? Пока у нас нет другого ответа, кроме следующего: совершать правое и заботиться о собственном благе и о благе во всеобщем определении, о благе других”.

“Истинная доблесть в том, чтобы делать без свидетелей то, что ты делаешь для похвалы людской” (Ф. де-Ларошфуко, французский писатель XVII века).

“Сознавать долг и не исполнять его — это трусость”, — еще категоричнее выразился великий китайский мыслитель Кунцзы (Конфуций) — 2400 лет назад.

К счастью, от людей не слишком часто требуется столь массовое подвижничество, какое проявилось на Чернобыльской АЭС. Правильнее сказать, оно потребовалось впервые в истории.

Не так-то просто дать оценку приказу о массовой эвакуации персонала станции.

Спаренный с пострадавшим третий энергоблок остановили почти сразу после аварии, первый и второй — через несколько часов. Вся станция перестала выдавать электроэнергию.

С одной стороны, нельзя же остановленную АЭС оставлять без людей. С другой — сохранение человеческих жизней, станционников не менее важно, а неизмеримо более важно, чем сбережение материальных ценностей и обеспечение надежности аппаратов. Есть и “третья” сторона: люди на станции — залог сохранения покоя и здоровья населения. Какое решение принять?

В конце концов, станционному профкому официально поручили с помощью кадровиков “разогнать” всех по стране, трудоустроить по профилю, желательно на других АЭС, чтобы все-таки в конечном итоге сохранить свой персонал, как рассказывал мне тогда председатель профкома ЧАЭС Березин. Решение это исходило не от профсоюзной организации. Но как бы то ни было, три тысячи человек эвакуировали с правом самостоятельного трудоустройства, более тысячи получили производственные отпуска — и вот теперь приходилось выходить из положения малыми наличными силами, но со слишком большими усилиями.

Лишь относительно немногим, самым незаменимым, предложили остаться. В действительности не подчинились приказу об эвакуации, не уехали сотни эксплуатационников. Мобилизовали себя сами, без приказов и понуканий. Всех объединяла одна цель: быстрее ликвидировать последствия этой страшной беды.

Три первых дня, как и до аварии, персонал станции трудился в три смены, круглосуточно. Все, от начальников цехов до рабочих, не считаясь с чинами, выполняли любую работу: резали, варили металл, восстанавливали оконные стекла в коридорах третьего и четвертого энергоблоков, восстанавливали или, наоборот, обрезали электрические и технологические схемы, обрезали поврежденные или теперь ненужные участки трубопроводов под разрушенным реактором. И при этом их общей заботой было сохранение здоровья людей. Ведь это — золотой фонд нашей энергетики. Это гордость и честь нашего народа. Это — люди. В конце концов, просто утилитарно: без операторов, обходчиков, ремонтных служб ни одно производство работать не может.

Это они — кадровые работники ЧАЭС вместе с командированными с предприятия “Львовэнергоремонт”, которые постоянно работали здесь и ранее, и с монтажниками подрядных организаций Управления строительства ЧАЭС выполнили всю работу по ревизии, ремонту и восстановлению работоспособности энергоблоков №1, 2, и 3. Многие позднее удостоены правительственных наград. “Мое имя не называйте, никого нельзя выделять в этой работе, все одинаковы”, настаивал высококвалифицированный

слесарь VI разряда и председатель профсоюзного цехкома И.И. Лавриченко. Я его назвала, потому что это справедливо.

Как уже говорилось, эксплуатационники жили на базе отдыха ЧАЭС — в бывшем пионерском лагере “Сказочном”.

В крошечной комнате, где при нормальных условиях можно было бы разместить только стол и кровать, стояли почти вплотную три кровати и стол. Здесь жили нынешний исполняющий обязанности начальника РЦ (реакторного цеха) А.Л. Кнышевич, заместитель начальника РЦ по эксплуатации А.Г. Кедров и на тот период заместитель начальника РЦ (а вскоре и на последующие годы — начальник цеха по взорвавшемуся энергоблоку №4) Г.И. Рейхтман (мы говорили об этом цехе в главе “Саркофаг”). Заглянув в эту комнату в начале июня 86-го, я увидела безмерно усталые глаза. Трое мужчин, работающих по 12 часов в сутки без выходных в тяжелейших условиях Чернобыльской АЭС, в такой тесноте вынуждены были отдыхать. Но я застала их за обсуждением каких-то служебных проблем. В больших комнатах ночевали по 20-30 мужчин.

— Работаем — и все. Консервируем третий блок, хороним четвертый... Хватит об этом. Только, пожалуйста, не изображайте нас ангелами и вообще не идеализируйте события, — сказал Г.И. Рейхтман. Они охотно говорили о Ситникове, Кургузе, Кудрявцеве, Проскурякове. Но слишком злоупотреблять их временем было совестно: не до меня им. Свою станцию, как и другие работники ЧАЭС, они упорно называют Припятской — им обидно, что в официальном названии, данном станции еще до начала строительства, звучит имя города Чернобыля, случайно оказавшегося поблизости, пусть даже вполне замечательного, но не родного, станционного, любимого юного города Припять, города энергетиков ЧАЭС. Большинство прежних начальников “выгорели” в ТУ ночь. Теперь многие их заместители приняли на себя их обязанности и ответственность.

Особенно в первые месяцы люди на станции охотно говорили о коллегах и очень неохотно — о себе. Приходилось терпеливо, подолгу “разговаривать” такого молчуна, чтобы получить более ясное представление о событиях. Чаще услышишь: “Ладно, расскажу. Только пишите о ребятах. Обо мне — ни слова. Вот они действительно сделали многое. А я... Не пишите обо мне. “Такая гиперболизированная скромность — клановое качество энергетиков, хотя и не очень удобное для журналистов. Многие из них остались живы не потому, что вели себя недостаточно самоотверженно и решительно. Просто на их рабочих местах в ночь 26-го случайно оказалось чище. Но теперь условия у всех одинаковые.

Иногда задавала свой последний вопрос: “Какие у вас проблемы?” — и неизменно наталкивалась на закрывшиеся вдруг лица и долгое молчание — обидела.

— Проблемы? Вы нас, наверное, неправильно поняли. Лично у нас проблем нет. Нужен памятник погибшим товарищам. Да и вообще память... — Это говорили те, кто в связи с облучением в ночь аварии получил инвалидность, потерял трудоспособность, часто болеет и, конечно, имеет проблемы.

Есть и еще аспект — защитное свойство человеческой памяти: беда проходит — и поскорее забываются связанные с нею перипетии, страдания, даже собственные героические свершения. Многие из самых активных участников чернобыльской эпопеи сегодня действительно с трудом вспоминают детали. Они и тогда в разгар боя включались, словно в обыденную работу, героями себя действительно не считали: “Надо — значит надо. И рассказывать, вроде бы, не о чем”. Это им помогает жить. Но ведь какой получается расклад: они бескорыстно совершили подвиг, а мы — просто люди — мы обязаны воздать им свое уважение и свою благодарность. И поэтому теперь, как сказал Конфуций, пора “выправлять имена”. Таково уж удивительное и неизменное

свойство истории — все расставлять на свои места. К сожалению, нередко этот процесс затягивается. Между прочим, в старину защитившему свой народ от Змея Горыныча или иной напасти полагались царевна и полцарства на обзаведение.

— Все — лучшие, — говорил мне в июне 86-го начальник турбинного цеха Л.А. Хоронжук. — Вот машинист паровых турбин Зеликов — только вернулся из отпуска — и сразу включился в работу. И он в ту ночь сливал масло из турбогенератора №8. Старший машинист В. Ковалев заступил на смену в 8 утра 26-го, руководил многими операциями. Сейчас в больнице. Начальник смены В.А. Клепиков, старший машинист А.П. Бобровский, начальник смены А. Лукашин, мастер дизельной установки В.В. Ятченко... Работают, как все. В тот момент это означало — как на фронте.

Г.Г. Корякин, начальник смены энергоблока №2, работал на станции постоянно много лет. Его вахта начиналась через полтора суток после аварии. Это вахта №3. Он дождался своей вахты и провел ее как полагается. Потом еще, еще... Корякин не молод и не очень здоров, но работает, не раскисает, держится по боевому.

О В. Ковалеве упоминали многие. После аварии вместе с начальником смены В.Г. Усенко он собирал тепловую схему на деаэрационной этажерке, необходимую при разделении третьего и четвертого энергоблоков — горячее местечко по радиационным меркам. “Ковалев — человек доброжелательный, справедливый, искренний и спокойный. И работа в его смене всегда проходит спокойно и гладко. Все у него точно и обязательно в срок, хотя многое предлагает и сам, особенно если это важно для принятия справедливого решения. И ученики его — Ювченко и Печерский, тоже ставшие машинистами турбин — тоже надежные и верные люди” — рассказывает Н.Г. Кульбабчук, словно речь идет о мирном времени и А. Ювченко не прошел через московскую “шестерку”.

Оба старших машиниста турбин Н.Г. Кульбабчук и В. Ковалев были друг другу отдельно знакомы еще до приезда в Припять по работе на Криворожской ГРЭС, но неожиданно сошлись поближе в 1979 году, когда Николай перевозил тяжелый контейнер, а Виталий вдруг, ни с того ни с сего, взялся ему помогать. Оказались и характерами схожи. Постепенно стали близкими друзьями. Оба со станции не эвакуировались. Да, “быть верным в несчастье — великое дело”, — как писал великий грек Демокрит почти две с половиной тысячи лет назад. Главные истины бессмертны.

...Я смотрела на скромных, даже застенчивых молодых людей — мастера по ремонту перегрузочной машины и председателя цехкома А.И. Быстрова, старшего инженера по реактору А.С. Товстого, слесарей VI разряда В.А. Волкова и И.И. Лавриченко, Н.М. Усенко, Л.А. Дубчака и других обычных с виду людей. А в сознании с трудом укладывалось, что ведь это они работали на станции кто в ночь аварии, кто на следующий день, а потом во все последующие, без счета времени, не думая об отдыхе и ясно понимая существо обстановки. Они были настроены работать в своем коллективе, на своей станции столько, сколько это может понадобиться, то есть всегда. И на внешнюю помощь не рассчитывали.

Понимали, что необходимо как можно скорее возродить станцию к жизни и не только потому, что таково было их желание. Украина, а особенно Киев и Киевская область сразу очень быстро почувствовали энергетический голод в связи с потерей ЧАЭС — все-таки 4 млн. киловатт. Оперативная группа Политбюро КПСС, от которой тогда исходили все основные команды по чернобыльской проблеме, уже в середине мая поручила министру энергетики и электрификации СССР А.И. Майорцу разработать и представить план мероприятий по обеспечению ввода в действие и нормальной эксплуатации энергоблоков №1 и 2, а затем — и №3. В протоколе группы от 31 июля отмечено: “Принять к сведению, что подготовительные работы Минэнерго ведутся в соответствии с разработанными планами-графиками”.

Вот — эти люди и готовились вновь пускать в работу энергоблоки — сначала первый, потом второй (так называемую первую очередь станции), остановленные, но, по сути, не пострадавшие, если не считать радиационную грязь, слоем пыли укрывшую каждый элемент поверхности помещений и оборудования. Здесь эту пыль необходимо было ежедневно, как минимум один раз, убирать (помогали солдаты), осматривать все оборудование, выполнять профилактически ремонты.

Вскоре выяснилось, что для срочных работ на станции остро не хватает оставшегося персонала. Огромная помощь пришла с участка энергоремонта Курской АЭС. Квалифицированные инженеры и рабочие прибыли с других станций страны. Например, начальником РЦ-1 стал Грищенко (Курская АЭС); Евдеев и Шушарин, Д.Ю. Джумок — со Смоленской.

Ю.Л. Дорош на ЧАЭС приехал тоже с Курской, где он работал начальником РЦ-1. Позднее из Чернобыля его позвали на Смоленскую АЭС, но уже главным инженером станции. В должности заместителя начальника РЦ-1 на ЧАЭС он очень многое сделал для ее первых двух энергоблоков, участвуя в их ревизии и пуске. “Я такого замечательного хозяина прежде вообще не встречала”, — рассказывала о нем В. Поденок, до аварии кадровый работник ЧАЭС, а теперь — инспектор в Госатомэнергонадзоре Украины. — “Грамотный, справедливый, доброжелательный. Грубоват, лицо мужественное и, может быть, даже непропорциональное. Но — очень обаятельное. И глаза его говорят о красоте души. Дорош любит свою Курскую АЭС. Когда написал заявление об уходе, в дирекцию явилась делегация с требованием вернуть ему заявление. Позднее Госатомэнергонадзор, проверяя уровень эксплуатации на Курской, охарактеризовали его: “Выше нормы”. Это — безусловный результат работы и их бывшего начальника Дороша. Даже совещания он не просто проводит деловито, собранно. Он не допускает возможности невыполнения какого-нибудь решения как для себя, так и для других. Во многом благодаря его личным усилиям была высокой эффективность и восстановительных работ на первой очереди ЧАЭС.

— Многие прибыли с Ленинградской и Игналинской АЭС. Например, с Ленинградской приехал С.А. Голованов, — рассказывал начальник электроцеха А.Т. Зинченко, — высококвалифицированный специалист, всегда спокойный, хорошо воспитанный. Он окончил два ВУЗа — экономический и технический. Некоторое время Голованов возглавлял дезактивацию трансформаторов и оборудования на электрической подстанции ЧАЭС. И умудрялся, занимаясь своими прямыми профессиональными обязанностями, находить время, чтобы поработать и со строителями, и с военными. Их работа не привычна для эксплуатационника, однако со всеми Станислав Александрович находит общий язык. Мы договорились с Головановым, что если он найдет такую возможность, мы будем рады взять его в свой цех на постоянную работу.

— В производственно-техническом отделе станции сразу после аварии вместо положенных по штатному расписанию тридцати сотрудников оказалось всего трое: начальник, его заместитель и оператор на множительной технике. И к ним в помощь приехали со Смоленской, Курской, Балаковской, Нововоронежской АЭС. Например, И.В. Боев, заместитель директора Курской АЭС, приехал к нам на такую же должность. — Рассказывает старший инженер В.В. Иванов. — Мы особенно благодарны помощи со Смоленской и Курской, а также вернувшимся нашим станционным чернобыльцам: В.К. Бронникову, Г.Г. Плохому, Н.А. Штейнбергу, А. Г. Чикалову.

В роли оперативного дежурного ЧАЭС часто можно было встретить В.Н. Мельникова — ведущего специалиста с первой в полярных широтах Билибинской АЭС. Его никто не вызывал в Чернобыль. Он приехал сам.

— Тысячи людей откликнулись на нашу беду, предлагая свою помощь, — рассказывал в Чернобыле тем летом заместитель начальника Союзатомэнерго Минэнерго СССР А.Н.

Мохнаткин. — Мы благодарны всем. Но отбирали из тысяч единицы — лишь владеющих необходимыми на этот случай профессиями. Их мы называем добровольцами. Так в Чернобыле появился, например, В.П. Спасенников из Северодвинска и вскоре возглавил группу дозиметристов. Помощь таких людей огромна. Они дисциплинированы, выполняют любую работу по первой просьбе, с готовностью идут в любое место и при этом следят за правильным выполнением требований радиационной обстановки, — Между прочим, в Чернобыле работала и жена Мохнаткина.

Приехал начальник отдела охраны труда Ростовской АЭС Д.Л. Васильченко. Он предложил подготавливать в самом Чернобыле молодых дозиметристов, организовал несколько групп дозиметрического контроля, дезактивации и многое другое.

В Киеве мне рассказали об удивительном инженерере — региональном инспекторе Государственной инспекции по эксплуатации электростанций и электрических сетей по АЭС АВ. Бескапотове. Он привез из Чернобыля главному атомщику Госинспекции А.С. Сурбе (так официально именуется должность) идеально подготовленные документы о своей контрольной проверке и волновался, достаточно ли они исчерпывающи — ведь Александр Сергеевич слышит очень квалифицированным, деловым и, вместе с тем, бескомпромиссным и очень благородным человеком.

Сухое дело — составление бумаг, хлопотное, даже нудное, оно на первый взгляд не требует особых затрат интеллекта. Но это лишь на первый взгляд. Бескапотов сумел так организовать свое мышление, что всего за одни сутки составил своему Министру исчерпывающий доклад о состоянии надежности всех трех энергоблоков Чернобыльской АЭС.

Со Змиевской ГРЭС приехал А.А. Устименко. Он работал с учеными и с военными — дезактивировали оборудование аппаратной и блока АВ. Его работой здесь были очень довольны. Он еще занимался демонтажем и монтажом оборудования. А ведь пришел с обычной тепловой электростанции и никогда прежде не имел дела с радиационной обстановкой. Но ведь он — инженер, имел при себе персональный дозиметр и прекрасно понимал, куда попал.

В Чернобыль приходили заявления от командированных энергетиков даже из-за границы — с просьбой отозвать их обратно для участия в этой работе. А когда спрашиваешь любого припятчанина или приехавшего в Чернобыль издалека, что же побуждает его на такие решения, отвечают: “Если не я, то кто же?”.

С Кубы, находясь в командировке, предложил свою помощь заместитель начальника цеха централизованного ремонта Ростовской АЭС Ю.Н. Самойленко. Вскоре он стал называться руководителем группы по дезактивации кровли над третьим энергоблоком и кровельными трубными площадками. Вместе с ним для той же работы приехал с Кубы начальник цеха централизованного ремонта Смоленской АЭС.

С АЭС “Пакш”, из Венгрии на имя заместителя Министра энергетики и электрификации СССР Г.А. Шашарина пришло письмо от командированного туда директора Смоленской АЭС Ю.П. Сараева: “Если нужно, отзовите”. — “Я отозвал его. Сараев, как и Бронников, немного директорствовал в Чернобыле до назначения Поздышева”, — сказал Александр Геннадьевич.

Уже говорилось, что талантливый инженер и высокоинтеллигентный человек В.К. Бронников прежде работал на Чернобыльской АЭС и пользовался немалым авторитетом. Но он вынужден был покинуть станцию из-за “внутристанционной политики” Фомина и Дятлова. Теперь на его долю выпала грустная обязанность пожинать плоды “творчества” этих людей.

Дирекция ЧАЭС после аварии некоторое время размещалась в г. Чернобыле, в здании ДОСААФ. В мае-июне 86-го рабочий день директора и всего остального руководства

станции начинался рано. Вот как бы хронометраж одного рабочего дня: в 7.00 — оперативное совещание у Поздышева и его заместителей в “Сказочном””; в 9.00 — оперативка с начальниками цехов в кабинете у Поздышева в г.Чернобыле. На одной из них обсуждали необходимость, а также детали перехода на вахтовый метод обслуживания атомной станции — небывалый в мире режим; ход подготовительных работ к пуску и эксплуатации первого и второго энергоблоков. Решали также, чем можно помочь строителям в сооружении вахтового поселка энергетиков на Зеленом мысу. Обсуждали и сообщения о жизни эвакуированных семей. В 18.00 — снова оперативка, на этот раз — о ходе дезактивации на территории станции. В 20.00 — ежедневное заседание штаба Правительственной комиссии по конкретным крупномасштабным вопросам ликвидации последствий аварии. В 22.00 — ежедневная заключительная оперативка руководства станции у директора.

В середине июля дирекция Чернобыльской АЭС работала уже на станции, на своем прежнем месте. Эрик Николаевич придавал этому факту принципиальное значение. Он совершенно справедливо считал, что директор должен быть со своим коллективом и тащить этот тяжелый воз наравне со всеми, если не больше, в таком же объеме и в равных условиях. Кроме того, присутствие директора в своем обычном кабинете уже само по себе придавало уверенность: все, дескать, идет как надо. Суровость, требовательность, даже сухость этого человека в вину ему не ставили: война!

Оперативки директора вскоре стали гласными.

Поразительно удачно, на своем месте оказался главный инженер Н.А. Штейнберг. Он любил и прекрасно знал Чернобыльскую АЭС. Сюда он пришел из Московского энергетического института молодым специалистом, затем работал старшим инженером управления энергоблока, а на Балаковскую АЭС уехал уже с должности начальника турбинного цеха. И там он сразу поразил коллег глубиной теоретических знаний и умением их использовать.

— Николай Александрович Штейнберг — очень порядочный во всех отношениях человек и грамотный специалист, — сказал о нем его бывший подчиненный по ЧАЭС, оператор реакторного цеха, а в момент нашего разговора начальник смены блока РЦ №1 Кучеренко, — Лелеченко и Ситников были его близкими друзьями, а это говорит о многом.

Когда Штейнберг был еще начальником электроцеха на ЧАЭС, от него можно было услышать и такое: “Энергетика — это армия без погон”. И ведь был прав...

“Излишне категоричен”, — иногда говорят и так. Возможно. Однако в этой сложнейшей обстановке главный инженер ЧАЭС Н.А. Штейнберг даже с крайне придирчивым Госатомэнергонадзором умел легко найти общий язык. О нем идет слава как о специалисте, способном мгновенно принимать решения — такие же дерзкие, яркие и решительные, каким бывает иногда и он сам.

Жить он поселился в том же здании АЭС, в бункере. Там и питался сухим пайком — на столовую жалко было тратить время. Собственно, в первые дни в этом он не очень отличался от остальных: новый быт наладить еще не успели.

— Приятно посмотреть, как работает Штейнберг. Очень толковый специалист, знания — исключительные. Всегда корректен, — говорили и говорят многие.

На станции я видела его мельком — Николай Александрович не любил тратить время на интервьюеров, на разговоры “о постороннем”.

Но в марте 1988 г. я пришла к Штейнбергу уже в его вполне обжитой московский кабинет заместителя Председателя Госатомэнергонадзора СССР. ...Головокружительный рост для человека еще довольно молодого. От инженера АЭС до практически заместителя Министра. Но никого из знающих этого специалиста такой скачок не удивил: на обычном для энергетиков ежегодном экзамене по профессии и на

специальном собеседовании в Госатомэнергонадзоре он показал исключительные знания, чему и обязан своей должностью. Штейнберг, как и Поздышев, проработал на ЧАЭС предельно возможное и самое трудное время. Их и сменили одновременно.

— Трудно ли вам было входить в кабинет главного инженера станции после аварии? — Штейнберг ответил сразу. — Нет, не трудно. Мне всегда было плевать на звания и регалии, свои и чужие. Главное — дело и ребята, которые окружают. Люди на Чернобыльской станции в большинстве хорошие, знают дело и преданы ему. А характер, конечно, у каждого свой. Главное в нашей работе — это принять решение и обязательно его выполнить, хоть лбом стенку проломить. Кто это может — тот и человек. Конечно, если видишь, что ситуация изменилась или решение ошибочно, надо его изменить. Но это и есть обычная работа.

Рабочий день давно закончился, за окнами кабинета стало темно, и Николай Александрович прервал воспоминания: завтра ему предстояло проводить занятия на курсах директоров АЭС. В настоящее время Н.А. Штейнберг — глава Госатомэнергонадзора Украины.

...В июле 86-го уже стало возможным подводить кое-какие итоги и делать выводы, собрался Припятский партийно-хозяйственный актив (город обезлюдел, но действовавшие в нем прежде общественные организации и на новом месте сохранили старое название припятских). Партхозактивы в нашей стране в тот период считались очень ответственными совещаниями. На них серьезно разбирали итоги хозяйственной и производственной деятельности за немалый отрезок времени, чаще за год, полгода. Собственно, партийная принадлежность этим производственным совещаниям просто как бы придавала большую весомость. Тот Припятский партхозактив скорее походил на расширенное заседание штаба армии в прифронтовой полосе. Обсуждали чисто производственные дела, а также примеры мужества и энтузиазма. Критиковали Припятский горком КПСС за плохой контроль исполнения его же решений. Говорили и о том, что прежняя администрация ЧАЭС (В.А. Брюханов и др.) не сделала многого из необходимого для того, чтобы сохранить коллектив. Потеряли многих руководителей, по сути оголили цеха. Например, в электроцехе в мае 1986 г. была только четверть необходимого персонала. Отмечали необходимость целенаправленно создавать кадровый резерв для первых двух энергоблоков.

Собственно говоря, логику первых дней понять трудно: своих, даже большинство из тех, кто настоятельно просил их оставить, отправили в эвакуацию (“Позже непременно понадобится, тогда вызовем”). А потом с других станций приглашали и приветствовали.

В конце концов, наращивать постоянный персонал ЧАЭС решили постепенно, в первую очередь возвращая своих же работников. Через два года после аварии здесь было уже 88 процентов “коренного” персонала, то есть тех, кто работал на станции до аварии.

А в первое время кандидатуру каждого эвакуированного и вернувшегося по своей инициативе, но не сразу, а через 2-3 месяца после аварии, коллектив его родного подразделения обсуждал с пристрастием: достоин он возвращения в свою “Almamater” или не достоин, почему “так долго” размышлял. И ведь не приняли бывшего начальника смены электроцеха В.П. Тюпина и назвали дезертиром — он вернулся через несколько месяцев, когда стало полегче. Узнав о решении своих бывших товарищей, он был потрясен. Поэтому сам, да еще бесплатно, пошел выполнять “грязную” работу на одном из наиболее пострадавших в этом смысле участков — открытом распределительном устройстве подстанции: смывал со своего имени страшное определение “дезертира”, каким он по сути не был. Но таких — единицы, да и о Тюпине говорили позднее вполне уважительно. Тут действовали не формальные, а глубинные, нравственные критерии.

О тех же, кто вынес на себе основные тяготы возрождения родной станции, невозможно и сегодня рассказывать без волнения. Не раз в тот период предлагали лечь в больницу для обследования и лечения инженеру по эксплуатации химцеха В.Д. Гребенюк. Она неизменно отвечала: “Нет, я здесь знаю все до последнего винтика, а другому с этим оборудованием еще нужно ознакомиться”. Беззаветно, не обращая внимания на окружающее, делала свое дело аппаратчица пускорезервной котельной В.П. Белокрылова. Два года после аварии работала на станции Э.П. Ситникова, вдова погибшего Анатолия Андреевича.

— Я буду преклоняться перед этой женщиной, пока буду жить, — это сказал о Ситниковой заместитель начальника реакторного цеха А.Г. Кедров.

Увидев на Митинском кладбище у могилы А.А. Ситникова Эльвиру Петровну и ее младшую дочку, тогда еще школьницу Катю, американские корреспонденты из “Си-Би-Эс” поинтересовались, как же сами члены семьи оценивают поведение своего мужа и отца — ведь они осиротели. Спросили Катю “в лоб”, одобряет ли она его поведение.

— Конечно, — не задумываясь, ответила Катя, — Он должен был так поступить. И он не мог иначе.

Удивительная эта семья. Эльвира Петровна, получив квартиру в Москве, поближе к могиле мужа, могла рассчитывать на любую работу в столице по своему желанию. Но она ездила в Чернобыль по вахтам: “Это же моя родная станция, вне ее я нигде не чувствую себя дома. И я там нужна”. Хозяйство вели старшая дочь Ирина с мужем Игорем (оба тогда — студенты Энергетического института, кстати, окончили его с отличием и теперь — энергетики). И Катенька. В новом для них городе, почти лишенные знакомых и тем более родных, они знали мой телефон. Мы даже изредка общались. Но о помощи не попросили ни разу, а от предложенной отказывались, говоря, что у них все в порядке.

Обе дочери кухарничали, обе вполне профессионально шили себе на швейной машинке действительно красивые туалеты. Игорь обустроивал новую квартиру. Словом, самостоятельно, как взрослые люди, наделенные немалым опытом, эти трое молодых людей вели хозяйство. Во многих семьях такие еще считаются детьми. Мать почти ежедневно звонила им по телефону со станции и была в курсе домашних дел. Но если бы прежде они жили в теплой обстановке, едва ли возможно было бы их так быстро закалить, научить самостоятельности, да еще в незнакомом, огромном городе Москве.

Вернемся к станционным будням. Сразу после аварии было очевидно, что помещения первого, второго и третьего энергоблоков радиационно сильно загрязнены, поэтому работать в них какое-то время не следует без серьезной подготовки всех производственных помещений. Однако напомним, что даже при условии замораживания всей станции бросить ее на произвол судьбы тоже никак нельзя: в реакторах находится топливо, машины и механизмы требуют присмотра. Остановленная АЭС нуждается в не меньшем внимании, чем действующая. Как же быть?

Энергоблок №3 на всякий случай остановили еще ночью 26-го. Приказ о полной остановке энергоблоков №1 и №2 вышел 5 мая. Руководить расхолаживанием их со дня аварии поручили заместителю начальника ПО Союзатомэнерго Б.Я. Прушинскому. По должности незадолго до аварии он стал отвечать за безопасность отечественных АЭС, поэтому, узнав об аварии, он вылетел в Чернобыль с первым же самолетом и все время там находился.

Напомним, что производственное объединение “Союзатомэнерго” было до аварии и несколько месяцев позже подразделением Минэнерго СССР. В его ведении были все промышленные атомные электростанции Советского Союза. Энергию они выдавали и выдают теперь в Единую энергосистему страны (ЕЭС СССР). Теперь российские — в ЕЭС России, украинские — в энергосистему Украины. В сентябре 1986 г.

“Союзатомэнерго” выделилось из электроэнергетической отрасли и вошло в состав Министерства атомной энергетики, которое в свою очередь осенью 1989 г. слилось с Министерством среднего машиностроения и стало называться Министерством атомной энергетики и промышленности (Минатомэнергопром СССР). Теперь в России это — Министерство по атомной энергии, в Украине — Госкомитет по атомной энергетике.

Подчиненность изменилась. Но характер работы остался прежним. К энергетике практически неприменимо определение “бывший”. Вкусивший радость общения со сложным, высокоточным оборудованием, привыкший считаться с условиями постоянной самотребовательности к собственной безупречной работе и, значит, дисциплинированности и порядку (энергетическое оборудование официально отнесено к категории особо сложного) — энергетик крайне редко меняет профессию. На станциях и на предприятиях электрических сетей работает немало династий. Случается, целые семейные роды посвящают себя этому благородному и нелегкому труду.

— Как же вы не растерялись тогда, ночью, ну пусть утром, 26-го? — спросила я в начале мая одного из станционников. — Ведь все произошло неожиданно, как гром среди ясного неба. Поневоле испугаешься.

— Таким в атомной энергетике делать нечего, — и в этом ответе не было кокетства, рисовки. Передо мной формальные документы — заполненные бланки анкет-тестов психолога В.Н. Абрамовой, изучавшей материал лета 1986 г. Зафиксированы преобладание у чернобыльских энергетиков инициативности действий, высокий уровень самообладания, решительность и смелость в решении конкретных вопросов, совестливость, стремление лично сделать как можно больше, работая в любых условиях, если это требуется для общего дела, следование чувству долга. И все — независимо от качеств характера, которые проявляются у человека в обычной жизни, когда один деятелен и смел, но не любит конфликтных ситуаций, а другой не всегда владеет своими эмоциями. Действительно, невозможно не только рассказать обо всех, но даже выделить лучших из лучших. Документы подтверждают: как говорится, “все — лучшие”.

...Может быть, поможет лучше понять этих людей описание обстоятельств и обстановки, в которых они жили и работали после катастрофы?

Бывший пионерлагерь “Сказочный”, где на первых порах поселили, в основном, чернобыльских эксплуатационников, находился сразу за пределами 30-и километровой зоны, в нескольких километрах от г.Чернобыля, по соседству с д.Иловница. Однако по дороге это получалось раза в полтора дольше. Что собой представляла территория близ “Сказочного”, говорит хотя бы запрет разгуливать по траве и в лесу. Персоналу станции рекомендовали ходить лишь по асфальтированным дорожкам, да и то не слишком долго, а временами — и в респираторах-лепестках, если на четвертом блоке выброс. У входа в столовую каждый день можно было видеть очень красивого рослого пса. Его все любили и баловали. Но через год, летом 87-го, на этого пса нельзя было смотреть без сострадания: его нос распух и постоянно кровоточил. Пес ведь не знал, что нельзя бегать рядом с асфальтом.

...Весь этот плотнозаселенный лагерь “Сказочный” в течение нескольких месяцев не имел ни одного выходного с 26 апреля.

В “Сказочном” я увидела немало женщин. Это — тоже работники АЭС. И они, наравне с мужчинами, были необходимы на своих рабочих местах. А ведь у многих дети... Беду восприняли как войну. Детей отправили — одних в лагерь, санатории, других — к бабушкам. А сами тут же вернулись на свою родную ЧАЭС. Вот идут они от столовой отдыхать. Улыбок не видно, лица суровые, сосредоточенные. Но и слез тоже не заметно.

— Да, они не плачут, не хандрят, — подтвердили мне. — Вздохнут, — и все. Скучают по детям. Однако не слышно никаких жалоб, претензий. Порой только сорвется: “Вот в

мирное время...” А в каких условиях-то сначала жили, боже мой! И на лестничных площадках спали. Умыться негде. О радио и не мечтай... Вот возьмем под жильё теплоходы — полегче станет.

Все те, кого летом 1986 года я видела в “Сказочном”, вызывали бесконечное уважение и благодарность. Жили они тесно: в каждой комнате было столько кроватей, сколько могло уместиться: где пять, а где и тридцать — представьте тридцать предельно уставших, храпящих мужиков. Без сомнения, при такой скученности трудно расслабиться, уйти в себя, отключиться, отдохнуть. На крошечном пространстве собиралось много взрослых людей, каждый со своим характером, темпераментом, привычками — ситуация нередко чреватая взрывом. Но взрывов не было.

Такая роскошь, как несходство характеров, уместно в мирное время. Эти люди сами, добровольно, приняли условия передовой линии фронта. Потому теснота и не ссорила. Теснота только затрудняла отдых.

Ежедневно, без выходных, вот уже не первый месяц они вставали в шесть утра; быстро позавтракав в столовой, садились в автобусы и отправлялись на работу к восьми, дорога отнимала около часа. Кончался рабочий день в 8-9 часов вечера. В воскресенье они отдыхали: это значит, что рабочий день на час-два сокращался. Это и было то исключительное время, когда эксплуатационный персонал Чернобыльской АЭС имел возможность отвечать на мои вопросы.

— Чем Вы занимаетесь в эти дни на станции?

— Обслуживаю первый блок.

— А Вы?

— Обслуживаю третий... второй... четвертый... — да, да, это об аварийном. И — все. Никаких подробностей.

Возможно, краткость ответов объяснялась условиями секретности. Но эмоции-то никто не запрещал.

Зная в общих чертах обычный круг обязанностей эксплуатационника атомной электростанции и видя конкретную, чреватую невыдуманной опасностью обстановку, несложно было понять, что подвиг совершал каждый работавший в то время на Чернобыльской АЭС. И ведь это продолжалось не мгновение, не день. Это продолжалось месяцы подряд. Некоторые, набрав свои бэры, вынуждены были покинуть зону, переходить на работу, не связанную с возможностью облучения. О них так и говорили: выгорел (подобно отработавшему в реакторе топливу). Но многие работают и сегодня.

Осмотревшись в первые дни и решив пускать энергоблоки №1 и №2, сначала провели дезактивацию основных и вспомогательных зданий и сооружений энергоблоков и прилегающей территории, оборудования и рабочих мест для обслуживающего персонала.

...Заседание коллегии Минэнерго СССР 11 июня 1986 г. в очередной раз посвятили чернобыльским делам. Выступил начальник отраслевого штаба по Чернобылю, первый заместитель начальника ВО “Союзатомэнергострой” и начальник штаба Минэнерго по Чернобылю (позже и теперь — заместитель министра Минатомэнерго России) Е.А. Решетников. Обсуждали перечень срочных работ, которые необходимо выполнить для пуска остановленных энергоблоков. Каждому присутствовавшему в зале было ясно, что дезактивировать помещения Чернобыльской АЭС означает их отмыть, отскоблить, а иногда и выдолбить тысячи квадратных метров полов, стен, потолков. Но как эту гигантскую работу осуществить с наименьшей затратой сил и наиболее безопасно?

Особенно грязными оказались отдельные горизонтальные поверхности в машинном зале. В этом нет ничего удивительного — ведь куски графита из реактора и обломки

конструкций падали на кровлю машинного зала, прожигали се насквозь или проламывали, оставались на полу и излучали. Кое-где на территории первого и второго энергоблоков 20 мая 1986 г., то есть почти через месяц после аварии гамма-излучение достигало 10-100 миллирентген/час, а в машинном зале — даже до 600 миллирентген/час в “относительно чистом” месте, если здесь не лежал “живой” кусок графита...

Грязные места обмывали из шлангов специальными растворами — их состав подбирали соответственно характеру загрязнения. Где было возможно — закрывали толстыми полимерными листами. Случалось, что и полимерное покрытие вскоре приходилось снимать, а под ним еще отбойным молотком срубить часть бетонного перекрытия — настолько глубоко оно было поражено.

Маленькая деталь: от начала этих работ до пуска первых энергоблоков персоналу станции в дополнение к обычному белому хлопчатобумажному костюму, ботинкам, носкам и белью выдавали еще чистые салфетки, казалось бы, предмет излишней роскоши. Но именно эта мелочь в то время была совершенно необходима: вентиляция была еще “грязной”, ее не включали. В помещении блочного щита управления градусник показывал за +30 °С. Пот катился градом. Вот тут-то салфетка и оказывалась кстати.

Одежду, стационарный быт — все это пришлось организовывать с нуля. Надо было мгновенно решать все хозяйственные проблемы станции, в первую очередь — обеспечить персонал достаточным количеством комплектов спецодежды — это поручили П.И. Беспрозванных — бывшему заместителю директора ЧАЭС, позже и теперь главному бухгалтеру Смоленской АЭС. Он приехал сюда добровольно, просто оформив себе командировку, но три месяца проработал на ЧАЭС, пока не упал.

“Светлейшая голова и мужик отличный” — так говорят о нем люди. Они часто приходили к нему со своими проблемами, и каждому он отыскивал способ помочь. В тот период ему нужно было быстро обеспечить снабжение, стирку одежды эксплуатационников, работу столовых, транспорт, жилье. Для Павла Ивановича понятия “невозможно” не существует, но мало кто задумывался над тем, как это ему все удастся. А ведь летом 86-го он ежедневно вставал в четыре утра.

Корреспондент газеты “Правда Украины” П.А. Сокол напросился на станцию в ночную смену вместе с персоналом первых двух блоков. “Я наблюдал за турбинистами. Они не в машинном зале, не на своем месте — на блочном щите. Три человека на всю станцию. Машинист Александр Зеликов защищает глаза очками, водворяет на место болтающийся на груди респиратор, берет дозиметр. Задание вроде бы простое — посмотреть, обследовать, доложить... Но вскоре сменяет его инженер Александр Бочаров. Та же экипировка, те же сложности, только маршрут иной. Начальник смены Анатолий Сова уходит третьим.

Смена электриков оказалась одной из многочисленных — их семеро. Пока ее начальник Виктор Лирник объяснял, что главное для них — “чтобы поступала электроэнергия, обеспечивала фронт работ”, с обхода вернулся электромонтер Владимир Мишин. “Все в порядке”, — доложил он... Где-то за полночь меня провели в оперативный штаб станции — в бункер... За письменными столиками, вытянувшимися двумя рядами у стен, не хватало мест: работали министры, ученые, крупные специалисты-авторитеты...”

По дороге на станцию журналист размышлял, как, вероятно, трудно сейчас приходится эксплуатационникам. И его удивляло, что они оживленно беседуют, шутят. Он сказал об этом позже, уже за полночь оперативным дежурным: мастеру-ремонтнику В. Найденову и майору Б. Акимову. В ответ услышал: “Кое-кто думает, что работающие на АЭС — чуть ли не смертники. А мы труженики. Труд сейчас все вершит. Да,

радиация: не щиплет, не колет, не пахнет. Она опасна. Чрезвычайно опасна. Но преодолима...”

Многим на станции волей судьбы пришлось получить повышение в должности, заменить погибших или заболевших товарищей, и это не упрощало жизнь. Например, вместо заместителя начальника РЦ-1 В.П. Орлова (он ночью 26 апреля пришел на станцию и очень продуктивно работал на четвертом блоке, пока не попал в больницу, и с того времени вынужден работать в Киеве, в Госатомэнергонадзоре Украины) пришлось занять бывшему начальнику смсны В.Г. Чуприне. “С ног падает, а работает. Я его вычислил правильно, — сказал позднее о нем Заводчиков, который 26-го тоже пришел на станцию в 5 утра, но пострадал меньше и остался. — Великолепно помогает Чуприна, да и не он один. Сейчас у нас работает немного народу, но самоотверженно. Первые два реактора охлаждаем, контролируем их состояние. А остальных людей — около 90% персонала цеха — я отправил в отпуск: впереди дел еще очень много.

— Орлова полностью заменить все-таки нелегко: талантливый, изобретательный человек. Его девиз: “Все гениальное — просто”, — это мнение заместителя главного инженера по ремонтам В.М. Алексева, который 26-го тоже прибыл на станцию в 5 утра.

...Следующее воскресенье. Сажу на лавочке в “Сказочном”, беседую с одним из начальников цехов. Нас прерывают: подошли со списком отпускников за утверждением. Полевая обстановка. Для формальности такого рода нет ни времени, ни желания, ни смысла.

А в штабе “Сказочного” сидел за столом крупный немолодой мужчина. Странновато было видеть его здесь, среди молодежи: средний возраст работников ЧАЭС — 33 года. Представился: Николай Михайлович Шикинов. И о нем рассказывали немало интересного: года два назад ушел на пенсию с поста заместителя директора ЧАЭС по общим вопросам. А 26 апреля явился на станцию вместе с женой Раисой Григорьевной: хотим работать.

— Свою жену я сразу потерял, а нашел только на шестнадцатый день — с погрузки песка их перебрасывали на разные участки.

Раиса Григорьевна, старший прораб треста “Южтсплоэнергомонтаж”, была единственной женщиной, руководившей погрузкой песка на вертолеты. А вскоре на станцию (не к родителям) пришла телеграмма из Болгарии с АЭС “Козлодуй” от их младшего сына Алексея, опытного СИУРа (старший инженер по управлению реактором): “Понимая сложную обстановку, прошу меня вернуть на АЭС”. Станция, правда, с его вызовом повременила — еще успеет, и для него дело найдется. Просил оставить на родной ЧАЭС и старший их сын Николай, тоже СИУР. Но и его дирекция отослала до времени на Запорожскую АЭС: “Отправим на отдых первую партию — вызовем и вас”.

А старший Шикинов стал снова работником станции — теперь в роли помощника директора по жизнеобеспечению. Это именно ему за считанные часы надо было в “Сказочном” определиться с жильем, организовать питание и транспорт для сотен людей.

Для него Чернобыльская АЭС началась в 1971 году, с палаток первых строителей, — он был тогда начальником отдела капитального строительства строящейся АЭС, потом заместителем главного инженера, заместителем директора. Даже выйдя на пенсию, по его убеждению, коллектив не бросил, а стал начальником плавательного бассейна в г. Припяти.

— Героизм заключается не в том, чтобы отважно лезть на бессмысленную смерть, — говорит Шикинов, — А вот мы глупо потеряли наши командные кадры. Только то, что Фомин, Дятлов, Брюханов не верили докладам очевидцев и посылали своих

заместителей и начальников цехов еще и еще раз посмотреть на реактор, одно это — уже преступление.

...Одновременно с дезактивацией, и в основном весь персонал ЧАЭС в начале занимался ревизией оборудования энергоблоков.

Кроме того, на блоках постоянно работали и наблюдающие эксплуатационники. Они следили за тем, чтобы осуществлявшие дезактивацию солдаты по неведению или из любопытства не влезли куда-нибудь в опасную для их жизни зону, “не нажимали на кнопки”.

Только непосвященный думает, что сложное машинное или реакторное оборудование, в том числе механизмы, а также системы автоматического управления в остановленном состоянии легче и дешевле обслуживать, чем действующее. В действительности, их нужно систематически осматривать, как говорится, протирать и смазывать — иначе они могут выйти из строя. К тому же все это необходимо проверять в действии, ремонтировать, осуществлять комплексы пуско-наладочных работ.

Поэтому пока первый и второй энергоблоки считались неработающими, еще до проведения на них дезактивации, все основное и вспомогательное оборудование поддерживалось в состоянии готовности к работе. Система пожаротушения была выключена, но при необходимости включилась бы автоматически. Работала вся стационарная система дозиметрического контроля. Электрические схемы собственных нужд станции обеспечивали электропитание для любых механизмов электроблоков, которые были также постоянно задействованы в режиме ожидания пуска. В законсервированном состоянии ждали своего часа системы машинного зала. А работоспособность всех систем реакторных установок, вообще оборудования, контролировал персонал АЭС. Оба энергоблока в случае необходимости можно было бы быстро ввести в действие.

И, тем не менее, для комплексного опробования и пуска первого и второго энергоблоков Чернобыльской АЭС понадобилась специальная Программа. Она включала помимо дезактивации новую проверку каждого узла, арматуры, контрольно-измерительных приборов, многочисленных схем блокировок, сигнализации, автоматического включения резерва и так далее, и так далее. И после каждой проверки составляли акт о готовности. Предполагалась и модернизация. Комплекс организационных и технических мероприятий, которые были осуществлены в процессе подготовки к пуску энергоблоков №1 и №2, значительно повысил надежность и безопасность эксплуатации всего оборудования ЧАЭС. Значительные изменения на этих энергоблоках были внесены в состав активных зон реакторов, в их системы управления и защиты. В результате возросла надежность и безопасность энергоблоков в целом. Пересмотрели и главный документ, определяющий правила надежной и безопасной эксплуатации энергоблока — “Технологический регламент по эксплуатации 1 и 2 энергоблоков ЧАЭС с реактором РБМК.” Новый вариант Регламента предъявляет несколько более жесткие требования к эксплуатационникам по сравнению с прежними.

Они еще проводили испытания на реакторах! Дело в том, что по нормам вообще полагается все системы испытывать под нагрузкой, прежде чем запускать их в регламентную работу. Это — по сути эксперимент. Можно ли было тогда, летом 1986 г., хотя бы мысленно вообразить, что эти люди, в результате испытаний 26 апреля уже потерявшие свои дома и у многих кроме вот этого бывшего пионерлагеря “Сказочный” не было никакого другого жилья, потому что им позволили (!) не эвакуироваться, а остаться обслуживать их пострадавшую атомную станцию; которым было просто некогда думать о личном жилье, о врачах, тем более о медицинских справках; люди, чьи семьи были разбросаны по стране и никто не мог точно назвать дату встречи; люди,

которые ежедневно видели страшный развал на месте четвертого реактора — что эти самые люди готовят вместе с учеными новый эксперимент на действующем энергоблоке Чернобыльской АЭС для доказательства правильности математической модели аварии! Но они решили испытания осуществить...

В сентябре 1986 года они действительно на первом энергоблоке в почти расхоложенном состоянии, на мощности 30 мегаватт при температуре воды в технологических каналах 60° провели эксперимент по динамике высотного поля нейтронов, связанный со сбросом группы из 103 стержней СУЗ в активную зону. При этом в технологическом канале, расположенном в центре активной зоны, проводили измерения. Данные на момент перед нажатием кнопки АЗ-5, а также результаты расчетов неизмеримых параметров использовали в качестве начальных и граничных условий. Правда, необходимо пояснить, что ночью 26 апреля в активную зону реактора кнопкой АЗ-5 были сброшены по разным версиям лишь 8 или 22 стержня СУЗ, притом 22 соответствовали тогдашнему Регламенту даже с запасом. Сброс 103 стержней гарантировал, что аппарат обязательно заглухнет. Но все-таки эти игры — не для слаонервных.

В эксперименте выполняли ту часть программы, которая была необходимой для ответа на конкретный узкий круг вопросов. И убедились, что весь расчет, как говорят специалисты, удовлетворительно согласуется с экспериментом и другими рабочими программами и, следовательно, он верен.

И, значит, он позволяет сделать вывод о надежном в целом реакторе и о возможных дополнительных мерах для повышения надежности РБМК-1000...

Какой же степени совершенства должен быть уровень квалификации специалистов и насколько велика их убежденность в принципиальной правильности конструкции реакторной установки, чтобы вот так спокойно, уверенно, внешне может быть даже хладнокровно рассчитывать и проверять на практике сложнейшие процессы! Процессы, способные, как мы уже теперь знаем, пусть в фантастически редкой, но все-таки осуществившейся ситуации привести к страшной беде... Но они выполнили расчеты. И они осуществили эксперимент. И они были правы.

Позже крупнейшие специалисты-ядерщики нашей страны рассказали об этом в своем журнале “Атомная энергия”.

В июне 1986 г. секретарь парткома ЧАЭС Парашин говорил мне:

— На тренировках мы формируем у эксплуатационников не просто дисциплину, но сознание личной ответственности. Например, в качестве задачи предлагаем ситуацию: “Оборудование остановилось, а на пульте управления остался всего один человек, — Вы как поступите?” Тут главное — самоорганизованность, хладнокровие. А знания можно получить в процессе учебы.

Как подчеркнул в своем выступлении через год, 22 апреля, в пресс-центре МИД СССР министр атомной энергетики СССР Н.Ф. Луконин, для осуществления аварийных и восстановительных мероприятий были задействованы лучшие научные, конструкторские, производственные, строительно-монтажные и эксплуатационные организации страны.

А еще нужно было выполнить обычный летний плановый ремонт на первом и втором энергоблоках. О судьбе третьего блока пока говорить было рано — требовалось решение специально для этого созданной комиссии. Для этой цели на всех электростанциях существует специальная служба профессионалов высокого класса, притом универсалов.

Рабочие-ремонтники ЧАЭС вернулись в свою мастерскую 26 апреля, то есть сразу после аварии, увидели ее прибранной и даже уютной! Это позаботился В.А. Волков, слесарь высшего разряда. В ужасе, напряженности первых дней, да еще когда вертолеты

бомбили ректор четвертого блока, это было как-то особенно трогательно и жизненно важно для каждого. Очень добросовестный и вдумчивый человек этот Волков. Даже на общественной работе, возглавляя группу народного контроля, он не дожидается указания или запроса “сверху”. Просто, когда считает полезным, тогда и идет контролировать, например, столовую или другие объекты. Делает это грамотно, без придирок и без скидок. С малых лет он в атомной энергетике, ремонтирует реакторы, имеет награды и почетные звания. Возраст у него уже пенсионный, мог бы и отдохнуть. Да “замены ему нет”, — сказал Быстров, председатель цехкома РЦ-2, мастер по ремонту топливно-перегрузочных машин. Фамилию Волкова коллектив предложил включить в книгу Почета ЧАЭС, приурочив это событие к Дню энергетика. И Волков, и Быстров, и многие другие ремонтники по очереди оставались на станции и 26, и 27, и 28 апреля — надо было работать с топливом третьего энергоблока.

Без цеха централизованного ремонта (ЦЦР) не обходится ни одна электростанция. А здесь от всего огромного подразделения народу осталась лишь одна четвертая часть. Поэтому первые три дня все — от рабочего до начальника, не оглядываясь на должности, трудились в три смены: резали, сваривали металл, стеклили окна. И это было очень важно. Через вентиляцию, раскрытые окна и двери в помещения затянуло и продолжало задувать немало радиационной грязи. Просто придти туда и начать работать было нельзя. Сначала — дезактивация.

Поискали ремонтники на станции самое чистое в радиационном отношении место для своего отдыха. Таким местом оказался туалет. Это никого не смутило: мелочь! Там и обедали весь май и июнь, пока не дезактивировали для этой цели другие помещения. В полиэтиленовых мешках им привозили термосы с пищей, которые централизованно получали из Чернобыля — там для приготовления обедов сначала приспособили помещение бывшего детского садика. Нормальная (надо сказать, отличная) столовая появилась на станции лишь в сентябре 86-го.

30 апреля турбинисты и работники цеха централизованного ремонта были самой многочисленной группой на станции. Жили в “Сказочном” и работали по сменам.

Огромный комплекс работ не только на территории станции (об этом уже говорилось), но и непосредственно на энергоблоках выполняли монтажники ЮТЭМа под руководством главного инженера треста А.И. Заяца, заместителя начальника Трипольского управления треста В.Г. Микитася и В.Н. Коваля — ведь каждым летом они традиционно помогают работникам станции в проведении плановых профилактик, ремонтов и модернизаций. В помощь чернобыльцам со стройплощадки Запорожской АЭС прибыла бригада механизаторов монтажных работ А.А. Олейника. Она выполнила большую и чрезвычайно трудную работу. Особенно самоотверженно работал сам бригадир. Непосвященный по его поведению не заметил бы его огромного личного горя: незадолго до этого Александру Александровичу из Афганистана привезли тело погибшего сына.

...Экстремальная производственная ситуация. Весь рабочий день — в респираторах. Лагерная жизнь. И все-таки на предприятии началась нормальная регламентированная работа. Пусть шла она в сопровождении ежедневного медицинского и дозиметрического контроля, пусть в сложной психологической обстановке, с постоянными думами и заботами об эвакуированных семьях, с беспокойством о семьях погибших и о здоровье пострадавших. Но все-таки явно начинались будни трудовой жизни на родной станции. И это немного успокаивало: жизнь начинает нормализовываться.

Эти люди выполняли ювелирно точную работу. Но ее темп диктовался радиационным фоном. Мы уже говорили о фоне. И помнить об этом действительно следовало постоянно. Недаром первыми из практических работников сюда пришли дозиметристы.

В 1986 году предельно допустимой радиационной нагрузкой, с которой разрешали работать монтажникам и ремонтникам, было 1 рентген в смену. На следующий год этот предел снизили до 60 миллирентген с правом в исключительных случаях увеличивать дозовую нагрузку за смену до 200 миллирентген.

Индивидуальные накопители для проверки от них требовали не раз в несколько дней, как у большинства работавших в зоне, а ежедневно: надо было оперативно знать истинное положение и решать, можно ли этого конкретного монтажника или ремонтника допускать к работе на следующий день или ему следует повременить.

Бывало, люди сами лезли в пекло, но каждый раз находился какой-нибудь руководитель любого ранга или даже просто рядовой работник, как бы подстраховывавший со стороны. Это как зимой в Сибири или в Заполярье прохожий смотрит, не обморозил ли ты уши, щеки и нос.

В мае 1986 года руководитель ремонтников Е.М. Куплешников делал это довольно эмоционально: “Если вы без моего ведома пойдете в такое-то помещение, я вам так врежу, как не придет в голову наказывать никакой администрации”. Рабочие его называли “отец родной”.

Части персонала станции приходилось одевать защитные пластиковые костюмы. Но, несмотря на такие предосторожности, после каждой смены всем на станции приходилось менять белье, шапочки, носки, обувь и перчатки. Время работы каждого контролировалось и учитывалось.

Там, где человеку не следовало находиться даже несмотря на предосторожности, использовали автоматические манипуляторы. Надо сказать, использование манипуляторов на атомных станциях — вполне обычное дело, например, при выполнении ремонтных работ в зоне первого контура. Ее так всегда и называют — грязной зоной. Есть такая детская игра: “Поймай рыбку”, или “Поймай, кольцо”. Нужно с помощью своеобразной удочки “выловить” со дна коробки какие-нибудь предметы. Ну, “выловить” — еще куда ни шло. А если требуется извлечь одну и взамен нее установить на место другую деталь в атомном реакторе? Да если требуется это сделать, практически не видя арены своих трудов? А если “удилище” к тому же изогнуто, так как иначе не подберешься, а близко подойти нельзя из-за высокого уровня радиоактивности?..

Порой и в таких условиях работают ремонтники на обычных атомных станциях. Поэтому в грязную зону допускают только хорошо обученных людей, виртуозов, на уровне автоматизма владеющих правилами техники безопасности.

И лишь нескольким рабочим на станции обычно доверяют самые ответственные сварные стыки в самых ответственных помещениях. Один из таких асов на ЧАЭС — сварщик шестого разряда, бригадир Н.М. Усенко. Конечно же, и он свою станцию не бросил, только четче организовал работу бригады: для срочных, “пожарных” дел у него постоянно выделен дежурный сварщик.

...Окопный рассказал об одном случае в ЦЦР. Однажды Быстров задумался, как бы это оформить себе наряд на срочную сварочную операцию побыстрее, без волокиты? Работа нужна немедленно, а тех, кто имеет право подписи, поблизости не видно. Усенко, видя это, спросил только: “Куда послать сварщика? Сейчас придет.” А ведь для него наряд не был пустой формальностью. В наряде — и гарантия здоровья, да и деньги: речь шла о более опасной работе при повышенном радиационном фоне.

Слесарь VI разряда ЦЦР, председатель цехкома И.И. Лавриченко, рассказывал, как Куплешников (легендарная личность!) сам остался в цехе 26 апреля и возглавил ремонтные работы на своем участке. Примерно четвертую часть всех рабочих цеха, оставленных после аварии на станции, он организовал для работы на самых жарких участках — так и хочется сказать — для этого беспримерного боя за жизнеспособность

станции. Конечно, формально и в первую очередь — станции. Но в действительности — родной земли, за здоровье живущих на Земле людей... Он это осознавал. Бывают периоды, когда высокие слова воспринимаются буквально. Один турбинист с тепловой электростанции так вот и определил смысл своей профессии: “Чувствую себя Прометеем. Даю людям свет, тепло. Благодаря мне сияют экраны телевизоров, работают молотилки, станки, машины!” И он прав.

Ремонтникам на действующей АЭС всегда достается работа грязная в прямом и переносном смысле, то есть радиационно грязная. Плохо ли это? Могучие богатыри братья-близнецы Владимир, Александр и Виктор Семеряка — все трое признают стоящим только одно дело: ремонт атомных реакторов и реакторных систем. Они специализируются в работе с любой арматурой и главными циркуляционными насосами. Их обязательно приглашают на ревизию и аттестацию качества всех трубопроводов, кранов, разных задвижек и прочей “мелочи”, без которой, однако, невозможны надежность и вообще работа АЭС. Они и слесари, и сварщики, и крановщики. Не раз им приходилось и до аварии ремонтировать реакторы. Теперь же, считают, им, как говорится, сам бог велел доводить эту технику до ума. Владимир и Виктор — бригадиры. В 1987 году их имена были в списке представленных к званию “Отличник атомной энергетики”. Они и не помышляли бросать свою станцию в час беды.

Постороннему может показаться, что ремонтник идет в “грязную” зону как в бой; опасно ведь. И в мирное время опасно. Но эти рабочие воспринимают подобные обстоятельства спокойно: грамотность снижает риск практически до нуля. Я видела немало ремонтников, проработавших на атомных станциях десятилетия. Они производили впечатление вполне здоровых людей.

...Теперь же “грязной” была вся территория станции. Даже пылинки в солнечном луче таили радиоактивность. Они оседали толстым слоем на стенах, полу, подоконниках, столах, окутывали машины, станки, словом — все поверхности. Влажная уборка пыли тоже была элементом дезактивации. Ее смывали из шлангов, вытирали тряпками.

— Все станочное оборудование огромного, насыщенного техникой цеха централизованного ремонта тоже оказалось под слоем пыли. Ремонтники сами мыли свои станки, смазывали, а на следующий день им снова приходилось смывать слой пыли и вчерашнюю смазку и заново смазывать металл. На этих станках они ежедневно работали, других не было. А пыль все ложилась и ложилась на блестящую поверхность. Моющий порошок, вода и собственные руки — это и были личные средства борьбы с последствиями аварии на рабочем месте у станочников Л.А. Дубчака, В.Ф. Гаврикова, Н.А. Гончаренко, А.Ф. Кубарева.

— Да, они отличные станочники. И могли бы требовать прихода дезактивационных бригад. Но я бесконечно благодарен этим людям за их черный, бескорыстный и невидимый миру труд, — сказал Лавриченко.

Мы разговариваем в кабинете главного инженера ЧАЭС, а в это время бесшумно входят люди с дозиметрами, очень старательно вытирают пыль со столов, другой мебели; мокрыми тряпками протирают пол. Дезактивация. И в кабинете директора — то же.

Возглавлял ревизию оборудования и определял, что, где и когда следует ремонтировать или испытывать заместитель Председателя Госатомэнергонадзора СССР А.Л. Лапшин. Но вот ревизия оборудования в основном закончилась, и с июля 1986 года начались собственно ремонтные работы на энергоблоках.

Казалось, что станция не действует уже целую вечность — столько произошло разных невероятных и крупномасштабных событий. Вся жизнь пошла по новому, непредвиденному руслу... Но к ней стали даже привыкать, что само по себе поразительно, дико, несообразно по нормальным представлениям о труде и жизни цивилизованных людей конца XX века... А ведь к тому времени с момента аварии прошло лишь немногим более двух месяцев.

Все личные интересы еще долго вытесняла одна мысль: “Скорее справиться с этой бедой”.

Вентиляция на энергоблоках первой очереди была очень радиоактивной и всю ее пришлось сделать заново. Для этого трест “Энергомонтажвентиляция” заново построил и установил новые корпуса, фильтры, словом, все необходимое хозяйство.

В августе на повестку дня вышел новый и очень трудный вопрос: из активной зоны реактора первого энергоблока надо вывозить отработавшее топливо, чтобы заменить его свежим. А хранилище для этой цели (ХОЯТ) еще не было готово, и бассейн выдержки переполнен топливом, отработавшим до аварии. В условиях мирной жизни ХОЯТ бы заранее спокойно достроили. Теперь же сначала предстояло расчистить завал между четвертым энергоблоком и хранилищем.

Группе специалистов ЧАЭС (в том числе В. Поденок) поручили по схеме, на взгляд оценить в метрах местоположение и размеры завалов и отдельных куч мусора, который предстоит убирать. Но как оценишь, если не измерял? Туда ведь не подойдешь.

— Вот мы и решили, — рассказывает Валентина Поденок, — что командующий железнодорожных войск, начальник штаба и энергетики — вместе отправимся во двор с рулеткой. Генералы и гражданские специалисты пошли в разведку. Военный дозиметрист — майор — бойко отсчитывал: 2, 3, 5, 8 рентген...

Идут. На железнодорожной стрелке было уже 40 рентген/час. Идут дальше. Дошли до железнодорожной станции. Все, что нужно, измерили и вернулись. Майор смеется: “Вам, может, эти рентгены и не опасны, а у меня они не скажутся на способностях к воспроизводству?” Снова посмеялись и пошли пить кофе — из минеральной воды, потому что годится для питья только жидкость из запечатанных бутылок. Тогда многое делалось похожим образом.

Летом 1986 года все атомные станции Советского Союза с реакторами типа РБМК простояли в обычном планово-профилактическом ремонте дольше обычного: энергетики вместе с проектировщиками, конструкторами и изготовителями оборудования проводили кое-какие работы сверх регламента: они дополнительно, притом комплексно, исследовали все оборудование и кое-что усовершенствовали. Позже подобные работы выполняли и в процессе эксплуатации, а также во время летней плановой кампании 1987 года. Стопроцентно проверили даже состояние всех сварных соединений.

...Но вот и на первой очереди Чернобыльской АЭС ремонтные работы стали подходить к концу.

Перед пуском первого энергоблока решили создать для персонала жизненные условия, более соответствующие характеру нормального функционирования работы электростанции — с режимом трехсменной работы и полноценным отдыхом. Правда, радиоактивная зона вокруг АЭС заявляла свои условия. Но как их выполнить?

Большинство семей работников станции теперь жило в Киеве, некоторые — в Чернобыле. Дать людям возможность жить полноценной жизнью — значит ездить на работу из дома. Но до Киева — 130 километров, не очень-то поездишь.

Решили организовать эксплуатацию ЧАЭС по вахтовому методу: пять дней вахты с двенадцатичасовым рабочим днем и семидневным отдыхом — для оперативного персонала энергоблоков (с 8.00 до 20.00 и с 20.00 до 8.00), а для эксплуатационного персонала и других работников станции, как и вообще для большинства работающих в 30-километровой зоне: две недели работы и две недели отдыха, с десятичасовым рабочим днем, с 9.00 до 19.00 (дневная смена). До этого времени все: строители, ученые, служащие тоже работали без выходных и нередко по 12 часов в день. Оперативный и эксплуатационный персонал теперь во время рабочих вахт должен жить в построенном для этой цели вахтовом поселке Зеленый Мыс за пределами 30-километровой зоны, а выходные проводить в своих новых квартирах, с семьями.

Подумывали и о новом городе энергетиков Славутиче, рассчитывали в нем поселиться в 1988 г. Вот тогда можно будет отказаться и от вахт, вернуться к нормальным условиям как для работы, так и для отдыха. О строительстве Зеленого Мыса и Славутича — разговор отдельный.

К тому времени, когда перешли на вахтовый порядок, семьи многих работников обживались в разных городах страны, большинство — при АЭС, в основном в Украине. Но теперь-то каждый сотрудник ЧАЭС и его родственники должны будут сделать свой личный выбор — хотят ли они и дальше работать на родной станции, т.е. ездить на свое рабочее место от нового места жительства или желают поменять место работы, перейти к нормальной оседлой жизни, но уже вне ЧАЭС.

Работники ЦЦР, как и некоторые монтажники и работники Управления строительства ЧАЭС, начали работать по вахтам уже с 6 мая 1986 г. Вообще практически все причастные к Чернобыльской атомной станции предпочли кочевать, но не расставаться со станцией. И.И. Лавриченко, например, ездил на работу из города Ивано-Франковска. Некоторые — из Одессы. В прошлом жители Припяти, они оказались теперь разбросанными по территории Украины на сотни километров друг от друга... Но работали по-прежнему вместе! К ноябрю 1986 года в ЦЦР было уже 380 человек: весь костяк коллектива остался в цехе и работает там до сих пор.

* * *

Пуск 1 энергоблока переносили трижды: экстремальная ситуация не терпит спешки.

В разгар предпусковых работ в залах, переходах, у щита управления нередко мелькал бушлат академика А.П. Александрова. Возглавляемый им Межведомственный Совет Академии Наук СССР обсуждал уровень работ по обеспечению безопасности. В пуске первого и второго энергоблоков участвовал заместитель Председателя Госатомнадзора СССР А.Л. Лапшин.

Главный конструктор привел свои расчеты: до осуществления физического пуска необходимы такие-то и такие-то мероприятия. Это не было простой перестраховкой. Решению предшествовали многочисленные дебаты специалистов о том, нужны ли вообще и если нужны, то какие именно дополнительные системы безопасности; вообще возможно ли в принципе пускать первый энергоблок?

В некоторой мере представить весь комплекс необходимых для этого работ может помочь запись в рабочей записной книжке зампреда Правительственной комиссии Ю.К. Семенова. Запись сделана 29 августа 1986 года, то есть всего за 1 день. Перепишу ее еще более кратко, чем писал Юрий Кузьмич, а он сокращал каждое слово. Но читателю придется кое-что расшифровать. Итак: “30-км. зона, нуклиды: стронций-90 = 3 Ки/км², цезий — 15 Ки/км², плутоний — 0,1 Ки/км².

Поставка вентиляции 3 блока — 11 комплектов отгружено, 25 чел. заводчан приехали.

Пусковые реактора №1. Физпуск на “старых” СУЗ. “Вырубка” 3-х каналов. Регламент. ГАЭН — треб. утвержд. прогр. Зиненко Анд. Троф. — эл. цех. Экзамен стажировки инструкт. = 60% к 15.09.

Проект перевода упр. ОРУ — 750 на ЦЩУ-1. Укргидропроект — ремонт = 30%. ОРУ — 110-300 (компрессоры!). ОРУ — 750. Испытать разрядники, 3 выкл. в ремонте. ТГ №1 и 2, высококов., испыт. выполн., ТГ №3 — не приступали. Двигатели = 80% выполн., КРУ-6 — 0,4 = 70%.

Грищенко Вад. Вас., Реак. цех. На III бл... Дублир., на Курской до 15.09. Операторы 40 чел. прошли аттестац.

Реакт. №1 Ремонт, зад. \varnothing 800 = 31.08. ГЦН — 22 труб. \varnothing 800 — 31.09., стык №6. Пуск ГЦН — 16.09... Далее — о системах вентиляции, СУЗ, “Шторм”, “Скала” ...Кирсккабель сорвал поставку кабеля...

У ХОЯТ от 2,8 до 1,9 р/ч, Стройбаза — 100-50 мр/ч, у пруда охл. — 120-50 мр/ч, г. Чернобыль 5 мр/ч. Припять — 15-20 мр/ч...”

За каждой цифрой — поэма.

Энергетическому пуску энергоблока с включением его в электрическую сеть предшествует загрузка его топливом и комплексное опробование на мощности в две трети от номинальной и проверка всех систем в работе. Потом приступили к освоению номинальной мощности. К этому моменту на оборудовании реакторного отделения осуществили модернизацию для повышения его безопасности и увеличения быстродействия СУЗ (системы управления и защиты). Нет смысла детально перечислять технические особенности — они достаточно подробно описаны в открытой печати, в частности, в рассчитанном на профессионалов журнале “Атомная энергия” и, разумеется, обо всех мероприятиях доложено МАГАТЭ. Стоит лишь сказать, что для большей надежности и уменьшения парового коэффициента реактивности часть стержней — поглотителей нейтронов СУЗ укоротили, но зато увеличили их количество. На втором энергоблоке — он вошел в строй через месяц после первого — для дальнейшего уменьшения парового коэффициента реактивности количество дополнительных поглотителей увеличили еще больше.

Накануне пуска произошел такой эпизод. Были внесены некоторые изменения в системы загрузки реактора и в цепь защитной блокировки. Одно из звеньев защиты оказалось ложным. Когда защита сработала, реактор, вышедший уже на минимально контролируемый уровень, снова остановился. Это — штатная ситуация, отключение ненужной цепочки — дело десяти минут. Но тогда на согласование операции по ее “ремонту” потребовалось около двух дней. Такова сегодня ответственность за каждый препринимаемый шаг...

Итак, физический пуск реактора энергоблока №1 осуществлен. Следом, в соответствии с технологическим регламентом, включены в работу системы и оборудование всего энергоблока, начата их перенастройка и испытания, проверка технологических параметров...

...Обе турбины под вакуумом. Все нормально. Через несколько минут будут пущены. В кабинете директора ЧАЭС Э.Н. Поздышева время от времени звонит телефон. Изредка заходит то один, то другой начальник цеха. Докладывают. Тихо обсуждают детали. Уходят. Никакой суеты. Только присмотревшись, можно заметить запрятанное глубоко волнение. На опытного человека оно вообще не произвело бы никакого впечатления. Однако все присутствующие знают, что такое событие как пуск энергоблока атомной или тепловой электростанции, турбины ГЭС никогда не оставляли энергетиков равнодушными. Это — как рождение ребенка...

Все пошли на блочный щит управления. Административный корпус с помещениями блочных щитов соединяет “золотой коридор”. Вот на его стене появился красный

сигнал: “БЩУ-1”. Блочный щит управления — сложный комплекс. Тысячи датчиков посылают сюда свои сообщения о работе реактора, турбин, генераторов, вспомогательных систем; рассказывают о состоянии топлива и “настроении” машин. Богатую информацию сообщают дисплеи. И даже стол дежурного инженера с множеством телефонов и кнопок скорее похож на какой-то сложный агрегат, но уж никак не на конторскую принадлежность.

На центральном щите управления Чернобыльской станции контролируют всю ее электрическую схему, а на блочном — работу одного реактора и двух турбин.

Начальник смены электроцеха Н.А. Закаблук еще раз удостоверяется: его трансформаторы, системы защит, кислородное хозяйство — все в порядке.

А.Г. Шадрин листает журнал оперативных записей — через несколько минут он примет вахту как начальник смены. На ЧАЭС он 15 лет, но и прежде работал на родственных предприятиях.

Он будет пускать первый после катастрофы энергоблок Чернобыльской АЭС.

Начиная с этой смены все эксплуатационники, как и оперативный персонал, переходят с двухнедельного графика на пятидневку, точнее — пять дней работы, шесть — отдыха. Так проще входить в суть дела, знакомиться с работой сменщиков.

...Взгляды всех прикованы к приборной панели... И вот дрогнула стрелка амперметра от первой турбины: крутится! Только так и можно определить момент ее пуска. Вскоре дрогнула и поползла по шкале и вторая стрелка: турбогенераторы, один за другим, стали набирать мощность. На Чернобыльской АЭС при каждом реакторе действуют по два турбогенератора, мощностью каждый — 500 мегаватт. Вместе с реактором они и образуют энергоблок электрической мощностью 1000 электрических мегаватт (1 миллион киловатт).

Никакие существенные недостатки на основном и вспомогательном оборудовании первого и второго энергоблоков не проявились. Все — и качество, и радиохимический состав теплоносителя, и качество питательной воды соответствовало нормам. Все системы поддерживали заданные регламентом технологические параметры и физические характеристики. Приборы на блочном щите управления показывали: реактор тоже работает нормально. Мощность блоков постепенно повысили до номинальной — 1000 мегаватт.

Сразу — на проектный уровень! ...Великолепно. Нормальной считалась бы и передышка, постепенный, ступенчатый подъем мощности.

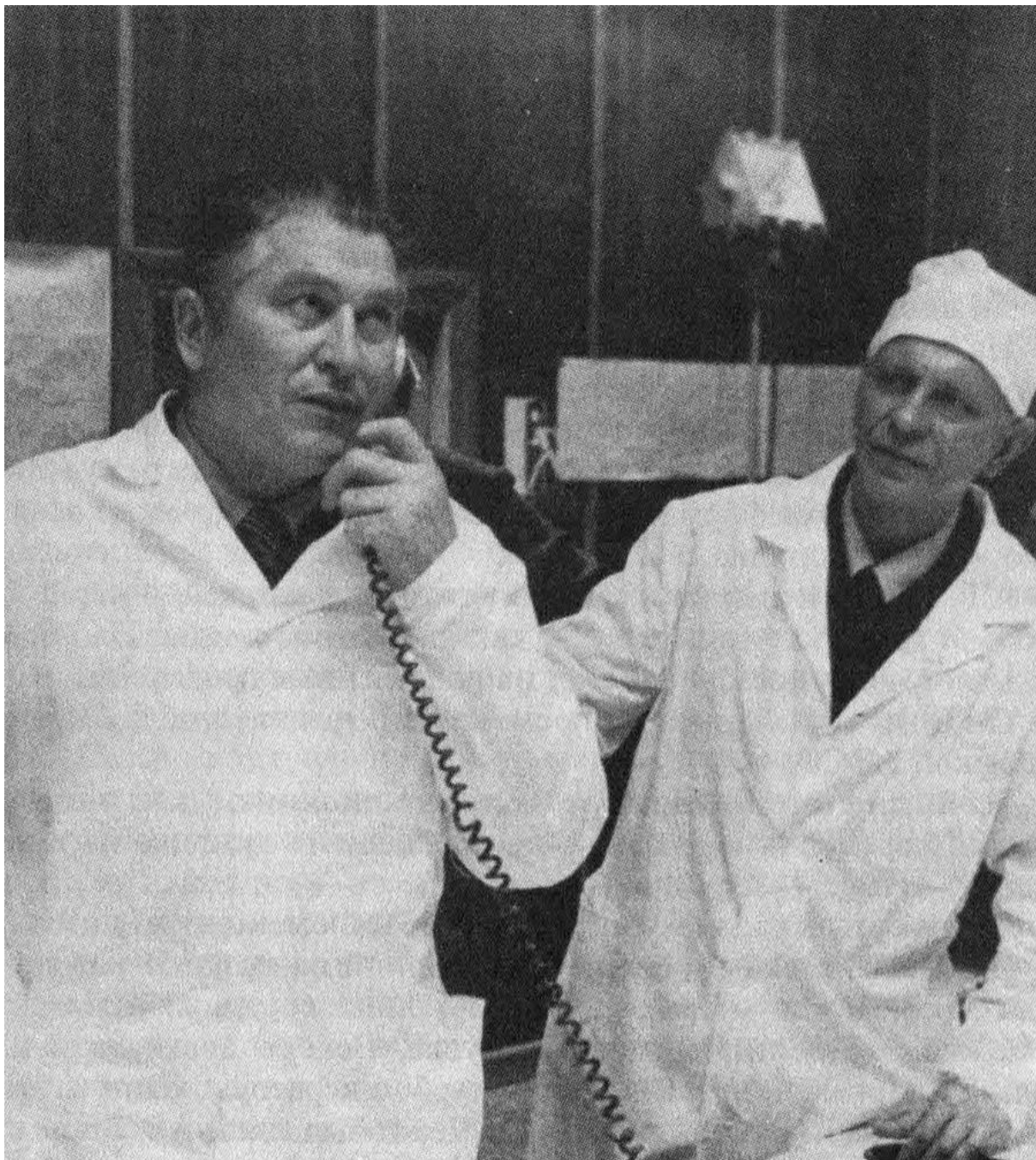
16 часов 45 минут. Люди не скрывают радости. Первый энергоблок Чернобыльской АЭС в первый раз дал промышленный ток 26 сентября 1977 года. И вот 1 октября 1986 года его пуск снова воспринимается, как перворождение.

Коридоры. Переходы. Лестницы. Отметка 20. Неподалеку вход в реакторный зал. А на лестничной площадке, в аквариуме — золотые рыбки. Игривые, вполне довольные жизнью. Они здесь не только для уюта. Это индикаторы радиоактивности, притом очень чувствительные.

...Энергоблок №2 пустили 5 ноября 1986 года. К этому моменту турбины энергоблока №1 уже выработали 1,6 миллиарда киловатт-часов электроэнергии. В сжатые сроки оба энергоблока были выведены на проектный уровень мощности — 1 миллион киловатт. Станцию обслуживали те же люди, которые работали здесь постоянно.

Я спросила начальника смены энергоблока А.Г. Шадрину, каковы особенности этого пуска.

— Да никакой разницы в обстановке пуска нет, — ответил Александр Григорьевич. Тот же блок, тот же персонал, что и до аварии. Никто из работающих не уезжал. Правда, чувствуется повышенная ответственность каждого. Но ведь предела этому нет.

Ю.К.Семенов (слева) и Э.Поздышев на пуске блока № 1.

— Да, работа с персоналом, притом индивидуально с каждым человеком, должна быть непрерывным, непрекращающимся процессом. — Это мнение и директора Поздышева.

Пуск первых двух блоков ЧАЭС — это успех всех работавших в 30-километровой зоне. Но нельзя забывать и о самоотверженности и высоком уровне профессиональной квалификации работников всей электроэнергетической отрасли; о централизованном, общегосударственном подходе к решению всех проблем, связанных с атомной энергетикой и, конечно же, о заинтересованном, активном участии всего народа нашей страны, грустно говорить — бывшего СССР.

В кабинете директора ЧАЭС высоко на стене есть табло, хорошо видимое каждому входящему. В один из дней февраля 1987 года, на нем можно было увидеть цифры: 2400. Такую нагрузку несли в сумме два энергоблока станции: чуть больше тысячи мегаватт каждый. Отлично!

5 декабря 1986 года Государственная комиссия подписала акт приемки ПУСО Лелев. За этим заводом последовали другие. ПУСО — значит пункты санитарной обработки техники и автомашин. Их еще в мае решили устанавливать на всех дорогах, ведущих от станции. Они призваны охранять чистоту не только ближних и дальних окрестностей, но, по сути, и всей нашей страны, создавая заслон распространению радиоактивности.

Моют машины, которые выезжают за пределы 30-километровой зоны, чтобы не разносили грязь по окрестностям, и те, что не собираются выезжать. Потому что, если их часто не мыть, то через некоторое время на них уже нельзя будет ездить.

В первые дни после аварии ПУСО создавали как полевые пункты, для выходящих из зоны машин. На мойке грязь собирали в контейнеры и вывозили в места захоронения. Непростые хозяйства эти первые примитивные пункты: тут и насосы, и трубопроводы, и баковое хозяйство. Их спроектировали сотрудники института Гидропроект, вместе с группой рабочего проектирования, которой в то время руководил А.Н. Плотников. Да и смонтировали оборудование ЮТЭМовцы быстро и хорошо. Но вначале возникали оргпроблемы; не хватило бетона для нужд сразу на всех ПУСО — его ведь возили из Киева. Тогда, В.П. Акулов (на тот период еще заместитель начальника чернобыльской стройки), предложил завозить его не порциями, одновременно сразу на все пункты, а поочередно, зато в достаточном количестве. Вот так, из-за ерунды возникла проблема, вероятность которой и предположить было бы трудно: счет шел на минуты.

К осени начали строить стационарные, фундаментальные ПУСО. Заложили рабочие площадки в Старых Соколах, Диброво, Дитятках, Лелеве, Рудня-Вересня. Начали строить и большой санпропускник. Я побывала на таких пунктах — это по сути настоящие, хотя и небольшие по масштабам, заводы. На помост въезжает довольно громоздкая техника. Ее моют дезактивирующими составами раз и другой — сколько прикажут дозиметристы. Возражения, уговоры водителей бесполезны, и это безропотно принимают все, независимо от рангов и званий.

На Лелеве я встретила ветерана Чернобыля, темноволосого великана, бригадира П.В. Мотельнецкого. Он припятчанин, пользуется большим уважением и рабочих, и начальства. Классный специалист, способен своими руками и даже, говорят, с закрытыми глазами, выполнить любую работу и еще увлечь и организовать окружающих. Во многом благодаря таким, как этот бригадир, в строймонтажном управлении ЧАЭС и через три года удалось сохранить больше половины из 400 строителей Минэнерго, которые работали здесь еще до аварии.

В сооружениях каждого ПУСО — 300 тонн металлических каркасов, 26 тысяч кубометров монолитного бетона. ЮТЭМ выполнил всю работу с “железом”. И в первую очередь это были опять монтажники его, Трипольского управления. В тот период они одновременно монтировали стационарные системы пылеподавления в городе Припяти, селах Копачи, Опачичи, Черевач, Залесье, Парышев; котельную для города Чернобыля, временную котельную для отопления главного корпуса АЭС и третьего энергоблока; готовили этот энергоблок к пуску, уже в роли ремонтников и выполняли многие другие работы по просьбе дирекции АЭС.

Например, для ПУСО они монтировали баки, изготовленные на Макеевском и Запорожском заводах Минэнергомаша, которые прибывали в Чернобыль в виде огромных металлических листов. Их ставят на ребро и в таком зыбком положении сворачивают в трубку. А он колышется, “живет”. В баках должна собираться, отстаиваться и дезактивироваться вода после мойки. Так, что их надежность имеет особое значение.

Однажды, в декабре 1987г. я поехала на рядовую, типичную для остальных подобных объектов оперативку на ПУСО Диброво. В ней участвовали “Южтеплоэнергомонтаж”, “Гидроэлектромонтаж”, Управление строительства ЧАЭС, военные и группа рабочего проектирования из института Гидропроект. Работы еще много, претензий по качеству сооружения и срокам нет. Но председатель приемочной комиссии просит: “Пустите сначала хотя бы одну мойку, очень нужна”. Задержались где-то в дороге калориферы — и в адрес поставщика пошла телеграмма за подписью самого Б.Е. Щербины. Сердце ПУСО — электробойлерная, самый главный элемент. Но механическая мойка нужна, как говорится, впереди паровоза.

Ведет оперативку главный технолог строительного-монтажного комплекса УС ЧАЭС В.И. Кузниченко. Он объяснил эту спешку: в могильниках уже захоронено оборудования и машин на десятки миллионов рублей — жалко же! Их надо вернуть народному хозяйству. Для этого еще предстоит получить рекомендацию ученых по составу растворов. Но уже сегодня обработали огромное количество людей и техники. Например, автомашины с уровнем загрязнения 0,4 миллирентгена/час удаётся отмыть до 0,1. Это делают на ПУСО Лелев и Черевач (их построили вдвое быстрее нормативных сроков). Такие пункты жизненно необходимы как защитный барьер перед распространением беды. И чем быстрее и качественнее пройдут машины через это сито, тем надежнее защитим наши города.

Я пошла в строящуюся котельную ПУСО и услышала чье-то монотонное нытье:

— Дайте нам Сашу Заяца. Ну отдайте Зайчика. Он же золотой сварщик, отличный бригадир. Его стыки никогда не текут. А... (не разобрала фамилию) хоть дивизию дайте — и он ее будет волокиты. — Заглянула в дверной проем и увидела монтажника Княжевского — того самого, с Трипольской. Он спорил со своим начальником П.Л. Черных о том, кого поставить главным на котельной. Мог бы и сам — ас в своем деле. Но из-за перенесенной еще до аварии травмы вынужден выполнять “легкую” работу — рядового слесаря, т.к. врачи его попросту списали на пенсию. Плакал тогда сильный мужчина — не мог бросить монтажное дело, которому посвятил к тому времени уже 20 лет, не мог бросить и свою ЧАЭС, на которой — с первого блока. Вспомнилось, как восемнадцатилетним поехал с Ворошиловградской ГРЭС к родителям и опоздал вернуться к сроку. Дал ему тогда мастер лист бумаги и приказал писать под диктовку: “Если я еще раз опоздаю, прошу снять с меня рабочий разряд”. С тех пор не опаздывал ни разу. Я спросила Княжевского, почему он так настойчиво рвется в Чернобыль.

— Вам по-газетному сказать?

— Не обязательно, если не согласны.

— Тогда я здесь от души.

Котельная, действительно нужна поскорее. Снега насыпало по пояс. Крыши на зданиях ПУСО накрыть еще не успели, а монтажники уже прокладывали коммуникации, устанавливали оборудование. Здесь работали очень толковые бригадиры из Триполья, например, В.Н. Ситор, бригадир из Одессы Ю.А. Новожилов. Они участвовали во всех процессах. Заместитель начальника Трипольского управления В.А. Плахотнюк, что называется, дневал и ночевал на своих ПУСО.

Стационарные ПУСО, как и полевые пункты санобработки, и через год и через два все еще несли свою благородную службу. Сегодня говорят, что с ПУСО “перестарались”, не нужны они в таком количестве. Но первые чернобыльцы не забудут, как в дождь и снег, без счета времени, порой буквально на руках выносили они технику с сильно “звонящих” территорий и обрабатывали на этих временных, полупоходных станциях, чтобы спасти их для работы. Почему голыми руками? Может, дешевле бросить? Не знаю. Возможно. Во всяком случае, техники не хватало. Проанализировать целесообразность всех действий, вероятно, не под силу целому институту. А я всего

лишь пишу историю. Но мне претит само стремление некоторых наблюдателей огульно критиковать без разбора все то, на что потрачены талант и здоровье других.

Представитель войск Гражданской обороны Ю.Н. Клименко повел меня по территории ПУСО — со многими цехами, артезианскими скважинами, электрической подстанцией, баковым хозяйством для отстоя использованных растворов, складами. Оно оснащено разнообразными и довольно сложными техническими средствами и автоматикой. Но все-таки работать людям приходится с вполне определенным материалом. И это требует немалого мужества. Аналогов ПУСО для условий работы с зараженной техникой в нашей стране не было. Многому еще предстояло научиться.

Потом Ю.Н. Клименко и майор И.В. Дубинец решили показать, как живут их солдаты из воинской части №73413 Киевского военного округа. Лагерь оказался расположен неподалеку, между ЧАЭС и г.Чернобылем. Я плохо разбираюсь в уставных тонкостях. Но бросились в глаза идеальный порядок и чистота в жилых палатках, на территории гарнизона и — улыбочивые, открытые лица дежурных да магнитофон на одной из тумбочек. Именно эти солдаты контролируют качество обработки машин. Непонятно лишь, почему жить они должны были в семи километрах от ЧАЭС.

На одном из ПУСО зимой 1986 г. я встретила монтажника Шишова. Рост и комплекция — средние, возраст — лет 27-30. Кудри черные. Особых примет, как говорится, нет. Правда, я уже знала, что он представлен к награждению орденом. Стало интересно от него самого услышать подробности или хотя бы комментарии к наблюдаемым событиям. Привожу наш разговор дословно.

— Вы здесь давно? — С 27 апреля 86-го. В пятницу, 25-го, вернулись с обычной рабочей вахты на монтаже блока ЧАЭС в свой город Украинку (Трипольское управление ЮТЭМа), а через день вернулись. — Почему же вы поехали? Вас посылали сюда? — Сам поехал. Горе же, народное. — Страшно? — Не знаю, не думал, — Вы и стенку между третьим и четвертым делали? — Нет, к тому времени я уже был в больнице, после трубопроводов. — Что все-таки здесь для вас самое страшное? — Да ничего. — А что будете вспоминать лет через 50? Что произвело самое сильное впечатление? — Эвакуация из Припяти и Чернобыля. Это — как 41-й год.

Какая точная формулировка! А ведь Шишов по возрасту войну видеть не мог, и жители Припяти и Чернобыля тогда не знали, что покидают свои дома навсегда.

За несколько месяцев на ПУСО, в цехах дезактивации отмыли от радиации и возвратили к жизни различного оборудования на несколько десятков миллионов рублей (в ценах 1986 г.), к маю 1988 г. только с территории бывшей стройбазы УС ЧАЭС было отмыто оборудования на 40 миллионов рублей.

ХОЯТ

ХОЯТ передали станционникам на полмесяца раньше предполагавшегося срока. Досрочно соорудили стену в грунте. Досрочно выполнили дренаж на территории АЭС. Досрочно — не потому, что нормы слишком гуманны. Людьми руководил энтузиазм — начальник посильнее любого администратора. Энтузиазм активизировал и творческие силы. Так, дренажную систему вдоль пруда-охладителя построили по упрощенной схеме, благодаря удачно найденному оригинальному решению.

Работать там было в самом деле страшно. ХОЯТ, как тогда говорили, оказался на трассе “прямого прострела” радиации — мощного потока излучения от четвертого энергоблока. Саркофаг к тому времени еще не построили.

ХОЯТ — хранилище отработанного ядерного топлива — есть на любой атомной электростанции как необходимый технологический элемент и не вызывает особых эмоций ни у кого из работающих. После определенного срока выдержки эти отходы следует отправлять на перерабатывающие заводы. На ЧАЭС начали строить свой ХОЯТ для второй очереди станции до “войны”. Да не успели.

Теперь этот участок испытывал людей на мужество. Он находился метрах в 150 от четвертого энергоблока. И через полтора года после аварии приборы постоянно показывали здесь до двух рентген в час.

Конечно, ХОЯТ был необходим: туда нужно срочно выгружать топливо из реакторов трех остановленных энергоблоков. Но помещение не достроено. И даже после того как основные строительные и монтажные работы все-таки закончили, предстояло еще выполнить изоляцию и отделку внутри и на самой крыше.

— Я не пойду, — заявил один рабочий из треста “Химэнергозащита”, — Не пойду. У меня жена. Я еще детей хочу.

Имел право. Его никто не осуждал. Но он оказался в одиночестве. Руководил многими работами главный инженер Трипольского управления А.А. Науменко — мягкий, добрый человек и вместе с тем серьезный, вдумчивый руководитель; прорабом был А.Я. Гребенюк — тоже обаятельный мужчина. Его лицо часто освещала улыбка, золотые зубы подчеркивали это сияние. Но никакой драгоценный металл не смог бы имитировать искрящее остроумие и некий внутренний свет.

В обычных условиях ХОЯТ особых загадок не загадывал. При его сооружении нужны в основном точность, тщательность, аккуратность. Подобную работу, включая пусконаладочные операции, выполняют за полгода. Но теперь без него оказывался немислимым пуск первого и второго энергоблоков, назначенный на сентябрь-октябрь 1986 г.

Технологически самым сложным, продолжительным по времени и радиационно-опасным был монтаж металлических элементов. Командовал этими работами с 25 июля по 30 августа 1986 г. сам главный инженер ЮТЭМа А.И. Заяц.

С особым блеском здесь проявили себя работники подразделения, которое в глазах непосвященных часто оказывается как бы в тени — производственного объединения “Химэнергозащита”. Обычно “Химэнергозащита” выполняет теплоизоляционные, антикоррозионные и другие подобные работы.

— Как и все в зоне, наши люди 27 апреля грузили песок и свинец на вертолеты, с 18 мая приступили к сооружению ПУСО, в июне работали на ХОЯТе, а с июля — внутри АЭС. Выполняли отделку стены в машзале между первым и вторым энергоблоками, затем участвовали в дезактивации и восстановлении всех трех энергоблоков, — рассказывает начальник участка “Химэнергозащиты” В.А. Вязовой. — Как и все, ничего особенного...

— Как и все. Виктор Алексеевич не эвакуировался из Припяти. Вскоре неподалеку, в Полесском, он организовал базу для своего управления. Там и жили. Люди работали по вахтам. А начальник до августа трудился безвыездно без единого выходного. Потом полечился и снова вернулся в зону. — Это мнение начальника вахты объединения Н.В. Мишуленко.

Эти люди еще приводили в порядок пожарное депо и дизельные подстанции, комбинат специальных строительных конструкций, словом, возвращали своей станции мирный облик, а это само по себе что-нибудь да значит.

Но в ХОЯТе было не до красоты. Здесь рабочие объединения облицовывали помещение полиизоэтиленом — плотной и толстой пленкой, вроде резины. Она упруга и непослушна. Зато великолепно защищает от излучения. Этот капризный материал тщательно накладывали изнутри и снаружи, чтобы он не пропускал изнутри радиацию, а снаружи — дождь и снег. Работа небывшая, тщательная. Торопиться с ней нельзя. И бригадиры В. Долгоспинный и В. Пустовит вместе со своими рабочими забывали (если это возможно!) о наружном фоне. С улыбкой и шуткой они, как обычно, аккуратно делали свое дело.

До аварии отделочных участков в Управлении строительства ЧАЭС было четыре. Сразу после аварии 50 человек не захотели уехать, к ним добавлялись новые и новые рабочие, и постепенно коллектив отделочников утроился. Собственно говоря, многим уехать просто приказали — это были молодые женщины, отличные работницы. Им в зоне работать запретили. Оставили тех, чей возраст перевалил за сорок. Особенно не хотела уходить молодежь, незамужние девушки. Всему коллективу жаль было с ними расставаться: на глазах выросли, хорошо работали. Но ничего не поделаешь. У них — вся жизнь впереди, им еще детей рожать.

Немало хороших людей связали свою жизнь с этим объединением. Вот, например, бригадир плотников Н.Н. Прихотько. Ему около тридцати. Пришел он на стройку году в восьмидесятом выпускником профтехучилища и как-то сразу стал примером во всем. Однажды, готовя к открытию новую поликлинику, он со своим звеном из четырех человек за пять дней настелил три тысячи квадратных метров полов, втрое ускорив темпы против нормы. И позднее, уже в новом городе энергетиков Славутиче от такого темпа не отказался.

С первого колышка начальник участка отделочников А.Г. Лоза начал строить ЧАЭС. Сдал первый энергоблок, потом перешел в соцкультбыт, да так и остался верен этому профилю. Он строил в Припяти больницу, кинотеатры, Дом культуры, школы. Рассказывает об этом — и слеза показывается между веками. Анатолий Григорьевич моргает, видно, старается упрятать ее обратно в глаз.

Работали на ХОЯТе и САЭМовцы (из объединения “Спецатомэнергомонтаж”). До “войны” они монтировали свою часть реакторных отделений всех четырех энергоблоков ЧАЭС.

— За ХОЯТ и другие объекты орденом Красного Знамени награжден бригадир В.С. Черевик, медалью Б.Е. Вельский. Они работали поочередно, сменяя друг друга, и многие считают, что Вельский даже больше достоин ордена. Но кто же это измерит? Оба — технически грамотные и вообще уважаемые всеми люди, — рассказывает И.Ф. Уманский, председатель профкома САЭМ, прежде многие годы работавший бригадиром и награжденный Орденом Трудовой Славы III степени до аварии за пуск IV энергоблока.

Степенного, внимательного к людям Вельского уже 21 июня 1987 года избрали депутатом Славутичского горсовета — города еще не было, но строители-то в общежитиях уже жили и город этот строили. А всего за Чернобыль 1986-1987 г.г. Управление получило 18 правительственных наград, притом начальник А.И. Костырко

— Орден Дружбы народов. Орден Трудовой Славы у бригадира электросварщиков Е.П. Уродова. В его бригаде работают и лучшие сварщики А. Данилков и П. Силко.

И САЭМовцы, как многие, начинали с трубопроводов и бетонных заводов, работали на ПУСО, Зеленом Мысе, на стенке в основании будущего Саркофага, разделяли третий и четвертой блоки. Летом 86-го жили на базе киностудии им. Довженко. А через год сооружали г. Слаутич.

...ХОЯТ достроили раньше даже чрезвычайного послеаварийного правительственного срока. В это Хранилище выгрузили выгоревшие топливные сборки из первого, второго и третьего реакторов.

ПАВОДОК

Удивительную зиму пережил Чернобыль в 1986-1987 г.г. В январе ударили редчайшие для этих краев морозы: в конце месяца почти неделю термометр показывал —35. От неожиданности даже чуть не заморозили город Чернобыль и пришлось форсировать работы по сооружению новой котельной с новыми теплотрассами. Но в целом зима, тем не менее, выдалась спокойной — без больших оттепелей. Обильные снегопады укрыли землю толстым ковром. В Чернобыле наступала уникальная для сельской местности ситуация, когда все мечтали о малом количестве снега на полях — ведь он определял масштабы весеннего половодья. От характера грядущей весны зависело и количество радиоактивной “грязи” в реках Припяти и Днестре.

Поэтому весеннего половодья 1987 года ждали со страхом и неуверенностью — а ну как смоят тающие снега “грязь” с полей и лесов, да понесут ее разом в реки, ручьи да озера! Как жить тогда будем? Какой рыбка-то станет? Можно ли будет ловить судака, леща да окуня? А для питья где воду взять? Много ведь ее надо. Никакие очистные сооружения с такой задачей не справятся.

Однако радиоактивность Днепровского каскада изменилась незначительно: к весне цезия и стронция в каждом литре Киевского и Кременчугского водохранилищ набиралось примерно поровну ($0,1-0,4 \times 10^{-11}$ Кюри на литр). Вода в этих водохранилищах течет медленно, лениво. И также медленно и в малых количествах падали на дно взвешенные вещества.

Понятно, что именно ил в водоемах накапливает больше всего радионуклидов. Сильные паводки способны вынести и донные отложения рек далеко на берег. И тогда ил сделает непригодными к использованию плодородные земли.

В зоне люди всю зиму то и дело взглядывали на сугробы да на белые поля: как-то поведет себя этот снег? А в удаленных от центра Украины городах с опаской слушали сводки погоды, не обещают ли резкой оттепели? И хотя синоптики пока не обещали быстрое наступление весны, сообщали о температуре ниже нуля, каждого приезжавшего из Чернобыля спрашивали: “Ну как там, большое половодье будет?” Приезжавшие говорили, что нет, не очень большое. Но им не верили: успокоить, мол, хотят. И снова думалось: поистине, чем дальше, тем страшнее — чем дальше от Чернобыля, тем страшнее рассказы.

Некоторые умники предлагали неводами выловить “на всякий случай” всю рыбу в Припяти и в Днестре — вот так самое благое дело можно довести до абсурда. Этого делать, конечно, никто не стал. Редактор газеты “Правды” по отделу науки В.С. Губарев демонстративно организовал рыбалку на берегу Припяти. Как полагается, рыбы головы и внутренности сжигали и подносили к ним дозиметры. “Хорошая, вкусная была уха”, — смеясь, рассказывал мне Владимир Степанович эту историю. Между прочим, через три года писатель А. Адамович говорил, что рыбу из многих белорусских водоемов есть действительно нельзя.

Повсюду в Украине готовились к паводку. При Киевском облсполкоме заработала паводковая комиссия. Она координировала усилия десятков организаций.

Сначала расчистили водоводы, подходы к мостам. На полях провели мероприятия по снегозадержанию. Сформировали аварийно-спасательные отряды, подготовили мощную технику. Даже ледокол привели на всякий случай.

И взрывники приехали к реке Припять — на случай ледяного затора. К приему большой воды укрепили прежде построенные гидротехнические сооружения и построили новые. В поймах рек Припять, Уж, Желонь, Брагинка и других весну встретили “вооруженными” 135 плотинами и дамбами. Если бы их можно было

вытянуть в одну линию, то получилась бы насыпь длиной более сорока километров. Но и этого показалось мало: рядом с каждым водоохраным сооружением приготовили аварийные запасы песка, щебня, бута в мешках.

Но какая же оборона без разведки, притом наземной и воздушной? “Мы контролируем паводковую обстановку, состояние плотин, — сказал корреспонденту “Литературной газеты” начальник штаба Гражданской обороны СССР, первый заместитель начальника ГО страны генерал-полковник А.И. Безотосов. — Если они вызовут тревогу, то немедленно будет дана команда по радио, и в опасное место направятся аварийно-спасательные отряды и мощная техника. Мы особенно готовились к тому, чтобы максимально предотвратить выход вместе с паводковыми водами радиоактивных частиц из особой зоны. Это сейчас одна из самых главных задач воинов, участвующих в ликвидации последствий аварии, и химиков-разведчиков в особенности”.

Организовали на дамбах круглосуточное дежурство и создали аварийные отряды гидрологов.

Как говорится, от века помогала природа людям, хотя бесцеремонно, а то и просто похамски они с ней обращались. Помогла и на этот раз: еще холодно было, а снег на полях вдруг как бы начал ни с того ни с сего темнеть, сыреть.

Вроде и оттепели настоящей не было — так, солнышко повеселело, а снег на чернобыльских полях стал потихоньку проседать. Да медленно так, спокойно — будто размеренно и с расчетом никому не повредить. В течение довольно длительного времени днем снег понемногу подтаивал, а ночью его вымораживало.

Так вот и стоял, несмотря на метеосводки о “средней по Украине” слегка морозной или нулевой температуре. Поэтому даже в пик паводка уровень воды в районе АЭС был несравнимо ниже, чем предполагался.

В реки новая “грязь” почти не попала, они остались довольно чистыми. Специалисты Комплексной экспедиции Института геохимии АН СССР и Минводхоза Украины снова и снова проверяли концентрацию цезия и стронция в водах Днепра и в его основных притоках, протекающих по территории Белоруссии, и снова и снова убеждались: концентрация значительно ниже допустимой нормами.

Было бы иллюзией думать, будто предпринятые практические меры восприняты и одобрены всеми без исключения. Вероятно, вообще проблем в мире было бы значительно меньше, попробуй каждый из нас на любой более или менее серьезный вопрос давать абсолютно верный и исчерпывающий ответ.

Например, геохимик, член-корреспондент Академии Наук Украины Э.М. Соботович считает сооружение оградительных валов вдоль р. Припяти излишней предосторожностью, поскольку паводок в действительности все-таки оказался не таким уж большим, а если бы он был мощным, то радиоактивная грязь должна была бы, минуя эти валы, направиться не в Припять, а прямо в Киевское водохранилище, по суше. Так ли? Жизнь показала общую незначительную миграцию нуклидов как на поверхности земли, так и вглубь. Однако Эмлен Михайлович — ученый с мировым именем. Возможно, и его утверждения не лишены оснований.

Исследовательское судно Комплексной экспедиции Института геохимии АН СССР “Эколог”, можно сказать, село на гребень паводка в районе г. Мозыря и отправилось к Чернобылю, исследуя пойму р. Припять. Специалисты составили карту радиоактивного загрязнения этой реки и убедились, что лишь от 10 до 25 процентов их своим появлением обязаны этому паводку.

И вот паводок миновал. Говорит начальник штаба Гражданской обороны УССР полковник Ю.П. Колесниченко: “Многочисленные дамбы, фильтрующие перемычки, “ловушки” для задержания илом радионуклидов, другие пиротехнические сооружения

— все это создавали воины инженерных войск и невоенизированные формирования Гражданской обороны. Сегодня можно с уверенностью сказать, что вероятность загрязнения бассейна Днепра радионуклидами в результате весеннего паводка практически исключена. Не попадут они, понятно, и в Черное море. Однако контроль за состоянием воды в бассейне Днепра не снят с повестки дня. Чернобыль уже однажды показал, к чему приводит безответственность”.

В 1988 году Днепровская лаборатория Минводхоза Украины снова изучала обстановку и вышла в Правительственную комиссию с предложением выполнить биологическое закрепление участков поймы, посадив деревья и кустарники. Они должны существенно удерживать вынос радионуклидов с поверхности земли в реку. Проектировалось и укрепление берегов Припяти. За год она способна съесть берег по территории на глубину метров в двадцать, заодно смыв и все то, что на нем лежит. Эту работу предполагалось выполнить в 1989 году.

...Еще в декабре 1986 г. председатель Правительственной комиссии Б.Е. Щербина сказал: “Война” окончилась”.

Борис Евдокимович окинул взглядом зал и повторил: “Я вот часто слышу: “До войны, после войны”. Так вот, “война” кончилась... Никаких авралов, скидок на сложное время не должно быть. Даже неоправданные простои вагонов на железной дороге недопустимы. Работаем планомерно”.

Сказать-то можно, но люди чувствовали, что истинный конец “войны” не наступил... Да и когда это у нас получалось без авралов? Но даже до того “исторического заявления” предстояло сделать еще многое.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие
Взрыв
Повествование о Данко.
"Ты за все в ответе"
Невероятно?
И вот — суд
Чернобыль и мир
Мы готовы отдать свою кровь
Эвакуация
Первые действия
Кто он, неизвестный солдат?
Враг-невидимка
Лично причастен
Кильдюшов
Первопроходцы
Барботер
Плита под фундаментом
Стена в грунте
Гидротехнические сооружения
У подножия четвертого блока
Разделительные стены
Саркофаг
Электрики
Возрождение
ПУСО
ХОЯТ
Паводок

Книга издается в авторской редакции.

ЛР №020242 от 23.10.91 г.

Сдано в набор 13.02.96 г. Подписано в печать 15.04.96 г.

60x84/16. 37 печ. л. 34,41 усл. печ. л.

Бумага офсетная №1. Печать офсетная. Гарнитура Таймс. Тираж 2 000.

Зак. № 4314

Издательское предприятие "ИздАТ"

113105, Москва, Варшавское ш., 3

Отпечатано на Московской типографии №2 "Наука" Москва, Шубинский пер., 6